РЕЙД К ЗВЕЗДАМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Альфред
ВАН ВОГТ

Рейд к звездам
Альфред Ван Вогт

Аннотация
Альфред Ван Вогт. Рейд к звездам. (Сборник)
Жизненная сила
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19

Глава 20
Глава 21
Галактическая война
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23

24
25
Странник
Часть первая. Космический странник
20-й год полета
30-й год полета
63-й год полета
83-й год полета
111-й год полета
Три года спустя
Часть вторая. Законы бесконечности
Эвирайл Хэвит. Земля
Эвирайл Хэвит. «Надежда Человечества»
Эвирайл Хэвит. Земля
Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета
Эвирайл Хэвит. Земля
Эвирайл Хэвит. «Надежда Человечества»
Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета
Эвирайл Хэвит. «Надежда Человечества»
Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета
Эвирайл Хэвит. «Надежда Человечества»
Гроу. Борт звездолета
Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета
Эвирайл Хэвит. «Надежда Человечества»
Гроу. Борт звездолета
Роджер Стрейнжбери. Ворт звездолета

Роджер Стрейнжбери. Посадочный модуль
Гроу. Борт звездолета
Гроу. Борт звездолета
Эвирайл Хэвит. Борт звездолета
Роджер Стрейнжбери. Посадочный модуль
Гроу. Борт звездолета
Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета
Роджер Стрейнжбери. Земля
Роджер Стрейнжбери. Борт зведолета
Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета
Гроу. Борт звездолета
Хэвит. Борт звездолета
Капитан Хэвит. Борт звездолета
Восемь лет спустя
Рейд к звездам
ПРОЛОГ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
Певец звездных трасс
1
2
3
4
5
СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация

Альфред Ван Вогт — один из ведущих авторов эпохи «золотого века» фантастики, писатель, удостоенный звания Великого Мастера Американской ассоциацией писателей-фантастов — и, пожалуй, самый своеобразный и оригинальный из фантастов знаменитого американского «довоенного поколения». Произведения Ван Вогта, в каком бы жанре они ни были написаны — от «космической оперы» до антиутопии и «черной» утопии, — так или иначе объединяет одно: за увлекательностью «крепко сбитого», до предела «взвинченного» приключенческого сюжета здесь скрывается МЫСЛЬ. Мысль — иногда шокирующая, парадоксальная, иногда — иррациональная, почти нелепая, но всегда — ОТТОЧЕННАЯ. «Культ сверхчеловека» здесь превращается в своеобразный «антикульт», а научный прогресс обращается против самого себя, «сумерки богов» носят черты не столько «нового витка эволюции», сколько извечного «конфликта поколений» — но МЫСЛЬ звучит, звенит, как натянутая струна. — и по-прежне-

му будоражит читательское воображение...

Содержание:

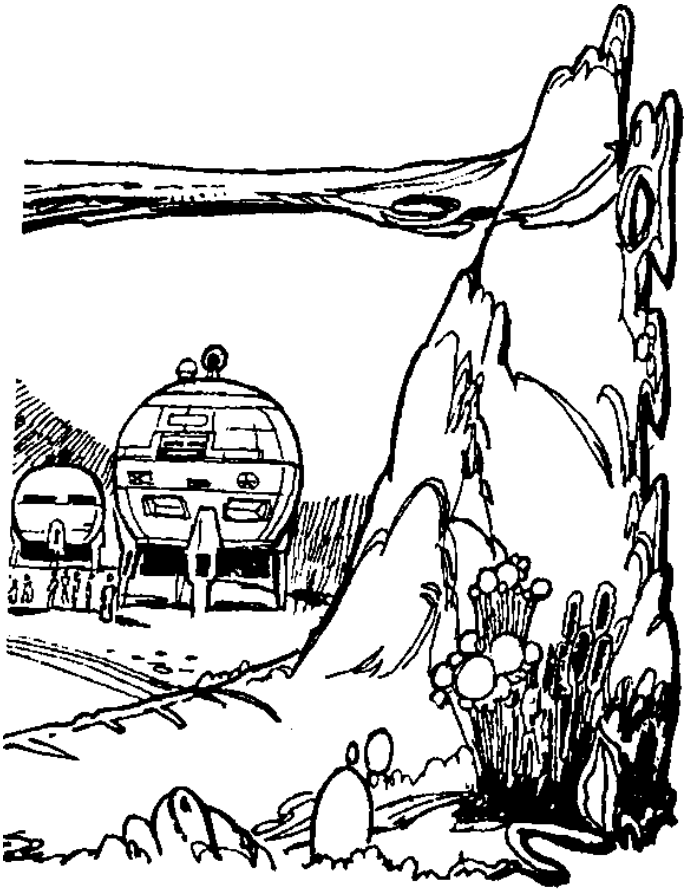
Жизненная сила (повесть),
Галактическая война (роман),
Странник (роман),
Рейд к звёздам (роман),
Александр Лидин. Певец звездных трасс (послесловие).

Альфред Ван Вогт. Рейд к звездам. (Сборник)

Серийное оформление А. Кудрявцева
В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского

Ван Вогт А.
В17 Рейд к звездам: Фантаст, романы; Пер. с англ. / А. Ван Вогт. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 592 с. — (Классика мировой фантастики).
ISBN 5 17–004178–0.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
© Перевод. Т. Алексеенко, 2001
© Перевод. Л. Смирнов, 2001
© Перевод. Л. Соловьева, 2001
© Перевод. Е. Монахова, 2001
ISBN 5–17–004178–0
© ООО «Издательство АСТ». 2001



Жизненная сила

Глава 1

Длинные извилистые коридоры корабля напоминали артерии огромного существа. Из вмонтированных в потолок полусфер лился яркий свет. Прозрачные стены создавали обманчивое впечатление глубины. Внутри клубился переливающийся зеленый туман. Иногда сквозь него просвечивали далекие звезды...

Раскрылись массивные створки люка, похожего на распустившийся цветок.

На мягкое, напоминающее мох покрытие ступил капитан Джил. Он несколько секунд в раздумье глядел на пульсацию заточенного в стены тумана. На его лбу пролегли глубокие морщины, выдающие огромное внутреннее напряжение.

Капитан разведывательного корабля дригов пребывал не в лучшем настроении. Дни проходили за днями, складываясь в долгие месяцы и годы. Время на борту корабля превратилось в тягучую череду привычных событий и забот. Джил смертельно устал от одиночества. С каждым парсеком капитана все больше и больше одолевало желание зайти в криогенный отсек и вернуть к жизни Мерлу...

Наконец черты его лица разгладились. Уголки губ едва заметно дрогнули. Джил приблизился к криоотсеку. Двигался он энергично и в то же время грациозно.

Капитан нерешительно замер у люка. За моноатомной броней покоились цилиндрические капсулы, заботливо укутанные силовыми полями. Почти все были пусты... И лишь одна охраняла сон Мерлы.

Рука Джила нерешительно замерла у кнопки открытия люка.

«Если сейчас вытащу Мерлу из капсулы, то все начнется вновь. Она опять станет поджидать удобный для нападения момент, — капитан инстинктивно поправил кобуру с дезинтегратором. — Но если потянуть еще пару дней, Мерла навсегда останется в царстве снов... Что же делать?»

Джил провел ладонью по небритому подбородку. Мысли путались. Впервые за долгие годы он колебался...

Капитан вспомнил события давно минувших дней...

Ярко-красный песок осыпался под ногами. Солнце палило немилосердно. Он все еще не отошел после боя с кланом ваев. Обоженные руки покрывали запекшаяся кровь и грязь. Дезинте-

гратор все еще не остыл после яростной схватки. Из ствола тянулась тонкая струйка дыма.

Джил был очень горд. Он и его сверстники из группы курсантов выдержали испытательный бой. Теперь они стали полноценными дригами. Впереди ждали долгие годы стажировки в глубоком космосе.

Но вот на небольшом, поросшем чахлым кустарником холме забили траурные барабаны. Жрецы в черных одеждах совершали последний обряд у нефритовых гробов с погибшими.

От недоброго предчувствия у Джила защемило сердце. Он медленно, будто во сне поднялся на холм. В одном из гробов лежала Ирия. Лицо его возлюбленной навсегда застыло, превратившись в погребальную маску.

Джил рухнул на колени. В скованной тоской груди замерло дыхание.

«Как такое могло случится? Почему жизнь так несправедлива?»

Они были молоды. Слишком молоды, если учесть, что дриги живут тысячи лет. Им казалось, что все еще впереди. Ирия вступила в разведывательный корпус. Ее отобрали среди сотен претендентов. Она очень гордилась этим. Джил навсегда запомнил, как загорелись ее глаза,

когда она впервые надела темно-синюю форму разведчика.

Джил вытащил из кармана гранатовое ожерелье. Он хотел подарить его своей возлюбленной на праздник Дождя. После этого они бы стали мужем и женой...

У подножия холма опустился десантный корабль. Курсанты собрались у трапа. Донеслись радостные крики. Они выдержали испытание. Впереди ждала ночь торжества на орбитальной станции.

Джил тяжело поднялся. Он поцеловал холодный лоб Ирии. Прикосновение к возлюбленной разбудило поток воспоминаний. Перед глазами промелькнули все их встречи, беседы, объятия...

Пронзительно завыли сирены. Корабль готовился к старту.

Джил положил на грудь Ирии ожерелье. Кроваво-красные гранаты рассыпались по савану. Он не почувствовал, как от волнения разорвал цепочку.

Не оборачиваясь, Джил сбежал с холма и исчез внутри корабля...

Капитан опомнился. Давно он не вспоминал об Ирии. Сердце сжалось от по-прежнему острой боли утраты.

Джил больше не колебался. Он решительно вдавил кнопку.

Люк бесшумно распахнулся. В криогенном отсеке царил обычный полумрак. На небольшом пульте неспешно перемигивались контрольные индикаторы.

Капитан вошел внутрь. Пальцы уверенно опустились на клавиатуру компьютера. Вспыхнули овальные экраны. Они отразили состояние здоровья Мерлы. Ее организм был сильно истощен. Показатели биоритмов упали до состояния более глубокого, чем сон. Мерла постепенно подходила к черте, за которой ее ждал лишь холод смерти.

Внутри криокапсулы зажглось освещение. Джил долго разглядывал лицо женщины, казавшееся скорее произведением скульптора, чем творением природы. Мерла сильно исхудала. По подушке рассыпались черные вьющиеся волосы. Их цвет резко контрастировал с бледной кожей. Под глазами залегли глубокие тени. Тонкие руки с длинными пальцами были сложены на груди.

Прозвучал переливающийся музыкальный аккорд, возвещавший о начале процесса оживления. Окружающее капсулу поле поблекло. Она опустилась в небольшое углубление в полу.

Джил отступил на шаг. Его взгляд по-прежнему

был прикован к прекрасному лицу. Капитану казалось, что в капсуле лежит Ирия. На миг ему даже почудился блеск рассыпавшихся гранатов...

В этот момент никто бы не узнал в нем безжалостного закаленного воина, встреча с которым зачастую оказывалась для врага роковой. В его глазах появилось сострадание. Да, именно это чувство, свойственное лишь немногим из его воинственной расы. Сострадание долгие годы таилось в закрытых от посторонних глаз уголках одинокой души Джила. Оно выплескивалось наружу лишь тогда, когда никто не мог увидеть слабость капитана.

Внутри капсулы заклубился розовый туман. Он на несколько минут скрыл силуэт Мерлы. Джил вытащил из кармана кителя упаковку с легким наркотиком и закурил, глядя, как мониторы фиксируют стадии пробуждения Мерлы.

Вскоре насосы втянули розовую пелену. Прозвучал новый аккорд. Он был намного громче предыдущего. Открылась створка капсулы. Донеслось слабое шипение сжатого воздуха.

Джил сел на край ложа. Мерла все еще оставалась недвижима. Капитан раздавил окурок ботинком и склонился над ней. Он с трудом подавил желание прикоснуться к вьющимся кудрям.

Они так сильно напоминали волосы погибшей возлюбленной, что если закрыть глаза и протянуть руку — можно представить...

Уголки его рта дрогнули. Глаза жестоко сузились. Джил ощутил тяжесть презрения к самому себе. Неужто он станет чувственной тряпкой?! Да никогда!

— Пора вставать! — капитан грубо встряхнул Мерлу за плечо. — Мы внутри планетарной системы. Пришло время искать жизнь. И кровь...

Джил запнулся. Он встретился взглядом с бездонной синевой широко открытых глаз. В них читались настороженность и злоба, как у хищной кошки с Плеяд. Лицо Мерлы приняло враждебное выражение, мгновенно лишившись подаренной сном привлекательности.

«Какое все-таки обманчивое впечатление может создать женская красота!» — невольно подумал капитан.

— В этой системе есть жизнь?— Мерла слегка пошевелилась, пристально разглядывая отсек.

— Я не успел просканировать планеты, — холодно ответил Джил. — Но здешняя звезда дает достаточно тепла, и их орбиты оптимально расположены для возникновения...

— Зачем ты меня усыпил? — безразлично

перебила Мерла. Она не спеша поднялась и потянулась всем телом, став еще больше похожей на дикую кошку. Чертовски привлекательную и смертельно опасную.

— Ты, как всегда, сгущаешь краски.

— А ты все не меняешься. По-прежнему такой же замкнутый и неприступный... — женщина провела кончиками пальцев по блестящим пуговицам на кителе Джила. — Да... Не ожидала от тебя такого. Подсыпать снотворное в еду, а потом засунуть меня в криокапсулу — это уж слишком! Даже жалкие ваи делятся друг с другом жизненными силами.

Капитан упрямо склонил голову:

— Хватит трепаться! Не то снова ляжешь в капсулу!

Мерла прошлась по отсеку, разминая затекшие во время сна мышцы. Ее походка была обманчиво легкой и непринужденной. Но Джил прекрасно понимал, каких трудов стоило сдерживать нахлынувшие после анабиоза слабость и головокружение.

Мерле не сбить его с толку. Он провел с ней достаточно времени, чтобы заранее предугадать ход ее мыслей. Хотя лицо женщины было непринужденно и расслаблено. Дыхание медленно. На

губах блуждала слабая улыбка. Но капитан знал — изнутри Мерлу гложет непоборимый голод. В такие моменты Мерла способна на все на свете. С первых же секунд после сна ее голову наполняли разнообразные планы захвата корабля.

— Ну напугал! — женщина победно улыбнулась. — Если бы я была не нужна, то до сих пор бы валялась в капсуле.

— Может, так было бы лучше... — Джил вышел в коридор, буквально кожей спины ощущая голодный взгляд Мерлы. Она не отставала ни на шаг.

Но гордость не позволяла обернуться. Ведь Мерла моментально почует слабину. А это нельзя допустить ни в коем случае. Таких, как она, следует держать на расстоянии, иначе...

Джил распахнул люк, ведущий в рубку управления. Капитан остановился у огромного панорамного экрана. Посреди россыпей звезд пылало местное Солнце. Виднелись миниатюрные сферы планет. Рядом с каждой мерцал набор физических параметров, расшифрованных компьютером.

— Исследование планетарных характеристик завершено, — прогремел безжизненный голос Тербера — центрального компьютера корабля.

— Выведи итоговый отчет, — приказал капитан.

На мониторах высветилась таблица со сводками природных условий.

— По моим расчетам, на третьей планете есть жизнь.

Увеличилось изображение голубой планеты. Она была очень красива. Освещенная солнечным светом сторона резко выделялась во тьме космоса. Сквозь разрывы облаков виднелись материки и океаны.

Вокруг нее вращался единственный спутник — покрытый метеоритными кратерами безжизненный кусок камня.

Джил вспомнил родную планету, покрытую враждебными джунглями и знойными пустынями. Дригам приходилось постоянно отвоевывать место под солнцем у враждебной природы.

А здесь все было устроено для развития жизни. Эта планета была первозданной колыбелью и походила на любящую мать...

— Откуда пришел сигнал Наблюдателя? — спросил капитан, подавив всколыхнувшуюся в душе зависть.

— Здесь есть Наблюдатель?! — удивленно вскрикнула Мерла, но Джил проигнорировал ее вопрос.

— С поверхности этой планеты, — ответил

Тербер.

Капитан задумчиво разглядывал сияние атмосферы: «Неужели в этом раю скрывается шпион галактов?» Его рука помимо воли легла на кобуру дезинтегратора.

— Что он здесь делает? — не унималась Мерла.

— А ты разве не понимаешь? Поджидает нас, дригов, и подобных нам солдат удачи! — Джил схватил ее за плечо. — Думала все будет просто? Прилетим, заберем кровь, под завязку наполним аккумуляторы и домой?! Нет, милая! Придется нарушить галактический закон!

— Отпусти! — во взгляде Мерлы мелькнул испуг.

«Уже начинается... — догадался Джил, видя, как дрожат ее руки. — Еще немного и жажда крови переполнит ее. А тогда возьму ее под прицел... Но, надеюсь, к тому времени мы уже будем на третьей планете».

Джил отошел к панорамному экрану, задумчиво глядя вдаль:

— Что показывает планетарный сканер?

— Планета густо заселена, — после некоторой паузы ответил Тербер. — В реестрах она числится под именем «Земля». Галакты колонизировали ее примерно двадцать тысяч лет назад. Была

проведена стандартная процедура. В данный момент цивилизация достигла третьей стадии развития. Около ста лет назад земляне вышли в космос, но их технический уровень по-прежнему довольно низок...

— Достаточно! — перебил его Джил и с торжеством взглянул на Мерлу. — Всего лишь третий уровень!

— Я просто не верю... — женщина устало прислонилась к стене. Пульсация изумрудного тумана в переборке усилилась, мгновенно отреагировав на прикосновение ее тела. — Нам все-таки повезло.

— Глупо упустить такой шанс! — горячо воскликнул Джил. — Я намерен вызвать разведывательный флот дригов!

— А как же Наблюдатель? Его ты учел?

— К черту Наблюдателя! Если нам не удастся набрать несколько танкеров горячей крови и зарядить огромную батарею жизненной энергии, то наша раса больше не заслуживает гордого имени дригов!!!

Джил склонился над приборной панелью и торопливо ввел тайный код. Такая комбинация использовалась лишь в экстренных случаях. Прямая связь без использования ретрансляционных

спутников требовала огромных энергетических затрат.

На консоли зажглись зеленые индикаторы. Передатчик настроился на частоту родной планеты.

Джил понимал, что после сеанса связи у них почти не останется энергии. Они не смогут покинуть эту планету. Останется надеяться лишь на прилет разведывательных кораблей. Капитан заведомо шел на риск. Он ни за что не хотел упустил такой шанс.

Но Джил не учел одного — Мерла тоже это прекрасно понимала. У нее были несколько другие планы...

Краем глаза капитан заметил метнувшуюся тень. Он постарался увернуться. Но было слишком поздно. Его движение лишь слегка смягчило молниеносный выпад Мерлы. Встретились не их губы, а щеки.

От лица Джила к лицу женщины переметнулся фиолетовый всплеск энергии, похожий на небольшую молнию. В воздухе запахло озоном.

Мерла вскрикнула от жгучей боли. Ее тело получило жизненную силу не обычным путем через губы, а впитало ее как губка сквозь поры лица. Кожа на щеке обуглилась, обнажив крас-

ную сетку капилляров.

Джил чудом удержался на ногах. Он ошарашенно смотрел на скривившуюся от боли Мерлу.

Спустя секунду его кулак беспощадно обрушился на ее скулу. Женщина упала на пол и тихо застонала.

— Тварь!!! — неистово взревел Джил, выхватывая дезинтегратор. Капитан с трудом подавил желание разрядить его промеж лихорадочно горящих глаз женщины. — Еще раз попытаешься отнять мою энергию — пристрелю!!!

Мерла злобно рассмеялась и с трудом поднялась на колени:

— Не пристрелишь, чертов лжец! Только я могу изучить язык землян и обучить тебя. Без меня ты не нагребешь свежей крови в свои ржавые консервные банки!!!

— А кто посадит корабль? — голос Джила начал слабеть, сказывался недостаток энергии. — Ты, что ли? Хочешь, чтобы я вырубился от истощения и мы грохнулись на Землю?

— Ничего! Справишься! Впредь будешь знать, как прятать от меня энергию!!! Компаньон чертов!

— Мы никогда не были компаньонами, — отвернулся Джил. — Мы лишь терпели друг друга

и все.

Мерла зло фыркнула.

— Тербер! — Джил устало опустился в кресло. Тело постепенно наливалось свинцом. В ушах громко звенело.

— Да, капитан?

— Курс на Землю, — прерывистым голосом скомандовал капитан. — Открыть посадочные консоли.

Пульт управления изменился. Конфигурации приборов приняли другие очертания. Исчезли панели гиперпривода и звездной навигации. Остались лишь посадочные системы.

— Принеси энергетический коктейль, — сказал Джил, даже не взглянув на Мерлу.

— Тебе вряд ли поможет искусственная кровь...

— Делай, что говорю!!! — сорвался капитан. В его зрачках вспыхнули слабые багряные огоньки.

Мерла покинула рубку. Джил принялся вводить координаты траектории посадки.

Корабль на полной скорости приближался к Земле.

Глава 2

Джил с трудом приоткрыл отяжелевшие веки. Он попытался вспомнить, успел ли посадить корабль или они все еще на орбите.

«Неужели я потерял сознание прямо в рубке? — удивился Джил. — Видно Мерла сделала хороший глоток, раз я отрубился в пилотском кресле».

Капитан медленно встал с койки, совершенно не помня, как на ней очутился. Каждое движение вызывало боль во всем теле. Пальцы едва слушались. Кожа покрылась темными пятнами.

Джил, еле переставляя ставшие ватными ноги, вышел в коридор. Он шел шатаясь из стороны в сторону. Капитан изо всех сил отталкивался руками от изумрудных стен. Там, где к ним прикасались ладони, туман закручивался в спирали.

«Сколько же времени я провел без сознания?! — безуспешно вопрошал себя Джил. — Если Мерла ввела снотворное, тогда все потеряно. Скорей всего эта стерва уже нацедила крови и энергии, а теперь летит повыгодней продать добычу..

Капитан зло ударил по кнопке люка, ведущего в рубку управления. Сервопривод не работал. Механизм заблокировали изнутри. Джил отчаянно

схватился за кобуру. Дезинтегратора не было.

— Открой!!! — не помня себя от ярости, заорал капитан, в неистовстве колотя по металлу люка. — Или, клянусь, чертова кукла, ты не выберешься оттуда живой!!!

Люк распахнулся, едва не задев створками Джила. На пороге стояла Мерла. Женщину освещал лишь тусклый свет приборов. Ее глаза светились неприкрытой иронией. Женщина была довольна — она утолила голод и теперь спокойно могла протянуть до посадки.

— Ты мне угрожаешь? — усмехнулась Мерла, наводя дезинтегратор.

В этот момент ведомый Тербером корабль изменил курс. На панорамном экране появился отсвечивающий синевой край третьей планеты.

Джил обессиленно прислонился к стене:

«Все в порядке... Мы еще на орбите Земли».

— Мерла, давай договоримся...

— Ха! — перебила его женщина. — Раз у меня излучатель, так сразу и договориться решил?

— Не будь глупой. Если ты поможешь мне, то обеспечишь себя на всю жизнь.

Мерла недоверчиво подняла бровь, но промолчала.

— Я свяжусь с нашим флотом и...

— Нет! Если понадобится, пошлешь вызов с поверхности.

Капитан доплелся до пульта управления и рухнул в пилотское кресло. Голова невыносимо болела. Свинцовые веки опускались сами собой.

— Тербер, мы вошли в посадочный коридор? — голос Джила слабел с каждой минутой.

— Да, капитан. Следуя вашим расчетам, я скорректировал курс. Мы делаем второй виток. Я сканирую поверхность на наличие места для посадки.

— Результаты?

— Рекомендую приземлиться в районе морского побережья. Там мы сведем к минимуму риск быть замеченными.

Корабль оказался на темной стороне планеты. На дисплее высветились подробные карты местности, над которой они пролетали. По экрану пробегали колонки цифр. Разноцветные шкалы показывали данные сканнеров.

— Выбери район с максимальной густотой населения и проведи корректировку курса.

— Слушаюсь, капитан.

— Включить защитные экраны!

— Включаю.

Вспыхнула лиловая пелена силового поля,

делающая корабль невидимым. Сквозь нее не просачивалась даже энергия гиперпривода.

Корабль вошел в плотные слои атмосферы. Под действием высокой температуры затрещала наружная обшивка. Панорамный экран закрыла пелена бушующего пламени. Локационные мониторы заполнили помехи.

Мерла опустилась в антиперегрузочное кресло.

«Сейчас самое время напасть на нее», — напряженно размышлял Джил, вспоминая бесчисленные совместные посадки. Мерла каждый раз неподвижно сидела не в силах оторвать взгляд от высотомера.

Курсанты рассказывали, что она в детстве пережила аварию. Мерла была на пассажирском лайнере, который разбился при неудачной посадке. Ее родители в последний момент успели надеть на дочь парашют. Они выбросили ее через люк катапульты. Опускаясь вниз, Мерла видела, как корабль разбился о скалы...

На мгновение исчезли защитные экраны. Панели приборов вспыхнули тревожными огнями.

— Сбой в системе подачи энергии! — прокомментировал Тербер. — Задействованы все резервы.

Джил попытался встать. От усталости закружилась голова. Он едва смог пошевелить отяжелевшей рукой.

Капитан зло прищурил глаза, коря себя за беспомощность. Он взглянул на побелевшую от страха Мерлу. Ее тонкие руки мертвой хваткой вцепились в подлокотники.

Стихло шипение за бором. Корабль замер над темной поверхностью океана. Посадочные двигатели вспенили волны.

— Приступаю к погружению, — прокомментировал Тербер.

Корабль опустился в океан. Раздалось приглушенное шипение. Вода остудила раскаленный корпус. На обзорный экран накатили волны.

Тербер опустил корабль на дно. Рядом пронеслась стайка мелких рыб. Их чешуя заблестела в свете прожекторов.

Щелкнули крепления ремней. Джил с трудом повернул голову. К нему подошла Мерла.

— Пора на охоту, — произнесла женщина.

— Оставь дезинтегратор, — Джил непослушными пальцами отстегнул ремни. — Наблюдатель сможет засечь всплески его энергии.

— Я больше опасаюсь тебя, чем Наблюдателя, — Мерла вытащила из рукояти плазменный

вкладыш и швырнула дезинтегратор на приборную консоль. — Не забывай — у меня остался ритуальный стилет.

— Только о нем и думаю, — иронично ухмыльнулся Джил, выключая энергетическую установку. Пульт управления свернулся в шар и исчез в полу. — Лучше помоги мне встать.

Мерла обхватила капитана за плечи. Дриги с трудом дошли до шлюзового отсека. Женщина открыла створки стенного шкафа. Тускло блеснул металл скафандров. Мерла помогла Джилу протиснуться в скафандр. Его тело стало почти безжизненным. Движения были вялыми. Руки мелко дрожали.

Капитан тяжело дыша прислонился к стене. Он смотрел, как облачается Мерла.

Женщина надела шлем и открыла небольшой люк, ведущий в переходную камеру. Дриги зашли внутрь шлюза.

Из отверстий в стенах хлынула вода. Джил покачнулся, скользя металлическими ботинками по мокрому полу. Его глаза устало закрылись...

Из стен вырвался туман. Он окрасил воду в сверкающий зеленый цвет. На стенах шлюзовой камеры заплясали яркие блики. Капитан удивленно огляделся по сторонам. Он остался

совершенно один. Мерла исчезла.

Из воды начали подниматься сверкающие пузыри. Они взлетали до потолка и с треском лопались. Их грохот бил по ушам. Джил скривился от боли и рухнул на колени, подняв брызги.

Один из пузырей неподвижно замер над водой. Капитан заметил свое отражение на его сверкающем боку. Его лицо за стеклом шлема исказилось от ужаса.

Пузырь начал сжиматься. По гладкой поверхности зазмеились трещины. Из них хлынула кровь. Алые капли окрасили воду, потекли по стенам, забрызгали шлем. Капитан провел по стеклу руками, оставляя красные разводы...

Джил встряхнул головой, отгоняя наваждение. Он по-прежнему стоял в шлюзовой камере. Мерла следила за показаниями приборов на небольшой контрольной панели.

«Начались галлюцинации... Мои дела совсем плохи...», — отрешенно подумал капитан.

Вода покрыла шлемы. Распахнулись створки внешнего люка. Мерла вышла наружу, таща Джила за собой. Ботинки капитана запутались в водорослях. Он споткнулся и завалился вперед. Женщина крепко обхватила его за талию. Она включила систему двигателей, вмонтированную

в заплечные ранцы. Из небольших дюз ударили реактивные струи. Дриги стремительно помчались наверх.

Капитан запрокинул голову. Поверхность океана быстро приближалась. Еще мгновение — и их шлемы вынырнули из воды. По стеклам потекли крупные капли. Джил слабо улыбнулся, заметив низко пролетевшую птицу. Вокруг кипела жизнь. Значит, недостатка в крови и жизненной энергии не будет.

Луна только что взошла. На водной глади сверкала серебряная дорожка. Загадочно перемигивались далекие звезды.

— Взгляни! — Мерла показала на россыпь огней, заполнившую берег. — Это же город!

Огни завертелись перед глазами Джила, превратившись в расплывчатые пятна. Голова капитана безвольно склонилась набок. Из груди вырывалось хриплое дыхание.

— Держись! — встряхнула его Мерла. — Еще немного.

Джил слабо кивнул. Мерла вновь включила двигатели. Дриги заскользили по волнам. Капитан закрыл глаза, слушая шум бьющейся о шлем воды.

Вскоре его скафандр коснулся песка. Мерла вы-

шла на берег и сняла шлем. Она полной грудью вдохнула свежий морской воздух.

Джил тяжело перевернулся на спину. Его мысли путались. В голове царил сумбур.

Мерла помогла ему снять скафандр. Капитан почувствовал себя немного лучше. Он расслабленно раскинул руки, чувствуя под собой мягкий песок, сохранивший дневное тепло.

Мерла настороженно замерла. Она каждой клеточкой своего тела ощущала кипевшую повсюду жизнь. Манящие запахи витали в воздухе.

Дриги оставили скафандры прямо на берегу. Они решили, что намного важнее найти так необходимую им сейчас энергию, чем пытаться скрыть свои следы.

Джил слегка взбодрился. Близость добычи вселяла надежду.

Дриги вошли в небольшой полутемный переулок. Мерла напряженно вцепилась в локоть капитана. Джил ухватился за деревянный забор, стараясь удержаться на подгибающихся ногах. Мерла затащила его в разросшиеся кусты. Капитан обессиленно опустился на колени.

— Тише... — голос женщины срывался от напряжения. — Подождем здесь.

— Если бы твои мозги не спеклись от радиа-

ции, то мы бы сейчас спокойно добыли энергию, — зло процедил Джил. — А так я больше труп, чем живой.

Мерла склонилась к его уху и торопливо прошептала:

— Я была на грани. Если бы ты поделился энергий добровольно — я бы не забрала так много... Но ты предпочтешь меня убить, чем помочь жизненной силой.

Капитан промолчал. Он подумал, что за свою долгую жизнь привык сохранять остаток жизненной энергии любой ценой...

Джил мысленно перенесся на три века назад.

Звено истребителей возвращалось на орбитальную колонию. Огромной станции крепко досталось после нападения штурмовиков ваев. Тут и там зияли огромные дыры. Верхние палубы превратились в нагромождение оплавленных обломков.

Джил загнал истребитель в поврежденный ангар. Он, не снимая скафандра, понесся по обгорелым коридорам. Джил искал свою сестру. Лия работала в гидропонной оранжерее.

Лишь спустя два часа он нашел ее обгоревший труп у батареи зенитных излучателей. Лия сменила убитого стрелка и сражалась до последнего.

Джил бросился к сестре. Он целовал мертвые губы, отдавая всю свою энергию без остатка. Потоки силы вливались в неподвижное тело. Но все было напрасно. Смерть вступила в свои права.

Если бы его не оттащили солдаты, Джил так бы и погиб от истощения...

Голос Мерлы вернул капитана к реальности:

— Есть хотя бы один шанс, что Наблюдатель не засек наш спуск?

— Думаю, мы хорошенько засветились, — Джил отрицательно покачал головой. — Скорей всего он уже сообщил о нашем прибытии галактам. Так что придется все время быть начеку... И твой страшный стилет тут вряд ли поможет, — ухмыльнулся капитан.

— Пытаешься испугать меня? — Мерла вскипела от обиды. — Ты же сто раз твердил, что галакты нас не тронут!!!

— Они считают наше существование недостойным внимания, — спокойно пояснил Джил. — Хотя галакты готовы пресечь любое вмешательство в жизнь отсталых цивилизаций. Но не волнуйся. Обычно на захолустные планеты направляют Наблюдателей-неудачников, провинившихся в более престижных уголках вселенной. Будем надеяться, что честолюбие возьмет над ним верх

и он захочет управиться с нами своими силами, не прибегая к помощи галактов...

— Кто-то идет! — взволнованно прошептала Мерла. — Приготовься!

Она помогла капитану встать. Перед глазами Джила заплясали темные круги. Окружающие звуки стали приглушенными, едва слышимыми.

— Джил!!! Послушай меня! — затрясла его Мерла. — Это мужчина и женщина. Там жизнь! Слышишь, ЖИЗНЬ!!!

Капитан выпрямился из последних сил. Огромная сила воли, позволившая ему выбраться из многочисленных переделок, на несколько мгновений вернула прежние силы.

Джил прищурил глаза. Он заметил два силуэта во тьме, прильнувших друг к другу.

Мерла потеряла над собой контроль. Она метнулась вперед. Из ее горла вырвался боевой клич. Капитан бросился следом за ней.

Мужчина заметил их первым. Он загородил собой женщину и угрожающе поднял кулаки. Мерла неслась быстрее молнии. Она ловко кувыркнулась в воздухе. Ее ноги врезались жертве в грудь. Мужчина повалился на асфальт. Мерла оглушила его рукоятью стилета и жадно впилась в губы.

Женщина отчаянно закричала. Она очутилась в крепких объятиях Джила. Капитан прижал к себе ее златокудрую голову и нашел губы. Глаза женщины округлились от страха. Джил пил ее энергию, глядя, как онемевший от боли взор тускнеет с каждым глотком.

Капитан отпустил безжизненное тело, ставшее вялым и легким.

— Трупы оставим здесь, — сказал Джил, утирая губы.

— Почему? Нас же могут выследить! — удивилась Мерла.

— Необычные жертвы привлекут сюда разношерстную публику. Одни захотят найти убийц. Другие будут собирать информацию. А остальные просто захотят поглазеть на диковинные трупы. А нам все это на руку. Возможно, мы даже узнаем, где скрыт форпост Наблюдателя.

— А если клаг окажется не один?

— Нам придется рискнуть, — в голос Джила вернулась прежняя сила. В нем зазвучали стальные нотки. — Перед приходом танкеров необходимо очистить пространство от ищеек галактов.

— У нас будет много работы, — Мерла вложила стилет в ножны.

— Пора обследовать город. Необходимо подыс-

кать место для нашей базы и организовать временное хранилище крови и энергии.

— Нужно выучить язык и раздобыть сведения о Наблюдателе, — добавила Мерла.

— Но это уже твоя забота, — сказал Джил, пристально глядя ей в глаза. — Пока не освоишь местный язык и не обучишь меня, мы будем крайне ограничены в поиске информации.

— Я все сделаю как нужно... Ты помнишь мою просьбу?

— Я исполню ее после того, как мы уничтожим Наблюдателя, — голос Джила стал нежным, что так не вязалось с напряженным блеском его глаз. — Ты получишь все, что желаешь.

Мерла облегченно вздохнула. Она благодарно взглянула ему в глаза:

— Спасибо, Джил. Ты так хорошо меня понимаешь.

Глава 3

За спиной Билла Ли скрипнула дверь. Журналист обернулся.

Санитары вкатили накрытые клеенкой каталки. Тревожный гул голосов затих. Ли затушил сигарету, глядя, как патологоанатом включает операционную лампу. Сверху обрушилось море света. Врач снял покрывала. На каталках лежали два тела — мужское и женское.

Трупы переложили на сверкающие никелем столы.

Мертвецы были похожи, как брат и сестра. Ли внимательно пригляделся к застывшим лицам. Он заметил, что сходство им придают истерзанные губы. В уголках ртов запеклась кровь. Кожа трупов стала бледной, полупрозрачной. В широко раскрытых глазах застыл смертельный испуг.

Билл нерешительно замер, ощущая предательскую дрожь в теле. От трупов даже сейчас исходили почти осязаемые волны страха. Но самое главное — это были первые люди, убитые на североамериканском континенте за последние двенадцать лет.

В наступившей тишине скрипнули ботинки

патологоанатома. Он обошел вокруг стола и включил микрорентгеновскую установку.

Журналисты окружили столы плотным кольцом. Засверкали фотовспышки. Ли кивнул своему оператору, который тут же навел на трупы видеокамеру.

Люди сохраняли дистанцию. Они не решались нарушить невидимую границу, опасаясь притронуться к белоснежному халату патологоанатома. Ведь врач проникал в тайны мертвых. А это не каждому под силу. И вызывало если не страх, то трепетное восхищение.

Врач склонился над лицом женщины. Он провел по ее губам ватным тампоном, вытирая засохшую кровь. Патологоанатом внимательно осмотрел покрасневшую вокруг губ кожу. На мягких тканях появились ожоги. В уголках рта вздулись небольшие волдыри. Патологоанатом ощупал шею. Вокруг коротких надрезов кожа приняла синий оттенок.

Корреспонденты не упускали ни одной детали. Их камеры внимательно следили за уверенными движениями врача.

— Из трупов выкачали всю кровь до последней капли, — задумчиво произнес патологоанатом, глядя на приборы.

— Кровь выкачали из раны на шее? — спросил мэр.

— Да, — не поворачивая головы, подтвердил врач. — Надрезы сделаны клыками.

— Что все это значит? Каково мнение полиции? — спросил один из журналистов, стоящий у изголовья столов. — Убийство произошло более суток назад. Обязательно должно быть что-либо известно.

Патологоанатом не обратил на его слова ни малейшего внимания. Он полностью сосредоточился на трупах.

Тело женщины индукционно подогрели для бальзамирования. При прикосновении оно казалось почти живым. Врач взглянул на экран компьютера. Датчики регистрировали полное отсутствие электрического сопротивления. Патологоанатом проверил контакты на телах трупов. Показания приборов не изменились.

— Что-то не так? — Мэр заметил удивление на лице врача.

— После применения индукционного бальзамирования у трупов наблюдается повышенное электрическое сопротивление. Это вызвано наличием статического электричества в теле покойника. Но в данном случае приборы не фик-

сируют должного сопротивления.

— Что это означает? — спросил Ли.

— Статическое электричество в трупе является признаком остаточной жизненной энергии. Обычно оно покидает мертвое тело в течение месяца. Еще не было ни одного случая, ускорившего выход энергии. Наличие ран и ожогов на губах трупов говорит не только о физическом, но и об энергетическом воздействии неизвестной природы.

— Значит, произошел поцелуй смерти? — удивился Билл. — Неужто такое возможно?

— Я полагал, что насилие искоренено с момента введения виртуальной психологии, основанной на методике профессора Унграна, — заметил мэр.

— Похоже, совершенное двойное убийство выходит за рамки нашего понимания. Либо виноват недочет в школьной программе, либо упущение властей, — сказал патологоанатом. — В любом случае нам придется исследовать все досконально.

— Ну вот и все, господа, — мэр завершил брифинг. — Больше мы ничего не можем сообщить. Возможно, прилет профессора Унграна приоткроет завесу тайны. Его корабль приземлится через

несколько часов. Спасибо за внимание.

Глава 4

Ли вместе с остальными журналистами вышел в коридор. До его слуха донеслись обрывки фраз:

— Поцелуй смерти...

— Капитан одного космического лайнера сделал заявление. Во время выхода на орбиту он видел корабль неизвестной конструкции, окруженный фиолетовым свечением. Через несколько секунд тот исчез. При этом приборы зарегистрировали огромный всплеск энергии...

— Вампиризм! Неужели древние легенды не лгали?

Именно это слово употребил и Ли, когда по видеофону рассказывал о результатах вскрытия своему другу Джиму Брайену.

— О'кэй, Билл, — задумчиво сказал главный редактор «Мегавселенной». В его голосе чувствовалось беспокойство. — Какой ты придерживаешься версии?

— Муж и жена, обычная молодая пара, вышли на вечернюю прогулку. На них кто-то набрасывается. Выкачивает всю кровь до последней капли. Забирает жизненную энергию с помощью... — Ли на мгновение запнулся, подумав о

том, что человечество еще не изобрело подобное оборудование. Да и кому понадобилась чужая жизненная сила?

— Скажем, по силовому кабелю скачивает ее в специальные аккумуляторы, — уточнил Джим. — Читателям это придется по вкусу.

— Не забудь выделить в заметке, что вампир или вампиры все еще на свободе. Пусть все будут начеку. Новое убийство может быть совершено в любом уголке земного шара.

— Первоклассный материал! — похвалил Брайен. — Сегодняшний номер расхватают за милую душу. Между прочим...

— Давай покороче, — перебил Ли, снимая медицинский халат и надевая пиджак. — Я устал и просто валюсь с ног.

— Полчаса назад звонил какой-то парень. Хотел с тобой поговорить.

— Кто он? — Ли нахмурился.

— Зовут Патерсон. На вид лет двадцать. Довольно-таки уверенный и самодовольный.

— Теперь припоминаю, — сказал Билл. — Это всего лишь студент, который хочет взять интервью для электронной газеты своего колледжа. Шустрый малый. Звонил мне сегодня в обед. Прежде чем я понял, что к чему, уговорил меня

отужинать с ним в «Приюте странника».

— Ты пойдешь? — недоверчиво спросил главный редактор.

— Я же пообещал, — тяжело вздохнул Билл.

Его сердце не забилось в предчувствии предстоящей роковой встречи. В голове не зародилось ни малейшего подозрения.

Глава 5

Людские толпы заполнили движущиеся тротуары. Ли перешел на внешнюю, самую скоростную полосу.

Небоскребы выплеснули на улицы первую волну пятичасового прилива. В небе сплошным потоком летели аэротакси. На витринах супермаркетов горели большие экраны, транслирующие рекламные ролики.

Внезапно кто-то ухватил Билла за локоть. Журналист резко обернулся. Он встретился взглядом с парой темных нетерпеливых глаз на смуглом морщинистом лице. Невысокий мужчина махнул перед Ли пачкой исписанных бумаг.

Билл отступил. Он непроизвольно занял оборонительную стойку, привычную еще с занятий боксом в колледже.

— Мистер! — пролепетал незнакомец, тяжело переводя дыхание. — Всего лишь сто долларов! Это бортовой журнал профессора Унграна. В нем есть все о инопланетном корабле. Раскрываются загадки экипажа, состоящего из профессиональных убийц! Разъясняются причины «поцелуя смерти»...

— Отнесите эти бумаги в корпункт «Мегавселенной», — Ли опустил руки. — Джим Брайен заплатит реальную цену этой истории.

Билл отвернулся, полагая, что разговаривать не о чем. Но его руку вновь сжали цепкие пальцы.

— Пошел прочь! — разозлился Ли и ошарашенно замер. Холод страха коснулся груди.

Газеты с подробностями о загадочных убийствах и «поцелуях смерти» поступят в продажу лишь через несколько часов. Даже электронные вестники еще только подготавливаются к рассылке.

— Пожалуйста, не уходите! — воскликнул мужчина.

— На каждом листе стоит голографическая монограмма самого профессора Унграна. Он пишет, что этот корабль сейчас на Земле.

Билл удивленно слушал, прекрасно понимая, что этот человек далеко неспроста повстречал его на запруженной народом улице. Он явно следовал чьим-то указаниям.

— Ну-ка дайте взглянуть на бумаги, — сказал Ли.

Мужчина передал рукопись.

— Скажите, в какую игру вы собираетесь меня втянуть? — произнес журналист, бегло про-

смотрев исписанные наклонным почерком страницы.

— Вы меня неправильно поняли... — пролепетал незнакомец, нервно сжимая в руках небольшой портфель.

— Профессор Унгран прибывает на Землю через три часа, — перебил Ли не терпящим возражений тоном. — Каким образом у вас оказались его бумаги? Как вы собираетесь объяснить полиции столь глубокое знание еще не разглашенных подробностей убийства?

— Что?! — глаза мужчины остекленели. — Какого убийства?

— Живо выкладывайте все как есть! — заметив неподдельный испуг на его лице, Ли сменил тон на более миролюбивый.

— Я работаю уборщиком в небольшом баре. Он находится через дорогу от городского морга, — торопливо пояснил мужчина. — Полчаса назад я курил на лестнице. Ко мне подошел шустрый парнишка. Он указал на вас, сунул пять монет и попросил передать эти бумаги...

— Парнишка?! — удивленно переспросил Ли, все еще не веря в свою догадку.

— Да, худой парень лет двадцати.

— Он похож на студента?

— Конечно! На его куртке красовалась нашивка кибернетического колледжа! — широко улыбнулся мужчина. — Значит, вы с ним знакомы и больше ко мне ничего не имеете?

Мужчина моментально сообразил, что наступил подходящий момент для бегства. Он со всех ног дал деру, расталкивая прохожих.

— Что он еще сказал?! — окликнул его Ли. — Погодите!

Мужчина перепрыгнул на ленту с более медленным движением и скрылся в толпе.

Ли пролистал загадочный дневник. Истории о космическом корабле и его пассажирах явно не доставало убедительности. Сведения были отрывочными, путанными. Иногда даже противоречивыми. Единственное, что не вызывало сомнений, — это голографическая монограмма «Унгран» в верхней части каждого листа.

Билл зло тряхнул головой. Мысль о глупом розыгрыше пробудила ярость:

«Если чертов идиот-студент решил надо мной посмеяться, то еще пожалеет об этом!!!», — щеки журналиста запылали от гнева.

Ли огляделся по сторонам. Он оказался всего в двух кварталах от ресторана «Приют странника». Журналист сошел с движущегося тротуара

немного раньше, решив пару минут пройтись пешком. Он хотел успокоиться перед предстоящей беседой.

Глава 6

Журналист вошел в просторный вестибюль. «Приют странника» по праву считался одним из самых роскошных ресторанов в городе. Дизайнеры великолепно потрудились над убранством холлов и танцевальных залов. Ресторан походил на старинный замок.

Стены украшали древние ружья и шпаги. Шитые золотом гобелены запечатлели моменты битв, происшедших в незапамятные времена. Темный паркет отражал свет настоящих свечей. Звучала тихая классическая музыка.

Билл представился метрдотелю:

— Уильям Ли. Насколько мне известно, столик заказан неким мистером Патерсоном...

— О да, мистер Ли, — вежливо улыбнулся метрдотель, поправляя красный сюртук. — Мистер Патерсон забронировал кабинет номер двести четырнадцать. Он только что звонил и просил передать, что будет через несколько минут. Сейчас вас проводят.

Он позвал официанта. Высокий юноша, одетый в костюм пажа, провел Ли на второй этаж.

Билл удивленно осмотрел кабинет. Внутрен-

нее убранство утопало в роскоши. В мраморном камине потрескивали дрова. Стену украшала высокая стеклянная дверца. За ней блестели десятки бутылок с дорогими винами. Посреди комнаты стоял резной стол красного дерева. Пламя свечей играло на серебреных столовых приборах.

Ли заметил лежащий на кресле пластиковый чек. Указанная сумма поразила журналиста — четыре с половиной тысячи кредитов! Неужели студент настолько богат, чтобы разбрасываться такими деньгами? На что? Для того чтобы произвести на меня впечатление? Вряд ли. Результат слишком сомнителен. Особенно если учесть, что я успел раскусить махинацию с бумагами Унграна.

Билл вытащил из кармана портативный видеофон и связался с секретариатом Объединенных университетов:

— Я хочу узнать, был ли некий мистер Патерсон, член студенческой газеты, назначен проинтервьюировать Уильяма Ли?

— Подтвердите уровень своего доступа.

Журналист прикоснулся большим пальцем к идентификационной пластине сканера.

Через несколько минут девушка ответила четко и категорично:

— В семнадцати учебных заведениях нашего города обучаются три мистера Патерсона. Двое сейчас находятся в своих квартирах, а один за чертой города на вилле в горах. Также в списках студентов числятся четыре мисс Патерсон. Никто из семерых не связан ни с одной из студенческих газет. Я могу еще чем-нибудь помочь вам?

— Нет, спасибо. — Билл выключил видеофон, терзаясь самыми мрачными предчувствиями. Он понял, что по уши влип в весьма сомнительное дело.

Была лишь одна причина, по которой он сейчас находился в городе, — загадочное убийство молодой пары. Если бы не это — он бы до сих пор работал на сверхсовременной лунной обсерватории, подготавливая серию репортажей.

Ли вышел на балкон. Холодный ветер приятно освежил лицо.

— У вас довольно-таки привлекательная внешность, — раздался спокойный голос у него за спиной. — Это так несвойственно пронырливым журналистам.

Билл напряженно замер. Это был почти тот же голос, что доносился утром из коммуникатора. Хотя в его звучании произошли едва заметные перемены.

Журналист обернулся. Перед ним стояла стройная девушка, одетая в хорошо сшитый мужской костюм. Она была невысокого роста и довольно хрупкого телосложения. Длинные ресницы, темные глаза... их блеск придавал и без того гордому лицу выражение почти высокомерное.

— Надеюсь, я не слишком запутала вас? Но поверьте, те крохи, которые я вам доверила, — это ровно столько, сколько стоит знать, — она вытащила из кармана небольшой излучатель и магнитные ключи со сверкающим брелоком в виде солнца. — Вот оружие. В ангаре под рестораном стоит космическая яхта.

Билл даже не подумал прикасаться к излучателю и ключам. Он спокойно сел в кожаное кресло, откинулся на мягкую спинку и пристально взглянул на девушку.

— Забавно, — улыбнулся он. — Может, мы все-таки для начала поужинаем?

Глава 7

Омары были просто великолепны. Билл привык на Луне к консервам, и здоровая земная еда показалась ему пусть небольшим, но все-таки чудом. Журналист откупорил вино.

— Вы так и будете молчать? — удивился журналист. — Может, расскажете, чем я обязан столь пристальному вниманию?

— Насколько мне известно, вас специально пригласили на Землю для ведения репортажа о происшедшем двойном убийстве. Вы должны очень хорошо понимать, с какой опасностью столкнулось человечество. Что же касается той театральности, с которой я передала вам дневник профессора Унграна... Мне показалось, так будет убедительней. Но я совершила ошибку, решив воспользоваться услугами безмозглого уборщика.

Девушка прикоснулась к излучателю. На ее руке блеснул небольшой перстень с изумрудом:

— Это новое и довольно-таки эффективное оружие. Оно с легкостью прожигает полуметровую сталь.

— Зачем вы все это мне рассказываете? Думаете

меня удивить?

— Пытаюсь вернуть вам хоть каплю смелости.

— Ну-ну... — насмешливо хмыкнул Ли. — Продолжайте.

— Если вам дорога жизнь многих сотен людей, ради Бога, идемте со мной.

— Куда?

— В подземный ангар.

— Он здесь? В этом квартале? — удивился Билл. — Для начала хоть скажите, как вас зовут.

— Патриция. Теперь вы последуете за мной?

— Я хотел бы узнать...

Но девушка больше не слушала его. Она легкой непринужденной походкой вышла из комнаты.

«Какой к черту ангар?! — Билл поднялся. — В этом квартале есть только фешенебельные отели и рестораны...»

Ему бы следовало оскорбиться бесцеремонностью Патриции, однако журналист понял, что ее небрежный тон — всего лишь ловко завуалированное ухищрение.

«Неужели она вознамерилась заманить меня в ловушку, возбудив любопытство? — Билл иронично усмехнулся. — Не будь я журналистом, черт возьми, если Патриция не затеяла двойную игру!»

Он взял излучатель. Блики свечей заиграли на коротком стволе.

Из соседней комнаты донесся приглушенный стук. Билл бросился вслед за Патрицией.

Девушка была в роскошной спальне. Журналист откинул в сторону бархатную портьеру, оглядывая старинные полотна и бутафорское холодное оружие. На широком столе лежали дорогие письменные принадлежности.

Билл увидел свое отражение в настенном зеркале. Его лицо было бледным от напряжения, галстук съехал в сторону. В руке дрожал излучатель.

Журналист расправил плечи и вновь напустил на себя уверенный вид. Он поправил очки, внимательно разглядывая опустившуюся на одно колено Патрицию.

Девушка отбросила в сторону край толстого зеленого ковра. Достала из кармана короткий стержень и вставила его в небольшое отверстие в паркете.

Приглушенно загудели скрытые серводвигатели. Часть пола отъехала в сторону, открыв тайный ход. Во тьму вертикальной шахты вела узкая лестница.

Ли удивленно присвистнул. Он заметил, что от

самоуверенности Патриции не осталось и следа. Девушка нерешительно прикусила губу. Со щек исчез румянец. Взгляд стал задумчивым.

— Что-то не так? — спросил журналист.

— Внизу не горит свет...

— Это плохо?

— Еще не знаю.

Патриция ступила на лестницу. В ее руке вспыхнул потайной фонарик.

Дело принимало серьезный оборот. Это уже мало походило на розыгрыш... Блеск в глазах Патриции выдавал затаенный страх.

Билл попытался реально взглянуть на создавшуюся ситуацию. Необходимо было из роскошного и безопасного «Приюта странника» спуститься в темный, полный загадок тоннель.

Журналист колебался. Он вытер со лба холодный пот. Авантюрная жилка все-таки взяла верх. Билл заткнул излучатель за пояс и ступил вслед за девушкой. Снизу дохнуло прохладой и сыростью, столь непривычными после блеска шикарного ресторана.

С каждым шагом ступеньки становились все грязнее. В некоторых местах металл проржавел до дыр. Билл крепко держался за старые перила, пытаясь рассмотреть лестницу в скупом свете

фонарика.

Стук туфель Патриции затих. Журналист взглянул вниз. Девушка ступила на дно шахты.

Ли сошел с лестницы и с удивлением огляделся по сторонам. Их окружали грубые каменные стены. С потолка капала вода, собираясь в грязные лужи. У стены валялись покрытые мхом бочки из-под ракетного топлива. Под ногами трещали разбитые сегменты плазменных батарей.

Патриция приложила палец к губам:

— Шшш! Здесь что-то не так...

Глаза Билла привыкли к полутьме. Он заметил в конце коридора серебристый блеск корпуса космического корабля.

— Что происходит?! — гневно прошептал журналист.

— Вы собираетесь мне все рассказать или нет? Откуда здесь взялся корабль?

— У нас нет времени на объяснения. Дриги подменили временную частоту. Моя яхта исчезла...

Билл сделал несколько неуверенных шагов, с удивлением разглядывая мощные двигатели и широкие дуги планетарного привода. Корпус корабля был неизвестной конструкции.

— Вам придется выполнить роль моего телохранителя, — Патриция сняла с костюма Билла

паутину. — Постарайтесь не участвовать в разговоре.

— Хорошо.

— Да, еще... — Патриция устало посмотрела на корабль. — Если я скажу стрелять, вы должны убивать не задумываясь.

— Этого не обещаю.

— Надеюсь, вы не будете глупцом и не позволите нас прикончить. — Девушка шагнула к кораблю.

Билл последовал за ней. Они оказалась в огромном ангаре. У стен стояли высокие блестящие цистерны. По полу змеились гофрированные шланги.

Ярко вспыхнули контрольные лампы. Билл прикрыл глаза рукой и Метнулся назад, укрывшись в тени тоннеля. Журналист думал, что Патриция последует за ним. Но девушка продолжала неподвижно стоять посреди ангара.

Открылся корабельный люк. На каменный пол опустился широкий трап.

«Что она делает?!» — успел подумать Билл, глядя, как Патриция входит внутрь корабля.

Глава 8

Билл вплотную прижался к стене. Он чувствовал спиной каждый выступ неровной каменной кладки. Журналист безмолвно ругал Патрицию:

«Глупая девчонка! Это же надо быть такой опрометчивой! И что мне теперь делать? С воинственным криком штурмовать корабль?»

Тяжесть заткнутого за пояс излучателя казалась смертным приговором.

— Не двигайся. Я очень рад твоему неожиданному визиту. — Из открытого люка донесся гортанный смех мужчины. — Мерла, что ты думаешь о мотивах поступков этой юной леди? Неужели она пыталась захватить нас врасплох?

— Это типичная тактика тупых клагов. Она и ее народ всегда сломя голову бросались вперед, — ответил женский голос. — Хотя они только для этого и нужны галактам — как безмозглые исполнители!

— Думаешь, она Наблюдатель? — удивленно спросил Джил.

— Нет, она слишком юная для этого. Скорей всего помощница, которой можно пожертвовать в первую очередь.

Погасли контрольные лампы. Ангар вновь окутал полумрак.

Билл осторожно приблизился к кораблю. Он не хотел упустить ни единого слова. Журналист так увлекся, что не заметил глубокую лужу вокруг посадочной опоры корабля. Его ботинок с шумом провалился в воду, подымая брызги.

— Она не одна! — воскликнула Мерла. — Проверить?

Ли прижался к корпусу корабля и ослабил узел галстука. Колени журналиста мелко дрожали. Из сдавленной ужасом груди вырывалось отрывистое дыхание. Сердце беспокойно колотилось. Биллу казалось, что этот звук эхом разносится по ангару.

Журналист положил руку на излучатель.

— Не думаю, что нам стоит волноваться о местных приспешниках клагов, — остановил ее капитан. — Почему наша гостья молчит?

— Потому, что впервые воочию вижу дригов. Меня в детстве пугали вашими воинами. Забавно повстречать вас в реальной жизни, — спокойно ответила Патриция. — Но должна признаться — вы не произвели на меня особого впечатления.

— Да что ты? — иронично рассмеялся Джил. — А мы же так старались!

— Пора поставить ее на место!!! — разозлилась Мерла.

— Галактический Наблюдатель поручил мне передать, что максимум через три часа вам следует покинуть Солнечную систему.

— Какие мы страшные! — съязвил Джил. — Знаешь, крошка, сбавь-ка тон, пока я по-настоящему не разозлился.

— Земля вскоре получит статус Четвертого уровня. Если возникнет угроза прилета вашего флота, людям будет немедленно передано галактическое знание.

— Ну что же, неплохо! — зааплодировал Джил. — Мне понравилась твоя сказка о добрых галактах. Только рассказывай ее не нам, а наивным землянам. Будет больше толку.

Журналист, затаив дыхание, слушал их разговор. Его рот приоткрылся от удивления. События уже не закручивались вокруг нескольких необычных убийств, а переходили грань фантастики.

Билл притаился у люка. Теперь он мог видеть тени говоривших.

— Что думаешь с ней делать, Джил? — тихо спросила Мерла.

— Она от нас никуда не денется, — голос мужчины звучал спокойно и уверенно. — У нее свежая

кровь. Да и жизненная энергия бьет ключом. Пора пополнить наши запасы.

— Ты прав! — согласилась Мерла. — Наблюдатель ясно поймет, как мы относимся к его ультиматуму.

Журналист увидел, как тень Патриции метнулась в сторону. В руке у девушки возник дезинтегратор.

— Ну что же... — тень Джила оставалась неподвижной. — Проверим, кто лучше стреляет?

— Моя нервная система так же быстра, как и ваша, — ответила Патриция. — Так что у меня есть шанс.

Воцарилась зловещая тишина. Наступил решающий момент.

Журналист затаил дыхание...

Он мог поклясться, что с колледжа так не волновался. Прошло двадцать пять лет, но Билл до сих пор помнил тот день, когда отважился пригласить в ресторан красавицу Глорию. Она училась в параллельной группе. Ли знал, что она недавно порвала со своим парнем, и надеялся завоевать ее расположение.

Ужин прошел отлично. Глория задорно смеялась над его шутками. Ли уже начал думать, что сумел завладеть сердцем девушки. Его душа

ликовала от счастья.

Но по дороге домой им повстречались четверо хулиганов. Они окружили их плотным кольцом. Билл беспомощно стоял, молча снося издевательства. У него забрали кошелек. С Глории сняли драгоценности. Один из грабителей провел пальцами по ее губам, размазывая красную помаду, и тихо предупредил:

— Если ты или твой дружок вызовете копов, то в следующий раз я размажу твою кровь...

Всю дорогу домой Глория проплакала. Она не позволила своему спутнику вытереть помаду.

С тех пор их отношения пошли на убыль. Билл долго проклинал свою нерешительность. Но потом он поступил в университет, и неприятные впечатления постепенно поблекли...

Журналист провел по лицу рукой, отгоняя давнишние воспоминания. Он взял излучатель двумя руками и несколько раз глубоко вдохнул. В голове прояснилось.

«О, Боже! — подумал Билл, рассматривая излучатель. — Я же никогда раньше не стрелял!»

— Оружие не игрушка для глупых девчонок. — Билл увидел, как при этих словах тень Джила протянула руку. — Отдай дезинтегратор.

Журналист щелкнул предохранителем излу-

чателя. Зажглась крошечная рубиновая искра, сигнализирующая о готовности к стрельбе. Он ожидал подходящего момента для нападения.

— Я пришла к вам как парламентер. Если вы хотите убить меня... — голос Патриции дрогнул. — Моей жизненной энергии хватит, чтобы дать достойный отпор.

— Парламентеры не приходят с дезинтеграторами! — отрезала Мерла.

Биллу почудилось, что тень Патриции вытянулась. Он непонимающе протер глаза. Действительно, ее уже до половины скрыл люк. Остались видны только ноги.

— Не слыхал, чтобы клаги умели левитировать, — задумчиво сказал Джил.

— Моей учительницей была леннелианка, — голос Патриции набрал силу. Он гремел из-под потолка корабля. — Я повторяю: у вас осталось три часа!

Ли оцепенел. Он почувствовал себя участником игры, правила которой неизвестны. А противники наделены такими способностями, что тягаться с ними просто бесполезно.

От страха у журналиста онемели руки. Теперь он даже не был уверен, сможет ли вообще выстрелить из излучателя. Тем более что стрелять

придется в могущественных инопланетных существ...

— Ты хочешь сравнить свою жалкую, полученную из генераторов энергию с накопленной живыми телами?! Да знаешь, ты, жалкая прислужница галактов, из скольких человек мы выкачали силы?

— Жизненная энергия... — прошептал журналист. Он начал понимать загадочные события последних дней. Все постепенно становилось на свои места.

— Думаешь, она блефует? — спросил Джил.

— Не забывай о моих способностях. Я вижу ее насквозь, — уверенно произнесла Мерла. — Она лжет! Весь этот спектакль затеян, чтобы деморализовать нас.

— Тогда уничтожь ее!

— Меня не надо долго уговаривать, — Мерла вскинула руку. В воздухе просвистел стилет. Патриция вскрикнула и упала на пол. Дезинтегратор отлетел далеко в сторону.

Глава 9

Билл метнулся внутрь корабля. Посреди отсека неподвижно стояли высокие мужчина и женщина, одетые в строгие вечерние костюмы. Переливающие стены освещали их лица мертвенным зеленым цветом.

На полу лежала Патриция. Из ее кисти торчал стилет Мерлы. Девушка со стоном вытащила лезвие. По руке потекла кровь. Патриция зажала рану ладонью.

— Руки вверх! — выкрикнул журналист.

На лице Джила появилось презрительное выражение. Мерла вальяжно прислонилась к стене и скрестила руки на груди. Она насмешливо обратилась к Патриции:

— Ну и помощников ты себе подбираешь... Связалась с людьми? Может, велишь ему убраться, пока мы не прихлопнули вас обоих?

— Мистер Ли, простите, что впутала вас в эту историю, — сказал Патриция. — Это был поистине отчаянный шаг. Но у меня не оставалось другого выхода.

— Я готов помочь вам... — начал Билл.

— Каждый ваш шаг был замечен, — перебила

его Патриция. — Если бы они хотели вас убить, то сделали бы это еще на трапе.

— Его зовут Ли? — заинтересовалась Мерла. — Помнится, некий журналист Уильям Ли присутствовал в морге.

— Я вспомнил! — воскликнул Джил. — Твое фото было в электронной газете. Это тебя вызвали с Луны для репортажа об убийствах.

— Он нам пока что не нужен, — рассудительно сказала Мерла. — Когда понадобится, мы его легко найдем... Тем более теперь, когда стало известно, кто является галактическим Наблюдателем.

— Что?! — вырвалось у Патриции, она просто остолбенела. — Вы лжете!

— Наш корабль оборудован системой нейронного сканирования. — Мерла показала на вмонтированную в потолок матовую полусферу. По ее поверхности проскакивали небольшие искры. — Наш компьютер расшифровал твои мысли. Так что, дорогая, ты у нас в руках.

— Тербер, приготовь корабль к старту! — приказал Джил. — Пора кое-кого навестить.

— Да, капитан!

Перед креслами пилотов раскрылся овальный люк. Из него показался сверкающий металлический шар на тонкой ножке. Он раскрылся,

подобно диковинному цветку. Гибкие лепестки вытянулись. На них появились панели приборов и экраны дисплеев. Загорелись ряды контрольных индикаторов.

Патриция поднялась на колени. Она с трудом дотянулась до дезинтегратора. Дриги не делали ничего, чтобы помешать ей.

— Положение изменилось, — торопливо произнес Билл. — Вы у нас на прицеле.

На лицах дригов не отразилось не малейшего испуга. Мерла дотронулась до браслета на руке. Полусфера на потолке погасла. Стихли едва слышимые щелчки разрядов.

Напряжение в отсеке достигло своего апогея. Казалось, вот-вот что-то неминуемо должно произойти. Журналист ощутил, как на голове зашевелились волосы. Ствол его дезинтегратора мелко дрожал.

— Что будем делать? — Билл даже не пытался скрыть дрожь в своем голосе. — Убьем их?

Вместо Патриции ответил Джил:

— Собираешься победить нас с помощью излучателя? Ну что же, удачи! Если ты промахнешься, то можешь угодить в энергетическую установку. Взрыв нашего корабля разрушит не только ресторан, но и сметет с лица земли весь город.

— Пойдемте, мистер Ли, — произнесла Патриция.

Журналист не стал спорить. Они отступили к люку.

Патриция понуро опустила голову, ее узкие плечи обреченно ссутулились.

«Неужели дриги настолько сильны?» — удивился Билл.

Трап качнулся под ногами. Он спрыгнул на бетон площадки и подхватил Патрицию.

Корабль поднялся в воздух. Посадочные опоры втянулись в днище. Вспыхнули прожекторы, залив ангар ярким светом. Вокруг вытянутого корпуса вспыхнуло силовое поле. Сквозь корабль стали просвечивать стены.

Поднялся ураганный ветер. Полыхнула ослепительная вспышка...

Когда Билл открыл глаза, ангар был пуст. Корабль дригов исчез.

Глава 10

На улице клубился густой туман. Над головой проносились низко нависшие облака. Моросил холодный дождь.

Билл поежился, думая об оставшемся в номере плаще. Но возвращаться в отель больше не хотелось. От одной мысли об устроившихся под ним дригах его бросало в дрожь.

«Приют странника» уже много лет по праву считался одним из самых престижных и спокойных мест в городе. Степенные семейные пары посещали его по вечерам, блистая дорогими украшениями и одеждой от модных кутюрье. Юноши, стараясь произвести впечатление на возлюбленных, приглашали их поужинать на относительно недорогих внешних балюстрадах...

Билл взглянул в сторону канала, опоясывающего ресторан на манер старинного крепостного рва. Но в отличие от древних замков, в нем плескалась морская вода.

«Дриги воспользовались глубоким рвом, чтобы проделать тайный ход под ресторан, — догадался Билл. — Но как им удалось сделать это совершенно незаметно? Трудно поверить, что подобные

работы можно осуществить в центре густозаселенного квартала».

Ли заметил падающие с пальцев Патриции капли крови. Не говоря ни слова, журналист вытащил носовой платок и перетянул ей руку.

Мимо проходили прохожие. Они бросали на них заинтересованные взгляды. Возможно, думали, что между мужчиной и женщиной произошла супружеская ссора. Или же это любовники, застигнутые врасплох ревнивым супругом или супругой. А может, всему виной обычный несчастный случай....

— Вам нужно к врачу, — сказал журналист, все еще держа руку Патриции. Платок пропитался кровью.

Не говоря ни слова, девушка оттолкнула его и обогнула фасад ресторана. Тишину улицы нарушил одинокий стук каблуков.

Билл догнал ее на небольшом мостике, освещенном декоративными фонарями. В их неверном свете Патриция действительно казалась мальчишкой. Стройная, ладно скроенная, она торопливо шла, едва касаясь перил.

Билл схватил ее за плечо. Девушка гневно обернулась:

— Что вам нужно? Неужели не видите, что я

проиграла?

— Вы не собираетесь мне ничего пояснить? — возмутился он. — Я же рисковал жизнью ради вашего спасения!

— Спасибо за помощь. — Патриция рассерженно дернула плечом, высвобождая руку.

— И это все?!

— Надеюсь, вы не настолько глупы, чтобы кому-нибудь рассказывать о происшедшем? — холодно спросила Патриция.

— Это большая сенсация! — резко возразил журналист, понимая, что его бесцеремонно использовали в чужой игре. И похоже, теперь он становился не нужным. — И я не вижу ни одной причины, по которой должен молчать...

— Люди не поверят вашим словам! — по радужной оболочке глаз Патриции проскочили крошечные искры. — Они будут смеяться над вами!

— Электронный психолог подтвердит мои показания! — горячо сказал Билл. — Так что вскоре о ваших темных делах узнает весь мир.

— Ошибаетесь!!! — воскликнула Патриция, вскидывая руку.

Журналист отшатнулся, но было слишком поздно. На ладони девушки возник небольшой

черный куб. Из его граней вырвались яркие красные лучи. Они устремились к Биллу, заключая его в рубиновую клеть.

Билл попытался закричать. Но из его горла вырвался лишь сдавленный хрип. Тонкие лучи начали сжиматься. Журналист прикрыл лицо руками. Тупая боль пронзила мозг, расходясь по всему телу пульсирующими волнами.

— За что?! — застонал Билл.

— Не волнуйтесь. Зрение вскоре вернется к вам. Теперь не поможет даже электронный психолог.

— Ах ты тварь!!! — взревел журналист, пытаясь дотянутся до Патриции.

— Я не могу рисковать. Слишком многое поставлено на карту.

Билл мотнул головой, отгоняя с глаз темную пелену. Он с трудом различил освещенный фонарями силуэт Патриции.

— Не забывайте, что излучатель все еще у меня, — криво улыбнулся журналист. — Его необычное устройство подтвердит мои слова.

В руке девушки блеснул дезинтегратор. Она бесцеремонно ткнула им Биллу под ребра:

— Дайте его сюда! Живо!

— Я вижу, у вас короткая память, — Билл холодно взглянул ей в глаза. — Если бы не я, то вряд ли

бы вы выбрались из ангара.

Он почувствовал, как рука Патриции залезла под пиджак. Девушка вытащила излучатель и отступила на шаг:

— Вы все еще тешите себя иллюзиями, что могли повлиять на мой разговор с дригами? Думаете, ваше появление спасло меня? — Патриция коротко рассмеялась.

— Вы всего лишь слегка озадачили моих врагов и все.

— Может быть... Но и вы не ровня этой парочке дригов. Они вас разделали под орех. Так что дорогая, мой вам совет: держитесь от них как можно дальше!

— Это не вам решать!

— Правильно. Не мне, а полиции. — Билл устало прислонился к перилам моста. — Мне не понравились угрозы дригов. Я не собираюсь прятаться, а наоборот, хочу предупредить человечество об угрозе.

— Вы так и не поняли, что они хотят запугать людей? Именно для этого вас и хотят использовать. Перепуганные до смерти жертвы не сопротивляются!

— Допустим... Тогда зачем я понадобился вам? Чтобы играть в ковбоев в ангаре? Что-то я со-

мневаюсь...

Девушка торопливо сбежала с моста и скрылась во тьме переулка.

— Куда вы?! — крикнул ей вслед Билл. — Скажите, зачем?!

Собрав все силы, журналист бросился вдогонку. Он обогнул ресторан и оказался в широком, заканчивающемся тупиком переулке. Впереди тускло блестел аэромобиль. Ли подошел поближе, рассматривая приземистую машину.

Это был обычный спортивный аэромобиль, похожий на стремительную стрелу. Затемненные стекла кабины походили на фасеточные глаза гигантского насекомого.

Машина плавно тронулась. Донеслось едва различимое шипение. Из-под днища вылетели поднятые ветром обрывки газет.

Взревели двигатели. В асфальт ударили струи огня. Аэромобиль поднялся в воздух.

«С каких это пор на машины этого класса ставят маневренные двигатели от шатлов?» — удивился Ли, выглядывая из-за контейнера для мусора. Журналисту посчастливилось в последнюю секунду укрыться за ним, избежав бьющих из двигателей струй огня.

Аэромобиль по крутой траектории взмыл вверх

и... исчез. Лишь на секунду в небе полыхнула небольшая фиолетовая вспышка.

Билл остался один. Он запрокинув голову смотрел на небо, в душе поражаясь бесчувственности пришельцев.

Билл вышел на улицу. Он поежился от ночной прохлады и поплотнее запахнул пиджак.

«Неужели все это было на самом деле? Дриги, кровопийцы-пришельцы, исчезающие аэромобили...»

Журналист вытащил видеофон и связался с Джимом Брайеном. На крошечном экране появился заспанный Брайен:

— А попозже нельзя было позвонить? — проворчал главный редактор.

— Ты не представляешь, что со мной произошло!!! — Билл был очень рад, что застал Джима дома. — Я кое-что раскопал. Пока не для публикации. Но это заставит полицию предпринять определенные меры.

— Что-то связанное с двойным убийством? — заинтересовался Брайен. — Ты слышал, что нашли еще трупы?

— Нет... Это ужасно. Но от дригов этого следовало ожидать.

— От кого? Кто такие дриги?

— Поверь, то, что я узнал, просто сногсшибательно! Пришли ко мне в номер техника с электронным психологом.

— А что все-таки произошло?

— Нас навестили братья по разуму, — сказал Ли. — И кажется, неспроста.

Глава 11

Контакты нейронного шлема прикоснулись к вискам. Ли поежился, ощутив холод сенсорных пластин. Психотехник открыл небольшой компьютер. Он нажал несколько клавиш, внимательно следя за показаниями приборов...

Билл провалился в успокоительную тьму. Вокруг него царила абсолютная пустота. Журналист знал, что сейчас электронный психолог проводит настройку своих систем. Компьютер пытается выудить из его прошлого наиболее яркие и приятные воспоминания. Только они позволят ввести мозг в состояние полного покоя, так необходимое для сканирования всех уровней подсознания.

Донесся отдаленный плеск волн.

Ли открыл глаза. Он плыл по широкой реке. Теплая вода ласкала тело. Извилистые берега утопали в зелени. По воздуху проносились пестро раскрашенные птицы.

Вдалеке виднелось небольшое, крытое соломой бунгало. Билл подставил лицо солнечным лучам. Он собирался хорошенько отдохнуть...

Билл очнулся. За окном уже стемнело. В спальне царил полумрак. В углу горел небольшой торшер.

Тусклый свет освещал одетую во все черное женщину, стоящую у окна.

«Сеанс электронного психолога закончился... Но где же техник? И кто эта незнакомка?» — удивился журналист.

Он тактично кашлянул. Женщина села в кресло. Широкополая фетровая шляпа скрывала ее лицо. В руках она держала несколько листков с компьютерными распечатками.

— Помощница Наблюдателя проделала неплохую работу. — Ее голос казался знакомым. Журналист затаил дыхание, в душу закрались дурные предчувствия. — Ваше подсознание начисто стерто. Но, к счастью, наша общая знакомая упустила одну деталь...

Женщина сняла шляпу. Билл едва сдержал готовый сорваться с губ крик — это была Мерла!!!

Она продолжила говорить, но Билл уже ничего не слышал. Он оторопело смотрел в ее холодные глаза, все еще не в силах поверить, что вновь оказался в одной комнате с Мерлой. Но на этот раз он был абсолютно безоружен.

Билл ощутил себя беспомощным ребенком. В голове лихорадочно билась мысль о спасительном бегстве.

«Если бы только удалось преодолеть три метра

до двери! Вызвать полицию...», — Журналист мельком взглянул на дверь.

Мерла холодно улыбнулась:

— Даже не думайте о бегстве. Пока вам ничего не угрожает. Если бы я хотела вас убить — то давно бы это сделала.

Ли откинулся на спинку кресла, пытаясь собраться с мыслями. Он внимательно осмотрел комнату.

Из-за широкого дубового стола виднелись ноги психотехника. Его белоснежный халат забрызгала кровь. Рядом лежал раскрытый портфель. По полу рассыпались пустые бланки. Блестели осколки стекла, оставшиеся от разбившейся сенсорной трубки сканера.

«Значит, техник сопротивлялся и она его убила, — размышлял журналист. — Но как, черт возьми, Мерле удалось меня найти?»

— Что... вам... от меня нужно? — в конце концов он выдавил из себя Билл.

— Откуда вы знаете эту девушку? — Мерла легко подхватилась с кресла и схватила журналиста за лацканы пиджака. Фетровая шляпа покатилась по ковру. Ее тонкие, но чудовищно сильные руки сжали плечи Билла.

— Что она вам говорила?

— Она сама нашла меня... Я ничего не знаю...

Мерла швырнула его обратно в кресло.

— Я полагал, вам уже все известно, — откашлялся Билл. — Одного не пойму. Почему вы до сих пор возитесь со мной, а не преследуете Наблюдателя?

— Потому, что мы понятия не имеем, где он.

— Но вы же сказали, что знаете...

— Это была ложь, принесшая нам победу.

— Ложь?! — воскликнул журналист.

— Благодаря ей мы на время получили полную свободу действий. Теперь Наблюдатель бросит все силы на защиту своего убежища.. Так что планета в нашем распоряжении.

До Билла постепенно начал доходить смысл произнесенных слов. Его вымотанный электронным психологом мозг отказывался верить. Реальность оказалась намного хуже самых ужасных фантазий. Дриги и клаги затеяли серьезную игру. Людям в ней отводилась роль пешек, которыми можно пожертвовать в любой момент.

— Скажите, зачем тогда было угрожать мне? Какая роль отводится мне в ваших планах?

— Угроза Джила была всего лишь наживкой, которую должна была проглотить помощница Наблюдателя. Согласно своим законам к лаги

обязаны были защитить вас, — Мерла вытащила тонкий стилет. — Но как видите, вы им абсолютно безразличны.

“Неужели Патриция даже не предпримет попытки спасти меня?» — напряженно вздохнул Билл.

Он затравленно взглянул на женщину-дрига, пытаясь понять, какой финал она задумала для их нынешней встречи. Помимо воли журналист вновь покосился на окровавленный труп психотехника.

— Вы увязли в этой истории по уши. — Мерла неторопливо разглядывала свои ногти, накрашенные черным лаком. Она явно кого-то ждала и не пыталась это скрывать. — Но по-прежнему представляете для нас некоторую ценность. Я надеюсь на ваше искреннее сотрудничество, иначе...

Острие стилета прикоснулось к его щеке. Билл отпрянул в сторону.

Мерла опустилась в кресло. По лбу Билла градом катил пот. Он дрожащей рукой потянулся за пачкой легких сигарет, щелкнул импульсной зажигалкой и с наслаждением затянулся дымом.

Его взгляд приковало окно. На улице шел сильный ливень. Крупные капли яростно барабанили

по стеклам.

Журналист представил безлюдные тротуары. Потускневшие от потоков воды уличные фонари. Низко нависшие свинцовые тучи.

«Покинутые всеми улицы... Покинутый всеми Ли...», — его сердце защемило от страха.

Билл впервые задумался, что его друзья разбросаны по разным уголкам планеты. Никто не успеет прийти на помощь, даже если бы каким-то чудом они узнали о его беде...

Журналист встретился взглядом с Мерлой. Только сейчас он заметил, что она была во всем черном. Лишь на губах пылала ярко-красная помада. Внезапно Билл подумал, что это кровь психотехника.

— Я так понял, вы успели прочесть мою психограмму, — нарушил тягучую тишину журналист. — Что-то почерпнули для себя новенького?

— К сожалению, ничего. Иначе бы не тратила время на беседу с вами, а штурмовала форпост Наблюдателя.

— Если в психограмме нет ничего интересного, то на какую помощь вы рассчитываете?

— Настала пора задать вам один вопрос, — неторопливо ответила Мерла. Ее глаза тускло поблескивали в полумраке. — Я наткнулась на

информацию о неком профессоре Унгране. Кто он? Чем занимается?

— Ученый, который изобрел систему виртуального гипноза. Полиция обратилась к нему за помощью в расследовании убийств.

— Почему? Неужели Унгран может чем-нибудь помочь?

— Полицейские решили, что преступление совершил маньяк, ускользнувший от виртуальных школьных курсов.

— Вам известно, как выглядит профессор?

— Я видел несколько его фотографий в редакции «Мегавселенной». Но все они очень низкого качества. Я слышал кое-какие истории о нем, однако... — Билл осекся на полуслове.

«Почему Унгран так заинтересовал Мерлу? Неужели в дневнике профессора есть нечто большее, чем просто отвлеченные рассуждения?!»

Мерла легко подхватилась с кресла. Она неторопливо приблизилась. В ее глазах зажглись тусклые красные огоньки. Сердце Билла сжалось от страха. У него не было сил, чтобы отвести взгляд.

— Выходит, профессор Унгран очень загадочная личность. — Угольки в ее глазах ярко вспыхнули. — Как добраться до него?!

— Узнать о профессоре вы можете в любой библиотеке Планетарного Информагентства, — испуганно произнес Билл. Он понимал, что выбалтывает ценную информацию, но не мог устоять перед властным взглядом женщины-дрига.

Билл испытывал огромную досаду: как все же быстро Мерле удалось уцепиться за упоминание о профессоре Унгране. Ведь он действительно может оказаться Наблюдателем!

Унгран, таинственный ученый и великий изобретатель, прославивший свое имя в различных областях науки. Он жил и работал на огромном астероиде, поблизости от одного из спутников Юпитера. В его убежище никого не допускали, кроме приближенных профессора.

Билл вспомнил скупую заметку в «Мегавселенной», рассказывающую о дне рождения его дочери. К этому дню Унгран приурочил демонстрацию экзотического плазменного фонтана, который впоследствии был признан одним из чудес вселенной.

«Как звали его дочь? — попытался вспомнить Билл.

— Паула? Памела? Нет, все не то... Ах, Патриция!!!»

Журналист едва сдержался, чтобы не произнести ее имя вслух. Неужели он столько времени провел с дочерью Унграна?

— Вы сможете получить информацию о профессоре на ваш коммуникатор? — прервала его размышления Мерла, к счастью не заметившая перемен на лице Билла.

— Да, — после нескольких секунд напряженной внутренней борьбы сдался Билл.

Его нежелание сотрудничать было настолько явным, что Мерла подняла его подбородок и заглянула в глаза:

— Похвально! А я уж было подумала, что все земляне безвольные тряпки.

Она рассмеялась необычным музыкальным смехом. Одновременно отрывисто-грубым и все же очень приятным для слуха.

Смех оборвался на самой высокой ноте. Мерла приставила стилет к горлу журналиста. Голос зазвучал жестко, повелительно:

— Добудьте мне всю информацию об Унгране!

Билл тяжело поднялся. Онемевшее тело почти не повиновалось ему. Он взял со стола коммуникатор.

Впервые Ли возненавидел свою способность быстро восстанавливать душевные силы, ко-

торой всегда так гордился. Потому что именно благодаря ей его голос вновь обрел твердость и невозмутимость, когда он включил коммуникатор:

— Говорит Уильям Ли, — он обратился к управляющей архивом «Мегавселенной». — Мне нужна подробная информация о профессоре Гаррете Унгране.

— Подтвердите свою личность.

Билл прикоснулся большим пальцем к идентификационной пластине сканера. Через секунду в углу дисплея зажегся зеленый индикатор. Коммуникатор подключили к электронному архиву. Доступ к архиву получен.

«Я ведь не выдаю ничего сверхсекретного. Лишь общедоступные сведения, которые можно почерпнуть в любой библиотеке...»

— Джил! Прочитаем данные здесь или заберем коммуникатор с собой? — неожиданно спросила Мерла.

Билл резко обернулся. У него закружилась голова. Журналист медленно опустился в кресло.

На пороге неподвижно стоял Джил, скрестив руки на груди. Ванной комнаты за его спиной не было. Вместо нее зеленоватым сиянием мерцал тоннель, ведущий к люку космического корабля.

Сама реальность дала трещину. Все понятия об окружающем мире разрушились в один миг...

«В моей ванной!» — оторопело подумал Билл.

— Пора уходить! — коротко сказал Джил. — Ткань пространства искажается. Нам здесь долго не удержаться. Забираем журналиста и возвращаемся на базу.

Билл попытался протестовать:

— Я никуда не полечу!

— Конечно же полетите, — Мерла схватила его за руку. Билл почувствовал, как трещат кости предплечья. — Вы нам все еще нужны.

Женщина затянула его в тоннель. Джил отклонился в сторону, пропуская их вперед. Под ногами заклубился зеленоватый туман. Билл с трудом вдохнул вязкий, насыщенный озоном воздух.

«Где мы?» — подумал он, разглядывая вибрирующие стены.

Мерла выпустила его руку и резко толкнула его в открытый люк. Билл очутился внутри корабля. Внезапно он понял, что если сейчас не предпримет никаких действий, то станет послушной игрушкой в руках пришельцев.

— Я не собираюсь вам помогать! — заявил журналист, с вызовом глядя на дригов. — Если вы держите меня за предателя, то вы просчитались.

— В вашей психограмме есть мимолетное упоминание о некой мисс Генри Ли, живущей на Тихоокеанском побережье в крошечной деревне Релтон, — холодно ответила Мерла, в ее голосе было не больше интонаций, чем в холодном тиканье метронома. — Если вы не будете благоразумны, мы навестим ее дом меньше чем через пятнадцать минут. Ну как?

— Если его мать окажется слишком дряхлой, придется попросту убить ее, — произнес Джил леденящим кровь тоном. — Нам не нужна кровь стариков.

Эти бездушные фразы привели Ли в неописуемый ужас. Перед его мысленным взором возникла гостиная отчего дома. Старушка мать в поскрипывающем кресле-качалке, в углу тихо работает телевизор, показывая новости со всего мира... И вот от удара ноги распахивается дверь ванной комнаты. На пороге появляются Джил с Мерлой. Позади них все тот же пространственный коридор. Яркий залп дезинтеграторов, превращающий уютную комнату в бушующее море пламени...

Мерла не спускала с журналиста глаз, пристально следя за выражением его лица.

— Вы знаете, как действует психологический

нажим на гуманоидов с невысоким уровнем развития? — спросила Мерла. — Достаточно найти слабые струны в их душе и как следует сыграть на них.

— Вы не имеете права...

— А потом их можно заставить сделать все что угодно, — продолжала Мерла. — Так что, мистер Ли, у вас нет выбора.

Она встала. Высокая, стройная, в черной блузке и короткой юбке, туго обтягивавшей стройную фигуру с четко обозначенными мышцами.

— Ну а теперь, мистер Ли, расшифруйте показания коммуникатора, — закончила Мерла.

— Дай-ка взглянуть на эту штуку, — недоверчиво проворчал Джил.

Билл передал ему коммуникатор. Капитан несколько секунд вертел его в руках. Наконец он задал вопрос, который вернул Биллу надежду:

— Как он работает?

Глава 12

Билл едва сдерживал нервную дрожь. Он не мог поверить, что появился шанс помешать дригам.

«Теперь они захотят найти убежище Унграна. Нужно задержать их любой ценой!»

— Нажмите кнопку с надписью «Заголовки», — объяснил Билл. — Коммуникатор выдаст на дисплей все рубрики, касающиеся запрошенной информации о профессоре.

— Надеюсь, вы отдаете себе отчет, что за малейшее неповиновение вас ждет смерть? — спросил Джил.

Билл уныло кивнул. Капитан протянул руку и нажал указанную кнопку. На экране коммуникатора высветился список разделов.

— Его убежище на астероиде, вращающемся по вытянутой орбите вокруг Юпитера, — вслух прочитал Джил и широко улыбнулся. — Это как раз то, что нам нужно! Как получить более подробную информацию?

— Нажмите кнопку «Подзаголовки».

Землянин едва сдержался, чтобы не выдать охватившее его напряжение. Неужели эта нелюдь с его помощью добудет всю необходимую инфор-

мацию? Билл инстинктивно сжал руки в кулаки.

Перед мысленным взором журналиста предстали сотни высохших трупов. Их кровь и энергия перешли в вечно голодные тела дригов. Они послужили для продления жизни космической расы вампиров...

«Нет уж! Этому не бывать!»

Билл понимал, что не имеет права упустить шанс, который ему даровала судьба.

— Насколько я понимаю, теперь нужно выбрать раздел «Местонахождение?», — произнес Джил.

— Подведите к нему светящийся маркер и нажмите кнопку «Ввод», — пояснил Билл. — А затем клавишу с надписью «Перезагрузка».

Он внутренне сжался. Если бы только его уловка удалась! Она непременно должна сработать...

«Кнопка «Ввод» выдаст общую информацию об убежище Унграна, — затаил дыхание журналист. — Чтобы узнать координаты астероида, необходимо нажать дополнительные пиктограммы. Но после нажатия кнопки «Перезагрузка» коммуникатор перейдет в изначальное состояние. Программа запросит отпечаток пальца. Дриги вновь передадут коммуникатор мне. Ну а я уж хорошенько двину его об пол...»

— Голос людей подобен звукам хорошо настро-

енного органа. — Джил глядел на него ледяным, исполненным уничтожающей иронии взглядом. — Каждое произнесенное вами слово сопровождается едва заметными обертонами. Они многое могут рассказать чувствительному слуху, — презрительная ухмылка исказила его худое лицо. — Поэтому я нажму лишь «Ввод». А потом, узнав координаты убежища, как следует накажу вас. Вы же знали, на что шли.

— Джил, он может нам еще понадобиться... — воскликнула Мерла.

— Я все сказал, — неумолимо изрек капитан.

Женщина не посмела возразить. Она села в пилотское кресло. Повисла тягостная тишина.

Билл потупил взор. Он принялся разминать занемевшие пальцы.

Джил положил коммуникатор на стол. Он внимательно рассматривал появившиеся колонки координат.

«Если смерть неизбежна, то почему бы не попытаться самому нажать кнопку перезагрузки?» — Билл расправил плечи. Его глаза затравленно вспыхнули. Дыхание успокоилось, пришло в норму.

Раздавленная смертным приговором жизнь вновь затрепетала в теле:

«Какая же все-таки невероятная штука жизнь! Корреспонденты отдали столько сил, чтобы по крупицам собрать информацию о загадочном профессоре... А теперь судьба многих сотен людей зависит от того, смогу ли я стереть накопленные данные...»

Журналист пристально взглянул на заветную клавишу, мысленно оценивая расстояние для прыжка.

«Всего один метр, — прикинул расстояние Билл. — Если броситься вперед всем телом, то даже Джил меня не удержит. А там что будет, то будет. Лишь бы успеть дотянуться».

— Нашел что-нибудь? — Мерла расслабленно потянулась. Ее тело утонуло в широком антиперегрузочном кресле. На руках и плечах обозначились четкие линии мышц.

Капитан нахмурился:

— В архивах «Мегавселенной» нет указаний на точное местонахождение астероида. Земляне вышли в космос около ста лет назад. Они смогли добраться всего лишь до одной из самых больших планет Солнечной системы — Юпитера. Их системы наблюдения очень примитивны.

— Значит, люди не ведут учет всех малых тел? Получается, астероид Унграна почти невозможно

найти?

— Я мог и так вам об этом рассказать, не прибегая к редакционному архиву, — пожал плечами Билл, не сводя глаз с коммуникатора:

«Если бы удалось хоть чуть-чуть придвинуться поближе...»

— Но тем не менее здесь есть информация о некоем транспортном корабле, доставляющем продукты и кислород со спутника Юпитера под названием «Европа» к астероиду Унграна. Я думаю, нам удастся убедить его капитана указать путь к убежищу профессора... Не так ли, Мерла?

Женщина утвердительно кивнула, положив ладонь на рукоять стилета.

— Вдруг вы столкнетесь с мужественным человеком?! — воскликнул журналист. — Допустим, у него не будет матери? Что тогда?

— У него есть жизнь. А заложенный в любое живое существо эгоизм заставит капитана сохранить ее любой ценой.

— Да стоит ему хоть раз взглянуть на вас, как он сразу же поймет — живым ему уже не уйти, — заметил Билл.

Журналист как бы невзначай переместился на полшага к столу. Ему до чертиков хотелось сказать что-нибудь. Что угодно, лишь бы скрыть свои

намерения. Но голос уже предал его однажды. Не исключено, что и на этот раз выдаст с головой.

— Мы можем воспользоваться услугами мистера Ли, — предложила Мерла. — Думаю, капитан транспортника поверит такому респектабельному журналисту.

Билл увидел отдаленный проблеск надежды. Он мог выбраться из этой передряги. Его рука остановилась на полдороги к коммуникатору.

— Он слишком ценный исполнитель, чтобы так просто уничтожать его, — продолжала Мерла. — Мы всегда сможем отобрать у него кровь и жизненную энергию. Но сейчас, на мой взгляд, настала пора отправить его на Европу. Пусть там отыщет капитана транспортника, выполняющего рейсы к Унгранам, и лично сопроводит его в полете на астероид.

— Что мы этим выиграем? — удивился Джил.

— Узнаем внутреннее устройство убежища. Выясним, какой козырь профессор держит в рукаве. Возможно, галакты вооружили его чем-нибудь новеньким.

— Ты права! — Джил довольно потер руки.

— Мы немного повозимся с мозгом журналиста. Сотрем из его сознания все, что происходило в гостиничном номере и на нашем корабле. Заново

перепишем психограмму. Завтра он проснется в своей постели, понимая, что его сердце принадлежит одной загадочной девушке.

Щеки Билла вспыхнули. Перед ним бесцеремонно разворачивали цепь предательств, которые ему предстоит совершить.

— Если вы полагаете, что я могу влюбиться из-за ваших дурацких манипуляций с моей памятью... — злобно бросил Билл в ответ.

— Замолчите, идиот!!! — грубо перебила его Мерла. — Неужели до вас еще не дошло, что я спасаю вам жизнь?

— У нас достаточно времени, чтобы дождаться его возвращения, — холодно произнес Джил, игнорируя восклицание журналиста. — Наш флот прибудет сюда не раньше чем через полтора земных месяца.

— Если Унгран все-таки решил вызвать подмогу, то галактические патрульные окажутся здесь лишь через три месяца. Времени хоть отбавляй, — улыбнулась Мерла. — Слишком захолустное место ваша Солнечная система, мистер Ли!

— Ну а теперь вам придется понести небольшое, поистине милосердное наказание за ваше упрямство. — Джил с ошеломляющей, поистине звериной быстротой схватил Билла. В глазах

капитана вспыхнули багровые точки.

Билл в отчаянном рывке отпрянул в сторону, пытаясь увернуться от длинного блестящего стержня, возникшего в руке дрига.

Яркий свет залил рубку. Волна резкой боли взметнулась по позвоночнику и ворвалась в череп. Билл закричал. Его мозг разрывался на части. Журналист упал на пол.

Он закрыл слезящиеся глаза. Нахлынувший спазм сдавил горло, Билл начал задыхаться. Его сознание окутала спасительная тьма.

Глава 13

Шел третий день путешествия. Обезображенная глубокими кратерами Европа заслонила обзорные экраны. Чем дальше транспортный корабль отлетал от необозримой громадины Юпитера, тем слабее работали гравитационные двигатели. Их контуры получали все меньше и меньше энергии от оставшегося за кормой гиганта.

Старый корабль, служивший еще первым поселенцам, неторопливо погружался в бездонную ночь. Ее непроницаемая вуаль обволакивала видавший виды корпус.

Диск Юпитера полностью закрыл Солнце. В рубке вспыхнули контрольные лампы, освещая лица стоящих у пульта людей.

Билл понуро встал с неудобного кресла и вяло проскрипел:

— Ну, сколько еще, а?

Капитан транспортника Хэнарди усмехнулся.

— Еще немного. Мы уже легли на прямой курс. Точнее сказать не могу. Если в магнитосфере Юпитера начнется буря — задержимся еще на пару часов.

— Как вы все это выдерживаете? — удивился Билл, привыкший к полетам на скоростных лайнерах. Он с удивлением узнал, что здешние корабли экономят каждую каплю топлива, предпочитая тащиться на гравитационном приводе. — Я не знал, что до сих пор еще летают с такой скоростью.

— А я получаю от этого массу удовольствия, — добродушно рассмеялся капитан. Он бросил поверхностный взгляд на журналиста, который никак не мог взять в толк, что они находятся далеко не на орбите Земли или Луны. Здесь, на границах исследованного космоса, действовали совершенно другие законы. Каждый сэкономленный галлон топлива или баллон кислорода мог иметь решающее значение.

— Если бы я летал на запруженных кораблями околоземных трассах, то меня бы давно уже списали на пенсию. А так я все еще капитан корабля.

Билл, стуча магнитными ботинками, подошел к обзорному экрану. Он пристально вгляделся в бездонную черноту. Холодно светили далекие звезды. Среди них были заметны крошечные движущиеся огоньки. Билл удивленно указал на них капитану:

— Один, два, три... семь. А вон еще и еще! — пересчитал Билл. — Что это? Они перемещаются синхронно.

Хэнарди метнулся к пульту. На экране зажглись информационные окна. Появились параметры неопознанных объектов.

— Какого черта?! — выругался капитан.

На несколько мгновений в рубке зависла тишина, нарушаемая лишь разрозненными звуковыми сигналами приборов. Блеск неизвестных кораблей слабел с каждой секундой. Они удалялись на предельной скорости.

«Значит, не все здесь экономят топливо...», — подумал журналист.

— Кто они? — первым нарушил тишину Билл.

Его удивило, что Хэнарди продолжал стоять как вкопанный. Капитан не отрываясь рассматривал столбцы цифр на дисплее компьютера. Лицо шкипера помрачнело.

— Истребители полицейского патруля или кто-то еще, — медленно произнес Хэнарди. — По какой-то причине их занесло в этот район.

— Но что они здесь делают? Это же пустынные места!

— Не знаю, — задумчиво ответил капитан. — Они исчезли внезапно. Просто взяли и пропали с

радаров. Нутром чую, что-то здесь не чисто.

Билл ошарашенно сел в кресло. Этого просто не могло быть...

«Неужели это дриги?!»

Два с половиной месяца минуло с того дня, как были совершены загадочные убийства. Более месяца ушло у Билла на то, чтобы добраться с Земли до Европы. На полет к астероиду его толкнула любовь к Патриции. Билл чувствовал тоску по девушке, хотел спасти ее, помочь...

Билл не отдавал себе отчета, почему считает Унграна галактическим Наблюдателем. Но твердо понимал — только Наблюдатель сможет защитить Землю от вторжения дригов.

«Что, если это не полиция? Откуда у нее корабли, исчезающие в пространстве? — Билл вспомнил, как исчез аэромобиль Патриции. — Лишь дриги и клаги могут располагать такими кораблями... А что, если Джил и Мерла все-таки получили подкрепление?! Может, космические вампиры уже атакуют базу Наблюдателя!»

Журналист отогнал от себя невеселые мысли.

На панели приборов вспыхнуло красное табло: «Опасность столкновения!». Корабль вошел в поле астероидов. Хэнарди начал маневрировать, огибая огромные каменные глыбы.

Потянулись долгие минуты ожидания. Билл опустился в кресло. Начались перегрузки. Журналист закрыл глаза, справляясь с нахлынувшей тошнотой.

Наконец капитан облегченно выпрямился и указал на увеличивающуюся в размерах точку:

— Вот оно, убежище Унграна.

Через полчаса уже можно было различить мрачную глыбу астероида. Прожектора транспортника осветили изрытые кратерами бока. Тускло блестели редкие вкрапления породы.

Хэнарди подал кодовый лазерный импульс. В скале открылись огромные ворота, искусно замаскированные под поверхность астероида. Транспортник медленно вплыл внутрь огромного ангара.

Капитан громко выругался. На радаре вновь появились загадочные точки.

— Эти чертовы корабли возвращаются! — воскликнул Хэнарди. — Я едва успел закрыть шлюз.

— Немедленно сообщите об этом профессору. — Журналист выскочил из кресла.

— Думаю, он уже знает... — начал было Хэнарди, но его прервал громкий взрыв.

Пол затрясся под ногами. Билл отлетел к стене рубки, сильно ударившись плечом.

«Почему они пустили нас внутрь и только тогда напали на астероид?» — задал себе вопрос журналист.

На одном из экранов появилась Патриция:

— Хэнарди! — ее голос дрожал от негодования.

Капитан поднялся с пола, на который повалился вместе с Ли:

— Слушаю вас.

— Вы осмелились привести с собой незнакомца?!

— Это всего лишь журналист, мисс. Он опишет в «Мегавселенной» подробности моей работы.

— Вы самодовольный глупец! — воскликнула девушка. — Это же Уильям Ли! Из-за него дриги сейчас атакуют наше убежище!!! Немедленно приведите его ко мне!

— С какой это стати?! — начал было журналист, но тут же осекся.

Он заметил, что с волевого лица капитана исчезло все его простоватое дружелюбие. На несколько секунд воцарилась напряженная тишина, нарушаемая отдаленным грохотом взрывов.

Билл заставил себя рассмеяться. Смех получился отрывистым, нервным:

— Не думайте, что я дурак, Хэнарди. Однажды я

уже совершил ошибку, спасая жизнь этой юной леди, и с тех пор она возненавидела меня.

— Значит, вы с нею были знакомы раньше. Так? — Хэнарди исподлобья глядел на журналиста. — Вы мне не рассказывали об этом. Пожалуй, вам лучше пройти со мной, не то мне придется применить силу.

Он неуклюже вытащил из кобуры излучатель старой модели и направил широкий раструб ствола на Билла.

— Идем! — скомандовал капитан. — Пора выяснить, что здесь все-таки происходит.

Они надели скафандры и вошли в шлюзовую камеру. Хэнарди склонился к небольшому щитку приборов и набрал код открытия дверей.

Билл метнулся к капитану, сам еще толком не осознав, что делает. Хэнарди обернулся. Но было слишком поздно. Билл сцепил руки и изо всех сил заехал по шлему. Шкипер ударился головой о лицевую пластину. По прозрачному бронепластику потекла кровь.

Журналист подхватил обмякшего капитана и вытащил из безвольных рук излучатель. Потом осторожно, стараясь не шуметь, перетащил Хэнарди в ангар.

Билл осмотрелся вокруг. Их никто не встречал.

Он поднялся по винтовой лестнице и очутился на пересечении десятков коридоров. В них царила абсолютная тишина. Журналист взглянул на показания датчика, вмонтированного в рукав скафандра. Атмосфера внутри убежища была вполне пригодна для дыхания. Билл снял шлем.

«Неужели отец и дочь живут здесь одни? Без слуг? Без общения с внешним миром?» — задал себе вопрос Билл, Еспоминая редкие научные семинары, которые профессор давал раз в полгода.

С поверхности донесся грохот взрыва, от которого содрогнулись стены. С каменного свода посыпались куски породы. Билл выбрал наугад один из коридоров и помчался по нему.

«Интересно, Унгран и Патриция смогут противостоять нападению дригов?»

Профессор наверняка прекрасно оборудовал астероид. Об этом говорила царящая здесь земная сила тяжести. Чтобы ее удержать, требовалось огромное количество энергии.

Журналист вспомнил угрозы Патриции. Она могла в любой момент повстречать его в этих коридорах и убить из какого-нибудь экзотического оружия. Но Биллу смертельно надоело быть пешкой в чужой игре. Он собирался покинуть астероид и вернуться на Землю... Хотя все в нем

сопротивлялось этому желанию. Его сердце жаждало вновь увидеть Патрицию. Поговорить с ней. Почувствовать запах ее волос...

— Хоть бы указатели понавесили, черт побери! — выругался Билл, когда во второй раз попал в развилку с глубоким колодцем. Его горловину прикрывала сваренная из толстых прутьев решетка. Глубоко внизу плескалась вода.

Ли искал ангар с одноместным космическим кораблем, замаскированным под обычный спортивный аэромобиль. С его помощью он хотел вернуться на Землю, оставив инопланетным расам самим выяснять отношения.

«А как же корабли дригов, окружившие астероид? — Билл вспомнил рой ярких точек на панорамном экране транспортника. — Как прорваться сквозь их кольцо? Хотя это уже вопрос номер два. А пока стоит хотя бы найти корабль Патриции».

«Какой же я глупец! — Журналист с трудом перевел дыхание. — Мир полон нормальных, милых и простых девчонок. Какого же черта я не женился на одной из них? Так вот, на тебе — нашел на свою задницу такие приключения!!!»

Билл очутился в ярко освещенном коридоре. Тускло блестели десятки металлических две-

рей, украшенных вороненым орнаментом. Билл опрометью бросился вперед, пробуя все дверные ручки подряд. Первые четыре были наглухо закрыты.

«Не может быть, чтобы все здесь запирали под замок. Двое людей на столь уединенном астероиде не станут постоянно возиться с дверными замками, — рассуждал он. — Значит, должна быть скрытая кнопка или рычаг».

Он опустился на колени и внимательно осмотрел орнамент одной из дверей. Журналист поймал себя на мысли, что Унгран и его дочь очень гордые. Вряд ли они станут нагибаться к полу, чтобы открыть замок.

Билл выпрямился и принялся ощупывать резной узор на уровне груди. Снаружи донесся грохот еще одного взрыва, на этот раз более отдаленного.

Рука журналиста наткнулась на едва заметный выступ. Скрытый контакт замкнулся. Тишину нарушил приглушенный щелчок замка. Билл довольно улыбнулся и вошел внутрь...

Но тут же в страхе отступил, как будто пораженный молнией.

В открывшемся зале не было потолка. Над головой сияли далекие звезды. На Билла дохнуло

потоком холодного, как лед, воздуха. Перед взором журналиста мелькнули гигантские агрегаты, отдаленно напоминающие оборудование ультрасовременной обсерватории на Луне.

Журналист стремглав вылетел обратно в коридор. Он прекрасно понимал, что ледяной ветер, исходящий от охлаждающих установок, отнюдь не смертельное дыхание космического вакуума. А эффект нахождения в открытом космосе вызвал лишь кристально прозрачный купол. Но Билл ничего с не мог собой поделать — настолько резким был переход из яркого коридора в полумрак комнаты. Будто он вышел на поверхность астероида!

Дверь в обсерваторию захлопнулась автоматически прямо перед его носом.

Билл подумал о совершенных телескопах клагов, которые таила в себе эта комната. С их помощью можно было рассмотреть поединок Унграна с дригами! Вот это был бы материал для «Мегавселенной!»

Билл отогнал от себя мысль заглянуть в зал еще раз. На исследования не оставалось времени. Патриция скорее всего уже догадалась о том, что ему удалось освободиться.

«Надеюсь, она помогает отцу отразить атаку дригов и на время забудет обо мне». — Тяжело

вздохнув, он подошел к следующей двери.

Глава 14

Билл открыл дверь, слегка отличавшуюся от остальных. Резьба на ней была более затейливой. Посреди блестела разноцветная мозаика.

Билл открыл ее и с удивлением обнаружил кабину лифта. Она было очень похожа на своих земных собратьев. Журналист вошел в нее, резонно решив, что чем дальше уйдет от этого уровня, тем труднее его будет обнаружить.

Дверь бесшумно закрылась. Лифт сразу же начал опускаться. Билл удивленно оглядел стены и не нашел консоли управления. Он ожесточенно врезал рукой по пластику стены. Но система лифта была отрегулирована так, чтобы доставлять пассажиров лишь во вполне определенное место. Билл вжался в угол, ощутив спиной мелкую вибрацию кабины.

Лифт остановился. Журналист встал с излучателем наизготовку. Дверь отворилась. За ней была абсолютная темнота. Билл осторожно выглянул наружу.

Это был не абсолютный мрак космоса с его бесчисленными звездами. И не сумрак темной комнаты, которая должна быть хотя бы на

несколько шагов освещена светом лифта.

Это была просто черная пустота.

Совершенно непроницаемая!

Билл осторожно протянул руку, надеясь хоть что-нибудь ощутить. Но его кисть, оказавшись в черном пространстве, просто исчезла. Журналист испуганно отдернул руку назад и теперь с ужасом оглядел пальцы. Кожа на них светилась сама по себе. Отчетливо виднелись кости.

Свечение быстро погасло. Кожа на руке вновь приняла обычный цвет. Ладонь пульсировала от накатывающей жуткой боли, пронизывающей руку до плеча.

«Это же не лифт, а... — ошарашено догадался Билл. — Смертная камера!»

Кабина специально опустилась на этот уровень, заточив его в ловушку. Значит, лифтом управляли извне. Возможно, это Патриция нажала кнопку, вынося смертный приговор...

Билл горько рассмеялся, глядя, как в пустоте полыхнула яркая вспышка. Распустился огненный цветок, заливая кабину ослепительным светом. Из его центра выдвинулся искрящийся протуберанец.

Журналист отступил, с ужасом глядя, как пламя увеличивается в размерах. Протуберанец мет-

нулся вперед с быстротой молнии. Билл не успел вскинуть руки. Из его горла вырвался слабый крик.

Протуберанец проложил огненную дорожку к его лбу и втянулся внутрь черепа. На секунду Биллу показалось, что голова не выдержит боли и расколется как орех. Но свет померк, и...

Билл больше не был в кабине лифта. Он вновь находился в шлюзовой камере транспортного корабля. Впереди стоял Хэнарди. Капитан открыл корабельный люк.

Билл понимал, что ему следует вновь броситься на Хэнарди. Забрать излучатель и попытаться найти корабль Патриции.

«И снова попасть в ловушку с лифтом?!» — съязвил внутренний голос.

Билл почувствовал, как одна за другой рвутся нити, связывающие его с реальностью. Он прислонился к переборке и медленно сполз на пол.

Внешний люк открылся. На трапе стояла одетая в защитный костюм Патриция Унгран. В руках — тяжелый дезинтегратор.

Билл встретился с гордым, вызывающе дерзким взглядом девушки.

— Капитан Хэнарди! Отцу нужна ваша помощь на четвертом уровне, — уверенно сказала она. —

Вышел из строя один из генераторов защитного поля. Прежде чем запустить резервный генератор, необходимо отремонтировать трубопровод.

Патриция навела дезинтегратор на Билла:

— Ну а теперь, мистер Ли, пора разобраться с вами. — В ее голосе прозвучал металл.

Глава 15

Патриция остановилась у высоких двустворчатых дверей с медными ручками.

— Заходите. Это моя комната.

Билл вошел внутрь. Он не испытывал ни малейшего страха. Журналист все еще не отошел после скачка между реальностями. Его не покидало ощущение, что все это происходит во сне.

В лицо дохнуло свежим прохладным ветерком. Где-то вдалеке раздавалось веселое птичье пение. У стены стояла широкая кровать, похожая на царское ложе. Пол устилал дорогой красный ковер с затейливым орнаментом. За огромными, до самого пола окнами разворачивалась панорама небольшого сада с овальным прудом.

Билл ошеломленно рассматривал чудеса, которыми его встретила комната Патриции Унгран. Он прикоснулся к разгоряченному лбу, чувствуя, как спазмы боли пронзают голову. По щекам потекли крупные капли пота.

— Что с вами? — удивленно спросила девушка.

Журналист бросил на нее исполненный ненависти взгляд и отрывисто прохрипел:

— К чему эта ложь? Ведь несколько минут назад

вы чуть не убили меня в кабине лифта!

Глаза девушки недоверчиво сузились:

— Не знаю, о чем вы говорите, — произнесла она ледяным тоном. — Но отговорки не спасут вас от кары за предательство.

— Просто замечательно! — воскликнул Билл. — Дриги хотят меня убить, клаги хотят меня убить... Это вы так развлекаетесь?!

Патриция несколько секунд нерешительно молчала.

— В каком лифте вы побывали? — недоверчиво спросила девушка.

Билл угрюмо объяснил, как все происходило.

Патриция выслушала его рассказ с непроницаемым лицом. Она высокомерно усмехнулась:

— Никогда не слышала ничего подобного! Если это какая-то уловка — тогда берегитесь! Никто не лишал сознания Хэнарди. Когда открылся люк транспортника, капитан стоял как ни в чем не бывало.

— Послушайте! — начал было журналист, но тут же растерянно замолчал. Он, понял, что доказывать что-либо бесполезно.

«Боже праведный!!! Как Хэнарди мог открыть люк, когда я точно помню, что ударил его по голове! Как Патриция очутилась в ангаре, если ее

не было в нем раньше?»

Ведь чуть раньше...

Он ударил Хэнарди и оставил его лежать в ангаре. А затем нашел лифт и спустился. После чего каким-то непонятным образом снова оказался в шлюзе корабля, для того чтобы...

Билл схватился за голову. Виски защемило от резкой боли. Перед глазами вновь возникло сияние огненного протуберанца.

Нечто яркое жило внутри черепа...

Патриция навела на журналиста дезинтегратор. Ее тонкие пальцы легли на спусковую скобу. Мысли Билла смешались. Ему показалось, что он сходит с ума.

«Неужели она хладнокровно убьет меня? Черт! Это же надо было самому сунуть голову в петлю!!! Кажется, упоминание о кабине лифта и об огненном цветке на некоторое время озадачило ее...»

Билл ухватился за последнюю мысль, как тонущий хватается за соломинку. Нужно отсрочить смерть хотя бы на несколько минут. Решимость Патриции слегка поколеблена. Возможно, ему удастся ее переубедить, а потом забрать оружие...

— Мне кажется, вы действительно поражены моими словами, — не мешкая произнес Билл.

Смутный свет надежды немного развеял мрак охватившего его отчаяния. — Давайте начнем все сначала. Ведь такая комната есть на астероиде? Верно?

— Здесь нет комнаты с «черной пустотой», как вы ее называете. Нет ничего сверкающего, похожего на огненный цветок. И конечно же нет искрящихся протуберанцев, проникающих в голову человека.

— А что я тогда видел?

— Несомненно, дриги изменили вашу психограмму. И эта фантастическая иллюзия всего лишь следствие их вмешательства в ваш рассудок.

— Но зачем им это?!

— Не спорьте со мной. Я знаю, что говорю. Ведь мой коэффициент умственного развития намного выше вашего.

Журналист открыл было рот, чтобы возразить, но Патриция недвусмысленным движением дезинтегратора остановила его.

— Нет времени на пустую болтовню. Мне одно непонятно — с какой целью дриги прислали вас сюда?! Что вы могли увидеть здесь такое интересное для них?

— Не знаю... — Билл прижал ладони к пульси-

рующим болью вискам. — Я ничего не знаю...

— Идемте, проверим ваши слова. — Патриция распахнула небольшую дверцу в стене комнаты. — Я докажу, что все чудеса — всего лишь плод вашего воображения.

Они спустились в ангар. Люк транспортника по-прежнему был открыт. Билл с некоторым страхом осмотрел то место, где оставил оглушенного Хэнарди. Повинуясь жесту Патриции, он направился к входу в подземные коридоры.

Под ногами затрещали осколки обрушившейся с потолка породы.

«Интересно, как там атака дригов? — подумал Билл, напряженно прислушиваясь. Взрывы давно смолкли. — Неужели она захлебнулась? Какой же поистине несокрушимой мощью должен обладать профессор Унгран, чтобы отразить нападение стольких кораблей!»

Журналист начал отсчитывать металлические двери:

— Одна, вторая, третья, четвертая, пятая! Вот эта дверь! Я даже на секунду ощутил себя в открытом космосе!!!

— Откройте ее! — Патриция приставила приклад дезинтегратора к плечу.

Билл повиновался. Но тут же от потрясения

у него отвисла челюсть. Журналист широко открытыми глазами смотрел на прекрасно обставленную уютную комнату, ряды полок с книгами в роскошных переплетах. У стены стояли несколько удобных кресел. На полу лежал великолепный ковер.

— Это наша библиотека. — Девушка плотно прикрыла дверь. — В ней много старинных книг на настоящей бумаге.

Билл мелко задрожал. Он ощутил весь ужас вышедшей из-под контроля ситуации. Патриция направилась к шестой двери:

— А вот это, судя по вашему рассказу, лифт?

Журналист безмолвно кивнул и уже не удивился, когда вместо небольшой кабины его взору открылся длинный, пустынный коридор. В нем царила полнейшая тишина.

Билл лихорадочно взглянул по сторонам, чувствуя себя загнанным в угол зверем. Патриция стояла вполоборота к нему, и если ударить посильнее, ее голова врежется в дверной косяк...

Он сжал было кулаки, но тут же остановился. Одна мысль о том, чтобы ударить девушку, была ему противна.

Патриция все время была начеку. Она мгновенно повернулась. Журналист поразился быстроте

ее реакций. Девушка пристально взглянула ему в глаза. Ствол дезинтегратора замер на уровне его живота.

— Забудьте о сопротивлении, — спокойно сказала Патриция. — На мгновение мне захотелось убить вас с целью самообороны. Так намного легче, чем убивать по необходимости, как бездушный автомат. Каждый застреленный человек похищает частицу моей души...

— Неужели вы хладнокровно убьете меня?

— В космосе нельзя быть слабым. Это влечет к проигрышу и неминуемой смерти, — ее слова хлестали воздух, как удары бича.

— Но вы же работаете на галактов! Неужели вы не творите добро?

— Не вам судить о деяниях моей расы. Особенно после того, как дриги основательно покопались в вашей голове.

— Ну что же... Я готов! — Билл отступил на несколько шагов.

— Нет, не здесь. Идите назад в мою комнату. Там есть шлюз. Через него я выброшу ваш труп в космос. Ступайте!

Мертвую тишину коридоров нарушил звук шагов. Билл напряженно прислушивался, надеясь на чудо. Но казалось, на астероиде остались

только они вдвоем. Даже сражающийся с дригами профессор Унгран в этот момент казался журналисту не больше чем призраком...

Реальность сосредоточилась в тихо идущей за спиной Патриции. Да, девушка была материальна!!! Из плоти и крови. Ее рассудок пылал от ненависти к извечным врагам. Борьба с ними уже положила на алтарь галактов бессчетное количество ни в чем не повинных душ.

Потеряв всякую надежду на спасение, Билл тащился в комнату Патриции. Считанные минуты остались до того момента, как смертный приговор будет приведен в исполнение. Билл уже ощущал жаркое дыхание потока плазмы...

Больше всего журналиста раздражало то, что он все еще чувствовал привязанность к Патриции. Лишь его любовь остановила попытку завладеть дезинтегратором. Билл даже не хотел возражать этой бессердечной девушке, понимая, что при этом будет иметь жалкий вид.

Журналист переступил порог комнаты Патриции. Донеслось пение птиц. Оно заставило его встрепенуться, пробудив угасший интерес к жизни. Билла охватило восхищение. Он подошел к огромному окну и залюбовался восхитительным цветущим садом.

Перед ним простирался по меньшей мере целый гектар зеленого чуда. Здесь росли прекрасные цветы и деревья. Птицы яркой раскраски весело порхали с ветки на ветку и выводили мелодичные трели. Овальный пруд поблескивал чистой водой. И над всем этим — ослепительно-яркое великолепие солнечного света.

Билл стоял, затаив дыхание. Он любовался буйством близких сердцу земных красок. Так приятно было увидеть здесь, так далеко от Земли, настоящий сад. Он походил на частицу дома.

— Я понял! Крыша сада состоит из усилителей далекого солнечного света, — не оборачиваясь, произнес Ли.

— Они делают Солнце таким же большим, как на Земле. Если это...

— Вам лучше повернуться ко мне лицом, — раздался резкий голос позади него. — Я не стреляю людям в спину. Это против моих правил.

Холод ее слов привел Билла в бешенство. Он резко обернулся и выплеснул свой гнев:

— Значит, жалкие клаги неспособны выстрелить мне в спину?! Пытаетесь поведать о своих благородных принципах?! К чему эта ложь? Не будь у вас дезинтегратора — то не погнушались бы зарезать меня ножом. Так чего же вы ждете?

Может, мне стать на колени и закрыть глаза, чтобы вы пришли в согласие с вашей так называемой совестью?!

Он встретился с ней взглядом. За все время пребывания на астероиде, землянин был так поглощен своими мыслями, что не видел в ней... женщину.

Билл глубоко вздохнул. В облегающем комбинезоне Патриция была очень красива. Белокурые волосы каскадами ниспадали на плечи. В каждом движении и жесте чувствовалась грация и ловкость. Смуглое лицо было необыкновенно красивым, но его портило выражение гнева. Точеные щеки пылали. Девушка попыталась осадить его:

— Не смейте со мной так разговаривать!

Она была вне себя. Ее охватила беспредельная ярость. Это сразу же вызвало ответную реакцию Билла:

— Клаги! — уничижительно крикнул он. — Тупые клаги! Вы ведь понимаете, что дриги отшлепали вас, как младенцев! Как животных низшего порядка! Переплюнули по всем статьям. Ваши претензии на могущество — всего лишь компенсация за ту унылую, тоскливо-одинокую жизнь, которую вы обречены здесь вести. И все

это благодаря не очень высокому, по сравнению с галактиками, умственному развитию. Вам просто необходимо постоянно самоутверждаться. Но между тем только второсортных в умственном отношении существ отправляют на столь удаленные форпосты. Поэтому там оказываются именно клаги! Даже не леннелиане! Мерла оценила вас ниже леннелианки, и она знала, что говорила. Я думаю коэффициент развития дригов на несколько порядков выше вашего! И вы тоже это понимаете. Разве не так?

— Замолчите! — крикнула Патриция Унгран. — Или я буду убивать вас медленно!

Ли поразило, что при этом она побелела, как полотно. Неужели ему удалось задеть ее за живое? Где уязвимое место этой инопланетной женщины?

— Вот как?! Раз у вас оружие, так вам и решать, что мне говорить, а что нет? Не выйдет! Если нечего терять — то нечего и бояться! — умышленно резко произнес журналист. — Значит, высшие соображения нравственности уже уходят на второй план? Теперь вы готовы замучить меня до смерти, без угрызений совести. Подумать только, я прилетел сюда из-за любви к вам. Да, я понимаю, насколько глупы и жалки мои чувства... Но

мы, земляне, подчиняемся зову сердца.

— Вы что? С ума сошли? — изумлено воскликнула девушка. — Так вот, где отправная точка гипноза дригов! Они всегда прибегают к помощи самых примитивных побуждений, когда имеют дело с низшими существами. Но теперь вы уже вдоволь наговорились. Мне стал понятен образ мышления влюбленных особей мужского пола человеческой породы. Я испытываю к вам отвращение и оскорблена до глубины души. Должна вам сказать, что мой будущий муж прибывает вместе с подкреплением через три недели. Он будет стажироваться для того, чтобы принять обязанности у моего отца и...

— Еще один всесильный клаг? — иронически произнес Билл. Патриция от этих слов побледнела еще сильнее.

Журналист не мог прийти в себя. За всю свою жизнь он не встречал существа, подобного этой юной девушке. Непроницаемая маска была сброшена. Под нею оказалась бурлящая волна эмоций одинокого и ожесточенного человека.

Билл уже не мог остановиться. Ему было не до жалости, ибо ставкой в игре стала его жизнь. Только так он мог отсрочить свою гибель. А может, действительно разъярить Патрицию до

такой степени, чтобы она в бешенстве разрядила дезинтегратор?

Журналист решил рискнуть. Он продолжил вколачивать гвозди в душевные раны девушки:

— Хочу задать вам один вопрос. Почему вы ставите себя выше нас, людей? Что дает вам право судить об этом? Да, мы более молодая раса. Но и более чувственная. Мне кажется, вы так яростно хотите уничтожить меня лишь потому, что ваш интеллект отвергает саму идею столь низкой, недостойной любви. Вы во власти освободить меня от гипноза дригов. Но все же...

Девушке хватило нескольких секунд, чтобы совладать с обуревавшими ее эмоциями. Она повела коротким стволом дезинтегратора в сторону небольшой двери, которую Билл сразу не заметил.

— Мне кажется, — отрывисто бросила Патриция, — есть и другой выход, кроме казни.

Билл слушал, затаив дыхание.

— Я решила пожертвовать своим космическим кораблем. — Она кивнула в сторону двери. — Он там, в шлюзе. Управление предельно простое, сходное с вашими аэромобилями. Маневрирование осуществляется с помощью рукоятки. Чтобы взлететь, достаточно нажать педаль аксе-

лератора. Для торможения предназначена левая педаль. Зеленая кнопка на консоли — включение автопилота, который просчитает курс до Земли. А теперь — в путь! Вряд ли мне стоит предупреждать вас о том, что дриги скорей всего задержат вас. Но в любом случае на астероиде вы не можете оставаться.

— Спасибо! — сдержанно поблагодарил Билл.

Он остановился у воздушного шлюза. Перед его глазами предстали светящиеся точки кораблей дригов. Билл представил, как их штурмовики набросятся на крохотный беззащитный корабль Патриции. Дриги разнесут его в щепки прежде, чем разберутся, кто сидит у штурвала...

Журналиста охватил приступ головокружения. Все поехало перед глазами. Билл начал падать, заваливаясь на спину. Яркий свет комнаты в одно мгновение сменился непроглядной тьмой.

Мрак постепенно развеялся. Внешний люк транспортника открылся. На трапе стояла Патриция Унгран. Она обратилась к Хэнарди, велев ему спуститься на четвертый уровень.

— Ну а теперь, мистер Ли, пора разобраться с вами, — произнесла она металлическим голосом.

Глава 16

Самым удивительным было то, что Билл снова повиновался, не испытывая особого беспокойства.

В комнате Патриции его щеки вновь ласкал прохладный ветерок. Где-то вдалеке раздавалось веселое птичье пение. Билл стоял неподвижно. прекрасно понимая, что с ним произошло.

Все всплыло в воспоминаниях...

То, как дриги вторглись в его гостиничный номер и безжалостно принудили покориться их воле. То, как подействовала на него «черная пустота» и как Патриция пощадила его.

По какой-то причине сцена с девушкой перестала удовлетворять вселившийся в него разум. Предыдущая реальность исчезла. Все начиналось сначала, но с определенной точки. С того момента, как он оказался в ангаре.

Поток воспоминаний иссяк. На смену пришло ощущение, что в голове засело НЕЧТО, чему разум инстинктивно пытался противодействовать. Билл чувствовал холодное дуновение чуждого разума. Он наблюдал за каждым его помыслом и поступком.

Наблюдение...

Едва не обезумев, журналист схватился за голову. По телу прокатилась волна дрожи.

«Что со мной сделали?» — среди хаотично мечущихся мыслей вспыхнул вопрос.

Но ответа он не знал. Оставалось действовать дальше, подчиняясь законам окружавшего мира, где люди превращались в бездушные куклы.

На секунду Билл подумал, что если ткнуть Патрицию ножом, из нее посыпятся труха и опилки. А откуда-то сверху раздастся недовольный рык того, кто дергает за пришитые к ее изящному телу нити...

Журналист дрожащими руками притронулся ко лбу. Провел ладонями по голове. Где-то на самой периферии сознания мелькнула шальная мысль — что если он надавит покрепче, может...

Билл в страхе отдернул руки, яростно выругавшись про себя. Он точь-в-точь повторял все свои действия в предыдущей реальности. Но на этот раз ему удалось зайти немного дальше в осознании своего положения.

Патриция смотрела на него в упор.

— Что с вами? — приглушенно спросила она.

«Те же слова, что и раньше... Та самая интонация...», — подумал Билл.

Звук ее голоса сотворил чудо. Журналист кисло улыбнулся. Его собственный ум поднялся из темной бездны, где до сих пор беспомощно барахтался. Билл попытался вновь обрести контроль над зыбкой реальностью.

К журналисту почти вернулась способность нормально мыслить. Белесая пелена спала с глаз, хотя в ушах молотом отдавались частые удары сердца. А боль по-прежнему упорно дырявила основание черепа. Билл был слишком подавлен, чтобы четко анализировать реальность. Единственное, что казалось очевидным — Патриция ничего не помнила о предыдущей сцене. Иначе она бы не повторяла, как попугай, одни и те же слова...

Журналист сдавленно вскрикнул от дикой боли, пронзившей череп. Произошло нечто совсем уж невообразимое. Чуждый разум зашевелился и выглянул наружу через его, Уильяма Ли, глаза. Он стал внимательно наблюдать и оценивать окружающий мир, исполненный решимости действовать.

Комната Патриции изменилась...

Эта перемена была подобна легкой полупрозрачной вуали, промелькнувшей вокруг Билла.

Мебель, всего несколько секунд назад казав-

шаяся совершенной, превратилась в набор совершенно не подходящих друг другу книжных полок, убогих столов, потертых диванов и кресел. Ковер на полу поблек. На бардовом ворсе появились грязные проплешины.

Взор Билла устремился в сад за окном. Пение птиц стало надтреснутым, напоминающим воронье карканье. С хилых кустарников облетала жухлая листва. Обгоревшие, искривившиеся от ветра стволы деревьев стали похожи на скелет гигантского животного. Озеро посреди сада превратилось в угрюмое болото. Его поверхность то и дело вспучивалась от огромных пузырей. Они лопались, разбрасывая во все стороны зеленую тину.

Билл в ужасе замер. Больше всего он боялся взглянуть на Патрицию — хозяйку этой угрюмой комнаты.

Все же журналист медленно, будто сомнамбула, повернулся. Его движения стали вялыми. Мышцы почти не повиновались ему. Он оглядел Патрицию с ног до головы, поражаясь, как все-таки можно было полюбить это несчастное создание?

На лице девушки виднелись следы вырождения — сказывалось извечное одиночество,

нехватка общения и тоска по далекому дому.

Кожа была бледной, почти прозрачной из-за нехватки солнечных лучей. Глаза лихорадочно блестели на худом лице. Грязные неухоженные волосы туго стягивал металлический обруч из яркого метала. Его блеск резко контрастировал с выцветшим, протертым до дыр комбинезоном.

Худые руки сжимали ржавый дезинтегратор. Длинный палец с неухоженным ногтем дрожал на спусковом крючке. На штанине комбинезона зияла большая дыра, сквозь которую виднелась худая коленка.

«Только чары дригов могли заставить меня полюбить это жалкое создание!» — сделал мысленный вывод Билл, пока его взгляд скользил по девушке.

А затем пришло понимание высшей цели...

Ее нужно было немедленно осуществить. Билл это понял так же ясно, как и то, что ржавые дезинтеграторы не стреляют.

Журналист метнулся к Патриции. Девушка запоздало повела оружием. На ее лице отразилось изумление. Но Билл тут же ударил по дезинтегратору, почувствовав, как хрустнули тонкие пальцы. Патриция вскрикнула и выронила оружие. Дезинтегратор со звоном ударился об пол.

Из раструба ствола посыпалась ржавчина.

Ли схватил Патрицию за плечи и резко встряхнул. Девушка попыталась вырваться. Ее мышцы перекатывались под комбинезоном как стальные пружины. Но Билл лишь криво усмехнулся и грубо швырнул ее об стену. Патриция обессиленно сползла на грязный пол.

Журналист снял пояс и крепко связал ей руки за спиной. Затем отступил назад, глядя на свою работу. Какая-то часть его души всколыхнулась, запротестовав против насилия над девушкой.

Однако внутренняя борьба продолжалась всего лишь мгновение. Патриция открыла глаза. И тут же вновь показалась жалким, распластавшимся на полу существом. Билла неприятно поразила ее кровь, стекающая с раны на виске. Она была зеленого цвета.

Журналист брезгливо отвернулся.

Билл расправил плечи и задумался о том, что бы еще сделать для полного захвата астероида.

Победа вампиров была не за горами.

Глава 17

Билл остановился у лестничной клетки, удивленно глядя по сторонам. Он не сразу осознал, что происходит. Всего секунду назад он находился в комнате Патриции, а теперь оказался на залитой тусклым светом аварийных огней площадке.

Смутная, едва различимая мысль шевельнулась в голове: «Теперь дригам известно строение астероида».

Однако противиться Билл не мог. Он шагнул вниз по ступеням, то и дело спотыкаясь о куски мусора. Но журналиста это мало заботило. Он вслушивался в гулкий звук своих шагов. Именно он был последним звеном, связывающим с реальностью. Ритмом внешней жизни, который пока еще не изменился. И Билл шагал, шагал, шагал...

Ступени закончились. На стене ярко горело табло: «Четвертый уровень».

— Вот я и на месте! — выдохнул Билл. Его голос стал похожим на глухое карканье старика.

Журналист оглядел большой тускло освещенный зал, в котором очутился. Огромные конструкции силовых генераторов занимали почти все пространство. Под прозрачными ко-

жухами было видно, как пульсирует похожая на кровь синеватая энергия. Пучки огромных трубопроводов устремлялись к потолку, передавая ее пульсацию в наружные защитные экраны.

Вдалеке стоял Хэнарди. Капитан склонился над разобранным на верстаке агрегатом, состоящим из блестящих конструкций. Хэнарди сваривал разорванную горловину трубопровода.

Билл поднял с пола обрезок трубы и осторожно подкрался к нему. Он испытывал двойственные чувства — ведь он уже раньше ударил Хэнарди... Теперь приходилось делать это снова.

Билл широко размахнулся и обрушил удар на затылок капитана. Хэнарди упал на верстак. Сварочный аппарат, разбрызгивая искры, отлетел в сторону.

«Если будет еще одна реальность, может, в ней я буду стрелять в Хэнарди? А потом? В конце концов дойду до того, что просто взорву астероид, а не буду тратить времени на поиск клагов в этой чертовой крысиной норе?»

Билл громко рассмеялся, представив, как астероид Унграна разлетается на куски. Журналист восторженно всплеснул руками.

Генераторы заработали более напряженно. Их гул усилился. С поверхности донесся грохот

взрыва. Стены зала мелко завибрировали.

Билл обернулся. Он впервые заметил круглую сферу, находящуюся в центре зала. Что-то подсказывало ему, что именно в ней сейчас находится профессор Унгран.

Задумайся землянин хоть на секунду, откуда пришла эта подсказка, — он бы тут же в ужасе остановился... Но было слишком поздно. Крепко сжимая обрезок трубы, журналист взбежал по винтовой лестнице и замер на пороге сферы.

На огромных обзорных экранах разворачивалась панорама звездного неба вокруг астероида. Серебристые точки сотен кораблей дригов окружили его со всех сторон. То и дело яркие нити плазмы огромных корабельных дезинтеграторов вспарывали дрожащую синеву защитных экранов.

В такие моменты на изогнутых полукругом пультах вспыхивали красные огни тревоги. Освещение в сфере на секунду меркло. Из зала доносилось натужное гудение силовых генераторов.

Рядом с пультом стоял профессор Унгран. Он был полностью поглощен развернувшейся панорамой битвы. Тонкие пальцы носились по клавишам, подключая дополнительные источни-

ки энергии и корректируя огонь оборонительных батарей.

С установленных на поверхности астероида излучателей вырывались ослепительные лучи. Один из кораблей дригов развалился на куски и начал падать на поверхность, превратившись в огненный шар.

Билл шагнул вперед. Он решил воспользоваться моментом, когда Унгран сосредоточил все внимание на падающем истребителе.

Но профессор оказался намного быстрее, чем Хэнарди. Он, как зверь, почувствовал опасность и резко обернулся. В прищуренных глазах загорелся гнев. Унгран выхватил карманный дезинтегратор. Билл мгновенно ударил, выбивая оружие и ломая кисть.

Профессор отлетел к пульту.

— Кто ты?! — прорычал Гаррет Унгран. — Предатель, переметнувшийся на сторону вампиров?!

Билл не стал отвечать. Обрезок трубы врезался в висок профессора. Унгран упал без чувств.

Журналист склонился над ним и пристально вгляделся в лицо. Этот человек прямо-таки источал энергию, которую не могла зафиксировать никакая фотография. Но в отличие от злобной энергии дригов, от него исходили волны добра

и печали.

Его черты слегка отличались от тех, что Билл видел на фотографиях. На снимках профессор выглядел сильным и энергичным человеком. Но в жизни благородное лицо Унграна отмечала печаль. В прорезавших лоб и щеки морщинах читалась огромная усталость. Душевные страдания наложили свой отпечаток, придав чертам стоическое спокойствие и даже некоторую покорность судьбе.

Билл смог понять профессора...

Унгран устал от бесконечной борьбы со злом, окружавшим его со всех сторон. Здесь, на задворках владений галактов, он думал найти покой. Но пришлось встретиться с извечными врагами — дригами.

Однако в уме Билла тут же зародился и совершенно иной ответ: профессор и его дочь всего лишь умственно недоразвитые существа. Они ограниченные недоумки, сосланные в Солнечную систему, чтобы не мозолить глаза галактам.

Мысль пришла неожиданно. Она вызвала у Билла приступ жесточайшей ярости.

«Как?! Как эти инопланетные уроды могли еще пытаться уничтожить меня? Да, этой сопливой Патриции есть от чего тронуться — родилась

и выросла на куске камня, носящегося вокруг Юпитера. Не видела других существ, кроме таких же недоумков клагов, изредка навещающих их убежище. И она еще смела повести себя со мной так нагло на Земле!!!»

Билл равнодушно бросил Унграна на пол. Профессор тихо застонал.

«Кому-то же нужно выполнять самую нудную, не требующую особого ума рутинную работу. Кому еще поддерживать стабильность высокоразвитой цивилизации галактов, как не клагам и им подобным? Неудивительно, что вид у них как у идиотов!»

Громыхнул взрыв. Экраны сферы залило яркое зарево. Под ногами вздрогнул пол. Подбитый истребитель дригов обрушился на поверхность астероида.

Натужно завыли сирены. На пульте замигали аварийные сигналы. Даже неискушенному взгляду Билла стало ясно, что нарушена цельность окружавшего астероид силового поля. Огромная брешь разрасталась. Силовые генераторы не справлялись с чудовищной нагрузкой.

Билл принялся отключать защитные экраны. На мониторах один за другим гасли схематические изображения силовых щитов, окутывающих

астероид. На панорамных экранах исчезло фиолетовое свечение у горизонта.

Генераторы сбавили мощность. Пульсация энергии в них заметно поубавилась. Наполнявший зал монотонный гул затих.

Журналист стремглав выскочил из сферы. Он больше нигде не останавливался. Билл покинул зал, даже не взглянув на лежавшего без сознания Хэнарди. Он взбежал по лестнице и очутился в комнате Патриции.

Девушка почти освободилась от пут. Она подползла к письменному столу и пыталась дотянутся до кнопки тревоги.

— Бесполезно, — холодно заявил журналист. — Ваш отец не услышит сигнал.

— Что вы с ним сделали? — обессиленно прислонилась к стене Патриция.

— Да так, ничего... Просто поставил на место.

Билл открыл люк небольшого ангара. В свете прожекторов блеснул спортивный аэромобиль. Журналист восхищенно дотронулся до обтекаемого капота космического корабля, скрывающего мощные планетарные двигатели.

«Наши ученые даже не мечтают о таких технологиях! — Билл сел в кресло. — Нужно будет побыстрее его продать, пока галакты не надумали

передать нашему правительству свои знания».

Билл провернул стартер. Автоматически закрылся люк, ведущий в комнату Патриции. В последний миг землянин взглянул на экран заднего обзора. Он различил испуганное лицо девушки, смотрящей ему вслед. Патриция стала прежней — красивой и утонченной.

Но Билла это мало заботило. Он вдавил акселератор.

Отворились внешние створки ангара. Из дюз ударило яркое пламя. Корабль вырвался во мрак вечной ночи.

Билл умышленно сразу взял влево, стараясь на полной скорости обогнуть истребители дригов и незаметно скрыться. Сверкающий вспышками взрывов астероид растворился в черноте вечной ночи позади корабля. Журналист довольно улыбнулся и вжал педаль акселератора до упора. На дисплее компьютера высветилась Земля. Автопилот начал прокладывать курс.

Внезапно показатели скорости резко упали. Приборы будто бы сошли с ума. По экранам мониторов пошли статические помехи. Билл громко выругался. Корабль охватило колышущееся поле силового луча. Сквозь него слабо просвечивали далекие звезды.

Огромный танкер дригов притягивал миниатюрный аэромобиль-обманку Патриции. Билл попытался включить защитные экраны, но сложная панель и надписи на непонятном языке привели его в замешательство. Журналист принялся отчаянно нажимать на все клавиши подряд. Но корабль не реагировал...

Через полминуты силовой луч втянул его в сигарообразный танкер. Створки ворот бесшумно замкнулись, отрезая свободу космоса.

«Все... Попался...», — затравленно огляделся Билл.

Из овального люка вышли Мерла и Джил. Они были одеты в серебристые доспехи.

Билл открыл дверцу и подбежал к ним.

— Я сделал все, как вы хотели! — начал оправдываться журналист. — Астероид полностью лишен защитных полей, а профессор и его дочь выведены из строя.

Но дриги не слушали его. Билл замолчал, глядя в их холодные глаза.

«Почему вообще нужно что-либо им объяснять? Они и так все знают...»

— Нам удалось провести самый удачный сеанс гипноза за всю историю! — усмехнулся Джил. — Билл, вы просто молодец! В одиночку проделали

то, что не удавалось даже лучшим нашим агентам. Осуществили все наши самые тончайшие замыслы, заложенные в ваш разум. Справились как надо!

— Владея убежищем клагов, мы продержимся и после прибытия галактических крейсеров. Теперь мы наполним наши танкеры таким количеством крови и жизненной энергии, что хватит на десять тысяч лет вперед! — воскликнула Мерла. — Ты слышишь меня, Уильям Ли, на десять тысяч лет!!! Тебе не понять, сколько это времени!!!

— Наша победа очень внушительна. О нас сложат легенды. — Джил с холодной, горделивой улыбкой посмотрел на женщину. — Дорогая, теперь тебя ждет вознаграждение.

— О, я всегда мечтала об этом, — прижалась к его плечу Мерла. — Наши имена высекут в храме Совета...

— Не забудь еще одну свою мечту. — Джил кивком указал на землянина. — Забирай его. Удовлетвори свою страсть, пока мы будем захватывать астероид.

Мерла схватила Билла за руку.

— Его связать? — поинтересовался перед уходом Джил.

— Нет. — Женщина положила руку на плечо журналиста и ослепительно улыбнулась. — Я справлюсь!

«Скоро я отведаю поцелуй смерти...», — отрешенно подумал Билл.

Чары гипноза начали развеиваться. Присутствие чуждого разума, диктующего свою волю, отошло на задний план, затаилось. Постепенно, будто бы отходя от наркоза, Билл начал понимать, в какую ловушку попал.

«Господи! Я же собственными руками сломил сопротивление клагов...», — содрогнулся он, вспоминая свои действия на астероиде.

Журналист почувствовал все усиливающееся жжение на сгибе плеча. Он закатал рукав и ужаснулся. Вена была вся в следах от уколов.

— Мы ввели тебе гормональные усилители, — заметила Мерла. — Поэтому ты так легко справился с клагами. Эта сила понадобится тебе и в моей спальне. Идем!

Женщина бесцеремонно потащила его по освещенному зеленоватым сиянием коридору. Она, как игрушку, втолкнула журналиста в свою каюту. Билл повалился на широкую кровать.

Он понял, что пришел час расплаты за содеянное, и крепко зажмурил глаза.

Глава 18

Билл слабо пошевелился. Он заинтересованно оглядел стоящую у огромного зеркала Мерлу. Женщина не торопясь расчесывала волосы.

«Что они хотят? Какую страсть? Неужели мне предстоит заниматься с ней любовью?» — ужаснулся Билл.

Мерла скинула доспехи, оставшись лишь в плотно облегающем трико, и села на край кровати рядом с журналистом. На ее губах играла широкая улыбка.

— Ну вот мы и одни, — тихо произнесла она.

Мерла стала похожа на приготовившуюся к смертельному прыжку кошку. В каждом изящном движении стройного тела просматривалась откровенная целеустремленность.

— Остались одни... — эхом повторил Билл, не в силах отвести взгляд от глаз женщины.

В них сумрак ночи смешался с пламенем страсти. Низменные чувства искрились в бассейне жестокости. В красном блеске зрачков сосредоточилось все зло мира... Но одновременно они показались Биллу самыми притягательными и чарующими.

Казалось, стоит прикоснуться к изящным плечам, обнять тонкую талию, и он почувствует обжигающий вкус самой вселенной...

Билл приблизился к Мерле. Женщина улыбнулась. Журналист заметил хищный блеск клыков и нерешительно замер. Его затрясло в ознобе. В голове мелькнула жуткая мысль:

«По сути она живой мертвец, существующий за счет жизненной энергии и крови других существ...»

Билл отпрянул в сторону. Женщина улыбнулась еще шире. Но бездушные глаза продолжали оставаться холодными. Никакая, пусть даже самая очаровательная улыбка была не в состоянии смягчить прекрасное, но все же бесконечно холодное лицо убийцы-вампира.

— Путь моей расы — это сплошная борьба за выживание, — тихо начала Мерла. — По сути своей мы очень одиноки. Настолько одиноки, что временами я даже задумываюсь о смысле нашего бытия. Мой народ давно потерял цель, к которой стремился. Он стал на путь бесконечных войн. Лишь кратковременная эйфория побед да пробуждающий инстинкты вкус крови не дает нам превратиться в безумцев.

— Но почему вы питаетесь кровью других

существ? — возразил Билл. — Ведь вы очень высокоразвитая раса и легко могли бы найти ее заменители. Например взять кровь у животных.

— В том, что мы такие, нет нашей вины. Беда постигла мой народ более миллиона лет назад во время Великого межзвездного перелета. — В ее голосе зазвучала печаль, так резко контрастирующая с безразличным выражением лица. — Огромный неповоротливый корабль-колония попал в зону гравитационного воздействия звезды, впоследствии названной Светилом дригов. Ее излучение, смертельно опасное для биологических организмов, поразило моих предков. Они высадили спасательные шлюпки на ближайшую обитаемую планету этой системы... Но было слишком поздно. Все взрослое население погибло от неведомых болезней. Однако на корабле-колонии осталось много детей. По какой-то неведомой причине именно им удалось выжить. Но излучение Светила дригов изменило их организмы, превратив в вампиров. Они начали охотиться на животных, но не ели их, а лишь пили кровь и поцелуем смерти добывали жизненную энергию.

— Ужас, — прошептал Билл, представив, как полуголые дети охотятся на зверей, чтобы высосать кровь.

— С тех пор прошло много времени. Благодаря мутациям мы живем очень долго. Наше техническое развитие шагнуло далеко вперед, и мы можем накапливать кровь и жизненную энергию про запас, храня их целыми столетиями.

— Но почему вы нападаете на нас, людей? — удивился Билл. — Зачем вкладывать столько сил и так рисковать, когда по-прежнему можно питаться животными?

— Потому что они не сравнятся с разумными существами. Жизненная энергия животных — это суррогат инстинктов и страхов. А вкус энергии разумного существа означает очередную победу нашей расы. Ведь мы остались одни против всей вселенной. Поэтому мы и покинули нашу планету, став космическими скитальцами. Теперь вселенная наш дом, а остальные расы — пища.

И все же Билл не мог испытывать сочувствия к Мерле. Хотя она явно рассчитывала на его ответную реакцию.

Женщина нарисовала картину унылого, беспросветного существования внутри космических кораблей. Описала годы в окружении бесконечной космической ночи за бортом.

Да, им приходилось вести унылую жизнь, наполненную лишь яркими вспышками насы-

щения кровью и энергией. И при этом ощущать, как постепенно титаническая гравитация проносящихся рядом с кораблем чужих солнц калечит организмы. Жесткие излучения глубокого космоса доводят до полного безумия, влияя на уже измененные Светилом дригов нервные клетки. И все это необходимо лишь для поддержания жизни в мутировавших организмах, пораженных неизлечимым заболеванием.

Билл слушал все это, почти не испытывая никаких эмоций. Даже в самые драматичные моменты рассказа Мерла оставалась по-прежнему холодной. Годы и бесконечная погоня за чужими жизнями отметили своей печатью ее душу, лицо, глаза... И лишь голос все еще выдавал бушующие эмоции.

Мерла положила тонкие руки на плечи землянина и склонилась к его лицу. Билл ощутил ее медленное размеренное дыхание. В глазах женщины появился слабый внутренний свет. С удивлением журналист почувствовал, что женщина дрожит. Он инстинктивно обнял ее. Мерла прижалась к его плечу.

— Я жажду узнать вкус твоего поцелуя, — она едва выдыхала слова. — Не бойся — я оставлю тебе жизнь. Но я хочу ощутить крепость твоих

объятий. Стань моим на время, но стань добровольно.

Билл не верил ей ни капли. Лицо Мерлы остановилось в нескольких сантиметрах от его. Губы женщины почти касались его щеки. В ее глазах зажглись слабые огоньки. Ли ощутил свирепый жар желания, источаемый каждой клеточкой ее тела. Настолько пылкого, что развязкой могла стать только смерть.

Ноздри Мерлы расширялись с каждым частым вдохом. Приоткрытые губы трепетали от желания. Мраморное лицо исказилось от вожделения.

— Быстрее! — задыхаясь от нетерпения, выкрикнула Мерла. — Стань моим!

Билл онемел от ужаса. У него не осталось сил, чтобы пошевелится. Мерла провела языком по его щеке. Билл зажмурился...

Притаившийся в уголке сознания разум перехватил контроль над телом. Его рывок был настолько неожидан и стремителен, что землянин едва не лишился рассудка, услышав свой дрожащий от возбуждения голос:

— Я тебе верю, верю... И не могу больше ждать. Поцелуй меня, безумно, неистово... Я выдержу все!

Мерла жадно впилась в его губы. Сверкнула яркая вспышка.

Он почувствовал бушующий жар во рту. Женщина закричала и рванулась в его объятиях. Билл разжал руки и без чувств упал на кровать.

Глава 19

Первая волна жгучей боли отхлынула. В ушах гулко звенело. Дышать было тяжело. Немилосердно жгли ожоги на губах. Билл провел по ним языком, ощутив солоноватый привкус крови. Все еще не веря в то, что остался жив, журналист открыл глаза...

И тут же удивленно вздрогнул, увидев перекошенное от боли лицо Мерлы. Женщина лежала на его груди, судорожно обхватив руками плечи. Он ощущал тяжесть ее обмякшего тела. Губы Мерлы искривились. На них виднелись ожоги. Лицо стало мертвенно бледным. На нем появились мелкие морщины.

Билл содрогнулся, помимо воли сравнив Мерлу с трупами в морге. Она как две капли воды стала похожей на них. Та же мертвенная бледность кожи. Ожоги на губах. Застывший на лице ужас.

Билл повернулся. Мерла скатилась на кровать и осталась лежать, запрокинув голову.

«Возмездие настигло вампиршу? — журналист склонился над ней. — Неужели это сделал я?»

Чуждый разум, соседствующий с его умом, по-прежнему внимательно наблюдал. Внезапно

Билл понял, почему ему удалось победить Мерлу. Все сделало нечто, бесцеремонно вторгнувшееся в его рассудок.

Двери широко распахнулись от удара ноги. В каюту ввалился Джил. Билл поднялся и спокойно наблюдал, как капитан несколько мгновений ошарашенно смотрел на безвольно лежащую Мерлу. Затем бросился к ней. Джил рывком поднял Мерлу на руки. Когда их губы встретились, синяя молния промелькнула от мужчины к женщине.

Мерла слабо вздрогнула. Ее руки обхватили голову Джила. Губы жадно потянулись за еще одной порцией энергии, но дриг отстранился. Он стал грубо трясти женщину.

— Что произошло?! — закричал Джил. — Что он с тобой сделал?!

— Я ничего не понимаю... — еле шевеля губами, ответила Мерла. — Еще минута, и ты была бы мертва!

Джил опустил ее на кровать. Женщина обессиленно откинулась на подушку, став похожей на дряхлую старуху. Ее черные как смоль волосы поблекли, приняли пепельный оттенок.

— Я попыталась отнять у него энергию, но он сам отобрал ее у меня... — голос Мерлы стал глу-

хим, болезненным.

— Как?! — Капитан удивленно взглянул на неподвижно стоящего у стены журналиста. — Ведь он же обыкновенный человек!!!

— Нет, он шпион галактов!

— Не может быть! — Джил достал из кобуры дезинтегратор. — Едва ли галакт будет жить на отсталой периферии...

— Беги, Джил!!! — воскликнула Мерла. — Неужели ты ничего не понял?! Он вобрал в себя всю мою энергию!

— Ладно, ладно, — Дриг успокаивающе погладил ее по руке. — Я думаю, ты совершила ошибку из-за жажды наслаждений. Просто поток энергии пошел не тем путем, случайно под завязку наполнив журналиста. Но ведь без умения ее использовать энергия ничто. Так что я сейчас по быстрому свяжу его, а ты вернешь свои запасы.

— Джил, я накопила очень много энергии! Все время, что мы провели на Земле, я часто тайком ускользала от тебя и ловила мужчин на улицах. Не знаю, сколько их было... После я дезинтегрировала их тела. А он взял и отнял у меня всю эту энергию, которую я с таким трудом собирала! Энергию, достаточную для существования не один десяток лет. Неужели ты не понимаешь, что

усвоить такой объем жизненной силы по плечу лишь галакту!!!

— Столько энергии? — удивился Джил. — Человеческое тело просто бы сгорело от ее жара!

Он осекся и резко обернулся. Журналист теперь стоял всего в двух шагах от кровати.

Глава 20

Ли-человек уже ничему не удивлялся. Даже страх в глазах дрига не впечатлил его.

— Мерла права, — произнес Билл неожиданно громким и внушительным голосом. — Мы давно уже следим за вами. Наступило время мщения, предсказанное нашими оракулами.

— Ты галакт? — резко выдохнул Джил, сжав дезинтегратор двумя руками.

— Да. Я уже три года живу на Земле и жду момента, чтобы уничтожить вашу расу.

— Галактика огромна, — ответила Мерла. — Вы не сможете нас остановить.

— Сможем, — улыбнулся Билл. — Мы перехватили ваш призыв и слегка изменили его. Теперь к Солнечной системе приближается весь флот дригов.

— Я тебя уничтожу!!! — Джил нажал на спуск дезинтегратора.

Яркий луч вырвался из широкого раструба ствола. Тело землянина окутал защитный ореол. Энергетический импульс зашипел и превратился в каскад искр. Джил замахнулся дезинтегратором и с криком бросился вперед, но Мерла удержала

его:

— Уже поздно. Мы в ловушке.

— Но как тебе удалось стать человеком?! — воскликнул Джил. — И притом настолько, что мы не смогли распознать тебя?

— Мой разум поместили в тело человека по имени Уильям Ли, когда он работал журналистом на Луне. Для успешного осуществления эксперимента в лобные доли его мозга вживили кристалл-имплантант, который ограничил накопление энергии, свойственное галактам. Иначе вы бы сразу догадались, что дело не чисто.

— Но вы совершали необдуманные поступки, не свойственные галактам, — Мерла приподнялась с кровати. — Например, пошли за Патрицей в тоннель под «Приютом странника», изрядно рискуя жизнью.

— Мой носитель, мистер Ли, оказался очень сильной натурой и начал влиять на мои поступки. Поэтому мне понадобилось попасть на астероид Унграна, чтобы с помощью психотронных систем восстановить контроль над телом, одновременно отключив ограничительный кристалл-имплантант. Но Уильяму Ли комнату с аппаратурой я представил как кабину лифта, выходящего в пустоту. Понадобилось несколько

раз повторить одни и те же эпизоды реальности, чтобы полностью выбить опытного журналиста из колеи.

— Но зачем вы помогли нам овладеть астероидом?

— Мне необходимо было удержать вас здесь до прихода флота галактов. Вы бы сразу заподозрили ловушку, начни я действовать не в соответствии с вашими планами.

— Будь ты проклят... — тихо произнесла Мерла.

— Ах, да! — Билл наиграно поклонился. — Забыл вас поблагодарить, милая дама, за столь любезно предоставленную энергию.

На корабле загудели аварийные сирены. Бесстрастный голос Тербера произнес:

— Внимание! Нападение! Нас атакуют галакты!

— Кажется, ваша взяла. — Джил швырнул дезинтегратор на пол.

Капитан поднял Мерлу на руки и вышел из комнаты.

Глава 21

Уильям Ли с планеты Земля постепенно оправился от потрясения. Помещение, в котором он находился, выглядело необычайно унылым. Все в нем наводило беспросветную тоску, словно он смотрел на окружающее больше не принадлежавшими ему глазами.

Биллу понадобилось огромное усилие, чтобы решиться бороться до конца: «Нечто чуждое пытается овладеть моим телом. Все остальное происходящее вокруг меня — ложь, пустые слова...»

Успокаивающая пульсация иного разума постепенно распространилась и на те укромные участки мозга, где все еще теплилось его собственное, земное «я».

«Не ложь, а удивительная правда, — пришла мысль.

— Теперь ты заживешь новой жизнью. Нисколько не похожей на ту, что мог представить даже в самых смелых мечтах. Будь спокойнее, смелее, и твои муки превратятся в наслаждение».

Однако Ли-землянин не мог смириться. Он

затрепетал в темном углу сознания. Он ощущал неестественное давление, которое оказывал теснящий со всех сторон иной разум. Билл вновь испытывал всеохватывающий непоборимый ужас перед ним.

Но, собрав последние силы, журналист вернул себе способность трезво мыслить. Возникла его собственная мысль: «Вселившийся дьявол пытается уговорить меня пойти на попятную, смириться с его присутствием. А это может означать только одно — он не может захватить мой разум без моего согласия...»

Билл почувствовал прилив сил. Он все еще мог бороться. И ни за что не уступит контроль над своим телом!

«Подумай, насколько возрастут твои умственные и физические возможности, — нашептывал чужой разум.

— Ты был актером, полностью слившимся с исполняемой ролью. Но спектакль окончен, и ты остался один перед зеркалом. Я помогу тебе вернуться в реальность. Смыть грим с лица. Сменить грубый земной наряд на великолепное одеяние галактов. Навеянное спектаклем настроение уйдет все дальше, дальше, дальше...»

— Убирайся ко всем чертям! — изо всех сил

крикнул Билл. — Я — Уильям Ли и никто больше! Ты думаешь внушить мне сдаться?! Ничего не выйдет! Выбери себе другое тело!!!

С каждым словом его голос звучал все тише и тише. Пока наконец мертвая тишина не обволокла все вокруг. Исчезновение звуков вызвало у Билла новый, еще более сильный приступ страха.

Он попытался закричать, хоть как-то разорвать окружающую со всех сторон блокаду молчания. Но не смог издать ни единого звука. Ни один мускул не пошевелился. Ни один нерв не затрепетал...

Он остался совершенно один. Отрезанный от всего мира в крохотном закутке собственного сознания. Внутри самой идеальной тюрьмы, откуда невозможно сбежать. Оставалось лишь убогое, ограниченное существование... И все же решительности у Ли ни капли не убавилось. «Он хочет сломить меня путем повторения ключевых фраз. Бесконечным упоминанием свидетельств моего поражения заложить прочный фундамент дальнейших побед! Ни за что нельзя ему поддаваться! Ни за что!» — убеждал себя Билл.

Но галакт неторопливо продолжал:

«Нужно смириться с фактом, что твоя роль уже

сыграна. Ты должен понять наше нерасторжимое единство и уступить место на сцене мне. Пусть доказательством признания моей победы станет окончательная сдача контроля над твоим... нашим телом».

Билл не мог поверить, что все это происходит на самом деле:

«Неужели это не кошмарный сон? Он сказал НАШИМ телом...»

«Сосредоточься и постарайся понять меня, — ритмично нашептывал галакт. — В основе прогресса всех разумных существ стоит сила мышления. Вы, земляне — очень необычная цивилизация. И я надеюсь, ты прислушаешься к голосу разума и не будешь сопротивляться. Ведь тебе осталось сделать лишь один шаг...»

Билл напряженно вглядывался в зеркало, в которое всего час назад смотрелась Мерла. Он внимательно пригляделся, пытаясь рассмотреть свое отражение. Но оно было туманным, искаженным.

Но вот отражение прояснилось. Билл прекрасно понимал, что изображение в зеркале подвластно галакту. Но не мог отвести взор.

Отражение обрело четкость и...

Билл как безумный отпрянул назад, прикры-

вая глаза от блеска зеркала. Мысли смешались, завертелись головокружительным вихрем все быстрее и быстрее.

Из зеркала на него смотрел он сам, одетый в длинные расшитые золотом одежды. На голове блистал алмазный обруч. В руках он сжимал короткий жезл, увенчанный ритмично полыхающим красным камнем. За спиной виднелся роскошный зал, наполненный сотнями галактов. Все они молча смотрели на него.

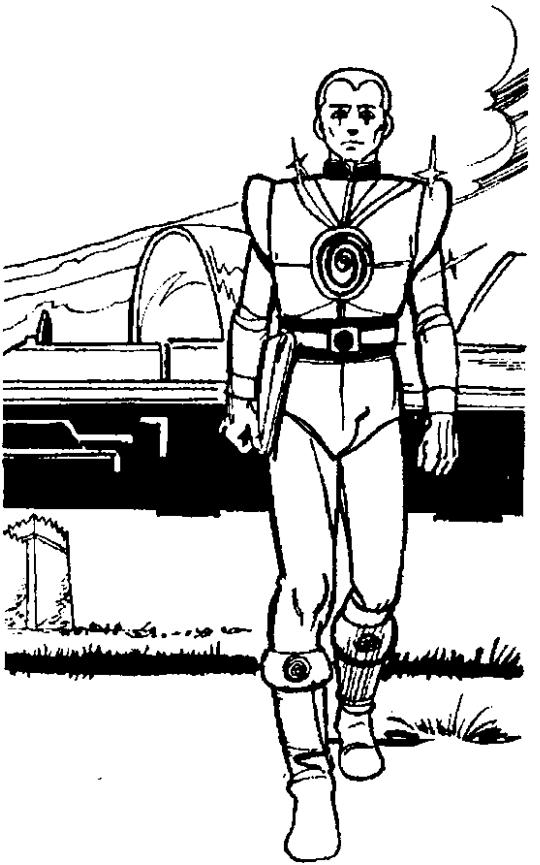
Билл обернулся, с ужасом обнаружив, что корабль дригов исчез и он действительно стоит в зале. Галакты безмолвно ожидали его решения.

Внезапно зал разлетелся на миллионы блестящих осколков, впившихся в остатки и без того измученного разума Билла. Нахлынула непроглядная тьма.

Билл понял, что безвозвратно проигрывает. Он со вздохом сдался.

Раздались одобрительные аплодисменты галактов.

А вместе с ними пришло и ощущение ЦЕЛЬНОСТИ...



Галактическая война

1

Когда звездолет исчез в клубящемся тумане, Тревор Джемисон достал бластер. Его мутило, голова кружилась, ведь его только что бил и швырял ураган, порожденный улетающим кораблем. Чувство опасности не покидало Тревора, несмотря на прочность тросов, которыми он был прикреплен к грузовой антигравитационной платформе, тихо раскачивающейся под ним.

Он рассматривал огромную голубую голову Эзвала. Тот, в свою очередь, пристально глядел на него с края платформы тремя серыми, как сталь, глазами. Инопланетянин настороженно выглядывал из-за края платформы и был готов — Джемисон знал это — мгновенно отпрянуть, едва в мозгу человека возникнет мысль о выстреле. Двумя передними парами лап Эзвал крепко держался за скобы в днище платформы, и потому почти все его тело было скрыто от взгляда человека.

— Ну и что теперь? — резко сказал Тревор. — Мы — в тысячах световых лет от наших планет. Под нами пекло, которого ты и представить себе не можешь, хоть и читаешь мои мысли. Даже

полуторатонному Эзвалу не выжить там, внизу, в одиночку.

Огромная когтистая лапа высунулась из-за края платформы и дернула за один из трех тросов, на которых висел Джемисон. «Ч-черт!» — Тревора окатило холодом. Раздался резкий металлический щелчок, и трос лопнул. «Это конец!»

Человека подбросило вверх на несколько футов. Внутри все оборвалось. Затем его кинуло вниз, едва не расплющив о платформу, и он стал раскачиваться на двух оставшихся тросах, как на качелях. «Жив... — выдохнул он, чувствуя, как пот катит градом, несмотря на специальный костюм. — Он совсем рехнулся!»

Подняв бластер, Джемисон приготовился к бою. Но Эзвал больше не пытался напасть. Над платформой по-прежнему возвышалась лишь его голова с тремя глазами, разглядывающими землянина.

Внезапно Тревор ощутил МЫСЛЬ, холодную и неспешную: «Сейчас меня беспокоит лишь одно. Из сотни человек экипажа в живых остался только ты. И только ты из всей человеческой расы знаешь, что Эзвалы с планеты, которую вы называете нелепым именем Карсона, — не примитивные животные, а разумные существа.

У твоего правительства огромные трудности с колонизацией нашей планеты именно потому, что нас принимают за животных — природное зло, опасное, но неизбежное. Это заблуждение мы хотим сохранить. Как только вы поймете, что мы разумны, то поведете против нас безжалостную войну по всем правилам военного искусства. А ведь мы мечтаем выдворить из нашего мира всех пришельцев... Ты знаешь нашу тайну и потому должен умереть».

«Ах вот где собака зарыта», — подумал Джемисон.

— Неужели ты думаешь, — спросил он, — что если отделаешься от меня, то и делу конец? А ты не забыл о втором корабле с самкой и детенышем Эзвалов на борту? Он благополучно ускользнул от крейсера руллов и теперь на пути к Земле.

«Я не забыл... — В мыслях Эзвала скользило презрение. — Я помню выражение лица командира корабля, когда ты намекнул ему, что Эзвалы разумны. Тебе никто не поверит, а те, кого вы поймали, не предадут свою расу».

— Ну, не такие уж они альтруисты, — цинично возразил Тревор. Он изо всех сил пытался думать и говорить одинаково. — Да ты и сам, прыгая на платформу, прежде всего спасал себе жизнь.

Ты ведь не умеешь ею управлять, так что без меня наверняка погибнешь. — Человек хотел переиграть противника на поле логики. — И я сомневаюсь, что даже Эзвал способен...

Его фраза оборвалась на полуслове. Эзвал вдруг вскинул свою чудовищную лапу со страшными когтями и схватил пикировавшую на платформу огромную птицу. Отчаянно взмахнув неуклюжими парусами крыльев, она попыталась вырваться. Но ей это не удалось. И тогда «птица Рок» атаковала инопланетянина. Перед взором Джемисона мелькнули ее выпученные глаза и занесенные для удара серпы когтей.

От этого удара платформа закачалась, как лодочка в бурю. Тревора кидало на тросах из стороны в сторону. Порывы ветра и грохот крыльев создавали впечатление, будто вокруг него разыгралась гроза. Задыхаясь, он вскинул бластер. Белый луч ударил в одно из птичьих крыльев и выжег в нем дыру. Удары крыльев ослабели, и вскоре Эзвал сбросил птицу с платформы. Та медленно спланировала вниз. Вскоре темная точка затерялась на буром фоне джунглей.

Джемисон поднял голову. Эзвал, огромный и страшный, очутился на краю платформы и, потеряв равновесие, беспомощно хватал воздух

четырьмя когтистыми лапами. Он вдруг напомнил землянину одного из героев диснеевских мультфильмов. Две оставшиеся лапы вцепились в металлические пластины на поверхности платформы. Платформа скрипела, пластины готовы были лопнуть под такой тяжестью, но все же не сломались — и Эзвал удержался. Потом гигантское тело сползло через ограждение, и вновь только голова торчала над краем платформы.

Опустив бластер, Тревор усмехнулся.

— Ну, вот, — сочувственно вздохнул он. — Даже с птичкой тебе не справиться в одиночку. Я легко мог тебя сейчас пристрелить, но ты мне нужен — так же, как и я тебе. Ситуация такова: корабль погиб над островом в двадцати милях от материка. Мы выбрались из корабля вовремя — через минуту было бы поздно. Чтобы спастись, нам надо вернуться на корабль, совершивший аварийную посадку. В нем запас еды, и я, наверное, смогу починить подпространственный передатчик. Чем черт не шутит: может, я приведу в порядок и спасательный бот. Но для этого каждый из нас должен приложить максимум усилий. Пробиваться к проливу Дьявола придется через непроходимые джунгли. Затем, чтобы переправиться на материк, надо будет построить плот.

Плот настолько надежный, чтобы он защищал от морских чудовищ, каждое из которых может проглотить тебя целиком. Твоя сила, телепатические способности, моя ловкость и оружие — вот наша ставка в борьбе за жизнь. Ну, что ты на это скажешь?

Ответа не было. Джемисон сунул бластер в кобуру. Вероятно, этого не следовало делать. Ведь он мог надеяться лишь на то, что Эзвал оценит разумность его предложения.

Теплый влажный ветер овевал Тревора, принося первый слабый запах земли. Платформа была еще достаточно высоко. Сквозь туман проглядывали пятна джунглей и моря на поверхности планеты, называемой Эристан-2. Картина была грандиозной. Со временем стали видны лесные заросли, тянущиеся к северу насколько хватало глаз, спутанные колышущиеся растения-гиганты. Где-то в стороне лежал пролив Дьявола, а еще дальше — материк, затаившие смертельную опасность.

— Молчишь... — наконец прервал паузу Джемисон. — Я так понимаю: ты хочешь идти в одиночку. Ты совершаешь большую ошибку...

Что еще он мог сказать этому непонятному существу?

— Ну что ж, тогда давай поговорим. Скоротаем время... Ты ведь не против? — Инопланетянин снова не ответил. — Молчание — знак согласия... Твоя жизнь стала возможной только благодаря естественному отбору, который создал твою расу. Пока мы, люди, тряслись от холода в пещерах, добывали огонь, отчаянно изобретали оружие, постоянно вися на волосок от гибели, — все эти сотни веков вы бродили по своим владениям, бесстрашные, непревзойденные в силе и разуме, не нуждающиеся ни в убежище, ни в огне, ни в оружии, ни в одежде, ни...

«В приспособлении к среде, — оборвал его Эзвал. Его мысль показалась человеку холодной как лед. — Это главная задача разумных существ. Человечество же создало то, что называет цивилизацией, — материальный барьер между собой и средой. Этот барьер настолько сложен и громоздок, что препятствует развитию. Собственно, человек — это раб, всю жизнь пресмыкающийся перед техникой и погибающий от малейшей неполадки в своем болезненном теле. Но его высокомерие в сочетании с ненасытной жаждой власти — величайшая опасность для других рас вселенной».

Тревор усмехнулся.

— Неужели раса, успешно борющаяся против своих врагов, овладевающая знаниями вселенной, достигшая звезд, не достойна ни малейшей похвалы?

«Чепуха! — раздраженно откликнулся Эзвал. — Человек с его безумными идеями — это злокачественная опухоль. Ну вот ты уже пять минут подряд изощряешься, пытаясь убедить меня в своем превосходстве и в то же время взываешь к моей помощи. Это ли не пример человеческого коварства! Остальное очевидно. Скоро мы приземлимся. Учти — я не причинил тебе вреда, несмотря на то, что мог сделать это в любой момент. Я достаточно силен — ты этого не отрицаешь. И пусть внизу есть звери сильнее меня — разница в силе покрывается разумом. Неужели эти примитивные твари одновременно и сильнее, и умнее меня?»

— Ну, таких тварей там нет, — медленно произнес Джемисон, встревоженный тем, что его аргументы не возымели действия. — Пойми: твоя родная планета по сравнению с этой — парк для семейных прогулок. Даже до зубов вооруженный солдат бессилен против озверевшей толпы.

Ответ последовал мгновенно:

«Тогда мы и вместе бессильны. Особенно, если

один — наследственный урод, калека — и больше мешает, чем помогает второму. Хоть этот урод и имеет оружие, которым так гордится и на которое так надеется».

— Я не переоцениваю своего оружия, хотя мощь его в самом деле велика. И столь важная вещь...

«Как твой могучий разум — надо полагать, — перебил его Эзвал. — Который принуждает тебя изливать на меня эти бессмысленные аргументы».

— Не мой разум, — продолжал Тревор упрямо, — а твой. Я имею в виду то преимущество...

«Не важно, что ты имеешь в виду. Ты меня упорно убеждал, что не сможешь в одиночку выбраться с острова. Вот и хорошо...»

В тот же миг две огромные голубые лапы сделали быстрое движение. Уцелевшие тросы лопнули, словно гитарные струны. Удар был так силен, что Джемисона подбросило вверх, и он описал стофутовую дугу, прежде чем начать падение в густом влажном воздухе.

Холодная, полная иронии мысль настигла его в полете: «Ты запасливый человек, Тревор Джемисон, у тебя есть не только аварийный запас, но и парашют за спиной. Теперь ты самостоятельно достигнешь земли. С этого момента ты сможешь

демонстрировать свои разрушительные способности на всех подвернувшихся обитателях джунглей. Доброго пути!»

Джемисон дернул кольцо парашюта и... ожидаемого рывка не последовало. Тревор испугался, решив, что вытяжной шнур повредили тросы, оборванные Эзвалом. Новая опасность, которой он никак не ожидал. И тут уж ему ничто не поможет — спешно покидая корабль, не успел он надеть запасной парашют.

Землянин извертелся, ощупывая ранец и пытаясь понять, что же случилось. На сей раз повезло: парашют хоть и очень медленно, но все же выползал из ранца. Слишком плотен воздух, слишком замедлено падение.

Когда парашют окончательно раскрылся и над головой Тревора натянулся ярко-оранжевый купол, радости его не было предела. Спуск стал почти не заметен — Джемисон повис над чужой, враждебной планетой. Господь словно бы специально оттягивал его встречу с Эристаном-2.

Наконец затянувшееся падение подошло к концу. Тревор с облегчением обнаружил, что под ним не дикие джунгли, а всего лишь несколько луж и низкорослые заросли. «Нечто вроде вырубки», — решил он. Только наверняка это была никакая

не вырубка.

По мере приближения поверхность земли приобретала все более отталкивающий вид. И тут страшная догадка молнией пронзила человека и заставила застыть кровь в жилах. Болото! Бездонное море склизкой вонючей грязи. В отчаянии Джемисон задергал стропы, как будто с помощью этого приема мог очутиться в джунглях — еще минуту назад столь пугающих, а теперь заветных джунглях, которые были так близко и в то же время безнадежно далеко. Он даже застонал от отчаяния.

Предчувствие близкой гибели заставило Тревора напрячь все силы. Он подтянул стропы парашюта так, чтобы его сносило в нужную сторону. Но деревья высились слишком далеко, в пятистах футах к северу — примерно столько же оставалось и до земли. Чтобы достичь опушки леса, нужно было падать под углом в сорок пять градусов, что невозможно без сильного ветра.

Развязка близилась. До земли двести футов, сто, пятьдесят... и вот его ноги до колен провалились в серо-зеленую жидкую грязь. Пока купол еще не лег на поверхность болота, Джемисон, дергая за стропы, забарахтался, пытаясь вытащить ноги. С большим трудом, обмотав стропы вокруг ла-

доней, он протащил себя еще несколько футов. Слишком мало. До ближайшего участка твердой почвы оставалось тридцать футов.

Он распластался на податливой бурой поверхности, раскинув руки, чтобы распределить вес равномерно. Что же делать?.. Инстинкт самосохранения не давал расслабиться и медленно уйти на дно, пинтами заглатывая болотную жижу. Тревор осторожно подтянул к себе несколько строп, размахнулся, тут же уйдя по шею в грязь, и бросил их что есть силы вперед. Это был его последний шанс.

Фортуна еще не покинула Джемисона. Стропы запутались в низкорослом, чахлом кустарнике. Подергал — держатся. Рванув еще несколько раз для проверки, землянин потянул изо всех сил. Трясина упорно сопротивлялась, но все же выпустила его из своих объятий. Выскочив на поверхность болота, Тревор даже продвинулся немного вперед. Он стал перебирать руками, как бы ползя по туго натянутым стропам, — двигаться стало легче.

Внезапно раздался треск рвущейся материи, и стропы тотчас ослабли. Джемисон похолодел, но испуг был недолог. Он выбрал слабину и снова бросил стропы вперед. Сейчас он напоминал

барона Мюнхгаузена, вытаскивающего себя за волосы из трясины.

Еще несколько обрывов строп, и болото выпустило его из своих тисков. Тревор, сипя от натуги и до скрипа стиснув зубы, подтягивался до тех пор, пока не ощутил под рукой влажный, но прочный и такой надежный корень куста. Он рванулся из последних сил и, ломая ветки, влетел в кустарник. Кусты согнулись под его телом, но благодаря своей гибкости не сломались.

Спасен! Спасен!.. Несколько минут он лежал ничком, приходя в себя. Когда же Джемисон смог поднять голову и оглядеться, разочарованию его не было предела: оно тем сильней, чем больше была надежда. Тревор находился на маленьком островке в сотне футов от основного массива джунглей. Остров был шириной в двадцать футов, длиной — в полтора раза больше. На его мокрой почве влачили жалкое существование пять карликовых деревьев — не выше тридцати футов каждое.

Разочарование сменила надежда. Общая длина деревьев наверняка превышает сто футов. Если их связать, получится шаткий мостик, ведущий на твердую землю. И тут же надежда стала зыбкой и почти истаяла в болотных испарениях. У

него имелся только маленький топорик. Тревор представил себе, как будет валить и обтесывать им деревья. Жуткая работенка!..

Джемисон сел. Только теперь он почувствовал, как сильно печет солнце. Оно было почти в зените. Значит, до захода еще часов двенадцать — планета вращалась медленней, чем Земля. Времени достаточно. Чтобы набраться сил для этой каторги, надо как следует отдохнуть.

Он отыскал укромное местечко в кустах, ибо помнил о той «птичке», которую ему недавно пришлось пристрелить. Здесь было прохладно и почти не пекло. Тревор блаженно вытянулся на мягкой почве (защитный комбинезон не пропускал влагу) и закрыл глаза.

Когда человек проснулся, солнце заметно склонилось к горизонту. Он проспал почти пять часов. Джемисон встал, потянулся. Он чувствовал себя намного бодрее. Внезапно он замер, увидев нечто совершенно невероятное.

Тревор не мог поверить своим глазам. Огромный ствол, в десять раз толще и прочнее, чем любое дерево на его острове, пролег между ним и противоположным берегом болота. Это был настоящий мост — его спасение! И пока он убеждал себя, что это не сон и никакая не ловушка, на

другом конце ствола появилось голубое ящерообразное тело Эзвала.

«Мост» спокойно выдержал его колоссальный вес. Инопланетянин — несмотря на огромный рост — быстро и ловко перебрался на остров. Он наклонил голову, и вот уже перед Джемисоном появились три знакомых серых глаза.

«Не бойся, Джемисон. Подумав, я решил, что ты прав. Я помогу тебе...»

— То, что ты прибежал ко мне, означает твое поражение, — со смехом прервал его Тревор. — Вот все и стало на свои места...

Он вскинул на плечи рюкзак и следом за Эзвалом шагнул на «мост».

2

Первым колыхание высокой фиолетовой травы заметил Джемисон — ему помог оптический умножитель, вмонтированный в защитный шлем. Землянин в этот момент балансировал на середине «моста».

Футах в пятидесяти от Эзвала, уже почти перебравшегося на ту сторону, из леса на берег болота выползла гигантская змея, больше похожая на чудовищного червя или пиявку. Из травы поднялась широкая уродливая голова, венчающая восьмиметровое желтое тело длиной в восемь ярдов и толщиной примерно в один. Голова уставилась на человека отвратительными поросячьими глазками.

Тревор чертыхнулся, проклиная судьбу, столкнувшую его с такой тварью, когда он уже почти спасся из этого поганого болота. А уже спустя миг он был парализован сверкающими глазками, сковавшими каждый его мускул. Это его и спасло. Страшная голова отвернулась от него и сконцентрировала свое внимание на Эзвале.

От сердца отлегло: страх уступил место гневу. Джемисон мысленно обратился к Эзвалу: «А я-то

думал: ты чувствуешь приближение опасных животных по их мыслям». Инопланетянин не откликнулся.

Чудовищная змея беззвучно скользила к Эзвалу, плоская голова раскачивалась на извивающемся теле. Инопланетянин медленно отступал. Он не хотел вступать в схватку.

— Возможно, тебе будет интересно узнать: как эксперт Межзвездной Военной Комиссии, я недавно подал рапорт об Эристане-2. Там я писал, что использование данной планеты как военной базы весьма сомнительно. Этому две причины: здесь самые прожорливые во вселенной растения-людоеды и вот эти милые существа. Их миллионы. — Тревор никак не мог остановиться, добивая поверженного во прах гиганта. — Они чрезвычайно плодовиты. Их численность регулируется лишь количеством пищи. А жрать они могут почти все. Поэтому они неистребимы. Самые крупные змеи достигают ста футов длины и восьми тонн веса...

Змея заползла на ствол и теперь была ярдах в десяти от Эзвала, который продолжал отступать. Наконец он ответил Джемисону: «Меня она не застала врасплох. Просто я пытался разобраться в ее мыслях. Кроме жажды убийства там есть еще

что-то. Впрочем, это не важно... Меня ей не убить. Вся проблема в тебе».

Тревор поморщился — это был явный блеф. Их словесная дуэль продолжалась, несмотря ни на что.

— Не будь так уверен в своей безопасности. Если потребуется, эта тварь может растянуться раз в десять, и ты поместишься в ней целиком.

Эзвал молча пропятился еще несколько футов, почти вдвое сократив расстояние, разделявшее его и Джемисона, а потом задал долгожданный вопрос: «Что же ты не пустишь в ход свой хваленый бластер?»

— Своим неуклюжим туловищем ты загораживаешь мне змею. А если с первого выстрела я не сожгу ей мозг, в агонии она может прыгнуть как кузнечик и вцепиться в твою длинную шею.

Несколько секунд прошло в молчании. Змея нагоняла Эзвала, и у него пропало желание корчить из себя супермена. Тревор услышал его ворчливый «голос»: «Если у тебя есть план, говори — и ПОБЫСТРЕЕ!»

В глубине души Джемисон был страшно доволен, что Эзвал попросил его помощи — и без всяких условий. Но времени торжествовать не было. Тревор объявил:

— Действовать будешь по моей команде. Когда крикну: «Ап!», ты подпрыгиваешь на месте — как можно выше, а потом повиснешь в воздухе, дожидаясь, пока я ее не застрелю. Все понял?

После паузы, показавшейся человеку бесконечной, инопланетянин ответил ему — словно сквозь зубы выцедил: «Хо-ро-шо...»

Голова змеи качнулась. Усмиряя дрожь в руке, Джемисон медленно поднял бластер и приготовился. Змея ринулась в атаку, в свою последнюю атаку...

— Ап!!!

В ту же секунду тяжеленный, огромный Эзвал, как пушинка, воспарил над «мостом». Через несколько мгновений дымящееся туловище обезглавленной змеи было сброшено в болото. Даже уходя в трясину, оно продолжало бешено извиваться.

Эзвал спрыгнул на землю, дождался, когда Джемисон тоже соскочит с «моста». Он пристально посмотрел на человека, но тот выдержал этот просверливающий насквозь взгляд.

— Где гравитационная платформа? — спросил Тревор.

«В тридцати ваших милях к северу...»

Джемисон помолчал, собираясь с силами, по-

том произнес проникновенно — Эзвал должен был его правильно понять:

— Нам необходимо к ней вернуться. Я почти израсходовал аккумулятор бластера — нужно его подзарядить. Это необходимо, — с нажимом повторил он.

Эзвал молчал. Джемисон выдержал небольшую паузу, затем продолжил приказным тоном:

— Было бы неплохо, если бы ты перенес меня туда на спине. Из парашютных строп мы сделаем упряжь. Нужно добраться до платформы как можно скорее.

Прошло немало времени, прежде чем Эзвал смирил гордыню и согласился. «Ты прав, — сказал он с презрением. — Лучшего способа транспортировки столь беспомощного существа, как ты, не придумаешь. Я согласен».

«Ах ты, зараза!» — мысленно воскликнул Тревор и тут же пожалел об этой своей мысли. Впрочем, невозможно следить за каждой из роящихся в голове тысяч мыслей — он ведь не робот, а живой человек!

Джемисон подошел к Эзвалу и расстелил на земле перепачканный в болотной жиже и уже успевший высохнуть парашют. Вблизи инопланетянин оказался даже крупнее, чем он думал.

Легкость его движений скрадывала размеры. Тревор по сравнению с Эзвалом выглядел настоящим пигмеем.

Каждый раз, касаясь ящероподобного тела Эзвала, Джемисон чувствовал тошноту — отвращение было слишком велико. Он с трудом брал себя в руки и продолжал работу.

— Это необходимо, — сказал Тревор, как бы извиняясь.

Он обмотал стропы вокруг тела Эзвала, пропустил их между передними и средними лапами, чтобы не стеснять движений, а сверху — в качестве седла — приторочил свернутый купол парашюта. Тщательно связанные обрезки строп, которые Джемисон перебросил через шею, образовали примитивные стремена. И вот он взгромоздился на свою «лошадь».

— Почему бы тебе не изменить свое отношение ко мне, — сказал Тревор мягко, — мне кажется... Оу-ой!!!

От первого прыжка он подлетел в воздух, и потом ему пришлось приложить всю свою силу, чтобы не вылететь из седла. Эзвал, со своей стороны, ничего не делал, чтобы облегчить ему путешествие. Джемисон, однако, скоро приноровился к причудливому аллюру своей шестиногой

«лошадки» и даже стал находить удовольствие в этой бешеной скачке.

Слева и справа от него проносилась стена деревьев, густотой своих веток похожих на гигантский кустарник. Они смыкались наверху кронами, превращая джунгли в бесконечный зеленый туннель.

Внезапно Тревор услышал команду: «Держись!» Он мгновенно натянул поводья и упал на шею Эзвала, изо всех сил вцепившись в стропы. «Лошадка» пошла боком, с треском ломая молодую поросль и в клочья разрывая лианы, потом снова вышла на прямую. Ритм скачки восстановился.

Джемисон оглянулся и краем глаза заметил двух больших четвероногих животных, похожих на гиен-переростков. Они не стали преследовать «скакуна». «Весьма мудро с их стороны, — подумал Тревор. — С Эзвалом им не совладать».

Наручный детектор запищал, на экранчике замелькали цифры, обозначающие расстояние до источника радиоволн. Детектор был слабенький и ловил только на близком расстоянии. Джемисон рефлекторно задрал голову. Ему повезло: через пять секунд в прогалине между древесных крон мелькнула темная точка. Оптический умножитель не дал ошибиться: это был звездолет.

Боевой звездолет руллов!

Он узнал этот силуэт с первого взгляда. Тем временем огромный корабль, чем-то напоминающий меч-рыбу, опустился в чащу джунглей и пропал из виду. Нечего было и думать скрыть этот неприятный сюрприз от Эзвала.

Тревор тут же воспринял мысль инопланетянина — тот торжествовал: «Джемисон, ты предпочитаешь застрелиться, лишь бы не попасть в лапы руллов? Они ведь выбьют из тебя все ваши секреты. Такой героизм я видел у обеих сторон: и у руллов, и у землян. Но тебе это не удастся. Не вздумай прикасаться к бластеру, иначе я сделаю тебе больно».

У Джемисона застрял в горле ком. Надо же было такому случиться!.. На мгновение у него действительно возникла мысль о самоубийстве — откуда было знать этому безмозглому «ящеру», что нормальный человек может разрываться между нескольких желаний, одновременно помня о святом долге и неистово жаждая выжить. В любом случае Тревору пришлось подчиниться.

— Безумец, — произнес он безжизненным голосом — Эзвал должен поверить, что землянин сломлен. — Неужели ты думаешь, что руллы тебя отблагодарят? — Одновременно Джемисон

готовился соскочить со своего «коня» и дать деру.
— Руллы вероломны и нетерпимы к инородцам...

Но ему не удалось скрыть свой замысел. На полном скаку Эзвал вдруг вскинул передние лапы. Схватив и вырвав из рук Тревора поводья, он накинул их ему на шею и резко натянул. Человек оказался намертво приторочен к хребту «ящера». Позвонки хрустнули, воздух перестал поступать в легкие. Джемисон дернулся — без толку, захрипел задыхаясь. Он замолотил кулаками по загривку Эзвала, стал пинать его бока металлическими носками сапог — тому хоть бы хны. Все равно что слону — комариные укусы.

Эзвал, как танк, ломился сквозь заросли. Через мгновение они выскочили на берег океана и остановились на плотном коричневом песке у кромки воды. «Ящер» чуть ослабил натяжение и спросил, как ни в чем не бывало: «Насколько я понял твои мысли, руллы засекли излучение гравитационной платформы?»

Когда Джемисону удалось восстановить дыхание, он спокойно ответил инопланетянину, словно они вели светскую беседу, — решил не нарушать правила игры:

— Скорее всего. Если только ты не застопорил генератор, как я — на звездолете...

«Вот почему они сели... Но если руллы засекли выстрел из бластера, то они знают: кто-то выжил. И тогда они начнут охоту. Мне лучше самому сдаться им, пока они не приняли меня за врага».

— Глупец! Все равно они нас убьют. Мы их враги — только потому, что мы не руллы. — Тревор продолжал доказывать Эзвалу прописные истины, уже заранее зная, что мечет бисер перед свиньями. И чем больше он злился, тем меньше у него оставалось шансов добиться своего. — Неужели трудно понять...

«Ящер» передернул плечами, резко натянув поводья, и слова застряли у землянина в глотке.

«Ты — неплохой оратор. На минуту я даже тебе поверил, — сардонически заметил Эзвал. — Продолжай в том же духе, милый Джемисон... Но ты упустил из виду вот что: я кое-чем обязан руллам. Во-первых, они подбили ваш корабль, и я вышел из клетки. Во-вторых, они отвлекли команду, и я смог перебить людей. Не думаю, что они отвергнут мое предложение совместными усилиями вышвырнуть людей с планеты Карсона. И сведения, которые МЫ извлечем из тебя, очень помогут НАМ в этом».

В Треворе бушевала ненависть. Лишь гигантским усилием воли он сумел подавить ее. Так

ему, по крайней мере, казалось. Необходимо убедить Эзвала в бессмысленности его плана. В этом заключалась его единственная надежда на спасение.

— И на что же ты рассчитываешь? Когда вы исполните свою мечту и прогоните землян, руллы уберутся восвояси, оставив вас наслаждаться свободой?

«Пускай остаются!..»

— Идиот!.. Какая самоуверенность! — Джемисон снова не смог сдержаться и дал волю эмоциям. — Острые когти — против излучателей и ракет...

Ему стоило большого труда подавить свое раздражение. «В сущности, — сказал он себе, — Эзвал — дитя природы, продукт нетехнической цивилизации и не ведает, что творит». И он продолжал:

— Вероятно, тебе известно, что несколько месяцев назад люди разбили руллов вблизи планеты Карсона. Мы выбиваемся из сил, защищая твою планету от самых жестоких и безжалостных созданий, когда-либо обитавших в Галактике. А вы делаете все, чтобы помешать нам закрепиться на планете, создать базу. Наши флоты примерно равны по мощи. Но руллы кое в чем превосходят нас, ведь их цивилизация старше. Главное: они могут принимать любой облик и улавливать

электромагнитные волны с помощью особых органов, унаследованных ими от своих предков, червей-хамелеонов. Поэтому они превосходные шпионы... Никогда еще нам не удавалось захватить планету — опорный пункт руллов. Зато они в первый же год войны вышибли нас с трех важнейших баз. Правда, это было сто лет назад. А вы собираетесь взять их в союзники, чтобы победить людей.

«Теперь — да».

Все произошло так быстро, что Джемисон не успел ничего подумать. Значит, и Эзвал не смог прочитать его мысли. Это и дало Тревору шанс. Он выхватил бластер и разрядил его в спину Эзвала. Испепеляющий луч послушно вылетел из дула, но попал он отнюдь не в инопланетянина. Потому что Джемисон уже кувыркался в воздухе.

Тревор с треском врезался в заросли. Жесткие шипастые ветки вцепились в его якобы сверхпрочный комбинезон, оцарапали лицо и руки. Хорошо хоть он не выронил при падении бластер — держал его мертвой хваткой.

Когда Джемисон наконец вырвался из цепких объятий кустарника, он тотчас бросился в траву, перекатился, мгновенно изготовившись к бою. Эзвал, мчавшийся вперед как курьерский поезд,

вдруг обнаружил нацеленный на него бластер. Он затормозил на полном скаку, словно бороной вскопав рыхлую землю. Гримаса удивления на его широкой морде в другой обстановке могла бы рассмешить до колик. Он тут же прыгнул в сторону и моментально исчез в разноцветном мареве джунглей — будто его и не было вовсе.

Едва не задохнувшийся в «аркане» поводьев, израненный при падении и чуть живой от нервного стресса, Тревор уселся на красноватую траву и принялся размышлять о том, что ему еще предстоит сделать после этой «блестящей победы».

3

Вокруг стояли странные, причудливые деревья, порожденные чужой планетой, — да и не деревья вовсе, а пестрые желто-коричневые грибы, вытянувшиеся на десятки футов вверх. Устремившись в небо, они пробили густое сплетение лиан, покрытых бородами лишайников. Эзвалу грибы эти были нипочем, но для человека, у которого начала садиться батарея бластера, они становились непреодолимым препятствием.

«Одно хорошо — меня, по крайней мере, не волокут к руллам», — подумал Джемисон и тотчас вскочил на ноги. Он вдруг очень ясно себе представил: где-то недалеко, скрытый диким буйством красок, прячется Эзвал, который слышит каждую его мысль.

«Время в обрез. Руллы наверняка засекли новый выстрел и окажутся здесь с минуты на минуту. А ты... черт бы тебя побрал!.. У тебя еще есть возможность передумать, — Тревор мысленно обратился к Эзвалу. — Безумие — брать в союзники руллов. Учти: наши разведчики, которым удалось вернуться с занятой противником территории, доносят: ни на одной из этих планет нет никого,

кроме руллов. Я имею в виду разумных существ. НО ВЕДЬ ОНИ БЫЛИ ТАМ ПРЕЖДЕ! ГДЕ ЖЕ ОНИ ТЕПЕРЬ?!»

Джемисон сделал паузу, чтобы Эзвал мог осмыслить его слова, затем продолжил: «Несколько раз мы встречали враждебные цивилизации. И что мы делали в этих случаях? Объявляли карантин, организовывали защиту планеты от руллов, тратили массу времени на то, что, по их мнению, не стоит и выеденного яйца, — а именно: пытались установить мирные отношения с туземцами. Изучали их культуру и психологию, пытаясь найти корни конфликта.

Если же это оказывалось бесполезным, мы самым бескровным путем свергали их воинственные правительства, оккупировали планету, а затем осторожно — шаг за шагом — очищали их культуру от нетерпимости к людям. После этого мы возвращали аборигенам независимость, и они могли сделать выбор: присоединиться к федерации, насчитывающей пять тысяч планет, или нет. И не было случая, чтобы эта огромная кропотливая работа прошла впустую. Вот и решай: есть ли разница в методах людей и руллов? Нам даже не потребуется совершать переворот на планете Карсона. Твоя раса достаточно разумна,

чтобы понять, кто ваш настоящий враг. Лично ты, здесь и сейчас, можешь сделать первый шаг...»

Больше Тревору нечего было сказать. Несколько минут он стоял и ждал хоть какой-нибудь реакции, однако ответа не последовало. Уже наступил вечер, солнце проникало сквозь нижние ветви «деревьев» и лианы. В какой-то момент он вдруг сообразил, что его и без того плачевное положение может стать окончательно безнадежным. Через два часа выйдут на охоту ночные хищники, днем скрывающиеся в своих убежищах. И вот их ему уж никак не победить. Разве что найдется НАСТОЯЩЕЕ дерево — с крепкими корнями и прочными ветвями.

И тогда Джемисон удрученно пожал плечами и двинулся вперед, избегая тенистых участков леса, где мог прятаться Эзвал. Пробиваться сквозь густые заросли без огнемета и остро наточенного мачете, боясь лишний раз пальнуть из бластера, — трудная работа. Всего через несколько сот ярдов он едва мог пошевелить руками и ногами от усталости.

И тут Тревор впервые после «расставания» услышал телепатему Эзвала: «Кто-то летает надо мной, он меня видит. Какое-то насекомое. Крылья у него совсем прозрачные. Я его слышу... Но

мысли совершенно бессмысленные. Я...»

«Не бессмысленные, — перебил его Джемисон, — а чуждые тебе. Вот подходящее слово. Руллы сильнее отличаются от нас обоих, чем мы — друг от друга. Существует теория, правда пока недоказанная, что они пришли из другой Галактики. Не удивлюсь, если ты не сможешь читать их мысли».

Тревор медленно двигался сквозь джунгли, держа бластер наизготовку, и разговаривал с Эзвалом: «Рулл пользуется антигравитатором. В их создании они достигли совершенства. То, что ты принимаешь за крылья, — это аура, излучение органов, формирующих световые волны. Тебе выпала столь же редкая, сколь и опасная возможность видеть рулл а в его естественном состоянии. Немногим это удалось, и еще меньше выжило после такой встречи. Видимо, он думает, что ты — дикий зверь. Это твой шанс уцелеть. Впрочем, на тебе же упряжь...»

В ответе Эзвала сквозило отвращение: «Эту дрянь я сбросил сразу же».

Джемисон усмехнулся. «Превосходно. Веди себя, как зверь, рычи на него, кидайся, роняй слюну. Но как только он выдвинет из своего бока сетчатый отросток, немедленно уноси ноги!»

Эзвал не ответил. Тревор напряженно вслушивался, пытаясь уловить какие-нибудь отзвуки того, что происходит в чаще. Может, Эзвал пытается установить с руллом контакт без посредства телепатии? Хуже всего, если он вернется к идиотской мысли о союзе с руллами. Джемисон содрогнулся, представив себе, что произойдет в этом случае на планете Карсона.

Тревор не без труда втиснулся в заросли, осторожно выглянул из-за ветвей. Он по-прежнему ничего не видел. «Последует ли он моему совету?» Джемисон вслушивался в происходящее в джунглях, но отовсюду раздавались лишь слабые шорохи: далекий треск растений, ломающихся под чьим-то тяжелым, громоздким телом, ослабленное расстоянием утробное рычание, удивленное фырканье и бормотание — вот это уже совсем близко.

«Он преследует тебя?» — наконец не выдержав ожидания, мысленно спросил он.

«Да, — последовал быстрый ответ. — Он хочет меня изучить. Стой на месте, у меня есть план».

«Я слушаю тебя».

«Я приведу его к тебе. Ты его убьешь, а за это я помогу тебе добраться до обломков корабля».

Тревор пришел в восторг: «Эзвал отказался от

союза с руллами! Не важно, из-за моих ли аргументов или же почувствовав, насколько руллы ему чужды. Важно то, что Эзвал на моей стороне. Или это всего лишь хитрость?»

Радость мгновенно испарилась. От испуга у Джемисона похолодело в груди. «Но с какой стати? Эзвал и так прекрасно знает, где я нахожусь, — зачем эти игры? Наверняка он просто-напросто испугался следящего за ним чудовищного существа. Вдруг, вопреки всем самоуверениям, на него нахлынул страх? — принялся уговаривать он себя. — Так бывает даже с самым смелым человеком — если он сталкивается с чем-то предельно чужеродным, отвратительным, смертельно опасным: например, с ядовитой змеей или огромным пауком».

Слева послышался треск. Тревор вскинул бластер. На мгновение он успел увидеть сверкнувшие глаза Эзвала, промчавшегося в пятидесяти футах от него. Над ним неслась странная тень.

«Не двигайся, не шуми! Их уже дюжина надо мной и...» — Яростная вспышка прервала мысль Эзвала.

Ослепленный, Джемисон опустился на траву. Он решил по всем правилам приготовиться к смерти, но почему-то ничего не получалось:

прошлая жизнь не пронеслась стремительно перед его мысленным взором, лица жены и сына не возникли, чтобы он мог попрощаться с ними навек. Слезы катились градом, у Тревора дико щипало глаза — словно перца в них сыпануло, и он не мог думать ни о чем другом.

Прошла минута, и ничего не произошло. Когда Джемисон наконец прозрел, то понял: его спас самый обычный туман. Руллы — не боги, у них тоже бывают проколы.

Дважды над ним мелькали какие-то тени. Мыслей Эзвала больше не было слышно. Что могло так быстро и беззвучно обезвредить его? Скорее всего, «разумного динозавра» парализовали с помощью вспышки света. Руллы применяли этот метод для поимки животных и примитивных сапиенсов. Эзвал, несмотря на всю свою телепатию, по строению тела был весьма близок к животным и потому чувствителен к механическим формам гипноза. Да, скорее всего, они приняли Эзвала за зверя, иначе не вели бы себя столь неосторожно, позволив разглядеть себя ВО ВСЕЙ КРАСЕ. Они поймали Эзвала, чтобы выяснить, как он очутился на Эристане-2, ведь здесь такие особи прежде не водились. Хоть эта планета и находилась в нашем тылу, руллы, по-видимому, бывали тут

не однажды.

Джемисон приободрился: «Руллы, как и земляне, думают, что Эзвал — всего лишь животное. Тем хуже для них. Если Эзвал сумел уничтожить человеческий корабль, то чем лучше звездолет руллов?»

На севере в мутном небе что-то вспыхнуло, и через несколько секунд Джемисон услышал раскаты грома. Он вскочил на ноги. Это была не буря. Это были ракетные установки земного линкора!

Линкор!.. Скорее всего, он прилетел с базы на Криптаре-4 или при патрулировании галактического сектора обнаружил взрывы ракет.

Ответный огонь был куда слабее. Крейсеру руллов очень повезет, если он сумеет убраться в целости и сохранности. Но лично для Тревора это мало что меняло.

Ночь со всеми ее ужасами ему предстояло провести здесь, на поверхности Эристана-2. Если патрульный корабль и вернется к поверхности, Джемисон не сумеет подать ему сигнала, пока не зарядит бластер на полную катушку, ведь сигналам его слабенького радиопередатчика не пробиться сквозь здешнюю ионосферу. Но, по крайней мере, руллы теперь ему не грозят.

Стремительно темнело. Тревор уже почти ни-

чего не видел, и опасность возрастала с каждой секундой. Единственное спасение — бластер. Но надолго ли его хватит? Фонарь на шлеме Джемисона освещал заросли лишь на несколько ярдов впереди, а дальше царил мрак. «Того и гляди, наткнешься на какое-нибудь чудовище», — поежившись подумал он.

Сквозь постоянно висящую над джунглями непроницаемую пелену испарений звезд было не видать. Тревор шел по компасу. Опыта хождения по джунглям у него не имелось, и потому его передвижения сопровождались оглушительным треском. Джемисону казалось, что все хищники на планете слышат его и сбегаются на «зов». Он подумывал над тем, а стоит ли вообще двигаться? Но перспектива нескончаемого ожидания во тьме была в тысячу раз хуже этого смертельно рискованного путешествия.

На мгновение отвлекшись и перестав смотреть под ноги, Тревор тут же споткнулся. Потеряв равновесие и хватаясь за воздух, он пробежал по инерции несколько шагов, и тут пальцы его вытянутых вперед рук наткнулись на что-то твердое и шероховатое. ДЕРЕВО!!!

4

Огромная тварь топталась внизу, алчно облизывая Джемисона огненными глазами, потом, недовольно рыкнув, ушла восвояси. Семь раз вот такие чудовища бросались на дерево, визжа и пуская слюни, и каждый раз бластер Джемисона выплевывал тонкий, но убийственный луч, и мертвый или пораненный хищник грохался на землю — на съедение своим собратьям.

Прошло около восьми часов с тех пор, как Тревор вскарабкался на древесный ствол. Если так пойдет дальше, батареи бластера не хватит и до утра — не то что на следующую ночь. А ведь неизвестно, сколько раз ему еще придется ночевать в джунглях, пока он будет искать гравиплатформу и найдет ли он ее вообще? Сколько минут проживет Джемисон после того, как иссякнет заряд?

Опять кто-то топтался под деревом. Гигантские когти терзали кору. Потом два сверкающих глаза ненадолго отдалились. Тревор уж было подумал: слава Богу, и этот уходит сам. И вдруг желтые «плошки» глаз стремительно понеслись к нему. Тварь взбиралась по стволу, словно это была парадная лестница.

Джемисон решил беречь заряды и, сунув бластер в кобуру, быстро полез наверх, к тонким ветвям. Каждую секунду он ждал, что ветви обломятся и он полетит вниз, прямо в пасть к зверю, но еще больше он боялся, что стальные челюсти вцепятся ему в пятки.

Зверь уже почти настиг его, когда снизу послышался ужасный рев и на дерево полез кто-то еще. Теперь отрезанной от земли твари стало не до дичи. Схватка происходила в абсолютной тьме и закончилась внизу — в круге таких же тварей, моментально собравшихся на пир.

Вдруг появился какой-то длинношеий монстр с шестифутовыми челюстями и, как таран, врезался в гущу дерущихся над истерзанными тушами хищников. Он в мгновение ока прикончил кого-то, оттащил свою добычу в сторону и, не обращая внимания на соседство разъяренных тварей, сожрал тушу в считанные минуты, после чего преспокойно удалился восвояси.

К утру Тревора наконец-то оставили в покое. Он был совершенно измучен этой бессонной ночью. Если бы Эзвал не припер его тогда к стенке в кают-компании корабля, он бы сумел запастись пилюлями против сна, запасными батареями к бластеру и массой других вещей, жизненно

необходимых любому робинзону. Джемисон даже улыбнулся при мысли, что мог бы иметь спасательную шлюпку. Слава богу, ему удалось захватить питательные пилюли на месяц!..

Тревор подкрепился, проглотив безвкусную розовую капсулу, запил ее очищенной водой из специальной фляги-фильтратора и слез с дерева. Судя по скорости передвижения Эзвала по этому непролазью, гравиплатформа лежала в десяти милях к северу. Учитывая слабость детектора, ее придется разыскивать, прочесывая лес кругами. Да и что он получит, найдя эту чертову платформу? Только полный заряд бластера. Сама по себе платформа была лишь огромным парашютом, способным поднимать и опускать тяжести. Джемисону предстояло самостоятельно — с одним лишь бластером — преодолеть сто миль моря, болот, кишащих хищниками джунглей, которые разделяли его и упавший корабль. Но выбирать было не из чего. Он двинулся вперед.

К полудню Тревору удалось пройти не больше трех миль. Белое пятно в сером небе — извечно сокрытое душной пеленой здешнее светило — медленно ползло по небосводу. Джемисон решил немного отдохнуть — тем более что поблизости поднималось ввысь еще одно настоящее дерево.

Он забрался на развилку ветвей, привязался к ним и тут же провалился во тьму.

Когда Тревор проснулся, то с ужасом обнаружил, что под деревом завывает стая ночных хищников. Неизвестно, сколько времени он продрых, но, видимо, ночь только началась. Гигантская лапа ударила по стволу, и дерево дрогнуло. Джемисон поспешно отвязался и полез выше, уже зная, как много зависит от нескольких лишних футов под «килем».

Сквозь туманную атмосферу планеты не было видно звезд, и поэтому ночь растягивалась вдвое. Нескольким тварям, слегка похожим на гигантских кошек, удалось подобраться довольно близко к Джемисону, но только однажды ему пришлось применить бластер. Луч был так тонок, что сердце у него екнуло. Животное, отдернув обожженные лапы, сверзилось вниз, где его немедленно разорвали на части.

Рассвет наступал так медленно, что казалось, ночи не будет конца. Тревор сидел на ветке, похожий на смертельно перепуганную обезьяну, и смотрел, как внизу несколько гиеноподобных тварей копошатся в груде свежеобглоданных костей.

Внезапно из кустов вынырнула огромная ро-

гатая голова и сорок футов толстого туловища змеи. Ближайшая «гиена», коротко взвизгнув, в мгновение ока превратилась в здоровенную отбивную. Остальные растаяли во мгле. Змея спокойно занялась пожиранием добычи, а потом улеглась на траве. Отвратительное вздутие на ее теле постепенно передвигалось от головы к хвосту. Джемисон сидел на дереве ни жив ни мертв. Кто знает: может, ей ничего не стоит добраться до него, и тогда уж никакой бластер не спасет.

Пролежав у дерева самый длинный в жизни Тревора час, змея убралась восвояси. Прошло несколько минут, прежде чем он убедился, что охота на сегодня закончилась. И все равно не сразу решился покинуть свое обиталище. С опаской спустился Джемисон на землю и, сверившись с компасом, продолжил путь.

За этот день он продвинулся намного дальше — наверняка потому, что хорошо выспался вчера. Он опять очень устал, но перспектива провести еще одну ночь на дереве заставила его, стиснув зубы, снова и снова прочесывать треклятый лес.

Некоторое время Тревор изучал окрестности, чтобы запомнить дорогу к спасительному дереву. Радиус первого круга был пятьдесят ярдов. Каждый следующий становился в несколько раз

больше. Вернуться к отправному пункту становилось все труднее.

Спустя четырнадцать часов Джемисон монотонно брел через заросли. Скоро начнет темнеть. Поиски ничего не дали, надо возвращаться, чтобы пережить еще одну кошмарную ночь. Глупо надеяться найти платформу в первый же день.

С такими мыслями он заканчивал пятый круг, но вместо того, чтобы уткнуться в долгожданное дерево, увидел поляну диаметром ярдов двести пятьдесят. Раньше Тревор на нее почему-то не выходил.

Поляна поросла серым кустарником, сгущавшимся к центру. Едва Джемисон сделал несколько шагов по поляне, как из зарослей на противоположной ее стороны вылетел косматый зверь с горящими глазами и бросился к нему. Тревор оцепенел от ужаса. Это конец!.. У него просто не осталось сил бежать или прятаться.

Но зверь не сумел домчаться до Джемисона. Ноги его запутались в кустарнике, и он не смог, несмотря на все усилия, выбраться. Тревор не сразу понял, что произошло. Он успел в очередной раз похоронить себя, и теперь ему требовалось свыкнуться с мыслью, что придется еще помучиться на этом свете.

Веревкообразные корни опутали зверя, а веретенообразные, острые, как шприцы, ветви вонзились в него. Громадное тело вздрогнуло, задергалось и рухнуло на землю. Ветви все глубже и глубже проникали в него. Это был ритт, кустарник, который вкупе со змеями делал планету непригодной для колонизации. Правда, он рос не везде. Джемисон содрогнулся, представив себе, сколько таких кустов миновал за этот день.

Был уже поздний вечер — время, когда хищники выходили на охоту. Дневная тишина кончалась. Новые, страшные звуки доносились отовсюду, они становились громче и громче, заставляя одинокого человека вздрагивать и втягивать голову в плечи. Тревор ловил себя на том, что пригибается будто под обстрелом. Он искал дерево, с каждой минутой нервничая все сильнее, и наконец обнаружил его силуэт вдалеке — в туманной дымке.

«Не туда, Тревор Джемисон, левее, — вдруг услышал он мысль Эзвала. — Там поляна... Я жду тебя. Помоги мне».

«Черт подери! Голос с того света... — Джемисон был в недоумении. Ведь Эзвала поймали руллы. — Неужели он успел прикончить их так быстро? Или это ловушка?»

«Руллы мертвы. Их машина невредима, но я не могу ею управлять. Помоги мне. Только быстрее — пока здесь нет хищников».

Сменив направление, Тревор припустил рысью. «Все ясно, — думал он на бегу. — Корабль руллов так торопился убраться отсюда, что бросил своих разведчиков. И Эзвал их перебил как слепых кутят».

«Я их не убивал, — прервал его мысль Эзвал. — Это было ни к чему. Сейчас ты сам все поймешь».

Наконец Джемисон выбрался из джунглей на еще одну — с виду точно такую же — поляну, в середине поросшую риттом. На одном ее конце вертикально стояла на посадочных ногах стофутовая шлюпка руллов, на другом — валялась теперь уже ненужная гравиплатформа. Между ними среди серого кустарника валялись червеобразные трупы дюжины руллов. Отростки кустарника тянулись к шлюпке, некоторые даже сумели заползти в открытый кормовой люк, надеясь, что оттуда появятся новые жертвы.

Догадаться, что произошло, было совсем не трудно. И все же Эзвал не преминул съязвить: «Медленно соображаешь, Джемисон, хотя в логике тебе не отказать. Правильно: я в рубке, меня

спасла дверь. Надеюсь, ты сожжешь растения и освободишь меня».

Тревор, больше не экономя заряд, прожег в кустах проход (на это ушли последние крохи энергии) и поднялся на гравиплатформу. Он мысленно назвал шестизначное число, потом приложил большой палец правой руки к кружку опознавателя. Наконец кодовый замок щелкнул. Тогда Джемисон сдвинул бронированную крышку с панели управления и вынул из бластера маленькую капсулу — энергобатарею. Без нее бластер был бесполезным куском металла.

Тревор сунул капсулу в специальное гнездо. Процесс проходил автоматически. Теперь нужно ждать десять минут, пока батарея зарядится энергией. Он опустился на корточки рядом с платформой, чтобы при малейшей опасности выхватить капсулу и вставить ее в бластер. Пока Джемисон сидел так, вглядываясь в чернеющие тени на поляне, Эзвал терпеливо молчал. И тогда человек заговорил сам:

— Выходит, руллы не знают о ритте. Тоже хорошо... Но отчего они все разом покинули шлюпку, так что никто не уцелел? Непонятная неосторожность. Может, ты объяснишь мне, в чем тут дело?

«В сознание я пришел при погрузке в шлюпку. Но сделал вид, что по-прежнему в отключке. Ведь у них у всех было оружие. Руллы поместили меня в трюм. Там я разорвал путы и стал ждать подходящего момента, чтобы дать деру. Внезапно раздался взрыв, и все они покинули судно. Тут же руллы пришли в необычайное волнение, и спустя миг их мысли оборвались. Полная тишина. Я понял: все они мертвы. Потом я взломал дверь трюма, но выйти наружу мне так и не удалось».

Тревору почудилось какое-то движение на краю поляны. Может, это началась охота на него? Как бы там ни было, десять минут прошли. Он вынул батарею и вставил в бластер. Готово...

Джемисон пристально посмотрел на то место, где только что видел тень. Никого и ничего. Вероятно, почудилось... В любом случае ни на секунду нельзя терять бдительность. Он произнес:

— Ну, что ж, я могу закончить рассказ за тебя: даже поняв, что руллы мертвы, ты решил остаться в шлюпке. Ты струсил, поняв, что без меня, без моего бластера не обойтись. Ведь если ты и боишься чего-нибудь на этой планете, то именно кустарника, которого в джунглях полным-полно.

Кустарник был немного светлее земли. Джемисон опустил на глаза щиток со светофильтром

и нажал на спуск. Послышался треск горящих ветвей. Бластер был заряжен полностью — им теперь можно было сжечь половину джунглей. Тревор провел лучом из стороны в сторону. Вскоре он стоял на краю черного дымящегося пятна. Следующая заросль находилась ярдах в двадцати от него.

— Значит, ты уже два дня торчишь в шлюпке, — сказал Джемисон, сделав шаг вперед. — В первый день ты, скорей всего, возился с механизмом двери и проник в рубку только вчера. И на другом ее конце увидел отростки кустарника. Держу пари: ты задраил люк с быстротой молнии.

Тревор сжег второй куст. Теперь ему оставалось сжечь последний — тот, что убил руллов. Работая, он продолжал говорить с упорно молчащим Эзвалом в том же духе:

— Два дня ты пытался разобраться в пульте управления, но потерпел поражение. Если бы ты понял принцип командования шлюпкой, то давно бы удрал. Но ты ни хрена не понял... Появился я, и ситуация изменилась.

Человек ждал от Эзвала ответа. Тому нечего было возразить, и он молчал. Джемисону следовало спалить щупальцы ритта, пытающиеся проникнуть в космическую шлюпку и образовавшие

вокруг внешнего люка копошащийся холм. Он уменьшил мощность луча, чтобы не повредить обшивку.

«Сейчас я уничтожу последние отростки. Ты откроешь мне люк и тотчас заберешься назад, в трюм. После этого я войду в рубку. Я размещу сенсорные датчики у входа в трюм и установлю бластер так, что он уничтожит тебя, если ты сделаешь хоть шаг наружу. Будь благоразумен. Смирись — ты проиграл по всем статьям. Но не бойся: пока я не открою тайны твоей разумности. Пока... До ближайшей базы две недели лету, а затем мы доберемся до планеты Карсона, где я выпущу тебя на волю. Не знаю, правда, найдешь ли ты что-нибудь съедобное в трюме, хотя руллы ведь чем-то собирались тебя кормить... Утешайся тем, что без гиперсветовых полетов ты бы тащился на родину до скончания века. А теперь отойди от двери подальше — будет очень жарко!

5

Через два дня Джемисон сумел связаться с крейсером дружественной людям расы и через него подал сигнал бедствия на ближайшую земную базу. Но еще целую неделю они с Эзвалом блуждали в космосе, прежде чем их подобрал земной корабль.

Командир согласился доставить Тревора на планету Карсона. Тщательно проверив личность Джемисона, он успокоился. Дикий зверь, которого ученый вез в мощной стальной клетке, мало интересовал командира — у него хватало своих забот. Война ведь на дворе...

Тревор добился, чтобы корабль вначале сел в необитаемом районе планеты Карсона. Она была богатым жизнью и очень красивым миром — бескрайний лес простирался к западу, на востоке сверкала река. Здесь и состоялся последний разговор землянина с Эзвалом.

Эзвал легко соскочил на землю и оглянулся. Джемисон стоял у распахнутого люка.

— Ну как, еще не передумал?

«Убирайся с нашей планеты вместе с вашими сородичами!» — злобно ответил Эзвал.

— Только когда у вас будет машинная цивилизация, способная противостоять руллам.

«Эзвалы никогда не станут рабами машин!»

Тревор лишь покачал головой. По дороге сюда у него возникла идея. Да, взрослого Эзвала ему не убедить — он слишком неуступчив, убежден в своей правоте. Но есть и другие...

— Просто ты — индивидуалист и хочешь жить только для себя.

«Да, только от тебя я узнал, что есть расы, живущие коллективно. Эзвалы лишь сотрудничают друг с другом во имя общей цели. Но зато мы действительно свободны. Почему-то (наверное, из-за собственной ограниченности) люди принимают это за слабость».

— За слабое место. Мы на Земле ничего бы не достигли без общества. Кстати, у вас ведь нет имен?

В ответе Эзвала сквозило отвращение:

«Телепаты не нуждаются в кличках. Ты зря думаешь, — продолжал он с яростью, — что с помощью имен сможешь сделать из нас себе подобных. — Ярость сменилась презрением. — Впрочем, сейчас твоя главная задача — доказать нашу разумность. Дерзай. Тут я тебя и покину».

Эзвал повернулся и побежал в лес. Джемисон

окликнул его:

— Ты спас мне жизнь и доказал, что между нами все-таки возможно сотрудничество. Благодарю тебя за это!

«Мне не нужна благодарность человека. Прощай и не попадайся мне больше!»

— Прощай! — произнес Тревор.

... Как только люк захлопнулся, огромный корабль взлетел.

Перед отлетом на Землю Джемисон представил доклад Военному Совету базы. Председатель оборвал Тревора, едва стала ясна его основная мысль: ЭЗВАЛЫ РАЗУМНЫ.

— Мистер Джемисон, в этой комнате, да и на всей планете вы не найдете человека, не пережившего горечи утрат, понесенных по вине этих чудовищ.

Джемисон терпеливо ждал истинных аргументов.

— Если верно то, что вы утверждаете, мы должны истребить их немедля. Бывают случаи, когда человек не может проявить милосердие к другой расе, и трудно ожидать от нас милосердия к Эзвалам.

Послышался одобрительный ропот членов Совета. Джемисон обвел взглядом их лица и понял,

что председатель прав. Планета Карсона была слишком лакомым куском. В истории человечества лишь несколько раз встречались расы, столь ненавидевшие людей, как Эзвалы. И надо же было случиться, что именно их планета оказалась одной из трех баз, на которых держится вся оборона Галактики. Ее нельзя оставить ни при каких обстоятельствах. И вполне вероятно, что будет отдан приказ о полном уничтожении Эзвалов.

Телепаты-Эзвалы всегда первыми обнаруживали людей, поэтому их нельзя было застать врасплох. Но если будет объявлена тотальная война, в ход могут пойти модифицированные вирусы, отравляющие газы или нейтронные бомбы. От них не спасешься и в непроходимых дебрях. Но тут есть одна закавыка: человечеству вряд ли понравится, если на нашей тыловой планете применят оружие массового поражения. Поэтому с Эзвалами легче всего разделаться, воспользовавшись их телепатическими способностями. Ученые могли бы уничтожить их вполне «гигиенично» — не портя биосферу: создав машины, подавляющие излучение мозга. И с расой Эзвалов будет покончено в считанные недели.

Джемисон понял, что рассказывать Военному Совету базы о его приключениях на Эристане-2

было бы преступлением. Пусть знают, что Эзвалы разумны, а о телепатии мы пока что умолчим.

— Леди и джентльмены, — он поклонился трем женщинам, входившим в состав Совета, — мне остается лишь выразить благодарность Галактическому Конгрессу, пославшему меня разрешить эту проблему. Я буду вынужден просить его о проведении плебисцита по данному вопросу.

— Я считаю это оскорблением, — холодно сказал председатель.

— Я не имел намерения оскорбить вас, но думаю, что члены Совета слишком пристрастны, чтобы решать вопрос о жизни или смерти целой разумной расы. Благодарю за внимание.

Джемисон сел на место.

Последовавший за совещанием банкет прошел в полном молчании. По его завершению к Джемисону подошел вице-председатель Военного Совета базы, сопровождаемый молодой женщиной. На вид ей было лет тридцать. Прекрасные голубые глаза и стройная фигура делали ее весьма привлекательной, но неженская решительность во взгляде и резкость движений слегка портили впечатление.

— Миссис Уитмен хотела бы познакомиться с вами, доктор Джемисон, — вежливо произнес ви-

це-председатель и быстро ушел — почти бежал из банкетного зала, будто его миссия заключалась лишь в том, чтобы представить их друг другу.

Тревор внимательно разглядывал женщину.

— Вы ведь доктор наук, мистер Джемисон?

— Да, я физик, но специализируюсь в небесной механике и космических исследованиях.

— Так я и думала. А вот я просто вдова. Меня всегда восхищали познания моего погибшего мужа, — сказала Уитмен, а потом добавила как бы в раздумье: — Его убил Эзвал.

«Просто вдова... Лукавит, однако. Видимо, ее муж обладал уж очень глубокими познаниями, если она все еще вращается в высших кругах Совета», — подумал Джемисон, а вслух сказал:

— Сочувствую вам.

— Я очень рада, что вы остались еще на несколько дней, и я могу предложить вам другое решение проблемы, от которой зависит судьба планеты. Что вы скажете о ее спутнике?

— Вы хотите создать на нем базу? — медленно произнес Джемисон.

— Не только.

«Что ж, этим стоит заняться, — подумал он. — В потоке бумаг, в водовороте текущих дел такого рода решение легко может затеряться. Земная

бюрократия — страшная штука. Правда, я сильно сомневаюсь, что это действительно выход из тупика, но в создавшейся ситуации любой компромисс предпочтительнее открытой вражды».

— Пойдемте, — сказала миссис Уитмен.

Тревор подумал, что зафрахтованный Флотом грузовик с двумя пленными Эзвалами прибудет на Землю лишь через несколько недель, его же корабль намного быстроходней, и потому он может уделить немного времени Барбаре Уитмен.

— Ну, хорошо. Вы, как я понимаю, будете моим гидом?

Она рассмеялась, блеснув великолепными зубами.

— Но ведь, кроме меня, с вами никто не станет разговаривать, не так ли?

Ее слова были горьки, но Джемисону было не привыкать — он умел держать удар. Тревор почти постоянно ходил по лезвию бритвы — такова уж его судьба...

6

Космический скафандр Барбары Уитмен то и дело грозил затеряться на фоне звездного неба, и Тревору Джемисону приходилось непрерывно следить за его скачками, чтобы не остаться одному.

Тревор уже раскаивался, что согласился на этот полет. На пути к спутнику он выкопал в Сети относившуюся к нему заметку из Галактической энциклопедии. И с первого же взгляда ему стало ясно, что разместить на спутнике миллионы людей будет трудновато.

Милей ниже их траектории на поверхности спутника виднелись островки леса, выщербленные скалы, редкие участки травы, коричневой и пожухлой. Это небесное тело, скорее, подходило на роль полигона для бомбометания или космодрома подскока, а уж никак не тянуло на галактическую базу Флота.

Казалось, женщина нарочно играла с доктором в прятки, продолжая форсировать движок реактивного ранца. Очень скоро она окажется на фоне солнца, тогда уж ее точно будет невозможно обнаружить. Что-то во всем этом было не так.

Джемисон приказал шлему выдать на лицевой щиток показания приборов. Мельком бросив на них взгляд, он сжал губы в упрямую линию. Ситуация ему совсем не нравилась. Тревор включил рацию:

— Миссис Уитмен!

— Да, доктор Джемисон, — слово «доктор» она произнесла как-то насмешливо и даже враждебно. — Слушаю вас, доктор!

— Вы сказали, что мы должны пролететь пятьсот двадцать одну милю или...

— Или около того! — голос смягчился, но скрытая враждебность казалось даже усилилась.

— Итак, пятьсот двадцать одна миля. Цифра достаточно определенная. Так почему же мы оставили позади шестьсот двадцать девять миль и конца-края полету не видно? С тех пор как мы покинули Пять городов, прошло два часа...

— Ну, и что такого? Это ведь совсем не страшно, доктор Джемисон. Или вам наскучило общество одинокой женщины?

Тревор молчал, размышляя, что все это значит. Сначала он подумал, что Барбара всего лишь хочет зло подшутить над ним, бросив где-нибудь в медвежьем углу, чтобы он потом до поздней ночи добирался обратно? Да нет, чепуха... Или

она просто ХОЧЕТ его? Мы опустимся в какую-нибудь уютную лощинку, легким движением она сбросит с себя скафандр, обнимет его и-и-и... Полный бред!

Доктор нутром чуял: над ним нависла смертельная опасность. И, как всегда в таких случаях, разум ученого работал быстро и четко. До сих пор Джемисон выходил победителем из самых безвыходных ситуаций, и знание этого всегда придавало ему сил.

Тревор резко сменил курс и начал быстро снижать скорость. Времени было слишком мало, а опасность слишком велика. Сильнейшая перегрузка стиснула его в скафандре как гидравлический пресс, но он переборол вдруг ставшие непослушными голосовые связки и невероятным усилием заставил себя спросить собеседницу членораздельно и даже совсем спокойно:

— Скажите, убить меня приказал Совет или это ваша личная инициатива?

— Теперь это не важно, — голос ее не дрогнул. — Мы не предполагали, что вы решитесь на плебисцит. Вы сами подписали себе приговор. А спутник... Конечно, мы давно знали, что он не годится для базы. Я просто увлекла вас в самое безлюдное место. Даже странно... Это оказалось

не сложнее, чем приманить конфеткой ребенка.

Джемисон через силу рассмеялся — ему нужно было продолжать заговаривать женщине зубы, чтобы она обнаружила его снижение как можно позже.

Теперь он остался один — сверкающий скафандр Барбары Уитмен исчез вдали. Скорее всего, она даже не получает у своего компьютера данные нашлемного локатора — совершенно уверена в успехе операции, ведь «муха уже попала в паутину». Непрофессионал — сразу видно... Стараясь оттянуть неприятное для нее открытие как можно дольше, Тревор спросил:

— И как же вы меня убьете?

— Через десять секунд ваш двигатель... — она осеклась. — Да вы... Небось пытаетесь приземлиться? Слишком поздно.

До скалы оставалось пятьдесят футов, когда с движком стало происходить что-то неладное: на мгновение он вырубился, затем резко увеличил тягу. Господи!.. В тот же миг — одним выверенным движением — Джемисон сбросил реактивный ранец, и тот сразу ушел на несколько ярдов вниз и в сторону. Тревор падал на камни, пытаясь сгруппироваться, как учит инструкция по аварийным ситуациям.

Ослепительная вспышка. Его ударило в подошвы и — лучше, чем раскрывающийся парашют, — подбросило вверх взрывной волной. Хлопка он уже не слышал. Пламя охватило его, жгучая боль пронзила тело. Он ударился о землю и окончательно потерял сознание.

... Голая пятнистая скала, кружащаяся перед глазами и то и дело шарахающаяся от него словно в испуге, — вот что увидел Джемисон, очнувшись. Скафандра на нем не было, остался лишь костюм с электроподогревом. Он почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся: позади стояла Барбара Уитмен собственной персоной. От этого движения мир перевернулся, и он снова уронил голову на камни.

— Вам удивительно везет: вы вовремя сбросили ранец. Вам только обожгло ноги — ушибы не в счет. Я уже все вылечила карманным «эскулапом». Вы даже сможете идти.

Джемисон вопросительно взглянул на нее. Барбара прекрасно поняла его мысль.

— Возможно, я совершила преступление, но я не могла смотреть, как вы корчитесь от боли. Даже у смертника в день казни сначала вырвут заболевший зуб, а уж потом будут брить затылок... Теперь мы можем начать все с начала.

Тревор осторожно сел. На сей раз Бог миловал — мир больше не пытался ходить ходуном. Доктор внимательно разглядывал мисс Уитмен, он глядел на нее как бы новыми глазами. В своей жизни Джемисон неоднократно встречал жестоких женщин, но ни одна из них не была так честна и искренна в своих намерениях.

— Значит, вы спустились, чтобы убедиться: клиент готов. И обнаружив, что дело не доведено до конца и смертник слегка не в форме, решили оказать мне первую помощь, — полувопросительно произнес Тревор.

Только тут он понял одну странность во внешнем виде его симпатичной убийцы и тут же спросил: — Кстати, а где ваш скафандр и ранец?

Она кивнула на небо.

— Мои коллеги подстраховались — живой исполнитель намного опаснее мертвого. Мой ранец, очевидно, запрограммировали, чтобы после взрыва он отправился прямиком к солнцу. (В умножитель можно разглядеть тусклое пятнышко справа от солнечного диска.) Через триста часов я должна была благополучно сгореть в фотосфере. Однако я — большая перестраховщица и под скафандр на самый крайний случай надела одноразовый спасательный гравипояс.

— Вы успели попросить о помощи?

— Передатчик отключился в тот самый миг, когда взбесился ранец.

— Вас будут искать?

— Не думаю. Наверняка у них уже есть легенда, объясняющая наше внезапное исчезновение...

— Так мы — товарищи по несчастью. — Джемисон нашел в себе силы усмехнуться. — Или пока я окончательно не пришел в себя, вы наброситесь на меня, чтобы задушить? Впрочем, меня еще можно заколоть шпилькой... — Он вошел в раж. Это была своего рода истерика — отходняк после несостоявшейся героической кончины. — Тогда советую поспешить...

Лицо женщины потемнело от гнева.

— Хватит кривляться! — Она тотчас взяла себя в руки. — В этом нет необходимости. Мы оба уже мертвецы. У нас нет ни единого шанса, ведь нам ни за что не дойти пешком до Пяти городов, а до платиновых рудников — тем более.

— Вы застряли где-то на полпути между ролью завзятой авантюристки и сестры милосердия. Я всегда предпочитал иметь дело с чем-то определенным. В любом случае, я благодарен вам за лечение и... за общество.

Миссис Уитмен промолчала. Она все так же

неподвижно стояла, сложив руки на груди, и была похожа на скульптуру «Скорбь» в дворцовом парке.

Джемисон поднялся на ноги, медленно присел, потом повторил это упражнение энергичней и наконец решился легонько попрыгать. Все в порядке, если не считать легкой боли в икрах. На нее можно просто не обращать внимания.

— Еще плоховато сгибаются, но к ночи это пройдет...

— Однако до чего ж вы спокойны!.. — вырвалось у Барбары. Тревор так и не понял, с каким чувством была сказана эта фраза.

— Конечно, ведь я жив! — воскликнул Тревор с энтузиазмом.

— Опьяненный нежданным спасением, вы не понимаете истинного положения дел. Нам нужно идти полторы недели, делая по шестьдесят миль ежедневно, а это физически невозможно. Температура ночью падает до минус ста градусов. Что вы на это скажете?

— Что надо идти, — не колеблясь ответил Джемисон.

— Нас сожрет первый попавшийся на пути грип-кровосос, если только мы прежде не замерзнем. Пульсация крови в сосудах, которую

они чувствуют на огромном расстоянии, приводит их в бешенство. Грипам ничего не стоит за один прием высосать человека целиком. Они способны пробивать туннели в здешних скалах. Единственная защита против них — бластеры, а у меня есть только охотничий нож. Единственная пища на этом спутнике — огромные травоядные, генетически перестроенные, чтобы их мясо усваивал человеческий организм. Потом этот проект был заброшен... Так вот, при виде человека они удирают быстрее лани, но при этом — если их припереть к стенке — способны прикончить десяток невооруженных людей, — со странным торжеством в голосе миссис Уитмен выкладывала один аргумент за другим. — Учтите еще одно: что-то в здешнем воздухе возбуждает зверский аппетит. Я уже подыхаю от голода. Так что мы приближаемся к смерти с каждой минутой.

— И вы, кажется, этим довольны? — с любопытством осведомился Тревор.

— Во всяком случае, на Землю вам живым не вернуться — это уже неплохо. А мне... мне умирать не страшно. После гибели мужа я потеряла вкус к жизни.

— Нам, конечно, не позавидуешь. И мне очень жаль видеть женщину в столь опасной ситуации.

Но вы ошибаетесь: я обязательно вернусь домой.

— Чепуха. Это все равно, что убить грипа голыми руками, — невесело рассмеялась она.

— Не только и не столько руками, сколько интеллектом и жизненным опытом. Мы доберемся до людей, несмотря ни на что!

Наступило молчание. Джемисон оглядел местность. Кругом, насколько хватало глаз, простиралось безжизненное плато. Впрочем, нет — далеко на западе виднелся обрыв. Тревор задумался на секунду, потом сказал:

— Придется идти к обрыву.

Стащенный с него скафандр доктор обнаружил за грудой камней. Конечно, в нем не замерзнешь в любой мороз, но в походе проку от него не было никакого — слишком будет мешать при ходьбе, далеко в нем не уйти. Пришлось взвалить его на плечо, словно раненого товарища, и тащить на себе.

— Ну, что ж, начнем наше последнее путешествие.

Их окружала глубокая тишина. Молчание природы было символом, духом этого холодного мира. Они побрели через плато. Идти было нетрудно — сказывалось малое притяжение спутника.

Барбара вдруг спросила:

— О чем вы умолчали, докладывая Совету? Вы ведь наверняка знаете об Эзвалах еще что-то. Я это сразу почувствовала.

«Черт возьми! — мысленно чертыхнулся Джемисон. — Проклятое женское чутье!..»

— Достоверно мне неизвестно больше ничего. Одни предположения... Зачем я их буду высказывать, если Совет и так — на самой грани войны? Любое лишнее слово — и он отдаст приказ о полном уничтожении Эзвалов.

— Вам нужно было выложить все, детально описать ваши похождения на Эристане-2. Мы сумели бы проанализировать информацию и сделать правильные выводы — в Совете здравомыслящие люди.

— Весьма здравомыслящие, — иронически подхватил Тревор.

— Я не верю в вашу правоту, доктор... Ну, хорошо, закроем эту тему.

7

Через два часа солнце стояло высоко в небе. Почти все это время они пробирались по плато, которое неожиданно оказалось труднопроходимым. Приходилось лавировать между расселинами, которые вели вниз, в раскаленные недра спутника.

Пропасть, чьи гигантские размеры раньше были преуменьшены расстоянием, теперь предстала во всем своем величии. Она простиралась в обе стороны на десятки миль, обрываясь неприступной, отвесной стеной.

Джемисон тяжело вздохнул и понуро произнес:

— Только теперь понял, как мы вляпались. Нам действительно ее не одолеть.

— Я ведь говорила вам: мы умрем от голода.

Тревор скинул капюшон, чтобы почесать затылок, — так легче думалось, а потом спросил:

— Эти травоядные, они ведь едят молодые побеги деревьев?

— Да, у них длинные шеи. А что?

— И это все, что они едят?

— Еще траву.

— И больше ничего? — Джемисон спрашивал все настойчивее.

Барбара вскинула голову, на мгновение став похожей на молодую породистую кобылку, которую впервые пытаются взнуздать.

— Хватит болтать глупости! Для чего вам все это?

— Извините за допрос. — Тревор поспешил дать задний ход. — Это совсем не праздный интерес... Что они пьют?

— Днем — воду, а по утрам лижут лед, в который за ночь смерзаются реки. — Мисс Уитмен сменила гнев на милость. — Вспомнила: еще они лижут соль. Совсем как земные травоядные.

— Соль! Это нам и нужно! — обрадовался Джемисон.

— Давайте вернемся — не так давно мы проходили солончаки. Нужно набрать соли.

— Вернуться? Вы сошли с ума!

— Послушайте, Барбара. Я сказал, что мы не сможем спуститься. Но выход на самом деле есть. И от голода уж по крайней мере я не умру — достаточно жира скопил на канцелярской работе. Но все-таки нам необходимо убить животное. Для этого нужна соль. А значит, надо вернуться.

Несколько секунд они смотрели друг другу в

глаза, потом женщина отвела взгляд и сказала:

— Не знаю, что вы задумали, но все равно это безумие. Вы никогда не видели здешних травоядных. Они напоминают жирафов, только значительно выше ростом. Зря вы надеетесь приманить их солью и убить. Это вам не удастся... Хорошо, мы вернемся. Не все ли равно, где умирать?.. Дай Бог, чтобы нас поскорее учуял грип. Это лучше, чем мучительная смерть от голода.

— Нет ничего страшнее женщины, решившей умереть во что бы то ни стало.

— Не думайте, что мне этого хочется!

— А как же ваш ребенок?

По выражению ее лица Тревор понял, что не промахнулся. В миссис Уитмен нужно пробудить любовь к жизни. Ее помощь ему просто необходима.

От разговора с Барбарой по дороге к солончаку Джемисон, сам того не ожидая, получил большое удовольствие. Он не пытался убедить ее в чем-либо, говорил о проблемах человечества, об освоении чужих миров, о взаимопонимании различных рас, о том, как много решений было принято в результате разумного обсуждения.

— Вот наконец и ваш идиотский солончак, — прервала она его разглагольствования.

Тревор распихал по карманам куски соли, а затем путешественники побрели обратно. Возвращение проходило в тягостном молчании. Занять себя делом, не сдаться, не расклеиться, постоянно думая о неотвратимости гибели, — это одно, а верить, что на самом деле можешь спастись, — совсем другое.

И вот перед ними снова предстал обрыв. Там, на дне ущелья, было гораздо теплее — сказывалась близость раскаленного ядра, и их шансы выжить стали бы намного выше. Они подползли к краю пропасти, слишком глубокой, чтобы можно было спуститься без альпинистского снаряжения.

Джемисон взглянул вниз, и у него закружилась голова. Казалось, им оставалось только лечь и терпеливо ждать смерти, которая не заставит себя долго ждать. От холода она наступит, от жажды или голода — не суть важно. Наконец миссис Уитмен прошептала:

— Что же нам делать? — в ее голосе звучало отчаяние. По крайней мере, это лучше, чем безразличие. — Придумайте что-нибудь — вы же доктор!

Ну как тут было не расхохотаться? Барбара какое-то время с удивлением и даже злостью смотрела, как покатывается от смеха Тревор

Джемисон, как молотит кулаком по каменистому грунту, а потом не выдержала и стала ему вторить. Они никак не могли остановиться, слезы катились из глаз, смех душил их... А когда все закончилось, оказалось, что доктор физики уже нашел выход.

Отдышавшись, он тихо произнес:

— Мы обязательно спустимся. Смотрите... — Джемисон подтащил женщину к самому краю. — Там стадо ваших «жирафов». Они ведь как-то спустились на дно. Значит, непременно должен найтись пологий склон. Надо его искать — только и всего.

И они пошли искать.

Почти без отдыха путешественники час за часом шагали вдоль обрыва на юг. С таким же успехом они могли бы тащиться на север. Ущелье время от времени делало изгибы, еще больше удлиняя им путь. А спасительный спуск все не появлялся. Миссис Уитмен стоически сносила трудности долгого перехода. По счастью, она оказалась выносливым ходоком. Но любой выносливости рано или поздно приходит конец.

Тревор чувствовал: еще немного, и они рухнут на землю как подкошенные, и тогда уже никакая сила не поднимет их на ноги. У него болел

каждый мускул, каждый нерв. Отчаянно хотелось спать, но спать было нельзя — сон означал смерть. Мутным взором доктор окинул женщину: на ее усталом лице читались муки голода. Много ли надо, чтобы согнуть отвыкшего от лишений современного человека?

— Держитесь! — попытался подбодрить он Барбару. — Еще немного!

Спуск обнаружился через двадцать минут. Он весь порос лесом и вторгался в ущелье подобно клину.

— Кажется, у меня галлюцинация, — пробормотала миссис Уитмен, потерла глаза, потом ущипнула себя за ухо.

— Тогда это очень хорошая галлюцинация, — улыбнулся Джемисон. — Вы можете идти?

Барбара кивнула. Взявшись за руки, как дети, они пошагали вниз. Тревор ощущал, что у него разом прибавилось сил. Вот что значит надежда!..

Около спуска паслось стадо «жирафов» в сотню голов, объедая странные листья со странных деревьев.

— Они постепенно приближаются к лесу. К ним можно будет подкрасться, — на ходу вслух размышлял Джемисон.

— А потом выбежать из-за деревьев и насыпать

им на хвост соли? У нас же ничего нет!

— Сначала нужно подобраться к краю леса, — как ни в чем не бывало продолжал говорить доктор. — Причем так, чтобы животные нас не заметили. Мне потребуется ваш нож.

— Ладно, делайте, что хотите. Вам к ним и на четверть мили не подойти.

— Я и не собираюсь ползать по-пластунски. Если бы вы получше разбирались в жизни, то давно бы поняли, как просто убить зверя. Эта проблема давно решена во всех мирах.

— Вы правы. Я тоже считаю, что насильственная смерть намного приятнее голодной. Около травоядных всегда околачиваются грипы, они подбираются к ним вечером, а утром убивают. Сейчас как раз темнеет, значит, кровососы уже близко. Скоро они нас учуют и тогда...

— Если вы выпьете из меня кровь еще на дальних подступах к лесу, то грипам уж точно ничего не останется, — пытался шутить Тревор. Получалось плохо. По крайней мере, Барбара и не думала смеяться.

Внешнее спокойствие Джемисона было лишь маской. На самом деле его давно бы колотило от предощущения скорой смерти, если бы не сила воли и натренированная нервная система.

Когда путешественники достигли леса на дне ущелья, доктор качался от усталости и голода. Начав подкапывать корни высокого коричневого дерева, он едва держал нож — руки почти не слушались его. Поначалу ему казалось, что легче иголкой заколоть динозавра. Правда, лезвие было покрыто алмазной крошкой, и потому, хоть и медленно, но корни поддавались.

— Кажется, он так же тверд, как сталь, и так же упруг, — комментировал Тревор свою работу. Миссис Уитмен обессиленно лежала на земле невдалеке от него. — Такой корень можно свернуть в кольцо. Из-за уникальных свойств это дерево даже экспортируют на Землю.

— Если вы делаете лук, вот та трава может служить тетивой, — сонно пробормотала Барбара.

— Нет, это не лук. К «жирафам» ведь не подойти и на четверть мили. — Но вот Джемисон выдернул из земли корень дюймовой толщины, потом отрезал от него кусок и заострил. — Ну вот теперь подержите концы вместе, а я их свяжу.

— А-а-а, теперь поняла... — Миссис Уитмен, кряхтя и охая, поднялась на ноги и пришла к нему на помощь.

— Животное проглотит кольцо, в желудке полупереваренная трава разорвется, и острые концы

проткнут его стенки.

— Этот метод известен на сотне планет. На Земле его применяли эскимосы. Правда, приманка другая... Одного кольца мало. Так что придется повозиться...

Наконец все было готово. Тревор вышел на поляну и, пригибаясь и стараясь двигаться беззвучно, принялся разбрасывать кольца.

Мясо оказалось хоть и жестким, но все же очень вкусным. Приятно было ощущать, как в тело возвращается энергия. Джемисон съел последний поджаренный кусок и встал, чтобы поглядеть на заходящее солнце. Спасясь от голодной смерти, совсем не хотелось думать о надвигающейся гибели от адского холода.

— Если съедать по четыре фунта в день, то шестидесяти фунтов нам вполне хватит. Вообще-то вредно питаться одним мясом, но за две недели с вами вряд ли что-нибудь случится.

Доктор вырезал филейную часть лежавшего на траве «жирафа» и, обвязав ее длинными стеблями травы, упаковал мясо в два тюка, сделанных из его же шкуры. Узкие кожаные ремни, которые Тревор выкроил с особым тщанием, позволили сделать нечто вроде рюкзаков. Барбара смотрела на него со смесью восхищения и иронии.

— Вы просто сумасшедший. Ночь мы еще как-нибудь переживем в глубокой пещере, но когда нас найдет грип — ему вы тоже скормите деревяшку?

— А почему бы и нет?! — резко сказал Джемисон.

— А потому, что зубы у них тверже алмаза, желудок не разрезать и хирургической пилой — не то что деревянным колышком. Именно из-за этих кровососов здесь и не развилась разумная жизнь. У нас есть пища, и голодная смерть нам не грозит. На сытый желудок умирать гораздо приятнее. Что ж, пусть теперь нас убивает грип — по крайней мере, это произойдет мгновенно. Выбросьте из головы эту глупую идею — выжить. Грип настигнет нас в любой пещере, в любой щели — и убьет...

— Браво! — Тревор даже похлопал в ладоши. — Ваше упорство просто поразительно. Если бы вы с такой же силой хотели жить, мы бы давно уже оказались в Пяти городах.

— Вряд ли мы сумеем найти глубокую естественную пещеру — из-за притяжения планеты кора спутника ходит ходуном, — как ни в чем не бывало заговорила миссис Уитмен. — Зато тут полно заброшенных подземных бункеров, в

которых когда-то селились первопоселенцы. Они имеют несколько этажей и порой подогреваются термальными водами или близкими выходами магмы. Но если наш окажется без «грелки»... После того как с поверхности пойдет холодный воздух, никакие костюмы не помогут. Понадобится хороший костер.

«Пещеру» они обнаружили, когда солнце уже скрылось за частоколом леса. Конечно же, «грелки» там не оказалось. Зато дров вокруг было предостаточно.

Тревор и Барбара собрали огромную кучу веток и стащили ее в бункер, на первый — то бишь верхний — этаж. Потом спустились сами: сначала Джемисон, а потом — весьма грациозно — миссис Уитмен. Тревор ухмыльнулся. Даже перед лицом смертельной опасности женщина остается женщиной...

Когда они перетаскивали по бывшей вентиляционной шахте топливо на второй этаж, вход в бункер перекрыла черная тень, заслонившая яркое звездное полотнище. Джемисон что-то почувствовал и оглянулся. Во тьме блеснули клыки и горящие желтым глаза чудовища. Тонкая красная трубка «языка» извиваясь выпрыгивала из рта в предвкушении добычи, ее плотоядный

танец был омерзителен и ужасен. Казалось, это огромная живая пиявка, каким-то чудом приросшая к уродливой морде лесного хищника. И она вот-вот вырвется из его пасти и прыгнет на стоящих внизу людей.

Оцепеневшего Тревора дернули за ногу, он рухнул в провал и спустя мгновение очутился на куче веток внизу. Они с Барбарой тут же, как очумелые, принялись протаскивать ветки на следующий этаж. Скрежет гигантских когтей, расширяющих отверстие, и хриплый рев чудовища подгоняли их лучше, чем рабов — плетка надсмотрщика.

Едва они закончили работу и спрыгнули еще ниже, как увидели в отверстии второго этажа жуткую морду чудовища. Она была утыкана вибриссами, которые были похожими на крысиные хвосты. Поросячьи глазки грипа от натуги вылезали из орбит. Внезапно скрежет прекратился, и до людей теперь доносилось лишь натужное пыхтение.

— Что случилось? — спросил Джемисон.

— Он закупорил вход и уже не успеет добраться до нас за те несколько минут, что остались до начала спячки, но и нам теперь наружу не выйти, — объяснила мисс Уитмен. — В прямом

смысле грип на травоядных не охотится. Он только неотступно следует за стадом. Кровосос, как и «жирафы», впадает на ночь в спячку, но вот просыпается он на несколько минут раньше своих жертв, и этого преимущества во времени ему вполне хватает, чтобы досуха высосать одно из животных. Тот же прием он хочет проделать и с нами.

Тревор с трудом уговорил Барбару облачиться в его скафандр. Теперь хоть ему не придется бессильно наблюдать, как она превращается в ледышку, и все силы тратить на ее спасение. «Сам уж я как-нибудь перекантуюсь... — убеждал себя Джемисон. — Я ведь мужчина. Я и не такое пережил...» Уверенности не было никакой.

Вопреки здравому смыслу Тревор за всю ночь так и не сомкнул глаз. Едва он начинал задремывать, ему чудилось, что кровосос проваливается или даже втекает подобно тягучей патоке в дыру над головой. Джемисон тут же вскакивал на ноги и хватал горящую головню. Но враг по-прежнему мирно спал этажом выше — ему некуда было спешить.

Голые стены и пол заброшенного бункера покрыла изморозь. Блеклое, искрящееся пламя костра было бессильно победить холод, исходя-

щий из пленившего людей камня. Хорошо хоть куда было уходить дыму — иначе оба давным-давно бы задохнулись в этой ловушке.

Сначала появился озноб, и пришлось согреваться, растирая грудь, бока, плечи и бедра. Потом мороз словно сцементировал пальцы ног Тревора. Теперь доктор прыгал на месте, едва не стукаясь макушкой о низкий потолок. В кисти рук и мочки ушей вселилась ее величество БОЛЬ. Пар от дыхания инеем оседал на усах.

Скала, в которой вырубили помещения бункера, начала трескаться от перепада температур, и появление каждой новой трещины сопровождал гул, от которого, казалось, вот-вот обрушится потолок.

Однако время шло, приближался рассвет, которого они могут больше и не увидать, а Джемисон все еще был жив и даже почти здоров. Он буквально залез в тлеющий костер и грел задницу в раскаленных угольях, так что приходилось опасаться скорее ожогов, а не обморожения.

— А почему бы нам не подпалить грипа? — увидев, что женщина тоже не спит, спросил доктор. — Ведь если бы он...

— Он тотчас проснется. К тому же его шкуру так легко не поджечь. Она похожа на эскимосское

иглу: не горюча и прекрасно удерживает тепло.

— И ведь надо было попасть в такую переделку мне, единственному человеку, знающему решение проблемы Эзвалов. И вы еще вдобавок пытаетесь меня убить...

— Пыталась... Что толку в этих разговорах? Через несколько минут грип проснется и прикончит нас. Нам его не остановить.

— Мы избежали двух смертельных опасностей. Неужели не спасемся от третьей? Зверь он, конечно, страшный, но и на старуху бывает проруха...

— Безумец! Его даже бластер не берет. Что ему нож?

— Кстати, дайте-ка мне его. Надо его хорошенько заточить.

Ощутимо теплело, изморозь местами подтаяла, и тонкие ручейки воды стекали со стен к костру. Он на глазах затухал, оставляя лишь пепел и золу. Внезапно наверху зашевелился грип, снова раздался скрежет и протяжный вой. Барбара вскочила с постели из хвороста.

— Он проснулся!

— Самое время, — невозмутимо ответствовал Тревор.

Между ними упал кусок скалы и, скатившись в провал, с грохотом рухнул вниз, на последние

этажи бункера. Скрежет когтей по камню звучал все сильнее — грип работал как горнопроходческий комбайн.

— Он расширяет проход! — воскликнула миссис Уитмен и метнулась к стене. — Потолок может рухнуть!

— Успеем... — Джемисон был непробиваем. Он олицетворял собой само спокойствие. Доктор начал раздувать затухающее пламя, а потом сунул нож в его маленькие язычки, зубами стянул с руки перчатку. — Черт побери, ну и мороз! Нужно нагреть нож — иначе ничего не выйдет.

Наконец Тревор накалил лезвие, сделал надрез на большом пальце левой руки и растер кровь по лезвию. Посиневшая от холода рука тут же перестала кровоточить. Он надел перчатку, и, когда рука согрелась, боль возобновилась. Джемисон пошел вдоль стены, словно забыв о женщине, следующей за ним как тень.

— Ага! — торжествующе воскликнул он и опустился на колени возле тонкой трещины. — Это то, что нужно: она как раз напротив прохода. — Тревор взглянул на Барбару. — Знаете, почему я вчера не спустился ниже? Потому что там слишком много места. В грипе ведь футов тридцать, не считая хвоста? А на этом этаже ему особо не

развернуться — и потому он вряд ли промахнется. Нам же есть куда укрыться, пока он будет подыхать.

— Пока он будет подыхать? — эхом откликнулась она. — Из вас мог бы получиться лучший в мире клоун.

Джемисон промолчал. Он вставил в трещину рукоять ножа и начал вбивать его камнем.

— Быстрее! Нужно спуститься на следующий этаж. Может, там есть выход в другой бункер? — воскликнула миссис Уитмен, пританцовывая от нетерпения. Нервы у нее окончательно сдали.

— Я обследовал бункер, пока вы спали. Там всего два этажа и ни-ка-ких туннелей.

— Ради Бога! Сейчас будет поздно!

— Ну, вот и все...

И они спрыгнули вниз — на голый холодный камень. В тот же миг отвратительная морда зверя протиснулась сквозь расширенный им колодец, опоздав на считанные секунды. Костер во всей красе высветил темную бородавчутую пасть с тонким извивающимся хоботом и зарослью вибрисс и рассыпался искрами, когда на него плюхнулась тяжеленная туша.

Сев на корточки, Тревор включил карманный фонарик. Пятно белого света скользнуло

по щербатому потолку и нырнуло в дыру. Ни черта не было видно. Джемисон и Барбара, прижавшись друг к другу, всматривались во мрак, вслушивались в обрушившуюся на них тишину. Скребущий звук так и не возобновился.

Зато очень скоро зверь взвыл от боли, дернулся, ударил лапами с такой силой, что весь бункер содрогнулся, а на людей сверху посыпалась пыль. А потом... потом послышалось причмокивание и довольное хрюканье.

— Что случилось? — недоуменно спросила женщина.

— Потерпите немного. Потом сами увидите, — загадочно ответил доктор. Мисс Уитмен скорчила раздраженную гримасу.

Сосущие звуки доносились в течение пяти, десяти, двадцати минут, постепенно затихая. Наконец, раздалось какое-то странное бульканье, царапанье когтей по камню, сип, и снова наступила тишина.

— Помогите, мне нужно посмотреть, что с ним, — сказал Джемисон, подтягиваясь на руках.

Женщина попыталась подсадить его, и эта малая помощь помогла: Тревор взобрался на верхний этаж — туда, где только что хозяйничал чудовищный грип.

— Кто-то из нас спятил: либо вы, либо я. Ради всего святого, скажите, что случилось! — не выдержала Барбара.

— Все кончено! — радостно воскликнул доктор. — Он почуял кровь на ноже, натянул на него хобот, порезал нежное нёбо и пришел в бешенство. А рот его тем временем стал наполняться его собственной кровью. Грипы ведь обожают кровь — не важно, чья она. Ну вот за последние полчаса он ею и обожрался. Фактически высосал сам себя. Любопытный вариант самоедства...

— Значит, теперь нам уже ничто не мешает дойти до людей? — странным голосом осведомилась миссис Уитмен.

— Ничто, кроме вас. — Джемисон взглянул на нее и протянул руку, чтобы помочь ей влезть следом за ним.

Барбара молча взобралась наверх. Туша мертвого грипа показалась ей не такой уж большой и совсем нестрашной. Тревор начал выколупывать нож из трещины в полу.

— Отдайте нож! — резко сказала миссис Уитмен, когда доктор освободил его из каменного плена.

Поколебавшись секунду, он подчинился. Вскоре они уже очутились на поверхности. Снаружи

было бледное утро, которого люди в сумерках и не чаяли больше увидеть. Небо было высокое, светлое. Утром даже скалы казались не так мертвы и черны. Дул сильный ветер. После ужасов ночи день казался еще светлее, он возвращал надежду.

«Ложную надежду, — подумал Джемисон. — Спаси меня Бог от этой женщины».

Ожидаемое им нападение все равно оказалось внезапным. Тревор уловил начало атаки по блеску глаз Барбары. Он успел отскочить в самый последний момент и едва устоял на краю провала — входа в бункер, спасший их от ночного хлада. Нож лишь разодрал рукав его комбинезона.

— Вы сошли с ума, — пробормотал Джемисон, — и не ведаете, что творите.

— Очень даже ведаю. Вы должны умереть во что бы то ни стало. Я уже убедилась: вы — сам дьявол, но и вы смертны...

Женщина пошла вперед, выставив перед собой нож, и Тревор не стал ей мешать. Судя по всему, эта дилетантка совершенно не разбиралась в боевых искусствах и ничего не смыслила в убийстве, хотя и умела сделать страшное лицо. Джемисон схватил ее за руку и рванул на себя, одновременно отскочив в сторону. По инерции

женщина пронеслась мимо него. Тревор заломил ее руку с ножом. Мисс Уитмен ойкнула от боли и выпустила оружие.

Теперь уже она балансировала на краю провала, и ей не за что было удержаться. Доктор вовремя ухватил ее за костюм, чтобы она не свалилась вниз. Он увидел ее глаза, мокрые от слез. Она снова стала слабой женщиной, а не орудием убийц. На далекой Земле у Тревора была жена, похожая на Барбару, и по своему многолетнему опыту общения с женщинами он знал, что миссис Уитмен сломлена. Теперь она не опасна.

Все утро Джемисон глядел в небо. Он надеялся на помощь. К этому времени планета Карсона скрылась за горизонтом, и, подчиняясь вековым законам здешней природы, ветер стих.

В полдень Тревор увидел в небе долгожданную точку. Она увеличивалась, приближаясь, пока не превратилась в шлюпку. Доктор узнал в ней шлюпку со своего линкора. Спустя минуту кораблик сел на каменистый грунт в ста ярдах от Тревора и Барбары. Из распахнувшегося люка выпрыгнул молодой широкоплечий лейтенант в боевом скафандре. Правда, его табельный бластер покоился в кобуре на боку.

— Рад видеть вас живым и здоровым, сэр! —

воскликнул офицер.

— Я тоже, лейтенант, — спокойным тоном — как будто ничего не случилось — сказал Джемисон.

— Сэр, мы искали вас всю ночь, но сигнала не обнаружили.

— Несчастный случай, — флегматично произнес доктор.

— Вы отправлялись на урановые рудники — это совсем в другой стороне, сэр.

— Ничего, все в порядке, — уклонился от ответа Тревор.

Барбара с благодарностью посмотрела на него. Доктору вдруг захотелось заговорщически подмигнуть ей, но он сдержался. Через несколько минут они уже летели к звездолету.

На борту ощетинившегося боевыми рубками линкора Джемисон первым делом привел себя в порядок, а потом стал обдумывать план мести за покушение. «С одной стороны, эти люди слишком жестоки, чтобы оценить проявленное к ним милосердие. Они примут его за слабость. С другой стороны...»

Наконец, он решил не делать ничего — оставить все, как есть, не жаловаться, не обвинять. Это его личное дело. Бюрократы земной администрации вряд ли поймут, что люди иногда оказываются

не менее страшными врагами, чем руллы. Хотя, скорее всего, это была человеческая слабость. Всего лишь... За нее не наказывают. Может, и создадут когда-нибудь НАДЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ суд справедливости. И он обвинит людей в жалости, бесстыдстве, безволии, непонимании. Главное: Барбара Уитмен что-то вынесла из этой печальной истории. И, возможно, когда-нибудь встанет на его сторону.

По пути на Землю Джемисон запросил, прибыл ли туда командор Мак-Леннан с Эзвалами. Ему ответили, что этот старинный сухогруз все еще тащится в Метрополию с черепашьей скоростью.

Через неделю, когда линкору до Земли оставался день пути, пришло ужасное известие: «Корабль Мак-Леннана вышел из-под контроля над северными районами Канады и рухнул на землю. О судьбе экипажа пока ничего не известно. Предполагается, что животные погибли во время катастрофы».

— О, господи! — простонал Тревор, прочитав радиограмму. — Только этого не хватало! — Пластиковый бланк (дань старинной флотской традиции) выпал из его руки и тихо опустился на пол каюты.

8

Командор Мак-Леннан повернулся к двоим офицерам, по его приказу прибывшим в ходовую рубку. Это были штурман и первый помощник.

— Головной компьютер полетел к черту. Маршевый двигатель не подчиняется командам. Мы идем на тормозных, но и они вот-вот встанут. Через четверть часа посудина грохнется на Землю где-то около Аляскинского залива. Я приказал провести полное тестирование командных систем, но причину отказов так и не удалось найти... Карлинг, прикажите людям покинуть судно в спасательных шлюпках. И сообщите на Алеутскую военную базу, что у нас на борту два Эзвала, и они могут уцелеть при крушении. Пусть заранее поточнее определят место падения и прибудут туда как можно скорее. Неизвестно, сколько людей прикончат эти твари, если уцелеют. Вам все ясно?

— Так точно, сэр! — Первый помощник Карлинг готов был выбежать из рубки.

— Это еще не все, — притормозил его командор. — Немедленно примите меры, чтобы Эзвалы как можно меньше пострадали при падении и не

вырвались из клетки, если уцелеют. В них заинтересовано правительство, и мы должны были довезти их живыми. Теперь ступайте!

— Слушаюсь, сэр!

Карлинг щелкнул каблуками и был таков.

— Бренсон! — обратился Мак-Леннан к штурману.

— Да, сэр!

— Возьмите двоих человек и заварите люки главного трюма — тогда Эзвалам будет не выбраться. Даю вам на все пять минут. Идите!

— Есть, сэр!

Командор открыл сейф, сгреб в портфель секретные компьютерные диски и понесся к трюму со спасательными шлюпками. У входа стоял офицер Карлинг. Он отдал ему честь и, явно нервничая, доложил:

— Сэр! Все люди в шлюпках, кроме Бренсона.

— Где он болтается, черт побери!? Пошлите кого-нибудь... впрочем, я сам.

— Простите, сэр, — со страдальческим выражением лица сказал Карлинг, — но если через две минуты мы не стартуем, будет поздно. А насчет Бренсона... Его нельзя было посылать вниз, сэр.

— Почему?! — Мак-Леннан впился в него глазами.

— Его старший брат был разорван Эзвалами в клочки.

Детеныш услышал угрожающее рычание матери и ее четкую и ясную мысль: «Спрячься под меня, скорее! Двуногий пришел, чтобы убить!» Как молния выскочил маленький Эзвал из своего угла клетки — лишь когти щелкнули по металлическому полу — и вот он уже в теплой темной пазухе ее мускулистого тела. Здесь, под ее брюхом, в ложбине между лапами средней пары, он был в безопасности.

Детеныш снова услышал мысль матери: «Помни, что я тебе говорила. Люди должны считать нас зверями. В этом наше спасение. Ты любишь жизнь, но если потребуется, ты должен умереть».

Ее глазами он видел толстые четырехдюймовые прутья решетки и человека за ними.

— Вам больше никого не убить, проклятые чудовища!

Человек выхватил металлический предмет и просунул его между прутьями решетки. Блеснуло белое пламя, и контакт с матерью оборвался. Детеныш больше ничего не видел, но он слышал рев и чуял запах горелого мяса. Мать бросилась прямо в это беспощадное пламя, бьющее из-за решетки.

Человек отскочил назад, едва удержавшись на ногах. Только быстрота реакции спасла его.

— Черт возьми!

Тьма, застилавшая мозг самки, на мгновение исчезла. Но детеныш не успел почувствовать мучительной боли матери — она снова выключила контакт. Самка стремительно носилась по тесной клетке, как мячик отскакивая от стен и потолка в попытках увернуться от новых струй огня. Детеныш висел на ней, намертво вцепившись в густую набрюшную шерсть. Какая-то часть мозга матери все еще работала, отыскивая путь спасения детеныша. И она нашла этот путь.

Одновременно с шипением огнемета был слышен новый звук, похожий на протяжный вздох, — он становился все выше.

— Дьявол! — выругался человек. — Ну, они и живучи!.. Нужно убираться, пока не поздно. Но куда делся этот чертов детеныш? Не провалился же он под пол!..

Его мысли оборвались, когда шестьдесят пять тысяч фунтов голубого тела самки обрушились на него, продавив полурасплавленные высокой температурой прутья решетки.

Во время этого прыжка детеныш что есть сил вжимался в тело матери, и раскаленные, стека-

ющие вниз остатки прутьев почти не задели его. Он услышал протяжный вопль застывшего от ужаса человека. Детеныш на миг снова увидел его — теперь враг был совсем крошечный. При ударе огнемет выпал из руки человека, расплющенное тело шмякнулось на пол, сверху на него обрушилась сама СМЕРТЬ. И тут мир погас для маленького Эзвала.

Тьма обволакивала его мозг, и невыносимо было чувство потери — вдвойне страшное, так как исчезла не только физическая, но и душевная поддержка матери. Только теперь детеныш понял, как сильно он от нее зависел. Теперь он стал одинок, и одиночество это было невыносимым. Он жаждал смерти.

Пока маленький Эзвал выбирался из-под мертвого тела матери, он почувствовал две вещи: он с каждой минутой как бы теряет вес, а высокий звук превратился в жуткий леденящий свист. Корабль падал, раскаляясь, сопротивление воздуха с каждой секундой было все сильнее. От свиста у детеныша заболели уши, ему казалось, что пол вырывается у него из-под ног.

Инстинкт самосохранения сейчас руководил им. Детеныш понял, что ему нужно забраться на спину матери, которая и после смерти может

спасти его, и напряг все свои мускулы, чтобы никакая сила не смогла сорвать его оттуда. И в этот момент все: страшные звуки, потеря веса и даже сам свет — исчезло во всесокрушающем ударе.

9

Раньше всего он почувствовал боль. Болела каждая косточка, каждый мускул, раскалывалась голова. Он снова хотел впасть в беспамятство, но что-то мешало ему, какое-то странное ощущение, мысли... Чужие мысли. ОПАСНОСТЬ!

Эзвал лежал на холодном полу трюма. Он сполз туда со спины матери, в последний раз спасшей его. При ударе корабль раскололся надвое, и сквозь пролом виднелось сумеречное небо. Земля снаружи почему-то была белой, а в трюм бил резкий леденящий ветер. По белой земле бесшумно двигались к кораблю черные фигуры людей.

Сквозь дыру в обшивке в трюм проник луч света и белым пятном застыл на теле самки. Увернувшись от смертельно опасного луча, детеныш мгновенно скользнул за свою мать, потом постарался заползти под нее, с трудом протиснулся под ее окаменевающее тело и замер там. Голоса людей, искаженные разорванными стенками трюма, ничего не говорили ему, но сопровождавшие их мысли он ясно понимал.

— Порядок, командор! Они мертвы!

Послышался грохот ног.

— Как это мертвы?! — произнес другой, чем-то раздраженный человек. — Самку очень трудно убить. А своего детеныша она бережет пуще жизни... Эй, кто-нибудь, дайте свет!

— Думаете, детеныш мог уцелеть?..

— Осторожней там. Не шутите с огнем. В нем пятьсот фунтов — уж лучше я схвачусь с матерым тигром.

Лучи света обшаривали трюм.

— Не дай Бог, если он отсюда выбрался. Это было проще простого... Карлинг! Прикажите своим людям установить прожектор в проломе. И посмотрите, нет ли следов вокруг корабля. В чем дело, Даниэл?

Эзвал ощутил волну ужаса и отвращения.

— Здесь Бренсон, сэр! Вернее, то, что от него осталось. Вот здесь, у трапа.

Эмоции человека мгновенно передались другим. Эзвал съежился от страха в своем убежище.

— Черт побери!.. Смотрите, сэр! А ведь эта тварь подохла не от удара — она наполовину сожжена.

— Значит, парень потерял над собой контроль и устроил суд Линча. Сам подписал себе смертный приговор. Бедняга...

— Детеныша не видно. Наверное, он прятался от огнеметной струи за ней. А сейчас... Паркер!

— Да, сэр!

— Осторожно подведите шлюпку к корпусу прямо над разломом, подцепите зверя тросом под среднюю ногу и поднимите. Карлинг, следы есть?

— Никак нет, сэр.

— Ну, значит, он под ней: живой или мертвый. Боевая готовность! Поставьте людей у каждого выхода. Направьте прожекторы так, чтобы не было тени. Принесите баллоны с усыпляющим газом. Без моей команды не стрелять!

Воспоминание об огне привело Эзвала в трепет, и он еще сильнее вжался в шерстистое тело матери. На его родной планете он давно бы уже удрал, скрывшись в непроходимых джунглях, но здесь не было ничего, кроме слепящей белой пустыни. Одно хорошо — уже почти стемнело. Но лучик надежды тотчас потух, едва он высунул голову: слепящий свет заливал все вокруг, а люди стояли с бластерами и баллонами наизготовку. Пятнадцать членов экипажа не оставили выхода из ловушки. Детеныш тотчас снова спрятался под мать.

Внезапно закрывавший его труп матери дернулся и приподнялся. На миг маленькому Эзвалу подумалось, что она каким-то чудом ожила, но

это было не так. Его тотчас залило слепящее море огня. Он изо всех сил вцепился в мать, чтобы не остаться на окровавленном полу, и тут же его захлестнула чудовищная боль, стало трудно дышать — легкие сдавил стальной трос, на котором поднимали мертвое тело.

Он вспомнил, о чем ему напоминала перед смертью мать: нужно бороться со страхом. Сама она нашла в себе силы броситься сквозь решетку на своего убийцу — и победила. Но здесь слишком много людей и совсем нет решеток.

В следующее мгновение движение прекратилось. Детеныш ощутил под собой открытое пространство, отцепился от матери и сломя голову бросился к ближайшей группе людей, стоявших в тридцати ярдах от него. Его словно молнией ударил страх и паника, охватившая людей. Это была отчаянная, самоубийственная попытка бежать, скрыться от ненавистных людишек, так страстно желавших его смерти.

«УБИТЫ УБИТЫ» — одна мысль звучала в их головах.

— Вот он!!!

Полуослепший от бешеных потоков света Эзвал не заметил пробоины в палубе, пока туда не угодила его нога. Он споткнулся, едва не сломав

ногу, яростным рывком освободил ее, покатился по полу и вдруг рухнул в какое-то отверстие в металлическом полу. Это его и спасло. Едва он упал на плиты обнаружившегося под дырой отсека, как воздух над ним запылал, подожженный дюжиной лазерных лучей.

Напрасно гневный голос кричал: «Не стрелять!!! Пускайте газ!» Бластеры палили не переставая.

Эзвал быстро осмотрелся и в углу нашел достаточно большое круглое отверстие. Неизвестно, куда оно вело: в тупик или на другую палубу. Но выбора не оставалось: он полез в люк. Дальше дороги не было. Ловушка!..

В следующую секунду в отсеке оказались люди. Они спрыгнули вниз через ту же самую дыру в потолке. Детеныш притаился, выжидая, пока первый из них не сунется в люк. И этот первый человек, словно сбитая кегля, полетел назад, а вырвавшийся из рук бластер закувыркался в воздухе, полосуя переборки лучом.

Двое других людей тоже не ожидали атаки. Это их и погубило. Одного Эзвал шмякнул о стену с такой силой, что вмиг превратил в мешок с костями, другому ударом когтистой лапы в клочья разодрал живот и грудь. На секунду он задержался и с хрустом перекусил обоим шеи — своего рода

контрольный выстрел, а потом бросился к еще одному большому отверстию, которое обнаружил в дальнем конце отсека. Едва он успел прыгнуть в него, как поток огня вырвался из дыры в потолке, сжигая все на своем пути.

СНЕГ. Странное мягкое белое вещество обожгло Эзвал у ноги и попыталось не пустить его, удержать на месте — в зоне поражения. Пляшущий луч света вырвался из корабля и наткнулся на детеныша. Длинная тень Эзвала метнулась от шлюпки. Одновременно прожектор высветил и большой черный валун впереди. Детеныш кинулся за него. Тотчас передняя часть камня с душераздирающим скрежетом разлетелась на куски — несколько бластеров разом попали в цель.

Маленький Эзвал поспешил покинуть ненадежное укрытие. Лазерный луч метнулся за ним, испаряя снег и прожигая в земле узкую длинную борозду. И тут детеныш свалился в незаметную издали яму. Луч прошел над головой, заметался, вычерчивая на снегу странные каракули, и погас.

Яма была до краев заполнена снегом, и Эзвал у пришлось изрядно побарахтаться, прежде чем он выбрался на твердую почву. Он рискнул

пробежать вдоль небольшой каменной насыпи, перпендикулярной его прежнему курсу.

Дважды ему приходилось падать в снег, прячась от луча прожектора. А когда насыпь закончилась, детеныш глянул на шлюпку и с ужасом обнаружил, что она несется к нему по воздуху. С полдесятка прожекторов на ее днище обшаривали местность, и от них нельзя было спрятаться. Единственное укрытие — ближайшая роща, но она слишком далеко. Судно настигло бы Эзвала уже через несколько секунд.

Футах в двадцати от него высилась груда наполовину занесенных снегом камней. Сжавшись как пружина и изо всех сил оттолкнувшись от земли, он одним прыжком перемахнул разделявшее их пространство и очутился на вершине ближайшего валуна. Камни настолько смерзлись, что даже не раскатились от удара тяжелого тела.

Оттуда детеныш спрыгнул в выемку меж самых крупных валунов, попытался вжаться в нее, используя врожденную гибкость своего тела, зарыл голову в снег, выгнул спину, так что сама она стала похожа на припорошенный камень, и замер.

Маленький Эзвал не видел, как над ним пролетела шлюпка, но мысли сидевших в ней людей он понял. Его не заметили. Шлюпка поддерживала

постоянную связь с командором, оставшимся в разбитом корабле.

— Разрази меня гром, сэр, если я понимаю, куда он делся.

— Вы уверены, что он не выскакивал из-за насыпи?

— Да, сэр. Снег чист по обе стороны. Он не мог уйти, не оставив следов. Спрятаться негде.. Хотя, тут не так уж далеко есть роща. Не думаю, что он там, но...

— Сядьте и обследуйте ее. Только, ради Бога, будьте осторожны. Хватит с нас мертвецов.

Эзвал позволил себе чуток расслабиться. Снег вокруг него подтаял, и все его шесть лап, очутившись в холодной воде, постепенно коченели. На планете Карсона вода никогда не превращалась в снег и лед, она проливалась с небес парными ливнями, собиралась в озерцах и болотах, которых так много в джунглях, стекала в океан по руслам полноводных рек. Но всегда она была теплой, порой почти горячей. Как он тосковал по тому, безнадежно далекому миру!

Детеныш насторожился: люди возвращались.

— Ничего нет, сэр. Мы обшарили каждый фут.

Пауза.

— Хорошо, Паркер. Поднимитесь выше и сде-

лайте еще пару кругов. Скоро прибудет вторая шлюпка — она поможет охватить большую площадь. И передайте в город, чтобы утром прислали охотничьих собак. Не меньше десятка. Тогда мы его живо поймаем — есть следы или нет. Уж лайки-то вытащат его из любой норы!

Эзвал увидел, как шлюпка, набирая скорость, полетела прочь. Едва их разделило достаточное расстояние, он стремглав бросился к роще. Эти пятьсот ярдов, которые детенышу требовалось пробежать по белоснежной равнине, были длинней многих миль. Казалось, они никогда не кончатся. Шлюпка появится вновь, лучи прожектора нашарят его голубое тело, и шквальный огонь бластеров обрушится с небес...

Наконец Эзвал добежал. Шлюпки по-прежнему не было видно. Он скрылся под нависшими ветвями деревьев, еще не веря своему счастью. Здесь детеныш будет в относительной безопасности, пока шлюпка обследует окрестности. Но ведь потом появятся эти самые СОБАКИ, на которых так рассчитывают его враги!

Через пять минут маленький Эзвал стоял на краю возвышенности. Перед ним в долине — насколько хватало глаз — расстилалась тайга. Слева на горизонте небо странно светилось. Это

могло быть все, что угодно, но детеныш решил: там живут люди. Значит, туда путь закрыт.

Он спрыгнул вниз и понесся к лесу. Снег здесь был довольно плотным — он успел превратиться в наст. А потому Эзвал не оставит заметных следов — особенно, если будет огибать сугробы. Теперь с воздуха его не обнаружить, и люди будут ограничены скоростью собак. Он не знал, что такое СОБАКА, но почему-то ему казалось, что они должны быть меньше и — уж наверняка — глупее его, но зато с очень хорошим нюхом.

10

Серый день медленно занимался над лесистыми холмами. Маленький Эзвал, прошедший к этому часу десятки миль, решил отдохнуть. На склоне одного из холмов он нашел себе неглубокую пещерку.

Долгие часы детеныш боролся с непривычным для него холодом, и его чудесное тело постепенно приучалось вырабатывать достаточно тепла. Поджав под себя ноги, он старался согреться на каменном полу пещеры и незаметно для себя задремал.

Эзвал слышал какие-то мысли: иногда странные, иногда страшные, но всегда — примитивные. Сначала он решил, они ему снятся, но потом понял: это не так. Это были чужие мысли. Он открыл глаза.

Неподалеку на склоне пасся олень. Его мысли состояли из смеси страха и голода. «Еда?» — с вожделением подумал маленький Эзвал. Шестым чувством — не иначе — он понял: мясо съедобное. Детеныш судорожно сглотнул слюну, представив его вкус. Он и так, и этак разглядывал это странное существо, прикидывая, как его сподручнее

убить. «Длинные ноги... Быстрые ноги... Значит, все зависит от внезапности атаки», — наконец решил Эзвал и приготовился к прыжку.

И тут он услышал звук. Лай! Одновременно с ним он услышал человеческие мысли. Он понял: люди ведут собак. И все они охотятся за ним одним!

Теперь ему было не до оленя. Детеныш взобрался на вершину холма, чтобы лучше понять ситуацию. Отсюда он ясно видел цепочку своих следов, оставленных вчера вечером. Она вела прямиком к пещерке. Он спрыгнул вниз, и тут же по земле пронеслась чья-то огромная серая тень. Эзвал похолодел.

Гравилет пролетел совсем близко и сел на равнине — примерно в миле от него, возле вчерашнего следа. Кабина открылась, и оттуда — как чертики из шкатулки — выскочили пять пушистых черно-белых собак. Сначала они разбежались в разные стороны, нюхая воздух и тычась мордами в снег. Вскоре одна из них взяла след и лаем созвала остальных. А через минуту все пять мчались прямо к лежбищу беглеца.

Детеныш попытался удрать, рассчитывая на преимущество в скорости. Он забирался все выше по холмам. Это было тяжело, но зато с каждой

минутой рос разрыв между ним и его преследователями.

А потом Эзвал снова увидел в небе гравилет. Тот выбрал более или менее ровную площадку и, сделав рискованный маневр, сел на склон, разом перенеся собак на милю ближе к беглецу и тем самым перечеркнув плоды всех его усилий. Теперь он спиной чувствовал: ищейки идут за ним, а следом — их хозяева.

Детеныш резко повернул, понесся вниз по склону холма, затем снова поменял направление и по кратчайшему пути — через долину — направился к дальним горам. Но скрыться ему так и не удалось. Лай то удалялся (когда он уходил в отрыв), то приближался (когда стаю «подкидывал» проклятый гравилет), но никогда не исчезал совсем.

Маленький Эзвал изнемогал от усталости. Он с трудом отрывал от заледенелой земли чугунные тумбы ног, поясница не сгибалась, спина ныла, шея не могла больше держать его крупную голову, перед глазами мелькали черные круги. Но он не сдавался. Эзвалы удивительно упорны. Они — прирожденные бойцы.

Наконец красноватое солнце закатилось за два далеких пика на горизонте, и детеныш решил, что на сегодня погоня завершена — люди ни за

что не пойдут за ним ночью. Он спасен, спасен!!! Но ему некогда было предаваться восторгу. Не мог он себе позволить и как следует отдохнуть. Маленький Эзвал слишком долго ждал этого момента. Игра только начиналась...

Малость отдышавшись и собрав все свои силы, Эзвал побежал назад по своему старому следу. Он двигался с подветренной стороны, чтобы псы не учуяли его запаха. Вскоре он увидел два севших на землю гравилета и бродящих рядом с ними людей. Невдалеке кормили собак. Похоже, охотники решили здесь заночевать.

Детеныш притаился за высоким сугробом и стал терпеливо ждать. И вот тепло одетые люди прекратили суетиться и скрылись в своих летающих домах. Собаки остались снаружи. Глазами, полными холодной ненависти, смотрел Эзвал на этих неуемных животных, грудами пятнистой шерсти застывших в снегу. Скоро, очень скоро они уснут...

«Стая собак очень опасна, но убить их по одной — легче легкого. И пока сюда доставят новых, мне удастся скрыться, — подумал маленький Эзвал. — Нужно действовать молниеносно — иначе люди раньше времени выскочат из гравилетов и убьют меня».

Он на брюхе прополз несколько сот ярдов, а потом решил: «Пора!» и, вскочив на ноги, ринулся вперед — быстрее, чем катится с гор снежная лавина. Как назло, первый пес не спал. Это был вожак стаи. Увидев врага, собака вскочила на ноги. В тот же миг Эзвал нанес сокрушительный удар по голове. Мохнатая башка мотнулась в сторону, шейные позвонки хрустнули. Он услышал короткий взвизг и ощутил тьму, опустившуюся на мозг собаки.

Эзвал стремительно повернулся и сомкнул челюсти на второй собаке, которая попыталась прыгнуть ему на шею. Кровь хлынула в его пасть — она была отвратительна. Он выплюнул ее и обнаружил, что на него кинулась вся свора.

Третьего пса Эзвал встретил ударом когтистой лапы. Клыки лайки успели сомкнуться на ней, пытаясь прокусить голубую кожу, но инопланетянин, опершись на среднюю пару ног, тут же нанес собаке удар второй лапой. Она покатилась по снегу и осталась лежать бездыханной. Эзвал повернулся, чтобы встретить атаку оставшихся двух собак — те удирали, охваченные ужасом. Он вышел победителем из этой схватки.

Рядом кричали люди, зажигая огни, но не это волновало его. Он прочитал мысли собак. Сом-

нений не было: они настолько боятся, что уже не пойдут по следу. И тогда детеныш обратился в бегство.

Разбуженные лаем и шумом борьбы люди были перепуганы. Сначала они провозились у не желавших загораться прожекторов, потом столбы света бестолково заметались по равнине, вырывая из мрака одни лишь сугробы. Бластеры палили в белый свет как в копеечку — Эзвала там и близко не было. Он уже успел перевалить через соседний холм.

Эту ночь детеныш спал спокойно, а утром опять был в пути.

В полдень ему вновь послышался лай. Это поразило его, как гром среди ясного неба, ведь он был уверен, что раз и навсегда сумел оторваться от преследователей. Маленький Эзвал вновь рванулся вперед, пытаясь раствориться в белой пелене. Но погоня держалась цепко.

Он слишком устал бежать, быть дичью. Силы оказались на исходе. Надо было покончить со стаей как можно скорее. И, когда наступила ночь, он сделал попытку вернуться по своим следам во второй раз, но еще издалека почуял ловушку — люди быстро учились.

Расстроенный неудачей, детеныш улегся прямо

в снег. Цепенящий холод проник сквозь шкуру, пытаясь остановить ток крови. Но Эзвал уже начал привыкать к здешним морозам. Внезапно на него посыпались мягкие хлопья — сначала редко, а потом все гуще.

Целую ночь он боролся с бураном. Зато теперь его следы напрочь замело, и можно попытаться спрятаться и отсидеться, дождавшись, когда преследователи уйдут несолоно хлебавши.

Утром буран стих. Замерзший, смертельно голодный, Эзвал нашел в скале пещеру и хотел было войти, но застыл на пороге. Внутри обнаружился огромный черный зверь. Удивление было взаимным. Детеныш почуял запах тепла, свежего помета и услышал мысли дремлющего животного: «Другой медведь... наглец... Прогнать...»

Медведь-кадьяк зашевелился, с сожалением поднимаясь со своего нагретого ложа. Наконец хозяин берлоги окончательно воспрянул ото сна и пришел в бешенство. Страшно рыча, он бросился на пришельца.

От его удара маленький Эзвал полетел в снег, но тут же вскочил на ноги и ринулся на врага. Изо всей силы он ударил медведя в могучее плечо. Медведь взревел и зажал инопланетянина лапами так, что у того сперло дыхание. Эзвал

попытался освободиться — за эти дни и ночи он слишком устал, чтобы драться. Это было ошибкой.

На самом деле кадьяк испугался и был готов убежать. Но, как только его противник сам попытался спастись бегством, медведь тотчас пришел в себя и принялся рвать Эзвала когтями. Зверь взревел, предвкушая победу. Теперь он был полон ярости и стремился убить непрошеного гостя. Освободив одну лапу, он нанес Эзвал у страшный удар, от которого тот на мгновение потерял сознание.

Очнувшись, Эзвал отразил огромную лапу, возвращающуюся, чтобы добить его, и одним движением челюстей перекусил медведю сухожилия. И тут же вонзил в живот зверя обе средние лапы. Как два кинжала, длинные когти распороли брюшину, порвали желудок и вошли в диафрагму.

До сих пор кадьяку не приходилось встречаться с таким противником. Уже умирая, медведь снова попытался покончить с врагом — снова зажал Эзвала в тиски. Тот с усилием вытащил средние лапы из звериного тела, медленно отвел назад и снова ударил медведя. Дымящиеся внутренности зверя вывалились прямо на него. Страшно

удивленный, медведь упал в снег вместе со своим врагом. И умер. Уже костенея, он продолжал стискивать Эзвала в своих объятиях.

Изнеможенный схваткой детеныш неподвижно лежал, приходя в себя, потом напрягся что есть сил и разжал огромные медвежьи лапы. Высвободившись, он вполз в пещеру. Она могла вместить троих таких, как маленький Эзвал. Запах медведя ничуть не пугал его. Детеныш зализал свои раны, свернулся клубком и провалился в сон.

11

Эзвал проснулся с ощущением, что рядом бродят дикие звери. Ощущение было столь острым, что он даже смог определить их размеры. Зверей было много, но они оказались гораздо меньше медведя. Присутствие зверей успокоило его — значит, поблизости нет людей.

Эти звери пожирали медведя. Инопланетянин поморщился и заснул. Когда он проснулся вновь, большинство волков ушло, остались только четверо: двое из них старались разгрызть толстую кость, третий облизывал окровавленный снег, а еще один обнюхивал вход в пещеру.

Маленький Эзвал вскочил на ноги — он был полон энергии. Он двинулся к выходу из пещеры — как раз тогда, когда волк хотел войти. Несколько секунд они рассматривали друг друга. Волк утробно зарычал, потом попятился, поджав хвост, и исчез. Он не боялся Эзвала, но уважал в нем силу. Он был сыт и не расположен к драке с огромным зверем, столь же сильным, как три-четыре волка вместе взятые.

Детеныш вышел из пещеры и сразу понял, что раскиданные кости, клочки шкуры, кровавый

снег должны быть хорошо видны с воздуха.

Два волка стояли у входа, а двое — ярдах в ста от них. Ближайшие с яростью посмотрели на Эзвала, но отступили, оставив на снегу кости, которые грызли. Не обращая внимания на волков, детеныш закопал кости в снег и, заметая за собой следы, попятился в пещеру.

Эту ночь он провел спокойно, но на следующий день ворочался, чувствуя голодное жжение в желудке. После полудня выпал снег. Когда снегопад закончился, Эзвал выбрался наружу. Он вспомнил, что по дороге в пещеру пересек ручей, подо льдом которого копошились какие-то живые существа.

Детеныш проломил лед посередине ручья и замер в ожидании. Из воды доносились примитивные мысли, дважды он видел на поверхности длинных сверкающих существ. Он наблюдал за их движениями и повадками.

Заметив их в третий раз, он быстро сунул правую переднюю лапу в ледяную воду и схватил рыбу. На льду Эзвал разжал лапу, и рыба выскользнула на лед, попытавшись скрыться в полынье. Но детеныш тут же поймал ее. Он съел ее с большим удовольствием — она была приятна на вкус, не чета оленю.

Тем же макаром в течение часа он поймал четырех рыб. Не так уж много, но голод был утолен. Когда стемнело, маленький Эзвал вернулся в пещеру. Всю ночь он размышлял. Текущие его проблемы были решены как нельзя лучше. У него есть надежное убежище, источник пищи. И всего этого он добился сам, собственными силами, впервые в жизни. Его мать, останься она жива, гордилась бы им.

Одно не давало ему покоя: он до сих пор не отомстил за мать. Сколько людей должны заплатить смертью за ее смерть? Он не знал. На всей планете, вероятно, не хватило бы людей. В головах преследователей он уловил мысли о городах и домах. Ему следует добраться до одного из их городов и начать убивать, тщательно подсчитывая число жертв. Однако время для мести пока не пришло. Охота еще не кончилась.

На четвертый день все его планы рухнули. По дороге к ручью Эзвал попал в волчий капкан. Он упал на землю и принялся изучать предмет, поймавший его. Разобравшись в механизме, он нажал на рычаг и освободил среднюю левую лапу, потом на пяти ногах поскакал к ручью. Вернуться в пещеру он не рискнул. Здесь может быть еще несколько ловушек, и попадание в любую из

них подпишет ему смертный приговор.

К рассвету детеныш устроился на отдых под скалой и проспал там весь день. К вечеру он спустился к ручью, проломил тонкий лед и наловил рыбы. В эту и следующую ночь он шел вдоль ручья. На седьмой день он проснулся от рева реактивных двигателей. На высоте пятидесяти ярдов над ним пролетел маленький аэрокар.

Когда он исчез из вида, маленький Эзвал вдруг услышал четкую и ясную мысль: «Немедленно покинь ручей. Твои следы найдены. Тебя преследуют. Меня зовут Джемисон. Я хочу сохранить тебе жизнь. Немедленно покинь ручей...» Человек повторил ее несколько раз, прежде чем мысль ослабла и исчезла.

Детеныш подумал: «Что это за ловушка, куда меня хотят заманить? Кто-то из людей знает, что Эзвалы разумны. Его помощь — ничем не объяснимая — слишком опасна».

Маленький Эзвал не хотел сдаваться без боя. Как стрела из лука, он рванулся вверх по течению. Утром он миновал ущелье. Невзирая на боль в покалеченной ноге, он карабкался выше и выше, пока не очутился на гребне, на высоте нескольких сотен футов над ручьем. Нигде не было видно ни гравилетов, ни людей. Облегченно

вздохнув, он спустился в ущелье.

С наступлением ночи инопланетянин пересек показавшуюся ему бесконечной холодную пустыню. Над ним светила горбатая луна и не было видно тех странных огоньков в небе, которые, как он считал, являлись особенностью этой планеты.

Потом его коснулись первые лучи солнца. Перед ним открылся берег моря с разбросанными кое-где поселками. Детеныш нерешительно топтался на месте. А ведь он нашел то, что ему было нужно. Здесь жили люди, которых можно убить. Но сначала необходимо скрыться от охотников и залечить ногу. Он хотел спуститься в долину и отдохнуть, но...

Внезапно из-за ближайшей рощи показался низко летящий аэрокар и пронесся над ним, оглушая ревом. Маленький Эзвал видел его лишь мгновение, но узнал тот, вчерашний. Потом аэрокар вернулся и начал выписывать петли над его головой.

«Я не причиню тебе вреда. Иначе ты уже давно был бы мертв. Тебя заметили. Весь район оцеплен, и гравилеты ищут тебя. Остановись, или тебя вскоре обнаружат».

Детеныш не знал, что предпринять: бежать сломя голову или остановиться, доверившись

непонятному доброжелателю. Но этот вопрос решился сам собой. Со стороны поселка показалась патрульная гравиплатформа. Маленький Эзвал скрылся в ближайших зарослях. Круживший над ним аэрокар приземлился всего в пятидесяти футах от засыпанных снегом кустов. Открылись дверцы кабины, но из нее никто не вышел.

«Я думал, ты — на равнине, но ты оказался здесь. У тебя только один выход. Заберись в аэрокар, и я отвезу тебя туда, где ты будешь в безопасности. Свободы я тебе не гарантирую, но ты останешься жив. Приближается платформа. Люди на ней не знают, что ты разумен, и их не переубедить. Они тебя убьют. Торопись!»

Гравиплатформа была в полумиле от Эзвала. На ней заметили его. Платформа тотчас сменила курс и полетела прямо к нему.

«Быстрей! Они не должны заметить мою машину!» — услышал детеныш паническую мысль Джемисона.

Маленький Эзвал не хотел расставаться со столь трудно доставшейся ему свободой. Но тут он вспомнил, что обращенные к нему слова человека: «ЛЮДИ НА НЕЙ НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ТЫ РАЗУМЕН...» Значит, об этом знает только Джемисон. Если его убить, знание умрет вместе с ним.

12

Прижимаясь к земле и прячась за кустами, Эзвал скользнул внутрь аэрокара. Дверца закрылась, щелкнул замок, и отсек погрузился во тьму. Но перед этим детеныш успел заметить, что в помещение нет ровно ничего, кроме двух маленьких вентиляционных отверстий в стене.

Инопланетянин почему-то не чувствовал досады из-за того, что не может убить Джемисона. Наоборот, он даже обрадовался тому, что теперь не он решает свою судьбу.

Откуда-то снаружи аэрокара он услышал мысль:

— Доктор Джемисон! Мы тут совсем сбились с ног и ничего не нашли. А вы-то сами не видели следов этого маленького чудовища?

Это был командор Мак-Леннан, настроенный очень враждебно.

— Я уверен, что он покинул этот район, командор, — с усмешкой ответил Джемисон.

— Вот как? Ну, что ж, посмотрим... По следу идут шесть собак. След свежий и четкий. Мы не успокоимся, пока не поймаем его... Кстати, очень жаль, что вам не удалось доказать Верховному

комиссару, что он совсем безвреден. Ну, ничего, не расстраивайтесь — мы отдадим вам чучело.

Мысли становились все тише — корабль Джемисона набирал скорость. Но скоро Тревор понял, что гравиплатформа настигает его.

— Джемисон! — раздался яростный голос командора. — Немедленно приземляйтесь! Иначе будете уничтожены!

Эзвал почувствовал, что Джемисон находится в раздумье — сесть или попытаться уйти? Но эта нерешительность не отразилась на его ответе:

— Что все это значит?

— Хватит врать, Джемисон! Наш человек в доме на холме видел, как вы кружились над рощей и забрали зверя. Бог знает, как вам это удалось. Не суть важно... Мы держим вас на мушке! Считаю до трех, потом открываем огонь! Раз, два...

Аэрокар начал снижаться. Маленький Эзвал прочел в мозгу Джемисона серию картин: разбитая машина, мертвый водитель и убитый врагами Эзвал. Он почувствовал горечь человека, у которого не удался важнейший план.

Вообще, детеныш сразу заметил, что у этого человека совсем другие мысли, чем у людей, убивших его мать. В них не было желания убивать кого бы то ни было: ни Эзвала, ни его преследова-

телей. И боялся Джемисон не за себя.

«Нет времени вдаваться в подробности, — услышал Эзвал. — Скажу кратко. Эзвалы скрывают свою разумность, боясь, что люди их уничтожат. Это верно, но есть одно «но»: как животные, вы не попадаете под действие межзвездных законов, а как разумные существа — имеете право на защиту. Силой вам не выгнать людей с планеты Карсона. Но вы можете потребовать, чтобы мы убрались, если докажете, что сможете защищать планету без нас. У вас нет другого выхода. Чтобы доказать правительству, что вы разумны и нам нужно сотрудничать, а не воевать, я пожертвовал своей репутацией и безопасностью. Но я ничего не смогу сделать без твоей помощи».

В этот момент аэрокар коснулся земли, совершив вертикальную посадку. Маленький Эзвал попробовал стены отсека на прочность, но они не поддавались. Вентиляционные отверстия были размером с его коготь.

«Люди на платформе — военные. Они шли по твоим следам все это время, чтобы поймать тебя, живого или мертвого. Я опоздал к началу охоты, и мне не удалось договориться, чтобы это дело передали мне. Тебя считают слишком большой угрозой. Я возражал Мак-Леннану, который уве-

рен, что армия лучше справится с такой задачей, но с моим мнением не посчитались».

Детеныш услышал другие мысли — гневные, враждебные. Некоторые из них относились к Джемисону. Кое-кто считал, что тот играет не по правилам. Но все были восхищены тем, что Джемисон сделал невозможное.

Через пять минут люди подошли к аэрокару. Тревор в последний раз обратился к Эзвалу: «Ситуация вышла из-под моего контроля. Ты можешь помочь нам обоим — сообщай мне то, что думает Мак-Леннан».

Детеныш сел. Он ничего еще не решил. Он не хотел попасться на удочку. Но опасность того, что Мак-Леннан может поверить Джемисону, решила дело: Эзвал понял, как ему поступить. Сейчас или никогда. Доктор должен умереть, а Мак-Леннан — убедиться, что Эзвал всего лишь зверь.

13

Маленький Эзвал увидел, что Джемисон вышел из рубки и не спеша двинулся к поджидавшим его людям с бластерами наперевес. Из динамика донесся голос Мак-Леннана:

— Я настолько поражен вашими действиями, доктор, что даже не знаю, как с вами обойтись. Пройдите вперед.

Джемисон молча встал туда, куда было приказано.

— Порядок. Действуйте, Карлинг!

Человек с маленьким металлическим цилиндром в руках вошел в кабину аэрокара. Последовала серия непонятных щелчков.

Доктор сказал резко:

— Предупреждаю, командор! Если с Эзвалом что-нибудь случится, у вас будут большие неприятности. С правительством шутки плохи.

— Не беспокойтесь, Джемисон. С вашим сообщником ничего не случится. Я хочу всего лишь проверить, годится ли отсек для его перевозки. Он уснет на несколько часов.

— Сомневаюсь. Вы ведь его предупредили.

— А, это ваша излюбленная теория!.. — усмех-

нулся командор. — Ну, что ж, посмотрим, догадается ли он задержать дыхание на несколько минут. Готовы, Карлинг? Приступайте!

— Есть, сэр.

Эзвал задержал дыхание. Он не знал, сколько это — несколько минут, но решил держаться до конца. В отсек через вентиляционные отверстия начал поступать бесцветный газ.

— Повторяю, командор, если вы рассчитываете обезвредить его столь примитивным способом, то сядете в лужу.

— Вы хотите сказать: этот зверь понимает нас?

— Он читает мысли.

— Вы это серьезно, доктор?

— Никогда не говорил серьезнее.

— Так или иначе, газ не причинит ему вреда... Карлинг, — распорядился Мак-Леннан, — продолжайте нагнетать еще пять минут. Потом откроете дверь.

— Пять, десять, пятьдесят — не имеет значения. Эзвалы — амфибии, и вам нужно как минимум полтора часа, чтобы усыпить его.

Джемисон сделал несколько шагов к аэрокару. Никто не обратил внимания на его действия. Тогда доктор воспользовался этим и подошел еще ближе.

— Командор, я требую прекратить усыпление, — продолжал он давить на Мак-Леннана. — Неизвестно, как подействует газ на Эзвала.

— Этот газ уже применялся при поимке Эзвалов.

— Значит, тогда вам повезло.

— Ладно, доктор... Карлинг! Откройте дверь, — приказал командор. — Всем отойти!

— Позвольте мне.

Джемисон направился к дверце отсека. Такого поворота событий маленький Эзвал уж никак не ожидал. Враг сам шел к нему в лапы. А ведь детеныш решил сначала прикинуться спящим, а потом наброситься на людей... Маленький Эзвал встал на ноги и двинулся к выходу.

Эзвал и человек стояли лицом к лицу. Эзвал чувствовал, как напряжены сейчас люди, окружавшие аэрокар. Но странно: несмотря на отсутствие каких-либо препятствий, он колебался. Раньше он убивал людей без всякой жалости, потому что они относились к нему как к зверю и были врагами его расы. Но этот человек был совсем другим. Эзвал смутно чувствовал, что между ними есть какая-то связь, несмотря на все их различия.

Джемисон заговорил негромко и спокойно. И

хотя Эзвал не понимал слов, он прекрасно мог читать стоящие за ними мысли:

— Я твой друг. И эти люди — твои враги только потому, что ты не хочешь понять: они могут быть друзьями. Ты можешь меня убить, ведь ты не дорожишь своей жизнью. Но пойми: пока мы стоим здесь и раздумываем, люди и Эзвалы на планете Карсона продолжают убивать друг друга. В нашей власти остановить их. Не думай, что я предлагаю легкий путь к спасению. То, что нам предстоит сделать, гораздо труднее любого другого варианта. Слишком много людей и Эзвалов верят в свою правоту, слишком многие считают животными тех, кто сильно от них отличается. Многие Эзвалы объявят тебя предателем. Меня тоже многие люди искренне считают предателем. И все потому, что Эзвалы не знают истины — так же, как и эти люди. Это очень трудная работа, но ее можно проделать с твоей помощью. Давай же начнем!

Джемисон повернулся к остолбеневшему Мак-Леннану и сказал:

— Командор, прикажите принести сумку с медикаментами. У нашего гостя повреждена нога.

Мак-Леннан повел головой, и один из его людей бросился в рубку гравиплатформы. Эзвал стоял на пороге в нерешительности. Собственно говоря,

ничего не сделав в первые секунды после открытия люка, он уже проиграл по всем статьям. Люди успели поверить, что он разумен.

Пришел человек с сумкой, на которой был нарисован красный крест, и отдал ее Джемисону.

— Если ты ляжешь, я смогу осмотреть твою ногу и помочь тебе, — сказал детенышу доктор.

Эзвал наконец принял неизбежное решение. Он опустился на металлический пол и облегченно вытянул больную ногу. Люди ахнули.

14

Гигантский город медленно проступил в тумане. Это был город Корабля.

Тревор Джемисон с борта аэрокара позвонил жене, и она первая узнала о его прибытии. Веда Джемисон мигом поехала в Сад за Дидди. Этот недолгий разговор заставил доктора почувствовать угрызения совести за то, что он не позвонил ей раньше. Ведь он был в космосе четыре с лишним месяца, а прилетев, целую неделю потратил на Эзвала.

Тревор решил не огорчать жену и сделал вид, что только сейчас вернулся из дальнего полета. Таково было бремя этого века — война с руллами заставила отступить на второй план и любовь, и семью, и детей.

Через час Джемисон уже очутился дома.

... Когда прошла первая радость от встречи с семьей, доктор снова втянулся в работу и мог с закрытыми глазами перечислить весь длинный перечень дел, которые взвалил на свои отнюдь не богатырские плечи. Среди них отнюдь не на последнем месте стояла проблема Эзвалов.

Так уж сложилось, что этим делом пришлось

заниматься ему, главе Научного Департамента. Идея о разумности Эзвалов ни в ком не вызывала энтузиазма, ведь планета Карсона являлась одной из трех опорных баз человечества. И потому Джемисон не мог спихнуть это дело, пустив его по инстанциям. Он был уверен: чиновники похоронят надежду на прекращение войны и спасение разумной расы под грудами документов.

Вскоре ему пришлось провести очередную деловую встречу, сыгравшую немалую роль в последующих событиях.

— Вот тут. — Тревор ткнул пальцем в зеленую область на карте. — Именно тут, — повторил он, глядя на высокого жилистого человека, — нужно разбить лагерь.

Айра Клаги наклонился над столом и, неодобрительно посмотрев на пятно, раздраженно спросил:

— Почему именно здесь?

— А все очень просто, — сказал Джемисон, который тоже был не в восторге от этого плана, но война с руллами заставляла его играть в самые разные игры. — Нам нужна вакцина, которую мы получим от молодняка этих тварей с Миры. Она нужна как можно скорее и в огромном количестве. А в лесу молодняка больше всего. Поэтому

лагерь должен быть здесь.

Могучие кулаки Айры Клаги сжимались и разжимались. «Хорошо, хоть я не получил по носу», — мрачно подумал Тревор. Он понимал состояние инженера, но ничем не мог ему помочь.

— Мистер Джемисон, вам должно быть известно, что нет там никакого леса. Это настоящий ад, а не лес. В джунглях кишмя кишит ваш любимый молодняк и еще Бог знает какие твари. — Потом Айра ткнул пальцем совсем в другое место на карте. — Вот здесь, в горах, можно. Там тоже не сладко, но климат получше и со зверьем проблем меньше. Результат будет похожий, а обойдется операция куда дешевле.

«Разумно, — подумал Джемисон. — Если Клаги — агент руллов, то агент неплохой».

Реакцию Айры Клаги непрерывно анализировала группа психологов, сидящих в соседней комнате. В случае ошибки в его словах и поступках, Тревор немедленно получил бы сигнал. Но пока что психологи молчали.

— Видите ли, мистер Клаги... Эта вакцина слишком важна для нас, чтобы думать о цене. Она нужна нам немедленно. За скорость вам будет выплачена премия. Теперь...

— К дьяволу ваши деньги! — заорал Клаги. — Не

о них речь! Какого черта сотни отличных парней должны сложить головы ни за что ни про что!

— Ну, предположим, им есть за что сложить головы. Кроме того, я несу полную ответственность за свои решения.

Айра медленно опустился в кресло. Сквозь густой загар проступила краска гнева. Но он еще пытался сдерживаться.

— Посмотрите, мистер Джемисон. Вот тут, на краю джунглей, есть огромный холм. Я писал о нем в докладе. Это не Бог весть что, но лучше, чем джунгли. Если правительству — вернее, вам — нужен лагерь, то мы его там построим. Но это зависит не только от меня — решать будут мои люди.

Доктор скучал — процедура явно затягивалась. Он, конечно, понимал, каким идиотом кажется сейчас инженеру. Но он снова ткнул пальцем в самый центр зеленого пятна и произнес только одно слово:

— Здесь.

Клаги с быстротой молнии вскочил со стула, конечно же, уронив его на пол, и накрытый картой стол завибрировал от удара его кулака.

— Разрази меня гром! Вы — самый непроходимый тупица из всех, кого я видел! Кроме этого

стола, ни черта в своей жизни не видели! Заработали капитал на чужих жизнях! Посмотрел бы я на вас, если бы вы сами строили лагерь там, куда тычете пальчиком! Если бы вы очутились там хоть на пару минут!..

Джемисон ожидал этого взрыва. Сигнала по-прежнему не было. Слава Богу, теперь можно закругляться. Ему удалось провести встречу, не показав, что это всего лишь проверка.

— Я весьма удивлен и огорчен, мистер Клаги, что вы переходите на личности при обсуждении правительственного мероприятия.

Лицо Клаги из красного стало черным.

— Мистер Джемисон... — он давил из себя слова, как зубную пасту из давным-давно опустевшего тюбика. — Человек, посылающий на верную смерть сотни людей, заслуживает... — Он не договорил. — Стройте лагерь сами — где хотите. Я отзываю своих людей.

Клаги повернулся на каблуках и вышел. Тревор не удерживал его. Проверка еще не окончена. Действительно ли Клаги порвет контракт? Вот в чем вопрос. Рулл никогда бы этого не сделал: ему все равно, где строить лагерь — хоть на вулкане. Ему бы и в голову не пришло заботиться о безопасности людей.

Доктор переключил монитор. На экране появились, трое психологов.

— Ну, — сказал Джемисон, — кажется, это именно он.

— Да, характер у него все тот же. — Один из тройки улыбнулся. — Бьюсь об заклад, что это он.

— Ну, будем надеяться, что руллы не перехватят его до отлета.

В этой войне никому нельзя было верить — даже здесь, на Земле. Шпионская сеть руллов раскинулась по всей Галактике, и на Земле находился ее центр.

Как только руллы появились из океана тьмы, окружающей нашу Галактику, гуманоидами были потеряны тысячи звездных систем, прежде чем они смогли построить боевые флоты и остановить противника. Равновесие сохранялось несколько лет, а затем руллы снова двинулись вперед. Мы проигрывали сражения одно за другим. У руллов словно бы имелись все тайные планы землян. Это означало одно — утечку сведений, шпионаж.

Сначала мы даже предположить не могли, что руллы способны принимать облик любого живого существа. Но однажды тело «человека», убитого

при попытке похитить секретные документы из Исследовательского центра, превратилось в червеобразную мерзость с многочисленными отростками. Только тут человечество поняло, какой опасности подверглось.

Через несколько часов полиция и армия блокировали все города на тысячах планет, и каждый человек прошел проверку. На одной только Земле было выявлено и расстреляно около ста тысяч шпионов.

Однако руллы сумели быстро приспособиться, и выявить их отныне удавалось лишь с помощью сверхсложных машин-детекторов. Лучшие умы человечества занялись конструированием, и вскоре детекторы можно было надеть на руку вместо браслета.

Но казавшаяся такой близкой победа вдруг испарилась как дым. Руллы сделали ответный ход: еще раз перестроили свое фальшивое тело и уж больше ничем — кроме психологии — не отличались от нормальных людей.

И тецерь руллы, несмотря ни на что, снова продвигались вперед. Их ничто не брало: ни бактерии, ни отравляющие вещества, смертельные для человека. Ведь организм руллов был основан не на кислородном, а на фтористом обмене. Дол-

гое время велись поиски бактерий, с помощью которых можно было вести с ними войну. Вакцина из лимфы животных с Миры-23 была именно этим средством. Но об этом не знал даже Айра Клаги. Ему сказали, что вакцина нужна для борьбы с плесенью в гидропонике звездолетов. То же самое думали бы и руллы, заполучи они Клаги.

В верхней левой четверти экрана возникло лицо сидящей в приемной секретарши Джемисона.

— Мистер Калеб Карсон. — Торжественно произнесла она. Для соблюдения дворцового ритуала осталось только стукнуть тяжелым посохом в пол.

— Соедините.

Тревор извинился перед психологами и отключил их. На экране появилось изображение серьезного темноволосого юноши. Калеб Карсон был старшим сыном первооткрывателя и исследователя планеты Карсона.

— Получилось, — сказал Калеб.

— Ага! Значит, я прав! — радостно воскликнул Джемисон и тут же переключился на приемную. — Я лечу в Исследовательский центр. Если будет звонить Айра Клаги, соедините со мной немедленно.

— Хорошо, сэр.

Джемисон поднялся в лифте на крышу, где стоял его аэрокар. К нему тут же подошли два охранника и проверили, знает ли он даты рождения жены и сына и помнит ли стишок, который Дидди, стоя на стуле, читал в день своего пятилетия. Это был самый надежный (по крайней мере, самый быстрый) способ выявления шпионов.

«Сами-то вы не руллы?» — отвечая на вопросы, в очередной раз подумал Тревор и мысленно чертыхнулся.

Как ни странно, доктор оказался в курсе своих семейных дел. Хорошо, что он не страдает провалами в памяти. Ведь всякий раз охрана спрашивала у Джемисона, как и у всех прочих хранителей военных секретов, все новые и новые сведения. И не дай Бог кому-нибудь из них ошибиться!..

Доктор подошел к аэрокару. И тут ему в глаза бросился странный рисунок на керамлитовом боку машины. Раньше его не было. Бред какой-то!.. Тревор потряс головой, протер глаза. Рисунок не исчезал.

Доктор сел в аэрокар и направил его к одному из зданий. «Что за черт?» — подумал он, посадив машину на крышу. Механическим движением выключил мотор, поднял фонарь кабины и сидел

в ожидании, когда сдешние охранники проверят его и выдадут пропуск.

Он не узнал спешившего к нему офицера — вероятно, на дежурство заступила новая смена. И тут вдруг он понял нечто потрясающее: это здание не было Исследовательским центром! Он хотел тотчас стартовать, на миг поднял глаза на охранника и замер. В протянутой руке того был не пропуск, а пистолет. Джемисон почувствовал бьющую в лицо холодную струю газа, и на него обрушилась тьма.

15

Первым ощущением Тревора был странный приторный запах гниющих растений. Джемисон лежал на парусиновой койке. Она прогибалась под его тяжестью, но была более или менее удобной.

«Что же случилось? Я — пленник руллов? — напряженно размышлял Тревор. — Или кого-то еще? Конечно, на Земле у меня бездна врагов, да и не только на Земле... Айра Клаги? Что ж, это самый последний из моих врагов. Но похищать правительственного чиновника, чтобы доказать ему свою правоту? Чушь!..»

Доктор вспомнил о рисунке на аэрокаре, который загипнотизировал его. Новый способ воздействия на человеческий мозг? Однако слишком много вопросов. Пора начинать искать ответы. Он поднял глаза. Сквозь лианы сверкало зелено-голубое небо. Внезапно Джемисон почувствовал невыносимую жару, на него нахлынул рев работающих машин — словно бы разом исчез невидимый кокон, доселе отделявший его от этого мира.

Как ни странно, руки и ноги Тревора оказались

свободны. Он сел и огляделся. Койка стояла в конце еще не законченной просеки. Вдали виднелись пластиковые бараки. «Если это Мира-23 — здесь действует Айра Клаги. Значит, все-таки Клаги?.. Ну, дай ему Бог суметь оправдаться перед Землей!»

Теперь доктор понял, что небо казалось зеленоватым из-за энергетического экрана. Поэтому и верхушки деревьев излучали слабое сияние. Экран отражал низкочастотные волны, поэтому находящееся в зените красное солнце Миры выглядело белым.

Мимо Джемисона проехала кибер-машина, разбрызгивающая инсектициды. Доктор перескочил на необработанный участок: эти инсектициды куда вредней для человека, чем для насекомых. Перепаханная машинами земля кишела черными блестящими червями и знаменитыми красными жуками Миры, убивающими жертв током и Бог знает, чем еще.

Тревор подошел к уже отстроенному зданию и прочитал вывеску:

«КОМПАНИЯ МЕРИДАН
АЙРА КЛАГИ — главный инженер»

Потом он вошел в барак. Сидевший за столом

юноша лет двадцати с холодным раздражением взглянул на него. Джемисон без предисловий объявил — громко и требовательно, словно отдавал приказ:

— Мне нужен Клаги.

— А вы кто такой? Что-то я вас не припоминаю, — был ответ юноши.

— Меня зовут Тревор Джемисон. Это имя вам что-нибудь говорит?

— Имя — да. Босс, платящий нам деньги. Но вы-то не Джемисон. Ему в этой дыре делать нечего.

— Вы, кажется, Питер Клаги?

— Откуда вы знаете? Впрочем, это еще ни о чем не говорит. Как вы здесь очутились? Последний корабль улетел пять дней назад.

— Пять дней?! — воскликнул пораженный доктор.

Юноша кивнул.

«Пять дней, — подумал Тревор. — И плюс дорога до Миры — семь-восемь дней. Неужели Клаги все это время держал меня без сознания?»

— Где ваш дядя?

— Сначала нужно установить вашу личность и каким образом вы тут очутились. — Питер Клаги нажал кнопку на пульте и начал описывать кому-то внешность Джемисона: — Вес — выше

среднего, густые рыжеватые волосы, глаза темные, лоб широкий, лицо выразительное. — Потом, выслушав ответ, произнес: — Все-таки пришлите пару людей. — Отключил связь и повернулся к доктору: — Дядя говорит, что вы похожи на Джемисона. Или... на рулла, выглядящего как Джемисон.

Тревор улыбнулся, шагнул к столу, протягивая руку:

— Ну, это-то я сумею доказать.

Рука Питера, лежащая ладонью вниз на столе, слегка приподнялась — достаточно, чтобы стало видно: под ней лежит маленький бластер.

— Ни с места! У вас еще найдется время для доказательств.

Доктор с минуту смотрел на него, пожал плечами и пошел к двери.

— Назад! — крикнул Питер. — Сядьте!

Джемисон, не обращая внимания на Питера Клаги, встал у открытой двери и начал осматривать местность. Все-таки Айра пошел на компромисс.

Холм возвышался на тысячи футов над джунглями, но не круто, а постепенно врезаясь в них, так что он не заслонял величественного леса, простирающегося до туманных гор на горизонте.

Холм был уже почти очищен от деревьев.

И тут доктор снова почувствовал тот знакомый, волнующий трепет, почти восторг, который он всегда ощущал при виде новых звезд, нового мира, такого же сказочного, как этот. Однако появление трех вооруженных людей вернуло его к действительности.

Первым шел Айра Клаги. По мере приближения к бараку лицо его становилось все более удивленным. Но он ничего не сказал до тех пор, пока Тревора не обыскали. И проделано это было весьма бесцеремонно.

— Ну, а теперь, мистер Джемисон, расскажите, о чем шел наш с вами последний разговор. И еще напишите здесь свое имя и подпись, чтобы я мог сравнить с документами. Мне бы не потребовалось вас допрашивать, если б не ваше неожиданное появление здесь.

«Черт подери! Он уверен, что мы поменялись ролями!» — со злостью подумал доктор.

— Как раз об этом я хотел спросить вас, мистер Клаги, — зловеще улыбнулся он. — Как вы посмели похитить меня?!

Но, видя реакцию Айры, Тревор тотчас же понял, что его вопрос не имеет смысла — к его появлению на Мире-23 Клаги не имеет ни малей-

шего отношения.

И тогда Тревор Джемисон рассказал Айре Клаги о событиях, происшедших с ним с момента ухода того из кабинета, не утаив и своих подозрений в отношении его. Выслушав доктора, Клаги усмехнулся:

— Дать вам по физиономии я мог бы, но похищение — не мой стиль.

И Айра, в свою очередь, рассказал о том, что произошло с ним. Покинув кабинет Джемисона, он пошел в Клуб Звездолетчиков и приказал своим людям возвращаться. Клаги как раз топил ярость в бокале вина, когда его разыскал правительственный чиновник и объяснил подоплеку этого идиотского разговора. Айра тут же отменил приказ, а на следующий день подписал контракт и занялся вербовкой людей и погрузкой техники в корабль. Через два дня он стартовал на Миру.

— Вы можете связаться с Землей и все проверить, — сказал он в заключение.

— Связаться с Землей я должен в любом случае. Хотя ваш рассказ весьма правдоподобен, так или иначе нам надо во всем тщательно разобраться... А потом мне понадобится корабль.

Радиостанция с кольцом подпространственной антенны на крыше находилась неподалеку. Из-за

вскрытой контрольной панели вынырнул расстроенный оператор:

— Мистер Клаги! А я уже собрался звонить вам. Опять сгорел концентратор Мак-Лорена.

— Боюсь, Ландерс, мне придется арестовать вас, — жестко сказал Клаги.

Радиооператор был потрясен, и Джемисон — тоже.

— Видите ли, доктор, — сказал Айра, — это был наш последний концентратор. Мы остались без связи до следующего судна, а оно придет только через шесть суток.

Это был очень серьезный проступок. Разве Тревор мог ему возразить?

Питер Клаги протянул свой бластер Джемисону, который с облегчением схватил его, и решительно шагнул к оператору.

— Страхуйте меня, пока я буду его обыскивать, — пояснил он Тревору.

Стоящий позади доктора Айра Клаги тоже достал из кобуры бластер. Оператор послушно поднял руки. Племянник Клаги тщательно проверил его одежду, потом принялся задавать каверзные вопросы. Оператор нервничал, отвечал сбивчиво. Тревор и Айра напряженно ожидали, чем кончится проверка. Наконец Питер

произнес с облегчением:

— Это человек, сэр!

Обстановка разрядилась. Джемисон спросил, нет ли на планете еще одной радиостанции. Айра Клаги ответил, что есть: в девятистах милях отсюда, на урановых рудниках.

— Мы можем вместе слетать туда на аэрокаре. — Питер Клаги бросился к группе стоявших невдалеке аэрокаров.

Через минуту они были в воздухе. Корабль вел Питер. Айра молча смотрел в окно. Тревор, пользуясь воцарившейся тишиной, решил поразмышлять.

«Руллы хотят помешать нам получить вакцину. Это ключ ко всему. Они устроили мне ловушку с помощью этого дьявольского рисунка на аэрокаре и привезли сюда. — Он содрогнулся, представив себе, что неделю провел на корабле руллов. — Но почему они меня не убили? Видимо, руллы прекрасно понимают: если погибнет администратор, проект останется, ведь любого человека можно заменить. И решили действовать хитрее. В интригу вовлекли Клаги, от которого тоже зависит проект. Значит, мое присутствие на планете нужно по сценарию. — У Тревора холодок пополз меж лопаток. — А ведь я

веду себя вполне естественно — значит, тоже по сценарию. Там предусмотрено, чтобы мы вместе с Клаги очутились здесь, над лесом, далеко от ближайшего жилья. Так было задумано...»

Джемисон решил немедленно связаться с рудником. Но тут на горизонте сверкнула точка — второй аэрокар, который был больше и мощнее. И к тому же он хорошо вооруженный. Он быстро настигал их.

Доктор встал, хотел шагнуть к пульту и замер: перед ним с бластером в руке стоял Питер Клаги. Ствол тотчас уперся Тревору в живот. «Вот оно как... — почти спокойно подумал Джемисон. Слишком много событий за один день, чтобы непрерывно «метать икру». — Чего-то подобного я и ожидал».

— Питер! Ты сошел с ума! — крикнул Айра.

Он бросился к своему племяннику и тут же рухнул от удара в висок.

— Сдать оружие! Быстро! — рявкнул тот.

Тревор подчинился, а потом протянул Айре руку, помогая подняться на ноги. По щеке инженера стекала струйка крови.

— Мне остается надеяться, мистер Клаги, что ваш племянник жив. Это — не Питер Клаги и вообще не человек.

16

Теперь Джемисону было все ясно. Его с самого начала поразила свежесть Питера Клаги в этом душном климате. Теперь ясно, откуда она. И понятно, кем был радиооператор, который вывел из строя передатчик.

Тревор внимательно разглядел «юношу». Его всегда удивляло совершенство маскировки роллов, никогда не разрушающейся в присутствии людей. Доктор тут же представил себе их червеобразные, многорукие тела, и его передернуло.

Айра Клаги наконец пришел в себя и привычным командным тоном потребовал ответа:

— Что вы сделали с моим племянником?!

Джемисон схватил его за руку, боясь, что инженер может броситься на врага и напорется на смертельный луч.

— Спокойно, приятель. Ему ведь даже не понадобится бластер — он убьет вас своим излучением.

Рулл молча протянул то, что казалось человеческой рукой, к пульту и щелкнул тумблером. Аэрокар начал падать в чащу леса. Другая машина, как заметил Тревор, тоже нырнула в лес.

Второй аэрокар не стал приземляться, завис над землей, на высоте нескольких футов. Из него выскочили двое руллов в человеческом обличье и бегом направились к пленникам. Если бы они могли, то совсем не касались бы земли, ведь здесь, в гуще леса, кишмя кишели юные лаймфы.

«Вполне возможно, что руллы не знают истинную цель работ Клаги, — подумал Джемисон. — Тогда это просто превентивная акция — одна из тысяч в долгой войне против Земли».

Лаймфы при первой же встрече привели руллов в замешательство. Взрослые особи были безобидны, они не передвигались. Молодые же нападали на все, что движется. Стоило предмету остановиться, о нем забывали. Лаймфы бросались на все: на падающие листья, на раскачивающиеся деревья, даже на струи воды... Миллионы их гибли от атак на мертвые предметы, почему-либо тронувшиеся с места или зашевелившиеся. Но некоторым везло, и через два месяца они превращались во взрослых особей. Те представляли собой жесткие ульеобразные конструкции, которые уже не могли перемещаться. Эти ульи встречались на каждом шагу, на земле или деревьях — всюду, где молодые лаймфы настигали жертву.

Взрослая особь жила меньше, но была весьма плодовитой. Жила она за счет запасов, приобретенных «личинкой» до превращения. Всю свою короткую жизнь они проводили в непрерывном размножении. Дети оставались в них. Они развивались в своих родителях и вскоре начинали их пожирать. Это останавливало размножение, но детенышей было уже так много, что они начинали пожирать и друг друга. Несмотря на это, какая-то часть лаймфов ухитрялась спастись.

Тут мысли Джемисона прервались, так как «Питер» отдал команду и дверь аэрокара открылась.

— Выходите, живо!

Тревор и Айра спрыгнули на землю, где их уже поджидали враги. Руллы молча повернулись друг к другу.

— Это они разговаривают, — прошептал доктор. — Даже в нашем облике они почему-то не любят общаться по-человечески.

Наконец «Питер» повернулся к людям и сказал Айре Клаги:

— Вы свободны. Можете убираться на аэрокаре ко всем чертям, но сегодня сюда не возвращайтесь!

Джемисон и Клаги были потрясены.

— Нет, если Джемисон остается, то и я тоже,

— объявил Айра.

— Но почему? Ведь он вам не нравится...

— Это так, но... — И тут Клаги бешено заорал: — Значит, вы все знаете?! Вы убили племянника еще на Земле!

Тревор снова вцепился ему в плечо, пытаясь предотвратить беду. Рулл невозмутимо ответил инженеру:

— Ваш племянник жив. Он здесь. — С этими словами он странными скачками направился к зависшему над землей второму аэрокару и распахнул дверцу кабины. Внутри, на сиденье лежала неподвижная фигура, как две капли воды похожая на Питера.

— Он пробудет без сознания несколько часов. Мы усыпили его утром, в лагере. Так было нужно.

Это показалось Джемисону правдоподобным.

Руллы опять стали совещаться. Поступок Айры Клаги выпадал из сценария, а они очень не любили неожиданности. В этот момент Джемисона привлекло какое-то движение в траве. Оно возникло довольно далеко, но он сразу понял: это молодые лаймфы. Когда короткое совещание руллов окончилось, «Питер» приказал Айре:

— Лезьте в аэрокар! Без разговоров! Я отвезу

вас.

— А что будет с Джемисоном?

— Он останется здесь. Через час стемнеет. Когда вы прилетите за ним, он будет уже мертв.

Какой в этом смысл? Ну, конечно же!.. Все помнят, как Клаги выступал против проекта, — подозрение в любом случае падет на него. Начнется расследование, и проект будет остановлен. руллам этого вполне достаточно, ведь, судя по всему, они даже не знают о цели проекта. Иначе бы они все тут разнесли. Просто разведцентр руллов получил ведения о повышенной активности людей в этом районе и послал группу агентов устроить шухер. Их стандартный метод.

Тревор уголком глаз следил за движением травы. Лаймфы были уже в тридцати-сорока футах от них. Нужно было действовать. Джемисон подошел к Айре Клаги.

— Ступайте! Они правы, — произнес Тревор, шепотом добавив: — Мы окружены лаймфами. Я замру и спасусь... Идите!

Он подтолкнул Айру в спину. Тот немного поколебался и залез в кабину аэрокара. Доктор подумал: «Сейчас они меня не убьют — это не по сценарию. Только бы отвлечь их внимание на несколько секунд!» Он прыгнул в сторону и

понесся что есть мочи.

Каждый его нерв натянулся и лопнул. Джемисон упал в траву не в силах пошевелиться. Сознание он не потерял, но прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что случилось. Один из руллов парализовал его. И тут же страшная мысль пришла Тревору в голову: что если лаймф впился в него, пока он падал, и теперь пожирает его заживо?!

Ослепительная вспышка осветила уже начавшие темнеть джунгли. Еще одна, еще! Он мог только гадать, что произошло. Глаза резало, а он никак не мог их закрыть — мышцы окаменели. Шли минуты. Вспышек становилось все меньше. В какой-то миг в поле зрения Джемисона возникла уродливая головка лаймфа. Тот просеменил на маленьких ножках совсем рядом от Тревора.

И вдруг земля ушла из-под Джемисона. Он понял, что его подняли. Сначала он испугался, что это рулл, но нет — его нес на руках Айра Клаги. Прежде чем захлопнулся люк, Тревор мельком увидел трех руллов футах в пятидесяти от корабля. Они потеряли человеческую форму, и повсюду в их членистые многоногие тела внедрялись лаймфы.

17

— Как, говорите, его назвали? — переспросил командира весьма польщенный Джемисон. Он сидел в своей каюте корабля, летящего с Миры-23 на Землю.

— Он хотел взять ваше имя, но ему объяснили, что это будет нетактично. Так что теперь его зовут Эфрами.

Улыбаясь, Тревор откинулся на спинку кресла. Эзвал хотел взять его имя!.. А хоть бы и любое другое... Произошло из ряда вон выходящее событие.

«Что в имени?» — сказал древний поэт. Это была одна из его редких ошибок. Люди, выйдя в космос, обнаружили много рас, которые не обладали именами. Ни одна из них в результате не создала цивилизацию. Джемисон, конечно, понимал, что за сотню лет понятие «цивилизованности» искажено до предела: раса считалась тем цивилизованней, чем активней она боролась против руллов.

— Эфрами... — повторил он. — А какое у него второе имя?

— Джемисон. Это уже нормально.

— Ха, еще один родственничек!.. Моей жене

сообщили?

— Да, я ей звонил. Но ей было не до этого — она слишком расстроилась из-за вашего исчезновения.

Тревор был рад, что сам уже успел поговорить с Ведой. Поэтому он мог всласть болтать со своим собеседником, мыслить вслух, спорить...

В результате родилась оригинальная идея: надо изготовить молекулярный индикатор, который бы издавал мысленные импульсы: «Меня зовут...», и каждому из них присвоить личное имя. Миллионы таких индикаторов необходимо привезти на планету Карсона и там использовать для поименования Эзвалов.

Делать метки можно с помощью маленьких капсул, выстреливаемых из духового ружья. Точно так же издавна усыпляют диких зверей, которых нужно отловить или подвергнуть лечению. Попадающий в тело биоматериал быстро растворится в крови и начнет свою работу. Рано или поздно он, понятное дело, будет выведен из организма, но к этому времени каждый Эзвал уже будет знать свое имя. Захочет он им пользоваться или нет — это уже другой вопрос... Несомненно, эту идею можно преподнести Совету.

Затем доктор с помощью подпространствен-

ного передатчика связался с одним из исследовательских институтов и сообщил о странном рисунке, что парализовал его перед похищением.

Через несколько дней Джемисон снова попал в свой кабинет. Приятно вернуться в родные стены, сесть на насиженное место, положить локти на стол, включить компьютер, битком набитый твоими мыслями и делами...

— Личный звонок, — сообщила секретарша, вторгшись в его умиротворенные мысли.

— Соедини.

На экране появилось взволнованное лицо жены.

— Мне звонили из Сада. Дидди ушел искать Источник Звука.

— О-о-о... — протянул Тревор.

Он любовался Ведой. Она и в самом деле была привлекательна: правильные черты лица, большие прекрасные глаза, нежная кожа и угольно-черные волосы. Хотя двенадцать лет замужества и материнство все-таки наложили свой отпечаток.

Наконец доктор прервал паузу и произнес проникновенным тоном:

— Веда, тебе не следует волноваться.

— Но ведь он ушел, а вокруг кишат эти руллы!

— В Саду его отпустили. А они знают, что делают.

— Но его не будет всю ночь!

Джемисон медленно кивнул. Он слабо верил в то, что сумеет успокоить жену, но попытаться был обязан.

— Видишь ли, дорогая, так нужно. Это обязательная ступенька в ходе воспитания самостоятельной личности, настоящего мужчины, и мы должны подчиниться общему правилу. Мы этого долго ждали... — И он попытался переменить тему разговора: — Лучше развлекись, пройдись по магазинам, купи что-нибудь. Возьми денег... ну, сколько хочешь. А сейчас извини... У меня очень много дел. До свидания, дорогая, и, главное, не расстраивайся!

Веда укоризненно глядела на него, пока не погас экран. Тревор встал и подошел к окну. Перед ним раскинулись здания Бюро. Проспект и Корабль он не мог видеть — они находились по другую сторону здания. Дальше простирались пригороды — вплоть до туманного горизонта. И где-то там, внизу, его сын искал Источник Звука.

Темнело. Дидди Джемисон шел по улице. С того самого времени, когда он научился размышлять,

его интересовало, что же такое Звук. Звук никогда не прекращался. Дидди убеждали, что где-то «снаружи» его нет. Но он был уверен: это не так, ведь говорили же ему иногда неправду, чтобы проверить, не занял ли его место рулл. Скорее всего, и это было ложью, которую он должен опровергнуть.

Звук был все время: в Саду и в его собственных комнатах, говорил ли он или молчал; в столовой, заглушая его, мамы и папы разговоры, песни и смех или стук вилок и ложек, когда они вместе ели. И даже во сне звук не прекращался. Он был привычен. И вот сегодня Дидди решил поискать место, где нет Звука. Сначала на одной улице, потом на другой. Скоро он потерял им счет.

Мальчик поужинал в маленьком ресторанчике и снова вышел на улицу. В ста футах от него стоял человек, которого он впервые заметил еще десять минут назад.

Что-то в его облике не понравилось Дидди. Он перешел улицу и, пытаясь ускользнуть, вышел на другую, более людную. Мальчик надеялся, что это не рулл. К первому человеку присоединился второй, и они направились прямиком к нему. Дидди подавил желание повернуться и броситься бегом. Если это руллы, то ему все равно не убежать.

— Малыш!

Дидди остановился и повернулся к ним, словно увидел их впервые.

— Что-то поздно ты сегодня гуляешь.

— Это моя ночь, сэр.

«Человек» полез в нагрудный карман. Странное это было движение — как если бы рука перемещалась отдельно, сама по себе. Наконец он вынул руку и протянул значок.

— Мы агенты службы безопасности. Ты пойдешь с нами на Проспект.

Сразу после обеда раздался звонок в дверь. Джемисон открыл. На площадке стояли двое полицейских.

— Вы — доктор Тревор Джемисон? — спросил один из них.

— Да. А что случилось?

Тревога охватила его, стискивая ледяной рукой бешено заколотившееся сердце. Джемисон прекрасно понял: произошло что-то страшное.

— Отец Декстера Джемисона, девяти лет?

— Да. — Чувствуя, что сейчас упадет, Тревор схватился рукой за косяк двери.

— Наш долг сообщить, что ваш сын находится в руках руллов. И его жизнь — в смертельной опасности.

Доктор не вымолвил ни слова. У него не было сил разжать стиснутые зубы. Он только показал полицейскому свои документы. Там была и карточка нулевого допуска. Тревор Джемисон имел право знакомиться с любыми военными секретами. И тогда офицер вкратце обрисовал ему ситуацию.

— Мы знаем, что сейчас руллы скапливаются в районе Солнечной системы. Пока мы не можем не то что уничтожить их, но даже уследить за всеми. Нам важней узнать конечную цель руллов, чем пытаться выловить отдельные группы. Видимо, началась особо крупная операция... Нужна ли вам еще какая-либо информация?

Тревор уже взял себя в руки. Он колебался. Веда сейчас мыла посуду на кухне. Она не должна узнать, что приходили полицейские. Так что следовало поскорей выпроводить их из дома. Но ведь он еще не узнал самого главного.

— Надо так понимать, что вы не будете освобождать Дидди прямо сейчас?

— Пока мы не знаем истинных намерений руллов — нет. Ситуация должна созреть. Вам же не следует вмешиваться. Категорически. Это все, сэр. Вы можете звонить нам время от времени. Мы вам звонить не будем.

— Благодарю вас, — автоматически сказал Джемисон.

Как только звякнул замок, Веда крикнула из кухни:

— Кто приходил, дорогой?

— Искали человека по имени Джемисон. Но нужен им был отнюдь не я. Вышла ошибка.

— А-а... — Она сразу забыла и больше не вспоминала об этом происшествии. Веда думала только о сыне, блуждающем сейчас по ночному городу.

Джемисон заставил себя пойти спать — вернее, сделать вид, что ложится. Исключительно для нее, Веды. Он должен был демонстрировать полное спокойствие.

18

Дидди знал, что не должен сопротивляться, ведь он обязан сорвать планы руллов. Этому его учили в Саду. Сначала нужно выяснить, что на уме у врага, и ждать инструкций. Все дети Земли, прошедшие через Сад, были маленькими солдатами, в любой момент готовыми встать в строй на этой бесконечной страшной войне за выживание человечества.

Пока что руллы притворялись людьми, и Дидди покорно шел за ними. С каждым шагом улица становилась светлее. Вдали на черно-синем небе проступил четкий контур Корабля.

Здания вдоль Проспекта, за день накопившие солнечную энергию, светились. Руллы с Дидди на буксире подошли к барьеру, который пересекал все радиально направленные улицы, отделяя центр города от так называемых Пригородов. Здесь, около бронированной плиты восьмифутовой толщины с прорезанным в ней проходом они и остановились. Взгляды руллов как магнит притягивали расположенные под тонкой решеткой вентиляторы.

В начале войны охраняемые объекты окружа-

ли керамлитовые заборы с электронной защитой. Их — по старой памяти — усиливали колючей проволокой под током высокого напряжения. Но вскоре выяснилось, что ток для руллов — не преграда. Колючей проволоки они просто не чувствуют, а керамлит крошат своим излучением. Уничтожить же сами электронные системы для руллов — проще пареной репы.

Среди ремонтников всегда оказывались диверсанты, убивающие инженеров, ломающие машины. Вооруженные патрули слишком часто убивали своих. И в результате несколько лет назад были созданы вентиляционные барьеры. Постепенно они окружили все спецобъекты в Галактике. Люди его не замечали, но руллов такая преграда убивала за три минуты. Конструкция барьера была строго засекречена.

Теоретически через такие барьеры можно регулярно прогонять все многомиллиардное человечество для очистки его от шпионов, однако на практике это дело нереальное. Барьеров слишком мало, ведь непрерывное производство бактерий, устойчивых к враждебной земной среде, очень трудоемко, требует сложнейшей аппаратуры и потому дорого стоит. К тому же бактерии постоянно мутируют и их штаммы

приходится регулярно обновлять. Так что повсеместно защитные барьеры не соорудить, а раз за разом сгонять огромные массы людей в несколько узких проходов, как скот на бойне, — просто немыслимо.

Дидди воспользовался нерешительностью спутников и сказал:

— Благодарю вас, дальше я могу пойти сам.

Один из шпионов рассмеялся. Его смех вполне мог сойти за человеческий, если бы мальчик не следил за руллами так пристально.

— Слушай, парень... Ты ведь настоящий патриот и должен нам помочь. Не бойся: это не займет много времени.

— Помочь?

— Видишь этот барьер?

Дидди кивнул.

— Отлично. Мы тебе уже говорили, что служим в тайной полиции, которая борется против руллов. Мы постоянно думаем о том, как выловить шпионов, спорим друг с другом. Ну, и однажды нам показалось, что мы обнаружили путь, которым рулл может пройти через барьер и уцелеть. Это очень важное дело. И нам надо все тщательно проверить, прежде чем докладывать наверх. Если мы ошибемся, нас засмеют, а может, и того хуже.

«НИКТО... НЕ ДОЛЖЕН... ПЫТАТЬСЯ НАРУШИТЬ... ПЛАНЫ РУЛЛОВ». Этот приказ столь часто повторяли воспитатели Сада, что сейчас он как эхо прозвучал в голове Дидди. Джемисон-младший колебался, он не знал, сказать ему «да» или «нет». Но годы учебы взяли свое — детей днем и ночью приучали к дисциплине, чтобы они даже и помыслить не могли нарушить приказ.

— Для начала все, что нужно, — пройти через барьер и вернуться назад, — сказал рулл.

Дидди, не говоря ни слова, выполнил все, что от него требовали. Лишь секунду он стоял в нерешительности за барьером: вернуться ли ему к руллам или побежать к зданию в тридцати футах от него? Но тотчас понял, что руллы немедленно убьют его. И вернулся.

По улице в сторону барьера шла группа людей. Руллы и Дидди посторонились, уступая им дорогу. Наверное, это полиция... Мальчику отчаянно хотелось попросить о помощи, но ведь руководству нужно, чтобы все шло по плану. И он не решился открыть рот. Люди неторопливо перешли барьер и скрылись в здании. Рулл сказал:

— Нужно быть осторожными — нас не должны заметить.

У Дидди имелось свое мнение на это счет, но

он промолчал. Наверняка шпион уверен, что маленький мальчик доверчив и глуп и его легко можно обвести вокруг пальца. На этом строилось все их задание.

Они отошли в тень.

— Протяни руку.

Дидди протянул руку. «Сейчас меня убьют», — обреченно подумал он. Мальчик чуть не заплакал, но выдержка, которой его учили в Саду, и тут не изменила ему. Руку пронзила боль, но он был все еще жив!

— Мы взяли у тебя кровь, парень. Видишь ли, мы думаем, что тут все дело в бактериях. Их выбрасывают пульверизаторы один раз в секунду. Мы ничего не чувствуем, хоть в легкие и попадает эта гадость. Бактерии смертельны только для руллов, но безвредны для человека и других гуманоидов. Теперь ты понимаешь?

Дидди был потрясен. Ведь там действительно могут быть бактерии. Мало кто знает, как устроены барьеры. Неужели руллы выяснили это?

Второй рулл делал что-то в тени здания. Там возникали слабые вспышки света. Дидди понял, что тот исследует его кровь, пытаясь понять, что с ней произошло при проходе через барьер.

— Бактерии, попавшие на человека, сразу уми-

рают. Рулла же они «съедают» заживо. Если бы руллы нашли средство защиты от них, то легко прошли бы через барьер — как ты только что. Понял, как важна наша задача? Кажется, мой друг закончил анализ. Подожди немного...

Шпион подошел к своему напарнику. Их разговор длился с минуту. Потом рулл вернулся.

— Теперь, пожалуйста, пробеги сквозь барьер как можно быстрее.

Поколебавшись мгновение, Дидди выполнил его просьбу. Рулл снова взял пробу его крови. После второго обсуждения ситуации шпионы подошли к мальчику. Один из них положил руку ему на плечо. Дидди передернуло, он едва сдержал крик, рвущийся из груди (до него дотронулся червяк!), но рулл так ничего и не заметил.

— Все идет хорошо, но нужны еще эксперименты. Подойди к барьеру, приготовься стартовать и жди моего сигнала. Как только я крикну: «Вперед!», беги что есть мочи. Хорошо?..

Джемисон-младший кивнул и понуро поплелся к этому чертову барьеру, который неожиданно оказался слишком слаб, чтобы защитить Землю от этих чудовищ. Мальчик теперь почти ненавидел его.

— Готов?

— Да.

Шпион смотрел на секундомер.

— Вперед!!! — выкрикнул, как выстрелил, рулл.

Дидди вздрогнул и с места начал спурт, бешено замолотив ногами по стеклолитовому тротуару. Он будто хотел поставить мировой рекорд. Мальчик пронесся далеко за барьер. Когда он вернулся, то уже без понукания протянул руку, чтобы руллы в очередной раз взяли кровь на анализ. И вот через несколько минут тот шпион, что общался с Дидди, вернулся к нему и сказал будничным тоном:

— Можешь идти, парень. Родина тебя не забудет. — Лицо его оставалось неподвижным, совершенно равнодушным. И было непонятно, он страшно доволен или смертельно разочарован проведенными испытаниями.

Джемисон-младший не поверил своим ушам. «Боженька мой, неужели я свободен?!»

— Я точно могу идти?

— Конечно. И спасибо тебе за помощь...

Дидди вздохнул поглубже, вышел из тени здания и двинулся к барьеру. Поначалу он ждал выстрела в спину, но руллы не собирались стрелять. Они шли следом, но не пытались задержать

его.

— Эй, парень! Смотри, тут еще двое ребят. Вы можете искать Звук вместе.

Он обернулся. К барьеру бежали двое мальчишек такого же возраста, как и Дидди. Они возникли словно бы из воздуха, хотя Джемисон-младший от волнения мог запросто прозевать их появление.

— Кто последний добежит, тот рулл! — крикнул один из них, и они молнией понеслись к барьеру.

Это занятие было любимым развлечением миллионов земных мальчишек. Джемисон-младший пошел за ними. В другое время он и сам с удовольствием носился бы наперегонки через барьер.

— Меня зовут Джекки, — сказал один из ребят, остановившись. Он слегка запыхался и ладонью вытер пот со лба. —

— А меня — Джил, — произнес второй, которому было хоть бы хны.

— А я — Дидди, — представился Декстер Джемисон.

У каждого был свой Звук, но ведь искать можно вместе. К мальчикам подкатил кар и остановился, как только его фотоэлементы заметили их. Они сели на мягкие сиденья и помчались по к

центру города.

Дидди никогда не был ночью на Проспекте и в другое время пришел бы в восторг от такой поездки. Но теперь он находился во власти тревоги и сомнений. Кто эти ребята? Руллы? Но это значит, что они научились преодолевать барьер. И то, что они — маленького роста и стремительно пробежали, а не прошли сквозь барьер, — не просто случайность, а единственная возможность миновать его без потерь. Но тогда мы стали беззащитны перед страшным врагом. И неужели именно он, Декстер Джемисон, помог руллам победить землян? Как бы там ни было, Дидди должен сотрудничать с ними. ТАКОВ ЗАКОН, ТАК ЕГО УЧИЛИ.

Он стал искать Источник Звука. Но куда бы он ни заглядывал, Звук не стихал.

Они трое больше не пересекали барьер. Если где и имелась еще какая-нибудь преграда для руллов, то она была неощутима. Двери всех зданий оказались широко раскрыты — заходи куда хочешь. Хуже всего то, что кругом не было ни единой души и никто не мог помочь ему. Только бы узнать, руллы — его спутники или нет! Если это руллы, то вдруг у них есть какое-то сверхмощное оружие, которое может повредить Корабль?

Они вошли в огромное, площадью в половину квадратной мили здание. В здании не было пола: вместо него — гигантская пропасть, наполненная какими-то кубическими конструкциями. Вершина ближайшей из них не доставала четверти мили до пола, сделанного из прочнейшего пластика, прозрачного до такой степени, что и на глубине в несколько миль можно было видеть вспышки гигантских кварковых реакторов.

И в центре этого здания, царства металла и пластика, обнаружилась женщина, живая женщина, показавшаяся Дидди феей из сказки. Одета она была в длинное серебристое платье, по которому при любом движении бежали маленькие блески. Она кивнула мальчикам и дружелюбно спросила:

— Ищите Источник? А я — Чувствующая. — У нее был нежный, ласковый голос. Почти как у мамы.

Джекки и Джил помалкивали, а Дидди сказал, что знает о ней. Он слышал в Саду о таких людях. Они каким-то ненаучным образом могли следить за ходом кварковой реакции. Из-за того, что ЧУВСТВУЮЩИЕ могли регулировать все процессы в своем организме, они жили очень долго — сто с лишним лет.

Дидди был разочарован. Женщина явно не могла разрешить его сомнений, она не подала знака. Но, может, она что-нибудь расскажет ему о Звуке? И потому он спросил:

— А эти реакторы внизу могут издавать звук?

— Конечно.

— Но там же нет ни одной движущейся детали!

Женщина только улыбнулась.

— Вы — хорошие ребята, и я хочу вам помочь. Я шепну каждому на ухо ключ к разгадке. Ты будешь первым. — Она двинулась к Дидди, наклонилась над ним. — Не показывай удивления. Слушай меня внимательно. Иди направо, потом спустишься по эскалатору номер семь — до бруса с надписью «Н» — и в сточном отверстии металлического тротуара найдешь маленький бластер. Если понял меня, то кивни. — Дидди кивнул. — Спрячь бластер в карман и не стреляй без приказа. Счастливо!

— Она выпрямилась. — Ну, а дальше ты сам, — сказала она уже вслух и подошла к Джекки. — Теперь ты...

Тот покачал головой.

— Мне подсказок не нужно — не люблю шептунов.

— Я тоже, — сказал Джил.

Женщина улыбнулась.

— Ну, ладно... Вы знаете, что такое туман, дымка?

— Конденсирующиеся испарения, — отчеканил Джекки.

— Это ключ. А теперь идите — через четыре часа рассвет.

Подойдя к выходу, Дидди обернулся. Женщина теперь выглядела как часть кресла, из-за своей неподвижности и отрешенности во взгляде она казалась неживой. Но отныне он знал: Корабль в опасности. И руллы направлялись именно к нему.

19

Несмотря на волнение, Джемисон все-таки уснул. Слишком много он пережил в своей жизни, и частенько только крепкие нервы спасали его от гибели.

Проснулся он от того, что кто-то теребил его за плечо. Доктор тяжко вздохнул и повернулся на другой бок. «О господи, и тут не дают поспать!» — Тревор решил играть свою роль до конца. Он открыл глаза — на его постели сидела Веда. Он взглянул на часы. Двадцать две минуты третьего.

«Черт возьми, — подумал Джемисон. — Я должен выспаться. Завтра тяжелый день». И это была полная правда. А потому он закрыл слипающиеся глаза.

— Я не могу заснуть, — сказала Веда жалобным голосом. Она выглядела страшно расстроенной, под глазами возникли черные круги. Тревор проснулся окончательно, но не подал вида. — Милый... — Он пошевелился, застонал, но разве ее этим растрогаешь? — Любимый... — Он открыл глаза снова. — Дорогой, проснись, пожалуйста. Я так волнуюсь!

— Ты хочешь, чтобы я не выспался?

— Извини, пожалуйста, я не хотела тебе мешать.

Но было ясно, что она сказала это исключительно для проформы и произнесенные извинения тут же вылетели у нее из головы.

— Милый... — Он не ответил. — Мы должны узнать.

Джемисон настолько вошел в роль, что даже сам испугался, насколько легко ему удавалось быть черствым и безразличным к ближнему своему. Он спросил ворчливо:

— Что узнать?

— Сколько их.

— Кого?

— Ребят на улицах...

— Веда, ведь мне утром на работу.

— Работа... — презрительно сказала она. — Работа! Думаешь ли ты еще о чем-либо?! Остались ли у тебя хоть какие-нибудь чувства?!

Джемисон промолчал, выдерживая паузу в надежде, что жене надоест ждать его реакции и она отправится к себе. Но Веда не уходила.

— Ты и люди, подобные тебе, слишком бесчувственны.

— Если ты пытаешься оскорбить меня, то это

напрасный труд. — Он сел и мысленным приказом включил полный свет. — Дорогая, можешь радоваться. Ты своего добилась — я проснулся.

— И вовремя. Если не позвонишь ты, то это сделаю я.

— Ладно, я позвоню. Но что обо мне подумают люди?.. Только не стой у меня над душой. Сиди здесь.

Он вышел из своей спальни и захлопнул дверь. Затем позвонил по известному номеру. На экране появилось словно тесанное из гранита лицо человека в адмиральской форме. Этот адмирал был хорошо знаком Джемисону.

— Тревор, дело обстоит так: ваш сын — в лапах руллов, правда, теперь уже других. Они как бы передали его с рук на руки. И главное: они прорвались сквозь барьер. Им удалось выяснить единственный доступный для них путь. Они должны бежать, чтобы успеть преодолеть его в перерыве между выбросом бактерий, и быть низкого роста, чтобы находиться намного ниже вентиляторов. Сейчас на Проспекте около сотни руллов в человеческом облике. Они стянуты со всей Солнечной системы — видимо, для какой-то крупной диверсии. За последние полчаса ни один рулл не пересек наш барьер в обратном

направлении — значит, все они там.

— А что с моим сыном?

— Пока он им нужен. Мы стараемся вооружить его.

Доктор понял, что адмирал не скажет ему ничего действительно важного.

— И что же, вы преспокойно позволили сотне руллов проникнуть на Проспект, не зная даже, что они собираются предпринять?

— Нам следует узнать, зачем они это сделали? Почему пошли на огромный риск? Мы во что бы то ни стало должны выяснить их планы. При этом мы сделаем все, чтобы спасти вашего сына. Но обещать я ничего не могу.

Джемисон понял, что для военных смерть Дидди — не более чем прискорбный эпизод бесконечной войны. Газеты напишут потом: «Потери минимальные». Впрочем, они могут сделать из гибели мальчика сенсацию — на один день.

— Извините, — сказал адмирал. — Мне нужно идти. Сейчас ваш сын спускается к Кораблю. Я должен лично наблюдать за всем происходящим. До свидания.

Тревор сжал руку в кулак и постарался успокоиться. Он вернулся в спальню и сказал жене:

— Все в порядке, можешь быть спокойна.

Веда не ответила. Ее голова лежала на подушке — видимо, она прилегла на секунду и мгновенно уснула. Но спала она неспокойно — вскрикивала, вздрагивала, стонала; щеки были мокрыми от слез. И Джемисон решил помочь ей — с помощью безболезненного инъектора ввел в кровь снотворное. Жена тут же расслабилась, дыхание стало ровным.

Доктор позвонил Калебу Карсону и попросил:

— Возьми Эфрами, скажи ему, что он нужен семье. Отвези его к штаб-квартире Службы Безопасности в хорошем контейнере, чтобы никто не заметил.

Потом Тревор быстро оделся и на акваэре помчался к зданию Службы. Он знал, что военные будут против привлечения к операции Эзвала. Но Джемисон имел ряд личных привилегий, так что золотопогонникам придется заткнуться.

— Что она тебе шептала? — спросил Джекки.

— Да то же, что и всем нам, — ответил Дидди.

Они спускались по эскалатору под Проспект. Джекки, казалось, задумался о чем-то. Наконец они достигли тротуара, и Дидди увидел невдалеке брус с буквой «Н». Ехавший сзади Джекки спросил:

— Но какой смысл ей шептать тебе на ухо то же

самое, что потом она сказала вслух?

Дидди вздрогнул, но тотчас взял себя в руки:

— А кто ее знает... Наверное, решила над вами подшутить.

— Подшутить? — недоверчиво переспросил Джил.

Двое руллов двинулись было дальше, а мальчик замер. Ему требовалось каким-то образом незаметно достать из тайника бластер. Он не знал, что придумать.

— Что мы тут потеряли? — раздраженно спросил его Джекки.

— Я устал, — ответил Дидди и уселся на тротуар.

Он запустил руку в выемку в металлическом покрытии и сразу нащупал что-то маленькое и холодное. Наверное, это был бластер. Руллы молча переговаривались друг с другом или еще с кем-либо. Дидди незаметно спрятал оружие в карман. Только теперь он заметил, как дрожит под ним тротуар. Эта дрожь передалась и ему. «Какова же должна быть вибрация под Кораблем?..» — подумал он.

Город был построен из металла. И все антивибрационные покрытия не могли устранить дрожь, что порождали сконцентрированные на малой

площади кварковые реакторы, работающие на предельной нагрузке, и огромные машины, способные штамповать стотонные плиты.

Восемь с половиной лет назад Город был создан для колоссального Корабля. Каждая семья жила здесь либо потому, что кто-то из родителей был специалистом, необходимым для постройки Корабля, либо потому что у них имелся ребенок, который мог на нем полететь. И не было другого пути для людей научиться управлять таким Кораблем, кроме как расти вместе с ним.

В этом Корабле, высотой в десять тысяч футов, был сконцентрирован инженерный гений тысячелетий. Приезжающие на инспекцию государственные чиновники лишь ошеломленно крутили головами. Они поражались акрами машин и приборов, инструментов на каждом этаже.

И когда Корабль полетит — Дидди будет на нем! А пока он стоял, охваченный восторгом. Предчувствие грядущего счастья пересилило остальные его чувства. На мгновение он совсем забыл о идущих за ним следом руллах.

— Пошли, — сказал Джекки. — Зря мы здесь торчим.

— А куда? — спросил возвращенный к реаль-

ности Дидди.

— Как куда? Искать! — был ответ.

— Идемте, — не колеблясь ответил мальчик.

Горящая надпись на кубическом здании небесного цвета гласила: «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР». На площади перед ним толпились мальчишки — группами и поодиночке. Среди них были даже такие карапузы, которые, похоже, только сегодня научились ходить.

«Наверняка среди них есть руллы, — подумал Дидди. — А может, все здесь руллы? — Волна ужаса едва не парализовала его. — Нельзя давать волю таким мыслям», — приказал себе он. Сейчас он был очень похож на своего отца, хотя и не знал этого.

Исследовательский центр. Именно тут выведена бактерия, убивающая руллов. Что здесь нужно руллам? Глупый вопрос. Конечно же, узнать секреты Центра, вывести его из строя, а затем ликвидировать защиту всех военных объектов Земли и союзных ей планет. О такой опасности детей много раз предупреждали в Саду.

Двери Центра, в отличие от предыдущих зданий, были закрыты. А перед ними высился еще один некогда убийственный для руллов барьер.

— Открой дверь, Дидди, — сказал Джекки.

Это была не просьба и не приказ. рулл говорил равнодушным тоном, но мальчик чувствовал: ослушаться он не посмеет.

И тут Джемисон-младший стал свидетелем весьма необычной процедуры: два уже знакомых ему «агента Службы Безопасности» в сопровождении третьего рулла подошли к барьеру, потом один из них встал на карачки, другой схватил его за шкирку и по сигналу незнакомца с нечеловеческой силой швырнул вперед. Тот как камень из пращи пролетел сквозь барьер. В результате рулл оказался в охраняемой зоне, при этом ни капельки не пострадав.

«Летун» встал на ноги, отряхнулся и как ни в чем не бывало окликнул Дидди:

— Привет, парень! Мы ведь уже встречались?

Дидди молча кивнул ему. Чем дальше в лес — тем больше дров...

— Я рад тебя видеть. Мы хотим провести еще один эксперимент. Войди в дверь. Это поможет нам в борьбе с руллами. Ты согласен?

Дидди снова кивнул. Он чувствовал такую слабость, что голос тут же выдал бы его.

— Войди туда, — сказал шпион, — постой несколько секунд, сделай вдох, задержи дыхание и выйди. Это все.

Мальчик вошел в Центр. Дверь с готовностью пропустила человека, а потом автоматически захлопнулась за ним. Мальчик очутился в огромном холле. Здесь не было ни души. Дидди застыл, не решаясь убежать. Что-то не так. Почему же здесь никого нет — ведь все многочисленные институты Исследовательского центра работают круглосуточно?

Дверь снова распахнулась. За порогом, не решаясь войти, стояли «агент», Джекки, Джил и остальные ребята. Они молча глядели на него.

— Выходи, — приказал «агент». — Только сначала вдохни и задержи воздух в легких.

Дидди вдохнул и вышел. Дверь захлопнулась за ним. Рулл протянул ему стеклянную колбу с резиновой трубкой.

— Выдохни.

Что мальчик и сделал. Рулл отдал колбу своему спутнику, который тоже успел перебраться через барьер, и тот отошел с ней за угол.

— Ты ничего не заметил в здании? — спросил оставшийся с Дидди «агент».

— Там какой-то странный воздух: густой, тяжелый. А больше ничего.

— Мы снова должны взять у тебя кровь. Дай палец.

Дидди подчинился. Пробирка отправилась вслед за колбой на анализ. Минуты шли, и вот из-за угла показался второй рулл. Стоявший рядом с мальчиком «агент» пошел ему навстречу. Дидди смотрел на них с усмешкой. Руллы считали его маленьким идиотиком, дергали за ниточки, словно марионетку, даже не представляя, что ребенок может с первых же мгновений раскусить всю их игру.

Потом «агент», который всегда разговаривал с Дидди, вернулся к нему.

— Ты нам очень помог, парень. Теперь и мы сможем внести свой вклад в войну. Оказывается, в воздух внутри Центра примешан газ с фтористыми соединениями. Это само по себе безвредно — даже для рулла. Но если он станет излучать в таком воздухе или разговаривать, немедленно возникнут неустойчивые анионы, которые уничтожат его.

Дидди не совсем понял это объяснение. Химические реакции и соединения он уже проходил в Саду, но мало что помнил.

— Да, — хитро, — удовлетворенно сказал «агент». — Рулл сам себя убивает... А вы, ребята, кажется, хотите войти внутрь? Ну что ж, давайте. И я тоже приду, вот только потолкую немного с

пареньком. Давай, отойдем в сторонку, — сказал он Дидди.

Он отвел Дидди в тень кубического здания, а «дети» потоком хлынули внутрь, чтобы узнать все секреты Исследовательского центра. «Кто-то должен им помешать, — подумал Дидди, — и чем быстрее, тем лучше.

— Могу сказать тебе — по секрету, конечно: ты сегодня сделал очень важную работу. Мы все время думали про Исследовательский центр. После полуночи люди уходят отсюда, а два монтера подключают какое-то оборудование и громкоговоритель над дверью. Наверняка там замаскирован управляющий блок системы слежения. Будь я руллом, я бы легко разрушил эту штуковину... Руллы хотят узнать, чем занимается Центр. А люди слишком надеются на свою бактерию. Если бы шпионы попали в здание, то передать информацию наружу, несмотря на все эти анионы, труда не составило бы. Но теперь мы предотвратим эту возможность.

— Дидди, — сверху раздался едва слышимый шепот, — не подавай вида, что ты меня слышишь.

Дидди сначала напрягся, но потом расслабился. Он знал, что руллы не воспринимают столь

тихого шепота из-за каких-то физиологических особенностей «надеваемого» ими человеческого тела.

— Ты должен войти в здание, стать у двери и ждать инструкций.

Мальчик понял, что источник голоса находится именно над дверью. Рулл ведь говорил ему о размещенном там оборудовании. Но как же войти внутрь, если ему мешает рулл? Тот что-то бубнил о будущем вознаграждении, но Джемисон-младший думал только о том, как попасть в здание.

— Боже мой! — в отчаянии воскликнул Дидди. — Ведь уже наступает рассвет, а я так ничего и не нашел! Послушайте, мне надо туда войти!

— Верно, не станем тратить время зря. Иди и будь осмотрителен там.

Дидди открыл дверь, но тут рулл остановил его.

— Подожди секунду... — Шпион встал на цыпочки и изо всех сил дернул за что-то торчащее из стены над головой. Вырвались из креплений и упали на тротуар куски разноцветных проводов. — Вот теперь можешь идти. Руллы способны подключиться к такой системе. Но больше уж они не смогут за нами подглядывать.

Дидди уходил от одного врага, чтобы тут же

столкнуться с десятками других, но отступать мальчику было некуда. Дверь захлопнулась за ним.

Адмирал огорченно пожал плечами.

— Мне жаль, Тревор, но теперь надежды на его спасение нет. Руллы уничтожили связь и систему слежения. Мы бессильны.

— Что он должен был сделать, адмирал?

— Это не подлежит разглашению.

У Джемисона возникло ощущение, что он разговаривает со скалой. «Сукин сын! Чтоб ты провалился!» — мысленно выругался доктор и прервал связь.

«Я прочел мысли адмирала, — телепатировал из контейнера Эфрами. — Он действительно в панике... Хотите связаться с Дидди, Джемисон?»

«Конечно!»

Идущий по коридору мальчик сначала был напуган раздавшимся в его голове голосом:

«Дидди, сынок! Это твой папа. Я теперь буду с тобой, так что ничего не бойся... Руллы в этом здании безоружны. Их излучение здесь не действует... А теперь загляни-ка вот в эту комнату».

Голос этот был обезличенным, он не имел ни тембра, ни интонации. Сегодня все, кому не лень, пытались командовать Джемисоном-младшим,

но сейчас он постарался убедить себя, что с ним действительно говорит родной отец. И в тот же миг он почувствовал такое облегчение, что едва не расплакался. Совладав с собой, мальчик приоткрыл дверь.

«Я вижу здесь двоих ребят», — мысленно произнес он в надежде, что папа его услышит.

Действительно, в дальнем конце комнаты перед включенным компьютером застыли двое подростков. Дидди замер на пороге, стараясь не дышать. Он хотел бесшумно закрыть дверь и сделать ноги, но голос тут же приказал ему: «Достань бластер и убей их!»

Дидди сунул руку в карман и вынул излучатель. Пять лет его готовили к подобной ситуации, и теперь он был почти спокоен. Нет такого оружия, которым бы он не владел в совершенстве.

Из дула бластера вырвался белый луч, мальчик повел им в сторону руллов, прочерчивая на стене полосу расплавленного пластика. Руллы съежились, почернели и мягко осели на пол, как будто и не были живыми существами.

«Отличный выстрел», — похвалил Эзвал. Это ведь он разговаривал с мальчиком, добросовестно передавая ему слова Джемисона-старшего.

Дети в конце комнаты менялись на глазах —

собственно, это уже были не дети. Хоть Дидди и видел раньше фотографии руллов во плоти, все же он был потрясен.

«Двери здания закрыты, внутрь больше никто не войдет. Обойди здание и убивай каждого, кого встретишь. КАЖДОГО! Без всякой жалости. Здесь нет людей — только руллы. Убивай их без пощады!»

Через несколько минут Эзвал доложил Джемисону: «Ваш сын уничтожил всех руллов в Исследовательском центре. Он будет оставаться в здании до тех пор, пока войсками не будут убиты те, кто снаружи».

«Спасибо, — сказал Тревор. — Это было великолепно».

Потом адмирал с торжеством в голосе рассказывал Джемисону:

— Да, это большая победа. Мы заманили в ловушку множество руллов. Конечно, те, что остались снаружи, пытались сопротивляться, но мы погнали их на барьеры, где уже была заменена бактерия, и им пришел конец. — Он замолчал, потер подбородок. Хотел что-то спросить, но решился не сразу. — Одного не пойму, как ваш сын догадался, что ему следует сделать?

— Ответ на этот вопрос я вынес в специальный

раздел моего рапорта.

— Как, вы уже успели написать рапорт? — удивился тот.

— Само собой, адмирал.

В ночной тьме Дидди сел на аэрокар и полетел на вершину холма, откуда днем был виден Корабль. Здесь уже стояли и сидели несколько ребят. Дидди точно не знал, люди это или руллы, но ведь руллам не было ни малейшего смысла участвовать в подобном ритуале.

Дидди уселся под кустом, рядом с каким-то мальчиком.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Март, — ответил ему отрывистый, но тихий голос.

— Ищешь Источник?

— Ага!

— И я.

Но вот наступил рассвет, и в его багровом свете появился Корабль. Металл его оболочки постепенно запылал отраженным сиянием солнца, которое само еще не появилось. Сияние опускалось по металлу все ниже и ниже, пока из-за горизонта не возник край солнца. И чем выше вставало солнце, тем больше, казалось, становился Корабль. Стоэтажный небоскреб Ад-

министративного Центра выглядел рядом с ним жалкой подпоркой.

С гордостью и восторгом смотрел Дидди на Корабль. Тот словно плыл в солнечных лучах, поднимаясь в небеса. «Пока еще рано, — подумал Дидди, — но этот день придет. Величайший звездолет, созданный человеком, устремится в пространство. И тогда война кончится».

Голод заставил мальчика спуститься с холма. Он перекусил в ближайшем ресторанчике, а потом полетел домой.

Джемисон был в спальне, когда открылась входная дверь. Он сжал пальцы жены, которая под утро проснулась и снова пришла к нему.

— Дидди устал. Пусть отдохнет, — сказал Тревор.

Веда высвободилась и молча ушла в свою спальню.

Мальчик прокрался через темную гостиную и включил свет. Одновременно вспыхнули лампочки на панели домашнего робота-учителя.

— Рапорт, — произнес тот.

— Я понял, что такое Звук, — ответил Джемисон — младший.

— И что же это?

Дидди ответил ему.

— Ты оправдал мои надежды. Теперь иди спать.

Скользнув под одеяло, мальчик вновь ощутил вибрацию. Он слышал скрип пружин и дрожь пластикового окна. Вместе со всеми вещами дрожал пол. Дидди счастливо улыбнулся. Он не удивился появлению звука, который вроде бы исчезал на время его опасного приключения. Это и были «испарения» Астроверфи — туман вибрации. Теперь Звук останется с ним навсегда, даже когда Корабль будет построен. Это — часть его жизни.

Так, с улыбкой на губах он и заснул.

20

Проснулся Джемисон как обычно: сон мгновенно слетел с него, едва он вспомнил о событиях прошедшей ночи. Тревор зашел в спальню жены взглянуть на Веду и облегченно вздохнул — все-таки она отдохнула, да и вставать ей еще не скоро.

Он на цыпочках прокрался в ванную, умылся и в одиночестве съел завтрак. Все это время он думал о том, как прошлая ночь повлияет на будущее Земли. ЕГО Эзвал не подкачал.

На самом деле рапорт Джемисона был еще только в его голове — ему просто захотелось поставить адмирала на место. В своем кабине доктор включил персональный компьютер и стал диктовать фразы рапорта, где назвал происшедшее ночью событие не менее важным, чем постройка Корабля. «Использование телепатии в качестве связи между различными расами — дело дальнейших исследований. Но сам факт существования такой возможности — величайшее событие в истории Галактики».

Когда рапорт был готов, Тревор Джемисон вошел в Сеть и разослал файл всем, кто был в нем

заинтересован.

Первым ответ прислал видный военачальник. «Интересно знать, были ли приняты меры предосторожности при общении Эзвала с людьми, причастными к «закрытым» исследованиям? И не следует ли в этом случае уничтожить Эзвала в качестве предосторожности?»

Этот ответ вызвал у Тревора физическое отвращение — будто ему в лицо дохнуло из помойки. Военные всегда трясутся над своими паршивыми секретами, ценя их во сто крат больше человеческой жизни. И ведь это идиотское мнение тоже будет разослано по всей Галактике!..

Джемисон написал генералу ответ, в котором доказывал, что Эзвал не имел контакта с людьми, располагающими СЕКРЕТНЫМИ СВЕДЕНИЯМИ, если не считать его самого. Тут имелось слабое место: хоть доктор и не являлся высшим офицером или министром, он был полностью осведомлен о многих стратегических проектах землян.

«Кроме того, — продолжал он, — неизвестно, когда еще сложится благоприятная ситуация и к нам в руки попадет столь расположенный к сотрудничеству Эзвал. Я не говорю уже о том, что от сохранения жизни Эфрами зависят будущие отношения со всей расой Эзвалов. Возникаю-

щий контакт будет прерван навсегда, если он погибнет. Ведь его соплеменники когда-нибудь обязательно узнают о случившемся».

Тревор и этот текст отправил по тем же адресам. В целях безопасности он перевел Эзвала в другое место. Официальная версия гласила: теперь инопланетянин гарантированно не будет иметь контактов с носителями секретной информации. До вечера Джемисону по Сети пришло еще несколько откликов — все благожелательные, кроме одного. Один из крупных чиновников гневно спрашивал доктора: «Человек, что за чудовище ты выдаешь за ребенка?!»

На этом закончилась рабочая неделя. Но только не для Тревора Джемисона. Через свой компьютер он вошел в Информационный банк Комитета начальников штабов и сделал запрос о расах, с которыми невозможно установить контакт. А пока шла проверка его допуска, Тревор позвонил Калебу Карсону, чтобы пригласить его на ленч.

Калеб был весьма похож на своего деда, по имени которого и названа планета Эзвалов. Вокруг него всегда сиял ореол успеха, от Карсона-младшего прямо-таки исходили волны энергии. Казалось, он хранит какую-то тайну, которой ни с кем не имеет права делиться.

В «Корабельной каюте», государственном ресторане для высших администраторов, Джемисон посвятил Карсона в свои планы:

— Необходимо отправиться с Эфрами на какую-нибудь неподдающуюся контакту планету и использовать его в качестве посредника.

Калеб кивнул.

— Это верная мысль. У нас появилась возможность влить в Галактическое Содружество несколько миров.

Затем они принялись обсуждать детали освобождения Эзвала. Покончив с ленчем, собеседники кинули прощальный взгляд на силуэт Корабля за окном и направились к выходу из зала.

— Неужели на этом Корабле можно будет достичь родины руллов? — спросил Калеб Карсон.

На такую тему говорить не следовало — он сразу понял это по реакции Тревора Джемисона, который демонстративно забарабанил костяшками пальцев по косяку двери.

— Слушай, брось сердиться! Давай вызовем охрану и пройдем проверку.

— Вот именно, — сразу согласился доктор. — Нам обоим необходимо это сделать.

С полной серьезностью они прошли процедуру проверки и оказались людьми. По крайней ме-

ре, пока не потеряют друг друга из виду. В этом шатком мире, полном шпионов, ясность вообще была понятием относительным. Один неверный вопрос, не так сказанное слово — и человек подвергался проверке. Конечно, желание Карсона пройти проверку говорило само за себя, но порядок есть порядок — дело следовало довести до конца.

— Давай съездим в мой офис, — предложил Джемисон. — Там никто не помешает нам все спокойно обсудить.

По дороге в Центр Калеб сказал:

— Ну, по крайней мере, теперь мы можем быть полностью откровенны. Какими критериями пользуется компьютер при отборе рас?

— Их явная несовместимость с человеком и потенциальная возможность использования в войне с руллами. Необходимо поместить аборигена в экстремальные условия — тогда у него появится устойчивый стимул обратить на нас внимание... И не надо заранее трезвонить о нашей акции. Еще неизвестно, как повернется дело. У меня уже была одна осечка.

И доктор рассказал о неудачной попытке прочесть мысли руллов. Видимо, они в самом деле пришли из другой Галактики. В нашей все формы

жизни должны быть в чем-то схожи.

Вопрос был весьма важным. Человек посылал звездолеты в глубины Галактики, открывал новые миры, постигал тайны жизни, но так и не смог понять, что же такое — жизнь. Можно было лишь гадать об этом, и совпадают ли наши догадки с действительностью — Тревор не знал.

— У тебя есть какая-либо планета на примете? — спросил Карсон.

— Нет, все решит «электронная рулетка».

Они поднялись в кабинет Джемисона. Компьютер сообщил, что долгожданная информация поступила. Доктор вывел текст на экран и присвистнул:

— Так я и думал. Конечно, это Плоя. Что же еще?

— Плояне? — нахмурился Карсон. — Но ведь это миф! Разве они существуют в действительности?

— Понятия не имею. Вот мы во всем и разберемся — раз и навсегда.

Тревор казался довольным. Ему были важны не плояне как таковые, а идея сотрудничества между Эзвалами и людьми, которую можно внедрить в умы только с помощью Эзвала. И плояне были всего лишь пробным камнем.

Шлюпка Джемисона выскользнула из эсминца

и по отлогой траектории устремилась к планете. Доктор осторожно ввел ее в верхние слои атмосферы, чтобы не сжечь обшивку, а в двенадцати милях над поверхностью уменьшил скорость до «черепашьих» тридцати миль в час и перешел в горизонтальный полет.

Тревор приказал люку открыться и стал ждать. Нервы его гуляли, но он решил выдержать намеченный срок до конца. Наконец люк был закрыт. И ничего не произошло. Ни-че-го! Неужто ловлю на живца придется повторять снова и снова?

Внезапно показатели всех приборов резко скакнули. Судно бросало из стороны в сторону, оно начало падать. Шлюпка больше не подчинялась Джемисону, впустую он отдавал команды ходовому компьютеру. Оставалось ждать.

И вот на высоте двенадцать тысяч футов качка прекратилась и судно вошло в заданный режим полета. Это вступила в действие резервная система управления шлюпкой, смонтированная параллельно штатной. Она основывалась не на привычных электросхемах, а на промодулированных силовых полях. Сугубо экспериментальная система: ее применение на космическом корабле само по себе — смертельный риск. Все электричество на судне было выключено. Осве-

щалось оно теперь люминофорами.

Реактивные ускорители вынесли шлюпку в космос. Доктор точно не знал, почему недавно она взбесилась и едва не угробила его. Но, скорее всего, он все-таки поймал плоянина во время спуска — словно бы зачерпнул его из атмосферы планеты.

Первая экспедиция высадилась на Плое около ста лет назад. И почти сразу произошла катастрофа — все металлические части корабля оказались под высоким напряжением. Очень интересное с точки зрения науки явление, которое уже никогда не заинтересует восемьдесят одного человека, погибшего в первый же миг. В живых осталось сто сорок человек, не прикасавшихся к металлу, но двадцать два из них не поняли причины гибели остальных и немного погодя тоже отправились к праотцам.

Прежде всего был выключен ток. Стало ясно, что на борт корабля пробралось какое-то существо, замкнувшее энергосистему. Корабль был обработан специальным составом для полной дезинфекции, но это не помогло. Не помогла и промывка корабля водой под высоким давлением, которую перекачали из ближайшей реки.

Исследователи не могли улететь с Плои, так

как таинственное существо выключило электропитание системы управления маршевыми двигателями. Все прочие системы корабля тоже были под его контролем. Отчаявшийся экипаж радировал о случившемся крейсеру, который все это время оставался на высокой орбите. Сеанс связи едва не окончился трагически, ибо плоянин попытался влезть в питавшие передатчик аккумуляторы.

Командование крейсера проанализировало сложившееся положение, и экипажу ответили:

— Очевидно, аборигены не враждебны человеку, ведь погибли лишь те люди, которые контактировали с металлом. Всех остальных никто не тронул. Изучение проникшего на корабль существа следует проводить с помощью биоприборов, которые будут вам высланы челноком.

На планету перебросили научную экспедицию. Но уникальные «живые» приборы не помогли. Шесть месяцев пропали впустую: контакта не было, не удалось даже определить форму жизни, вызвавшую катастрофу.

И тогда людей вывезли с планеты весьма оригинальным способом: подняли на самодельных воздушных шарах на высоту несколько миль, а уже оттуда подобрали челноком.

Так завершилась первая экспедиция на Плою...

Эту информацию Джемисон получил еще на Земле. А сейчас он сидел в ходовой рубке эсминца, уносившего его прочь от планеты. Делать ему пока было нечего.

Эзвал доложил о присутствии чужого разума на борту шлюпки, но, кроме чувства страха и отчаяния, уловить ничего не смог. Но даже такой скудный результат обрадовал Тревора — он вообще сомневался в наличии разума на Плое, и вот теперь Эзвал доказал, что тот все-таки существует.

В ста световых годах от планеты доктор выключил двигатели корабля и вместе с Эзвалом прошел в специально оборудованную каюту с дублирующим пультом управления. Оттуда он дистанционно открыл люк шлюпки, находившейся в трюме эсминца, и предоставил плоянину свободу действий.

Эфрами сообщал Джемисону: «Вижу картину главной рубки, причем с потолка. Плоянин оценивает обстановку». Это было разумно. Тревор представил себя в такой ситуации. Уж он-то был бы начеку.

«Он — в пульте управления».

— ВНУТРИ?! — изумленно воскликнул доктор.

Эсминец дернулся, сбился с курса. Направление полета Джемисона сейчас не волновало, но что если плоянин замкнул цепи накоротко?.. Доктор представил себе аморфное существо, мечущееся среди множества проводов и приборов и сжигающее все на своем пути, и поежился.

Корабль снова лег на курс. «Он выбрал направление и будет выдерживать его до конца. — Эзвал продолжал комментировать действия плоянина. — О сверхсветовых скоростях он не имеет понятия».

Тревор с сожалением покачал головой и одним движением обесточил весь эсминец. Бедный плоянин!.. В любом случае он — в ловушке. Его раса и представить себе не может того расстояния, на которое он удалился от дома.

«Скажи ему, где он сейчас. Объясни разницу между движением в пространстве и подпространстве».

«Он в ярости».

«Расскажи ему о механизмах, с помощью которых мы можем общаться непосредственно... Кстати, а что он ест?»

И на этот вопрос они впервые получили ответ плоянина. «Он говорит, что умирает с голоду, и мы в этом виноваты!»

Вскоре Джемисон узнал, что плояне питаются непосредственно энергией электромагнитных полей. Чтобы наесться, они замыкали контакты энергосистемы корабля. Это объяснило все неудачи первой экспедиции. Гибель половины экипажа была побочным эффектом «обжираловки», устроенной плоянами.

И когда Тревор выключил питание, плоянин начал умирать с голоду. Доктор допустил его до мощного аварийного аккумулятора и тут же отобрал «кормушку».

«Скажи ему, что пока не научится работать с компьютерным переводчиком, еды не получит».

Уже через день плоянин понимал человеческую речь еще до того, как звуки поступали в переводчик, и освоил основные команды — из того ряда, которому зоопсихологи издавна обучают шимпанзе.

— Да-а, у этого парня неплохие способности к языкам, — сказал Джемисон скорее самому себе, чем Эзвалу.

Эфрами мысленно ответил: «Все электромагнитное поле, которым плоянин в сущности и является, пригодно для использования в качестве памяти. Поэтому он может расширять ее сколько угодно».

Пришла подпространственная депеша с Земли. Калеб Карсон сообщил, что политическая обстановка на планете Карсона изменилась к лучшему, так что вмешательство Галактического Совета больше не требуется. Источник информации — миссис Барбара Уитмен.

— Она сказала, что вы поймете, о чем идет речь, — добавил радист.

— Было время, когда мы сильно не нравились друг другу. — усмехнулся Тревор. — Но уже тогда я предвидел перемену в наших отношениях и оказался прав.

Затем последовала весьма категорическая радиограмма с флагмана земного флота: «Следуйте в восемнадцатый сектор. Координаты планеты 1–8-3–18–26–54. Лично обследуйте ее и доложите. Главнокомандующий Космическими Операциями».

Восемнадцатый сектор был одним из важнейших участков нашей обороны. Естественно, что к Джемисону обратился сам Главнокомандующий. И доктору пришлось нарушить свои планы. Карсону он послал радиограмму: «Ждите меня на орбите Лойолы. — Тревор назвал планету, находящуюся примерно на полпути между ними. — Заберете у меня Эзвала и отправите его на

родину, а дальше действуйте в соответствии с планом».

Оставался плоянин. Делать было нечего, пришлось взять его с собой. «Если хотите когда-нибудь увидеть свою планету, выполняйте мои приказы», — объявил ему Джемисон. И плоянину оставалось лишь подчиниться.

21

Тревор заметил корабль, когда сидел в небольшой ложбине недалеко от своей шлюпки, надиктовывая компьютеру соображения насчет Лаэрта-3. Планета была так близка к невидимой границе между владениями людей и руллов, что ее открытие само по себе уже было великим событием в этой войне.

— С этой планеты, — записывал Джемисон, — можно нанести удар по любому из густо населенных районов Галактики. Поэтому необходимо разместить здесь оружие класса АА. Наиболее мощные батареи следует в течение трех недель установить на горе Монолит.

Как раз тут он и увидел чужой корабль. «Что же делать? — мысли заметались в голове как крысы на тонущем корабле. — Броситься к шлюпке? Но на открытом пространстве меня сразу же обнаружат. А может, это все-таки люди?..»

Так в нерешительности он и просидел на одном месте, пока чужак не приблизился настолько, что на его борту стали видны опознавательные знаки руллов. Это был исследовательский бот неприятельского флота.

Значит, руллы только что открыли систему Лаэрта и по чистой случайности пролетали над местом посадки доктора. За этим ботом могут стоять эскадры крейсеров и линкоров — против одного-единственного Тревора Джемисона. Ведь его эсминец «Орион» даже не подходил к планете — доктор покинул его борт в парсеке от Лаэрта-3, чтобы шлюпка смогла приземлиться незамеченной руллами. И теперь «Орион» ушел к ближайшей базе флота, чтобы забрать оружие, и вернется лишь через десять дней.

До корабля руллов оставалось всего сто футов, и он шел прямо на рощу, где находилась шлюпка Тревора.

Доктор наконец решился, вскочил на ноги, рванул с места как хороший спринтер и, преодолев зону поражения, нырнул в открытый люк. Выстрелов пока не было. Слава Богу, пронесло!

Но едва люк захлопнулся за ним, кто-то огромный ударил по шлюпке, потолок прогнулся, а пол — наоборот — вспучился. Его кораблик буквально расплющило «молотом» силовых полей.

Воздух наполнился дымом. Полуослепший, оглушенный Джемисон скользнул к пульту управления и включил аварийную защиту. Стволы скорострельных бластеров высунулись

в амбразуры броневой обшивки и дали залп по врагу. Взревели вентиляторы, и по кабине пронеслась волна холодного воздуха.

Тревор был сильно контужен. Все силы его ушли на то, чтобы нанести ответный удар. Поэтому он не сразу сообразил, что двигатели не работают. И шлюпка вместо того, чтобы унести его в небо, бессильно лежит на земле.

Доктор бросил взгляд на экраны кругового обзора. Бот руллов мелькнул в нижнем конце одного из них и исчез за деревьями в миле от шлюпки. Через несколько секунд до Джемисона донесся грохот взрыва. Но слишком гладка была траектория падения. РУЛЛЫ НЕ ПОГИБЛИ! И, значит, Тревору придется вступить с ними в смертельную схватку.

Ну а если доктор победит, то последующие десять дней ему придется уповать на то, что люди в космическом сражении сумеют отстоять одну из четырех важнейших планет в Галактике и заберут его с Лаэрта-3.

Джемисон выбрался из шлюпки. Темнело. Времени на раздумья не осталось, и он пошел к ближайшему холму. Причем последние футы — там, где чахлые деревца сменил низкорослый кустарник, — он прополз на четвереньках.

Взобравшись на усыпанную камнями вершину, Тревор осторожно выглянул из-за самого крупного валуна. Вражеский корабль лежал в долине, уткнувшись носом в стену из песчаника. Вот бы добраться туда до полной темноты и уничтожить руллов, пока они не пришли в себя!.. Только тогда у него появятся шансы на спасение.

Ничто не нарушало тишины. Солнце опустилось за горизонт. Сумерки еще не успели сгуститься. Джемисон стал спускаться с холма, то и дело спотыкаясь о корни и выпирающие из земли камни. Пару раз он упал на острые края скальных обломков и подвернул ногу.

Дальше Тревору пришлось прыгать по камням на здоровой ноге, словно подраненному пулей архару. В результате за десять драгоценных минут он преодолел не больше двухсот пятидесяти ярдов. Еще чуть-чуть, и воцарится полный мрак, в котором проклятые руллы видят в десять раз лучше любого человека, несмотря на всю его инфракрасную оптику.

Тревор остановился. В лицо дохнуло холодом: в полночь температура здесь падала до нуля. Дальнейшее продвижение стало слишком опасным. И он отступил.

Всю ночь просидел Джемисон перед экранами

— долгую, бесконечно долгую ночь. Он не мог, не имел права заснуть.

Тревор напряженно вглядывался во мрак. Вдруг что-то мелькнуло в углу одного из экранов. Доктор тотчас приготовился открыть огонь из бластеров. Но движение не повторилось. Почудилось, наверное...

В таком положении и застал его рассвет. Глаза неудержимо слипались, а голова валилась на грудь. Джемисон проглотил вторую таблетку против сна и снова — на всякий случай — попробовал запустить двигатели. Как и следовало ожидать, они по-прежнему были мертвее мертвого. Починить их можно только на «Орионе».

Судьбой было суждено, чтобы их поединок состоялся на одной из самых причудливых гор в Галактике — пике Монолит, отвесно вздымающемся ввысь над планетой. Ведь доктор приземлился не где-нибудь, а на плоской вершине Монолита. Если не знать, что ты находишься на высоте восемь тысяч двести футов над уровнем моря, то полное впечатление: ты — на равнине.

На сотнях планет побывал Тревор, каждый раз снова уносясь в вечную тьму к голубым, красным, оранжевым, белым огонькам новых звезд. И вот теперь ему предстоит самая тяжелая схватка в

его жизни, схватка с самым хитрым и жестоким врагом во вселенной.

Солнце Лаэрта-3 уже поднялось над горой. При свете дня преимущество руллов над человеком было не столь значительным. Доктор взял с собой ручной бластер с детектором, который должен был реагировать на любое движение в радиусе пятисот ярдов, водрузил на плечо два снятых со шлюпки стационарных бластера с программными блоками и вышел из покореженного суденышка.

По дороге к месту падения руллов. которая на поверку оказалась не такой уж и трудной, на него так никто и не напал. Это не понравилось Джемисону — значит, враг устроил ловушку. С помощью тысячекратного биноктара Тревор внимательно осмотрел бот руллов и окружающую местность. На круглом экране детектора — чистая сетка координат. Никого и ничего. Если это засада, то весьма искусная — он слеп, а значит, абсолютно беспомощен.

И тогда доктор нацелил бластер туда, где броня прикрывала корабельный реактор руллов, и дал полную мощность. Корпус вражеского судна оставался невредимым. Лазерный луч рикошетил, расходясь веером, выжигал причудливые

борозды в земле, спиливал ближайшие деревья, прорубал просеки в кустарнике и даже грозил поразить самого стрелка. Джемисон упрямо продолжал давить на спуск и лишь через пять минут прекратил огонь.

Техника руллов в очередной раз оказалась на высоте. Защитные экраны включились, едва он начал стрелять, или заработали еще после его вчерашнего выстрела и непрерывно действовали всю ночь. Как бы там ни было, вражеский бот был неуязвим.

Это и было самое плохое — Тревор совершенно не знал своего противника. Руллы могли быть ранены. Но даже если они мертвы, их оборона уже победила его. Вполне вероятно: они оставили где-нибудь еще один гипнотический знак. Джемисон поймал себя на том, что избегает смотреть вокруг.

Еще один вариант — руллы просто-напросто отсиживаются под надежной защитой, дожидаясь прибытия большого звездолета, который и доставил в систему Лаэрта их бот. Тут Тревору и придет конец.

Джемисон принялся изучать повреждения вражеского корабля. На бортах пробоин не было, зато дно вспучилось в нескольких местах, в прораны с

рваными краями внутренности бота можно было рассмотреть на глубину до четырех футов. Судя по всему, реактор его должен был дать течь.

Насколько Тревор разбирался в исследовательских судах руллов, впереди размещалась боевая рубка, управляющая огневыми установками, ходовая рубка, затем — каюты экипажа, цейхгаузы с научным оборудованием и запасами пищи, а позади — машинный отсек с кварковым реактором, маршевые и тормозные двигатели... Запасы пищи! Этот отсек поврежден больше всех — пища заражена. Враги остались без еды!

У Джемисона появилась надежда. Установив напротив корабельных люков бластеры, он настроил их на автоматический огонь: едва рулл снимет защиту, откроется дверь и-и-и... Сделав это, доктор решил вернуться на шлюпку. Повернулся к скале, мимо которой только что спокойно прошел. НА ПОВЕРХНОСТИ СКАЛЫ БЫЛ ВЫРЕЗАН ЗНАК! Извилистые линии — результаты изучения человеческой психики нечеловеческим разумом. Тревор замер в ужасе.

«Где я? — подумал он. После путешествия на Миру-23 доктор узнал, что эти линии заставляют человека двигаться в определенном направлении. — Куда же сейчас?» Джемисон не мог

побороть в себе желание смотреть на эту треклятую скалу. Его неудержимо тянуло увидеть их еще раз, и он был бессилен что-либо сделать.

Пять волнистых линий на вертикали и три горизонтальные над ними — указывающие на восток, в пропасть! Тревор двинулся туда. В отчаянии он пытался по дороге ухватиться за выступы скалы, цеплялся за край пропасти. Его волю парализовало, и медленно, но верно он сползал вниз. Последняя его мысль была: «РУЛЛЫ ВЫЖИЛИ». Таков был смысл знака. А потом наступила тьма.

22

Он пришел из далекой Галактики — холодный, безжалостный Вождь Вождей, ЙЕЛИ, МИИНШЛИ, ИИН РИА, и прочая, и прочая... О, велика была его власть над жизнью и смертью подданных, над кораблями Лирда!..

Велика была и его ярость, когда он узнал, что его приказ не исполнен. Давно уже приказал он завоевать еще одну Галактику. Но те-кто-не-был-так-совершенен преступно медлили. Почему? В чем сила этих примитивных двуногих, с самыми обычными звездолетами, вполне уязвимыми крепостями и вовсе никудышными союзниками? Однако ж они остановили тех-кто-обладал-более-высокой-нервной-системой.

«Достать мне живого человека!» — разнесся по всем уголкам Галактики приказ. И человек был доставлен — пленный с захваченного руллами изрешеченного крейсера, тупой моряк с коэффициентом интеллекта, равным 96 и индексом страха 207. После нескольких попыток самоубийства и судорог на лабораторном столе он умер во время экспериментов, которые наблюдал сам Йели.

— Это не противник, — сказал он.

— Живыми нам удалось захватить совсем немногих, — был ответ. — Они убивают себя так же, как и мы.

— Значит, среди них есть и совсем другие... Пленный не должен чувствовать себя пленным. Приступайте!

Приказ был выполнен. Йели прибыл к звезде, возле которой появился человек, уже наблюдавшийся семь периодов назад.

— Человек в маленькой шлюпке, — рапортовали наблюдатели, — неожиданно появился из подпространства в районе звезды. Мы считаем, что это идеальная ситуация для эксперимента. Мы не высаживали десант на планету, и наше присутствие не обнаружено. Люди уже побывали на планете. Подопытный сел на вершине странной горы. Повторяем, обстановка идеальна для эксперимента.

Пространство вокруг планеты патрулировалось. Йели спустился в маленьком боте без охраны — он презирал врага. Пролетев над горой, он вывел из строя шлюпку противника, но... сам был подбит и выжил чудом. Радиопередатчик поврежден, пища отравлена. Эксперимент вышел из-под контроля. По правде сказать, он недооце-

нил своего противника.

Йели решил убить человека, завладеть его пищей — с тем, чтобы дожить до той поры, когда патруль спустится за ним. Организм рулла, очень постаравшись, мог переварить кое-что из человеческого продовольствия, хотя удовольствия от подобной процедуры он не испытал бы ни малейшего.

Сначала Йели обследовал местность, затем прошел по периметру обороны противника, наконец вернулся к своему кораблю и нарисовал на скале символ, подчиняющий человека. Это его спасло — теперь противник «пойман» и «связан». Это было великолепно, но... и сам он оказался в ловушке. Установленные напротив люков земные бластеры нацелены на корабль. Надо предполагать худшее: едва Йели попытается выйти наружу, бот будет изрешечен. Он заперт!!!

Обнаружив, что его блокировали, рулл бросился к аварийному выходу под днищем бота, но его заклинило при ударе о землю. Он не может выйти! Выйти как раз тогда, когда это более всего необходимо.

«Вообще говоря, нет необходимости убивать человека сразу, — в успокоенный временем разум приходят мудрые мысли. — Если я получу

его пищу, то человека можно оставить в живых. Но пока человек выведен из строя, нужно найти выход. Чертов случай!» — До чего же Йели не любил неожиданности!

Корабли Лирда непрерывно раздвигали пространство жизни. Существа, оказавшиеся на их пути, безусловно подлежали уничтожению — необходимость в них отпала, когда было создано высшее существо. Они могли создать угрозу для РИА. Случай — вот самый страшный враг руллов.

Люк нужно было открыть во что бы то ни стало. Рулл начал вырезать его лазерным лучом. Но работа шла медленно — автоматические заводы Лирда делают очень прочную броню. Металлокерамическая обшивка раскалялась и нещадно «пылила». То и дело Йели приходилось забираться в рубку и проводить вентиляцию грузового отсека — иначе там просто нечем было дышать.

Солнце висело в зените, когда броневая плита наконец поддалась. Весь в металлической пыли, злой и голодный, Йели вышел наружу. К этому времени у него пропала всякая охота продолжать эксперимент — нужно было спасать свою жизнь. Нужно убить человека и съесть его, чтобы выжить до прихода патруля. Угораздило его так

рисковать! Он подполз к обрыву, слез по крутому склону на уступ... Внизу никого не было!

Не спеша, соблюдая предельную осторожность, рулл подобрался к кораблю врага. Защитные экраны были включены — правда, неизвестно когда: может быть, еще утром. Есть вероятность, что человек свалился с уступа в следующую, более глубокую пропасть, и его разбитое тело лежит где-то у подножия горы. Но, скорее всего, каким-то чудом он вернул себе контроль над телом и сейчас сидит в корабле, поджидая его, Йели.

Теперь рулл не имел ни малейшего понятия, что делает человек, и преимущество было не на его стороне. Пришлось вернуться в бот. Голод нарастал час от часу. Вокруг — никого и ничего съедобного.

Так проходили дни...

Джемисон очнулся от боли. Сначала она была всепоглощающей, перекатывалась от головы к ногам, как волна. Но постепенно она сконцентрировалась в его левой ноге. Он понял, что растянул связку на уже поврежденной вчера ноге. Это была, конечно, не единственная, но самая болезненная травма.

Когда Тревор открыл глаза, то обнаружил солнце почти в зените. Долго же он лежал тут!..

Сначала доктор бездумно смотрел на солнце, выползающее из-за нависшего над ним края обрыва, и только когда на него легла тень скалы, вспомнил, что смертельная опасность не исчезла. Это окончательно привело его в сознание. Что же касается гипнотического знака, то, выполнив свою задачу — толкнув Джемисона в пропасть, он исчерпал свою власть над Тревором.

Джемисон лежал на краю уступа; чуть дальше был отвесный обрыв — верная смерть для любого, кому суждено туда сорваться. Видимо, при падении ноги доктора запутались в жестком кустарнике — это его и спасло. Тревор приступил к штурму горы: поначалу ему помогали шершавая почва и корни растений, но когда до края обрыва осталось всего десять футов, дала о себе знать растянутая связка. Он сделал четыре попытки взобраться наверх и каждый раз сползал по склону. Наконец ему удалось зацепиться за корень и выбраться на плоскую вершину Монолита.

Она расстилалась перед ним совершенно пустынная. Только звук его шагов нарушал тишину. Хромая Джемисон направился к шлюпке, лежавшей на дальнем краю вершины. Он по-прежнему не знал, что случилось с руллами, и пока нога не заживет, вряд ли он это выяснит.

Тревор подошел к шлюпке уже в темноте, так и не узнав, что в очередной раз чудом разминулся с врагом. Сварливый голос компьютерного переводчика встретил его на пороге:

— Когда меня накормят? Когда меня вернут домой?

Это был плоянин с его коронным вопросом о возвращении. Доктор совсем забыл о нем.

«Накормив» его, Джемисон задумался над давно мучившим его вопросом: как объяснить этому наивному существу суть войны? А тем более — их нынешнее положение. Наконец он сказал плоянину:

— Не сердись, я верну тебя домой. — Этого оказалось достаточно, чтобы плоянин успокоился.

А Тревор думал над тем, как использовать его против руллов. Но применения не было. Ну, какой вред голодному руллу от того, что противник мог бы контролировать полет его подстреленного бота?

23

Джемисон проснулся от стука своего сердца. Встал с койки, надел комбинезон, подошел к пульту. Радиопередатчик был мертв, да и бесполезен он на таком расстоянии от земных кораблей. Тревор намертво отрезан от мира. Он зачем-то поиграл с настройкой приемника, забредя в район рулловских частот. Но и здесь царило молчание.

«А что, если провести эксперимент? — подумал доктор. — МЫ ОБА — ПЛЕННИКИ. Пленники случая, среды, друг друга. И каждый не обязан совершать самоубийство... Идеальная среда. Многое можно узнать: почему руллы уничтожают другие расы; откуда такая безжалостность и — одновременно — готовность к самопожертвованию; можно ли ими управлять?»

Мысль о таком эксперименте не оставляла Джемисона ни на минуту. Иногда он садился у пульта и осматривал окрестности — бесплодную пустыню, скалы, пропасти. Тюрьма. Ловушка. И он пойман в нее. Он, Тревор Джемисон, к чьему голосу прислушивался Галактический Конгресс! Он находится здесь, в разбитой шлюпке, с ноющей ногой... И готовит эксперимент.

На третий день нога прошла. Тревор немедленно принялся за работу. Осуществить детально продуманный план не составило труда: из подручных средств он сделал киноэкран — своего рода огромный плоский телевизор. Затем написал сценарий, превратил его в программу и ввел в маленький компьютер, вмонтированный в ребро этого самого экрана.

Джемисон установил экран в двухстах ярдах от шлюпки, позади деревьев, а рядом положил коробку с едой.

Прошел день, шестой по счету на планете. Наступила ночь.

24

Скользящей тенью рулл прошмыгнул к экрану, единственной сияющей точке в беззвездной ночи Лаэрта-3. Он одновременно чуял и пищу, и ловушку.

Шесть дней Йели просидел без еды. Это отбросило его разум на несколько эпох назад — таковы уж свойства рулловского мозга, которому необходима постоянная подпитка энергией. Йели почти не разбирал цветов, потерял ряд других жизненно важных способностей. Нервная система рулла походила на истощенный аккумулятор, от которого один за другим отключались «приборы». Он знал, что если медлить дальше, они никогда снова не подключатся. Он и так превратился в тень. Еще немного, и ему, Верховному Айишу Йелла, придется покончить счеты с жизнью.

Рулл пристально смотрел на установленный землянином экран. Там развертывалась картина всего происходящего на планете с того момента, как шлюпка Джемисона покинула борт эсминца. Эсминец ушел к базе. Шлюпка приземлилась на горе. Затем развернулся бой и так далее...

После встречи с гипнотическим знаком по-

ложение землянина казалось безнадежным, но экран показал, каким образом человеку удалось спастись. А потом на «сцене» появился рулл, который подошел к ящику, открыл его и поел. Технология была показана детально.

Рулл знал, что перед ним ловушка — возможно, смертельная, но делать было нечего. Это его единственный шанс. Неизвестно, сколько времени будут ждать командиры кораблей, оставаться на высокой орбите, не смея нарушить его приказ. Но они его нарушат — так или иначе. Хотя бы тогда, когда к планете подойдет вражеская эскадра.

И рулл нажал рычаг, открывающий ящик.

Джемисон проснулся. Ревела сирена. Снаружи была тьма — до рассвета оставалось три часа. Сирена означала, что ящик с едой открыли. Она гудела двадцать пять минут, потом оборвалась. Однако доктор ошибся в том, сколько времени понадобится руллу, чтобы проглотить три фунта жратвы. Ослабевший от голода враг и ел-то сегодня со скоростью черепахи.

Двадцать с лишним минут он подвергался гипнозу, точно так же, как в земных лабораториях — пленные руллы. Но те при пробуждении убивали себя. Поэтому ксенопсихологи до сих пор не получили доказательств того, что у руллов суще-

ствует подсознание. Теперь эти доказательства появились.

Тревор снова лег на койку, он улыбался. Он был слишком взволнован, чтобы уснуть. Произошло величайшее событие в войне с руллами — его нельзя было не отметить. И доктор раскупорил давным-давно припасенную бутылочку джина и выпил за удачу.

Каждая раса знала сильные и слабые стороны другой, но по-разному применяли эти знания. Руллы — для истребления всех прочих рас, люди — для установления хороших отношений с союзниками. Но друг с другом они были одинаково жестоки и беспощадны, и постороннему наблюдателю трудно было бы их отличить. При этом цели людей и руллов разнились, как черное и белое, как тьма и свет.

И потому цель оправдывала средства...

Джемисон, хоть и изрядно повеселел, хватанув джина, но трезвости ума не потерял. Вернувшись в постель, он принялся обдумывать кое-какие детали операции. Ничто нельзя сбрасывать со счетов, нельзя недооценивать рулла. Наконец Тревор заснул сном человека, принявшего ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ решение, — совершенно спокойного, уверенного в своей правоте.

Утром Джемисон надел костюм с электроподогревом и вышел в зябкий туман. Ледяной ветер дул с востока, но он не замечал его. В это утро решалось многое. Необходима была предельная осторожность.

Взяв бластер и детектор движения, Тревор направился к стоявшему на возвышении экрану. Доктор еще раз проверил, в порядке ли компьютер, и поставил новый ящик с едой. В свете фонарика опустошенный руллом ящик вдруг странно заблестел — его поверхность казалась отполированной.

«Странно, — подумал Джемисон и присмотрелся внимательнее. Металл был покрыт чем-то вроде лака. Он соскоблил немного субстанции для анализа и направился к шлюпке. — Что же это такое? Где я видел это вещество?»

Так он и стоял в замешательстве у открытого люка суденышка, пока не увидел рулла.

Едва насытившись, Йели вспомнил все. Он вспомнил свою цель и, напрягая скудные силы, пополз к боту.

Накануне он почувствовал остаточные волны гашения гравитации, все еще пульсирующие в одном из пяти антигравитаторов, которые стали бесполезным хламом после выхода из

строя корабельного реактора. Руллы обладают специальным органом, ощущающим изменения гравиполя. Сейчас у Йели он напрочь отказал, но еще вчера от него был толк.

Казалось, антигравитатор намертво приварен к внутреннему корпусу бота. Пришлось повозиться. К тому же следовало быть предельно острожным: одно неверное движение — и можно схватить дозу радиации. Рулл часто делал передышки и снова брался за молекулярный резак. Только через пять часов он высвободил антигравитатор из недр корабля и бережно вынул его из переплетения шлангов и проводов.

Йели был все еще слишком слаб, чтобы напасть на человека — он двигался чересчур медленно, но с помощью антигравитатора можно было попытаться. И хотя его мощности хватит только на одну попытку, рулл не сомневался в успехе.

Теперь он жаждал лишь смерти двуногого. Не зря человек кормил его — это входило в какой-то дьявольский эксперимент. Единственный выход — убить. И рулл был уверен, что убьет человека, — ведь на ящике остался «лак».

Йели прикрепил антигравитатор к сиденью, превратив его в некое подобие летательного аппарата, из последних сил поволок это сооружение

в заросли и, когда дело было сделано, притаился там. У него было время прийти в себя. Рулл умел ждать...

То, что случилось с Джемисоном, произошло по его вине. Ведь он видел в Службе Безопасности найденные у мертвых и пленных руллов аналогичные «лаку» вещества. И вот результат — он снова под контролем.

Тут-то и появился рулл. Он вылетел из рощи, сидя в какой-то ведьминой ступе. Тревор был поражен, ведь в боте не оставалось источника антигравитации. Там вообще не имелось никакой энергии! Ошибка... Вот она, очередная его ошибка! И вот он, рулл!

Движение антигравитатора было основано на вращении планеты: он летел со скоростью около восьмисот миль в час — с той же, с какой Лаэрт-3 вращался вокруг своей оси. Этого было вполне достаточно, чтобы налететь на землянина как вихрь.

Рулл несся к нему. Джемисон выхватил бластер — и тут-то вступил в действие «лак». «Не стреляй!» — приказал Тревору внутренний голос. Медленно, очень медленно, преодолевая тугое сопротивление ставшего резиной воздуха, доктор поднял бластер, но так и не смог выстрелить.

Рулл был уже на расстоянии десяти футов. Доктора спасло то, что враг не учел бокового ветра, к тому же в этот момент энергия «гравилета» резко пошла на убыль. Как падающий лист, подхваченный порывом ветра, ступа накренившись пронеслась над Джемисоном, и тут его палец все-таки сумел надавить на спуск. Лазерный луч попал в днище «гравилета». Тот рухнул, врезавшись в гущу кустарника в нескольких ярдах от доктора.

Тревор не спешил. Когда он подошел к зарослям, рулл уже скрылся в роще. Доктор его не преследовал. Он выволок из кустов и осмотрел «гравилет». Поразительно, как рулл сумел воспользоваться этой самоделкой без каких-либо приборов.

Но раз он все-таки сделал это, почему же тогда не спустился на нем с горы на равнину? Там, в лесу, была пища и ни одного живого врага. Ответ на этот вопрос был прост: энергии антигравитатора едва хватило на сто футов полета, а до леса была, по меньшей мере, миля.

Тревор сбросил «гравилет» в ближайшую пропасть и вернулся к шлюпке. Там он исследовал пробу «лака». Тот не был радиоактивен, но превращал солнечный свет в электромагнитные

волны той же частоты, на которой работал мозг человека. Что было записано в этом веществе? Доктор перевел цифровой код в образы, снял с полки книгу «Символическая интерпретация подсознательных образов», открыл главу «Запрещающие символы». Найдя там искомое, он прочел: «Не убивай!»

— Тра-та-та-та! — громко выругался Джемисон. — Надо же было мне попасться!

Он больше не верил самому себе. Ведь он и в самом деле не хотел убивать. Но рулл не мог знать об этом. Образы подавляли сопротивление даже при смертельной угрозе. Страшное дело... Оставалось надеяться, что это последняя ловушка врага.

Больше рисковать доктор не имел права. Эксперимент следовало отложить до прибытия «Ориона». Иначе рулл угробит Тревора его же собственными руками.

25

В ночь перед возвращением «Ориона» Джемисон не поставил у экрана коробку с едой. Утром он попробовал связаться с эсминцем. Эфир молчал. Наконец он прекратил бессмысленные попытки и вышел наружу. Он стал готовиться к решающему эксперименту с гипноизлучателем, действию которого рулл подвергался уже четыре ночи подряд.

В какой-то момент Тревор не выдержал, вернулся в шлюпку и снова слушал эфир. И вот, когда уже не было никакой надежды, приемник вдруг заработал:

— Тревор Джемисон! Говорит «Орион». Мы слышали вас, но не отвечали, так как в окрестностях планеты курсирует флот руллов. Через пять минут мы попробуем вытащить вас отсюда. БРОСЬТЕ ВСЕ И ПРИГОТОВЬТЕСЬ К ЭВАКУАЦИИ.

На экране радара Джемисон увидел две жирные зеленые точки. Они стремительно перемещались к его центру. «Сейчас они будут здесь!» — понял доктор и выскочил из люка. И вот прямо над шлюпкой пронеслись вражеские линкоры. Они были видны невооруженным глазом.

Ураганный ветер повалил Тревора на землю, и он ухватился за ветки кустов. Но вот руки соскользнули, и Джемисон кубарем покатился под уклон. Линкоры сделали крутой разворот и понеслись прямо на него. Тревор попал в какую-то ямку, вжался в нее и замер, приготовившись к смерти.

Но удар был предназначен не ему — на такой скорости руллам было не разглядеть лежащего на земле маленького человечка. Взрыв подбросил в воздух и, как щепочку, швырнул в пропасть его шлюпку. Ударная волна буквально вбила Джемисона в землю, едва не порвав ему барабанные перепонки.

А потом появился третий корабль, но Джемисон не успел определить его принадлежность. Возникшая над головой темная точка тут же исчезла. А потом заработал наручный приемник:

— Мы бессильны. Держитесь. Четыре наших линкора и эскадра дерутся с врагом, пытаясь заманить его к ближайшей звезде Вьянке, где находится наш флот. В случае успеха...

Вспышка — где-то далеко в небе — оборвала передачу. Прошла минута, прежде чем Тревор услышал взрыв. Звук постепенно замер. Наступила оглушительная тишина, в которой таилась

угроза.

Доктор поднялся на ноги. Нужно было спасаться. Шлюпки больше нет. Он потерял последнюю свою защиту, оставшись почти с голыми руками против огневых рубок вражеского флота.

Джемисон был один на краю пропасти. Мозг его работал на всю катушку — едва не дымился. Доктор понял, что руллы преследовали не его. Они просто вели разведку и заодно уничтожили вражескую шлюпку. И пока они не вернулись, ему нужно успеть выполнить поставленную задачу. Пошатываясь от усталости, он потащил свой экран к кустам. За ними скрывался рулл, ЕГО рулл, который обучался тому, чему хотел его научить Тревор.

Процесс пошел... Наступила решающая стадия обработки врага. Джемисон полностью контролировал изображение, отбрасывая всю ненужную информацию, чтобы усилить воздействие, — надо было спешить. Темп фильма то замедлялся, то ускорялся. Рулл то отскакивал как ошпаренный, то опять подползал к экрану.

Идея эксперимента была проста. Еще в XX веке русский ученый Павлов создал теорию рефлексов. В его опытах собака получала пищу по звонку, и вскоре пищеварительная система выделяла

желудочный сок тоже по звонку — независимо от того, кормили собаку или нет.

Тогда эта теория не могла использоваться для того, что сделал сейчас Джемисон, — для обучения существа чужой разумной расы. Тем более рулла. Раньше они вовсе не поддавались обучению. И вот Тревор в одном шаге от успеха, от которого зависит судьба человеческой цивилизации. Но как мало времени ему отведено! И потому промедление смерти подобно.

Вперед, назад, назад, вперед — диктовал ритм. Рулл не мог обратиться в бегство — так же, как собаки Павлова не могли не выделять сок по звонку. Тревор диктовал рулл у задачу, которую предстояло решить им обоим.

И вот трехмерное цветное изображение Джемисона на экране сменил реальный человек, подходивший к своему противнику все ближе и ближе. Сейчас все решится! Рулл отдаст мысленный приказ и остановит дыхание... Но ничего не произошло — враг неподвижно сидел на земле. Доктор добился того, что рулл потерял свою агрессивность и не смог убить себя.

Осталась еще одна задача. Хватит ли времени?.. Но другой такой возможности не представится никогда! У Джемисона не было выбора. Он попы-

тался. И он успел. Цель была достигнута.

Тревор потратил десять минут на то, чтобы передать по радио сообщение. Ответа не последовало. Сделав все, что было в его силах, он вместе с руллом устремился к обрыву. Он взглянул вниз и содрогнулся. Но ведь боевой флот руллов кружит в окрестностях планеты. «Быстрее!» — приказал он себе.

Джемисон спустил рулла на первый уступ, вбил крюк в край обрыва, и тогда рулл, как завзятый альпинист в связке, спустил его к себе. Потом доктор спустил рулла еще ниже, а тот спустил его и так далее. Они были соединены одной веревкой, переброшенной через крюк, который Тревор каждый раз вбивал все ниже.

Джемисон смертельно устал. Он уже не надеялся спуститься на равнину до ночи. Но рулл смотрел на него все пристальней — гипноз терял над ним свою власть.

В четыре часа дня Тревор решил все-таки сделать привал. Он бессильно рухнул на маленький уступчик, который им удалось обнаружить на склоне горы. Небо над ним было чистое, безоблачное. Даже не верилось, что там, в недосягаемой его глубине, развернулась самая крупная битва за последнее десятилетие. Нужно отдать дань

пяти земным кораблям — ни один рулловский звездолет не спустился на Лаэрт-3 за руллом.

Доктор прикинул пройденное ими расстояние — около двух третей. Рулл тоже смотрел вниз, в долину. Там стеной стоял лес, лес без конца, лишь в одном месте рассекаемый рекой.

И снова был спуск. В половине седьмого они оказались в ста пятидесяти футах над равниной. Этот отрезок пути можно было преодолеть за один прием, но тогда придется освободить рулла — спускаться здесь нужно поодиночке.

Джемисон мельком посмотрел на врага. Рулл ждал приказа. Доктор повелительно махнул рукой, мол, давай вниз! А в правой он на всякий случай сжимал бластер.

Рулл спустился на равнину и тут же бросился к ближайшим деревьям. Тревор немного подождал, потом спустился сам. При этом он, как назло, сильно поранил руки о веревку. В полутьме пальцы казались ему серыми, да и вообще выглядели как-то странно.

Доктор побледнел. Тут явно не обошлось без рулла! Страшная боль пронзила его тело. Задыхаясь, Джемисон снова выхватил из кобуры на поясе бластер. Он хотел застрелиться, но не успел. Рука замерла на полпути к виску. Доктор

рухнул на землю и потерял сознание. Канат был отравлен.

Йели ждал развязки, спрятавшись за деревьями. Потом он скользнул к упавшему человеку и схватил его бластер. Он выиграл, все-таки выиграл! Рулл нашел в кармане врага универсальный ключ, вошел в валяющуюся неподалеку земную шлюпку, и через несколько минут ее радиостанция передала приказ флоту руллов.

Джемисон лежал на столе посреди странной комнаты. Он понял, что оказался внутри рулловского звездолета. Тревор не знал, куда тот направляется, но уж точно не к Земле.

Его ничто не привязывало к столу, но двигаться он не мог. Он не сразу понял, что вверху, на потолке, был расположен источник гравитационных волн, придавливающий его к столу.

Джемисон приготовился умереть. Он представил себе, каким пыткам его вскоре подвергнут. Давно было известно, что если вжиться в образ, представить себе адские пытки — как будто они происходят наяву, то без особых усилий можно покончить с собой, остановив сердце. Этим он усиленно и занимался, как вдруг над его ухом раздался капризный голос:

— Ну, когда же меня наконец вернут домой!?

Это снова был плоянин, который уцелел при падении шлюпки с вершины Монолита и затем перебрался в рулловский корабль. Оправившись от шока, Тревор тихо спросил его:

— Ты можешь кое-что сделать для меня?

— Конечно, — ответил плоянин.

— Войди в этот ящик надо мной и замкни цепь на себя.

— Готово.

Источник гравиволн был выведен из строя. Джемисон тут же сел на своем ложе.

— Ты ознакомился со звездолетом?

— Да.

— Есть ли здесь место, где сходятся все энерговоды?

— Да.

— Зайди туда, замкни их на корпус корабля и возвращайся.

— Вы так добры ко мне.

Тревор вскочил на пластмассовый квадрат в центре отсека. Спустя миг сто тысяч вольт пронизали вражеский корабль.

— Готово, — доложил плоянин.

— Сколько руллов выжило?

— Около ста.

Доктор объяснил ему схему радиорубки.

— Сообщай мне, если кто-то попытается подойти к ней. Ток будешь пускать только по моей команде. Ясно?

— Я все понял, — ответил плоянин.

Теперь Джемисон имел огромное преимущество перед руллами — он мог беспрепятственно передвигаться по кораблю и знал, когда можно, а когда нельзя прикасаться к металлу.

Он без приключений прошел в боевую рубку, к пультам управления огнем и славно поработал там резаком. На выходе к нему присоединился плоянин.

— Сюда идут руллы. Нужно уходить.

Они направились к ближайшей шлюпке и через пять минут оказались в космосе. Орудия линкора были выведены из строя, и он стал совершенно беспомощным.

... На борту «Ориона» Тревор очутился только через пять дней.

Йели не было на звездолете, который вез Джемисона, и потому он уцелел. Ему доложили о произошедшем. Свита считала, что виновников немедленно подвергнут жестокому наказанию, но Верховный Рулл сказал:

— Да, это действительно сильный враг. Он слишком опасен.

Йели вспомнил неделю своего позора на Лаэрте-3. Кажется, это был первый случай, когда Йин Риа лично посетил линию фронта. Тогда вся Риа с трепетом и ужасом ожидала новостей с передовой. И чем кончилась эта экспедиция!..

Верховный Рулл продолжал:

— Мне кажется, мы ошиблись. Враги скрыли многие свои качества и способности. Война слишком затянулась. Имперский Совет должен пересмотреть стратегический план. Нам придется постепенно свернуть здесь военные действия и переключить свое внимание на другие Галактики.

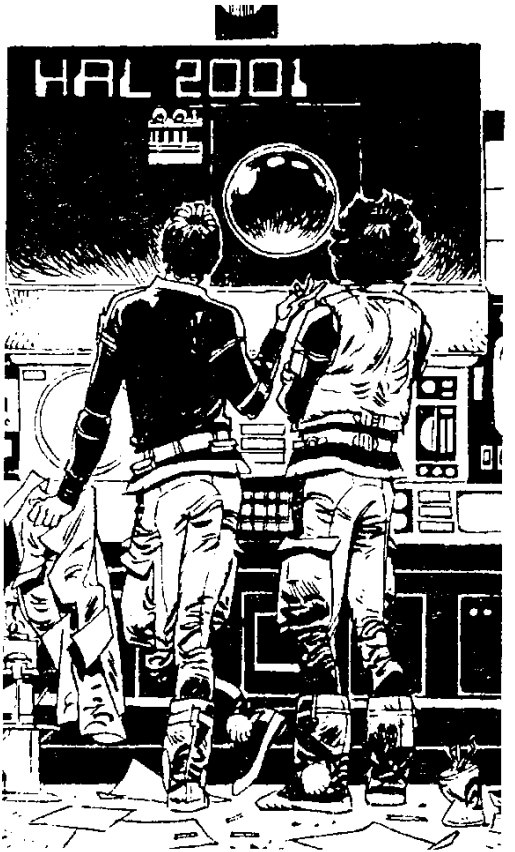
А за сотни парсеков от него Джемисон, в свою очередь, рапортовал Галактическому Конгрессу:

— Это был, вероятно, очень большой начальник у руллов. Я добился успеха с помощью гипноза. Мне удалось внушить ему, что руллы нас недооценили и должны прекратить войну.

Но прежде, чем война кончилась, прошли годы. А пока все были восхищены тем, что Эзвал сумел установить контакт с новым союзником — плоянином, оказавшим людям бесценную помощь. Это привело к новым контактам между расами.

Решением Конгресса за выдающиеся заслуги перед цивилизацией Тревору Джемисону было

присвоено звание «ПОСОЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». Он вернулся на планету Карсона с неограниченными полномочиями. Впоследствии легенды сделали Джемисона послом человечества у руллов. Но не это было главным — главное, что галактическая война с руллами была выиграна.


HAL 2001

Странник

Часть первая. Космический странник

20-й год полета

Краешком глаза Томас Стрейнжбери заметил, что по лестнице, ведущей на капитанский мостик космического корабля, поднимается Дженерети. Стрейнжбери почувствовал смутное раздражение: «Какого черта! Этому парню нечего делать на капитанском мостике!»

Стрейнжбери наградил Дженерети свирепым взглядом, но тому, похоже, было наплевать.

В свои девятнадцать Джей Дженерети был высоким, крепким парнем с упрямой челюстью и воинственными манерами. Как и Стрейнжбери, он родился на борту космического корабля. Однако Дженерети не был офицером, и ему не разрешалось находиться на капитанском мостике. Но он оказался тут, поэтому у Стрейнжбери, вне зависимости от старой неприязни к Дженерети, появилась возможность продемонстрировать свою власть.

Кроме того, через пять минут у Томаса заканчивалась вахта...

Дженерети преодолел последнюю ступеньку, шагнул на ковровое покрытие капитанского мостика. Должно быть, он выполнял какое-то пору чение кого-то из офицеров. Когда он поднял взгляд и увидел черные, сверкающие звездами небеса, его дыхание стало прерывистым. Он остановился в нерешительности в дюжине шагов от Томаса, задрав голову и потрясенно уставившись в космическую бездну. Его реакция удивила офицера. Раньше Стрейнжбери с подобным не сталкивался. Оказывается, на космическом корабле и в самом деле были люди, видевшие космос только на вспомогательных видеоэкранах.

Совершенная, абсолютная прозрачность обзорного экрана капитанского мостика создавала полную иллюзию присутствия в темном, пустом космосе. Такая штука и впрямь потрясала человека, не привыкшего к подобным зрелищам.

Стрейнжбери охватило неосознанное чувство превосходства. Он-то с раннего детства имел право находиться на капитанском мостике. Для него все, что существовало вне корабля, казалось таким же естественным и обыденным, как и сам корабль.

Стрейнжбери заметил, что Дженерети постепенно приходит в себя после первоначального

потрясения.

— Да-а, это действительно круто,— пробормотал он.— Которое из них — Центавр?

— Вот то, — Стрейнжбери указал на очень яркую звезду, сверкавшую за направляющими астронавигационного планшета.

На капитанском мостике было запрещено разговаривать с гражданскими членами экипажа, и Томас сам удивился тому, что позволил себе ответить этому бесцеремонному парню.

Может, это случилось из-за ауры силы, исходившей от Дженерети. Но скорее всего поступить так Томаса побудило желание хоть отчасти сблизиться с другими молодыми людьми на корабле, ведь Джей считался одним из лидеров.

Этикет требовал, чтобы сын капитана, держался особняком. Однако Стрейнжбери понимал, что принадлежность к «правящей элите» корабля обрекает его на одиночество.

Томас вдруг представил себе картину: он влачит жизнь затворника, точно так же как его отец. Живет, всеми покинутый...

Молодой человек тряхнул головой, пытаясь отогнать подобные мысли.

Через несколько минут окончится его вахта. И тогда Стрейнжбери мягко, но решительно от-

ведет Дженерети вниз по трапу и дружелюбно поговорит с ним. И тут Томас заметил, что Джей ухмыляется..

— У меня что-то не так с лицом? — ехидно спросил он. — Ты так на меня уставился!

Стрейнжбери промолчал.

Дженерети опять задрал голову, разглядывая звездные россыпи.

— А здорово нас облапошили, — проворчал он. — Мол, каких-то поганых четыре года полета со скоростью света — и мы на месте! Надули по полной программе!

— Осталось всего девять лет, — возразил Стрейнжбери. — Еще лет девять, и мы у цели.

— Угу! — цинично согласился Джей. — Девять лет... Пустяки.

Он помолчал немного, а потом спросил:

— А которая тут Земля?

Стрейнжбери указал на противоположную сторону мостика. Один из его векторов-направляющих планшета всегда указывал на Солнце.

Около минуты Дженерети внимательно разглядывал бледную звездочку. Выражение его лица изменилось, теперь на нем ясно читалось уныние, плечи опустились. От прежней самоуверенности не осталось и следа. Наконец он

прошептал:

— Это так далеко отсюда, так далеко... Поверни мы сейчас назад, тебе и мне было бы по сорок лет, когда мы бы вернулись на Землю...

Внезапно Дженерети шагнул к Стрейнжбери и схватил его за плечи.

— Подумать только! — воскликнул Джей. — Сорок лет. Половина жизни, отпущенной нам, — в мусоросборник! Но все-таки есть шанс немного поразвлечься, а? — Он подмигнул Томасу. — Если мы немедленно повернем назад! Скажи, ты мог бы повернуть корабль?

Стрейнжбери освободился из объятий Дженерети. Он был смущен и рассержен. Больше года он не слышал подобных разговоров. Тогда отец Стрейнжбери положил конец всем недовольствам. Капитан корабля сумел убедить малодушных, что второй полет к Альфе Центавра — дело стоящее. Разговоры прекратились.

— Что ты несешь? — строго спросил Стрейнжбери.

Казалось, Дженерети и сам осознал свою глупость.

Он отступил на шаг, смущенно улыбнулся:

— Да это я так. Ясное дело, глупо: повернуть назад, когда до финиша вдвое ближе, чем до старта.

Глупо же вот так вот взять и повернуть, верно? Но просто интересно: ты мог бы это сделать?

— Да, мог бы, — Томас на миг ощутил гордость от своего превосходства над этим сильным и таким уверенным в себе парнем.

Томас прекрасно знал, что лишь немногие из членов экипажа космического корабля считают значимой подлинную цель экспедиции. Но все прекрасно помнят, что где-то там, в глубинах космоса, осталась Земля... Томас знал, что молодежь, выросшая на корабле, как и он сам, считает Стрейнжбери-старшего старым придурком. Но еще он знал и то, что старик гордится своим правом управлять жизнью корабля. Иногда Томасу казалось, что отец знает нечто такое, о чем остальные и понятия не имеют. И именно это помогает Стрейнжбери-старшему поддерживать порядок. С другой стороны, Томас уже не раз размышлял о том, что, быть может, отец его не прав... И это угнетало Стрейнжбери-младшего точно так же, как и его ровесника Джея. Он видел земную жизнь лишь в записях корабельной фильмотеки. Но этого было достаточно, чтобы осудить тех, кто по собственному произволу лишил его, Джея и остальных родины и обрек на скитания в космосе. И главным виновником, безусловно, был его

отец. Ведь именно Стрейнжбери-старший, капитан, принял решение продолжать путь, когда выяснилось, что путешествие займет куда больше четырех лет. Не будь Томас сыном капитана, он не стал бы скрывать, что полностью разделяет точку зрения Дженерети.

Стрейнжбери взглянул на часы. Он успокоился, увидев, что уже пора включать автопилот. Его вахта окончилась. Он повернулся к консоли, привычно оценил навигационную картинку, показания контрольных систем, вывел на дисплей данные, полученные от дежурного физика, убедился, что все параметры соответствуют норме, и передал бразды правления автоматике. С этого момента, в течение двенадцати часов, кораблем будут управлять электроника. Потом на шесть часов вахту примет Кэрсон. Следующим будет старший помощник; еще через двенадцать часов, начнется вахта второго помощника, его сменит третий помощник — Браун. И наконец, когда пройдут очередные двенадцать часов автоматического полета, Стрейнжбери вновь вернется на капитанский мостик.

Так протекала жизнь корабля. Такой порядок установили, когда Стрейнжбери исполнилось четырнадцать лет. Конечно, нести вахту дело не

трудное. Но для высших офицеров корабля право встать на капитанский мостик считалось не работой, а почетной обязанностью. Каждый член экипажа ревниво оберегал свои должностные обязанности, а уж о высших офицерах и говорить нечего. Каждый из них всегда заступал на вахту с точностью до минуты. Несколько лет назад Браун встал на вахту с коляской и дежурил вместе с крохотным сыном, который был так тяжело болен, что отец не хотел оставить его ни на минуту. Но Браун даже и не подумал о том, чтобы попросить кого-то подменить его на капитанском мостике.

Такая преданность долгу удивляла Стрейнжбери. В тот раз Томас даже спросил отца, почему Браун поступил подобным образом. И старик объяснил сыну:

— Право стоять на вахте — знак отличия каждого офицера. Помни об этом и не относись к своим обязанностям столь легковесно, как нынешняя молодежь. Мы — офицеры, мы — правящий класс на этом корабле, мой мальчик. Обращайся ко всем людям с уважением, но не забывай о том, что я сказал. Поддерживай своих офицеров, и они в ответ поддержат тебя. Если мы перестанем соблюдать традиции и поддерживать дисциплину, то неминуемо потеряем власть и уважение

экипажа.

Томас ничего не имел против того, чтобы сохранить преимущества своего положения. К этому времени он уже успел их оценить. Например, то из них, что многие девушки очень благосклонно относились к вниманию со стороны капитанского сына...

Отогнав приятные видения, Стрейнжбери заторопился. До начала киносеанса осталось немного, а Томас хотел еще перед этим принять душ.

Стрейнжбери заметил, как Дженерети посмотрел на часы на бортовой консоли. И решительно шагнул вперед, преградив путь Томасу Стрейнжбери.

— Не торопись, Томми, — сказал он. — Я хочу сообщить тебе кое-что важное.

— Ты уверен, что это так важно? — недовольно спросил Томас.

— Суди сам, — Джей усмехнулся. — Через пять минут после начала фильма мы собираемся избавить стариков от груза ответственности.

— Что ты имеешь в виду? — холодея, пробормотал Томас.

— То, что сказал. Мы намерены захватить корабль.

Рука Стрейнжбери рефлекторно потянулась к

бластеру, но Джей перехватил его запястье.

— Не торопись, Том, — спокойно произнес он. — Сначала дослушай. Мы не причиним вреда старым придуркам, если они будут вести себя прилично. А ты... Тебя мы хотели бы сделать нашим капитаном. Что скажешь?

— Мне надо подумать, — пробормотал Стрейнжбери.

— Думай, — согласился Джей, не отпуская руки Томаса. — У тебя есть целая минута.

— Ты что, смеешься? — изумился Стрейнжбери. — Мне нужны сутки, а лучше — неделя! Это же серьезное дело!

— Да, — согласился Дженерети. — Очень серьезное. Поэтому мы не можем дать тебе сутки. Твой старик что-то пронюхал. Если все раскроется, прольется много крови. Мы-то от своего не отступим. Если ты не согласен — дело твое. Мы найдем другого капитана. Хотя лично я считаю, что ты — самый подходящий.

Несмотря на ситуацию, похвала Дженерети необычайно польстила Томасу. Она подтолкнула его принять решение. В конце концов, эти парни не собираются никому причинить вреда, а старикам и впрямь пора уступить место более сильным и энергичным.

— Хорошо, — произнес он. — Я согласен. Что дальше?

— Одно условие, — сказал Дженерети.

— Какое?

— Мы поворачиваем обратно. Обратно к Земле, — уточнил он, заметив растерянное выражение на лице Томаса. — Ты ведь сказал, что сможешь это сделать? Сможешь?

— Да. Да, я смогу!

Внезапно Стрейнжбери почувствовал решимость. Он тоже хотел увидеть Землю. Не меньше, чем Джей. Славную, добрую, прекрасную Землю...

— Отлично! — Дженерети отпустил его руку и тут же быстрым движением выдернул из кобуры бластер Томаса. Еще одно движение — и блок кристалл-накопителя исчез у Джея в кармане, и он протянул Стрейнжбери бластер, превратившийся в безопасную конструкцию из металла и пластика.

— На всякий случай, — заметил Джей. — Кстати, имей в виду, что если ты попытаешься предупредить кого-нибудь, ничего хорошего из этого не выйдет. Мы не отступим, и тогда уж без крови не обойдется. А ты не станешь капитаном.

— Я же сказал, что согласен! — обиженно запро-

тестовал Томас, но Джей продолжал, игнорируя его обиду:

— Наша задача — действовать уверенно и не сделать ничего, что могло бы вызвать подозрение. Это означает, что каждый из нас, включая и тебя, должен вести себя, как обычно. Что ты собирался сейчас сделать?

— Пойти в каюту и принять душ,— ответил Стрейнжбери.

Он начал приходить в себя после первого потрясения, вызванного известием о заговоре. Мысль о том, что размеренная жизнь корабля может в один миг измениться, взбудоражила его. Но еще больше его потрясло осознание того, что безумное путешествие в бесконечность будет прекращено. Наконец-то...

— Ладно, — сказал Дженерети. — Иди прими душ. А я отправлюсь с тобой. На всякий случай.

— Будет лучше, если я не пойду домой, — с сомнением пробормотал Стрейнжбери.

— И твой отец начнет что-то подозревать!

Стрейнжбери было нелегко. Он понял, что отныне он — один из заговорщиков, почувствовал, что на этом пути его будут подстерегать неведомые опасности. Несмотря на душевные волнения, зарождающиеся в потаенных глубинах его души,

он еще держал себя в руках.

— Отец еще больше удивится, когда увидит нас вместе, — сказал он. — Кстати, ты ему не нравишься.

— Не нравлюсь! — Дженерети повторил слова Стрейнжбери так воинственно, что неожиданно в сердце сына капитана закралось сомнение.— Ладно, убедил. Пойдем прямо в кинозал. Но помни, мои слова. Следи за собой. Держи себя в руках и ничему не удивляйся. Будь готов шагнуть вперед и принять командование.

Он положил руку на плечо Стрейнжбери.

— Мы победим, — торжественно объявил он. — Мы сделаем это!

Томас увидел капельки пота на лбу Джея. И внезапно сыну капитана пришло в голову, что Дженерети далеко не так уверен в успехе, как пытается показать.

И только минутой позже, когда молодые люди уже спустились с мостика, Стрейнжбери почувствовал насколько напряжены его мускулы. Он был готов к борьбе.

* * *

Стрейнжбери плюхнулся в кресло и заерзал, устраиваясь поудобнее. Тем временем в кинозале

погас свет. Опоздавшие на сеанс ощупью искали свои места. У Стрейнжбери еще было время отказаться от предложения Дженерети. Однако если он не собирался поддерживать мятеж, то ему следовало действовать немедленно.

Томас слышал, как Дженерети, стоя в проходе, говорил что-то какому-то парню, но не слышал, что именно. Чуть позже Джей опустился на сиденье рядом со Стрейнжбери и наклонился к сыну капитана:

— Еще несколько минут, и все будут в сборе, — объявил он. — Когда двери закроют, мы получим знак. Начнется сеанс. В темноте я поднимусь на сцену. Мое появление там — сигнал к началу мятежа. Ты пойдешь со мной.

Стрейнжбери кивнул. Однако происходящее ему не нравилось. Только что он сочувствовал мятежникам, а вот сейчас его охватил страх перед возможными последствиями их необдуманных поступков. Стрейнжбери не мог представить себе, что может случиться. Полное и всеобъемлющее чувство надвигающейся опасности охватило его.

Раздался звонок.

— Фильм начинается,— прошептал Дженерети.

Время неумолимо бежало вперед. Неожиданно

Стрейнжбери захотелось что-то предпринять. Его неуверенность росла. У него появилось твердое убеждение, что он поспешил, согласившись поддержать мятежников. Что, если они используют его на первой стадии восстания, а позже, когда потребность в нем отпадет, попросту сместят Томаса с поста капитана... который в любом случае достался бы ему после смерти отца, вместе с правом решать: продолжать ли движение к созвездию Центавра или повернуть обратно? Неожиданно Стрейнжбери понял, что ничего не выиграет от победы Дженерети.

С отчаянием сын капитана заерзал на стуле, напряженно оглядываясь и пытаясь придумать, как удрать от мятежников.

Глаза его уже привыкли к темноте.

На самом деле в зале было не так уж и темно. С одной стороны от Стрейнжбери сидел пожилой мужчина — третий помощник капитана. Рядом — его жена. Третий помощник перехватил пристальный взгляд Томаса и кивнул.

Стрейнжбери улыбнулся, потом повернулся в другую сторону. Джей, находящийся рядом с ним, спросил:

— А где Кэрсон?

Кинозал, как обычно, был полон. Внимательно

вглядываясь в темноту, Стрейнжбери обнаружил старшего помощника Кэрсона, сидящего почти в последнем ряду, а потом увидел второго помощника, тяжело плюхнувшегося на одно из свободных мест в первом ряду. Из старших офицеров не пришел только капитан, Стрейнжбери-старший. Это немного обеспокоило Томаса.

Хотя каждый из членов команды мог смотреть любые фильмы в своей каюте в любое время, три раза в неделю в кинозале проводился показ фильмов. Три раза в неделю восемьсот человек собирались вместе, чтобы тихо и внимательно посмотреть какой-то эпизод из жизни далекой Земли. По мнению психологов, это должно было способствовать единению экипажа. Редко кто пропускал эти киносеансы.

Капитан должен был вот-вот появиться.

Стрейнжбери приготовился к неприятностям. Вот на экране промелькнули первые кадры фильма, затем включилось музыкальное сопровождение. Голос за кадром сказал что-то о «важности тяжелых испытаний», потом пошли титры картины. В этот момент Стрейнжбери повернулся и посмотрел на то место, где обычно сидел его отец.

Кресло было пустым.

Случай совершенно необычный. Отсутствие капитана на обязательном просмотре вызвало у Стрейнжбери предчувствие надвигающейся катастрофы. Ведь Дженерети тоже намекал, что капитан догадывается о заговоре.

Если так, то такой проницательный и опытный человек, как Стрейнжбери-старший, несомненно принял меры, чтобы мятеж провалился. Да разве может какой-то сопляк Дженерети провести самого капитана. Что ж, если так, то путешествие продолжится и дальше. Эта мысль еще больше расстроила Стрейнжбери. «Надежда Человечества», покинув Землю, пробыла в космосе уже семь тысяч восемьсот дней. И кто знает, что ждет землян к конце пути?

Стрейнжбери колебался. Стоит ли присоединяться к Дженерети? Не лучше ли представить тому действовать без помощи Томаса? Если восстание провалится, никто не узнает о том, что сын капитана был готов поддержать мятежников. Да, именно так. Он не будет ни во что вмешиваться, пока ситуация не определится.

Приняв решение, Стрейнжбери со вздохом откинулся на спинку сиденья. Раздражение уступило место разочарованию. Только сейчас он обратил внимание на экран.

Показывали суд. Военный трибунал.

Молодой мужчина с бледным лицом стоял перед судьями. Чуть поодаль, за решеткой дожидались своей очереди еще шестеро.

Говорил прокурор. Томас успел уловить только часть речи.

— ... Действия этих людей — государственная измена. Они принесли присягу и находились на военной службе, как и любой из астронавтов. Их преступное деяние...

Стрейнжбери отвлекло движение в зале. Вздох облегчения слетел с его губ, когда он увидел отца, пробирающегося по темному залу, чтобы занять свое место. Может быть, опоздание капитана вызвано чем-то незначительным? Еще несколько минут — и мятежники начнут действовать.

— ... Действия обвиняемых можно однозначно трактовать как мятеж! — рявкнули динамики.

Томас вздрогнул.

Там, на экране, прокурор обратил к зрителям мрачное лицо:

— Это мятеж! И есть только одно наказание, соответствующее такому преступлению. Я требую смертной казни для всего экипажа!

Только теперь Томас начал соображать, что происходит на экране. И, черт возьми, та ситуа-

ция удивительно напоминала ту, что сложилась на их корабле. Дьявол! Он ведь тоже принес присягу! И Дженерети приносил присягу. И все заговорщики, кроме, может быть, самых молодых.

— ... Ваше последнее слово, подсудимый? — это произнес уже не прокурор, а один из судей — военный с золотым шитьем на погонах, старик, чем-то похожий на отца Томаса.

— ... Поймите нас, сэр! Мы... Мы больше не могли! — возразил один из подсудимых прерывающимся от волнения голосом. — Мы так далеко... от Земли... У нас не было никакой связи. Семь лет одиночества в космосе... Там, в пространстве, свои законы. Если бы мы могли... Мы так хотели вернуться домой...

До сознания Стрейнжбери дошло, что зал словно замер. И сам он тоже застыл, ожидая, каким будет решение трибунала.

Приговор огласил председатель, тот самый старик с золотым шитьем на погонах.

— Мятеж, — сказал он, — это всегда мятеж. Где бы он не происходил: на Земле, Луне или в открытом космосе. Приговор всегда один: смерть.

Томас покосился на Дженерети. Тот сидел, напряженный, вцепившийся в подлокотники. Нет, Джей теперь вряд ли взойдет на сцену. На кой

черт ему теперь возвращаться на Землю? Чтобы умереть?

Томас похлопал его по колену.

— Накопитель от бластера, — вполголоса произнес Стрейнжбери. — Отдай.

Дженерети вздрогнул, сделал движение, словно собирался встать, но тут же опомнился и молча протянул блок Томасу.

Стрейнжбери так же молча вставил его в бластер.

* * *

Через несколько часов Стрейнжбери зашел в проекционную.

— Здравствуйте, Джонатан, — обратился он к худому, средних лет мужчине, который озабоченно переставлял коробки с видеодисками.

Джонатан вежливо кивнул, узнав посетителя. Однако на лице его было написано удивление. Почему сын капитана зашел сюда? Поведение техника напомнило Стрейнжбери, что на космическом корабле нельзя с пренебрежением относиться к любому члену экипажа, даже если этот человек с невысоким служебным положением.

— Необычный фильм вы показалили нам сего-

дня, — небрежно произнес юноша.

— А, вы об этом? — пробормотал Джонатан. — Меня тоже несколько удивило, когда ваш отец связался со мной и попросил показать именно этот фильм. Он очень старый... Вы изучали историю первых межпланетных путешествий?

Стрейнжбери не смог заставить себя ответить. Он просто кивнул, а потом молча вышел, почти ничего не видя перед собой.

Не менее часа он бродил по кораблю. Ему следовало набраться решимости, чтобы повидать отца.

После смерти матери отец и сын как будто отдалились друг от друга.

Томас отыскал отца в просторной жилой каюте в капитанских апартаментах. Семидесятилетний Джон Стрейнжбери просматривал какие-то записи. Заметив, что вошел сын, капитан кивнул ему и продолжил чтение.

Прошло несколько минут, пока взгляд отца снова обратился к сыну.

— Тебе что-нибудь нужно? — сухо спросил он.

Томас молчал, не смея поднять на отца глаза.

— Я могу что-нибудь сделать для тебя? — чуть мягче спросил капитан.

Томас заколебался. Неясные, противоречивые

чувства переполняли его. Должен ли он рассказать о мятежниках? И о своих собственных мыслях?

Неожиданно Томас произнес совсем не то, что собирался:

— Отец, скажи, почему мать покончила с собой?

Капитан Стрейнжбери отложил бумаги в сторону.

Он медленно, глубоко вздохнул, словно собираясь с силами.

— Что ж, — произнес он медленно. — Ты имеешь право задать этот вопрос. И я тебе отвечу.

Глаза капитана вспыхнули, но голос был холоден, как сам космос.

— Да, я тоже думаю, что имею право это знать,— словно оправдываясь, пробормотал Томас.

Наступила тишина... пауза затягивалась. Лицо старика оставалось бледным, в уголках глаз сверкнули слезинки. Или это только показалось Томасу?

— Знаешь, — проговорил он, — мама никогда не говорила о тебе... хорошо. Но я никогда не понимал почему.

Капитан кивнул, скорее всего, самому себе. Он, казалось, пришел к какому-то решению, плечи

его распрямились, в голосе зазвучали стальные нотки:

— Я допустил ошибку, сынок. Мне не следовало жениться на твоей матери. Но она слишком долго находилась под моей опекой. Она выросла у меня на глазах... И мне не хотелось, чтобы она досталась другому мужчине... Нет, не так... Я действительно любил ее. Но мне следовало сдержать свои чувства. Со временем она вышла бы замуж за молодого человека своего поколения... Но я убедил себя, что она будет в конце концов счастлива и со мной. Так что она доверилась мне, а я предал ее доверие. Твоя мать была для меня больше дочерью, чем любовницей. Но нам было неплохо вместе... Пока не случилась эта история с Тэлли...

— С научным руководителем экспедиции?

— Да. И моим другом. Мы были друзьями, Том. И коллегами. Одними из лучших астрофизиков Земли. Проект «Надежда» был нашим проектом. И твоя мать...

— Капитан замолчал, потер рукой лоб, —... после его гибели твоя мать перестала мне доверять.

Стрейнжбери никогда не задумывался о том, что происходило на корабле в те времена, когда

его мать была молодой. Для него было трудно понять, что послужило причиной ее гибели. Еще он подумал о том, что отец и в самом деле говорит с ним начистоту. Поэтому он продолжил расспросы:

— Она как-то сказала... — тут он заколебался, —... она сказала мне, что смерть Тэлли была не случайной. Она сказала, что ты его убил.

Щеки отца стали еще белее, плечи его вновь поникли. Старик замолчал, на лице его появилась жалкая улыбка.

— Да, — сказал он. — Мне она тоже это говорила. Все не так просто, мой мальчик. Только время рассудит, Том, кто из нас был прав. Но должен тебе сказать, я не убивал его. По крайней мере сознательно. Это был несчастный случай. Мы оба слишком устали... Нервничали. Тэлли решил сдаться. А я был уверен, что мы сможем одержать верх. Когда-нибудь я расскажу тебе об этом подробнее. Я расскажу тебе о той долгой, изматывающей борьбе. С моим талантом и со знаниями Тэлли мы могли одержать верх. Но Тэлли сломался. — Стрейнжбери-старший тяжело вздохнул и продолжил говорить только через некоторое время. — Я могу объяснить все, что случилось тогда... Сразу после старта — Тэлли считал, что это

не требует доказательств — наш корабль должен был разогнаться почти до скорости, близкой к скорости света, и, таким образом, мы собирались на практике проверить теорию сжатия времени при релятивистских скоростях. Но... мы не смогли разогнать корабль до нужной скорости. Двигатели нашего звездолета оказались намного слабее, чем выходило по расчетам Тэлли. Как только он понял, что наша экспедиция продлится намного дольше, чем планировалось, он предложил повернуть назад. Естественно, я не согласился. Я не мог согласиться. Позже я объясню тебе почему. Но Тэлли впал в истерику. Он повел себя совсем не так, как подобает офицеру... старшему офицеру. Из-за этого он допустил роковую ошибку. Это можно считать несчастным случаем...

— Тогда почему мать обвиняла тебя в убийстве?

Старший Стрейнжбери пожал плечами.

— Твоя мать никогда не понимала, что Тэлли и я спорили только по научным вопросам. Но она знала, что Тэлли хотел вернуться на Землю. И она тоже хотела вернуться. Из-за этого она переметнулась на его сторону, стала утверждать, что Тэлли, как астрофизик, больший специалист, чем я. Она утверждала, что моя теория — чушь,

что с нашим Солнцем ничего не случится...

— А с ним что-то должно случиться? — удивился Томас.

Стрейнжбери-старший вздохнул.

— Мне следовало больше внимания уделять твоему образованию, — сказал он. — Ты же не механик с нижней палубы. Ты должен знать правду. Ты должен понимать причины тех или иных поступков.

— Прости, — тихо пробормотал молодой Стрейнжбери. Затем он добавил. — Наверное, я глупей тебя. Я так и не разобрался ни в теории сжатия Лоренца-Фитцджеральда, ни в твоих открытиях. Я только понял, что все это послужило причиной для организации этой экспедиции. Но твои выводы... Они довольно туманны.

Старик внимательно посмотрел на сына.

— Я выдвинул довольно сложную гипотезу,— произнес он.— Например, ты видишь простую звезду — Солнце, а для меня это — искривление в пространстве. Развивающаяся аномалия. И ее существование послужит причиной гибели Солнечной системы.

— Но Солнце ведь стабильная звезда!

— А я не утверждаю обратного, — возразил отец с раздражением в голосе. — Мой мальчик,

ты найдешь подробности в докладе, в научной документации корабля, а также в отчете доктора Тэлли относительно экспериментов по достижению сверхсветовых скоростей. Да, порой выводы звучат несколько туманно. Но это сделано сознательно. Почему бы тебе не попробовать разобраться в этом? В свободное время. Вместо того чтобы якшаться с теми, кто тебе — не ровня.

Четверть часа назад Томас, услышав подобное, вздрогнул бы. Сейчас он даже не обратил внимания на последние слова отца.

— Но почему все-таки наш корабль не достиг расчетной скорости? В чем ошибка? — спросил он, не отводя взгляда от лица капитана, а потом быстро добавил. — Я слушал лекции, на которых нам разъясняли, почему так вышло. Но, прости, эти объяснения не показались мне убедительными. Твоя официальная версия... По-моему она создана для того, чтобы доказать необходимость экспедиции. А мне очень хотелось бы знать, как все обстоит на самом деле...

Неожиданно старик прищурился и усмехнулся:

— Я действительно выработал некую официальную версию, предназначавшуюся для того, чтобы поддерживать дисциплину и мораль.

Разве не так? — неожиданно капитан помрачнел. — Я хотел... Я пытался донести это до тебя. — Капитан какое-то время молчал, потом махнул рукой, словно отгоняя какую-то назойливую мысль. — Не обращай внимания. Ты прав. Я хотел, чтобы люди думали так, как удобно мне. В действительности я уже сказал тебе правду. Когда Тэлли установил, что альфа-частицы не могут достичь необходимой скорости, при которой они способны разгоняться до еще больших скоростей, нам пришлось экономить энергоресурсы. Теоретически эти частицы могли разогнаться до скорости света, что придало бы почти безграничную мощность нашим двигателям, при небольшом количестве топлива. А фактически мы использовали сотни тонн горючего, чтобы разогнать корабль только до пятнадцати сотых от скорости света. Сорок пять тысяч километров в секунду — это еще слишком далеко до релятивистских скоростей. Когда Тэлли не стало, я распорядился тщательно подсчитать остаток топлива. Теперь мы расходуем его лишь для эпизодической корректировки курса. Наша цель — созвездие Центавра. Если все пройдет успешно, то через девять лет мы прибудем туда. Но если возникнут проблемы и мы не долетим до цели,

нам придется заплатить за ошибки.

— И что же может случиться? — спросил Стрейнжбери-младший.

— Все, что угодно. Любой внеплановый маневр — и нам не хватит горючего. И вот еще что, — продолжал капитан.— Я отлично знаю, что многие из экипажа нашего корабля, особенно те, кто вырос на борту, хотят вернуться на Землю. Земля для них — мечта, а я — упрямый старик, который стоит между ними и заветной мечтой... Я думал об этом многие годы и решил, что лучше быть выше их, чем спорить с ними. Лучше я стану делать все, что в моих силах для того, чтобы полет продолжался, раз мне дано такое право. Это право дано мне Землей. Рядовые члены команды должны понять, что обратного пути нет. Несколько часов назад, я напомнил им, как Земля поступает с теми, кто нарушает ее законы. Но мы, старшие, тоже должны понимать, что назад повернуть невозможно. И ничего нельзя с этим поделать... Займись физикой, сын мой. Это тебе необходимо.

Юноша кивнул. Он уже расхотел говорить с отцом о несостоявшемся бунте, так что настало время заканчивать беседу.

— Спасибо, отец, ты мне все объяснил,— кивнул головой младший Стрейнжбери и вышел из

каюты, так и не узнав, почему его мать покончила с собой. Почему она стала его матерью? А не осталась вдовой доктора Тэлли, к примеру?

30-й год полета

Медленно уходила неделя за неделей. И с каждым днем звезды, сияющие в темном небе впереди, по курсу корабля, становились все ярче и ярче. Четыре солнца Альфы Центавра уже не выглядели, словно единый сверкающий бриллиант, а были отделены друг от друга черным космосом.

«Надежда Человечества» проскользнула мимо Проксимы Центавра на расстоянии свыше двух миллиардов миль. Теперь тусклая красная звезда медленно уплывала все дальше, оставаясь за кормой корабля.

Не красная маленькая Проксима была главной целью экспедиции, а Альфа. Астрономы Центральной Лунной обсерватории обнаружили семь планет, вращающихся вокруг Альфы Центавра. И одна из семи могла оказаться обитаемой.

Когда корабль находился еще на расстоянии четырех миллиардов миль от сердца звездной

системы, Джонас, шестилетний сын Томаса Стрейнжбери, нашел отца в одной из гидропонных оранжерей, где под руководством Томаса отрабатывалась новая технология утилизации твердых остатков оборотного цикла. Дело не ладилось, хотя техники уже в четвертый раз меняли фильтры. Техники ругали ассенизаторов, ботаники — техников, а Стрейнжбери безуспешно пытался докопаться до истины.

— Дедушка хочет видеть тебя, папа. Он в капитанской каюте,— объявил мальчик.

Стрейнжбери кивнул. Глядя на сына, Стрейнжбери-младший почувствовал, как постепенно проходит раздражение. Людям полезно в какой-то миг осознать свое место в жизни. С того времени, как родился сын (а случилось это через семь лет после кризиса, причиной которого был Дженерети), Томас усиленно пытался добиться если не любви, то уважения и признания молодого поколения, своих сверстников из экипажа. Но он помнил и о том, что его сын должен расти, осознавая свое будущее предназначение приобрести все качества, которые необходимы будущему командиру космического корабля, который был фактически единоличным правителем маленького общества астронавтов.

Томас Стрейнжбери не забыл об историческом разговоре с отцом.

Оставив сына на игровой площадке у жилых блоков, Томас поднялся на лифте на офицерскую палубу.

Кроме Стрейнжбери-старшего в каюте собрались четыре физика из инженерного отдела и старшие офицеры Кэрсон, Хэнвик и Браун. Томас бесшумно опустился в кресло в сторонке. Он хорошо знал, о чем пойдет речь.

Догадаться было несложно. Вспышки.

В последние дни корабль двигался в космическом пространстве, где свирепствовала настоящая огненная буря. По всей длине корабля, от носа до кормы, на корпусе вспыхивали маленькие молнии, оставляя следы на обшивке. Несмотря на постоянно задействованные светофильтры, беспрерывные огненные вспышки слепили людей. Астронавтам, несущим вахту на мостике, приходилось перенапрягать глаза, часть вспомогательных наружных видеокамер сгорела, и их было нечем заменить. Кроме того, вспышки нервировали, вызывали психологические перегрузки, головную боль. Частота и интенсивность вспышек усиливалась, положение становилось по-настоящему опасным.

— ... считаю, что мы попали в газовое облако,— говорил Плаук, старший физик. — Как вам известно, космическое пространство — это не абсолютный вакуум. Оно заполнено, особенно вблизи звездных систем, большим количеством атомарного водорода и других частиц. В таких запутанных, с гравитационной точки зрения, структурах, таких, как система солнц Альфа Центавра и Проксима Центавра, должно накапливаться значительное количество ионизированного газа. Однако нельзя сказать, что это обычное пылевое облако. Судя по всему, частицы, составляющие большую его часть, активны сами по себе и обладают повышенным электрозарядом или чем-то в таком роде... Хотя межзвездные электрические бури — не новость, должен сказать, что подобное явление ранее никогда не наблюдалось.

Старший физик замолчал и вопросительно поглядел на одного из своих ассистентов, Киссера. Тот взял слово.

— Прошу прощения, сэр, но я не совсем согласен с теорией электрических возмущений. Нет, я не отрицаю наличия следов газа в межзвездном пространстве, но я полагаю, что досаждающее нам явление вызвано в первую очередь нами самими.

Точнее, высокой относительной скоростью нашего корабля. Именно этот фактор и обусловливает вспышки. Даже при относительно невысокой плотности атомарного водорода значительная кинетическая энергия частиц обеспечивает выделение энергии в диапазоне видимого спектра. — Киссер сделал многозначительную паузу. Он был неприметным мужчиной, но говорил уверенно.— Правда, — продолжал он выдержав многозначительную паузу, — это не вполне объясняет, почему интенсивность вспышек растет, в то время, как наша скорость снижается. Но, с другой стороны, и плотность межзвездного газа может расти по мере приближения к сердцу звездной системы.

— Какой же вывод? — спросил старший помощник Кэрсон.

— Если моя гипотеза верна, то в тот момент, когда относительная скорость корабля существенно уменьшится, то беспокоящее нас явление прекратится само собой.

— Возможно, это и так, — кивнул Кэрсон. — Но, кроме этого, мы должны помнить о судьбе первой экспедиции к созвездию Центавра и быть вдвойне осторожны.

«Они все думают о первой экспедиции, но ни-

кто не решится обсуждать это вслух», — отметил про себя Томас и переглянулся с отцом.

Капитан Стрейнжбери нахмурился. Несмотря на свой возраст, он выглядел уверенно и ничуть не утратил остроты ума. Обведя взглядом всех присутствующих, он спокойно произнес:

— То, что мы должны вести себя крайне осторожно, — это само собой разумеется. Кроме того, мы должны пролить свет на судьбу первой экспедиции — это одна из целей нашего путешествия.

Капитан вновь пристально осмотрел группу физиков и только потом продолжил:

— Вы знаете, что первая экспедиция вылетела на Альфа Центавра около семидесяти пяти лет назад. Можно допустить, что они сумели высадиться на одну из планет системы. Есть даже слабая надежда на то, что энергетические ресурсы их корабля еще не исчерпаны.

— То есть вы хотите сказать, сэр, что мы, возможно, отыщем на поверхности одной из планет лагерь первой экспедиции? — спросил Браун.

— Или то, что от него осталось спустя три четверти века, — проворчал Кэрсон.

Томас был изумлен. Неужели кто-нибудь может всерьез предполагать, что кто-то из первой экспедиции уцелел? Что ядерный реактор, энерге-

тические системы, системы поддержания жизни первого корабля — еще функционируют? Куда вероятнее то, что корабль погиб в космосе. Или сгорел в атомсфере. В таком случае даже искать следы бесполезно. Но эксперты так не считали:

— Мы сможем обнаружить распыленные в атмосфере частицы земного звездолета, уже через несколько часов после прибытия на планету, где он потерпел аварию, — сказал старший физик. — Даже быстрее, чем обнаружим место, пригодное для посадки.

Это была шутка.

Через несколько минут Стрейнжбери-старший отпустил офицеров и специалистов, но Томасу сделал знак, чтобы тот остался.

Когда все разошлось, капитан обратился к сыну:

— Мы почти достигли цели, Том. Это — новая кризисная ситуация. Поэтому нам с тобой необходимо составить план предотвращения повторного мятежа на корабле. Также следует разработать схему, при которой, основав колонию на Альфа Центавра, мы сможем руководствоваться законами Земли, хотя все члены команды отлично понимают, что мы никогда не вернемся на Землю. Да и самой Земли скорее всего больше нет...

Судьба благоприятствует нам, так как люди на корабле еще верят, что я ошибался, а Земля еще существует. Однако я совсем не уверен, что и на этот раз смогу так же эффективно погасить страсти. И еще меньше уверен в том, что в следующий раз мятежники опять предложат тебе должность капитана! — Стрейнжбери-старший захихикал. — Поэтому давай-ка, сынок, обсудим нашу тактику и стратегию...

* * *

Часы вахты превратились в ночной кошмар. Три старших офицера и Стрейнжбери разделили ее на трехчасовые смены, которые без перерыва следовали одна за другой. Полагаться теперь исключительно на автоматику было рискованно. Перед вахтой офицеры надевали защитные шлемы, опускали все фильтры защитных экранов, но глаза это не спасало. Если яркий свет вспышек можно было хоть как-то притушить, то с интенсивностью мерцания ничего поделать было нельзя. В создавшемся положении следящие системы были почти слепы. Они могли засечь и уничтожить камень размером с футбольный мяч, все прочие частицы, попадавшиеся на пути корабля, сгорали при ударе о его оболочку. Однако в

столь густом пылевом облаке могли возникнуть различные неполадки с наружными системами корабля. Могли возникнуть повреждения, ведущие к потере жизненно важных ресурсов, и приборы могли вовремя не указать на надвигающуюся опасность. Необходимо было постоянное визуальное наблюдение за самыми уязвимыми участками брони звездного левиафана.

К концу вахты у дежурных слезились глаза, а голова просто раскалывалась.

Даже во время отдыха Томас не мог уснуть. Стоило ему закрыть глаза, как вновь все начинало мерцать. Голова разламывалась, и по телу волнами распространялась пульсирующая боль. А тем временем фантазия Томаса рисовала ему картины успешного мятежа, организованного Дженерети, несмотря на полную несостоятельность вожака заговорщиков. Поразительно, как капитан узнал о заговоре и как вовремя ликвидировал мятеж. И как он узнал о предложении, сделанном Томасу Дженерети?

* * *

Время шло, и постепенно скорость корабля снизилась до межпланетного уровня. Потом звездолет перешел на орбиту ближайшей планеты,

и астронавты стали выбирать подходящее место для первой посадки. Эта планета была единственной, пригодной для посадки. Из семи планет в этой системе астронавты уже осмотрели шесть. То были газовые гиганты, размерами не уступающие Юпитеру. Только седьмая планета внушала определенные надежды: ее диаметр не превышал десяти тысяч миль, а ее орбита располагалась примерно в ста двадцати миллионах миль от Альфа Центавра А — звезды, которая была ярче Солнца на пятнадцать процентов. Да, эта планета имела определенное сходство с Землей. Правда, на ее небосклоне светила не одна-единственная звезда, а целых три. Альфа Центавра В была удалена от планеты примерно на миллиард миль, и немногим дальше от нее располагалось третье светило — Альфа Центавра С. Но вряд ли это имело существенное значение, их излучение было значительно слабее, чем у первой звезды.

«Надежда человечества» вышла к избранной цели со стороны звезды. Пронизанная лучами светила, более яркого, чем земное Солнце, атмосфера планеты сияла, словно драгоценный камень.

Без всяких помех корабль землян вышел на стационарную орбиту. Теперь предстояло иссле-

довать планету, установить состав атмосферы, параметры среды, наличие жизни. А также при положительном ответе на последний вопрос — наличие разумной жизни и признаков цивилизации. Предварительное исследование не обнаружило никаких следов разумной жизни в космическом пространстве системы Альфа Центавра А. Но это еще ни о чем не говорило. Возможные обитатели планеты могли еще не развиться до уровня космической цивилизации. Или их деятельность за пределами собственной атмосферы могла принять формы, настолько отличные от земной, что земляне были просто не в состоянии их опознать.

* * *

«Надежда Человечества» вращалась на орбите в четырех тысячах миль от поверхности. Орбита корабля была стабильной, маршевые и корректирующие двигатели отключены. Тем не менее вспышки, досаждавшие вахтенным с того момента, как звездолет приблизился к системе Центавра, не прекращались. Физикам так и не удалось отыскать причину этого явления. Правда, сейчас на первое место вышли другие задачи. Изучение самой планеты. Вниз, в атмосферу,

уходили зонды. Однако ионизированные частицы уничтожали большую часть оборудования. Стоило только зондам покинуть бронированные ангары звездолета.

Первичные исследования проводились выше облачного слоя. Накапливались и анализировались скудные данные. Большая часть внешних приборов давно была выведена из строя, и теперь астронавтам приходилось довольствоваться лишь малыми крохами, занимаясь не методичным изучением и систематизацией сведений, а проводя время за обсуждением всевозможных гипотез, основанных на весьма сомнительных предположениях. Однако действовали они методично, без спешки. Но не всем это нравилось. Некоторые, особенно молодежь, были склонны форсировать процесс.

— Этот облачный слой практически непроницаем для всех типов наших локаторов, — заявлял старший химик корабля Стейнер. — Нам просто необходимо проникнуть ниже. Быть может, стоит укрепить челнок стальными листами, установить на него аппаратуру одного из зондов и выбрать добровольцев. В конце концов, мы ведь установили, что у этой планеты твердая поверхность, а атмосфера вполне стабильна.

Пусть даже она ядовита. Я считаю, что только человек способен точно оценить ситуацию. Никакая экспресс-лаборатория ничего не сделает в подобных условиях. Если потребуется, я сам готов пилотировать челнок!

Томас Стрейнжбери был готов с ним согласиться, но капитан Стрейнжбери придерживался иного мнения.

— Вы, Стейнер, только-только закончили колледж, когда были включены в состав экспедиции. Вы тогда не осознавали многих опасностей, которые поджидали нас, и сейчас их не осознаете. Если ваши исследования не обнаружили следов гибели первого звездолета, это еще не значит, что планета безопасна. Я не желаю попусту рисковать людьми и техникой. Все исследования будут проводиться строго по графику. Через две недели мы попробуем зонды новой конструкции, над которой сейчас работают наши инженеры. Потом мы закончим исследования верхних слоев атмосферы и только через месяц займемся поверхностью. Мы летели сюда почти тридцать лет. В сравнении с этим пара месяцев — не так уж много.

* * *

Шли дни. Поступала и обрабатывалась новая информация о планете. Астронавтам удалось запустить несколько зондов, которые смогли уберечь аппаратуру от зловредного влияния космической пыли.

Первичные исследования показали, что атмосфера лишь отчасти напоминает земную. Слишком много хлора и водорода. Правда, под облачным слоем состав атмосферы мог оказаться совсем другим.

Прошло две недели, и мечта Стейнера осуществилась. Бронированные исследовательские зонды проникли под облачный слой. И новые сведения посыпались как из рога изобилия.

Суша и океаны неведомой планеты распределялись в пропорции три к одному. Было обнаружено четыре континента и множество островов. Была обнаружена обильная растительность и животная жизнь. И, главное, явные признаки разумной деятельности. На поверхности планеты выявили более шестисот искусственных образований, которые можно было без всякой натяжки считать городами. Правда, в этих городах не обнаруживалось никакого свечения, типичного для земных городов в ночное время. Но ведь и такой ночи, как на Земле, на этой планете фактически не

существовало. Когда Альфа Центавра А заходила за горизонт, то ночной континент освещали или Альфа В, или Альфа С, а то и обе одновременно. Более важным, чем отсутствие огней, оказалось отсутствие каких-либо организованных сигналов в радиодиапазоне.

— Мы можем предположить, что цивилизация, развившаяся на этой планете, еще не открыла электричество, — объявил капитан Стрейнж-бери в одном из своих ежедневных докладов по внутренней связи, после заседаний высшего офицерского состава звездолета. — Освещение в домах туземцев, очевидно, не столь уж необходимо.

Однако все было не так просто. Вновь на борту корабля началось смутное брожение.

— Надо, наконец, высадиться на поверхность! Чего мы медлим! — возмущались многие. — Если эта планета нам не подходит — тоже не плохо! Убедимся в этом — и поворачиваем на Землю, домой.

«Домой, на Землю!» — этот лозунг находил все больше сочувствующих, особенно среди тех, кто имел надежду увидеть Землю. Недовольство умело подогревалось лидерами оппозиции. И первым из этих лидеров был все тот же Джей

Дженерети.

— Они хотят доказать, что эта планета непригодна для нас, а следовательно, наша миссия закончена и пора поворачивать в обратный путь, — объяснил сыну капитан Стрейнжбери.

— Но даже если она подходит нам, разве этого достаточно? — возразил Томас. — Еще неизвестно, как к нам отнесутся коренные жители планеты. Разрешат ли они нам поселиться рядом с ними?

— А кто их спросит? — усмехнулся Стрейнжбери-старший. — Что могут сделать нам аборигены, не знающие закона Ома? К тому же нас не так много. Мы просто затеряемся на просторах этой планеты. Если туземцы все же станут возражать, мы просто преподадим им урок. Такой, после которого они наложат в штаны. Врежем им как следует, они перетрусят и согласятся на все, что угодно. Черт возьми, да мы будем богами для этих дикарей!

Томас не стал спорить с отцом, хотя и не разделял его уверенности. Стрейнжбери-старший пока что даже не видел ни одного из тех, кого намеревался запугать. Пока что испуганной оказалась большая часть экипажа земного звездолета. И Томас тоже не был исключением. Мысль о существовании иной цивилизации давалась

ему нелегко. В свободное от вахты время он беспокойно ходил кругами по своей крошечной каюте. В эти дни он впервые стал задумываться о безграничных просторах космоса. Выросшему в крошечном мирке земного звездолета, ему тяжело было осознать не только существование иных существ, но даже саму идею существования на бескрайней поверхности планеты. В эти дни он чувствовал себя крошечной песчинкой затерявшейся в безднах бескрайнего космоса. И еще его очень беспокоила мысль о том, как сделать так, чтобы остальные не заметили его сомнений, как не выглядеть трусом перед лицом других офицеров, а тем более перед рядовыми членами экипажа. Единственно, что успокаивало его, так то, что в подобных терзаниях он был не одинок. Размеренная жизнь астронавтов была нарушена. Многие члены экипажа в эти дни ходили с бледными, беспокойными лицами, голоса у них начинали дрожать, стоило им бросить взгляд на огромный шар планеты, сверкающий на малых экранах. Воображение рисовало картины немеханической цивилизации, которая может захватить огромный и прекрасный корабль землян. Какие там боги-земляне! Томас Стрейнжбери видел себя пленником ужасных

всемогущих существ, подобных чудовищным змеям. Это был кошмар, повторявшийся едва ли не каждую ночь.

Кошмар кончился на девятнадцатый день орбитального полета, когда по интеркому корабля прозвучало предупреждение:

— Говорит капитан Стрейнжбери. Наблюдатели доложили мне, что в нашу сторону движется неопознанный космический корабль. Направление движения корабля установлено. Наши орбиты пересекутся через одиннадцать часов. Всем офицерам и членам экипажа необходимо немедленно занять свои места, согласно боевому расписанию.

* * *

Стрейнжбери-младший, облачившись в офицерскую форму, поднялся на капитанский мостик. Вспышки разрядов танцевали на наружной оболочке земного гиганта, однако в этот раз Томас почти не замечал их. Ему приятно было осознавать, что он занимает почетное место на капитанском мостике. К тому же отсюда он мог вести наблюдение по специальному экрану, который два дня назад установили техники из отдела теоретической физики. Этот экран был оснащен

высокоскоростными сканерами, которые гасили цветовую перенасыщенность изображения, с наносекундными интервалами включая частотный фильтр и формируя изображение, которое уже не мерцало в бешеном ритме. Глядя на экран и на силовые датчики, Стрейнжбери-младший расположился поудобнее. Наконец приборы зафиксировали вспышку повышенной интенсивности в нижней части экрана, на расстоянии около десяти миль от земного звездолета.

Корабль туземцев!

Было очень мало времени для того, чтобы как следует его рассмотреть. Секунда — и орбитальное пространство вновь опустело; следующая секунда, и гигантский космический корабль еще раз появился на экране.

Из динамиков раздался спокойный голос капитана Стрейнжбери:

— Очевидно, на этой планете используется новый принцип перемещения в пространстве на основе инерционной аннигиляции. Это избавляет корабли туземцев от необходимости плавно стартовать и постепенно гасить скорость. Видимо, они могут развить максимальные межзвездные скорости за считанные минуты, находясь на границе атмосферы своей планеты.

Стрейнжбери-младший испугался услышанного. Наблюдая за чужим кораблем, он вспомнил, сколько месяцев «Надежда Человечества» то замедляла, то ускоряла полет, стараясь выйти в заранее заданную точку пространства. Эти мысли на миг отвлекли его от происходящего.

Потом Стрейнжбери-младший увидел, насколько корабль инопланетян много больше земного левиафана. И находился он совсем рядом с земным звездолетом.

Тут по системе внутренней связи передали новый приказ капитана:

— Десантные команды, занять исходные позиции по боевому расписанию класса М! Напоминаю! Никому не стрелять без сигнала опасности третьей степени! Явной угрозы нет! Повторяю, явной угрозы нет!

На мостике воцарилась тишина. Теперь два звездолета сближались, маневрируя про помощи ракетных дюз, пока между ними не осталось мили две. Теперь они двигались по одинаковой орбите. Изящный инопланетный корабль следовал за звездолетом с Земли, но очевидно, если бы туземцы собирались использовать силу, он подобрался бы ближе. Миля... Полмили... Стрейнжбери облизнул сухие губы. Рассеянно взглянул

он на первого помощника Кэрсона и увидел, что тот замер, словно зачарованный глядя на экран.

Снова из динамиков за спиной Стрейнжбери-младшего раздался приказ капитана:

— Вниманию всех офицеров! Приказ касается только ракетной площадки наведения А, под командованием командора Доуда. Я хочу, чтобы вы выпустили ракету без боеголовки. Простую болванку. И запустите ее на малой скорости. Вы поняли? Используйте пневмазапуск!

Стрейнжбери-младший увидел, как рядом с «Надеждой Человечества» в ореоле вспышек проплыла боевая ракета, но за ней не тянулся шлейф газов. Чуть позже он услышал новую команду отца:

— Не спеша включите тягу и пусть болванка приблизится к их звездолету на несколько сот ярдов так, чтобы они не потеряли ее из виду. Потом откорректируйте ее положение, пусть она кружится в двухстах футах от инопланетного корабля.

Через какое-то время капитан продолжил неторопливо докладывать о происходящем, чтобы держать в курсе тех членов команды, которые несли свою вахту в отдаленных уголках корабля и не могли наблюдать за происходящим с помо-

щью переносных мониторов:

— Надеюсь, наши действия продемонстрируют туземцам то, что у нас есть оружие. Однако они должны понять, что мы не собираемся использовать его в агрессивных целях. Их ответные действия покажут, дружественны ли они к нам. Тем временем наши компьютеры обработают поступающую к нам визуальную информацию. Но я не хотел бы сейчас акцентировать ваше внимание на происходящем. Не волнуйтесь. Все экраны, все датчики нашего звездолета включены. Они зафиксируют любой тип изменения энергетических полей, любую агрессивную попытку со стороны аборигенов. Помните, у нас на вооружении самые прогрессивные научные достижения Земли.

Неизвестно, что имел в виду капитан, говоря о «самых прогрессивных научных достижениях», но это немного успокаивало. Опустошенность вернулась к Томасу, когда из динамика прозвучал твердый, уверенный голос:

— Говорит командор Доуд. Только что кто-то перехватил контроль над нашей ракетой.

— Не препятствуйте! — без промедления ответил капитана Стрейнжбери. — Пусть они установят, что ракета не представляет опасности.

Стрейнжбери видел, как ракета с «Надежды Человечества» приблизилась к огромному кораблю, в обшивке которого открылся люк. Ракета исчезла в нем.

Прошла минута. Две. Затем ракета появилась вновь и начала медленно двигаться в сторону «Надежды Человечества».

Стрейнжбери ждал. Ему и другим астронавтам больше ничего не оставалось делать — только ждать. Последние несколько недель путешествия люди то и дело сталкивались с необычным и неведомым. Привычный с детства размеренный ритм жизни космического корабля был нарушен раз и навсегда. Да и само путешествие было поразительным. Однако самым удивительным оказалось осознание того, что из многих биллионов людей, родившихся на Земле, именно он очутился здесь — в самой дальней точке вселенной, куда добрался человек, именно он — Томас Стрейнжбери — участвовал в величайшем событии в истории человечества. Неожиданно Томасу показалось, что он понимает, почему его отец, возглавивший эту экспедицию, испытывает такую гордость.

Постепенно страх отступил, и Томас Стрейнжбери почувствовал гордость и радость, какую

раньше никогда не испытывал. Первый контакт! Человечество впервые столкнулось с иным разумом.

Эйфория прошла, как только раздался голос капитана Стрейнжбери:

— Доуд, попытайтесь вновь взять контроль над ракетой. Посмотрим, дадут ли они это нам сделать. Действуйте!

Наступила долгая пауза, а потом прозвучал ответ:

— Задание выполнено. Нам вернули управление.

— Отлично, — бодро проговорил капитан. — Телеметрический отсчет?

— Четко и ясно, на обеих каналах!

— Включите мониторы на режим «ручное управление-автомат». Просканируйте содержимое контейнеров в носовой части.

— Есть!.. Все в порядке. Ракета по-прежнему без начинки.

— У них было время ее зарядить, — капитан был очень осторожен. — Проверьте ее всеми способами. Как уровень радиации?

— Нулевой. Радиоактивность в норме!

* * *

Суд над Дженерети начался сразу же после завтрака на следующий условный день. Пока экипаж «Надежды» еще переваривал грандиозное событие — первый контакт.

Для Томаса суд явился такой же неожиданностью, как и для подсудимого, которого без лишней огласки взяли под стражу и доставили к капитанскую каюту. Здесь его уже ждали старшие офицеры и еще несколько человек из корабельной элиты.

Суд длился долго. Час за часом прослушивались записи, где звучал голос Дженерети, ясный и хорошо различимый, в то время как речь других людей была искаженной до неузнаваемости. Нетрудно было догадаться, что последнее сделано сознательно.

Очевидно, Дженерети считал себя в полной безопасности, когда говорил о необходимости ликвидации любого, кто будет мешать планам заговорщиков. Много раз он повторял о том, что необходимо убить капитана, двух его помощников и его сына.

— Их нужно убрать с дороги, или они доставят нам массу неприятностей. Даже баран может понять, что клан Стрейнжбери занят только тем, что укрепляет свое положение...

Да, этот человек не стеснялся говорить о своих намерениях. Более того, было совершенно очевидно, что он сам метит на место лидера экипажа.

Когда записи закончились, слово взял капитан.

— Я буду краток, — зазвучал в тишине голос Стрейнжбери-старшего. — Понимаю, насколько трудна наша задача. Понимаю тех, кто пал духом и поддался на слабости. Таких я готов простить. Да, я хочу избегнуть жестоких мер и готов проявить снисхождение ко всем заблуждавшимся. Только одного преступника, того, кто вот уже десять лет пытается подтолкнуть малодушных к кровавому бунту, я считаю не заслуживающим оправдания. Дженерети — предводитель мятежников. И он должен быть осужден. Остальных его пособников я готов простить. Надеюсь, что заслуженное наказание главного подстрекателя вразумит заблудших.

Джей Дженерети, без единого звука выслушав записи собственных речей, засмеялся.

— А что, разве я не прав? — произнес он. — Вы — кучка кретинов. Вы считаете само собой разумеющимся то, что вами правит выживший из ума маразматик и его слабовольный отпрыск.

Проснитесь, дураки! У вас только одна жизнь. И никому не дано право распоряжаться ею!

Дженерети явно не собирался отрицать обвинение.

— Вы должны сами решать свою судьбу! — вещал он. — Когда вы в последний раз обращались к Богу? Я родился на этом корабле, и никто не спросил меня, хочу ли я здесь жить. Я здесь бесправен, кто-то постоянно заявляет Мне, что я могу делать, а чего не могу...

Дженерети говорил долго. Несколько раз он повторял сомнения, что зрели в сознании Томаса.

— Почему я должен быть рабом? — спрашивал Дженерети. — Этот суд — глупость. Мы заняты ерундой, вместо того чтобы заниматься настоящим делом. Подумайте! Мы открыли обитаемую систему в созвездии Центавра... Это величайшее открытие. И оно ко всему прочему означает, что наша миссия выполнена. Это замечательно, и теперь я без колебаний готов подчиниться программе, потому что теперь она требует нашего возвращения на Землю. Конечно, плохо то, что наше путешествие заняло так много времени, и то» что когда мы вернемся на Землю, мне будет уже шестьдесят. Но теперь, признаюсь, я осознал необходимость этого путешествия! Полностью

осознал. Да, я призывал к мятежу. Да, я ошибался. И это я тоже признаю. Но ведь мятежа на корабле не было. Восстание, которое я готовил, так и не состоялось. Вы не можете судить меня, ведь фактически ничего не произошло...

Томас поглядел на отца. Капитан Стрейнжбери сидел с каменным лицом и, казалось, не придавал никакого значения происходящему. Но его изборожденное морщинами лицо выражало абсолютную непреклонность. От него веяло холодом.

— Джей Дженерети, это все, что вы можете сказать в свою защиту?

Высокий, полный сил молодой человек пожал плечами:

— А разве этого недостаточно?

Наступила тишина, потом капитан Стрейнжбери медленно поднялся. В руках у него было несколько листков. Приговор. Явно подготовленный заранее. Капитан начал говорить. Он подробно остановился на аспектах законов армии, включая обвинение в «подстрекательстве к мятежу». В течение десяти минут он читал выдержки из документа, который его сын никогда не видел раньше и который его отец назвал «Статьи полномочий на «Надежде Человечества»«,

особые предписания кабинета Объединенных Западных Сил, переданные в космос за несколько дней до отлета межзвездного корабля с орбиты спутника Земли:

— «... Не требует доказательств истина, что космический корабль являет собой часть той цивилизации, которую он покинул. Экипаж корабля не имеет права ни при каких обстоятельствах позволять себе суверенитет и независимость от Земли. Полномочия Земли осуществляют офицеры на основании предписанных задач экспедиции. Офицеры не должны принимать во внимание никаких альтернативных предложений любой части экипажа. Корабль отправлен с Земли его владельцами, а также независимым правительством... Все офицеры корабля назначены и наделены полномочиями.

Они руководствуются правилами и уставами, изложенными в документе «Статьи полномочий»«.

Капитан сделал многозначительную паузу, обвел внимательным взглядом собравшихся, а потом продолжал:

— Для протокола, соответственно, всем здесь присутствующим, сообщаю, что владелец «Надежды Человечества» — Эвирайл Хэвит, его

прямые и дальние наследники. Это определяет цели и задачи нашего путешествия, и этому кораблю также даны полномочия военного корабля. Это четко изложено в должностной инструкции для офицеров. Там объявлено, что мы можем представлять Землю в любых контактах с обитателями других звездных систем и действовать самостоятельно, как представители вооруженных сил Земли. Эти полномочия ограничений не имеют...

Было еще много статей, но в этой была изложена самая суть. Законы удаленной на расстояние человеческой жизни планеты распространялись и на космический корабль.

Томас внимательно слушал отца. В этот момент он не думал ни о том, для чего была организована эта экспедиция, ни о той опасности, которую представляли мятежники...

Последние слова капитана обрушились на аудиторию и обвиняемого словно удары молний.

— ... Правом власти, данной мне народами Земли, их законными правительствами, я вынужден огласить приговор гражданину Земли Джею Дженерети. Закон есть закон. У меня нет выбора. Сожалею, но мятежник примет смерть в атомном конверторе. Боже, прояви милосердие

к его душе.

Дженерети вскочил. Его лицо побагровело.

— Дурак! — Приговоренный дрожал всем телом. — Люди, подумайте, что вы делаете?

Однако Дженерети не нашел сочувствия среди тех, кто присутствовал на суде. Все эти люди помнили, как подсудимый заявлял о необходимости расправиться с ними.

Холод смертного приговора проник в душу Дженерети, и он прошептал:

— Здесь какая-то ошибка... Он сказал не все. Он знает что-то, чего мы не знаем. Он...

Капитан подал знак. Без промедления Браун и Кэрсон с тремя вооруженными офицерами вывели Дженерети из зала.

По собственной инициативе Томас последовал за ними.

Дженерети осмелел, как только они начали спускаться по трапу. Лицо его постепенно приобрело нормальный цвет.

— У вас ничего из этого не получится! — громко заговорил он.— Друзья спасут меня, как только узнают о вашем дурацком приговоре! Куда, черт возьми, вы меня ведете?

Ему не ответили, но спустя несколько минут Джей догадался сам.

— Вы — чудовища! — кричал Дженерети. — Вы не можете убить меня прямо сейчас!

Процессия остановилась. Через несколько минут к ним присоединился капитан.

Его голос прозвучал спокойно, твердо:

— Джей Дженерети, через минуту вы встретитесь с Богом...

* * *

Казнь была назначена на ночное время, но даже после обеда на следующий день офицеры, присутствующие при экзекуции, все еще не пришли в себя.

За обедом Стрейнжбери ничего не ел. Да и вообще он ничего не мог делать в тот день...

* * *

На следующий день после казни Томас проснулся от негромкого жужжания сигнала «тревога».

Он оделся и немедленно прибыл на капитанский мостик.

Как только он занял место рядом с Брауном, то с удивлением заметил, что планета, которую они исследовали, теперь едва различима. Мельком глянув на звезду Альфа А, он был удивлен еще больше. Звезда удалилась, уже сильно умень-

шившись в размере. Три солнца: А, В и С еще не слились воедино, но только одно из них — тусклое солнце С — оказалось теперь на первом плане, в то время как два других прятались за ним и казались маленькими яркими точками.

— Ага,— раздался сзади голос капитана Стрейнжбери.— Это ты, Том... Доброе утро, господа офицеры.

Все разом обернулись. Капитан спокойно прошел к своему креслу.

Томас ответил на приветствие отца совсем тихо. Он не был уверен в дружелюбном настроении капитана. После вчерашней казни.... И все же Стрейнжбери-старший был прав! После суда над Дженерети угроза мятежа сошла на нет. Сподвижники главного бунтовщика притихли. Кому хочется угодить в конвертор? И тем не менее Томас поймал себя на том, что он мысленно осуждает отца. Жестокость капитана его потрясла...

Наконец его отец снова заговорил.

— Восемь часов назад, — сказал он, — по моему распоряжению на планету был отправлен управляемый челнок с повышенной защитой. Мне кажется, джентльмены, всем вам будет любопытно увидеть, что из этого получилось.

Капитан подал знак одному из техников, и

на экране возникло изображение сигарообразной машины, атмосферного челнока. Очевидно, запись велась с сопровождающего зонда, державшегося над челноком.

Вот планетарный корабль, искрясь словно новогодняя елка, выдвинул крылья и нырнул в облачный слой. Спустя пару минут изображение возникло снова. Челнок плавными кругами опускался вниз. Электрические вспышки исчезли. Под ним лежал один из городов. Вдруг с челноком что-то произошло. На сверкающем корпусе и крыльях появились черные пятна. Несколько мгновений — и за челноком уже тянулся дымный шлейф.

Внезапно спуск прекратился. Острый нос челнока задрался кверху, и он устремился обратно, к облачному слою.

— Это я дал команду на возвращение, — объяснил капитан. — Еще минута, и мы бы его потеряли.

Изображение на экране сменилось. Посетивший планету челнок лежал на опорах в ремонтном отсеке.

Его внешняя защитная керамическая оболочка была похожа на ткань, изъеденную кислотой. Кое-где отверстия были сквозными и видны были

части внутреннего механизма, покрытые зелеными потеками.

Присутствующие начали перешептываться. Офицер, стоявший за спиной Томаса, неуверенно произнес:

— Как будто в кислоте варили...

— Металлокерамика устойчива к химическим воздействиям, — пробормотал Стейнер. Наверное, он вспомнил, как ратовал за немедленную высадку.

— Может, его прожгли каким-то неведомым для нас оружием? — предположил Браун.

— Нет, — покачал головой капитан. — Техники исследовали уцелевшие части обшивки. Повышения температуры не было. Броня, выдерживающая натиск космической пыли, просто растворялась. Как сахар в воде. Может быть, нам удастся с течением времени установить, что произошло. Но пока я могу сказать только одно: для нас посадка на планету невозможна. Но я склонен думать, что наши предшественники из первой экспедиции все-таки попытались...

Присутствующие мрачно молчали.

— Мы можем только предполагать, — продолжал капитан. — Но никогда не узнаем, что произошло на самом деле. Зато из происшед-

шего с челноком можно сделать только один вывод: для нас эта планета закрыта. Я не знаю, кто виновен в случившемся: ее обитатели или ее природа, но факт остается фактом — для нас здесь места нет.

«Что ж, — подумал Томас. — Мы оказались незваными гостями и теперь возвращаемся домой».

Ему-то вряд ли удастся увидеть Землю. Скорее всего, он умрет от старости, прежде чем их звездолет выйдет на орбиту родной планеты.

Волнение при мыслях о далекой и великой Земле отступило, как только он услышал продолжение речи отца:

— Ни одна инопланетная цивилизация не будет особенно дружелюбно относиться к нам. Инопланетяне предупредили нас. И передав предупреждение, они удалились. Наши системы наблюдения засекли еще два корабля, поднявшихся с планеты и исчезнувших в один миг — скорее всего они понесли весть о нашем появлении в ближайшие населенные звездные системы... Ни один из этих кораблей не сделал даже попытки приблизиться к нам, — капитан выдержал многозначительную паузу, затем добавил: — Однако вернемся к другой теме... Обитатели этой плане-

ты, очевидно, большие психологи. Они передали нам кое-что. Например, собственные изображения. Покажите... — приказал он технику.

Томас даже дышать перестал. На экране были те самые... Похожие на гигантских змей существа из его ночных кошмаров. Судя по лицам остальных, эти кошмары посещали не только его. Да, туземцы оказались неплохими психологами, ничего не скажешь.

Капитан Стрейнжбери еще раз сделал паузу, потом неторопливо продолжил:

— Надеюсь, что вам, как и мне, совершенно очевидно, что на этой планете нам делать нечего. Тем не менее мы не вернемся домой. Этому есть две причины: во-первых, Земля отныне необитаемая планета, что было изложено мною в одном из докладов... Я не стану больше касаться этой проблемы. Другая причина в том, что корабль должен стать носителем культуры Земли, скользящим в межзвездном пространстве. А когда пройдет достаточно долгий срок, и Земля вновь окажется пригодной к жизни, мы вернемся и возродим жизнь на Земле. У меня есть предписания Эвирайла Хэвита, владельца этого корабля. Согласно его распоряжениям, мы должны теперь продолжать полет к Сириусу, затем направиться

к Проционy. Теперь вам, очевидно, стало ясно, почему необходимо было ликвидировать возмутителя спокойствия. Урок, преподанный ему, будет сдерживать горячие головы... Господа, я передал вам всю необходимую информацию... Вы должны вести себя с пониманием, которое отличает офицеров от обычных членов команды, невзирая на любые ситуации, в которые мы можем попасть... Примите мои наилучшие пожелания...

63-й год полета

Джонас Стрейнжбери, сын Томаса Стрейнжбери, капитан «Надежды Человечества», сидел на большом командирском кресле, которое давным-давно по его приказу установили на капитанском мостике. Он размышлял о судьбе стариков.

Стариков было много. Слишком много. Они много ели. Они требовали постоянного внимания. Нелепо держать на борту корабля семьдесят девять человек возрастом свыше ста лет.

С другой стороны, некоторые из «старых перечниц» были крупными специалистами в разных областях наук, например, в межзвездной навигации. И никто из молодежи не мог срав-

ниться с ними. Они знали свое дело, эти хитрые, несчастные старики. Как убить их, не потеряв их бесценные знания? Джонас начал составлять список подлежащих уничтожению в первую очередь, включая туда преимущественно женщин и мужчин, не занимавших важные посты. Закончив, капитан внимательно и задумчиво пересмотрел свои записи, выбрав пять первых жертв. Потом он нажал кнопку в подлокотнике кресла.

Без промедления на капитанский мостик поднялся молодой человек плотного телосложения, Аткинс.

— Да, капитан, я вас слушаю!

Стрейнжбери повернулся к вошедшему. Этот человек ему не нравился. Но капитан вынужден был скрывать свои чувства. И дело было даже не в грубости Аткинса. Дело было в том, что Аткинс по приказу Джонаса собственноручно убил отца нынешнего капитана, Томаса Стрейнжбери.

Стрейнжбери вздохнул.

Жизнь на корабле зависела от постоянного превращения неорганических веществ в органические и наоборот. В соответствии с этим законом человек, достигший определенного возраста, должен быть безболезненно умерщвлен. Значит,

на корабле должен был существовать свой убийца, палач. С самого начала Джонас Стрейнжбери понимал, что его отец рано или поздно обязан уйти в небытие. Экипаж корабля нуждался в регулярных «чистках». Для исполнения этой неприятной работы Аткинс подходил как нельзя лучше. Однако, будь он даже трижды палачом, все равно должен знать свое место.

— Аткинс, — утомленно произнес Стрейнжбери, устало махнув рукой.— Я подготовил тебе список фамилий лишних людей. Будь внимательным. Для остальных членов экипажа их смерть должна выглядеть естественной, иначе я откажусь от твоих услуг, как от услуг дебила. К тому же, как ты знаешь, дебилам не место на борту нашего корабля...

Аткинс что-то недовольно проворчал. Он был сыном одного ничтожества из низшего технического состава, обслуживающего оранжереи. Находясь на самой низшей ступени иерархической лестницы корабля, он приложил много усилий, чтобы пробиться к высотам власти. Ему приходилось давать взятки, убивать, запугивать. И его усилия не пропали даром. Джонас заметил талантливого, беспринципного человека и приблизил его к себе. Будущий капитан изменил

обязанности Аткинса — список работ, которые тот должен был выполнять согласно корабельному уставу, — несколько лет назад, негласно назначив его на роль профессионального палача. После того как Джонас Стрейнжбери объявил себя капитаном, Аткинс стал его правой рукой.

Сын одного из офицеров был отправлен на место, предназначенное Аткинсу по рождению. А после нескольких «неожиданных» смертей, недовольство офицеров корабля как-то само собой утихло.

В свое время Джонас много размышлял перед тем, как отдать распоряжение Аткинсу относительно своего отца. Первоначально будущий капитан собирался убить Аткинса, сразу же после того, как тот выполнит задание. Однако потом он изменил свое решение. Аткинс оказался на удивление нужным человеком. Единственным, кто мог бы осуществить план «чистки» рядов экипажа.

Глубоко вздохнув, Джонас перечислил палачу первых пять фамилий. Не говоря ни слова, Аткинс отвернулся и покинул капитанский мостик.

«Боже мой, он ведь даже не переспросил меня, не уточнил, не выразил никаких сомнений, — подумал Стрейнжбери. — Как он может безропотно,

без сомнений уничтожить несколько человек? Вот так взять и убить. А ведь, быть может, он знает кого-то из них... Настоящее чудовище».

Молодой капитан взглянул на видеоэкран и вновь нажал кнопку вызова. В этот раз к нему подошел старший сын одного из его помощников.

— Слушаю... капитан!

Стрейнжбери заколебался, с отвращением разглядывая офицера. Капитану был неприятен этот юноша, однако Джонас не сразу понял, что так раздражает его. А дело было в том, что этот сопляк позволил себе сделать паузу, перед тем как назвать чин Джонаса Стрейнжбери. Поняв это, капитан попробовал вспомнить имя молодого человека. Кэрсон. Точно, этого молокососа зовут Кэрсон. А потом Джонас понял, что ему очень не нравится Кэрсон. Он отправил бы Кэрсона в конвертор намного охотнее, чем тех стариков, которых ныне обрек на смерть. Джонас вздохнул. Он не мог позволить себе проводить выборочную чистку, убирая тех, кто ему не нравился. Пока не мог.

Несмотря на то что на корабле существовало много проблем из-за долгожителей, каждый из стариков обладал совершенно уникальными знаниями. Любой из них сделал очень много для

экспедиции. К тому же капитан все чаще и чаще вспоминал свою юность и то, как приговоренные им люди чистосердечно и дружелюбно относились друг к другу и ко всему экипажу. Это сильно отличало их от сверстников Стрейнжбери.

Первое поколение передало детям все свои знания, но что-то помимо знаний осталось непереданным. В этом не было сомнений.

— Кэрсон, что докладывают технические службы. Мы по-прежнему едва тащимся в сторону Сириуса?

— Сейчас мы отстоим от системы Сириус на десять миллиардов миль. Теоретически механики уже должны были перевести двигатели в режим пассивного торможения, но пройдет еще не менее недели, пока наши телескопы будут способны определить размеры планет в системе и наличие у них атмосферы.

— А как радиационная обстановка? Последнее время мне передают доклады, но цифры в них уж слишком неправдоподобные. Порой мне кажется, что наши датчики просто вышли из строя или в центральном компьютере завелся разумный вирус, который, желая погубить нас, занижает показания приборов.

Офицер Кэрсон покачал головой.

Вдруг он противоестественно замер, напрягся. В его глазах загорелось любопытство. Стрейнжбери повернулся, чтобы проследить его взгляд.

Вспышки. Передняя часть экрана капитанского мостика мерцала от рассыпающихся искр. Пока Стрейнжбери смотрел на это странное явление, количество вспышек сильно возросло.

* * *

Через час шквал частиц полностью ослепил корабль. Невозможно было включить ни один из внешних экранов, гравитационные, магнитные, радио- и термодатчики давали сбои. Ни один из экранных фильтров не обеспечивал необходимой защиты для глаз.

Однако сейчас Сириус А, находящийся на расстоянии в пятьсот миллионов миль, должен был выглядеть по размеру словно Солнце, видимое с Земли.

Изучая снимки автоматических камер Джонас удивлялся, как удивлялся бы любой человек, выросший в замкнутом мирке межзвездного корабля. Конечно, он не был уверен, что Солнце именно такое, так как он никогда его не видел. Он мог только сравнить фото с фотографиями и изображениями Солнца в информационных

носителях... Однако каждое из изображений при внимательном рассмотрении давало свой вариант земного светила. Быть может, виной тому были атмосферные явления, так как большинство снимков были сделаны с поверхности Земли, а быть может, во всем были виноваты фотографы, использовавшие различную аппаратуру и фильтры.

Сириус А и его звезда-спутник имели две планеты. Ближайшая из них находилась очень близко к двойнику и вращалась вокруг своего солнца с большой скоростью. Другая, находящаяся на расстоянии в четыреста семьдесят миллионов миль от Сириуса А, вращалась медленнее вокруг большого, яркого солнца.

Ближайшая планета могла оправдать надежды землян. С диаметром в семнадцать тысяч миль она оказалась вполовину меньше второй планеты и была не более одной сотой размера планет, двигавшихся по неустойчивым орбитам вокруг Сириуса А. Планета получила предварительное название Сириус В-1.

Поверхность планеты закрывал густой облачный покров. Между облаками можно было разглядеть образования, отдаленно напоминавшие искусственные конструкции или кристалличе-

ские образования.

Стрейнжбери внимательно изучил все представленные ему доклады, он долго разглядывал изображения на экране своего компьютера...

Однако окончательный приговор вынесли данные с выпущенных в атмосферу зондов. Цифры объявили, что планета совершенно не пригодна для проживания людей.

Теперь Джонасу предстояло принять решение, которое во многом должно было определить дальнейшую жизнь экипажа. Помня о судьбе своего отца и деда, нынешний капитан очень осторожно подошел к данной проблеме. С большой неохотой Стрейнжбери направился в каюту, где под охраной преданных офицеров уже давно держал в изоляции своего престарелого деда.

Когда капитан вошел, страший Стрейнжбери изучал на маленьком экране планету, которая постепенно становилась все ближе и ближе. Компьютер и ограниченное подключение к сети корабля — одна из маленьких уступок, которые позволял себе молодой капитан в отношении к своему деду.

Когда молодой капитан вошел в каюту, старик даже не шевельнулся. Джонас постоял в нерешительности, потом прошел и устроился в кресле

напротив деда. Хотя он и чувствовал себя хозяином положения, он чувствовал себя неуютно в присутствии этого седовласого, всезнающего человека.

Джонас ждал. Неприятно, когда люди не понимают друг друга. Особенно неприятно, если не понимают друг друга родственники. Молодой капитан подумал, что, в общем-то, они были бы должны понимать друг друга. Ведь они близкие люди.

А может, он хотел слишком много? Так или иначе, проблемы отцов и детей придумал не Джонас. Скорее всего, он даже и не подозревал о существовании этой проблемы. Из-за замкнутого образа жизни, ограниченного кругозора и непонимания многих аспектов жизни, которые приобрели здесь, на космическом корабле, искаженные, уродливые формы, Джонас, волею судьбы оторванный от колыбели человечества, имел смутное понимание о подлинной человеческой морали. Если старики не могли должным образом выполнять возложенные на них функции, их отстраняли. Это естественно. Не желая становиться бесполезным балластом, старики возражали, когда их лишали работы. Однако они стали бы возражать еще сильнее, если бы знали,

что капитан решил отправить весь этот балласт к Аткинсу. Когда-нибудь, без сомнений, и он сам, Стрейнжбери-внук, будет смещен своим сыном Полом, Стрейнжбери-правнуком, которому сегодня только десять лет.

Однако молодому капитану казалось, что или это время никогда не наступит, или когда оно все-таки придет, он с достоинством примет реальность, да и произойдет все это не так уж скоро...

Неожиданно раздражение Стрейнжбери-внука прошло. В какой-то миг ему стало безмерно жаль одинокого старика, чьих друзей и ровесников он уже обрек на смерть. Все-таки это был его дед.

— Послушай, дед, я зашел, чтобы поговорить с тобой, — начал капитан самым примирительным тоном, на который он был только способен. Я хочу освободить тебя на весь период нашего пребывания вблизи Сириуса, — Джонас сделал паузу. — Более того. Я просил бы тебя принять на это время командование кораблем.

Тощий старик едва заметно пошевелился. Он молчал.

В какое-то мгновение капитану стало смешно.

«Чем может помочь им этот несчастный столетний старик? Сумеет ли он в нужный момент принять важное решение?»

На мгновение Стрейнжбери представил себе деда сидящим в кресле на капитанском мостике. Представил себе его растерянное лицо и едва сдержал улыбку. Что ж, если старик примет какое-то «неправильное решение», это будет еще лучше. Потому что тогда всем тем молодым членам экипажа, астронавтам четвертого поколения, станет ясно: старики не нужны кораблю!

Потом капитану показалось, что дед и в самом деле напряженно обдумывает его предложение. Тогда со свойственной ему самоуверенностью Стрейнжбери-внук решил, что в достаточной степени скрыл свои настоящие намерения от деда.

— В прежней жизни у тебя была только одна цель, — продолжал капитан. — Ты должен был обеспечить успешное завершение экспедиции «Надежды Человечества». Я это знаю. Ты — тот человек, который решил, что корабль должен стать нашим постоянным домом, — капитан подвинулся ближе к старику и продолжал: — Прежде всего люди — все, кто находится на борту этого корабля, — надеются вернуться домой, хотя я сделал все возможное, чтобы убедить каждого из них, что на корабле жизнь намного лучше, чем была бы в том загадочном мире, который называется Земля. Правда, многие обеспокоены

тем, что в третьем поколении рождается больше девочек, чем мальчиков. Вы с моим отцом долго не могли решить многочисленные проблемы, связанные с этим процессом. Я же, придя к власти, расколол этот орешек в один миг, разрешив многоженство. Ну да, первое время это многих шокировало, но позже вся мужская часть населения корабля поддержала меня. — Видя, что дед внимательно его слушает, капитан Стрейнжбери распрямил спину и добавил: — Экспедиция, хотя теперь, судя по обучающим программам, нас скорее можно назвать замкнутой популяцией, имеет некоторые особенности. Мы — маленький, уединенный мир, и мы должны приспосабливать его к изменяющимся условиям жизни... Надеюсь, тебе это понятно?

Джонас замолчал, однако старик по-прежнему оставался безучастным. Капитан вновь подавил раздражение, приветливо улыбнулся.

— Ты должен принять мое предложение и вновь взять на себя командование, пока мы находимся в системе Сириуса. Сейчас уже совершенно ясно, что мы не сможем посадить наш корабль ни на одну из планет, а об основании колонии и речи не идет. Атмосфера единственной планеты, по своему расположению пригодной

для подобной цели, насыщена соединениями серы. Я не знаю, каким образом предотвратить недовольство экипажа. Как объяснить людям, что решение, принятое тобой давным-давно, оказалось неверным и надежда, теплившаяся в сердцах многих, напрасна. Ты заварил эту кашу, отказавшись повернуть к Земле много лет назад, и тебе предстоит ее расхлебывать. Кроме того, мне, да и остальным молодым офицерам, не хватает знаний. Ведь это не секрет, что молодые специалисты подготовлены куда хуже стариков. Но одно несомненно. Мы должны решить, что нам делать дальше, куда повернуть.

Казалось, что в этот раз капитан все-таки вызвал интерес у своего деда. Старик, словно очнувшись от глубокого сна, неспешно приподнял руку и начал поглаживать тощую белую бороду, его губы искривились. Однако он по-прежнему хранил молчание.

— Я изучил все доклады о методах, использованных при попытке установить контакт с жителями планеты Центавра, — воодушевившись, продолжал Стрейнжбери-внук. — Ваши способы оказались неэффективными, хотя определенного успеха вы все же добились. Однако ты не уделил достаточного внимания обоюдно-

му контакту. Хотя ты потратил много месяцев, находясь на круговой орбите, пытаясь выполнить программу исследований, все окончилось бесполезно потерянным временем. А как только возникла возможность установить контакт — ты просто сбежал. В результате мы ровно ничего не узнали о них. А ведь мы могли бы использовать эти знания сейчас, при новом контакте. А теперь мы вынуждены ограничиваться предположениями. Например, на основе анализа состава верхних слоев атмосферы мы выдвинули предположение, что в основе метаболизма созданий, обитающих на этой планете, скорее всего, лежат соединения серы.

Капитан неожиданно резко наклонился вперед.

— Однако я думаю, этот мир обладает определенными ресурсами, которые мы можем использовать себе во благо. Я хочу исправить допущенную тобой ошибку. Мы должны доставить обитателям Сириуса такие неприятности, чтобы они дали нам полностью ту информацию, в которой мы нуждаемся. Однако среди нас, молодых, нет подходящих специалистов. Боюсь, нам даже не удастся точно сформулировать, чего мы хотим от этих созданий... Ну, дед, я тебя уговорил?

Старик зашевелился. Он медленно распрямил сгорбленную спину. Его глаза превратились в две узкие щелочки, и он спросил:

— О чем ты думал, придя сюда? Неужели ты считаешь, что я стану сотрудничать с убийцей, пусть он даже приходится мне внуком?

* * *

Ядерная бомба взорвалась в атмосфере Сириуса B-1 на высоте пятидесяти километров, но практически не нанесла вреда поверхности планеты. Практически одновременно со взрывом вокруг «горячей» зоны возникла энергетическая сфера, поглотившая ударную составляющую взрыва, весь спектр поражающего излучения и замкнувшая внутри себя облако радиоактивной материи.

Все это было отлично видно наблюдателям на земном корабле. Сердца людей сжались от страха в ожидании ответного удара.

Капитан Стрейнжбери, испуганный проявлением инопланетной мощи ничуть не меньше других членов экипажа, бросился в каюту деда.

На этот раз старик не послал его подальше. Узнав о случившемся, он ни словом не упрекнул внука, а просто велел доставить себя на капитан-

ский мостик.

После долгого перерыва старик вновь взял на себя командование звездолетом.

Примерно через час после этого системы обнаружения корабля засекли приближающееся тело. Это был сравнительно небольшой предмет, не более восьми футов в поперечнике. Даже не предмет, а силовая сфера, внутри которой находилось нечто бесформенное.

Неопознанный объект уверенно приближался к земному звездолету. Детекторы корабля фиксировали его, как сгусток энергетических полей, однако все попытки воздействия на него оказались безрезультатными.

* * *

Пот градом катился со лба Стрейнжбери-внука, мускулы сводило от напряжения невыносимого ожидания. Он находился на капитанском мостике рядом с креслом, в котором сидел его дед.

Когда инопланетный объект приблизился на расстояние в несколько сотен ярдов, Стрейнжбери-внук не выдержал:

— Ты думаешь, мы можем позволить ему подойти к нам еще ближе?

Будь на то воля Джонаса, корабельные излуча-

тели уже давно опробовали бы на инопланетном «гостинце» свою мощь.

Старик не удостоил внука взглядом. Всем своим видом он демонстрировал свою неприязнь к Джонасу.

— Ты рассчитываешь, что наши силовые поля не подпустят его к кораблю?

Дед вновь проигнорировал вопрос внука.

Джонас замолчал. В эти секунды капитан готов был свернуть шею старику. Он уже ненавидел себя за слабость, за глупость, благодаря которым старик вернулся в кресло капитана! Однако Стрейнжбери-внук отлично сознавал, что очень мало знает о научных достижениях Земли. Он понятия не имел, что делать в подобной ситуации. Он уже жалел о том, что не обогнул проклятую звездную систему. Джонас родился на корабле и ничего не имел против того, чтобы скользить в пустоте до скончания веков, поддерживая установившийся на борту корабля порядок.

— Объект тормозит, сэр, — доложил Кэрсон.

Он обратился прямо к старику, игнорируя Стрейнжбери-внука.

Но настоящий повелитель крошечного осколка Земли услышал его и запомнил интонацию офицера.

«Ничего, когда мы выберемся из неприятностей, я ему все припомню», — мстительно подумал Джонас.

Как мог этот Кэрсон оказывать предпочтение древнему старику — человеку, пережившему инсульт, — и не замечать того, кто действительно командовал кораблем?

«Хотя, я ведь сам назначил его на этот пост», — подумал Джонас.

И все же Кэрсон мог бы обращаться к старику с меньшим уважением.

Поглощенный мыслями о собственных амбициях, Джонас на некоторое время забыл о таинственном объекте. Снова вспомнив о нем, Стрейнжбери-внук ощутил отвратительную нервную дрожь. Одно дело отдать в тайне приказ об убийстве кого-то из бессильных стариков и совсем другое — загадочная инопланетная угроза. У молодого капитана, воспитанного по книгам и дискам корабельной библиотеки, не хватало знаний, чтобы в достаточной степени оценить последствия своих приказов.

— Кто-нибудь предоставит четкое изображение этой штуки? — рявкнул он. — Пусть кто-нибудь из компьютерщиков подключит фильтры и обработает изображение.

— Но тогда мы получим картинку с более чем десятисекундным запаздыванием, — предупредил Кэрсон.

— Ерунда, — отмахнулся Джонас.

Демонстрационные экраны замерцали, потом изображение вновь стабилизировалось, но форму объекта с Сириуса В-1, заключенного в силовой кокон, по-прежнему невозможно было определить визуально. Правда, в нижней части экрана появилась бегущая лента, с изображением возможных форм инопланетного посланника, полученных путем интерполяции. В следующий момент объект начал перемещаться, выполняя непонятный маневр. Потом он изменил характер движения. До этого он двигался практически прямолинейно, а теперь сменил траекторию движения на спираль. Но при этом его линейная скорость относительно корабля землян значительно возросла. Джонас почувствовал, как капли холодного пота ползут вдоль позвоночника. Неожиданно капитан осознал, что весь его мирок, которым он «столь успешно» повелевал по праву рождения и силы, неожиданно оказался на грани гибели. И из-за чего? Из-за глупого старика, который в свое время не дал его отцу повернуть назад к Земле.

— Он никогда не пройдет сквозь нашу защиту! — неуверенно произнес Стрейнжбери-внук, напряженно наблюдая за объектом.

Он сказал это, ни к кому конкретно не обращаясь. Просто для того, чтобы подбодрить самого себя.

Однако надежды капитана не оправдались. Инопланетный объект прошел сквозь силовую защиту земного корабля, словно раскаленный нож сквозь кусок подтаявшего масла. Он углубился в силовое поле уже на двадцать пять ярдов, когда Стрейнжбери показалось, что нарушилась не только защита корабля, но система телевещания. В первый миг он решил, что компьютеры дали сбой, но никаких помех на экранах не было. Более того, все выглядело так, словно на экраны по-прежнему поступает информация. Просто Джонас почему-то не видел картинки. Словно наблюдаемый объект все время находился в «слепом пятне». Вытерпеть происходящее оказалось свыше его сил. Джонас пожирал глазами мониторы, его мозг просто был не в состоянии воспринять происходящее. Чувства Джонаса обострились до предела, и остатки его храбрости мгновенно испарилась. Не выдержав, он вскочил и бросился вниз по трапу, чуть не сбив с ног

Кэрсона, который, склонившись на системой настройки экранов капитанского мостика, пытался определить причину неисправности.

Перед тем как выскочить из отсека, Стрейнжбери оглянулся. Его дед совершенно невозмутимо восседал в кресле на капитанском мостике. Старый капитан Стрейнжбери застыл на своем троне. Его веки были полуприкрыты. Казалось, все происходящее вокруг: и внеземной объект, находящийся всего в нескольких футах от обшивки корабля, и поспешное бегство молодого капитана — суета сует, к которой он не имеет никакого отношения...

Пробежавшись по коридорам, Джонас немного пришел в себя. Но на капитанский мостик он не вернулся, а направился в аварийную рубку. Там он первым делом включил видеосвязь с капитанским мостиком. Экраны вновь начали мерцать, появились какие-то полосы, но никакого изображения не сформировалось. Из динамиков громкой связи раздался оглушающий рев.

Ситуация обострялась.

— Что это может быть? — в отчаянии пробормотал Джонас. — Что могло столь сильно воздействовать на наше зрение?

Он нажал клавишу, вызывая группу научного

обеспечения.

— Кто-нибудь из вас может объяснить этот эффект? — бросил он в телеком.

У ученых не было единого мнения. Кто-то полагал, что какие-то излучения сверхвысоких частот воздействуют на зрительные центры людей. Другие считали, что воздействие происходит на уровне эмоций. Возможно, сильный страх мог воздействовать на зрение, вызывая слепоту без физического воздействия.

Однако все это были только предположения.

— Всем надеть защитные скафандры, — распорядился Джонас. — Быть может, они смогут отразить особое лазерное излучение, воздействующее на наше сознание.

Был ли в этом приказе смысл? Если людей не смогли защитить силовые поля и броня звездолета, что толку в скафандрах?

А Джонас тем временем обратился прямо к доктору Каспару, самому старшему из ученых:

— Что может стимулировать слепоту?

— Я склонен думать, что причиной является звуковое воздействие. Кроме того, оно стимулирует и некое неопределенное ощущение опасности, страх, испытываемый всеми нами.

— Но ведь я не слышал никаких звуков!

— Есть определенные частоты, вызывающие даже панический ужас. Видимо, существуют частоты, воздействующие непосредственно на глазные нервы.

— Но как они могут через пустоту воздействовать на нас? К тому же мы не включали внешние динамики.

— Скорее всего, эта звуковая частота создается вибрацией корпуса.

— Допустим, — с недоверием произнес Стрейнжбери. — Однако я чувствовал не страх, а какое-то беспокойство.

— Именно это я и имел в виду, — произнес ученый.

— Вы должны использовать все технические средства, чтобы нейтрализовать это воздействие! — приказал Джонас. — Использовать все виды помех, примените все методики, которые описаны в справочниках. Вытащите всех стариков и вытрясите из них все, что они еще помнят!

* * *

Приказ Стрейнжбери-внука был выполнен, специалисты работали с лихорадочной поспешностью, но ничего не получалось. Правда, через какое-то время изображение на корабельных

экранах пришло в норму, а ощущение опасности пропало. Однако никто не тешил себя иллюзией, что это заслуга землян. Просто воздействие инопланетного излучения прекратилось.

Джонас вернулся на капитанский мостик.

Его дед все еще сидел в капитанском кресле, но не шевелился. То ли сердце его не выдержало, то ли он просто потерял сознание, и теперь застыл, откинувшись на спинку. Больше никого в поле зрения не было. Надеясь увидеть что-нибудь еще, Стрейнжбери начал переключать экраны внешних телекамер. Без особого труда он обнаружил силовой кокон инопланетян. С облегчением он увидел, как объект с Сириуса B-1 удаляется. Он уже был от корабля на расстоянии более четверти километра. Джонас облегченно вздохнул. Что бы это ни было — непосредственная опасность миновала.

Тем временем инопланетный объект превратился в пятнышко на фоне большой, туманной планеты.

Старый капитан все еще неподвижно сидел в кресле, но начал бормотать нечто невразумительное. Джонас прислушался: какой-то бред. Старик глядел на внука, но не видел его. Похоже, он ослеп.

Стрейнжбери вызвал Брауна и Кэрсона.

Они заботливо помогли старику спуститься с возвышения и проводили его в каюту. Все это время Джонас упорно вслушивался в бормотание деда. Похоже, тот говорил что-то о Земле: о голубом небе, о лесе, о бескрайнем морском просторе. Молодой Стрейнжбери знал обо всем этом только по книгам и видеофильмам, однако слова старика вызвали у него странное чувство невосполнимой потери.

Задержавшись в каюте деда, Стрейнжбери-внук сжал тонкие, холодные руки старика.

— Капитан! Капитан!

Джонасу пришлось повторить это слово не менее ста раз, но старик все-таки его услышал. Он перестал бормотать.

— Капитан, что произошло с нами? Вы можете объяснить, что случилось?

И тогда старик начал говорить. Стрейнжбери-внук с трудом разбирал слова, но это была уже осмысленная речь, а не невнятное бормотание.

— ... мы забыли про эксцентричность орбит А и В. Мы забыли, что В — одна из самых странных звезд во всей галактике... такое плотное, такое невероятно плотное... они сказали, что они с планеты В... Они сказали: «Убирайтесь!» Они не

хотят иметь дела с теми, кто начинает с агрессии. Убирайтесь! Убирайтесь!.. Их аппарат коснулся обшивки... они... Они прикрепили к корпусу...

«Неужели обитатели этого мира и в самом деле установили контакт со стариком? — подумал Джонас. — Почему с ним, а не со мной? Почему они обратились к этому старому маразматику? — мысли Стрейнжбери-внука лихорадочно неслись по замкнутому кругу. — Нет, не может быть, чтобы они выбрали для контакта умирающего старика! Может, все это бред? Может быть, старый козел просто спятил?.. Нужны доказательства. Да, доказательства. Что он там говорил про объект на корпусе?»

Джонас решительно подошел к интеркому и, набрав номер аварийной службы, распорядился, чтобы группа астронавтов вышла наружу и обследовала внешний корпус. Если инопланетяне и оставили им какой-нибудь «подарочек», то аварийная бригада, заметив его, доставит на борт корабля.

Когда Стрейнжбери-внук вернулся к старику, тот, казалось, пришел в себя, однако выглядел ошеломленным. Потом его лицо, на короткое время принявшее нормальный осознанный вид, снова изменилось. Глаза деда вновь поте-

ряли осмысленное выражение. Казалось, старик пытался сфокусироваться на каком-то определенном предмете и не мог это сделать. Его мысли витали далеко-далеко.

Джонас попытался овладеть вниманием деда еще раз. Ему уже не казалось, что старик бредит. Нужно было как можно больше разузнать о том, что сообщили старику инопланетяне. Почему, если они в самом деле находились на более высокой ступени развития и обладали более мощным оружием, они не нанесли ответный удар. Но в этот раз все попытки Стрейнжбери-внука были безрезультатны. Иссеченное морщинами лицо деда исказилось. Джонас понял, что толку от старика сейчас не добиться и вызвал главного врача.

Тот появился через минуту, вместе с ассистентами.

Помощники раздели старика и уложили длинное, тощее тело на кровать. Больше Стрейнжбери тут делать было нечего. Если врачам удастся что-то выудить из памяти бывшего капитана «Надежды Человечества», они непременно сообщат ему. Теперь ему больше ничего не оставалось, как ожидать доклада аварийной команды. А после этого ему придется принять решение. Быть

может, стоит обрушить на планету ядерный шквал?

* * *

Старик оказался прав.

Через несколько часов руководитель ремонтной группы сообщил о том, что ими обнаружен странный предмет. После предварительного осмотра решено было перенести его в лаборатории корабля для более детального изучения. Внешне инопланетный «подарок» напоминал прозрачный, необычного вида кубок с бесцветной жидкостью. Когда Джонас впервые взглянул на него, ему показалось, что он заметил какое-то изображение на внутренней поверхности инопланетного артефакта. Однако когда капитан поднял «кубок», собираясь поднести поближе к свету... изображение изменилось. Стрейнжбери готов был поклясться, что теперь перед ним совершенно другая сцена.

Капитан еще раз переместил «кубок» и обнаружил, что картины внутри меняются с каждым движением. Ни разу ни одно изображение не повторялось. Но, чтобы хорошенько разглядеть изображение, меняющееся с частотой более кадра в секунду, ему пришлось поставить «кубок»

на пол и присесть в кресло рядом с ним. Аккуратно поворачивая его через каждые несколько секунд, Стрейнжбери наконец-то нашел нужный угол, под которым изображение приобретало наибольшую четкость. И тогда перед удивленным капитаном открылись просторы неведомой планеты.

Вначале были только общие пейзажи: ландшафты и панорамы бескрайних водяных равнин. Океаны состояли из какой-то жидкости желтого цвета. Раз за разом изображение оставалось прежним — к небу вздымались огромные волны.

Когда появилось изображение суши, то выяснилось — поверхность планеты по большей части гористая, изобилующая растениями серовато-желтого цвета, напоминающими мох. Так, по крайней мере, показалось Стрейнжбери. В низинах растения были повыше, образуя неправильной формы скопления. Некоторые из них выглядели маленькими, а другие — чрезвычайно высокими. Выглядели они изумительно — многие из них казались сделанными из сверкающего золота и серебра.

Была там растительность других видов и окраски, были кустарники совсем крошечных размеров, иногда с красными и зелеными листья-

ми причудливой формы. Желто-серый «мох» и серебряно-золотистые «деревья» росли на горных склонах и в долинах...

Неожиданно появилось изображение города.

Всюду — каналы, наполненные желтой жидкостью.

Зачарованный, Стрейнжбери вспомнил видеозаписи о далекой Земле. Там существовал один похожий город — Венеция. Однако по сравнению с инопланетным городом Венеция выглядела скопищем рыбацких хижин. Высокие здания инопланетян вздымались на мили, словно продолжение утесов, и были одинаковой с ними высоты.

Присмотревшись, Стрейнжбери увидел, что «каналы» пролегали и по крышам строений. С огромной арки ниспадали два потока «воды» желтых оттенков... И они текли в противоположных направлениях. Каждый из трех уровней зданий, расположенных ниже, также имел по два «водопада».

Ровные ряды домов периодически пересекались друг с другом под прямыми углами.

... В миле друг от друга раскинулись площади, и тысячи каналов... нигде не было видно ничего подобного улицам. Просто массы домов — несколько

уровней крыш, по которым текла вода.

И в воде виднелись темные очертания, которые медленно двигались... Стрейнжбери не смог рассмотреть самих существ, однако панорама мира, о котором ранее он не имел ни малейшего представления, поразила его до глубины души. Раньше поверхность планеты Сириус рисовалась ему в чем-то похожей на Землю, ту Землю, которую он видел в многочисленных видеозаписях. Однако в реальности все оказалось по-другому. Мир, с которым соприкоснулся земной звездолет, был совсем иным. Настолько иным, что разум капитана с трудом воспринимал его реальность.

Неожиданно изображения в «кубке» исказилось, появился неприятный световой эффект, от которого у Стрейнжбери заслезились глаза.

В первые мгновения он был изумлен. Потом пришло разочарование.

— Проклятие! — проворчал он.— Эти твари не желают, чтобы мы узнали, как они выглядят.

Физик Плаук, наблюдающий изображения в «кубике» через плечо Стрейнжбери, пробормотал:

— На такой огромной планете мышцы живых существ могут поддерживать тело только в жидкости. Может быть, первоначально они даже

обитали на иной планете. К примеру, на B-1, которая намного больше. Потом они оказались, словно земляне на Марсе. Похоже, они нуждаются в дополнительной поддержке. Это наводит на мысль об очень плотной физической структуре...

Стрейнжбери, чьи глаза вновь начали болеть, встал и отошел подальше.

— Возьмите этот штуковину, — приказал он. — Запишите все, что она показывает, и попытайтесь полностью восстановить изображение. Кроме того, подготовьте специальную программу для общего доступа. Ну, там пейзажи всякие. Не стоит травмировать рядовых членов команды видом превосходящей нас цивилизации. Могут поползти нездоровые слухи.

Чуть позже Джонас добавил:

— После того, что мы просмотрели, становится ясно: эти твари не хотят демонстрировать нам свой внешний вид. Может, они боятся того, что, увидев их, мы тут же изобретем соответствующее оружие. Так или иначе, но нам вряд ли удастся их запугать или принудить к сотрудничеству.

* * *

Когда Стрейнжбери вернулся в комнату деда, то нашел старика в состоянии комы.

Капитан Джон Стрейнжбери, первый капитан «Надежды Человечества», умер во сне через час после появления внука, в почетном возрасте ста одного года. Он покинул родную планету более шестидесяти лет назад, и именно он принял решение, определившее дальнейшую судьбу всего экипажа.

А через шесть месяцев после его смерти из его поколения в живых на корабле не осталось никого, ни мужчин, ни женщин. Молодой капитан завершил начатую работу. Его палач трудился не покладая рук.

А потом Джонас Стрейнжбери допустил ошибку.

Ему показалось, что он добился своей цели и больше не нуждался в услугах Аткинса. Кризис рассосался сам по себе, капитану не пришлось принимать никакого решения. Старшее поколение — лишние рты, угрожавшие кораблю демографическим взрывом ушли в небытие. В общем, Стрейнжбери решил, что может избавиться от своего самого верного слуги.

Однако сам слуга считал иначе, и вместо Аткинса в конвертор отправился его хозяин. И это в свою очередь послужило толчком к новому кризису на борту «Надежды Человечества».

Хотя Полу Стрейнжбери, сыну Джонаса, теперь единственному Стрейнжбери, оставшемуся на борту «Надежды Человечества» было только десять лет, Браун — старший из оставшихся офицеров, считал, что мальчик, несмотря на молодость, должен стать капитаном. Согласно традиции.

Однако старший помощник Кэрсон думал иначе.

— Пока он вырастет, мы достигнем Проциона. А на этот период мы установим капитанский совет. И подумайте, не лучше ли было бы повернуть к Земле? Пусть не мы, пусть наши правнуки вернутся на землю отцов.

В этом его поддержал второй помощник Лютер.

Меньшая часть офицеров считала, что капитаном должен стать ребенок, большая была за капитанский совет, но каждый видел этот совет по-иному, считая именно себя достойным места председателя.

Прошло две недели, прежде чем Браун обнаружил, что две вдовы Джонаса Стрейнжбери выбрали себе новых мужчин. Одна из них жила с Кэрсоном, другая — с Лютером. Это вызвало у него новый взрыв возмущения.

— Вы, похотливые старые козлы! — орал Браун на очередном капитанском совете.— Я требую немедленных выборов. И если вы не согласитесь сделать это прямо сейчас, я обращусь за помощью к ученым, а потом ко всему экипажу.

Он поднялся, возвышаясь, словно башня, над остальными офицерами. Кто-то попытался подняться из-за стола, а Кэрсон даже начал вытаскивать из заднего кармана бластер. Вот это он сделал напрасно. Разъяренный Браун схватил Кэрсона за шиворот, а когда сидевший с ними рядом офицер попытался его остановить, Браун и его сгреб за ворот и принялся лупить их головами друг о друга. Поднялся необычайный шум. Никто из собравшихся не был готов к столь решительным действиям. Никто даже не пытался остановить Брауна. Только вид окровавленных тел, безвольно повисших в его ручищах, привел Брауна в себя.

Это совещание окончилось ничем, но вскоре состоялось заседание ученых, и было принято решение провести общие выборы. Требовалось время, чтобы все члены экипажа осознали происходящее, чуть позже исполнительный совет принял решение провести выборы тайным голосованием. И этот же совет признал право Пола

Стрейнжбери унаследовать капитанский титул, но только тогда, когда мальчик достигнет совершеннолетия. После этого совет предложил Брауну временно занять должность капитана сроком на один год.

Через год два члена совета, подготовив общественное мнение, выдвинули свои кандидатуры на пост капитана. Однако на выборах вновь победил Браун.

Бывший третий помощник, ныне капитан Браун, был раздражен растущей оппозицией.

— Почему они хотят сместить меня? — как-то раз спросил он с болью в голосе у своего старшего сына. — Ведь они ничего не знают об обязанностях офицера. Они все так молоды, что не успели даже изучить основные обязанности, соответствующие их чину и званиям.

Он с раннего детства начал тренировать своих двух сыновей, объясняя им подробности службы, однако они воспринимали «знания Земли» еще хуже, чем предыдущее поколение.

— Вы должны знать все механизмы корабля назубок, — втолковывал им отец. — Вы должны изучить все земные науки. Кто-то же должен будет обслуживать механизмы, когда мы умрем, иначе нам всем конец.

Однако у молодого поколения были совершенно иные интересы. Поколение, которое помнило Землю, ушло в небытие. Молодые родились и выросли в ином мире — мире корабля. В первую очередь их интересовали женщины и пища.

Между тем у Брауна зрело ощущение, что кто-то из его противников сеет слухи, в которых выборный капитан выглядит сущим монстром. Обеспокоенный, он, заручившись поддержкой нескольких офицеров, создал шпионскую сеть и сразу получил подтверждение своим подозрениям.

На ближайшем капитанском совете Браун выразил свое недовольство:

— Никогда раньше подобных вещей на корабле не происходило. Почему ослы, вроде молодого Кисера, и остолопы средних лет, вроде Плаука, могут поносить своего капитана за его спиной? Это отвратительно! Вы можете избрать в следующем году нового капитана, более достойного, чем я. Но я уверен, что это бурчание недовольных все равно будет продолжаться до тех пор, пока Стрейнжбери не исполнится двадцать один год. Надо покончить с этой чепухой. Пока я командую этим кораблем, я один буду определять, что хорошо, а что плохо для его экипажа. И я настоятельно

рекомендую вам представить мне необходимые полномочия!

После Брауна слово взял один из членов капитанского совета, упомянутый капитаном Плаук.

— Даже исполняющему обязанности капитана нужны обширные знания! — заявил он. — Крайне печально, что часть этих знаний безвозвратно утеряна со смертью Джонаса Стрейнжбери.

Например, он, Плаук, с совершенной уверенностью заявляет, что Браун и понятия не имеет, о таких вещах, как космические лучи высоких энергий.

«Рекомендации» Брауна не были приняты.

Но его избрали на должность капитана еще на один год. А звездолет продолжал лететь сквозь космос, держа курс на систему Проциона.

* * *

Как-то один из членов капитанского совета, проходя по садам на гидропонике, увидел среди подсобных рабочих хорошо знакомое лицо.

Через несколько дней он доложил об этой встрече на совете. Браун спокойно ответил:

— Почему бы молодому Стрейнжбери не позаниматься немного физическим трудом? Все мы знаем, что его отец погиб слишком рано и

не успел передать сыну необходимые знания. Обучение же с помощью машин и книг, как вы и сами знаете, малоэффективно... Кроме того, сама идея разделения на сословия весьма вредна. По-моему, все молодые люди без исключения должны работать в садах. Так, по крайней мере, станут приносить какую-то пользу. А то с утра до вечера гоняются за девками да гонят брагу в химлаборатории. Я собираюсь поставить вопрос об всеобщих обязательных трудовых отработках на голосование. К тому же следует обязательно отметить высокий профессиональный уровень наших садовников, а не просто, всякий раз пробегая мимо, говорить, насколько важен для всех нас их добросовестный и кропотливый труд.

Позже, когда Брауна спросили об успехах молодого Стрейнжбери в науках, как будущего капитана, тот покачал головой и нахмурился:

— Откровенно говоря, его успехи более чем скромны. Я каждый день приглашаю его на капитанский мостик после работы в садах. А он не проявляет никакого интереса. Я пришел к заключению, что сам он вовсе не рвется в капитаны. Он, вероятно, сознает, что представляет собой довольно посредственную личность. Он не в состоянии хорошо учиться, и я совсем не уверен,

что он сможет с успехом руководить работами.

Большинству членов совета было понятно, что Браун вряд ли стремится выучить молодого Стрейнжбери «очень хорошо». Но никто не рискнул возразить выборному капитану.

83-й год полета

Пол Стрейнжбери проворно собирал спелые фрукты. Ближайшая стена помещения для садов на гидропонике была на расстоянии двух сотен футов, но тем не менее Стрейнжбери двигался очень осторожно. Он не очень внимательно слушал обращенную к нему речь девушки, так как все его внимание сосредоточилось на груди его спутницы:

— Моя мать говорила, что позавчера опять появились вспышки. Так что мы уже должны быть около Проциона.

Стрейнжбери молчал. Меньше всего его интересовало: движется ли куда-то корабль. Как и большинство его сверстников, Пола совершенно не интересовали события, происходившие вне корабля. Существовали многочисленные вещи более приятные и более осязаемые, чем некие светящиеся точки, искрящиеся на экранах внеш-

него обзора.

Хотя его права на должность капитана были достаточно призрачны, Стрейнжбери никогда не забывал о том, кто был его отец, и придерживался определенных правил поведения. Например, он старался не обсуждать с низшими по званию никаких технических деталей, так как не был силен в науках. Предыдущей «ночью» в более неофициальной обстановке он дал девушке инструкции и теперь слушал ее доклад. А девушка тем временем говорила уже совсем о другом:

— Некоторые считают, что ты проиграешь на этих выборах. Браун на совете объявил, что род Стрейнжбери выродился. Он хочет выставить на голосование кандидатуру своего старшего сына. Однако, если изберут тебя... — тут девушка остановилась, а потом продолжила намного тише. — Помни, тебе сейчас уже двадцать девять лет. И совет до сих пор пренебрегает твоими правами наследника капитанского титула. Ты должен бороться за власть.

Но что такое была для него власть? Ответственность за судьбы других членов экипажа? Непосильная для плеч Пола забота о машинах корабля? Зачем все это ему? Ведь у него и так было все, чего он только мог пожелать. Была работа,

которая помогала убить время, были женщины, была пища...

Пол Стрейнжбери вновь ничего не ответил. Он устал от призывов глупцов, понуждавших его заняться абсолютно не интересными для него делами. Конечно, его, как и всех остальных, не могла не беспокоить мысль о том, что они приближаются к созвездию Проциона. Но это было абстрактное беспокойство. Ныне на борту звездолета не осталось ни одного человека, который мог бы с уверенностью сказать, летит ли «Надежда Человечества» к какой-нибудь звезде или болтается посреди пустоты. Да и существовала ли сама пустота? Существовало ли хоть что-то из того, о чем говорили древние видеофильмы и книги? В любом случае мысль о каких-то переменах была ему неприятна.

Иногда Стрейнжбери просматривал вахтенный журнал, где были записаны деяния его прадеда, отца и деда. Он не понимал этих людей, не мог постичь их целей. Почему они так говорили, почему совершали те или иные поступки?

— ... Если ты не начнешь действовать, — озабоченно нашептывала ему девушка, — твои последователи все сделают сами, однако тогда погибнут многие офицеры. Все мы устали — мы

устали, выполняя тяжелую работу и получая скудную пищу... Гроу говорит, что мы захватим корабль.

Неожиданно девушка испуганно втянула голову в плечи и прислушалась. Стрейнжбери непроизвольно выпустил из рук спелый персик.

— А-а-а! — воскликнул он, пытаясь поймать его.

«Какая глупость, — подумал он. — Они не знают, о чем говорят... А я из-за них персик уронил! Захват корабля — завоевание мира!»

— Ты лучше поторопись! — продолжала девушка,— Тебе нужно принять правильное решение. Помни, от тебя почти ничего не потребуется! Только твое согласие.

Раньше Стрейнжбери все это уже слышал. Не один раз.

* * *

Неясные слухи, ходившие среди обитателей нижних палуб корабля, воскрешали события прежних беспорядков. Капитан Браун понимал, что его безмятежному правлению приходит конец. Стрейнжбери был не опасен, но другие... Те, кто еще меньше, чем Браун, знали об окружающем их мире, о бездонной пустоте, в которой

одинокими островками сверкали огоньки далеких звезд.

— У этих свиней с нижних палуб не хватит ума, чтобы добраться до меня, — как-то раз сказал Браун лейтенанту Джоржу Брауну, своему младшему сыну — потомственному старшему офицеру. — Кроме того, много раньше чем они разгадают мои планы, мы достигнем системы Проциона, если, конечно, мы правильно толкуем показания приборов, установленных на капитанском мостике... Если это случится согласно нашим расчетом, то внимание большей части экипажа надолго переключится на другое.

Молодой Браун ничего не ответил. Он, как истинный представитель своего поколения, считал отца не вполне нормальным, и его угнетала мысль о том, что пройдут долгие, долгие годы, прежде чем пышущий здоровьем капитан начнет стареть. Должности капитана молодому Брауну придется дожидаться еще очень долго. К тому времени, как младший Браун взойдет на трон капитанского мостика, он превратится в жалкого старика. К тому времени его не будут радовать ни свежие фрукты, ни молодые женщины... Однажды младший Браун уже говорил об этом со своим старшим братом, который, если ничего не слу-

чится, будет избран в совет в следующем месяце.

Брату тоже не нравилось положение дел. Быть может, он, обретя власть каким-нибудь образом, даст понять людям с нижних палуб корабля о своих мыслях. Несколько неясных обещаний...

* * *

Процион А, звезда в шесть раз ярче Солнца, плавала в темном космическом пространстве прямо по курсу корабля. Желто-белое солнце, прежде неясно различимое, становилось больше и больше, ярче и ярче. В черноте космоса, в биллионах миль в другой стороне, виднелось бледное, словно чем-то прикрытое солнце Проциона В, ясно различимое только в телескопы.

Процион оказался богачом по части планет, причем планет по-настоящему огромных... Двадцать пять гигантов! Экипаж «Надежды Человечества» исследовал две из них, каждую диаметром в двадцать пять тысяч миль. Обе планеты оказались обитаемы, и обе имели атмосферы с преимущественным содержанием хлора.

— У моих людей есть дельные мысли, — рассуждал вслух капитан Браун.— Но они никогда не станут приветствовать чужую цивилизацию.

С другой стороны, мы должны помнить, что ни разу обитатели тех планетных систем, где мы были, не делали попыток повредить нам. Вы можете сказать, что случилось с первым капитаном Стрейнжбери? «Чепуха», — сказал бы я. Он увидел что-то не предназначенное для глаз человека. В результате его мозг разрушился, и он умер. Важно то, что объект, убивший его, проявил милосердие и не сделал попыток повредить нам. Итак! — Браун оглядел комнату, где заседал совет. — Куда нам лететь? Мы в лучшем положении, чем были. Старик Стрейнжбери не отважился применить силу на Центавре, так как многого не знал. На Сириусе наш корабль едва не погиб, потому что мы не знали, как показать свои добрые намерения той неземной цивилизации. Но теперь мы знаем, как себя вести. Кажется, здесь существует межзвездная цивилизация, и она сможет рассказать нам обо всем, о чем мы хотим узнать. А что мы хотим знать? Почему некоторые звезды имеют планеты земных размеров с кислородной атмосферой? Инопланетянам все равно, отыщем мы их или нет. Почему так? Кислородные планеты навсегда остаются для них всего лишь бесполезным открытием, таким же, как для нас — открытие планет с атмосферами из соединений серы и хлора. Так

давайте же расскажем им, что мы хотим узнать... Как это сделать? — Браун триумфально оглядел присутствующих. — Доверьте это дело мне, — закончил он после многозначительной паузы. — Просто доверьтесь мне. Мы скоро встретим первые корабли инопланетян.

Действительно, корабли появились. Первые три полностью проигнорировали землян и только четвертый проявил к ним внимание: приблизившись на расстояние до нескольких десятков миль, притормозил и полетел рядом. Через некоторое время он приблизился к земному звездолету еще ближе, вероятно, наблюдая за теми работами, которые по распоряжению Брауна велись на внешней оболочке земного корабля.

Механизм, который Браун намеревался использовать для установления контакта, был достаточно прост. На одном из разведывательных модулей соорудили огромный проекционный экран, а затем на этот экран начали последовательно выводить видеозаписи, которые должны были проинформировать обитателей Проциона о том, кто такие земляне и какой путь они проделали до того, как прибыли сюда.

Потом началась наиболее важная фаза необычной демонстрации. На экран была спроецирована

звездная карта. Она показывала шестьдесят различных звезд, видимых в межзвездном пространстве и удаленных от Солнца на двадцать пять световых лет. Дальше на экран спроецировали величественный триумвират — модели атомов хлора, кислорода, серы. Три изображения продвигались толчками к одной из звезд, потом к другой.

— Смотрите, как они быстро поняли, что мы не знаем, какой тип атмосферы на планетах их звездной системы, — сказал Браун.

Обитатели Проциона перешли от наблюдения к действиям. Изображение на экране на мгновение потеряло четкость, а потом земляне увидели, как на их карте появились чужие отметки. Чужие наложили на идущий от «Надежды Человечества» сигнал собственную информацию. Карта продолжала перемещаться, хотя уже не люди определяли это движение. Четкие изображения новых звезд увеличивались, превращаясь в схемы планетарных систем, при этом на каждую из планет накладывались легко распознаваемые значки атомных структур. Вне всякого сомнения, инопланетяне давали людям информацию об атмосферном составе демонстрируемых планет. Они с удивительной легкостью распознали, что

требуется людям. Результат превзошел самые смелые ожидания Брауна.

В первые же минуты капитан насчитал, по крайней мере, четыре звезды, вокруг которых обращались кислородные планеты. Чуть позже Браун обратил внимание на еще один тип значков. Он не сразу догадался, что эти значки показывают, обитаема ли указанная на карте планета. Между тем демонстрация продолжалась. Звездные системы сменяли друг друга. Сотни, тысячи солнц. Десятки тысяч планет. И рядом с каждой простейшими символами — состав атмосферы, наличие или отсутствие разумных обитателей.

Демонстрация длилась несколько часов, затем экран погас. Чужой корабль начал удаляться. Браун потер усталые глаза.

Он испытывал смешанное чувство радости и страха. Радости — потому что его план увенчался полным успехом, а страха — от сознания того, насколько огромны знания инопланетян в сравнении с человеческими.

— Разведывательный модуль — на борт! — скомандовал капитан. — Дежурной смене — приготовиться к запуску маршевых двигателей. Исходя из полученной информации, ближайшая к нам

звезда с кислородной необитаемой планетой — Альта. Мы немедленно отправляемся туда.

Браун и не подумал усомниться в тех данных, которые им представили обитатели Проциона. Он не раздумывал и о том, для чего они это сделали. Капитан Браун был не из тех, кто много размышляет и сомневается.

Позже, когда он докладывал на совете, на его большом лице играла самодовольная улыбка. Браун гордился собой. Его план сработал, и межзвездный корабль с Земли стал обладателем информации о десятках, сотнях планет, которые могут стать новой колыбелью для человечества.

Чувства от грандиозного успеха так и распирали Брауна. Он удивился бы, узнав, что члены совета все еще размышляют, переизбирать его или предпочесть ему менее авторитарного командира. Выборная система на самом деле мало подходила для подобной ситуации, поскольку далеко не всегда люди склонны выбирать лучших. Иногда они предпочитают сильному руководителю слабого, но зато не склонного к тирании. Именно поэтому руководство межзвездных кораблей земных вооруженных сил не избиралось, а назначалось. Последнее, как ни странно, помогало избежать конфликтов. Чем меньше выбора

представляется рядовым членам экипажа, тем спокойнее они себя ведут.

— Все идет отлично, — сказал Браун.

Тридцать лет уйдет на то, чтобы достигнуть Альты. Вряд ли Браун доживет до этого дня. Но сейчас, когда он — триумфатор, Браун должен воспользоваться моментом, чтобы назвать преемника. И, конечно, этим преемником будет его собственный сын. Династия Срейнжбери изжила себя. Пришло время династии Браунов. Да, его сын станет капитаном. Причем не старший, а младший. Он более честолюбив и толков. Кроме того, он будет моложе, когда придет его время править...

От этих важных мыслей капитана отвлекла внезапно распахнувшаяся дверь в зал совета.

У капитана оказалась прекрасная реакция.

Он успел выхватить бластер и даже успел выстрелить...

Быстрота его реакции защитила корабль от рук мятежников, но не спасла его собственную жизнь. Позже, когда младший сын Брауна привел группу вооруженного технического персонала и ученых на помощь членам совета капитанов, те уже сумели отбить нападение. Но капитан Браун и его старший сын стали жертвами мятежа. Пер-

вый был тяжело ранен, второй — мертв. Плаука и Киссера, получивших тяжелые ожоги, было невозможно узнать. Зато благодаря первому выстрелу Брауна, срезавшему ударную группу мятежников, у остальных членов совета хватило времени взяться за оружие и открыть огонь по группе бунтовщиков, которых по собственному почину привел Гроу. Пол Стрейнжбери, как это выяснилось, отказался принимать участие в мятеже.

Из более чем двадцати молодых людей, которых привел Гроу, семнадцать были убиты. Сам Гроу с тремя сообщниками забаррикадировался в одном из складских отсеков и наотрез отказался сдаться.

Пришлось членам совета использовать свои познания устройства корабля. Выстрел их импульсной винтовки, произведенный через вентиляционное отверстие, оборвал жизнь лидера бунтовщиков. Остальные предпочли сдаться.

Тяжелораненый был перенесен членами совета в госпитальный отсек. Позже, во время ночного отдыха, капитан обдумывал происшедшее и пришел к выводу, что проблема осталась разрешенной не до конца. Наверняка не все члены группы бунтовщиков были выявлены.

«Если кто-то жив, — думал Браун, — выборная система должна быть восстановлена, и это единственно верное решение».

Накачанный наркотиками капитан плохо соображал и понимал это. Но он не был уверен, что протянет долго и приказал привести к нему сына.

В присутствии нескольких членов совета Браун-старший назначил сына своим заместителем и указал, что в случае его смерти к сыну переходит вся полнота власти.

К утру капитан скончался.

Среди оставшихся на борту корабля никто не решился оспаривать его завещание. Второй сын капитана Брауна тоже стал капитаном.

111-й год полета

Через сто девять лет после того, как космический корабль «Надежда Человечества» покинул Землю, он вышел на орбиту звезды Альта. В этой системе, как и ожидалось, была обнаружена кислородная планета, возможно подходящая для переселения. Но ситуация осложнилась тем, что прежние открытия, лучшие навигаторы-астронавты, ясность мышления — ушли. Раньше

Альты. Раньше Проциона. Экипаж вырождался. В четвертом и пятом поколении звездоплавателей осталось совсем немного людей, способных к исследовательской работе.

Следующим «утром» капитан Джекоб Браун, приходившийся внуком тому, первому капитану Брауну, сообщил четвертому и пятому поколениям колонистов, что намеревается отправить посадочный модуль к кислородной планете. Сразу и без всякой подготовки.

— У нас практически не осталось горючего, — заявил он. — Даже для того, чтобы маневрировать вблизи планеты. Поэтому посылка модуля — категорическая необходимость.

Затем капитан отдельно остановился на тех требованиях, которые предъявляются к экипажу модуля.

— Каждый член команды должен быть подготовленным для любых испытаний, — заявил он. — Это день, к которому мы шли более века. Это — день, о котором мечтали наши великие прародители, наши праотцы, те, кто дерзко отправил нас в новый мир, к границам неведомого, кто смотрел вперед и был уверен в нашем мужестве. Мы не должны обмануть их надежд... — Он транслировал свое обращение по всему кораблю, одно

за другим называя имена членов команды модуля, которые должны были немедленно начать подготовку к отлету. —... И я знаю, что каждый член экипаяса желает услышать в списке свое имя, — заявил капитан. — Но мною избраны лучшие из вас...

Роджер Стрейнжбери, сын Пола Стрейнжбери, внук Джонаса Стрейнжбери, названный первым, услышав слова капитана, вовсе не подпрыгнул от радости. Напротив, он очень серьезно задумался. Дело в том, что Роджер вот уже несколько лет с большой тщательностью готовил почву для того, чтобы вернуть себе место, потерянное его отцом.

И он не мог полностью отрицать того, что капитан может быть осведомлен о его планах. В таком случае сделать его членом экипажа модуля, который без всякой предварительной подготовки отправляется на чужую планету. К тому же планету обитаемую, если верить информации, представленной обитателями Проциона.

А капитан между тем продолжал свою речь:

— И я знаю, что все вы в этот исторический момент разделите гордость храброго Роджера Стрейнжбери, который поведет команду. Ему суждено воплотить в жизнь мечту человечества в этой отдаленной части космоса. А вместе с ним...

Тут Браун назвал семерых из девяти членов экипажа звездолета, которые были главными помощниками Стрейнжбери в его тайных делах.

Так как спасательная шлюпка могла вместить только восемь человек, нетрудно было догадаться, что Браун решил отправить вниз, на неизведанную планету, столько своих противников, сколько смог.

— Я попрошу, чтобы команда посадочного модуля полностью прониклась важностью задачи, поставленной мною! — вещал Браун. — Ваши сканеры передадут запись всех событий на корабль. Они дадут нам возможность определить уровень научных достижений доминирующей расы этой планеты, если такая все же существует.

* * *

Стрейнжбери поспешил в свою каюту, надеясь, что, может быть, Тэлли или Кэнтлин, его соратники, разыскивают там Роджера. Он понимал, что чрезвычайно важно хоть на миг встретиться с ними и обсудить положение. Он подождал пять минут, но никто из членов его конспиративной группы не появился.

Так или иначе, у него было время успокоиться. Странно, но этому способствовал запах корабля.

С самых первых дней жизни запах озона и нагретого металла непрерывно окружали его.

Стрейнжбери присел в кресло, где обычно читал, закрыл глаза, вдыхая знакомые запахи, окружающие энергетические установки. Роджер почувствовал, что страх постепенно покидает его тело и сознание. Храбрость и сила вновь вернулись к нему.

Правнук первого капитана понимал, что попытка захватить власть силой довольно рискованна. Вместе с тем у него нет никакой надежды получить преимущество на выборах.

«Я, — подумал Стрейнжбери, — вероятно, наиболее высококвалифицированный специалист, когда-либо бывший на этом корабле».

Отец нынешнего капитана, возможно — из чувства вины перед семьей Роджера, свергнутой с капитанского «престола», взял мальчика к себе и взялся за его обучение, когда тому было десять лет. Рождер оказался благодарным учеником. Спустя некоторое время обучение Рождера продолжил другой специалист, потом еще один... В результате получилось так, что юноша изучил все специальности технических отделов корабля. Когда капитан умер, его сын, в свою очередь занявший место капитана, не стал препятствовать

Роджеру расширять свои познания.

В результате Стрейнжбери научился восстанавливать системы контроля и управления, полностью разобрался во взаимосвязи всех кибернетических систем корабля. Он освоил колоссальные паутины силовых сетей и проводов управления так, словно они были продолжением его собственного организма.

Единственное, в чем он пока уступал капитану, это в специфических знаниях о том, как осуществлять полет и навигацию межзвездного корабля. Этой информацией владел отец нынешнего капитана. Частично он поделился ими и с Роджером. Кое-чему юношу успел обучить его отец.

Тем не менее именно семья Браунов хранила большинство знаний по космической навигации. Именно благодаря знаниям и упорству этот клан сумел захватить и удержать власть на корабле.

И вот теперь Стрейнжбери отправляют с миссией, которая, скорее всего, окажется для него смертельной.

«Неужели Брауны так упорно учили меня, чтобы погубить?» — подумал молодой человек.

Нет, этого не может быть. Слишком уж сложно. Гораздо проще было бы оставить Рождера на нижних палубах, где он влачил бы жалкую роль

какого-нибудь техника из вспомогательного персонала.

Так ничего и не решив, Рождер отправился в стартовый отсек, где в специальном ангаре стояли разведывательные модули разных типов.

Посадочный модуль вышел на орбиту планеты, зарегистрированной в судовом журнале как Альта 3. Стрейнжбери и Тэлли — один из сподвижников Рождера и дальний потомок первого научного руководителя экспедиции — заняли кресла управления. На выпуклом экране модуля они видели туманный атмосферный слой, не позволявший разглядеть поверхности планеты. Когда-то доктор Тэлли, прапрадед того Тэлли, который сейчас сидел рядом с Рождером, пытался разогнать их звездолет до околосветовых скоростей, но не смог достичь и четверти от скорости света. Он не успел разобраться в проблеме и не успел обучить своего сына тому, что знал сам. Теперь, из-за недостатка знаний, никто не смог бы продолжить его исследований.

Физики звездолета могли только предполагать, что корабль передвигается в полном соответствии с одним из парадоксов теории сжатия Лоренца-Фитцжеральда. Но не более того. Чтобы и дальше продолжать научные изыскания, им не

хватало знаний и опыта...

Модуль двигался по спирали. Туманный шар планеты постепенно увеличивался.

Стрейнжбери, словно зачарованный, наблюдал, как медленно вращается эта огромная масса материи.

Они снижались по пологой траектории, понемногу приближаясь к планете, готовые использовать активную защиту, если какие-нибудь естественные радиационные пояса окажутся более мощными, чем может выдержать их стационарная система безопасности. Каждая радиационная зона предварительно исследовалась, ее параметры вводились в бортовую систему управления и изображались на видеоэкранах. В итоге автоматически менялись курс и скорость модуля.

Неожиданно тишина была прервана аварийным сигналом системы безопасности. Локаторы оперативного слежения обнаружили подвижную цель.

Мгновением позже на одном из экранов появилась светящаяся точка, которая быстро перемещалась примерно десятью километрами ниже земного модуля, далеко под ними.

Инопланетный корабль!

Стрейнжбери и его спутники, затаив дыхание, наблюдали за эволюциями чужого летательного аппарата. Система слежения вывела на экран данные о скорости и характере его движения. Вне всяких сомнений летательный аппарат инопланетян приближался к модулю.

Когда расстояние между ними значительно уменьшилось, сияющая точка на экране резко изменила направление полета, совершила полный оборот и заняла позицию милей ниже землян. Но расстояние между аппаратами продолжало уменьшаться. Ровно настолько, насколько снижался земной модуль.

«Они не позволяют нам совершить посадку, — подумал Роджер. — Ведь судя по тому, что нам сообщили, эта планета должна быть необитаемой».

Тут же зазвучал зуммер, и на экране появились новые данные.

— Они зондируют нас, — произнес Тэлли с волнением в голосе. — Что будем делать?

Рождер не успел ничего предпринять.

После этих слов не прошло и мгновения, как модуль начал вибрировать. Еще через некоторое время отказали бортовые системы управления. Вернее, инопланетяне просто перехватили кон-

троль над бортовой электроникой. Модуль повис в пространстве над желанной планетой. Его экипаж потерял доступ к управлению двигателями. И тут же некое силовое поле заставило модуль двигаться в сторону инопланетного корабля. Единственным утешением для землян могло служить то, что дистанционный доступ к системам управления со стороны звездолета не был заблокирован. Возможно, инопланетяне просто не учли такой возможности.

Тем не менее, техническое превосходство инопланетян внушало страх.

Между тем на главном экране модуля светящаяся точка, обозначавшая инопланетный летательный аппарат, постепенно вырастала, превращаясь в солидную конструкцию, размерами значительно превосходящую модуль землян.

Несколько минут — и корпус модуля содрогнулся. Чужой корабль состыковался с землянами.

— Ловко они это проделали, — заметил Роджер.

— А аккуратно, — добавил Тэлли. — Пристыковались как раз к нашему шлюзу.

За спиной Стрейнжбери его спутники начали шутить по поводу происшедшего. Им все это казалось чем-то вроде игры. Или это был способ

сбросить напряжение? Скорее последнее, потому что смех землян был довольно нервным.

Внезапно заработала связь со звездолетом.

— Открыть шлюз! — скомандовал капитан Браун, который, разумеется, все это время наблюдал за происходящим. — Если они желают войти — пусть войдут.

— Загерметизировать скафандры, — в свою очередь приказал Стрейнжбери.

И только после этого он выполнил приказ капитана, внимательно следя за показаниями барометра. Давление в модуле не упало, когда лепестки наружного люка разошлись в стороны. Утечки воздуха не было. Инопланетяне соединили два корабля очень аккуратно.

Снаружи послышался скрежет, и через минуту в люк протиснулось некое существо. Оно двигалось осторожно, касаясь переходной палубы чем-то, что было зажато в конце одной из четырех рук.

Существо имело по две пары рук и ног и длинное, тонкое тело. У него почти не было шеи, вероятно, подвижность его головы обеспечивали широкие складки.

Пока Стрейнжбери рассматривал отдельные детали внешности инопланетянина, существо

изящно повернуло к нему голову, и взгляд двух его больших выразительных глаз мельком скользнул по объективу сканера, который передавал все, что попадало в поле его зрения. Затем таинственное существо обратилось к Стрейнжбери.

В следующее мгновение в переходе появилось шесть четвероногих существ, одно за другим. Они шли так же уверенно, как и их первый представитель.

Все семь живых существ прошли в открытую дверь из шлюза.

Как только они вошли, и в мозгу Стрейнжбери неожиданно проявилось нечто чуждое. Чужие мысли. Сначала он решил, что это пришельцы телепатически обращаются к нему, но тут же сообразил, что посторонние мысли, возникающие в его сознании, предназначены вовсе не для него. Это было мысленное послание старшего из инопланетян своему командиру, который остался на корабле:

— Дзинг — старшему. Мы внутри. Это — отсек управления. Воздух стерилен. Давление и содержание атмосферы здесь незначительно отличаются от давления и состава у поверхности Карна. Предварительная оценка: пришельцы могут дышать нашим воздухом. Передаю их

изображение.

В первый миг Стрейнжбери подумал, что сейчас увидит себя глазами инопланетянина, но этого не произошло. Очевидно, его сознание воспринимало только речевые образы, а не видеоряд.

Некоторое время инопланетяне молчали, вероятно выслушивая инструкции. Затем повторил полученный приказ, и на этот раз Роджер его услышал.

«Обработать пленных, сняв с них одежду. Проследите, чтобы на их телах не осталось предметов, которые можно использовать как оружие. Обращаться крайне осторожно. Постарайтесь им не повредить. Пленные являются ценными источниками информации».

Роджер взглянул на своих людей. Казалось, они были потрясены.

— Я слышу, что они думают, — едва шевеля губами прошептал Тэлли.

— Я — тоже, — ответил Стрейнжбери. — Они не должны об этом знать.

Ближайший инопланетянин ощупал скафандр Тэлли и ловко разгерметизировал основной шов.

— Не сопротивляться, — скомандовал Стрейнжбери. — Будем действовать по обстоятельствам, выжидая благоприятного момента.

Инопланетяне игнорировали эти разговоры. Возможно, они просто не слышали их, как не слышали мыслей землян.

Телепатическая связь оказалась односторонней — люди могли слышать мысли обитателей Карна, но те и не подозревали об этом.

Стрейнжбери был обезоружен и раздет, точно так же, как и его экипаж. Если чужаки заберут землян с собой, Браун не найдет их никогда. Да и станет ли искать?

Дзинг опять послал сообщение:

«Пришельцы ведут себя разумно. Полагаю, они осознают свое положение и не пытаются сопротивляться... Да, понял. Произвести частичный демонтаж летательного аппарата с целью проанализировать реакцию пришельцев».

Карнийцы немедленно приступили к работе. Панель управления шлюпки была разобрана первой. Листы палубного покрытия разрезали и выгнули. Вскоре пришла очередь систем навигации и контроля. Экипаж модуля не препятствовал этой варварской деятельности. Земляне сидели в своих креслах и ждали. Им оставалось надеяться, что карнийцы не повредят что-нибудь серьезное, например систему кондиционирования.

Капитан Браун должен был видеть это разру-

шение; но не вмешивался, пока очередь не дошла до системы жизнеобеспечения.

— Экипаж, внимание! Беру управление на себя. Через несколько секунд ваш шлюз будет загерметизирован, а модуль получит команду возвращаться на звездолет.

Для землян это означало — покрепче взяться за подлокотники кресел.

Палуба модуля внезапно опрокинулась. Ремни безопасности мгновенно обвили тела землян, намертво закрепив астронавтов в креслах. Инопланетянам пришлось хуже.

Перегрузка швырнула Дзинга на одну из стен отсека управления. Он попытался схватиться своими многочисленными руками за поручни, но не сумел. Инопланетян швыряло из стороны в сторону, пока, наконец, модуль не закончил разворот и не устремился к звездолету с ускорением около пяти g. Браун не церемонился.

Маневр удался. Карнийцы не успели или не смогли перехватить управление.

Ужасная перегрузка ослабла. Инопланетяне зашевелились.

Роджер «услышал», как Дзинг докладывает о происшедшем. Через минуту он «услышал» и повторенный карнийцем приказ.

«Продолжайте наблюдение. Не оказывайте сопротивления. Постараться проникнуть на большой корабль».

Модуль продолжал движение к звездолету, но Стрейнжбери не стал делиться услышанным с Брауном. На всякий случай.

Было удивительно, что ни броски от стены к стене, ни существенные перегрузки не причинили карнийцам серьезных повреждений. Роджер обдумал это, проанализировал поведение инопланетян и пришел к неожиданному выводу: это роботы. Что ж, вполне разумно. Подлинные обитатели Карна решили не рисковать собственной головой в таком опасном деле.

Теперь оставалось выяснить, как можно использовать ситуацию, полученные знания и этих инопланетных роботов, чтобы добиться собственных целей, обыграть Брауна, стать капитаном и подчинить себе «Надежду Человечества».

Для начала следовало проделать с инопланетянами то, что они только что проделали с землянами. Вдобавок их следует связать. И покрепче.

— Хейнке, Грейвз.

— Да! — Двое мужчин отозвались одновременно.

— Подойдите к этим уродам, проверьте, что у них есть, и отберите все подозрительное.

Люди переглянулись. Приказ явно не вызвал у них энтузиазма.

Тем не менее они его выполнили. Инопланетяне не сопротивлялись.

Не сопротивлялись они и тогда, когда их связали прочными металлопластовыми лентами.

Итак, команда захватила разведывательный отряд Дзинга.

Как Стрейнжбери и ожидал, Карн продолжал поддерживать с ними телепатическую связь. Дзинг доложил своей группе контакта:

— Я думаю, что мы сделали все достаточно хорошо.

Видимо, с планеты пришел ответ, на который он ответил:

— Да, командир. Мы подчинились и находимся в плену. Будем ожидать дальнейших событий... Как нас держат? Всех привязали к палубе, к разным механизмам. Мы все в главной секции, которую они приспособили для нашего содержания. Рядами жестких металлических лент связаны наши руки и ноги. Мы можем, конечно, освободиться от них в любое время. Но не думаю, что такие действия целесообразны.

Стрейнжбери задрожал; но сделанного назад не вернешь.

Он приказал своему экипажу:

— Одевайтесь. Потом начинайте восстанавливать корабль. Всю обшивку из палубных плит закрепите на своих местах, за исключением восьмой секции. Они разобрали несколько приборов, и я буду чувствовать себя спокойнее, если сам все соберу.

Когда Стрейнжбери оделся, он с удовлетворением узнал, что система внутреннего контроля больше не заблокирована. Первое, что он сделал, это отключил дистанционное управление. Затем Роджер изменил курс шлюпки и вызвал Брауна. Экран через мгновение засветился, а потом в нем с недовольным видом появился капитан.

Браун мрачно произнес:

— Я хочу поздравить тебя и твою команду с успехом. Кажется, теперь мы имеем некоторые преимущества над этой расой. После того, как вы передадите пленных, мы повторим попытку приземлиться на этой планете. И кроме того, мне хотелось бы выяснить, почему эта планета ранее считалась необитаемой.

Так как приземлиться на Карне, по мнению Рождера, было делом гибельным, он просто про-

молчал, ничего не ответил.

Браун казался растерянным.

— Роджер Стрейнжбери, — сказал он. — Ты должен понимать, я тоже считаю ситуацию чрезвычайно опасной для вас и, — тут он добавил поспешно, — для всей экспедиции. Но кто-то должен принять на себя риск.

Что поразило Стрейнжбери, когда он услышал слова капитана, так это то, что Браун не позволит ему вернуться на корабль. Но Стрейнжбери преследовал собственные цели.

«Я должен раскрыть все свои замыслы и, очевидно, предложить компромиссное решение,» — подумал он, потом глубоко вздохнул, мельком глянул в глаза изображению Брауна на экране и сказал, с осознанным мужеством человека, для которого назад пути уже нет:

— Мне кажется, что у нас есть два выхода из создавшейся ситуации. Мы можем решить все наши личные проблемы путем демократических выборов, или ты дашь согласие на мое назначение на должность исполняющего обязанности капитана. Ты будешь одним из капитанов, а я — другим.

Кто-то другой из команды решил бы, что это реплика полного идиота, однако Браун, правильно

понял происходящее. Он произнес с усмешкой:

— Итак, ты играешь в открытую. Хорошо, позволь мне высказаться, Роджер. Когда у власти были Стрейнжбери, никаких мыслей о выборах ни у кого не было. И тому были веские основания. Космическим кораблем может командовать только кто-то из технической аристократии. И это должен быть один человек. Что касается совместного командования, то это нереально.

Стрейнжбери вынужден был солгать:

— Если мы решим выполнить свою миссию, мы будем вынуждены, в конце концов, признать равную власть, — вынужден был солгать Стрейнжбери. — Один из нас станет властвовать на планете, другой — на корабле. Для обсуждения условий нам нужно встретиться лично.

— Я не могу довериться тебе и разрешить вернуться на корабль! — категорически объявил Браун. — Ты не будешь командовать звездолетом.

— Хорошо, значит, звездолетом будешь командовать ты, — предложил Стрейнжбери. — Все практические детали нашего договора мы сможем спокойно обсудить позже.

Капитан Браун не смог сдержать своих чувств. Он вспыхнул:

— Твоя семья правила нами свыше пятидесяти лет! Как можешь ты считать и чувствовать, что у тебя есть какие-то права?

Стрейнжбери возразил:

— Что ты можешь знать о моих чувствах?

— Замысел наследования власти принадлежал первым Стрейнжбери. — продолжил Браун, злобно усмехаясь. — Это не было запланировано.

— Но сейчас власть у тебя, — сказал Стрейнжбери, — и ты пользуешься преимуществами этого.

— Смешно! Почему правительство Земли, которое было у власти, когда корабль покидал Землю и каждый член которого давно уже умер, должно было назначить кого-то на должность капитана...

Браун ответил сквозь стиснутые зубы: — Я не могу понять, почему ты думаешь, что должность капитана должна передаваться от отца к сыну в твоей семье?!

Стрейнжбери молчал, пораженный теми чувствами, которые он обнаружил в этом человеке. Он почувствовал, что ситуация более чем прояснилась, если так можно сказать, и следующий свой ход сделал без угрызения совести.

— Капитан, ситуация кризисная. Я намерен отложить нашу борьбу. Почему бы не доставить

одного из этих инопланетян на корабль и не задать ему вопросы, используя видеопленки или другие способы передачи информации? Позже мы сможем обсудить наши взаимные претензии.

Глядя в лицо Брауна, он увидел, что его предложение приемлемое. Его проницательность дала ему преимущество.

Браун быстро ответил:

— Поднимись на борт только ты... с одним из пленных. И больше никого!

Стрейнжбери почувствовал головокружение от волнения. Браун попался на его приманку. Он подумал:

«Это вроде упражнения по логике. Он пытается убить меня как можно скорее и пытается сделать так, чтобы я остался в одиночестве. Если я буду один, он успокоится, так как сможет уничтожить меня без опасности для себя. Но очень проблематично: сможет ли он справиться со мной на корабле? Что ж, у меня есть свой план, как достигнуть цели».

Браун нахмурился и сказал обеспокоено:

— Послушай, Стрейнжбери, ты уверен, что, если это существо попадет на борт корабля, это будет безопасно?

Стрейнжбери покачал головой.

— Думаю, серьезных оснований для беспокойства нет, — солгал он.

Браун, казалось, что-то обдумывал:

— Хорошо, я подумаю над твоим предложением, и потом мы сможем обсудить дополнительные детали.

Стрейнжбери решил ничего не отвечать. Он кивнул головой и выключил связь. На душе у него кошки скребли.

«Что еще я мог сделать?» — подумал он.

Стрейнжбери осмотрел часть палубы, оставленной открытой по его просьбе. Наклонившись, он начал быстро изучать маркировки на пучках проводов, словно точно знал, где следует искать нужный провод.

Он нашел те соединения, которые разыскивал, — запутанную систему кабелей и световодов, изначально составлявших основу линий программного управления системы посадки — усовершенствованный механизм Валдо, способный посадить корабль на планету и поднять его.

Стрейнжбери осмотрел все элементы цепи и разблокировал их.

Потом Рождер перепрограммировал управляющие цепи модуля так, чтобы ими можно было управлять с помощью несложного дистанцион-

ного устройства. И это устройство он положил себе в карман.

Стрейнжбери поспешно сдвинул панель на щите управления. У него не было времени закончить все аккуратно. Следующее, что он сделал, — открыл кладовую и извлек из нее специальную сеть, которая при подаче на нее энергии была способна экранировать любые поля. Кроме этого, он достал мощное взрывное устройство. Отделив Дзинга от остальных, он прикрепил к его спине мину и отрегулировал один из сенсоров дистанционного пульта так, чтобы прикосновением к нему можно было эту мину активировать. Дзинг отнесся к манипуляциям человека совершенно равнодушно.

Еще один сенсор был настроен так, чтобы включать и отключать подачу энергии на экранирующую сеть. Путем простого эксперимента Стрейнжбери установил, что сеть достаточно надежно изолирует инопланетянина, не давая тому возможность осуществлять связь со своими. Средство простое и единственно возможное. Затем он разместил на спине Дзинга, рядом со взрывным зарядом, компактное устройство-передатчик, которое генерировало телепатическое излучение инопланетянина на уровень более низких

частот. Миниатюрный дешифратор Рождер встроил в свой пульт, а воспроизводящее устройство размером с маковое зернышко прилепил к собственному зубу. Теперь при необходимости он мог бы слышать мысли инопланетянина, даже когда тот находился на расстоянии пятидесяти метров. Даже — под экранирующей сеткой. Когда все приготовления были закончены, Стрейнжбери опять положил крошечный пульт дистанционного управления в карман. Он не активировал сеть. Еще не активировал.

Из своей камеры Дзинг телепатировал:

— Важно, что эти существа избрали меня для изучения. Мы можем сделать вывод, что это — математическая случайность, или... они очень наблюдательны. В любом случае неразумно возвращаться на Карн, не побывав на их большом корабле.

Зазвучала сирена. Стрейнжбери увидел на краю одного из экранов яркое пятно. Оно быстро приближалось. «Надежда Человечества». Посадочный модуль приближался к звездолету.

Однако капитан Браун не дал команды принять модуль в ангаре. Стрейнжбери вынужден были пристыковаться к одному из внешних шлюзов. Здесь их уже ждали техники с необходимым

оборудованием.

Возглавлял бригаду встречающих второй помощник Силвайн. Высокий чин для такой простой задачи. Силвайн поздоровался с Рождером достаточно приветливо. «Упакованного» и заэкранированного пленника погрузили на тележку и доставили в стендовый отсек. Здесь уже ожидал капитан. По его команде остальные удалились. В отсеке остались только он, инопланетянин и Роджер.

Браун подошел вплотную к Стрейнжбери и протянул ему руку. Как и все Брауны, он был крупным мужчиной, значительно выше Роджера.

— Искренне рад тебя видеть, — объявил Браун.

«Он пытается прийти в себя, — думал он. — Я застал его врасплох».

Тем временем Браун продолжал тем же сердечным тоном:

— Я долго думал над твоими предложениями. Первый вариант отпадает. Выборов не будет. Сейчас не то время.

Стрейнжбери благоразумно промолчал.

— Остается второй вариант, — продолжал Браун. — Ты будешь капитаном там, на планете, а я здесь, на корабле. Так что не будем терять времени. Давай прямо сейчас и договоримся обо всем.

Договоримся и огласим наше решение по общей связи. Годится?

Стрейнжбери представил себя сидящим в кресле рядом с Брауном. Неплохая перспектива. С другой стороны, что ему даст звание капитана на планете, где нет людей? И вдобавок полным-полно существ, превосходящих их в техническом отношении.

Но спорить не следовало. Сейчас преимущество было на стороне Брауна.

— Почему бы нам не пойти в более удобное место и не обсудить детали? — предложил капитан. — Я думаю, этот, — он кивнул на инопланетянина, — никуда не денется.

Роджер не стал возражать. Они прошли в резервную рубку.

Вспомогательная рубка управления была большим, квадратным помещением, примыкающим к массивным центральным двигателям. Она дублировала все системы управления кораблем, расположенные на капитанском мостике на верхней палубе. Большой корабль мог в равной мере управляться и отсюда, и с капитанского мостика. В экстренных ситуациях вахтенному офицеру было дано право самостоятельно принимать решения.

Стрейнжбери быстро сделал расчет и решил, что сейчас на мостике вахта старшего помощника Миллера, верного единомышленника Брауна. Вероятно, он наблюдает за ними по видео, готовый прийти на помощь Брауну по его малейшему сигналу.

Роджер практически без возражений выслушал все, что было предложено ему капитаном. Он решил, что ему следует не спорить, не возражать, а демонстрировать полное согласие. И тем самым полностью притупить бдительность Брауна. А когда подвернется благоприятный момент — уничтожить соперника.

Прошло менее часа — и соглашение было составлено. Браун официально представил Роджеру полномочия, равные своим собственным. Но — исключительно там, внизу, на планете. Потом капитан зачитал это соглашение по общей связи. Стрейнжбери почувствовал легкое удивление и несколько встревожился. Капитан был абсолютно уверен в своей силе и власти на корабле. Серьезный шаг — возвести соперника в такой высокий ранг.

Последующие действия Брауна были также непонятны. Он подошел, дружелюбно похлопал Стрейнжбери по плечу и сказал, добродушно

глядя в глаза:

— Как вы все знаете, Джон — прямой наследник первого капитана. Никто точно не знает, что произошло полстолетия назад, когда мой дед впервые взял на себя командование кораблем. Но я помню, что старик понимал, что нас ожидает в будущем. Я не сомневаюсь, что он был прав в своих предположениях. Дед умел управлять нашим кораблем. — Браун обаятельно улыбнулся. — Во всяком случае, друзья мои, сейчас можем определенно утверждать, — тут тон его неожиданно стал резче, — что я получил свой пост не по наследству, а потому что мои знания и опыт позволяют мне командовать звездолетом. И все вы это знаете...

Он прервался.

— Нам с Роджером удалось захватить в плен несколько особей расы, проживающей на этой планете. Или информация оказалась неправильно истолкованной, или инопланетяне, с которыми вступили в контакт наши предки, обманули их, но планета, на орбите которой мы оказались, — обитаема... Однако ни для кого не секрет, ресурсы наши почти на исходе, и мы не можем продолжать полет в никуда. Нам предстоит установить контакт с обитателями этого мира

и добиться того, чтобы эти существа не препятствовали нашим планам.

Браун повернулся к Стрейнжбери.

— Как вы думаете, Роджер, что мы должны сделать прежде всего?

Перед Стрейнжбери встала дилемма. Поддержать Брауна? Или нет? Вероятно, Браун говорил искренне. Возможности, открывающиеся перед ним, выглядели особенно волнующими, потому что через несколько мгновений часть его собственного плана должна была открыться.

Стрейнжбери вздохнул, понимая, что пути назад уже нет: «Я привел на корабль шпиона для того, чтобы сыграть свою игру. Что же будет дальше?»

— Почему бы нам не заняться пленником, Джекоб? — поинтересовался он, стараясь говорить так, чтобы голос его звучал спокойно.

Если фамильярность Стрейнжбери и задела капитана, то он этого ничем не показал.

— Да, — согласился он. — Именно это я и намереваюсь сделать.

И отключил общую связь.

Они вернулись в стендовый отсек. Пленник оказался на месте. Он оставался в той же позе. Роджер решил, что это лишний раз подтверждает

его догадку: это робот.

Стрейнжбери решительно сдернул сеть, блокирующую телепатическую связь, и пленник немедленно послал своим ментальное сообщение:

— Я был закрыт материалом, которой препятствует связи и зондированию. Согласно приказу находился в состоянии ожидания. В настоящее время связь восстановлена, и у меня появилась возможность исследовать окружение. Сейчас я пытаюсь определить параметры и конструкцию этого корабля...

Браун подскочил на месте.

— Что это, черт возьми! — рявкнул он.

— Эти существа общаются при помощи телепатии, — спокойно ответил Роджер. — К счастью, они, вероятно понятия не имеют, что мы их слышим. Это большая удача, что мы их слышим, а они нас — нет.

Глаза Брауна гневно сверкнули.

— Эта тварь общается со своими! — зарычал он. — Эта тварь изучает нас и наш звездолет! Ты знал об этом, и ты притащил его сюда! — угрожающе сжав кулаки, капитан навис над Роджером.

Наступил момент откровения.

Стрейнжбери понял, как ненадежны были их

отношения. Тем не менее, он ответил спокойно и достаточно холодно, не выказывая страха:

— Будем считать, что я просто хотел остаться в живых. Полагаю, это не входило в ваши планы, капитан, когда вы послали меня на верную гибель.

Браун опешил. Он знал, что это была правда.

Наступила тишина. Тем временем в мозгу каждого из них вещал «голос» инопланетянина.

— ... корабль имеет ряд преимуществ. Все автоматические системы экономичны и обладают способностью к самовосстановлению. Мощность энергетических экранов на высоком уровне. На корабле присутствуют агрегаты, которые могут генерировать световые импульсы, способные сжигать любые наши перемещающиеся в космосе системы и предметы. Но их энергетическая установка весьма несовершенна. Фокусировка разгонных полей некорректна, вариаторы частиц разбалансированы. Можно предположить, что этим существам непонятен основной принцип работы силовой установки, собранной эмпирически. У них полностью отсутствует дифференциация частиц по энергиям. В результате этого фактическая мощность снижается примерно в двести-триста раз и вместо разгона

корабля до релятивистских скоростей при той же затрате энергии они могут достичь только десяти-пятнадцати процентов предельной скорости. Кроме того, у них отсутствуют гравитационные стабилизаторы, что крайне затрудняет маневрирование вблизи больших масс материи. В настоящее время я занимаюсь дешифровкой языка их информационных накопителей. Как только я закончу эту работу, у нас появится полная информация о них самих, их технике и исходных координатах их системы. Однако и в настоящее время можно сделать вывод, что эти существа не в состоянии противостоять нам. Я свяжусь с вами...

Стрейнжбери вскочил и быстро набросил на инопланетянина экранирующую сеть.

Но, возможно, он уже опоздал.

— Пошли в рубку, — резко скомандовал Браун.

Роджер подчинился.

В рубке капитан снова включил общую связь.

— Передаем срочное сообщение. Хочу, чтобы все знали: мы научились читать мысли нашего пленника и уже перехватили его ментальное послание на планету, расположенную под нами. Это дает нам серьезные преимущества.

Он повернулся к Стрейнжбери:

— Верно, Роджер?

Стрейнжбери кивнул. Он был удивлен тем, что Браун не выказывал видимого беспокойства, тогда как самого Роджера последние слова Дзинга просто поразили. «Эти существа не в состоянии противостоять нам». Рождер пребывал в растерянности оттого, что Браун не придал значения сказанному. А капитан тем временем восторженно обратился к нему:

— Я потрясен этим явлением. Удивительно быстрый вид связи. Если бы мы тоже смогли его использовать!

— Да, — задумчиво проговорил Роджер. — Было бы интересно попробовать. У меня есть кое-какие идеи...

Теперь пора было воспользоваться главным козырем. У Стрейнжбери в кармане находился пульт дистанционного управления, который обладал приоритетным правом по отношению к любому командному воздействию. К сожалению, это устройство давало власть только над механизмами маленького посадочного модуля. Но Стрейнжбери решил, что если обеспечить прямую связь между управлением модуля и управлением звездолета, что в принципе не так уж сложно, и заложить в систему приоритет ко-

манд с модуля, то Роджер получит возможность отменить или одобрить любую команду, поступившую в управляющие системы звездолета, откуда бы она ни пришла. Хоть из главного компьютера, хоть с капитанского мостика.

Черт возьми, Браун сам дал ему шанс. Стрейнжбери сдержал свое волнение и, как всегда, ровным голосом предложил:

— Капитан, позвольте мне заняться этой идеей, пока вы будете попытаться установить двусторонний контакт с инопланетянами. Я думаю, что если использовать ментальные датчики систем управления посадкой и взлетом...

Браун не возражал. Он даже передал в распоряжение Роджера третьего помощника Сореля, а тот, в свою очередь, предоставил Стрейнжбери необходимых специалистов.

Задача оказалась не такой уж сложной, когда в распоряжении Стрейнжбери появились десятки рабочих рук.

Только один из подчиненных рискнул выразить сомнение в действиях Стрейнжбери:

— Но, Роджер, — сказал он, — как может управляющая система какого-то модуля иметь приоритет перед управлением корабля? Ваше предложение противоречит всем пунктам

руководства по полетам. Вместо проверенной электроники использовать какое-то абсурдное... я... это... необычно.

Это было необычно. Но Стрейнжбери боролся за свою жизнь и средством для этой борьбы стал дистанционный пульт у него в кармане. Потому он сказал непреклонно:

— Ты хочешь рассказать об этом капитану Брауну?! Ты хочешь рассказать ему?!

— Нет, нет! — тут же пошел на попятную техник. — Я слышал, вас объявили капитаном в равной должности, точно такой же, как капитан Браун. Вы — наш начальник. Что прикажете делать?

Когда Роджер вернулся в рубку, все приготовления к осуществлению его плана были закончены. Но Стрейнжбери все еще колебался. Его терзали сомнения.

Снова капитаны остались наедине.

— Капитан, — тихо проговорил Роджер, решившись, — я хочу сообщить тебе, что доставил на борт судна Дзинга в надежде использовать его против вас.

— Да... Это дружеское и откровенное признание, — мягко ответил Браун.

— Я обращаю внимание на это, — продолжал

Стрейнжбери, — потому что если и у тебя есть камень за пазухой, мы должны объясниться до того, как это станет известно всем.

Яркие, как цветки, пятна запылали на щеках Брауна. Наконец, он медленно произнес:

— Я не знаю, как смогу убедить тебя, но я не занимаюсь интригами. — Стрейнжбери мельком глянул на открытое лицо Брауна и неожиданно осознал, что капитан звездолета говорил искренне. Браун пошел на компромисс. Решение объединить должности капитанов было нужно ему для каких-то своих, неведомых Стрейнжбери, целей.

Стрейнжбери испытывал сложные чувства: удовлетворения и сомнения. Он не мог полностью преодолеть свой страх перед Брауном. Тот предложил ему мир на борту корабля. Мир за плату, конечно, но все-таки мир.

И в этом критическом положении Браун признал законность действий своего политического противника.

Без всяких дальнейших колебаний Стрейнжбери сказал Брауну, что существа, которые были взяты на борт спасательной шлюпки, — роботы, в них нет ни единой живой клетки.

Браун задумался...

— Но я не понимаю, как они могли быть использованы для захвата корабля? — наконец произнес он.

— Я и сам этого пока не знаю, — солгал Роджер, — но у меня есть кое-что...

Стрейнжбери опустил руку в карман, собираясь показать капитану крошечное устройство дистанционного управления, с помощью которого можно было управлять и взрывным устройством на спине робота, экранирующей сетью и еще кое-чем...

Неожиданно Стрейнжбери остановился: его поразило изменившееся до безобразия лицо Брауна. Тот мельком глянул на видеоэкран, где появилось изображение третьего помощника Сореля.

— Да, Дан... Что ты думаешь обо всем этом?

Стрейнжбери с ужасом обнаружил, что Сорель слушал весь их разговор. Он, находясь на площадке выше их, слышал каждое слово.

— Да, капитан. Я совершенно уверен, что теперь он сказал нам то, что мы ожидали от него услышать.

Сорель вынул бластер и направил его на Роджера.

Стрейнжбери увидел, что Браун встал со своего кресла. Офицер повернулся и, выпрямившись,

произнес официальным тоном:

— Технический специалист первого класса Стрейнжбери, мы узнали о том, что вы нарушили свой служебный долг, узнали о тайных планах свержения законного правления на этом корабле, о плане использования роботов с Альта для уничтожения команды корабля, а также о других преступлениях... В такой экстремально опасной ситуации, объединив вместе все совершенное вами, и учитывая уже имевший место прецедент, когда в аналогичной ситуации ваш предок, первый капитан Стрейнжбери приговорил к казни лидера бунтовщиков, я, данной мне властью капитана, приговариваю вас, Роджер Стрейнжбери, к смерти. Исполнит приговор третий помощник капитана Сорель...

Пока Браун говорил, произошло два события. Стрейнжбери нажал на дистанционном пульте сенсор, управляющий модулятором. Он коснулся сенсора совершенно автоматически, конвульсивно, жестом, вызванным реакцией организма на слова капитана. Это произошло помимо его сознания. Когда же Стрейнжбери понял, о чем думает Дзинг, это не принесло ему облегчения. У него оставалась только одна реальная надежда — это он осознал почти мгновенно. Держа руку

в кармане куртки, он начал манипулировать с блоком дистанционного управления устройства, тайну которого не раскрыл Брауну.

Прошла секунда, и Дзинг послал очередное ментальное сообщение:

— Я вновь свободен, и в этот раз окончательно! Прошу разрешения на прекращение пассивных действий.

Вероятно, он получил такое разрешение, потому что тут же продолжил:

— Замкнул на себя систему управления. Начинаю перенастройку фокусировки полей в разгонном двигателе корабля чужих. Это займет несколько минут. Переделаю механизм контроля уровня ускорения корабля...

Браун продолжал говорить, но Рождер его не слушал. Он слушал Дзинга, который вещал:

— Как только я проведу оптимизацию, двигатель этого корабля будет способен развить скорость, приближающуюся к скорости света. Также я синхронизирую искусственную гравитацию так, что она будет меняться в зависимости от ускорения.

Прошло не больше минуты, когда Дзинг доложил:

— Подготовительные работы закончены, про-

вожу тестирование систем, после чего...

Стрейнжбери протянул руку, включил систему оповещения и выкрикнул в микрофон:

— Всему кораблю приготовиться к опасному ускорению! Немедленно занять места, предусмотренные расписанием, и пристегнуться!

— Ты спятил! — закричал Браун.

— Это ты спятил! — заорал на него Роджер. — Садись в кресло, быстро!

— Сорель! — рявкнул Браун. — Выведи его отсюда. Он...

Внезапно пол под ногами капитана слегка завибрировал. Браун бросился к коммуникатору:

— Что за дьявольщина? — зарычал он. — Миллер! Какого хрена ты запускаешь маршевые...

— Это не я! — раздался в динамике панический возглас.

Вибрация усилилась.

— В кресло, Браун! — заорал Роджер. — Живо!

Он не собирался убивать капитана Брауна. Даже увидев направленный на него бластер Сореля. Он не изменил своего первоначального плана.

Браун, наконец, осознал грозящую ему опасность. Он метнулся назад, к креслу капитана, с которого встал несколько минут назад. Его протянутые руки были в футе от кресла или чуть

больше, когда гравитационный удар швырнул его на палубу. Лежа на спине, Браун оперся ладонями о пол. Он упал на что-то мягкое. Вероятно, это спасло ему жизнь. Ценой невероятных усилий он сумел сесть. В том месте, где его прижало к стене, была диванная подушка, она и защитила Брауна. Словно резиновую игрушку тело капитана несколько раз приподнимало и швыряло на нее.

Прижатый к стене несколькими g на время разгона корабля, он крикнул сдавленным голосом:

— Стрейнжбери, спаси меня! Я сделаю все, что захочешь!

Жалкие мольбы этого сильного человека удивили второго капитана. Конечно, он не мог сделать ничего, так как тоже был прижат ускорением. Но он был изумлен тем, что Браун рассчитывал на милосердие противника после всего случившегося.

Ускорение перестало расти, не достигнув опасной величины, когда из-за перегрузки могли бы начать ломаться кости. Стрейнжбери быстро понял опасность своего положения.

Он повернулся к Брауну, чтобы переговорить с ним. Тот все еще никак не мог прийти в себя.

Во время ускорения Стрейнжбери пришлось

расслабиться, чтобы спинка кресла приняла на себя всю колоссальную нагрузку. Все это время он продолжал слушать телепатическую передачу Дзинга.

— ... Хорошо, пока достаточно, — это он повторял приказ с Карна. — Я включил двигатели на четырехкратную перегрузку, чтобы уложить на палубу этих двуногих, но не убить их. Сколько мне еще находиться на этом корабле?

Наступила пауза, и, очевидно, он получил новое распоряжение. После этого Дзинг продолжил:

— Мне нужно еще время для исследования двигательного отсека. Там есть несколько пультов управления с неисправностями, требующими регулировки. Технический уровень этих систем высок, и я могу все сделать на расстоянии...

Внезапно дверь в рубку открылась, и вошел инопланетный робот. Двигался он так легко, словно не замечая перегрузки. Не обращая внимания на людей, он что-то переключил на пульте и удалился.

Спустя минуту после его ухода Стрейнжбери понял, что случившееся позволит ему продолжить борьбу за власть на корабле. В этом, конечно, основную роль сыграет его замысел по использованию Дзинга.

Стрейнжбери решил, что Браун также видел Дзинга. Два человека пристально глянули друг на друга, а потом Браун попытался заговорить. Без ужаса смотреть на него было нельзя. Перегрузка растянула его губы, обнажила мышцы на челюсти. Она изменила звук голоса Брауна. Стрейнжбери разобрал только несколько слов:

— ... твои безумные действия... Мы будем захвачены... уничтожены...

«Будь я проклят. Он пытается взвалить всю ответственность на меня», — подумал Стрейнжбери.

К Стрейнжбери пришло чувство вины, но не более чем на мгновение. Вопрос был в том, кто был источником опасности для людей, которые не выглядели такими простаками, каким хотел казаться Браун... Почему, например, Браун присвоил себе право осудить Стрейнжбери на смерть?

Стрейнжбери не высказывал вслух свои мысли, пытаясь выпрямить правую руку. Сгибая локоть, он убедился, что сделать это невозможно. Осторожно он убрал руку назад и, опираясь на пальцы, плотно сжав их, схватился за кресло управления... нащупал кнопки.

Он добрался до них! Удерживаясь в равновесии,

он нажал одну из кнопок, и кресло развернулось в сторону борта корабля...

Стрейнжбери перевел дыхание. Сознание начало вновь подчиняться ему. И, хотя это было сказано словно с куском мыла в зубах, он, сделав большой глоток воздуха, обратился к Брауну:

— Сколько топлива осталось... в двигателях?

Невозможно передать крайнюю степень удивления на лице Брауна после такого вопроса. Командир пробормотал в ответ:

— Много...

Стрейнжбери испытал огромное разочарование. Не раздумывая, запустил систему приоритетного управления. Теперь ни робот, ни дежурный на мостике не могли оспорить его приказов. Рождер набрал аварийный код, блокируя энергетическую установку. Но это был не тот процесс, который можно прервать мгновенно. Еще один код — и на дисплее возникла информация по остатку топлива.

Печально. И удачно. Стрейнжбери понял, что колонисты были обмануты. Нехватка топлива была сильно преувеличена Брауном. Он просто использовал свою власть, чтобы отправить модуль на планету и уничтожить Стрейнжбери. Сейчас любые слова были лишними.

Печально же было то, что дефицит топлива не остановит движения звездолета в сторону Карна.

Надежда заключалась в том, что топливо в двигателях сгорит и даст возможность... Они смогут избежать перегрузки за счет использования... Тот метод, который он решил использовать, был чрезвычайно опасным. Тем временем...

Стрейнжбери нажал кнопку на правом подлокотнике кресла управления.

Кресло развернулось. Резкий поворот перевернул все внутренности Стрейнжбери, его ноги и руки дернулись, а потом с усилием суставы встали на место. Задыхаясь, с глухим стуком, упал он на мягкую спинку кресла. Голова кружилась, но он был невредим. Спустя некоторое время Роджер был готов к дальнейшим действиям.

Напрягая мышцы рук, он с большим усилием пальцами дотянулся до кармана, в котором находилось нечто, превратившееся в чугунную гирю. Секундой позже его рука — посиневшая и онемевшая, сжала этот предмет.

Изо всех сил Стрейнжбери сжал руку, чтобы вынуть устройство дистанционного управления, которое находилось в его кармане.

Но он не решился сразу же выполнить первую часть операции.

«Нужно подождать, пока Дзинг не отойдет на некоторое расстояние отсюда,»— подумал он.

Он присел; точнее, остался в своем сдавленном положении, с трудом дыша, сознавая, что тратит остатки сил. Это встревожило его. Был ли он в состоянии так долго выносить перегрузку в четыре g в положении сидя. Роджеру уже казалось, что его лицо, щеки, подбородок, стекло вниз и висит где-то на уровне груди.

Тем не менее, если бы он уничтожил Дзанга сразу, это оставило бы его один на один с Брауном и его приспешниками, поставило бы перед лицом смерти, к которой его приговорил Браун.

Прошло уже достаточно времени. Сейчас он мог бы остановить двигатели и прекратить ускорение. Но если это случится, то может обеспокоить робота. И кто знает, на что способна эта штука? Вдруг инопланетянин исхитриться заблокировать приоритет Роджера?

Как рассуждал Стрейнжбери, имело смысл подольше воздерживаться от решительных действий, ожидая лучшего шанса. И не следовало забывать, что именно Дзинг увеличил мощность двигателей. Больше того, ему ничего не стоило, использовав такую огромную мощность, развить ускорение в десятки g. Да он запросто мог бы не

только мгновенно умертвить людей, но и разрушить весь корабль.

Шли минуты. Стрейнжбери не сводил глаз с данных, которые ползли сразу по четырем дисплеям. Роджер достиг крайней степени возбуждения и предельной остроты мышления. Но в какое-то время он вдруг с ужасом осознал, что время уходит.

Зато он проанализировал данные и пришел к совершенно потрясающему выводу.

Ускорение корабля составляло двенадцать g.

В то время, как испытываемая ими перегрузка, судя по субъективным ощущениям Роджера, была около четырех g. А потребление топлива упало в сотни раз. Сейчас разгон происходил на буквально мизерных остатках, так как Стрейнжбери уже давно перекрыл поступление в двигатели рабочего вещества.

У Стрейнжбери появилось ощущение некоторой нереальности происходящего. Это было что-то новое, неслыханное. Это означало, что в системе управления двигателями при помощи телекинетического воздействия были произведены глобальные улучшения. Те же изменения были сделаны в системах искусственной гравитации.

До сих пор использование искусственной гра-

витации одновременно с работой двигателей в режиме разгона корабля было невозможно. Просто не хватало энергии. Но Дзинг исправил и это. Изменив «настройки» двигателя корабля, он увеличил его реальную мощность на несколько порядков; теоретически она стала в десятки тысяч раз больше.

Сидя в противоперегрузочном кресле, еле дыша под грузом своего четвертьтонного тела, Роджер Стрейнжбери вдруг почувствовал, что вселенная вдруг стала очень доступна. И ему неожиданно стало очень обидно за тех, кто жил на звездолете до него. Все это время, весь свой вековой полет сквозь бездны космоса, «Надежда Человечества» уже имела потенциал для того, что происходило сейчас, для этой сверхвысокой скорости.

«Доктор Тэлли не достиг своей цели, — подумал Стрейнжбери, — не сумел! И в результате космический корабль, достижение людей, блуждал из поколения в поколение в бесконечной пустоте межзвездного мира».

Время уходило. Ждать становилось опаснее, чем действовать. И Стрейнжбери начал действовать, хотя и понимал, что в тот момент, когда робот будет разрушен, силы, стоящие на стороне Брауна, получат перевес.

«Если бы у меня было несколько минут на то, чтобы обезопасить себя от Брауна...» — подумал Роджер.

Но медлить было нельзя. Он активировал взрывное устройство и сразу же отключил двигатели.

Тело его моментально потеряло вес. Вернее, снова обрело вес обычный — электроника, после исчезновения ускорения, автоматически восстановила стандартную тяжесть.

Стрейнжбери стал настороженно прислушиваться. Если где-то на корабле произошел взрыв, то он должен был его услышать? Или нет?

«Боже мой, может быть, мина не сработала?»

Но на панику не осталось времени. Перед Роджером встали новые срочные проблемы. Браун. На подгибающихся ногах, он, шатаясь, что-то невнятно бормоча, двинулся в сторону своего кресла.

Что ж, ему повезло.

Третьему помощнику Сорелю повезло меньше. Упасть с высоты трех метров при четырехкратном ускорении — стопроцентно смертельный номер.

Он сделал только несколько неуверенных шагов, и вдруг пол опять вздрогнул. Браун оглянулся,

дикими глазами уставился на Стрейнжбери.

— О-о-о! — только и произнес Браун.

От испуга у него широко открылся рот.

Наверное, он ожидал каких-то сверхъестественных сюрпризов, но дело ограничилось тем, что Роджер направил на капитана самый обыкновенный лазерный пистолет.

Думать о Дзинге было уже некогда. Надо было действовать.

Рот Брауна открылся еще шире. Он кое-как добрел до кресла и рухнул в него.

— Это... Это...

— Да, — согласился Роджер. — Да, Джекоб, это правда. Ты смотришь на своего врага. Ты пытался несколько раз отнять мою жизнь, однако я дам тебе шанс остаться в живых.

Браун молча глядел на него покрасневшими от перегрузки глазами.

— Имей в виду, что у нас совсем мало времени, — предупредил Стрейнжбери.

— Ты не должен так поступать! — хрипло произнес Браун. — Ты не посмеешь меня убить! Я сделал то, что обязано сделать любое законное правительство в критическом положении. Я обошелся так жестко потому, что имел дело с государственной изменой.

Объяснение звучало бессмысленной глупостью, но Стрейнжбери не стал тратить время на спор. У него хватило ума осознать, что время работает против него.

Он встал и подошел к Брауну, по-прежнему держа его на прицеле.

Капитан побледнел.

— Я же сказал, что у вас есть шанс, — напомнил он. — Для начала я собираюсь задать вам несколько вопросов.

Стрейнжбери чувствовал себя вполне уверенно, держа в руке оружие. Но он не забыл о еще об одной опасности.

Не поворачиваясь, он по прямой связи обратился к вахтенному офицеру на капитанском мостике.

— Дежурный офицер Миллер, вы на месте?

Ответа не последовало.

Тогда Стрейнжбери повернулся к Брауну:

— Прикажите Миллеру ничего не предпринимать. Любая его попытка вмешаться в события вынудит меня использовать бластер против вас... Эй, Миллер? — в этот раз голос Стрейнжбери был резким и требовательным.

Снова никакого ответа.

— Он, наверное, без сознания, — пробормотал

Браун.

Стрейнжбери очень хотел, чтобы было именно так, но времени на проверку у него не было. И он все еще нуждался в Брауне и его знаниях.

И еще Роджера очень интересовал один вопрос: был ли взрыв? Выяснить это было не так уж трудно. Достаточно задать этот простой вопрос по общей связи. Но если он получит положительный ответ, то его противники могут догадаться, что с Дзингом покончено. Тогда Роджер останется один на один с командой врагов. Если об этом станет известно, противники Стрейнжбери будут действовать куда решительнее.

Роджер отважился подождать и продолжить борьбу без крайне необходимой информации. Более того, он попытается сыграть на том, что у них с Брауном появился общий враг — инопланетянин.

И совсем не глупо было, хотя бы косвенно, напомнить капитану о том, что Роджер, несмотря на происшедшее, готов к сотрудничеству и попрежнему относится к Брауну с уважением. Хотя и держа того под прицелом бластера.

— Что беспокоит меня, — задумчиво проговорил Стрейнжбери, — так то, как это существо двигалось. Вы видели, капитан, верно? Склады-

вается такое ощущение, что Дзинг совершенно не испытывал трудностей от четырехкратной перегрузки. Пускай это биомеханический робот, но есть вещи, которые никакому роботу не под силу. При его габаритах инопланетянин должен был весить больше тонны... А как быть, например, с деформацией напольного покрытия... Вы заметили, капитан? Пластик почти не прогибался под тяжестью этой твари?

Браун покачал головой.

— Нет, я не обратил на это внимания. Мне... было не до того.

— А какие сюрпризы он еще может нам поднести? — продолжал Роджер. — Насколько я помню, во время инцидента в посадочном модуле эти существа испытывали перегрузки наравне с нами. Признаюсь вам, капитан: я могу попытаться уничтожить Дзинга. Я закрепил у него на спине дистанционно управляемую мину. Я как раз собирался сказать вам об этом, когда вы начали эту затею с приговором. — Стрейнжбери старался, чтобы его голос звучал достаточно дружелюбно. — Я могу активировать мину, Джекоб, но мне не хочется делать этого, пока нет уверенности, что она сработает.

Стрейнжбери, как бы в глубокой задумчивости,

опустил бластер. Теперь его разрядник смотрел в пол, а не в лицо Брауна.

— Понимаю тебя, Роджер, — проговорил капитан. — У меня есть кое-какие соображения на сей счет...

— Да? — с неподдельным интересом воскликнул Стрейнжбери.

Браун, поняв, что обстановка меняется и противник не станет прямо сейчас жечь его бластером, произнес более спокойным тоном:

— А что будет со мной?

Стрейнжбери внимательно поглядел на капитана. По мере того как Браун успокаивался, он вновь становился прежним, абсолютно уверенным в себе главой экипажа. Сомнения Роджера в том, что ему удастся переиграть Брауна — росли.

— Вы намерены поделиться со мной своими знаниями? — поинтересовался Стрейнжбери.

— А зачем? — цинично спросил капитан. — В моем положении нет смысла помогать тебе. Пока я знаю больше, тебе не выгодно меня убивать.

— А как же экипаж? — осведомился Роджер. — Вы ведь все еще капитан, капитан? И даже не будучи уверенным в собственной безопасности, вы отвечаете за безопасность людей, доверивших вам командование. По крайней мере, я так

понимаю долг капитана. Если эти инопланетяне представляют опасность для людей — а это несомненно! — то вы, Джекоб, обязаны сделать все, чтобы эту опасность предотвратить.

— Это только слова! — отмахнулся Браун.

— Для меня — не только! — возразил Роджер. — Я понимаю, что такое долг и честь.

Ему очень важно было, чтобы Браун поверил: словам Роджера можно доверять.

— Когда вы отдали мне приказ принять под команду посадочный модуль, я повиновался, хотя и понимал, что это — почти самоубийство. Но я был уверен, что у вас нет другого выхода. Я же не знал, что слова о дефиците топлива — ложь.

Он хотел смутить Брауна, и ему это удалось.

— У тебя не было выбора. Не подчиниться приказу...

— А что я терял? — перебил его Стрейнжбери. — Так и так я рисковал жизнью. Лучше поверить — и рискнуть, чем не поверить... И все равно рисковать.

— Ты поверил. — Капитан усмехнулся. — И напрасно.

— Вовсе нет! — возразил Роджер. — Ведь это в моих руках сейчас бластер, верно?

Возразить оказалось нечего.

— Джекоб, это существо угрожает всем нам. И тебе — тоже. Ты думаешь, что я собираюсь тебя убить. Допустим. Но в таком случае тебя все равно ждет смерть, а согласившись помочь, ты, быть может, спасешь жизни множества людей. Да и не стану я тебя убивать, капитан, если мы с тобой договоримся.

— Возможно, ты и прав. Кстати, ты понял, что это существо сотворило с нашим двигателем?

— Не то чтобы понял... Но сумел оценить результат, — ответил Стрейнжбери.

— А скажи мне, Роджер... — Тут Браун сделал многозначительную паузу. — Ты бы хотел вернуться домой?

— В каком смысле — домой?

— На Землю!

— Да, — не колеблясь, тут же ответил Стрейнжбери. — Вы имеете в виду то, что теперь это возвращение займет уже не столетие, а пару десятков лет?

— Не лет, — усмехнулся Браун. — Месяцев.

Стрейнжбери произнес раздраженно:

— Капитан, не думайте, что я — идиот! Мы в дюжине световых лет от Земли. Мы не можем лететь быстрее скорости света!

— Не можем, — согласился Браун. — И тем не

менее... Вы знаете что-нибудь о релятивистской теории, Роджер?

— Совсем немного.

— Если вы... старший техник Стрейнжбери, обещаете сохранить мне жизнь и пост и впредь не пытаться захватить власть. В обмен на это я готов объяснить, каким образом мы можем уже через несколько лет оказаться в пределах Солнечной системы.

— Не слишком ли вы много хотите, капитан?

— Роджер! Послушай меня! Мы все можем вернуться домой! Увидеть синее небо, море и все прочее, что до сих пор видели только на видеоэкранах! И я знаю, как это сделать! Включи сейчас общую связь и спроси у людей: хотят они увидеть Землю? Подумай, парень! Год-полтора — и не важно станет, кто из нас капитан!

— Тогда какая вам разница, Джекоб, кто из нас будет капитаном? — задал встречный вопрос Стерйнжбери. — Почему вы, а не я?

— Потому что я знаю то, что не знаешь ты! Может, хватит ссориться? — Браун покосился на бластер в руке Роджера. — Если ты можешь прикончить инопланетянина — сделай это! Пока еще не поздно!

Стрейнжбери задумался. Что ни говори, в сло-

вах Брауна был смысл. Если он не врет насчет полутора лет... А он, скорее всего, не врет. Что-то такое Роджер читал насчет замедления времени...

«Действительно ли я собираюсь убить его? — подумал он. — И смогу ли я его убить?»

Было трудно поверить, что он мог это сделать при сложившихся обстоятельствах. Но если не убивать Брауна, что тогда?

Роджер вернулся к своему креслу. Он оказался в растерянности.

Шло время, а Стрейнжбери все никак не мог принять решения. Наконец он произнес:

— Допустим, я соглашусь и приму ваши условия. Но где гарантии, что после того, как я это сделаю, вы меня не прикончите? Не могу чувствовать себя в безопасности на корабле, которым командуешь ты.

Браун кивнул:

— Резонно, — согласился он. — Жаль, что я не могу дать тебе гарантий, Роджер. Таких, какие ты примешь без сомнений. Но я могу сказать тебе вот что: какой мне смысл убивать тебя? Еще неизвестно, как нас встретят там, на Земле. А ты — все-таки сын законно назначенного капитана. К тому же ты — один из лучших специалистов на

звездолете. Какой мне смысл тебя убивать, если ты перестанешь угрожать мне?

— Ладно, — протянул Стрейнжбери. — Я обдумаю это. А сейчас расскажите мне, какие у вас были мысли по поводу инопланетянина. По тому, как он управляется с гравитацией и прочим, я боюсь, сладить с ним окажется не так-то просто.

— Это всего лишь предположения, — сказал Браун. — Если насчет локального замедления времени при скоростях, близких к скорости света, я знаю точно и даже могу рассчитать значение коэффициента, то здесь я могу только угадывать. И предполагаю я следующее: этот робот использует некоторые виды энергетических потоков, внутри которых находится. Если ты помнишь, заэкранированный от внешнего мира, он вел себя очень скромно. Так что я думаю, сам он не генерирует эти поля, а скорее использует их градиенты, подобно тому как разница температур порождает электрический ток в термопаре. Это первое возможное объяснение.

— Какое второе? — спросил Стрейнжбери.

— Инопланетянин каким-то образом организует вокруг себя иное пространство, в котором силы инерции действуют по иным законам. Это именно то, что мы видели, когда наблюдали

его в последний раз. Если это правда, то мы наблюдали действительно грандиозное явление. Чтобы понять это, мы можем воспользоваться математическим аппаратом, описывающим теорию процессов, протекающих при скоростях света, и в особенности теорию сжатия Лоренца-Фитцджеральда. В обычной вселенной нет таких условий, при которых масса тел может существенно изменяться. В относительно небольшом объеме. Но если допустить, что чужак умеет это производить... Ей-богу, мне очень жаль, что такое удивительное существо придется уничтожить. Но тут уж ничего не поделаешь: это вопрос жизни и смерти.

Стрейнжбери неуверенно произнес:

— А есть ли какой-нибудь способ определить, какой метод он использовал?

Браун не смог предложить ничего разумного.

— Если это было сочетание энергетических полей, то, вероятно, их зарегистрировали приборы на борту корабля. Их данные можно будет потом проанализировать. Но одно несомненно: знания обитателей этой планеты настолько превосходят наши, что любые научные изыскания, которые будут проводиться не нами, а ими. Так что давайка убираться отсюда как можно быстрее.

Стрейнжбери вспомнил о роботах, которые остались в посадочном модуле. Может быть, удастся как-то использовать их, если Дзинг уничтожен?

Нет, это очень рискованно. Если любой из них способен на то же, что и Дзинг, люди рискуют тут же утратить контроль над звездолетом.

Вслух он сказал:

— Я не в состоянии проверить ваши слова, капитан. И до сих пор не уверен, стоит ли мне принимать ваше предложение.

— Ради бога, Стрейнжбери! — нервно воскликнул капитан. — Ты можешь верить мне или не верить! Но уничтожь это существо, пока он не разделался с нами или пока мы еще не свалились на его планету! Хочешь, чтобы его создатели выпотрошили нас для удовлетворения своих исследовательских интересов? Взорви его, Стрейнжбери! Взорви его и скажи, чего ты хочешь? Я соглашусь на все! В конце концов, это у тебя в руках бластер, а не у меня!

Стрейнжбери насмешливо посмотрел на Брауна.

— А как насчет того, чтобы провести выборы? — поинтересовался он.

— Согласен, — не думая ответил Браун. — Ты их

и организуешь. — Он неожиданно замолчал. — А сейчас приступай к делу.

Стрейнжбери посмотрел на Брауна. Не похоже, чтобы тот пытался его обмануть. В конце концов, у него и впрямь есть бластер... А у Брауна — знания! И это, черт возьми, посильнее, чем бластер. Но ведь и я ему нужен. На кой черт ему меня убивать?

— Ладно, — неохотно произнес Роджер. — Я приму ваши условия. Но немного позже.

Еще оставался Миллер на капитанском мостике. Миллер, который не ответил на видеовызов.

Стрейнжбери, не сводя глаз с Брауна, шагнул к интеркому, коснулся сенсора, и тут же увидел, как на экране появилось суровое, морщинистое лицо старшего помощника. За его спиной Стрейнжбери разглядел контуры капитанского мостика, а дальше — звездное, черное пространство космоса. Стрейнжбери вежливо произнес:

— Помощник Миллер, что вы делали при ускорении корабля?

— Оно застало меня неожиданно... капитан. Я был сбит с ног и некоторое время находился без сознания. Но сейчас со мной все в порядке.

— Отлично, — кивнул Стрейнжбери. — Вы, вероятно, слышали наш разговор? — спросил он.

Миллер молча кивнул. Он никак не выразил своего отношения к происходящему, но Роджер знал, что старший помощник — на стороне Брауна. Он вполне мог связаться с другими офицерами, и сейчас по другую сторону дверей его могла ожидать штурмовая команда, выжидая момента, когда они смогут обезвредить Роджера, не рискуя жизнью капитана Брауна. Да, Роджер чувствовал, что именно так и есть. Там, за дверьми, вооруженная группа ждет команды с мостика, чтобы обезвредить второго «капитана».

Стрейнжбери без предупреждения выключил связь. И спросил себя, как быть дальше?

Офицеры из штурмовой группы должны выбрать момент, чтобы успеть опередить Стрейнжбери, не позволив ему воспользоваться бластером.

«Получается так, что мы стараемся перехитрить друг друга, — подумал Стрейнжбери. — Браун, выиграв эту партию, спокойно вынет пульт из моего кармана и начнет нажимать все сенсоры подряд. И ничего хорошего из этого не выйдет».

И тут он нашел выход.

Стрейнжбери повернулся к бортовой панели и включил интерком.

— Всему экипажу, — произнес он. — Приказ.

Немедленно занять места согласно стартовому расписанию. Командирам секций: позаботиться о тех, кто ранен и не в состоянии сам добраться до противоперегрузочных устройств. Контрольное время — четыре минуты.

Он выключил интерком общей связи.

Вряд ли офицеры из штурмовой группы рискнут топтаться под дверьми после такого предупреждения. Они-то знают, что даже трехкратной перегрузки хватит, чтобы свалить с ног.

Выждав пару минут, Роджер включил спецсвязь с техническими секторами.

— Особое обращение к дежурному техническому персоналу. Слушайте внимательно. Кто-нибудь из вас слышал взрыв десять минут назад?

Ответил ему гнусавый голос:

— Это Дан, техник третьего класса. В коридоре ниже меня был взрыв. Кажется, с тех пор прошло больше десяти минут.

Стрейнжбери едва сдержал свое волнение.

— Где это случилось? — спросил он.

— Генераторный отсек, коридор «С»-четыре-девятнадцать.

Стрейнжбери пробежался по сенсорам терминала, и через мгновение уже наблюдал коридор

«С», который выглядел, мягко говоря, неважно. Стены, потолок, пол — все выглядело грудой искореженного металла и пластика.

Вне сомнений, Дзинг взорвался. Никакое ускорение не могло бы причинить подобные разрушения.

Стрейнжбери вздохнул с облегчением. До самого последнего момента он не был уверен в том — уничтожен робот или нет.

Роджер повернулся к Брауну.

— Капитан, взгляните на монитор!

Браун уставился на изуродованный коридор.

— Что это было? — спросил он.

Стрейнжбери объяснил.

— Ого! — Браун поднял бровь. — Ловко сделано. Выходит, ты все это время блефовал?

— Я не мог рисковать, — ответил Стрейнжбери. — Даже ради того, чтобы стать капитаном. Оно того не стоит. Но все же я не был до конца уверен в успехе. Я ведь не слышал взрыва.

Браун, похоже, согласился с этим.

Стрейнжбери между тем продолжал:

— Ты, капитан, ждешь момента, когда я уберу бластер, верно? Что ж, я его убираю. Надеюсь, что и ты не откажешься от своих слов.

И Стрейнжбери сунул оружие в кобуру. Не без

сожаления.

— Мы сможем вернуться назад в Солнечную систему уже через несколько недель... Боже мой! — Он задохнулся, а потом быстро продолжил: — Я поддержу тебя как командира. Нам не нужны выборы. На такой короткий период времени мне будет достаточно иметь «статус кво». Согласен?

— Конечно, — промолвил Браун. — Этого я и пытаюсь добиться.

Лицо его при этом не выражало ни малейшего лукавства.

Стрейнжбери мельком глянул на эту маску невинности и безучастно подумал: «Что-то тут не то. Действительно ли он согласился? А может, все потому, что он не хочет так быстро потерять свою должность?»

Сидя здесь, еще с бластером в руках, он пытался мысленно представить себя командиром корабля; пытался представить, каково им будет после возвращения на Землю. Но действительно ли Браун собирается возвращаться? Здесь он — повелитель, а кем он станет там? Вдруг он настолько честолюбив, что власть для него дороже возвращения домой? Стрейнжбери очень осторожно произнес:

— Нам должно быть стыдно возвращаться на

Землю, так и не опустившись ни на одну чужую планету, капитан. С той скоростью, которую теперь может развить наш корабль, мы смогли бы за какой-нибудь год посетить дюжину звездных систем.

Выражение лица Брауна подсказало Стрейнжбери, что слова Роджера задели его за живое.

Но следующее мгновение Браун резко покачал головой:

— У нас нет времени на посторонние экскурсии. Мы оставим исследование новых звездных систем будущим экспедициям. Экипаж нашего корабля предоставит им такие возможности. Как только мы разберемся с тем, что представляют из себя наши усовершенствованные двигатели, мы отправимся прямо домой.

Лицо Брауна теперь совершенно размягчилось, голубые глаза сияли честностью и искренностью.

В них Стрейнжбери не нашел даже намека на свое последнее предположение.

«Я был прав, когда уступил ему первенство, — подумал Роджер. — Это достойный доверия человек. Он сдержит слово и я... все мы самое большее через пару лет вернемся домой».

Три года спустя

Рождер ошибся. Он не вернулся домой через пару лет. И Браун тоже. Браун никогда так и не увидел Земли. Его тело поглотил конвертор звездолета. Правда, умер он своей смертью, а не от руки Стрейнжбери.

После того знаменательного дня, когда они открыто противостояли друг другу, Браун и Роджер совсем неплохо поладили между собой.

Поначалу все шло отлично.

Первым делом они изменили траекторию движения звездолета на несколько градусов, и он благополучно покинул орбиту планеты Карн. Незадолго до этого, по предложению Стрейнжбери, оставшихся роботов накрыли экранирующей сеткой, так что они не могли связаться со своими хозяевами и получить новые распоряжения. У Роджера было большое искушение захватить их с собой и исследовать, но Браун сумел его отговорить. Посадочный модуль вместе с чужаками отправили к Карну, а «Надежда Человечества» ушла в открытый космос. Навигаторам, с помощью дистанционного пульта управления, предстояло развернуть модуль по пологой траектории

и совершить мягкую посадку на поверхность планеты. «Но перед этим, — решил Браун, — следует разобраться с теми изменениями, которые внес Дзинг в работу корабельных установок. И опробовать их в деле». К сожалению, это оказалось не так просто.

И потребовало не только значительного времени, но и значительного расхода топлива. После инопланетной «регулировки» двигатели звездолета стали намного менее прожорливы. Фокус заключался в том, что при приближении к скорости света не только замедлялось время, но и стремительно возрастала масса корабля. Это выражалось не в перегрузках, а в том, что каждое новое приращение скорости требовало все больших усилий. Пришлось Брауну и Стрейнжбери штудировать физику и математику Земли и восстанавливать потерянные за годы полета знания. Стрейнжбери науки давались легче, поскольку он был моложе и сообразительнее. Браун же, не желая отставать, постоянно пользовался стимуляторами, что в конце концов и подорвало его здоровье. Капитаны работали вдвоем. Они не стали посвящать в «работу» Дзинга никого из экипажа. Но они официально объявили, что работы, которые ведутся капитаном и его первым (Мил-

лер был смещен на третье место и этим очень обижен) помощником Стрейнжбери, направлены на модернизацию двигателей корабля на основе знаний, полученных от жителей Альты. Если все пройдет благополучно, то большинство членов экипажа вскоре увидят Землю.

Это заявление существенно подняло дух астронавтов. На какое-то время.

Но прошел год, и еще один. И люди привыкли к мысли о возвращении на родную планету. И снова появились недовольные, особенно на нижних палубах.

Ни Роджер, ни Браун, поглощенные своей работой, не придавали особого значения настроению народа. Если все пойдет благополучно и в течение следующего года, как они рассчитывали, им удастся добиться своего, то еще через год они уже будут в пределах Солнечной системы. И тогда недовольство нижних палуб уже не будет иметь никакого значения. Куда важнее было то, что в процессе экспериментов астронавты обнаружили очень любопытный эффект, связанный с гравитацией. А именно: при приближении к релятивистским скоростям и сохранении ускорения, но полной нейтрализации внутренней гравитации, показатели временного коэффици-

ента не соответствовали расчетным, исходящим из уравнений Эйнштейна. Выводы из этого факта были вообще сногсшибательны. Выходило так, что при околосветовых скоростях время могло повернуть вспять.

Капитану Брауну не удалось узнать, так ли это. Он умер в возрасте сорока девяти лет, оставив Роджеру и всю власть на корабле, и все результаты их титанической работы.

Но Стрейнжбери был этому совсем не рад.

* * *

— Вы собираетесь проводить выборы? — спросил Тэлли.

Стрейнжбери развернулся в кресле и открыл глаза. Он не нуждался в проверке. Он итак отлично знал, кто сейчас находится в лагере его врагов и умело использовал те преимущества, которые давало ему командование кораблем.

Почти сразу же после смерти Брауна новый капитан заметил, что у него появились те же мысли, которые когда-то высказывал и Браун. Он тоже счел, что выборы на борту космического корабля нежелательны...

Роджер ответил не сразу. Он подождал, пока Ильза, одна из трех его жен (она была младшей

из двух вдов Брауна), нальет вина ему и его собеседнику.

Потом, когда женщина неслышно покинула их, Стрейнжбери мрачно улыбнулся.

— Мой дорогой друг, — сказал он, — я не думаю, что в выборах есть какой-то смысл. Я говорил тебе кое-что о том, чем занимались мы с покойным капитаном. Ты должен понимать, что управлять кораблем может только тот, кто понимает тонкости нового метода ускорения. А я пока знаю только одного такого человека, — он улыбнулся. — И этот человек и так занимает пост капитана. Этот человек очень сомневается, что кто-нибудь, кроме него, способен разобраться в проделанной нами работе и в том, как управлять нашим звездолетом. Кое-что знаешь ты, кое-что наверняка знает Миллер, поскольку он постоянно совал нос в то, чем мы занимаемся. Но из этого не составишь навигационной программы. Половина технической документации корабля. Тем не менее мудрому капитану нужны помощники. И мудрый капитан, как и следовало ожидать, назначает старшим помощником не кого-нибудь, а своего верного друга Арманда Тэлли... Поздравляю, старший помощник Тэлли!

— Благодарю за доверие, капитан Стрейнж-

бери!

Они чокнулись.

— Миллер будет обижен, — через некоторое время заметил Тэлли.

— Тем хуже для него! — рассмеялся Роджер.

Он недолюбливал Миллера и не доверял ему. Пока был жив Браун, Миллер вел себя скромно, но сейчас за ним стало необходимо приглядывать. Как бы он что-нибудь не выкинул!

Роджер понятия не имел о том, что ему в первую очередь следует опасаться не старших офицеров, которые понимали превосходство Стрейнжбери, а черни с нижних палуб, которая не понимала ничего, кроме собственных желаний. К сожалению, элита корабля настолько презирала обитателей нижних палуб, что не принимала их в расчет. И это стала их серьезным просчетом.

— Я составлю примерные инструкции и постараюсь как можно скорее ввести тебя в курс дела, — сказал другу Роджер. — Уже на этой неделе я намерен начать настоящий разгон корабля. Экспериментов больше не будет — слишком мало горючего.

— Но на обратную дорогу хватит? — обеспокоился Тэлли.

— С лихвой! — успокоил его Стрейнжбери. —

Разлей еще по рюмочке!

— Не хочу спорить с вами, капитан, — Тэлли в задумчивости сделал маленький глоток, потом добавил: — Капитан, я думаю, вы будете чувствовать себя немного лучше, если все-таки организуете выборы. Уверен, вы можете победить.

Стрейнжбери сдержанно улыбнулся, тряхнув головой.

— Боюсь, что ты не понимаешь моей психологии, — объяснил он. — В истории еще не было случая, чтобы человек, реально получивший власть, передал ее другому. Или сам создал подобную возможность. — Чуть позже с небрежной уверенностью в своей абсолютной власти он закончил: — Я не собираюсь устраивать соревнование и создавать ненужные волнения.

Стрейнжбери просматривал на мониторе статистику по энергорасходу, когда за его спиной открылась в соседнюю каюту его капитанских апартаментов. Роджер не обратил на этот звук внимания. Он решил, что вошла одна из его жен. Стрейнжбери ломал голову над тем, почему при прочих равных, расходы энергии на обслуживание оранжерей возросли на пятнадцать процентов. Он так и не успел решить этот вопрос,

потому что за его спиной раздался жесткий мужской голос:

— Мистер Стрейнжбери, верно?

Стрейнжбери похолодел. Повернувшись, он почувствовал, как где-то под ложечкой зашевелилось забытое уже чувство страха. Прямо на него глядел излучатель бластера. Оружие держал крепкий мужчина с грубым лицом и глазами убийцы. Чувствовалось, что ему ничего не стоит нажать на спуск и превратить Роджера в обугленную головешку. За спиной человека с бластером толпились люди, вооруженные кто чем. Вид у них был смущенный и агрессивный одновременно. Стрейнжбери не знал никого из них, но сразу понял, что почти все — выходцы с нижних палуб: рабочие, садовники, утилизаторы; люди, о которых он имел более чем смутное представление.

Лидер группы продолжил:

— Меня зовут Гроу, мистер Стрейнжбери. Я намерен поставить вас в известность, что ваша власть над нами кончилась. Мы, экипаж «Надежды Человечества», устали от вашего командования. Прежний капитан обещал нам, что мы вернемся на Землю, а вместо этого вместе с вами развлекался всякой научной ерундой. Эти люди и я, мы хотим домой, назад, на Землю.

Если вы будете делать то, что хотим мы, экипаж звездолета, то вам сохранят жизнь.

Гроу говорил с пафосом, явно в расчете на тех, кто пришел с ним. Среди его сторонников раздались одобрительные возгласы.

— Заберите у него оружие! — распорядился Гроу. — Вы готовы повиноваться народу, ныне низложенный капитан Стрейжбери?

Роджер кивнул. Когда он увидел, что мятеж поднят не офицерами, а чернью; когда он понял, что лидер бунтовщиков понимает, что для управления звездолетом нужны специалисты, Стрейнжбери немного успокоился. Но он не стал обманывать себя. Для управления кораблем были нужны далеко не все специалисты. И этому Гроу ничего не стоило вычеркнуть Роджера из списков. По роже видно, что этот громила с удовольствием прикончил бы Стрейнжбери.

* * *

Гроу было тридцать шесть лет, когда он возглавил восстание, лишившее Роджера Стрейнжбери капитанского поста. Лидер бунтовщиков был плотного телосложения, невысоким мужчиной с черными глазами. Забавно, но именно его отец возглавил неудавшийся мятеж, целью которого

было вернуть власть отцу Роджера Стрейнжбери. Гроу никогда не забывал об этом и ненавидел Браунов. Он уже давно мечтал о перевороте. Но Гроу-сын, рассчитывая захватить власть, совсем не собирался ее кому-то отдавать. Он полагал, что и сам отлично справится с командованием. Гроу был прирожденным лидером. Хитрый, умный, злобный, он умело манипулировал примитивным сознанием черни. Низшие классы экипажа видели в нем своего парня, который не даст их в обиду. На самом же деле Гроу было наплевать на своих сторонников. Ему было наплевать на всех, кроме себя. Смелый и честолюбивый, Гроу решил положить жизнь на то, чтобы добиться верховной власти. И не собирался останавливаться на полпути. Победить или умереть. Другое его не устраивало.

Гроу повезло. Будучи техником по ремонтному оборудованию, он случайно обнаружил, что система, позволяющая механизмам проводить автоматический ремонт коммуникаций, по сути является системой скрытых тоннелей, по которым можно было попасть в любое место на корабле, не исключая и капитанской каюты и капитанского мостика. Достаточно было лишь снять пару плит обшивки, чтобы оказаться в

лабиринте и еще пару — чтобы выбраться наружу. Конструкция внутренних перегородок была сконструирована так, чтобы облегчить доступ к коммуникациям и оптическим кабелям. Те, кто ее проектировал, и не задумывались о том, что создают целый лабиринт тайных ходов. Гроу в полной мере воспользовался своим открытием. Будучи техником, он без труда собрал пару дюжин записывающих устройств и разместил их в наиболее важных точках. Лидер бунтовщиков не однажды бывал в каютах капитана и старших офицеров. Он слышал беседы Брауна и Стрейнжбери. Правда, из их научных дискуссий он мало что понял и сделал единственный вывод: командиры занимаются какими-то собственными исследованиями, вместо того чтобы вести корабль к Земле.

Гроу совсем не торопился возвращаться на Землю. Особенно если ему удастся захватить власть. Но возвращение — отличный стимул для его сторонников. Подавляющее большинство экипажа воспринимало Землю как потерянный рай. Возвращение было пределом их мечтаний.

К восстанию Гроу готовился долго и тщательно. Еще более тщательно он вербовал себе помощников, особенно круг наиболее близких к нему

людей. Этих Гроу выбирал исключительно по принципу личной преданности. Пользуясь возможностью подслушивать беседы старших офицеров, Гроу контролировал их осведомленность о том, что происходит на нижних палубах. Вернее — их неосведомленность.

Лидер бунтовщиков решил действовать только наверняка. Он не забыл, как окончился мятеж его отца.

Пока был жив Браун, пользовавшийся уважением и поддержкой большинства экипажа, как на нижних, так и на верхних палубах, Гроу не решался начинать бунт. Но когда Браун умер, лидер мятежников решил, что момент настал. И немедленно начал действовать, пока новый капитан еще не успел добиться настоящего авторитета.

И все получилось как нельзя лучше.

Правильно спланировав действия и распределив силы, Гроу довольно легко захватил корабль и нейтрализовал тех, кто представлял опасность.

Но захватить власть было недостаточно. Ее еще следовало удержать. И Гроу занялся организацией нового порядка. В первую очередь ему нужны были помощники из числа специалистов. Гроу проверял каждого кандидата на более-менее важный пост и оставлял только тех, кто казался ему

достаточно благонадежным. Таких он поощрял с разумной щедростью и при этом заботился о том, чтобы занимавшие ключевое положение специалисты недолюбливали друг друга. Таким образом они осуществляли взаимную проверку. Он понимал, что сам, из-за недостатка подготовки, не в состоянии контролировать ученых и специалистов. Значит, пусть они это делают сами!

Многие ученые без особых проблем согласились подчиняться Гроу. Им, в общем-то, было наплевать, кто станет новым капитаном. Определенные трудности представлял корпус офицеров, но с большинством из них Гроу сумел договориться.

Определенное неудобство для Гроу представляли его собственные сторонники, выходцы из низов, люди безграмотные и туповатые, способные выполнять только простейшие работы, но рассчитывавшие после победы мятежников забыть о своем происхождении и наслаждаться властью и роскошью наравне с самим Гроу.

Новый капитан выбрал из их числа наиболее толковых и преданных. Остальных он под тем или иными предлогами вернул бы к прежнему состоянию, посулив, впрочем, что когда-нибудь они вернутся на Землю.

Всем офицерам Гроу напрямик заявил, что он планирует использовать их знания, но только знания. Время их власти закончилось. За каждым будет установлено наблюдение. В случае нормального поведения им будут сделаны кое-какие поблажки. Например, разрешено общаться с женами. В случае несогласия все несогласные отправятся прямо в конвертор.

И все же некоторые не согласились играть по правилам Гроу. Они открыто выразили презрение к новому правительству «Надежды Человечества» и категорически отказались сотрудничать. Они смеялись Гроу в лицо, издевались над его манерами и научной безграмотностью.

Гроу парировал брань. Но не спешил покарать дерзких. Он считал, что те, кто вслух высказывают недовольство, слишком простодушны, чтобы вынашивать заговор. Со временем они смирятся и станут работать на него не хуже прочих. Под присмотром, разумеется.

Зато с теми, кто попробовал организовать сопротивление, Гроу расправился беспощадно. Троих убил, еще дюжину его сторонники избили до полусмерти. Это должно было послужить уроком для сомневающихся.

Итак, все предварительные шаги сделаны. На

корабле установился некоторый порядок.

Только после этого Гроу приказал, чтобы к нему привели Стрейнжбери.

Впервые с момента захвата власти мятежниками два противника снова посмотрели друг на друга.

— Думаю, что мы видимся в последний раз, — холодно заявил Гроу своему пленнику.

Он не объяснил, почему.

Сидя напротив лидера мятежников, пристально разглядывающего бывшего капитана, Стрейнжбери безмолвно проклинал себя. Надо же так опростоволоситься! Проворонить тщательно спланированный бунт!

— Неужели вы надеетесь, что без меня вам удастся управлять кораблем? — спросил он с демонстративной иронией.

— Ты — не единственный навигатор на корабле, — отрезал Гроу.

— Но я единственный, кто способен привести «Надежду Человечества» на орбиту Земли!

Гроу ухмыльнулся.

Увидев эту ухмылку, Роджер понял все. Гроу вовсе не так уж важно, чтобы звездолет достиг Земли. Возвращение было всего лишь приманкой для его сторонников.

«Это ужасный человек!» — подумал свергнутый капитан.

Роджеру уже «любезно» сообщили, что делает Гроу с теми, кто что-то замышляет против его власти.

— Если я соглашусь сотрудничать с вами, подчиняться вашим приказам — что я получу взамен? — медленно проговорил Стрейнжбери.

Ледяной взгляд Гроу вонзился в Роджера. Лидер бунтовщиков пытался определить, насколько искренне говорит бывший капитан. Стрейнжбери был нужен новому правителю звездолета. Если первый из старших офицеров добровольно, ну почти добровольно, согласится повиноваться Гроу, другие станут намного покладистее.

— Жизнь, — сказал Гроу. — Ты получишь жизнь. И может еще кое-что. И это зависит от того, буду ли я тобой доволен.

— И моих жен.

— Одну жену. Пока одну.

— Хорошо, — сказал Роджер. — Я согласен.

* * *

Если бы Гроу обошелся без крови, Роджер, возможно, и поделился бы с ним кое-какой информацией. Но сейчас его единственным козы-

рем оставалось тайное знание. Стоит ему сказать лидеру мятежников, что можно в считанные месяцы достичь Земли, — и судьба Стрейнжбери будет решена, ведь Гроу вовсе не хочет возвращения. Все они смотрели фильмы о Земле и знали, что по земным законам Гроу — убийца. Земные власти, узнав правду, тут же отдадут его под суд, который наверняка вынесет соответствующий приговор.

Поэтому Стрейнжбери поглубже спрятал свои подлинные намерения и сделал вид, что готов преданно служить Гроу. И он, и все его единомышленники, вроде Тэлли. Гроу был достаточно умен, чтобы понимать значение этого факта. Ведь он действительно понятия не имел о том, как управлять звездолетом. И если командовать людьми он еще мог, то ни машины, ни навигационные приборы не понимали обычного для Гроу метода кнута и пряника. Машины понимали только машинный язык, который не освоишь за пару лет.

А Стрейнжбери изо всех сил демонстрировал лояльность новой власти. Он даже намекнул на то, что, как и Гроу, сам является жертвой правящего режима и тирании со стороны покойного капитана.

Гроу не знал, какие отношения в действительности сложились между Стрейнжбери и Брауном. Он знал только, что последний сначала объявил Роджера капитаном, равным себе, а потом разжаловал в помощники. С точки зрения Гроу это было знаком слабости Стрейнжбери. Сам Гроу никогда не уступил бы уже отхваченного куска власти.

Стрейнжбери не рискнул предпринимать что-то немедленно. Он был осторожен и намеревался выждать, втереться в доверие лидеру мятежников, ведь Гроу не верил ни советам, ни советникам, ни даже собственным людям, с которыми организовал переворот. Он готов был обманывать всех и сам, в свою очередь, никому не верил. Но считал, что на корабле должен быть только один командир — он сам. Все остальные на борту должны были сотрудничать с ним, лезть из кожи вон, чтобы Гроу остался ими доволен; иначе следовало немедленное и жестокое наказание. А наказанием за саботаж или сопротивление была смерть.

Политика Гроу привела именно к тому, чего он добивался: все, начиная от последнего мусорщика и до бывшего капитана Стрейнжбери, постоянно испытывали страх.

* * *

Прошло несколько недель — и Роджер решил рискнуть. Он начал разгонять звездолет. Результат превзошел все ожидания. Они с Брауном отлично поработали, осваивая модернизированные двигатели. Теперь они слушались Рождера практически безукоризненно. День за днем корабль набирал скорость. Вот-вот должен был проявиться эффект замедления времени.

И тут Гроу вызвал Стрейнжбери к себе в каюту.

— Садись, — буркнул грозный капитан. — Давай выпьем!

Не дожидаясь ответа, он разлил вино по бокалам.

Один он протянул Роджеру, другой взял сам, после чего сказал следующее:

— Послушай, Стрейнжбери, ты, вероятно, единственный офицер на борту корабля, кому я могу верить, несмотря на то что именно ты потерял больше всех. Выпьем!

Они отпили по глотку вина. Стрейнжбери держался напряженно из-за того, что ему было, что скрывать от капитана. Возможно, Гроу чувствовал его напряженность, но относил ее за счет устрашающего влияния собственной личности.

— Мне нравится твоя работа, Стрейнжбери, — добродушно сказал он. — Возможно, через пару

недель, если ты заслужишь, я позволю тебе взять твою вторую жену. И дам каюту побольше. А может быть, я даже пришлю тебе еще пару женщин. Но не женщин капитана Брауна. Представь, Стейнжберри, моя собственная жена настаивает на этом. Она даже рискнула спорить со мной. Не понимаю я женщин, — признался Гроу. — Они истеричны. Их слишком много, слишком много на нашем корабле. Некоторые из них даже убивали своих мужей. Может, отправить половину из них в конвертор? — Гроу задумчиво почесал затылок. — Как ты считаешь, Стрейнжбери?

— Я думаю, это было бы слишком радикальным решением, — стараясь казаться спокойным, произнес Роджер.

Он уже видел, как головорезы с нижних палуб сотнями насилуют и убивают несчастных женщин — жен высших офицеров.

Гроу между тем удрученно продолжат:

— Все это так сложно. Женщины — серьезная проблема, Стрейнжбери. Ни ты, ни Браун не обратили на это внимания. Я — первый из капитанов, который понял, насколько это серьезно. Надо принять меры. Не откладывая...

Он вновь нахмурился. Потом выпрямился, поднял стакан.

— Выпьем!

Позже они выпили еще. Настроение Гроу вновь изменилось. Он поставил стакан и спросил:

— Ты уже направил корабль к Земле?

Роджер ответил не сразу:

— Да, — и прикинулся наивным. — Но разве не Земля — наша цель?

«Знает или нет?»

Гроу встал.

— Пошли, — скомандовал он.

Вместе со Стрейнжбери и парой головорезов, с которыми новый капитан никогда не расставался, Гроу направился в резервную рубку.

Гроу провел Стрейнжбери во вспомогательную каюту управления.

— Будешь учить меня навигации! — приказал Гроу. — Давай говори, что у тебя и как! — и тут же предупредил:

— И не вздумай хитрить!

Стрейнжбери подошел к бортовой панели управления.

«Он пьян, — подумал Роджер. — Показать ему какую-нибудь ерунду? Неужели он и впрямь думает, что можно вот так просто научиться управлять космическим кораблем?»

— Ну давай! — нетерпеливо закричал Гроу.

Его телохранители с угрожающим видом надвинулись на Роджера.

Стрейнжбери поспешно активировал главный экран.

— Вот это — общая панорама. На ней — координационная сетка. Строчка внизу — пространственные координаты...

Тут Стрейнжбери заметил, что изображения звезд выглядят совсем не так, как пару дней назад. Световые точки стали размазанными, их окружали тонкие радужные оболочки. Оставалось надеяться, что Гроу не обратит на это внимания.

Надежды не оправдались.

— А что это они такие... мутные, твои звезды? — проворчал он.

— Неполадки с фокусировкой, — нашелся Роджер. — Надо отладить развертку. Вы же были техником, капитан, представляете, как это бывает.

— Представляю, представляю, — пробормотал Гроу. — А это что за цифирь?

Роджер благодарил Бога, что Гроу не смотрел на своего навигатора и не видел его лица. «Цифирь» — 243.6784785673 — была значением относительной скорости корабля в процентах от скорости света. Нет, это не означало, что корабль обогнал

свет. Это означало, что время на «Надежде Человечества» течет уже в три раза медленнее, чем в окружающей вселенной.

Стрейнжбери хотел соврать, но, к счастью не успел.

— Тут написано: «Относительная скорость», — произнес Гроу.

Роджер прикусил язык.

— Ну и как мы летим, быстро? — спросил Гроу.

— Примерно двести сорок три мили в секунду, — нашелся Стрейнжбери. — Это немного, но ведь мы еще только начали разгон.

Если бы не алкоголь, Гроу, возможно, заметил бы его смущение.

«Надо торопиться!» — подумал Стрейнжбери.

— Вы позволите, капитан, раз уж мы здесь, я кое-что подрегулирую?

Случай был крайне благоприятный. Никого из разбирающихся в навигации рядом не было. На капитанском мостике наверняка кто-нибудь из недоучек-техников зафиксирует изменения показаний, если не забудет. Наступил тот самый благоприятный момент...

— Давай, — благодушно разрешил Гроу.

Он развалился в капитанском кресле и благодушно наблюдал, как Стрейнжбери манипулиру-

ет с пультом управления.

Это должна была филигранная работа. Роджер хотел форсировать работу двигателей почти на порядок. При этом он так искусно перенастраивал компенсаторы гравитации, что сила тяжести на корабле все время оставалась постоянной.

Завершив работу, Стрейнжбери повернулся к Гроу.

А тому за это время пришла в голову новая мысль.

— Я хочу говорить с экипажем! — заявил он. — Со всем экипажем!

Роджер кивнул и включил общую связь.

— Друзья мои! — с важностью произнес Гроу. — Слушайте меня! Сейчас вы услышите нечто крайне важное. Да, мои друзья, в эту самую минуту наш корабль согласно моему приказу повернул на обратно... Да, да! Впервые за сто лет я, капитан Гроу, отдал приказ возвращаться домой! Домой, друзья мои! Следующая остановка — Земля! — Гроу захохотал. — А сейчас слушай меня, Стрейнжбери! Ну-ка прибавить ходу! Ты понял меня? Прибавить ходу! Мы торопимся!

— Есть, капитан! — бодро отозвался Роджер. И произнес в интерком: — Внимание всем. Мы разгоняемся. В результате ускорения сила тяже-

сти на корабле возрастет на тридцать процентов. Прошу всех приготовиться!

Разумеется, он не стал ничего «ускорять». Двигатели звездолета и так работали с предельной нагрузкой. Стрейнжбери просто немного уменьшил мощность компенсаторов. В результате чего он и все остальные обитатели корабля «потяжелели» примерно на треть.

Гроу это не понравилось.

— Эй! — воскликнул он. — Ну-ка сделай все обратно!

— Простите, капитан, но это невозможно, — возразил Роджер. — Чтобы уменьшить разгон, потребуется примерно около восьми часов.

«Пусть помучается, — подумал Роджер. — В следующий раз подумает, стоит ли отдавать глупые команды навигатору».

— Эй, Стрейнжбери, и долго нам еще лететь? — с усмешкой спросил Гроу.

— Долго, — уклончиво ответил Роджер.

— Ха-ха! А скажи, Стрейнжбери, ты сам-то, что, надеешься увидеть Землю?

— Не очень, — честно ответил Роджер.

«Как только ты узнаешь, что мы уже в Солнечной системе, ты убьешь меня собственными руками!» — мрачно подумал он.

Гроу продолжал разглагольствовать, но Роджер его не слушал. Он размышлял о том, как обмануть свирепого капитана и ухитриться выжить. Несмотря ни на что.

* * *

Проходили дни… недели. Гроу официально назначил Стрейнжбери главным навигатором. Формально ему подчинялись и Миллер, и другие старшие офицеры, но в действительности Роджер продолжал оставаться под арестом. Ему разрешалось посещать рубку и двигательный отсек, не считая каюты, в которой он жил. Вместе с ним постоянно находился охранник, а когда Роджер работал в резервной рубке (Стрейнжбери предпочитал находиться там, а не на мостике), то рядом с ним ошивалась пара парней из персонала физической лаборатории, которые делали вид, что понимают, чем занимается Стрейнжбери. Роджер дал техникам специальное задание: выяснить, почему «картинка» на экранах внешнего обзора такая нечеткая. Сам-то он прекрасно знал ответ, но вовсе не хотел, чтобы кто-то знал, что он знает. Техники ничего не выяснили и передали дело физикам. Физики тоже ничего не выяснили. Этому поколению физиков квалификации хватало

разве что на то, чтобы рассчитывать температурный режим в оранжереях.

Время от времени в рубке появлялся Гроу и требовал, чтобы Роджер учил его навигации. Роджер сливал капитану дюжину простейших фактов и операций. Но голова его была постоянно занята другим. Он полностью обсчитал условия полета до Солнечной системы. Он даже ввел данные в корабельный центр управления. Но мозг его сверлила одна и та же мысль: надо попробовать перепрыгнуть через световой барьер. Это было риском, чудовищной авантюрой. Но разве не меньшей авантюрой было их «стремительное» возвращение? Ему очень хотелось с кем-нибудь посоветоваться. С кем-нибудь из друзей. Но возможности не представлялось. И только на двадцать шестой день Стрейнжбери сумел рассказать о своей идеи Тэлли. Это был один из тех редких моментов, когда за ним никто не следил. В соседней комнате околачивался приставленный Гроу охранник, но он смотрел по видео какой-то фильм. Впрочем, даже если бы охранник и слушал их разговор, вряд ли бы этот туповатый громила что-нибудь понял.

— Превысить скорость света! — прошептал Тэлли. — Ты серьезно?

Стрейнжбери сказал, словно оправдываясь:

— Совершенно серьезно. Вот только я понятия не имею, что будет, когда мы шагнем через барьер. Какие эффекты возникнут, что вообще будет с нами... Но я твердо намерен сделать это, как только настанет подходящий момент.

Тэлли тяжело вздохнул.

— А Гроу? — спросил он. — Это же убийца! Он разделается с тобой немедленно.

— Он так и так разделается со мной, — заметил Роджер. — До возвращения остались считанные месяцы. Сейчас мы подобрались к самому пределу, и по моим расчетам одна минута нашего личного времени соответствует нескольким суткам времени нашей вселенной. И это — возрастающая величина. С таким ускорением, как сейчас, мы достигнем 99,999998 процента от скорости света через три дня. Когда это произойдет, потребуется только два дня корабельного времени, чтобы проскочить сквозь многие световые годы и проделать большую часть пути до Солнечной системы. Так что я мог бы просто остановить двигатели, и мы по инерции пролетели бы сквозь нашу галактику... Но на самом деле я собираюсь в нужное время начать торможение. Я провел все необходимые расчеты. Если я не ошибся, то мы

пересечем орбиту Плутона на весьма скромной скорости в одну сотую световой и вполне успеем затормозить до выхода на земную орбиту. Только к этому времени меня уже не будет в живых. Узнав, что произошло, Гроу точно сунет меня в конвертор.

— Но совсем не обязательно ему говорить, что перед ним Солнце, — возразил Тэлли.

— Если не я, то кто-нибудь из тех, кто разбирается в звездных картах, кто-нибудь из физиков или старших офицеров наверняка откроет ему глаза. За какую-нибудь поблажку, от страха или просто для того, чтобы насолить мне.

Друзья задумались.

Внезапно тонкое, интеллигентное лицо Тэлли озарилось улыбкой. Он схватил Стрейнжбери за руку, хрипло заговорив:

— Роджер, а если в нужный момент попробовать организовать захват одной из спасательных шлюпок? Если при этом ты не проявишь настойчивость, чтобы остановить двигатели корабля, и не предотвратишь путешествие через всю галактику? В суматохе ты и я сможем просто исчезнуть с корабля!

Стрейнжбери откинулся на спинку кресла. Покинуть корабль! Хотя он считал, что идея Тэлли

мало осуществима, он удивился, что такие мысли не пришли ему в голову. Но Роджер понимал, почему так все произошло. Корабль стал частью его жизни, частью его самого.

— Для захвата спасательной шлюпки или посадочного модуля нужна предварительная подготовка. Попробуй заняться этим, за тобой следят не так пристально, как за мной. И время еще есть.

Он встал, нахмурившись, продолжая размышлять.

Главная опасность состояла в том, что Гроу узнает правду. Роджер знал параноидальную подозрительность этого человека.

— Гроу знает достаточно много о механизмах корабля. Он техник, и неплохой техник. Но в теории навигации он не разбирается. Я его научил кое-чему, но он никогда не сумеет это использовать. Надо подстраховаться, если он все же что-то заподозрит.

Я собираюсь заложить в управляющий центр еще одну программу. Если он что-то заподозрит и преградит мне путь на капитанский мостик, в нужное время двигатели будут включены вновь и перенесут нас за барьер скорости света. Если что-то произойдет, а я в этом не сомневаюсь, все

будет выглядеть так, словно я заранее предсказывал неприятности. И пусть Гроу попробует мне не поверить! А если случится катастрофа, что мы теряем?

Стрейнжбери увидел, что Тэлли с нескрываемым восхищением смотрит на него.

— А ты действительно все хитро запутал, — сказал он, — но если Гроу ничего не пронюхает, ты будешь держать нас по эту сторону скорости света?

— Конечно. Ты думаешь, я — идиот? Я уже сделал все необходимое. Первый этап: достижение Солнечной системы, второй — Земля. По первому этапу у меня есть тщательно продуманная программа. Через три дня я останавливаю двигатели. А еще через два дня начинаю торможение.

Еще около часа они обсуждали возможные варианты побега.

* * *

На следующий день Рождер пришел к Гроу и заявил, что через два дня необходимо отключить двигатели, так как он обнаружил в них неисправности, которые следует устранить.

— Но мы будем продолжать полет, когда двигатели будут выключены? — спросил Гроу.

Он старательно делал вид, что является сторонником возвращения на Землю.

Возможно, так оно и было, только Гроу был уверен, что это случится уже после его смерти.

— Конечно мы будем двигаться, — заверил его Стрейнжбери. — Мы сохраним уже набранную скорость. И даже сэкономим горючее.

Они продолжили разговор уже на капитанском мостике. На большом экране вселенная переливалась всеми цветами радуги. Считалось, что это — некое непонятное явление, вроде вспышек, донимавших навигаторов при подходе к звездными системам. Но Стрейнжбери знал, что нынешний эффект вызван субсветовой скоростью звездолета. В любом случае зрелище оказалось потрясающе красивое. Гроу прикрыл глаза.

— Два дня, — проговорил он. — А может быть, ты выключишь двигатели прямо сейчас?

У Стрейнжбери от волнения внутри все похолодело.

— Это нежелательно, — стараясь говорить спокойно, возразил он. — Отключение двигателей следует подготовить. Я же объяснял вам...

— Ладно... — Гроу, казалось, принял решение. — Я полагаю, это не так уж важно. А как гравитация?

— Она исчезнет. Это необходимо, — солгал Стрейнжбери.

— Итак, мы ждем два дня, а потом наступит невесомость, так?

— Да.

— И как долго это продлится?

— Пару дней. Я надеюсь, этого хватит, чтобы устранить неисправность.

Гроу затих, нахмурившись. Наконец он сказал:

— Все это мне совсем не нравится, Стрейнжбери. Даже не знаю... В общем, я подумаю над тем, что ты говоришь. Жди моей команды, ясно?

— Но я должен подготовить двигатели к остановке! — запротестовал Роджер.

— Я сказал: жди! — рявкнул Гроу. — День, два, три... Какое это имеет значение!

Это имело огромное значение, но Роджер не мог сказать об этом Гроу.

Стрейнжбери не отважился рассказать еще что-то. Он спустился по трапу, еле дыша от волнения... И с большим облегчением выслушал сообщение Гроу о предстоящем торможении, переданное по общекорабельной связи.

К несчастью для Стрейнжбери, отвернувшись от видеокамер, Гроу вспомнил, что бывший капитан, помимо навигации, обладает знаниями

техника первого класса, техника, а не инженера. Гроу засомневался, сможет ли Стрейнжбери по своей квалификации действительно отремонтировать или оценить степень повреждения двигателей.

Дело было не в том, что он подозревал Стрейнжбери. Гроу просто спросил себя: «Можно ли довериться технику в том, что жизненно важно для настоящего и будущего корабля?»

Обдумав все хорошенько, Гроу распорядился, чтобы Миллер, бывший старший помощник при капитане Брауне, прибыл в резервную рубку.

Без всяких ссылок на Стрейнжбери, Гроу заявил:

— У меня возникло впечатление, что двигатели корабля работают не в расчетном режиме. Могли бы вы обследовать их и доложить результат?

Миллер уже давно не был на капитанском мостике. Отчасти потому, что Стрейнжбери старался этому воспрепятствовать. Миллер был слишком опытен и наверняка заметил бы, что происходит нечто экстраординарное.

И он был прав. Едва взглянув на мониторы, Миллер тут же заподозрил неладное.

Миллер стал перед выбором. Всю свою сознательную жизнь он был офицером. Он презирал

Гроу, ему совсем не нравился Стрейнжбери, но более всего он ненавидел чернь с нижних палуб корабля. Во время инцидента, когда робот с планеты Альта был на корабле, Миллер был без сознания. Он не слышал, как Стрейнжбери и Браун вели разговор о скорости корабля и соотношении ее к скорости света. Он не понял тех позднейших отрывков беседы, в которой двое сердитых мужчин обсуждали теорию Лоренца-Фитцджеральда.

Он мог догадываться о том, что проводимые Стрейнжбери и Брауном эксперименты связаны с наращиванием эффективности корабельных двигателей. Не сразу, а чуть позже он осознал, что корабль стал перемещаться в космическом пространстве быстрее, чем при своих максимальных скоростях до появления робота с Альта 3.

Впервые Миллер это отметил, когда умер Браун. Миллер наблюдал за показаниями приборов на большой бортовой панели управления с искренним интересом. И для него не стоило труда понять, что двигатели работают отлично. В самом деле, вспоминая старые способы управления двигателями, дававшие оптимальные скорости, он чувствовал, что в целом двигатели работают гораздо лучше, чем раньше. Но он представления

не имел — насколько лучше они работают.

Если бы не мятеж Гроу, Стрейнжбери, возможно, и ввел его со временем в курс дела, хотя он никогда не сделал бы своим первым помощником. Они недолюбливали друг друга.

Услышав предположение Гроу, Миллер тут же согласился. И даже подлил масла в огонь, заявив, что Стрейнжбери всего лишь техник. Неудивительно, что он не умеет правильно эксплуатировать корабельные двигатели. Не та у него квалификация, у этого Стрейнжбери. Пока Браун приглядывал за ним — другое дело. Но теперь приглядывать некому. Его, Миллера, самонадеянный молодой человек полностью отстранил.

А сможет ли Миллер выполнить необходимые ремонтные работы сам, без помощи Стрейнжбери, спросил Гроу.

— Несомненно! — ответил Миллер.

Он решился на борьбу.

«Что мне этот выскочка — Стрейнжбери? — подумал он. — Каждый человек живет для себя».

Точно в тот момент, когда Миллер принял это решение, его блуждающий взгляд упал на показатели скорости звездолета. И данные эти были таковы, что у Миллера глаза полезли на

лоб. Нахмурившись, он в задумчивости прошелся взад-вперед, пытаясь осознать то, что он видит. Нет, это же невозможно!

Гроу увидел, как переменилось лицо Миллера, и жестко спросил:

— В чем дело, офицер?

— Прошу прощения, капитан, — пробормотал Миллер. — Я должен кое-что уточнить.

Бывший первый помощник с лихорадочной поспешностью стал вызывать на монитор статистические данные по полетным характеристикам за последние несколько недель.

Гроу терпеливо ждал. Он это умел, когда требовалось.

Спустя час у Миллера уже сложилась определенная картина происходящего. То есть он, конечно, не знал, почему такое возможно, но вполне представлял, что именно происходит.

— Капитан, случилось нечто невероятное. И я уверен, что Стрейнжбери скрыл это от вас. Слушайте...

И Миллер выложил Гроу все, что сумел установить.

Гроу был взбешен. Но сумел себя сдержать. Он отпустил Миллера, а сам остался на мостике.

Миллер спустился вниз. Он разыскал ничего

не подозревающего Стрейнжбери и горделиво произнес:

— Капитан Гроу только что поручил мне осмотреть двигатели.

Стрейнжбери спокойно воспринял этот ужасный удар и, остро понимая опасность ситуации, ровным голосом произнес:

— А я как раз собирался попросить капитана, чтобы вы проверили мои предположения.

Ответ Миллера прозвучал в грубой форме:

— Ладно. Как вам угодно. Расскажите мне лучше обо всем, что случилось. Я видел показания приборов, фиксирующих скорость корабля. Я не могу пока понять, как вам удалось разогнать корабль почти до скорости света, но вы, вероятно, отработали этот режим еще при жизни капитана Брауна. — Он понимающе улыбнулся.

Стрейнжбери скрипнул зубами. Он ненавидел человека, стоящего перед ним, взирающего на него с триумфальной улыбкой.

— Надеюсь у вас, Миллер, хватило ума держать язык за зубами? — спросил Роджер.

— Разумеется, я сообщил обо всем капитану! — победоносно заявил бывший старший помощник, полчаса назад вернувший себе этот пост.

Стрейнжбери приблизился к Миллеру вплот-

ную и процедил:

— Ты — круглый дурак, Миллер! Неужели ты не понимаешь, что Гроу не хочет возвращаться на Землю? Мы все — мертвецы, Миллер!

Когда до Миллера дошел смысл сказанного, победоносная улыбка сползла с его лица. Но это уже не доставило Стрейнжбери удовлетворения.

Через час за Роджером прислали охрану. Но отвели его не к Гроу, а в одну из тюремных кают корабля. Потом туда же пришел Гроу. Его угольно-черные глаза, сузившись, внимательно посмотрели на Стрейнжбери.

— Итак, Стрейнжбери, расскажи мне все, что ты утаил, рассказывая нам о скорости этого корабля.

У Рождера было время, чтобы подготовить объяснение. По его версии, он просто не вполне разобрался в происходящем и боялся что-либо говорить Гроу, пока не выяснит все до конца. Именно из-за этого он и хотел остановить двигатели. Чтобы разобраться, что происходит. В конце концов, если все подтвердится — вот и отлично. Они доберутся до Земли намного быстрее.

— Насколько быстрее? — быстро спросил Гроу.

Роджер не знал, разбирался ли Миллер в особенностях релятивистских скоростей. А если

разбирался, то сообщил ли он капитану и об этом?

Во всяком случае, техник Стрейнжбери вовсе не обязан об этом знать.

— Я думаю, лет через тридцать-сорок мы доберемся, — пробормотал Роджер.

Гроу не знал, верить или не верить молодому навигатору. Но так как вся ситуация выглядела фантастически, то он почти поверил Стрейнжбери. Тридцать-сорок лет — достаточно большой период времени. Гроу успокоился. Он решил, что техник Стрейнжбери действительно не разобрался в том, что случилось.

Но капитан допускал и другую возможность. И реальность такой возможности взбесила Гроу.

— Для тебя — отлично! — сказал он со смертоносной угрозой в голосе. — Я уверен, что ты врешь! И я буду обращаться с тобой как с лжецом и саботажником!

И ушел.

Настроение Гроу совсем испортилось. Уверенность покинула его. Новое сопротивление подчиненных угрожает ему, и он должен действовать быстро. Роджер не ошибался насчет капитана. Тот действительно был параноиком.

Остро ощущая личную опасность, Гроу заду-

мался о происходящем. Прежде всего необходимо принять всевозможные предосторожности.

И он их принял.

* * *

Спустя три часа было арестовано еще восемнадцать человек. Включая Миллера и Тэлли. Включая всех, с кем мог общаться Роджер и кому он мог сообщить о происходящем.

Всех арестованных разместили в отдельных каютах.

Еще три часа Гроу провел в раздумьях и вскоре пришел к выводу, что казнить арестованных нежелательно.

«Я могу читать мысли людей по выражению их лиц, — подумал он самодовольно. — Но я не смогу управлять этим кораблем».

Но кого-то следовало наказать. Для острастки.

Гроу размышял, надо ли разрешить Стрейнжбери выключить двигатели. И что делать дальше?

Утром следующего дня он посетил Миллера.

— Сколько нам потребуется времени при такой скорости, чтобы добраться до Солнечной системы? — спросил он.

— Учитывая наше нынешнее положение в пространстве — около десяти лет, — быстро от-

ветил тот.

— Точно?

— Ну, я могу ошибиться года на два, — испуганно промямлил Миллер. — Мне надо уточнить...

Не дослушав, Гроу вышел из каюты.

Гроу верил Миллеру больше, чем Стрейнжбери. Десять лет... Черт возьми, это слишком мало. Нужно остановить корабль! Немедленно!

И сделает это Стрейнжбери!

Гроу явился к Роджеру.

— Пойдем! — скомандовал он. — Ты отключишь двигатели! Прямо сейчас!

— Это невозможно! — воскликнул тот.

«Действительно невозможно! Мы еще не набрали расчетной скорости».

Сейчас двигатели корабля работали по программе, составленной Стрейнжбери. Работали примерно на одном проценте реальной тяги. Роджер экономил горючее.

— Ты сделаешь это — или умрешь! — зарычал Гроу.

— Если я сделаю это — мы все умрем! — закричал в ответ Стрейнжбери.

Гроу выскочил от него и бросился к Миллеру.

— Ты можешь остановить двигатели? — с порога заявил он.

— Могу! — подобострастно ответил Миллер. — Только прикажите, капитан!

— Приказываю! — гаркнул Гроу. — Живо на мостик.

Они поднялись наверх. Миллер уселся в капитанское кресло, пробежался пальцами по сенсорам...

Лицо его выразило крайнее недоумение.

— В чем дело? — зарычал Гроу.

— Я не знаю... — промямлил Миллер. — Я... Мне... Доступ к управляющему центру закрыт!

* * *

Примерно в ста метрах от них бывший капитан Стрейнжбери спрятал в карман крохотный дистанционный пульт.

Его не обыскали при аресте. Это было большой удачей.

Спустя полтора часа — Миллер все это время пытался понять, что происходит, — двигатели звездолета вышли на предельный режим и командная система передала на них часть энергии с гравитационных компенсаторов. Это произошло не мгновенно, так что у людей было время, чтобы занять противоперегрузочные кресла и койки. В одной из таких — тюремная каюта

прежде была стандартной и имела стандартное оборудование — устроился и Стрейнжбери. Он, единственный на корабле, воспринял перегрузку с удовольствием.

Стрейнжбери с волнением понял, что наступил тот самый момент, которого он так хотел и которого так боялся. Утроенная тяжесть вдавила его в противоперегрузочное ложе, но это почти не беспокоило Роджера. Он знал, что меньше чем через минуту его субъективного времени (в обычной вселенной за эту минуту пройдут годы) звездолет преодолеет световой барьер. А там... Может быть, он просто перестанет существовать...

Забавно, но если бы сейчас Стрейнжбери-наблюдатель мог выглянуть в обычный космос, то он, вероятно, уже мог бы увидеть в хороший телескоп Солнечную систему.

Он похолодел от страха, когда понял, что сейчас в космосе уже можно разглядеть Солнечную систему.

Внезапно перегрузка возросла еще больше. Индикатор над головой Роджера жалобно пиликнул: дальнейшее увеличение могло нанести вред человеческому организму.

А затем произошло что-то невообразимое.

Потолок над его головой словно растаял. Снача-

ла он увидел огромный шар планеты. Очертания материков были знакомы. Очень знакомы...

Миг — и Роджер понял, что это за планета. А затем он увидел небо. Небо в огне. А затем оно внезапно стало голубым, а потом снова черным...

Ощущение было такое, словно Роджера втягивает огромная звездная воронка. Но при этом он испытывал настоящий экстаз.

Затем над Стрейнжбери возникло чудовищно искаженное, но безусловно человеческое лицо и мгновенно исчезло. Дальше перед его глазами вереницей поплыли какие-то образы, лица. Большей частью — знакомые. Все они перемешались: он сам, другие члены экипажа — все двигались как в фильме, который прокручивают в обратную сторону. Сцены были мимолетны: они омывали сознание, словно потоки воды. Образы из его детства, чудовищные картины чужих миров... возникали в беспорядке и таяли. Роджер плыл сквозь них, и ему уже не было так хорошо, как прежде... Внезапно Роджер понял, что с ним происходит.

Это была агония...

Часть вторая. Законы бесконечности

Эвирайл Хэвит. Земля

Эвирайл Хэвит оторвался от экрана видеофона и повторил вслух только что переданную ему новость:

Космический корабль «Надежда Человечества» вошел в пределы Солнечной системы...

Сердце Хэвита тревожно ёкнуло, строчки сообщения сливались. Хэвиту потребовалось усилие, чтобы читать дальше.

Шесть лет, только шесть лет прошло с момента запуска звездолета. За это время он никак не мог достичь системы Центавра и вернуться обратно, даже если бы летел со скоростью света. Значит, что-то произошло.

Хэвит размышлял.

Он неплохо знал капитана корабля Джона Стрейнжбери — талантливого ученого и человека несгибаемой воли. Тот не мог повернуть с полпути без достаточно серьезной причины. Хэвит знал о теории смещенных пространств Стрейнжбери. Дикой теории, основанной на изучении

распадающихся звездных систем. Эту теорию так и не приняло большинство астрофизиков. Но никто не смог ее опровергнуть, хотя всем очень хотелось. Выводы из теории Стрейнжбери не сулили людям ничего хорошего, поскольку из них определенно следовало: земной цивилизации грозит гибель. И очень скорая гибель.

Хэвит поверил. И вложил большую часть своего гигантского состояния в постройку не менее гигантского межзвездного корабля. Он рассуждал так: если Стрейнжбери прав, то очень скоро деньги потеряют всякое значение. А если не прав, то Хэвит навсегда войдет в историю как человек, финансировавший крупнейшую межзвездную экспедицию. Хэвит был неравнодушен к славе и стремился войти в историю. Он знал: обычно люди недолюбливают богачей, однако те миллионеры, кто, подобно Нобелю, щедро жертвуют на науку или искусство, в глазах потомков выглядят героями.

Поначалу мир смеялся над Хэвитом. Его жена подала в суд: она была намного моложе и рассчитывала после смерти Хэвита прибрать к рукам его миллиарды. А тут ее деньги в прямом смысле вылетают в космос. Кроме того, она имела глупость поносить мужа публично и давала газетам

отвратительные интервью.

Но Хэвит грамотно составил брачный контракт. А жена была дурой. Правда, очень красивой дурой, но это ей не помогло. Свора юристов Хэвита размазала неблагодарную по судейскому столу. Они развелись, причем все, что полагалось ей по брачному контракту, тут же сожрал вдвое превосходящий эту сумму иск за клевету. Остаток, пару миллионов, Хэвит великодушно простил бывшей жене и даже назначил ей пожизненное содержание.

Процесс сыграл Хэвиту на руку. Внимание публики переключилось с космического проекта на его семейные дрязги. Абсолютная победа и последующее «великодушие» восстановили престиж финансиста. А тем временем правительство Соединенных Штатов, оценив возможные преимущества космической экспансии, объявило проект «Надежда Человечества» государственным и вышло так, что щедрый порыв Хэвита обернулся для него прибылью. Впрочем, такое с крупнейшим финансистом Запада случалось уже не впервые.

И вот теперь звездолет возвращается. Неужели все впустую?

Мрачные мысли Эвирайла Хэвита прервал

телефонный вызов.

То, что он услышал, не развеяло его печали, но привело в недоумение.

Согласно данным космической службы наблюдения, траектория движения звездолета должна была неминуемо пересечься с траекторией движения Земли. В настоящее время скорость космического корабля составляла около десяти тысяч миль в секунду. Если «Надежда Человечества» врежется в планету, наступит планетарная катастрофа. Правда, по сообщениям наблюдателей, звездолет тормозил. И тормозил так интенсивно, что уровень перегрузок внутри корабля составлял чуть ли не 200 g. Поначалу служба наблюдения сочла это ошибкой: развить подобное ускорение было невозможно даже не потому, что всё внутри корабля: люди и приборы, — превратилось бы в аморфную кашу. Просто такое было не под силу корабельным двигателям.

Хэвит связался с Космической службой, позвонил непосредственно ее начальнику. Если требовалось, Хэвит мог позвонить даже президенту. У него была прямая линия.

— Что там у вас происходит, генерал?

— Хотелось бы мне ответить на этот вопрос, сэр! — последовал ответ. — Этот ваш звездолет не

подчиняется законам физики. Похоже, он вообще не подчиняется никаким законам. Если верить нашим детекторам возмущений, его масса в настоящее время составляет около полутора тонн.

— Сколько?!

— Если быть точным — четыре тысячи девяносто шесть фунтов. Ваш автомобиль, мистер Хэвит, весит больше.

— Мне это известно. Каковы ваши выводы?

— Мы работаем, мистер Хэвит. Мы анализируем происходящее.

— Это все, что вы можете сказать, генерал?

— Пока все. К сожалению.

— Когда звездолет будет здесь?

— Где — здесь?

— На Земле, черт побери!

— Надеюсь, никогда. Надеюсь, мы сумеем перехватить его на подходе.

— А если не сумеете?

— Тогда, боюсь, нам придется его уничтожить...

— Вы спятили! — зарычал Хэвит и швырнул трубку.

Он не услышал, как генерал добавил:

— ... Если сумеем.

Звездолет пересек орбиту Земли утром сле-

дующего дня. К этому времени скорость его значительно снизилась, но детекторы массы и излучений по-прежнему показывали нечто невероятное. Все попытки связаться с экипажем звездолета, как и следовало ожидать, провалились.

За прошедшие сутки Хэвит не раз связывался и с начальником космической службы, и с командующим, и с президентом. Он разговаривал даже с тремя президентами, поскольку и Россия, и Китай тоже выразили обеспокоенность происходящим.

Главному «астронавту» США Хэвит сказал так:

— Я хочу, чтобы вы проникли внутрь корабля. Я оплачу все необходимые затраты. Выясните, что там происходит, и если окажется, что экипаж уцелел, дайте мне знать немедленно.

Он не думал о возможном риске. Хэвит был безжалостным человеком. Ему казалось, что в этом особом случае в истории человечества любые средства хороши.

— Я вылетаю к вам! — заявил он. — Буду через час.

Через час Хэвит уже наблюдал на экране генерального штаба космических сил США, как аварийная команда пытается проникнуть внутрь

звездолета.

Они высадились на его поверхности, закрепились и теперь пытались проникнуть в один из шлюзов.

Пока результат был нулевым. А звездолет тем временем продолжал движение. Но двигался он так, словно притяжения планеты для него не существовало.

— Найдите аварийный люк! — заявил Хэвит, когда стало ясно, что вскрыть шлюз не удается. — У него поворотный механизм. Попробуйте провернуть его вручную, хотя бы с помощью магнитной присоски.

— Идея хорошая, но мы не успеем ее осуществить, — ответил командовавший работами лейтенант Мэрдонал: — Мы снижаемся со скоростью до девяти миль за шестьдесят-восемьдесят минут. При таком режиме мы столкнемся с поверхностью Земли через десять часов.

— В таком случае убирайтесь оттуда и продолжим на Земле! — распорядился Хэвит.

Корабль вошел в атмосферу Земли через четыре часа. Хэвит в это время спал.

Спал Хэвит плохо. Ему снилось, что он пытается взобраться на корпус своего корабля, но поверхность ужасно скользкая, и он все время

съезжает вниз.

Неожиданно он проснулся и увидел, что прошло уже более пяти часов. Хэвит начал одеваться, одновременно набирая код связи с центром безопасности.

— Свяжите меня с аварийной группой, — потребовал он. — С лейтенантом Мердоналом.

Его соединили немедленно. Начальник группы выглядел уставшим и возбужденным одновременно.

— Мои ребята на броне звездолета, сэр! — доложил он. — Эта махина спускается, словно воздушный шар. Советую вам взглянуть!

Хэвит включил видеоэкран и тут же получил изображение.

Громадный звездолет плыл километрах в десяти над землей.

— Как ваши успехи? — спросил Хэвит.

— Пока никак. Мы пытались резать его плазмой, но эта хреновина не то что не плавится, она даже не нагревается. А буры скользят по ней, словно коньки по хорошему льду. Только царапин не оставляют. Наши консультанты говорят, что это какая-то особая материя, которая отражает излучения и вообще всё...

— Плевать на консультантов! Что с аварийным

люком?

— Мы его нашли. Собрали конструкцию на электромагнитах. Слава Богу, с магнитным полем все в порядке. Сейчас пробуем провернуть люк. Пока ничего не выходит, но мы добавим вибрацию. Если его заклинило, это может помочь. Мы будем работать, пока корабль не приземлится. Предположительно где-то в предгорьях Скалистых гор. Он спускается по касательной к поверхности примерно в четыре раза медленнее, чем парашютист. Полиция уже начала эвакуацию жителей.

Момент приземления Хэвит наблюдал в салоне вертолета.

Аварийная группа уже приземлилась и ждала в зоне ожидаемого приземления вместе со всей необходимой техникой. Они рассчитывали взяться за дело всерьез. Их ждало жестокое разочарование.

Корабль коснулся земли точно в рассчитанный момент и заскользил по ней...

То, что случилось в следующую минуту, не ожидал никто.

— Корабль пробил холм! — закричал кто-то.

— Мой Бог! — тихо промолвил Хэвит.

Округлая, очертаниями напоминающая кита,

туша звездолета плавно коснулась каменистого склона... И вошла в него с легкостью протыкающей воск иглы.

Раздался грохот, и тысячи тонн камня пришли в движение. Поднялось облако пыли.

А корабль продолжал двигаться — и погружаться в скалистый грунт.

Когда пыль осела, в склоне обнаружилось отверстие размером свыше двенадцати сотен футов в диаметре, уходящее наискось вглубь холма. Отверстие немедленно стало разрушаться. Тонны камней с грохотом посыпались с краев пролома.

А корабль продолжал двигаться под землей.

Его отслеживали по сейсмическим колебаниям. Скорость движения оставалась практически неизменной, словно звездолет не испытывал ни малейшего сопротивления. Этого не могло быть. По всей его трассе происходили подвижки грунта, небольшие землетрясения.

Звездолет преодолел под землей более трех сотен миль и, не причинив особых разрушений, появился из-под земли в пустынной местности, чтобы, вопреки всем законам физики, начать неторопливый подъем.

Как только корабль «вынырнул» наружу, к нему тут же поспешила аварийная группа. С ли-

хорадочной быстротой была собрана кострукция для вскрытия люка. К тому моменту, когда звездолет поднялся на километр выше горного хребта, аварийной команде наконец удалось сдвинуть плиту люка с мертвой точки.

Хэвит, облаченный в специальный скафандр, оснащенный магнитными «присосками», присоединился к аварийной команде. Никто не посмел ему отказать. В конце концов это была его собственность. Прошло еще около часа, и наружный люк был открыт. За люком, как и следовало ожидать, находилась обширная шлюзовая камера и еще один люк. Но его механизм можно было разблокировать снаружи, что и было сделано.

Это тоже потребовало времени. Внутренняя дверь оказалась деформированной.

Когда работы были закончены, «Надежда Человечества» снова находилась в открытом космосе, а аварийная группа — на корабле планетарной службы безопасности.

Оба корабля были состыкованы. Герметичность обеспечивалась специальным рукавом.

Эвирайл Хэвит. «Надежда Человечества»

Первым, кто шагнул внутрь звездолета был, Эвирайл Хэвит. Никто не оспаривал у него этого права.

Поначалу он не увидел ничего сверхъестественного. От входа, куда попал Хэвит, коридор выглядел вполне нормальным, разве что немного темноватым. Прошло несколько секунд, пока Хэвит привыкал к сумраку. Хотя прошли годы с тех пор, как он последний раз был на борту этого корабля, к нему сразу же пришло чувство затерянности в огромном внутреннем пространстве.

Хэвит находился в той части коридора, которая вела (он знал это наверняка) в центр корабля. Но коридор казался уже, чем ему помнилось. Существенно уже. Коридор был широкой артерией, каналом, специально сконструированным для перемещения крупного оборудования. Сейчас он выглядел не таким уж широким. Точно определить, насколько коридор изменился, Хэвит не смог. Первоначально длина коридора определялась шириной корабля — свыше тысячи футов. Так далеко он видеть не мог. Впереди коридор

исчезал в непроницаемой мгле. Казалось, высота коридора не уменьшилась. Он имел высоту тридцать футов и выглядел действительно футов на тридцать. А ширина его была пять футов вместо положенных сорока. Не похоже, чтобы его разрезали или перестраивали. Кроме того, Хэвит просто не представлял, как можно перестроить его в космосе.

Хэвиту предстояло было решить, куда идти дальше, чтобы обследовать корабль, он оглядел внутренний проем шлюза. Да, люк прогнулся и деформировался. Неудивительно. Ведь ширина двери тоже уменьшилась до пяти футов.

Изменения выглядели пугающе. Лоб Хэвита покрылся испариной. Первая невероятная мысль, родившаяся в его сознании, была: — «Неужели именно так проявляется эффект сжатия Лоренца-Фитцджеральда?» Значит, расчеты Тэлли оказались верными, скорость корабля действительно вплотную приблизилась к скорости света и все пропорции переменились?

Эту мысль Хэвит мгновенно отверг. Она показалась ему сомнительной попыткой буквально понимать постулаты квантовой физики.

Требовались какие-то другие объяснения.

Позади аварийная команда пропихивала

сквозь суженный люк передвижную капсулу: одноместный обтекаемый агрегат на резиновых колесах.

Хэвит тут же, по праву хозяина, завладел капсулой.

Первой целью, которую он поставил перед собой, было: достигнуть каюты капитана. Не успел он отъехать и на десять футов, как увидел пандус, плавно уходящий вверх на следующий уровень.

Перемена обстановки помогла Хэвиту восстановить в памяти конструкцию корабля. Что более важно, он действительно вспомнил: именно там, вдали, справа, находится каюта капитана. Сначала шлюз, потом — подъем, дальше множество различных ремонтных боксов. Коридор плавно поднимался. Потом начал сужаться. Все выглядело неестественно мрачным из-за необычного эффекта сжатия, но высота осталась неизменной.

Хэвит ожидал, что дверь каюты капитана тоже будет уже, это послужит препятствием, и его капсула не сможет проехать внутрь. Однако, достигнув двери, он увидел, что размеры ее сохранились прежними. Хэвит отметил это про себя, подумав: «Конечно, по теории Лоренца-Фитцджеральда так и должно быть. Сжатие должно

происходить в направлении полета. Так как дверь находилась под прямым углом к коридору, то размеры дверного проема остались неизменными. Однако косяк двери должен быть уже».

Так оно и было. Хэвит остановился. «Дела плохи,— сказал он сам себе.— Как и коридор, каюта стала уже».

Хэвит пытался как-то объяснить происходящее, но в физике он был дилетантом. И изменения внутренних размеров казались не таким уж чудом, если вспомнить, как вел себя сам звездолет, игнорировавший все законы сопротивления и тяготения.

Хэвит перестал строить предположения. «Бесполезная трата времени! Я должен действовать!» — подумал он.

Отлично понимая, что нужно действовать быстро, он мягко развернулся, включил передачу и проехал вперед, через дверной проем.

В прихожей капитанских апартаментов было пусто. Здесь не предусматривалась мебель. Обставлены были остальные помещения. Хэвит направился в спальню. Дверь туда была закрыта, но он открыл ее, толкнув носом капсулы. Хэвит проник в помещение с некоторым смущением; у него были обычные человеческие понятия о

вторжении посторонних людей в спальню. В каюте стояла противоперегрузочная койка, справа возле нее лежала женщина, прикрытая тонкой простыней так, что он видел только часть ее руки, плечо и голову, повернутую в сторону от него. Хэвиту вид женщины показался вполне нормальным. Еще раз внимательно посмотрев в ту же сторону, он заметил мужчину, лежащего в совершенно неестественной позе, словно сброшенного внезапной остановкой или неожиданным стартом. Часть его тела выглядела плоской, а другая нормальной. Хэвит объехал вокруг кровати, чтобы посмотреть на свою находку с другой стороны, голова и тело мужчины выглядели словно карикатура на человеческое существо — таким можно увидеть человека в плохом фильме ужасов. Тем не менее, не было ни крови, ни каких-то иных физиологических повреждений.

Хэвит больше не смог смотреть на этих людей. Конечно, он не обнаружил сходства мужчины с капитаном Джоном Стрейнжбери, который командовал кораблем, когда шесть лет назад «Надежда Человечества» стартовала с Земли.

Хэвит окончательно запутался. Все, что он видел, было абсолютно невероятно!

Хэвит направился к выходу из апартаментов

капитана. В голове его не осталось никаких мыслей, но он все-таки помедлил, заглянув в другую комнату. Там находилось три койки, и в каждой из них было по молодой женщине. Даже накрывающие их белые простыни не могли скрыть чудовищно искаженных пропорций их тел. Хэвит, дрожа, попятился назад. Зрелище ужасало его...

Когда Хэвит снова оказался в коридоре, он собрал всю свою волю, пытаясь сознательно воспринять окружающую обстановку. Он покатил по коридору, стараясь зафиксировать в памяти все увиденное. Он заглядывал в помещения, предназначенные для офицеров и ученых корабля. Почти во всех каютах были люди, но почему-то одни только женщины и иногда — дети.

Наконец Хэвит набрался смелости и сбросил простыню с одного из обитателей корабля, мальчика-подростка.

Тело так же было деформировано, но аккуратно зафиксировано в лежачем положении с помощью страховочных ремней.

Хэвит двинулся дальше, заглядывая во все каюты. Только женщины, дети и подростки. Но где же все мужчины?

Он нашел всего трех парней лет по восем-

надцать в каютах, расположенных во втором коридоре, рядом с каютой капитана. Они также находились в койках и представляли собой изумительный набор уродов. Когда Хэвит поднял простыню у первого юноши, то увидел тело тонкое, как палка, и невероятно худое. Второй выглядел просто калекой-карликом. Третий был плоским, словно бесплотный силуэт.

Исключая тех трех юношей, Хэвит не нашел других мужчин, пока не попал в большое, похожее на дешевую гостиницу, помещение на нижних палубах. Здесь, в маленьких спальнях, которые предварялись большим общим отсеком, он обнаружил, несколько сотен мужчин. Зато тут не было ни одной женщины, что явилось для Хэвита очередной неразрешимой загадкой. Он не мог понять, почему все мужчины находятся здесь, внизу, а все женщины и дети — на верхних палубах.

Хэвит ошалел от увиденного. Пока он двигался к машинному отделению, до его сознания дошло, что на корабле есть мужчины, женщины и дети всех возрастов, но никого из них он не знает. Он, который изучал досье всех офицеров, колонистов, техников, ученых, женщин, — сейчас не смог узнать никого.

Хэвит спустился в машинное отделение. Бросив первый взгляд на приборную панель, он пришел в изумление.

Реактор был запущен на полную мощность, и мощность эта далеко перекрывала все расчетные параметры. Преобразователь энергии тоже выдавал чудовищные показания. Если верить приборам, то корабль сейчас пронзал пространство с ускорением в сотни g.

Взгляд Хэвита сместился к показателю скорости. Его пробила дрожь.

Цифры были совершенно невероятные: 198700 миль в секунду, выходило так, что звездолет двигался с относительной скоростью, ПРЕВОСХОДЯЩЕЙ скорость света! И продолжал ускоряться.

«Боже мой! — подумал Хэвит. — Этого не может быть!»

Он еще раз поглядел на дисплей с полетными характеристиками и внезапно осознал свою ошибку.

Звездолет не разгонялся. ОН ТОРМОЗИЛ!

Эвирайл Хэвит. Земля

Совещание Управления космических сил

Запада началось на следующий день после возвращения Хэвита на планету.

Аварийная команда прекратила работу. «Надежда Человечества» неторопливо двигалась прочь от Земли. Ее сопровождал сторожевой эсминец космических сил.

Нынешнее совещание было посвящено результатам изучения корабля и дальнейшим шагам землян в отношении странной находки.

Собравшиеся заслушали отчеты всех побывавших на звездолете, в том числе и отчет его номинального владельца — Эвирайла Хэвита.

Несмотря на то что на совещании присутствовали самые блестящие ученые Запада, ничего определенного они сказать не могли. Кроме одного из них, астрофизика Питера Линдена, высказавшего любопытную гипотезу о «двуслойном времени».

Высказывались разные предложения. От — «немедленно уничтожить» звездолет до «предоставить самому себе».

— Вы, Хэвит, засунули в это опасное дело голову одним из первых! — заявил председатель совещания, возглавляющий Совет директоров НАСА. — Что скажете вы?

— Скажу, что мы столкнулись с одним из инте-

реснейших явлений, — заявил Хэвит. — Было бы глупо уничтожить это явление только потому, что мы его не понимаем. Кроме того, я вовсе не уверен, что мы можем его уничтожить. Не забывайте: никто еще не опроверг гипотезы Джона Стрейнжбери о том, что наше Солнце относится к классу пульсирующих звезд. А «Надежда Человечества» была создана именно потому, что, согласно этой гипотезе, нашей планете угрожает серьезная опасность, и эту угрозу еще никто не отменял, дамы и господа!

— Что ж, — произнес председатель. — Я склонен согласиться со сказанным. И хочу поздравить мистера Хэвита, поскольку именно благодаря его инициативе мы увидели феномены, которые способны перевернуть наши представления о вселенной.

На этой стадии событий, — продолжал он, — мы в первую очередь должны беспокоиться не о том, как это произошло, хотя размышления об этом тоже не помешают, а о последствиях наших открытий. Мистер Хэвит видел, как приборы показывали значение относительной скорости корабля, превосходящее скорость света. Возможно, как это предположил доктор Линден, при достижении такой скорости корабль находит-

ся и перед нашими глазами, и в то же время в условиях открытого космоса. Я предполагаю, что корабль путешествует с более чем световой скоростью в своей собственной зоне существования — во времени ли, параллельном нашему, или в иной среде, но у него «другие» минуты, секунды. Конечно, дальнейшее осмысление происшедшего необходимо, но я предлагаю с этим подождать. Настало время практических решений. Я предлагаю следующее: попытаться установить контакт с экипажем звездолета. Для этого копии тщательно продуманного письма должны быть вложены в руки различных руководителей служб корабля, чтобы они, если они способны воспринимать наше пространство в той же степени, что и мы — их пространство, смогли прочитать это послание. В письме следует описать сложившиеся обстоятельства и дать определенные указания. В частности, сделать попытку, связаться с нами. Например с кем-то, кто рискнет остаться на звездолете.

Хэвит задумался над предложением. Идея показалась ему логичной.

— Я, — сказал он, — готов остаться на звездолете и вести дальнейшее наблюдение за событиями.

Хэвит вспомнил человека, закрученного вокруг

прикроватной тумбочки в каюте капитана... Ему не очень хотелось возвращаться на корабль, видеть недвижные, изуродованные непонятной силой тела, но он чувствовал, что это его долг.

— Я хочу, чтобы в мое распоряжение предоставили передвижную капсулу, дооборудованную кое-какими приборами и в первую очередь устройством для запуска общей корабельной связи. Кроме того, мне потребуются пища, вода. Разница времен может сделать мою задачу весьма трудной. Я должен быть уверен, что выживу даже без внешней поддержки.

Предложение Хэвита было принято. Участники совещания внесли еще несколько предложений, например по установке дополнительного оборудования на капсуле и на самом звездолете, чтобы исследовать непонятный феномен, вести наблюдения и записи режимов работы двигателя.

Эта мысль вызвала целую бурю научных идей, которую Хэвит остановил заявлением:

— В этот раз, джентльмены, обсудим только проблему дополнительного оборудования, которое можно установить в кратчайшие строки. Тем временем будет написано и размножено письмо. Мы должны вернуться сюда как можно скорее, а потом я поднимусь на борт «Надежды

Человечества».

С этим все согласились, и Хэвит оставил ученых, которые занялись дальнейшими расчетами и обсуждениями, а сам уехал. Он понятия не имел, сколько времени займет пребывание на борту звездолета, поэтому ему, как главе крупнейшей финансово-промышленной империи, следовало отдать необходимые распоряжения на случай долгого отсутствия.

Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета

Роджер проснулся.

Он тихо лежал в темноте, словно ребенок, ни о чем не думая. Он ничего не помнил.

Потом к нему вернулась память.

— О, мой Бог! — прошептал он.

Через несколько секунд Стрейнжбери почувствовал внезапный испуг, но так же внезапно испуг прошел. Стрейнжбери еще был жив. Сверхсветовая скорость оказалась не смертельной. Опасный момент, когда корабль во время полета перешел световой барьер, остался где-то в прошлом. Стрейнжбери задумался, как долго он находился без сознания. Эта мысль заставила его

окончательно пробудиться. Он понял, что должен немедленно спуститься в машинное отделение, проверить работу двигателей и перевести их в режим снижения скорости.

Еще он подумал о Гроу.

«Может, он мертв?» — Он приподнялся, повернулся к источнику света, который находился рядом с кроватью. Оказалось, свет заливает маленький потолок его тюремной камеры. Он осознал, что электромагнитные явления, световые волны, гравитация — все законы физики восстановились и все вернулось в норму.

Стрейнжбери освободился от ремней безопасности и сел.

Он услышал шум снаружи камеры. Дверь из бронепластика открылась. Вошел Гроу с перевязанной головой и внимательно посмотрел на Стрейнжбери.

За капитаном виднелась во мраке большая фигура охранника, доверенного человека Гроу по имени Гаркурт.

То, что Стрейнжбери увидел Гроу живым, сильно разочаровало Роджера. Гроу был только ранен, но явно не смертельно. Выходит, Гроу и в этот раз одержал победу.

Но разочарование прошло, и Стрейнжбери вос-

прял духом. Не так все и плохо. Ведь все вышло так, как он запрограммировал.

Стрейнжбери быстро заговорил, не задумываясь над словами и не давая Гроу опомниться:

— Я был без сознания и только что пришел в чувство. Что случилось? Кто-то погиб?

Стрейнжбери увидел, что Гроу внимательно разглядывает его.

— Вам тоже досталось?— наконец произнес он.

Стрейнжбери не ответил, только смотрел на Гроу.

— Стрейнжбери, ты уверен, что происшедшее не является частью чьей-нибудь интриги?

Стрейнжбери покачал головой:

— Я так не думаю. Что произошло, того уже не вернешь. — Стрейнжбери продумывал свои дальнейшие действия. Конечно, заговор все-таки был, но это — уже дела прошлого.

С этого мгновения он и каждый, находящийся на борту, оказались лицом к лицу с новой ситуацией, в которой еще никто из людей не находился: существованием за пределами светового барьера.

Слова и поведение Роджера отчасти успокоили Гроу. Но природная подозрительность взяла свое, и он грубо сказал:

— У тебя, Стрейнжбери, есть еще шанс, так что давай-ка в двигательный отсек! Гаркурт пойдет с тобой и позаботится о порядке.

Стрейнжбери должен был убедиться в реальности угроз Гроу.

— Выясни, что стряслось, и сразу ко мне, доложишь обстановку. Понятно? Иначе тебе не сносить головы!

Стрейнжбери не поверил ему. Не мог поверить. Он понимал, что положение дел у Гроу не изменилось, капитан все еще не в состоянии управлять кораблем. Но вслух сказал:

— Конечно, капитан, все будет сделано в лучшем виде.

Гроу изобразил на своем лице подобие улыбки.

— До встречи,— произнес он.

Капитан двинулся разбираться с другими заключенными и, размышляя по пути над поведением Стрейнжбери, решил, что в аварии больше замешан Миллер. Да, именно Миллер. Кто еще сделал бы это, кроме него, ведь в двигательном отсеке находился он один. Гроу вспомнил, как Миллер изучал показания приборов, манипулировал с панелью управления. «Это было как раз перед тем, как все случилось,— вспомнил он. — Прямо на моих глазах!»

Простота свершившегося взбесила капитана.

Стрейнжбери в сопровождении Гаркурта достиг вспомогательной рубки. Мельком он оценил показания приборов, бросил взгляд на космическое пространство в обзорных экранах. Там была тьма.

Быстро, привычно он перепрограммировал двигатели: задал реверсивный режим в двенадцать g, плюс одиннадцать g искусственной гравитации. Выполнив эту операцию, он дотронулся до кнопки управления...

И остановился. В этот момент принятия окончательного решения ему показалось, что он не все продумал до конца.

Ускорение при сверхсветовых скоростях уже принесло результат, к которому он смутно стремился и который предвидел. И освободило его из камеры заключения. Но в его собственном положении не появилось ничего принципиально нового.

Безразлично, что он делал. Если бы он обманулся или даже просто ошибся в действиях, результат бы оказался тот же. Он уже зачислен в списки подлежащих ликвидации. Это было очевидно, и его действия вели к собственной смерти. Вот Гаркурт, держащий ладонь на рукояти бластера.

Этот ничтожество в любой момент мог связать, задержать, даже убить Роджера, если сочтет это необходимым. И, разумеется, воспрепятствует Роджеру покинуть звездолет на посадочном модуле, как они планировали с Тэлли.

С другой стороны, если сейчас неожиданно «ударить» утроенной силой тяжести, а потом обезоружить охранника...

Идея казалась интересной. Пальцы Стрейнжбери лежали у сенсоров управления.

Но и в этот раз он отнял руку, не коснувшись их. Появилась причина, менее личная, но гораздо более важная.

«Почему я оказался без памяти в момент превышения скорости света? Это требует объяснений?» — подумал он. Была боль, были какие-то видения. Наверняка то же самое случилось и с остальными членами экипажа. Нужны детали...

Стрейнжбери повернулся к своему сторожу и спросил:

— Ты был без сознания, Гаркурт?

— Угу.

— Что ты помнишь?

— Ничего. Прямо как отрубило. Потом пришел в себя. Первой мыслью было: парень, лучше поднимись к Гроу! Я обнаружил его скорчив-

шимся возле тумбочки у кровати. Он треснулся башкой...

— Никаких мыслей? — прервал Гаркурта Стрейнжбери. — Никаких видений, никаких снов, ничего не помнишь? Я имею в виду до того, как ты пришел в чувство?

У него самого в памяти остались только какие-то смутные образы, неясные фантазии.

— Ну-у-у! — с сомнением промычал Гаркурт.— Я прихожу в себя, думаю о... Я спал. Сейчас не помню; непонятно...

Стрейнжбери ждал. На мясистом лице его конвоира отражалась напряженная работа мысли, так что стоило торопить его.

— Знаете, мистер Стрейнжбери, — продолжил Гаркурт, — когда приходит миг смерти, мы действительно начинаем чувствовать некую истину.

Ученый, незаметно для собеседника, тяжело вздохнул. Этот человек был таким медлительным и так плохо соображал.

— Мне надо заняться двигателями, Гаркурт, — торопливо сказал Стрейнжбери. — Мы договорим позже.

Он в очередной раз подошел к аппаратуре корабельной связи и осторожно включил ее. Сделав

это, Стрейнжбери сел в кресло управления и передал по громкой связи, что менее чем через минуту корабль начнет снижать скорость. Потом Стрейнжбери пристегнулся к креслу, взглянул на Гаркурта и увидел, что тот тоже пристегнул ремни безопасности.

Стрейнжбери затаил дыхание. Может, прямо сейчас напасть на Гаркурта? Но он все-таки отказался от этого замысла.

«Не сейчас!— подумал он.— Все еще многое неясно. Непонятно, чем кончится торможение корабля. Ждать!»

С дрожью в руках он пристегнул ремни безопасности и стал наблюдать за показаниями на мониторе.

Неожиданно мелькание цифр на экране ускорилось.

Непроизвольно он прижался к спинке кресла. Но ничего особенного не произошло. Он почувствовал ускорение всего лишь в одно g — разницу между замедлением и искусственной гравитацией.

«Может это от того, что сейчас наша скорость превышает скорость света?» — подумал Стрейнжбери.

Датчики продолжали показывать те же вели-

чины, что и раньше.

Гаркурт наконец вспомнил и решил высказаться:

— Знаете, мистер Стрейнжбери, сон был просто чудесный. Я, как наяву, видел изображения каждой части своего тела, делающей что-то вроде кувырка. Я был такой большой, как весь мир, и смог видеть себя изнутри, даже видел те маленькие, чудные, вращающиеся частички света, только они не были совсем маленькими, и каждая из них улетала в черт-те каком направлении... Это было по кайфу!

Стрейнжбери повернулся к Гаркурту. Очень похоже на собственные ощущения Роджера. Ему показалось, он чувствует, как просто, без лишних волнений в его мозг проникает внутреннее видение.

— «... кувырком...»? Что еще?

«... большой, как весь мир...» Ведь это было в теории: при скоростях, равных скорости света, масса становится безграничной, хотя размер ее уменьшается до нуля.

«... вращающиеся частички света...» Электроны. Святые небеса! Конечно, это фантастично. Но это произошло.

И, естественно, это было в момент помрачения

сознания. Точно в момент включения реверса двигателей. Сама структура жизни и материи исказилась. Стрейнжбери испугался и возликовал одновременно.

Черт возьми! Их, его корабль преодолел барьер времени и пространства.

Стрейнжбери реально представил себе все это: безграничный мрак космоса побежден открытием и реализацией законов, присущих самой структуре материи. Расстояние побеждено, и даже время, вероятно, подверглось искажению.

Не расслабляясь, Стрейнжбери сел, ожидая, когда звездолет замедлит ход и пересечет барьер световой скорости.

Шли секунды за секундами. Датчики продолжали отмечать изменение скорости и положения корабля. Ничего кардинального не происходило.

Эвирайл Хэвит. Земля

Хэвит делал все, чтобы ускорить подготовительные работы. Что касается денег, то тут проблемы не существовало. Но человеческий фактор... Люди трудились не покладая рук, но работы затягивались.

Не лучше обстояло дело с письмом экипа-

жу звездолета. Само-то письмо Хэвит составил быстро. Потом его разослали ученым и уполномоченным от правительства для одобрения. Бюрократическая волокита потребовала целой недели. Время уходило.

Но вот Хэвит стал обладателем окончательного варианта двенадцати копий письма. Требовалась только его подпись. Теперь письмо имело следующий, окончательно отредактированный текст.

«Внимание: экипажу корабля «Надежда Человечества».

Ваш корабль прибыл в Солнечную систему, но его состояние таково, что контакт с вами является односторонним. Скорее всего это вызвано необычным состоя нием материи самого корабля и экипажа, так как наши представители, побывавшие на корабле, видели членов экипажа в искаженных формах и неподвижными. Есть предположение, что в настоящее время звездолет путешествует со скоростью, приближающейся к скорости света, или, возможно, превышая ее. Мы знаем, что, согласно показаниям ваших приборов, в настоящее время звездолет тормозит. Рекомендуем продолжать этот процесс, но из соображений безопасности уменьшить нагрузку на двигатели. Если вы сумеете вернуться в нор-

мальное пространство — попытайтесь связаться с Землей с помощью обычных средств связи. Извещаем вас, что с того момента, как «Надежда Человечества» отправилась в систему Центавра, на Земле прошло шесть лет. Предлагаем вам действовать без промедления, так как корабль, уже прибывший в Солнечную систему, может продолжить движение и выйти из пределов нашей досягаемости».

Кроме Хэвита письмо подписали: Министр Объединенных Западных Сил, Командующий Космическим Флотом, от ученых — астрофизик Питер Линден и еще с десяток фамилий.

Множество официальных представителей и обозревателей провожали Хэвита на борт челнока, который должен был доставить его на патрульный эсминец, сопровождающий «Надежду Человечества». Его должны были сопровождать офицеры космического патруля, врач, представитель Вооруженных Сил Евразийского Содружества, а также несколько физиков.

Как и ожидалось, «Надежда Человечества» покинула Землю, пролетев обратным курсом за три недели свыше полумиллиона миль. Но более важным было то, что корабль не подвергался воздействию гравитации Солнца, перемещаясь

в направлении Овна со скоростью свыше двенадцати миль в секунду. Было ясно, что корабль без помех проследует мимо Солнца, по расчету, в десяти миллионах миль.

Эвирайл Хэвит. «Надежда Человечества»

Спустя восемь дней челнок доставил Хэвита на эсминец. За все это время на «Надежде Человечества» прошло всего лишь около получаса «локального времени». Иными словами, время на звездолете текло примерно в 973 раза медленнее, чем на Земле.

Шлюзовую камеру корабля открыли с максимально возможной скоростью и присоединили к шлюзу эсминца. Хэвит на управляемой капсуле без помех проехал на «Надежду Человечества», проследовал в каюту капитана... и столкнулся с первой проблемой. Черноволосый мужчина, который скрючился у койки в спальне капитана, отсутствовал. Только женщина все еще лежала на соседней койке.

Хэвит всмотрелся в полумрак соседней спальни. Там, как и раньше, в каждой отдельной кровати спали три женщины. Однако он нигде

не увидел мужчину, которому предназначалось одно из писем.

Но это не являлось принципиально важным. Ведь по единодушному согласию экспертов копии письма следовало разместить в различных местах на корабле для того, чтобы их прочло руководство корабля.

Хэвит оставил одну из копий на застеленной мужской кровати, несколько копий — около женщин в офицерских каютах, четыре копии положил около мужчин, выбранных случайно из двух сотен спавших в «общежитии» на нижней палубе корабля, а также оставил копию каждому второму мужчине из пристегнутых ремнями безопасности к креслам в отсеке двигателей.

Хэвит посетил этот отсек в самую последнюю очередь, там ему требовалось заснять показания всех приборов. Физики на эсминце особенно жаждали получить данные о режимах работы двигателей корабля.

Хэвит включил видеокамеры. Вдруг ему показалось, что показатели существенно изменились по сравнению с увиденными им во время последнего посещения корабля. Да, данные скорости!

Хэвит замер. Цифры на мониторе показывали скорость примерно равную скорости света. В

прошлый раз диаграмма скорости находилась существенно правее, на этот же раз она... колебалась у самой черты!

Увиденное привело Хэвита в неописуемый ужас.

Корабль летел в космосе со скоростью всего лишь на несколько миль быстрее скорости света.

Хэвит ничего хорошего не ждал от момента перехода. Он метнулся из двигательного отсека к своей капсуле. Люди на борту корабля пережили пересечение линии скорости света в одном направлении. И они были частью этого процесса. Как переключение, обратный ход, подействует на того, кто раньше не был вовлечен в процесс сжатия? Ему стало ясно, что даже при счете 973 к одному в его пользу он не успеет покинуть корабль.

Повернув за угол, Хэвит увидел вдалеке шлюзовую камеру. В этот момент он почувствовал приступ тошноты. Хэвит не раздумывал над тем, что может случиться. Ему ничего не приходило в голову, но инстинктивно он затормозил капсулу.

А потом...

Что-то схватило его сзади и безжалостно сдавило. Ощущение было таким, словно гигантская

рука, почти видимая, схватила и стала душить его, как червяка.

Потом та же рука начала ослаблять хватку. Он стал ощущать себя словно распыленным в космосе, который почему-то уменьшился, потом вдруг стал огромным...

Это было последнее, что Хэвит помнил, пока мрак не заполнил его сознание.

Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета

Что-то ударило Стрейнжбери.

Этот удар был слишком сильным даже для него. Толчки ослабли, а потом снова усилились. Боль нарастала. Каждый миг этого истязания становился вечностью.

Стрейнжбери находился в полубессознательном состоянии, хотя в этот раз не погружался в мир фантазий, потому что неожиданно понял: корабль вновь перешел черту скорости света, и скорость продолжала снижаться.

С волнением Стрейнжбери подумал: «Мы совершили это!»

... Ушли за скорость света и вернулись назад! Ушли от необычного космического времени и

вернулись к нему.

Не оглядываясь, Стрейнжбери отстегнул ремни безопасности и встал. Он так стремился посмотреть на показания приборов, что не заметил письмо Хэвита, которое упало у него с колен.

— Эй, что это? — спросил стоящий у него за спиной Гаркурт.

Стрейнжбери оглянулся. Гаркурт поднял письмо.

Стрейнжбери не придал этому значения. Его больше интересовали цифры на экране.

Эвирайл Хэвит. «Надежда Человечества»

Когда Хэвит открыл глаза после обморока, то увидел, что его капсула опрокинута и лежит у стены. Что случилось, Хэвит так и не понял.

Он удивился происшедшим изменениям, но что именно произошло, сразу не осознал. Чуть позже он испугался: вдруг его средство передвижения сломано?

Хэвит поспешно схватил пульт управления, включил подачу энергии на двигатели капсулы. Несложный маневр, и машина вновь оказалась на всех четырех колесах.

Хэвит облегченно вздохнул, подумав:

«Мы пересекли барьер световой скорости без достаточно серьезных проблем. Это было болезненно, но, очевидно, все обошлось».

Тут он сообразил, что коридор теперь ярко освещен. Смутные, мрачные теневые эффекты исчезли, словно их никогда и не было. Хэвит заметил еще какие-то изменения. Коридор больше не выглядел суженным. Хэвит не мог утверждать точно, но, похоже, коридор обрел прежние нормальные размеры.

Реальность окружающего мира вернулась к Хэвиту.

Он больше не был зрителем в этом удивительном театре. Он стал актером. Возможно, он сейчас выглядел таким же искаженным для обитателей звездолета, как раньше — они для него. Что ж, вскоре это выяснится.

Хэвит вспомнил свои ощущения во время перехода и содрогнулся. Черт! Это было очень неприятно!

Потом он подумал: «Интересно, где мы сейчас находимся?»

С тех пор как к нему вернулось сознание на «Надежде Человечества», прошли минута или две. На патрульном эсминце прошло от шестнадцати

до тридцати часов земного времени. Но Хэвит знал, что феномен сжатия при скорости, близкой к скорости света, может преподнести ему еще несколько сюрпризов.

Вне корабля могут промчаться годы.

Если так, то «Надежда Человечества» могла улететь на световые годы от Солнечной системы. А может, она и была в десятках световых лет от Земли? И теперь Хэвит тоже оказался где-то посреди галактики?

Так или иначе, Хэвит добился своего, если теперь он установит контакт с экипажем. Главной целью для Хэвита было уговорить астронавтов продолжать эксперимент. Оттого, что «Надежда Человечества» сумела перепрыгнуть световой барьер, угроза для Земли ничуть не уменьшилась. Хотя, кто знает?..

Хэвит почувствовал себя не совсем уверенно. Он находился на корабле, но не контролировал ситуацию на нем. Надо попробовать отыскать капитана Стрейнжбери.

Из динамика, висящего на стене рядом с Хэвитом, раздался мужской голос:

— Всем внимание! Говорит капитан Гроу. Я только что получил информацию от старшего навигатора Стрейнжбери из двигательного

отсека. Опасности больше нет. Системы функционируют нормально. Можете отстегнуть ремни безопасности.

Хэвит вздрогнул от неожиданности. Однако! Капитан Гроу! Вроде бы в списках экипажа ему попадалась эта фамилия. Но среди офицерского состава ее точно не было. Что тут происходит?

«... мистер Стрейнжбери из двигательного отсека...»

Стрейнжбери!... Хэвит вспомнил двух мужчин, которых видел в двигательном отсеке, каждый из них выглядел лет на тридцать. Похоже, прыжки времени на звездолете не ограничились шестью годами...

Надо поскорее выяснить, что тут произошло!

Взволнованный Хэвит развернул капсулу и направил ее назад, в двигательный отсек, из которого бежал всего лишь несколько минут назад. Он повернул за угол и внезапно остановился. Остановился он из-за мужчины, который неожиданно появился в дверях одной из кают среднего уровня. Тот вышел в коридор, закрыл за собой дверь, а потом повернулся. Он тоже увидел Хэвита и застыл.

От неожиданности Хэвит подъехал ближе.

— Не бойтесь! — произнес он.

Мужчина замер на месте, бледный от испуга.

— Все нормально, — сказал Хэвит. — Не бойтесь, я вас не съем!

Лицо мужчины постепенно начало приобретать нормальный вид.

— Меня зовут Эвирайл Хэвит, — продолжал Хэвит. — Я — хозяин «Надежды Человечества». Я попал к вам на борт с земного военного корабля. Пока ваш корабль путешествовал быстрее скорости света, вы миновали Солнечную систему.

Хэвит говорил мягко и неторопливо, как с перепуганным ребенком или иностранцем, плохо понимающим язык.

Если мужчина и слышал Хэвита, то это не отражалось на его лице. Взгляд его казался озадаченным, худые щеки остались бледными.

— Как вас зовут? — мягко спросил Хэвит.

Молчание.

— Эй! — резко крикнул Хэвит.— Очнитесь! Назовите ваше имя!

Резкий пронзительный тон Хэвита сделал свое дело.

— Земля,— промычал мужчина. — Вы с Земли?

— Я доставлен на борт боевым кораблем с Земли,— сказал Хэвит.— А теперь скажите, что происходит на борту «Надежды Человечества»?

Выдавливать информацию из астронавта оказалось необычайно трудно. Во-первых, он не представлял, как мало знал Хэвит о положении на звездолете, во-вторых, никак не мог опомниться от потрясения.

— Земля... — бормотал он. — Вы, правда, с Земли? Правда?..

Наконец Хэвиту удалось выжать из бедняги связный рассказ.

Звали астронавта Ли Уинанс. Он относился к среднему техперсоналу и поэтому знал достаточно, чтобы рассказать Хэвиту о приключениях и злоключениях, выпавших на долю экипажа корабля. Хэвит узнал настоящее время пребывания звездолета в космосе. Он узнал о судьбе семьи Стрейнжбери, о том, как Гроу захватил власть на корабле...

К начальству Уинанс относился недружелюбно и не видел разницы между Брауном, Стрейнжбери и Гроу. По его мнению, все они относились к Уинансу несправедливо.

Хэвит даже успел кое-что понять относительно социальных условий жизни на борту: многоженство, переходящая кастовая система в офицерском составе.

Услышанное потрясло Хэвита. Ничего подобно-

го он и не подозревал.

«Четыре поколения!» — подумал он. Невероятно!

Все эти люди были чужими для Земли, но страстно желали вернуться. Вот это, решил Хэвит, совсем нехорошо.

Как только Хэвит, ошеломленный услышанным, отвел от астронавта взгляд, Уинанс сорвался с места, завернул за угол и понесся по длинному коридору. Хэвит развернул свою машину в противоположную сторону и крикнул ему вслед:

— Передайте капитану Гроу, что я хочу увидеться с ним, но прежде посещу двигательный отсек.

Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета

Из двигательного отсека Гаркурт связался с Гроу, который успел вернуться в свою каюту. Тот выслушал его с хмурым видом, внимательно разглядывая письмо, которое охранник поднес к глазку видеопередатчика. Гроу показалось, что это письмо — часть подрывной деятельности его противников, но смысл его был довольно необычным, и он сразу же резко распорядился:

— Немедленно принеси это ко мне!

Гроу еще не заходил в свою спальню и потому не нашел копии письма, оставленной лично ему.

Хэвит без приключений прибыл в двигательный отсек и застал там Роджера Стрейнжбери одного.

Некоторое время им потребовалось, чтобы, после первоначального изумления и непонимания, найти общий язык. Здравый смысл предостерег Стрейнжбери: не будь слишком откровенен, остерегайся этого человека.

Позже он смог вспомнить только один свой непродуманный ход. В ответ на предложения Хэвита под влиянием искренних чувств он произнес:

— ... Вернуться назад в космос! Никогда!..

Что отрезвило Стрейнжбери окончательно, так это блеск индикатора на одной из бортовых панелей. Это был предупреждающий сигнал датчика, который Роджер встроил в сеть прослушивания для собственной безопасности. Мигание индикаторов показывало, что помещение подключено к системе прослушивания.

Гроу!

Пока мигал индикатор, Стрейнжбери раздумывал, что делать. Он тяжело вздохнул, в душе

сознавая, что даже самое незначительное преждевременное заявление или намек могут вызвать гнев параноика Гроу.

Мгновение, и Стрейнжбери вновь, как и прежде, вернулся к старой системе самозащиты: стал человеком, чей ум не затруднялся идти извилистым путем, чтобы не подставить себя под удар.

«Вероятно, в ближайшее время гость не сможет навести здесь свои порядки, расправившись с противниками, — подумал Стрейнжбери. — Так что пока он просто пешка».

Вопрос состоял в том, как ему, Стрейнжбери, использовать эту пешку в собственных целях.

Стрейнжбери решил, что в настоящее время Хэвит на стадии поисков источника информации. Конечной же его целью является свержение Гроу. Но возможно ли это?

Но Хэвит уже имел на этот счет собственные здравые мысли. Он чувствовал, что время уходит, приближая нежелательное будущее. И — возможную смертоносную вспышку Солнца.

Может статься, пройдут сотни лет, и они вернутся на Землю слишком поздно. Только для того, чтобы увидеть, что планета уничтожена. Тогда из всего человечества останутся только они. Что ж, в этом случае, по крайней мере, не будет особых

альтернатив. Приземлиться или вернуться в космос — это не проблема, если принять решение на основе достоверных фактов.

После недолгих размышлений Хэвит сказал следующее:

— Как владелец «Надежды Человечества» я приказываю вам взять курс на Солнечную систему и сделать все необходимое, чтобы определить реальную обстановку на Земле.

— Сожалею, мистер Хэвит, но я могу получать и выполнять подобные приказы только от капитана Гроу, — ответил Стрейнжбери. — Он — единственный командир на этом корабле.

Стрейнжбери почувствовал облегчение оттого, что представился случай высказать эти верноподданические слова. Гроу обязательно услышит их и успокоится.

Эвирайл Хэвит. «Надежда Человечества»

Возражение удивило Хэвита. Но, поразмыслив, он признал его обоснованность. Неожиданно он понял, что его права, как собственника корабля, основаны на законах Земли. Но если Земли больше нет, то нет и ее законов.

Находясь тут, он почувствовал себя тонущим, съеживающимся, его земная значительность и важность теряли значение, особое положение становилось бессмыслицей.

— Почему вы не пойдете к капитану Гроу? — почти как эхо, вторя его мыслям, прозвучал голос Стрейнжбери.

— Да, — сказал Хэвит. — Я так и поступлю.

Поговорить с... Гроу. Попытаться убедить его. Или действовать силой? В любом случае необходима осторожность. Насколько он представлял себе нынешнего капитана, тот не отличался уступчивостью, а предпочитал физически устранять конкурентов.

Хэвит неуверенно развернул машину к выходной двери. Снаружи, в коридоре, он повернул не к каюте капитана, а торопливо повел капсулу по спуску к нижним палубам. Он быстро спустился на этаж со складскими помещениями и проник в одно из них. Здесь находилось множество различного оборудования, складированного на полках под самым потолком. Каждая единица была упакована в мягкую оболочку и уложена в свой отсек. Хэвит подъехал к темному месту между двумя контейнерами и, манипулируя кнопками управления, начал разбирать капсулу: отсоеди-

нил резиновые колеса, сбросил давление. Две половинки капсулы были разъединены. Хэвит пролез между их частями и в следующий момент стоял на полу.

Гроу. Борт звездолета

Когда Ли Уинанс спасся бегством от Хэвита, он сразу же пошел в каюту капитана и рассказал Гроу о встрече с Хэвитом.

Гроу выслушал его с полузакрытыми глазами, как слушают неисправимого выдумщика. Это подозрение росло в нем с каждой минутой, потому что уже раньше Уинанс прослыл как сочинитель, рассказывающий всякие басни. Кроме того, Гроу подозревал всех в тайной связи с противниками.

Дослушав до конца, Гроу поднялся:

— Жди здесь! — приказал он.

Капитан подошел к двери, ведущей в кабинет, а оттуда — в небольшую комнату, оборудованную системами прослушивания и наблюдения. Затем Гроу вызвал на экран двигательный отсек.

Через несколько секунд он очень внимательно наблюдал за появлением Хэвита и его механизма для передвижения — капсулы. Не менее внимательно слушал он и беседу между Хэвитом и

Стрейнжбери.

Когда Хэвит поспешно покинул отсек, Гроу «последовал» за ним при помощи сканирующей системы и увидел, как тот скрылся в одном из складов. Все это время Гроу решал один вопрос:

«Убить... или использовать?»

Потом он пришел к выводу, что этот вопрос можно решить и позднее. А сейчас надо просто захватить человека, проникшего на корабль, и разобраться, откуда он взялся и насколько полученная Гроу информация соответствует правде. Гроу выключил детекторную систему и вернулся в наружную комнату кабинета.

Там он застал двух женщин — двух вдов капитана Брауна, с недавнего времени принадлежавших Гроу.

Женщины не без удивления глядели на монитор, изображение на котором дублировало те кадры, которые только что смотрел Гроу.

— Кто этот мужчина? — с изумлением спросила одна из них, по имени Руфь.

В свои тридцать с небольшим выглядела она роскошно. Гроу еще не был близок с ней, но предвкушал эту близость. Он не торопился. Эта женщина принадлежала ему, и он овладеет ею, когда решит все политические проблемы.

Он объяснил женам все, что слышал о Хэвите, но добавил от себя, что, скорее всего, Земля уже уничтожена.

— Лучше каждый день вставать, съедать завтрак, ожидать обеда и не думать о смерти. А теперь идите к себе. У меня важные дела, — закончил он.

Женщины ушли, а Гроу вернулся к Уинансу. Вынув из капитанского сейфа бластер, он вложил в него батарею и бросил Уинансу. Тот неуклюже поймал оружие.

— Пошли!— сказал Гроу и направился к двери, ведущей в коридор.

Уинанс потащился за ним, бледный и перепуганный.

— Сэр, куда мы идем?

— Схватить того парня, которого ты видел.

— Но он вооружен!

— Как и мы!

— О... о!

Гроу улыбнулся. Такая реакция подчиненных успокаивала его человеческую натуру. Страх правит всем и, как ни парадоксально, напуганные люди готовы сильно рисковать, в отличие от тех, кто спокоен.

— Ты сейчас остановишься и сделаешь все, как

я прикажу, — сказал Гроу.

— Да, сэр.

Как только они вышли в коридор, в другом конце его показался Гаркурт. Гроу подождал его и через несколько минут трое мужчин направились к ближайшему лифту. Там Гроу без спешки прочитал письмо. Из письма он узнал кое-что новое, но его решение захватить Хэвита не изменилось.

Когда они приблизились к комнате с запасным оборудованием, где укрылся Хэвит, Гроу тихо открыл дверь. Его стратегия заключалась в том, чтобы занять позицию рядом с аппаратом Хэвита и после этого начать переговоры о сдаче.

Первое потрясение произошло, когда Гроу нашел пустую капсулу, — и никаких следов Хэвита.

Трое мужчин провели десять суматошных минут, обыскивая каюту. Гроу не мог понять, что произошло.

Гроу был уверен, что Хэвит здесь. Куда он мог деться?

«А может,— подумал он,— мы действительно улетаем в будущее, и Хэвит не сможет догнать нас?»

Других соображений у него не было. Он решил подняться на капитанский мостик, разобраться в

происходящем.

Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета

После того как Хэвит покинул двигательный отсек, Стрейнжбери еще некоторое время занимался отладкой корабельных систем. Что-то в них было не так. Словно кто-то помимо Роджера занимался регулировкой. Причем довольно успешно. Показатели эффективности возросли на двадцать процентов, если сравнивать с теми, какие были до перехода корабля в субсветовой режим. Этого не могло быть. Только сам Роджер да еще покойный Браун знали, как управляться с модернизированной Дзином системой. И вместе с тем, если верить данным, кто-то все еще продолжал совершенствовать работу систем. В частности, эффективность двигателей настолько возросла, что расход топлива оказался совершенно ничтожным в сравнении с прежними показателями.

Стрейнжбери размышлял об этом, пока его внимание не привлекли перемены в расположении звезд. Он уже вложил в управляющий центр программу, которая компенсировала релятивист-

ский сдвиг, поэтому при желании мог получить вполне четкую картинку пространства. И в этой картинке имелось нечто необычное. Да, именно так! Родная звезда, Солнце, выглядела звездой первой величины, хотя по все прочим данным должна была находится на расстоянии не менее сотни световых лет. И она ПУЛЬСИРОВАЛА!

Изумленный Стрейнжбери поспешно ввел команду на обработку данных.

Результат его ужаснул.

Да, они находились примерно в восьмидесяти световых годах от Солнечной системы, но расстояние сейчас не имело первостепенного значения. Важнее было то, что согласно расчетам с того момента, как Стрейнжбери отправил звездолет за световой барьер, прошло более полутора веков. Но еще важнее было то, что его предок, Джон Стрейнжбери, астрофизик и первый капитан «Надежды Человечества», оказался прав. Солнце действительно относилось к классу пульсирующих звезд. И сейчас его яркость возросла в тысячи раз. Планета Земля перестала существовать.

Сам не зная почему, Роджер активировал внешнее прослушивание: систему, задачей которой было ловить любые организованные сигналы.

С того момента, как звездолет покинул созвез-

дие Альта, система внешнего прослушивания работала исключительно в режиме записи.

Динамики захрипели и выплюнули:

— Вызывает Земля. Всем кораблям, находящимся в локальном канале сектора 5648. Немедленно освободить сектор. Повторяю...

Минут тридцать Роджер слушал записи, сделанные во время «призрачного» прохождения звездолета сквозь Солнечную систему. Разумеется, записи эти были обработаны и перекодированы, иначе Стрейнжбери не понял бы ни слова.

Это было нечто мистическое: слушать голоса погибшей планеты.

Стрейнжбери дал команду сделать переменную выборку и еще минут пятнадцать слушал обрывки сообщений, после чего отключил прослушивание. Ему так и не пришло в голову воспроизвести ПОСЛЕДНИЕ записи. И напрасно. Он услышал бы нечто очень интересное.

Стрейнжбери покинул двигательный отсек и на одном из лифтов поднялся на капитанский мостик. Он действовал свободно, поскольку был уверен, что Гроу сейчас не до него. Капитану хватит хлопот с Хэвитом.

Капитанский мостик пустовал, что являлось нарушением корабельного устава, но в данный

момент полностью устраивало Роджера. Потому что он собирался восстановить старую схему: переориентировать управляющие системы корабля так, чтобы управлять ими дистанционно, с помощью карманного пульта. Точно так же, как Роджер сделал это, когда звездолет оказался в созвездии Альта.

Закончив, Стрейнжбери использовал следящую систему корабля, чтобы заглянуть в каюту, где сидел Тэлли.

Он увидел, что Тэлли лежит на одной из коек. Стрейнжбери тихо позвал его. Тот встал, подошел к системе корабельной связи.

— Послушай, Тэлли, я хочу тебе кое-что объяснить, — сказал Стрейнжбери.

Он быстро растолковал другу свой план и закончил так:

— Не задавай никаких вопросов. Только скажи: готов ты или нет?

Тэлли был готов.

— Да, дружище, конечно!— сказал он, но лицо его выглядело не слишком радостным.

Стрейнжбери прервал связь и принялся закладывать в управляющий центр новую программу. Программу на полную остановку двигателей.

Эвирайл Хэвит. «Надежда Человечества»

Когда Хэвит выбежал со склада, он направился в каюту капитана.

Там он натолкнулся на четырех женщин, которые в отличном настроении собирались позавтракать. Они обернулись и с испугом уставились на чужака.

— Не тревожьтесь, милые дамы, — успокаивающим тоном произнес Хэвит. — Я пришел переговорить с капитаном Гроу. Меня зовут Эвирайл Хэвит...

Они успокоились, как только он рассказал им о себе. Его слова подтвердила Руфь, которая уже видела его на экране.

— Наш муж говорит, что Земля погибла. Это так? — спросила она.

— Вряд ли это уже случилось, — ответил Хэвит. — Но подобная опасность есть.

Говоря так, он фактически разрушал свою репутацию. Для успешной борьбы за власть на корабле Хэвит нуждался в союзниках, которые верят, что Земля и ее военное могущество существуют. Только таким образом он бы сумел

отстоять свои права как хозяин корабля. Но ему не хотелось врать.

— Ваш муж — Гроу? — перевел он разговор на другую тему.

— Капитан Гроу!— с гордостью в голосе сказала старшая из женщин, которая уже представилась как Руфь.

— Мы все — жены капитана. Мы всегда были женами капитанов. Это выглядит так, — начала обстоятельно объяснять она. — Ильза и я первоначально были женами умершего капитана Брауна. Затем мы стали второй и третьей женами мистера Стрейнжбери, когда он стал капитаном.— Она указала на изящную белокурую женщину, чьи голубые глаза напомнили Хэвиту его бывшую жену Джоан.— Это Анна, первая жена мистера Стрейнжбери. Я знаю, дело обстоит так, что она должна вернуться к нему.

Анна пожала плечами, словно ей было все равно. Далее Руфь указала на молодую красавицу брюнетку, стоящую у стола.

— Марианна, первая жена капитана Гроу. Вообще говоря, Ильза и я еще не принадлежим ему. Но мы — жены капитана. Это наш статус.

Хэвит деликатно промолчал. Но когда он мельком оглядел женщин, то понял, что все они

согласны со словами Руфи.

«Эти женщины,— с изумлением понял он,— живое воплощение мужских фантазий». Какой мужчина не мечтал иметь гарем уступчивых женщин, составляющих его семью, живущих в согласии друг с другом, без ревности и недовольства. Хэвит видел, что для этих женщин желание оставаться женами капитана было некой глубокой психологической потребностью, которую они вряд ли могли объяснить логически.

С такой проблемой Хэвит столкнулся впервые. Ситуация сложилась так, что он смотрел на этих женщин, как смотрел бы ученый на некий феномен природы.

И... интуитивно он принял верное решение.

— Я — хозяин этого корабля. И очень скоро не Гроу, а я буду капитаном, поэтому вы станете моими женами, — произнес он. — Итак, когда позже я попрошу вас об одной вещи, вы поможете мне без промедления. — Потом добавил: — Не беспокойтесь, это не опасно. И, конечно, о нашем разговоре никому ни слова, даже нынешнему капитану Гроу, до того момента, пока я не дам вам своего разрешения. Согласны? — закончил он.

Все женщины испуганно побледнели.

— Вы не поняли, — еле дыша произнесла Руфь,

— женщина не выбирает мужчину и не показывает, что предпочитает одного другому, пока не взята в жены. А после этого она, само собой разумеется, подчиняется своему мужу.

Хэвит поочередно глянул на всех женщин. Он был очарован и изумлен. Он хорошо сознавал разницу между собой и Гроу. Но одно дело знать о здешних порядках, и другое видеть этих женщин, считающих себя простыми пешками. Они даже не сознавали, как низко себя ставили.

— Дамы, я сожалею, но сейчас вам придется самим сделать выбор, — твердо сказал он. — Я могу заверить вас в том, что, как только стану капитаном, лишь та из вас сможет называться моей женой, которая покажет себя с лучшей стороны.

Слова Хэвита поразили женщин. Странное выражение появилось на лице Руфь. Ильза неожиданно застенчиво опустила взор. Анна Стрейнжбери побледнела. Марианна внимательно посмотрела на него своими жгучими глазами.

Не раздумывая, Хэвит продолжил:

— Когда вернется капитан Гроу, скажите, что я был здесь и сейчас собираюсь вниз, в мужское общежитие. Я вернусь, пусть он ждет меня здесь.

Гроу. Борт звездолета

Гроу узнал о словах Хэвита через тридцать минут, когда вернулся в свои апартаменты. Пройдя в кабинет, он включил систему сканеров, настроив ее на общежитие. Там было полно возбужденных мужчин, которых уверили в том, что они скоро прибудут на Землю. Что поразило Гроу, так это то, что в таком же состоянии находились его собственные люди, охранники, которых он направил туда для поддержания порядка. Они смешались с остальными членами экипажа и шумно радовались скорому возвращению, явно показывая, что у них нет причин никого ни от кого охранять.

Как только Гроу глянул на широкий экран, он запоздало осознал, что не принял достаточных мер, чтобы изолировать Хэвита от экипажа. Все это следовало немедленно исправить. Он вызвал Гаркурта, показал ему на экран и приказал:

— Спускайся туда как можно быстрее. Воспользуйся лифтом. Постарайся пройти незамеченным, потом зайди в общежитие, переговори отдельно с каждым охранником. Скажи им, что все это грозит нам очень большой опасностью. Мы

должны сохранить контроль над кораблем до возвращения на Землю. Если мы потеряем власть над кораблем, то заключенные могут обрушить свой гнев на нас. Пусть наши люди одновременно покинут общежитие и поднимутся в комнату для совещаний. Я подойду туда позже. Передай, пусть не нервничают. Все будет нормально.

Он почувствовал себя лучше, когда Гаркурт вышел из каюты, чтобы исполнить задание.

Следующим делом было найти Стрейнжбери. Через несколько мгновений капитан увидел, что молодой человек находится в своей тюремной каморке и делает какие-то расчеты. Гроу почувствовал легкое раскаянье. Многое в Стрейнжбери нравилось ему, но всегда было чувство, что прежний капитан оставался его постоянным противником.

Гроу вызвал Стрейнжбери по корабельной связи:

— Мистер Стрейнжбери, я выделил вам офицерскую каюту номер три и хочу, чтобы вы поднялись туда прямо сейчас. Туда же я отправляю вашу жену. Я знаю о вашей беседе с Хэвитом. Ваше мнение: на кого из офицеров можно положиться в такой ситуации?

Он считал само собой разумеющимся, что

Стрейнжбери должен знать о происходящем на корабле и разбираться в людях.

Стрейнжбери, у которого были собственные планы, ответил без промедления:

— Никого из офицеров Брауна нельзя освобождать, сэр. Но мне одному не справиться. Если вы хотите в этой обстановке наладить нормальную работу, я прошу чтобы мистер Тэлли помог мне. Но, разумеется, окончательное решение принадлежит вам, ведь я могу не совсем правильно оценить сложную ситуацию на корабле, — почтительно закончил он.

Гроу счел нужным дать кое-какие разъяснения, например, сообщил Стрейнжбери о волнениях среди мужчин на нижней палубе.

— Очевидно, мы не должны позволить Хэвиту захватить власть на корабле. — дружески продолжал он. — Что вы думаете об этом?

Стрейнжбери согласился.

— Да, конечно. Вы позволите дать вам несколько советов?

— Продолжайте.

— Действия Хэвита пробуждают надежды, так как мы в этом случае вернемся и увидим Землю. Разбушевавшиеся люди не хотят верить ничему, кроме этих обещаний. Я предлагаю следующее:

заявите, что и так собираетесь взять курс на Землю. Это сразу снимет напряженность среди экипажа. А позже мы с вами обсудим, что делать дальше. Время есть. Мы сейчас довольно далеко от Земли.

Очевидная дружелюбность беседы убедила Гроу в искренности Стрейнжбери. Более того, он начал сожалеть, что так поздно обратился к Стрейнжбери и оставил его в одиночестве. Да, вопрос был сложным. Ситуация на борту корабля становилась довольно опасной. Милосердие тут не уместно.

Будучи человеком энергичным, Гроу принял решение немедленно:

— Я срочно собираюсь выделить мистеру Тэлли каюту на верхнем уровне, а также вернуть назад его жену. И как можно скорее выполнить ваше предложение встретиться со своими людьми.

Гроу выключил связь, встал и быстро вышел из кабинета. Его жены заканчивали завтрак. Он сразу же предложил Анне Стрейнжбери вернуться к своему мужу.

К его удивлению, она залилась слезами и высказала явное нежелание уходить. Три остальные женщины также заплакали. Руфь и Ильза аккомпанировали Анне в другой спальне. А Марианна

начала бранить своего мужа.

— Это — не ярмарка! — всхлипывала она, но в ее голосе слышался гнев.— Мы, женщины, совершенно бесправны. Ты не смеешь отсылать ее отсюда. Она — жена капитана.

Единственно, что смог сделать Гроу, так это отстраниться от ситуации, словно в какой-то игре. Он с интересом наблюдал за этой сценой.

— Подумайте, я возвращаю ее в руки собственного мужа! Чего еще может желать женщина?

— Такое может сказать только дурак! — с плачем ответила ему Марианна.

Гроу не мог сообразить, в чем заключается глупость его слов. Да ему было и не до того, чтобы тратить время на решение проблем обиженных жен.

Роджер Стрейнжбери. Ворт звездолета

«Интересно почему Гроу хочет прямо сейчас отправить меня в каюту, где меня будет ждать Анна?» — подумал Стрейнжбери.

Он решил не ходить туда. Просто на всякий случай.

Как он представлял себе, Гроу пытается нейтра-

лизовать его на время, пока не стабилизируется обстановка на нижних палубах. После этого Гроу сможет решить, кого следует устранить. Он не нуждался в таких помощниках, как Стрейнжбери. Теперь Стрейнжбери полагал, что Гроу не прочь воспользоваться опытом Миллера и других офицеров Брауна для управления кораблем. Потому что тот же Миллер, штатный старший помощник, никогда не станет добиваться должности капитана. Это, как показалось Стрейнжбери, было решающим в сознании Гроу. Так что Роджер и его единомышленники были обречены.

Как Стрейнжбери и ожидал, Тэлли пришел в двигательный отсек.

Два друга молча пожали друг другу руки. Стрейнжбери знал, что система прослушивания еще не активирована, и осторожно спросил:

— Готово?

Лицо Тэлли напряглось от волнения.

— Ты уверен, что именно сейчас?

— Да.

— Но мы отделены от Земли сотней световых лет. Земли, которой больше нет. Так ты говорил. И мы — в будущем. Чтобы вернуться в прошлое, мы должны еще раз перейти барьер световой скорости. Я тебя верно понял?

— Да. Но мы с тобой не будем прыгать через барьер в посадочном модуле. Мы просто покинем корабль. На время.

— О-ох! А как же жены?

Стрейнжбери был поражен. Он не предвидел такой быстрой перемены в друге. С нетерпением, не скрывая чувств, он схватил Тэлли за руку:

— Мы не можем ждать!

— Я не хочу оставлять Лоу, — отстранился Тэлли.

— Ты потеряешь ее так или иначе. Если ты останешься, то будешь убит...

— Она не поймет.

Такое отношение к женщине было чуждо Стрейнжбери.

— Как только ты связываешься с женщиной, то перестаешь что-либо соображать! — с раздражением произнес он.

Тэлли еще колебался. Выглядел он очень подавленно.

— Сейчас я не смогу покинуть корабль, — признался он. — Почему ты не хочешь остаться здесь и попытаться поладить с Гроу? Или победить его...

— Потому что большинство людей на борту подчиняется Гроу. Потому что поладить с ним

— невозможно.

— Ты мог бы убить его открыто. В конце концов, он, подняв восстание, отнял у тебя корабль...

— Я не хочу так рисковать. Сейчас. В посадочном модуле мы будем в безопасности.

— Но что может маленький модуль против силовой установки корабля!

— Все! — Роджер показал крохотный дистанционный пульт.

Тэлли еще колебался.

— Может, ты, все-таки, попробуешь объяснить людям, что происходит на самом деле?

— И как ты предполагаешь объяснить черни всю эту катавасию со световыми годами?

— Да, верно. Но, может, им соврать что-то: они не очень сообразительны.

— Гроу им соврет и без меня. Сейчас они хотят вернуться домой, на Землю, и их ничто не остановит. Я не хочу быть тем, кто скажет, что это невозможно. Вот тогда Гроу точно нас прикончит. Если он еще не убил нас по какому-либо поводу, он сделает это позже, так как будет считать виновниками заговора против него. Тэлли, не раздумывай больше!

Выражение лица Тэлли за эти несколько секунд смягчилось. Неожиданно что-то блеснуло в его

глазах. От переполнивших его чувств он схватил руку Стрейнжбери.

— Ты действительно все продумал,— сказал он.— Джон, ты — молодец!

Без колебаний он отправился к двери.

Роджер Стрейнжбери. Посадочный модуль

Посадочный модуль, послуживший им на Альте, ждал их. Стрейнжбери позаботился, чтобы подготовить его к немедленному старту.

Беглецы заняли места, и Стрейнжбери дал команду на запуск.

Внутренняя дверь большого корабля закрылась. Потом открылся внутренний люк шлюза. Механизмы переместили модуль в шлюз. Люк за ними закрылся, включились насосы и начали отсасывать воздух.

Минутой позже, когда наружная дверь корабля открылась, мощная катапульта выбросила модуль с двумя людьми в открытый космос. Когда они отлетели на несколько миль, Стрейнжбери запустил двигатели. На одном из бортов шлюпки боковых экранов, на фоне звезд, темной тенью виднелась «Надежда Человечества».

Тэлли первым нарушил тишину:

— Посмотри на те звезды, — сказал он негромко. — Похоже, мы вращаемся.

Стрейнжбери скользнул взглядом по индикаторам стабилизаторов курса и тангажа. Они были неподвижны. Нахмурившись, он внимательно посмотрел на видеоэкран. Там тоже не имелось никаких отклонений от нормы. И тем не менее «неподвижные» звезды двигались!

Роджер протестировал систему ориентации, затем оба двигателя. Небольшой корабль отлично слушался приказов. Стрейнжбери снова переключил управление на «рабочий» режим.

Снаружи звезды продолжали свое медленное движение. За все годы пребывания в космосе Стрейнжбери никогда не видел ничего подобного. В самом деле, одной из психологически осознанных всеми реальностей космоса было то, что в окружающем мире ничто не меняло своего положения. Проходили годы, а несколько «ближайших» звезд лишь чуть-чуть изменяли свою яркость. Да при вращении корабля звезды, казалось, перемещаются относительно наблюдателей.

Сейчас все видимые созвездия явно двигались — таким было первое впечатление. Наблюдая

фантастические сцены, Стрейнжбери видел, как медленно появляются огромные туманности. Однако отдаленные звездные скопления в виде облаков были, как обычно, неподвижны.

Это доказывало реальность движения наблюдаемых звезд. Туманности были слишком далеки. Даже если бы они начали передвигаться со скоростью светового года в секунду, это все равно бы не выглядело заметно.

Неподвижность отдаленных галактик являлась доказательством того, что перемещение звезд не обман зрения, а истинное событие. Если дело не в человеческой психике, то в чем? В феноменах околосветовой скорости?

Но как объяснить такое движение звезд? Как ему казалось, одним единственным способом — звезды перемещаются относительно спасательной шлюпки...

Стрейнжбери отвернулся, ничего не сказав об этом ужасном открытии Тэлли.

Прошел час. Два...

Стрейнжбери был сбит с толку. В соответствии с расчетами и индикатором скорости они продвигались к Солнечной системе почти со скоростью света.

Но Солнце явно удалялось, словно уходило от

них быстрее, чем они приближались к нему.

С каждой прошедшей минутой, как убеждался Стрейнжбери, звезды сдвигались все быстрее. Так как они перемещались каждая в своем направлении, то картина все более приближалась к хаосу.

Прошла минута, другая, третья. Вид космоса из шлюпки становился все более сумасбродным.

Гроу. Борт звездолета

Гроу пригласил Хэвита на капитанский мостик.

Там уже находилось несколько штатных офицеров, включая Миллера, и несколько ученых. Два астронома: Клайд Джозеф, руководитель астрономического отдела, и Макс Хук, его старший помощник, были среди присутствующих.

За спиной Гроу стояло пять его сообщников, каждый вооружен двумя бластерами.

После того как они внимательно посмотрели на быстрый бег звезд, Хэвит обратил внимание, как засияли глаза руководителя астрономического отдела.

— Господа! — произнес тот благоговейным тоном. — Мы являемся свидетелями зрелища, которое, я совершенно уверен, даже присниться не

могло ни одному человеку. Каждый астроном на Земле воспринимал как само собой разумеющееся, насколько неподатливо космическое время.

Казалось, он чувствовал напряжение слушателей. Глаза его расширились. Он вопрошающе посмотрел на Хэвита, затем — на Гроу.

— Капитан, что бы вы хотели узнать от нас?

Гроу издал непонятный звук.

— Что происходит? — Он словно взорвался. — Кажется, вся вселенная перемещается со скоростью миллион световых лет в секунду!

Он остановился, поняв, какую фантастическую вещь сказал, и прикрыл глаза. Очевидно, он был потрясен, но постепенно приходил в себя.

— Надеюсь, вы дадите мне возможность изучить этот феномен. — Казалось, Клайд Джозеф понимал, что игра эмоций на лице Гроу просто отражала полное непонимание происходящего.

Собственно, никто из них ничего не понимал.

Гроу окинул всех напряженным, внимательным взглядом. Выражение его лица подтвердило мысли Джозефа.

— Не тревожьтесь, джентльмены! — проговорил астроном. — Если вы обеспокоены тем, что звезды намерены убежать от нас, или время будет бежать за нами... не волнуйтесь. Вероятно, это

может продолжаться миллиарды лет.

Он сделал паузу и вновь увидел, что у десятка мужчин, мрачно глядящих на него, нет настроения восхищаться непонятным феноменом.

Неожиданно дружеским тоном к нему обратился Хэвит:

— Мистер Джозеф, число, которое вы назвали — миллионы световых лет, свидетельствует о том, что нам нельзя сидеть сложа руки. Сможем ли мы когда-нибудь увидеть Землю, и что следует для этого предпринять? Вот вопрос, который тревожит нас всех.

Джозеф развел руками.

— Солнце медленно отодвигается от нас. Я вынужден признать: мы являемся свидетелями феномена, возникшего не только из-за скорости.

— Но почему время растягивается в таких абсолютно невероятных пропорциях? — спросил пораженный Хэвит. — Я не могу даже вообразить это.

— Я не знаю, — извиняющимся тоном ответил Джозеф.

— Но где мы?! — завопил Гроу.— Мы хотим знать! Что случилось с Землей, Марсом, Венерой, Юпитером и... и... с другими планетами? Что случилось с нами?

Это приводило его в еще большее смятение, чем проблемы скорости. Мысль о возвращении на Землю была тем цементом, которым он собирался скрепить доверие экипажа к своей персоне.

— Вероятно, они на своих местах, сэр, но на такой высокой скорости мы просто не можем их увидеть, — продолжал извиняться Джозеф. — Полагаю, если бы мы оказались к ним ближе, то увидели бы вместо них кольца света. Сверхскоростные камеры, имеющиеся на борту корабля, вне сомнений, могли бы зафиксировать эту картину. Пока я не могу разобраться в происходящем.

— Так иди и разбирайся! — произнес Гроу сквозь стиснутые зубы.

Позже в каюту Гроу доставили докладную записку астронома:

Уважаемый капитан, Солнечная система уходит от нас под углом сто шесть градусов. Этот угол вызван тем, что наш курс лежит в сторону созвездия Овна, и мы отклоняемся от курса, который, если изменить направление движения, приведет нас на Землю. В связи с этим мы считаем рассказ мистера Хэвита о том, как «Надежда Человечества» вошла в Солнечную систему, нашла Землю и углубилась в атмосферу таким

образом, что казалось, будто мы двигаемся со скоростью несколько миль в час, правдивым. Вероятно то, что корабль так далеко ушел от Земли, стало возможным из-за скорости большей, чем световая. Сейчас, когда мы снижаем скорость, очевидно, Солнечная система уходит от нас. Это логично. Очевидно, так как мы снизили скорость и сейчас она ниже скорости света, ориентация нашего времени кардинально изменилась, но пространственно мы, кажется, все еще в той же недосягаемой зоне. Тем не менее, пока мы не потеряли Солнце из поля зрения, я предлагаю несколько увеличить скорость, а потом обсудить последующие действия.

Клайд Джозеф.

К записке были приложены фотографии. Гроу взял одну.

В углу снимка виднелась часть округлого внешнего корпуса «Надежды Человечества». За ним — сектор космического пространства, усеянный звездами. Они казались яркими, красивыми светящимися точками: тысячи отдаленных солнц. На обратной стороне фотографии Джозеф написал пояснение:

«Вид звездной сферы в направлении Овна. В том же направлении перемещается Солнечная

система».

Здесь все было ясно.

Но в нижнем углу фотографии в отдалении от округлой поверхности корабля виднелось какое-то светлое пятнышко. Пятно казалось размытым штрихом на фоне черного пространства и, возможно, было связано с бликами у края объектива фотокамеры.

Относительно этого пятна Джозеф заметил на обороте фотографии: «Ничего определенного по поводу пятна полукруглой формы сказать не могу. Оно выглядит словно блик на фотопленке. Однако ввиду необычного физического состояния нашей материи я не могу утверждать, что это просто дефект, связанный с материалами и условиями съемки».

Гроу ничего не смог добавить к увиденному на фотографии и к комментариям к ней. Потому он просто пожал плечами и отложил фотографию в сторону. Разглядывая этот вид, капитан чувствовал свою полную несостоятельность. У него не имелось абсолютно никаких идей по этому поводу. Но он оставался уверен в себе, и считал все свои поступки логичными, а свою персону — способной давать научные советы о дальнейших намерениях и целях экспедиции. И поэтому

ученые должны были докладывать ему, а уже он решал, что и когда делать.

Гроу обратился к Гаркурту, который принес ему фотографии:

— Ты и я не имеем достаточно знаний, чтобы самостоятельно позаботиться о наших научных проблемах. Но о других проблемах мы позаботиться можем. Вызови всех в главную кают-компанию, — приказал он. — Смотри, чтобы парни были с оружием, и скажи им — глядеть в оба.

— Вы говорите всех? — недоверчиво переспросил Гаркурт. — И тех чучел огородных с нижних палуб тоже?

— Каждого! Встречаемся сразу после обеда.

Гроу. Борт звездолета

На этом совещании присутствовало немногим больше людей, чем на предыдущем. Но зато собралось почти все руководство звездолета. И на сей раз совещание транслировалось по всему кораблю.

— Теперь, друзья мои, — произнес Гроу, — нам предстоит решить одну небольшую проблему. Как нам вернуться обратно в Солнечную систему. Да, да, мы уже побывали там, но из-за досадной

ошибки, допущенной навигатором Стрейнжбери, а возможно, из-за некоторых неполадок с двигателями проскочили ее насквозь, как иголка проходит сквозь ткань. Однако еще не все потеряно. Наши ученые и инженеры уже занимаются решением возникшей проблемы. И не только они. На борту звездолета сейчас находится мистер Хэвит, которого многие из вас уже знают. Мистер Хэвит был среди тех, кто закладывал наш корабль («Я — его владелец!» — проворчал Хэвит, но его услышали только сидящие рядом)... мистер Хэвит, я в этом не сомневаюсь, внесет вклад в решение проблемы, применив свои всеобъемлющие знания о корабле. Прошу вас, сэр, — предложил он Хэвиту.

Хэвит с мрачным видом поднялся к капитану. Он был обеспокоен тем, с каким искусством Гроу использовал ситуацию, чтобы за чужой счет поднять собственный престиж.

Хэвит вопросительно посмотрел на Гроу.

— Мистер Хэвит, не хотели бы вы рассказать всем нам о том, как и при каких обстоятельствах вы попали на борт корабля? — учтиво произнес тот.

Когда Хэвит закончил рассказ, Гроу спросил его:

— А как ваше мнение: насколько велик наш шанс в ближайшее время вернуться на Землю?

У Хэвита появился случай высказать свою позицию. Но он не знал, как это сделать наилучшим образом.

Вслух он произнес:

— Так как мы даже не понимаем, что случилось, ответ может быть только приблизительным. Я пытался представить себе условия, которые имели место, когда я прибыл на борт «Надежды Человечества». Например: была ли взаимосвязь между мной и кораблем? Я не могу ответить на это достаточно полно. Мое предложение такое же, как и у мистера Джозефа: мы должны сделать следующий шаг на основе имеющихся знаний и надеяться, что это приведет к успеху. В первую очередь мы должны попробовать увеличить нашу скорость. Мою точку зрения разделяют и старший офицер Миллер, и большинство ученых корабля.

Гроу шагнул и встал рядом с Хэвитом. Капитан улыбался, но на его лице была написана тревога. Хотя он не увидел явной опасности для себя в данном неопределенном предложении, однако начал подозревать в действиях части экипажа какую-то скрытую цель. Ведь если Хэвит суме-

ет поладить с учеными и инженерами, ничего хорошего для Гроу из этого не выйдет. И в последнее время у Гроу появилось чувство, что ученые знают что-то такое, о чем не собираются его информировать.

В следующий момент он понял, что у него нет альтернативы, но согласиться с этим не мог.

— Я отдаю должное авторитету мистера Миллера и мистера Хэвита, предлагающим увеличить скорость нашего корабля и достигнуть Солнечной системы. — Гроу повернулся к Хэвиту и с наигранным чистосердечием сказал: — А что вы скажите о состоянии двигателей? Мистер Стрейнжбери, которого я назначил старшим навигатором («Я назначил!»), утверждал, что они не совсем в порядке?

— Состояние двигателей действительно, несколько... неопределенное. Но мы все уверены, что запуск их не приведет к катастрофе, — спокойно сказал Хэвит.

— В таком случае действуйте!— заявил Гроу решительным тоном. — Главное, что меня беспокоит, это мой экипаж. Если вы утверждаете, что все будет в порядке, я даю добро! А сейчас все свободны!

Вернувшись в каюту, Гроу устроился в кресле и

с удовольствием посмотрел на Гаркурта.

— А теперь мы должны избавится от Хэвита,— сказал он. — Хэвит — главная наша опасность сегодня. И еще меня беспокоит Стрейнжбери, вернее, его отсутствие...

Мысли о Стрейнжбери заставили Гроу задуматься. Он в удивлении покачал головой.

— Этот парень действительно имел голову на плечах. Он все правильно просчитал. Хотел бы я знать, куда он подевался. Вы обыскали все?

— Насколько это возможно,— ответил Гаркурт. — Но мы еще не закончили.

Гроу задумался. Что будет, если Стрейнжбери окончательно потеряется?

Пока они разговаривали, Ильза принесла два стакана с вином. Капитан не замечал ее, как не замечают прислугу. Гроу не отдавал себе отчет в том, что его отношение к женщинам изменилось. Все более и более он воспринимал их как неодушевленные предметы.

— Убийство Хэвита должно выглядеть так, словно это — несчастный случай. — Не обращая внимания на Ильзу, произнес он. — Не трать времени понапрасну! Сделай это до утра. Я думаю, лучше всего устроить несчастный случай. Какая-нибудь авария...

— Это довольно тяжело, — проворчал Гаркурт.

— Не прикидывайся дураком, — презрительно ответил Гроу. — Это все ерунда. Как только требуется сделать что-нибудь важное, ты всегда пытаешься найти лазейку.

На лице Гаркурта читалась внутренняя борьба, ему явно не нравился приказ. Злость Гроу нарастала.

— Послушай, — категорически заявил он. — Мы должны это сделать. Перестань испытывать мое терпение!

— Я же не спорю, — возразил Гаркурт. — Я только думаю, как это сделать. На корабле известно о том, что он прибыл к нам на космической капсуле. Есть идея... Я взорву капсулу, но сначала должен на нее взглянуть, посмотреть, как она устроена.

— Я поддержал его, так как не хотел, чтобы кто-нибудь меня заподозрил, — ответил Гроу. — Сейчас мы это и используем против него.

— Я все устрою, — сказал Гаркурт, на этот раз более уверенно. — Подговорю нескольких парней с нижних палуб. Потом, когда Миллер и Хэвит включат двигатели на ускорение, я спущусь к ним в двигательный отсек и прослежу за Хэвитом. Когда он уйдет в свою каюту, я свистну ребят.

Мы зайдем к нему во второй половине периода сна и прикончим в кровати. Ладно?

— Звучит превосходно, — согласился Гроу.

И в этот момент Ильза выскользнула из комнаты. Хотя она вышла бесшумно, Гроу заметил ее уход.

— Сразу же, как только уберем Хэвита, я наконец займусь своими женщинами, — мечтательно проговорил он. — Я уже вернул назад жену Стрейнжбери. Так как она отказалась идти к своему первому мужу, я решил вернуть ей статус жены капитана. Если это принесет ей счастье, я не возражаю. — Гроу бросил циничный взгляд на Гаркурта. — Теперь послушай, я даю каждому из твоих парней разрешение взять вторую женщину. Хотя предупреждаю: никаких беспорядков! Скажи мужчинам, пусть выберут и потом зайдут ко мне. Мы решим между собой, которая из них кому подойдет. Мы не можем по-обезьяньи выбирать себе жен, и неприятности ждут того, кто станет творить произвол. Но мы все продумаем и пока будем держать это в секрете.

Глаза Гаркурта заблестели.

— Тот парень, Тэлли, он тоже пропал!

— Ну и черт с ним.

— А его жена? Я могу взять ее?

— Она твоя, послезавтра, — небрежно бросил Гроу. — А теперь за дело!

Гаркурт вышел.

Эвирайл Хэвит. Борт звездолета

Хэвит в считанные минуты подружился с Миллером. Двое мужчин увлеченно погрузились в работу. Они обнаружили почти фантастические усовершенствования, выполненные Дзингом, и были поражены простотой решения. Особенно тем, как переделаны компенсаторы гравитации.

Посредством своеобразного способа повышения g антигравитация могла быть увеличена до любого предела — сотен, даже тысяч g.

Открытие как изумляло, так и отрезвляло; теперь двигатели стали такими мощными, что требовалась чрезвычайная осмотрительность при их использовании.

Хэвит и Миллер тщательно повторили предыдущую программу испытаний Стрейнжбери, постепенно поднимая уровень ускорения до двенадцати g, и одновременно уравновешивая его антигравитацией в одиннадцать g. Совершенство компенсаторов привело их в восторг, и после завершения программы испытаний они остави-

ли режим работы двигателей с результативным ускорение в одно g и поздравили друг друга.

После этого Миллер сказал, что обязан доложить Гроу результаты работы, и ушел. Вопреки ожиданиям Гаркурта, Хэвит не покинул двигательный отсек следом за Миллером. Гаркурту это не понравилось. Это не понравилось бы ему еще больше, если бы он знал, что Хэвит почувствовал угрозу, исходящую от приспешника Гроу.

Для начала, чтобы обезопасить себя, Хэвит положил в карман гаечный ключ. Потом, имитируя проверку одной из панелей, вскрыл аварийный контейнер и извлек из него баллончик с сильнодействующим газом, который тоже положил в карман.

Баллончик и гаечный ключ, это, конечно, не бластер, но в сочетании с фактором внезапности — тоже неплохо.

Когда он пошел назад, в офицерскую каюту, которую ему с показной любезностью предоставил Гроу, то Гаркурт последовал за ним... Это было чрезвычайно опасно. Тишина. Пустые коридоры.

Хэвит остановился, стал ждать, пока преследователь поравняется с ним.

— Почему бы нам не пройтись вместе? — предложил Хэвит, когда тот развязной походкой

подошел ближе.

Гаркурт что-то промямлил. Но напрямую не отказался от предложения и пошел рядом с Хэвитом.

Когда они достигли каюты Хэвита, тот открыл дверь и заметил, что громила Гроу тоже остановился и чего-то ожидает.

Хэвит повернулся к нему и дружески спросил:

— Может, я смогу вам чем-нибудь помочь?

— Мне предложили присмотреть за вами, мистер Хэвит. — Гаркурт замялся. — Я вижу, вы не совсем здоровы. Я останусь в каюте напротив, в этом же коридоре, и моя дверь будет открыта. Хорошо?

Сказано было довольно любезно, но Хэвит вошел в каюту с тревожным чувством. Медлить больше нельзя. Первое, что пришло ему в голову: надо не мешкая добраться до своей капсулы и спуститься в ней по коридору. Если Гаркурт начнет стрелять из бластера, то он сможет спастись на нижних палубах.

Капсула имела прочный корпус, который выдерживал выстрел из любого ручного оружия.

Решение принято. Он повернулся вперед, к спальне, где находилась его машина... и замер!

Тихий звук! Из его спальни!

Хэвит схватился за ключ, потом отодвинул рукой прозрачную занавеску, и тут из спальни показалась Руфь, которая предупреждающим жестом приложила палец к губам.

Она быстро нашептала ему то, что подслушала Ильза в каюте капитана, — о планах Гроу расправиться с ним.

— Мы должны выбирать, и я выбрала вас, — закончила она.

Хэвит, до сознания которого стал доходить смысл сказанного, с неохотой повернулся к женщине. Он — ее выбор!

Хэвит смутился. Ее пылающие щеки и застенчивость, когда она смотрела ему в глаза, подсказали Хэвиту, что Руфь и другие женщины серьезны, и это для них — не игры.

Женщина заговорила вновь.

— Я сумела опередить Гаркурта. Так что сейчас ты должен подумать, что делать. Я пришла помочь тебе!

Из складок своего платья Руфь извлекла маленький бластер и подала его Хэвиту, который с благодарностью принял оружие. Почувствовав рукоять в руке, Хэвит с облегчением обнаружил, как уходит из сердца ужасный холод.

Происшедшее изменило планы Хэвита.

Без промедления он объяснил Руфи, что ей следует сделать: скрыться в его спальне, подождать, пока Гаркурт и он вместе войдут, а потом незаметно выскользнуть.

В заключение Хэвит сказал:

— Снимешь обувь, чтобы выйти тихо.

Руфь покорно подошла к двери в спальню, остановилась. Поколебавшись, повернулась к Хэвиту.

— Я выбрана? — просто спросила она.

Словно что-то сжало горло Хэвита. Взглянув на Руфь, он подумал: «Такими этих женщин сделал космос. Ужасная опустошенность вселенной передалась им».

Но эта женщина нуждалась в большем, чем просто слова благодарности, и Хэвит подошел к ней, взял за руку, положил другую руку ей на плечо, слегка сжал его.

— Ты моя, — тихо сказал он.

Ее очаровательное лицо просияло, она облегченно вздохнула. Она выбрала и выбрана, по-настоящему.

— Мне пора идти, — сказала она, с признательностью глядя на Хэвита.— Все будет хорошо, не так ли?

Хэвит отпустил ее руку и сказал:

— Я сделаю все в лучшем виде. Увидимся позже.

— Мы все ждем тебя! — прошептала Руфь.

Она повернулась и прошла в спальню, прикрыв дверь за собой...

Хэвит, положив бластер в карман, вышел в коридор и в одной из соседних кают увидел сидящего в кресле Гаркурта.

— Мистер Гаркурт, не хотите ли помочь мне?

Большой мужчина поднялся, проковылял к двери, внимательно и нагло глядя на Хэвита.

— Чего вам надо?

— Мне нужна помощь.

Гаркурт нерешительно вышел наружу. Ему было нелегко изменить один план на другой. Как и просил Хэвит, он прошел за ним в свободную спальню.

— Э-э-э! — только и пробормотал он, когда заметил направленный на него бластер.

Он медленно поднял руки. На лице застыл ужас.

Через несколько минут Хэвит на максимальной скорости вел по коридору свою управляемую капсулу. Он очень торопился.

Роджер Стрейнжбери. Посадочный модуль

С волнением Стрейнжбери тряс просыпающегося Тэлли.

— Эй! Я понял, что происходит.

Бледное, с заострившимися чертами лицо его друга, казалось, начало приобретать естественный цвет.

— Что?..

Так как Тэлли спросонья медленно соображал, Стрейнжбери повторил свои слова, добавив:

— Во всех вариантах, кроме одного-единственного и непроверенного, мы не в состоянии что-либо сделать: ни улететь, ни вернуться на корабль... ничего.

Тэлли ожил.

— Ради бога, Джон,— прошептал он.— Ты это серьезно? Ты ведь знаешь, как я уважаю тебя, твои идеи и знания, но...

— Послушай,— перебил Стрейнжбери. — Я осмыслил то, что происходит. Послушай же!

Его рассказ занял довольно много времени. Роджер проанализировал все, что происходило с ними во время путешествия. От неудачи доктора

Тэлли, предка Тэлли нынешнего, до проникновения Хэвита в индивидуальное пространство звездолета после снижения скорости до уровня световой.

— Ведь это все — факты, так или нет? — настаивал Стрейнжбери.

Тэлли кивнул.

— Совершенно очевидно, это весьма важные моменты,— продолжал Стрейнжбери.— Например: время и его сжатие в отношении примерно 973 к одному. Снаружи форма корабля осталась круглой, а коридоры внутри изменились в пропорции три к одному. Все это очень важно. Я составил эмпирическую модель и сконструировал одну схемку. Ты знаешь, я все-таки больше техник, чем ученый. Тут есть один фактор, которого я не могу объяснить, но который является действующим началом...

— Допустим, ты прав, — перебил Тэлли. — Но что это нам даст практически?

— Смотри!— произнес Стрейнжбери.

Он исчез.

Пропал внутри маленького корабля. Тэлли заозирался, пытаясь понять, что за фокус отмочил его друг, и вдруг услышал какой-то звук у себя за спиной. Он обернулся. Позади, триумфально

усмехаясь, стоял Стрейнжбери. Постепенно улыбка сошла с его лица.

— Мы возвращаемся на корабль, — решительно сказал он.

— Кому мы там нужны... — удивился Тэлли.

И встретил твердый, как сталь, взгляд.

— Твоей жене... и моей... Экипажу. Не сомневайся, мы вернемся на корабль... Ведь вопрос стоит о жизни или смерти. Надо выбирать.

Тэлли кивнул и пожал руку Стрейнжбери.

— Согласен. — Потом он отступил на шаг.— Ради Бога, расскажи мне, что ты еще открыл?

— Сначала стартуем. — Стрейнжбери повернулся к бортовой панели и продолжил: — Теперь теоретически мы можем вернуться на корабль буквально через мгновение. Аппарат в состоянии это сделать. Но помнишь рассказ Хэвита про невероятное сжатие? Человеческие клетки не могут долго жить в таком состоянии. Так что мы должны представлять себе, насколько кратковременная штука — жизнь.

— Но...

— Вселенная обманчива,— медленно произнес Стрейнжбери.— Она — величайшая тайна природы. Послушай...

Мы испытали субъективное сжатие, которое

Хэвит затем описал как сильно зависящее от величины перемещения. Жизнь во вселенной зарождается из клеток и развивается до высшей материи. Отсюда — рискованные преимущества, за которые человек цепляется, словно жук за соломинку, когда попадает в водоворот. Тогда жук смотрит на небеса и пытается спастись.

Здесь, в окружающей нас бесконечной вселенной, нормой являются реальное время и пространство. Энергетически «ниже» находится более глубокая темнота застывшей материи и движения. «Выше» — бесконечность, вечность и незыблемость света.

По мере того как жизнь в запечатанных контейнерах — космических кораблях, пересекала разделяющую линию и выходила за рамки обычного, барьеры исчезали. Человек словно выполз из темного колодца и оказался на лугу, глядя в яркое голубое небо. Законы, управляющие лугами, отличны от действующих в закрытом темном колодце.

Теоретически мы могли мгновенно перейти от покоя к скорости, в миллионы раз превышающей скорость света. Но, как я сказал, на практике внутреннее колебание клеток не дает такой возможности. Мы полагаем, что движение — опасно,

хватаемся за поручень и держимся за свою драгоценную жизнь.

Я думаю, вообще говоря, мы осознаем, насколько чувствительны наши клетки, но все равно, хоть и осторожно, идем на это, — закончил он.

Тэлли бессмысленно посмотрел на Стрейнжбери.

— Я не понимаю. Хорошо, по-твоему, состояние материи при скоростях, далеко превышающих скорость света, ненормальное. Но я ведь пережил это. Ничего особенного не заметил.

— Это потому, что ты лежал совершенно неподвижно весь период полета с такой скоростью, — сказал Стрейнжбери.— Это потому, что ты не должен был участвовать в эксперименте.

Тэлли продолжал задумчиво смотреть на Стрейнжбери.

— Ты не хочешь рассказать мне, как оставил меня здесь, связанного, на все это время? — спросил он.

— Нет. Но это не единственная вещь, которую я не учел, когда был круглым идиотом, и переделывал панель управления.

И он объяснил приятелю о предпринятых им мерах предосторожности, перед тем как они покинут корабль. И так как он продумал все заранее,

то устройство, посредством которого производится управление механизмом приземления модуля, находится на «Надежде Человечества». Надо все сделать точно так, как было, когда он использовал для этого Дзинга — что в случае необходимости позволит им контролировать большой корабль на расстоянии.

— Это было действительно просто сделать,— признался он.— Я описал Миллеру все изменения, так что он все знал, а потом внес еще одно изменение, которое дало нам возможность контроля в решающий момент. У меня не было других целей, кроме этих. Остальное пришло, когда я пересмотрел все события, связанные с Дзингом. Что произошло в тот момент, когда я нажал тот выключатель? Думаю, Дзинг — это и есть тот дополнительный действующий фактор, на который я опираюсь.

— Дзинг — действующий фактор? — изумился Тэлли. — Но ты же взорвал его!

— Все выглядело именно так.

— Коридор был разрушен. Взрыв буквально рассеял Дзинга в пыль.

— Ты не думаешь, что все это немного странно? — загадочно улыбнулся Стрейнжбери.

— О чем ты? — Тэлли выглядел растерянным.

Взглянув ему в лицо, Стрейнжбери вновь осознал, как трудно людям воспринимать новые, необычные мысли. Очевидно, за годы работы с Брауном его собственный мозг уже достиг нового уровня понимания. Даже Тэлли не мог за ним угнаться и так же быстро оценивать ситуацию.

Стрейнжбери с сожалением вздохнул. Впервые он позволил себе поговорить на эту тему с Тэлли, поделиться с ним своими мыслями.

Он присел на подлокотник кресла управления. И тут же встал, прикрыв глаза и раздумывая, что еще следует сказать.

То, что осталось досказать, было фантастичным, но не так уж сложно объяснимым, весьма просто связанным с материей вселенной. Когда он активировал систему самоуничтожения Дзинга, то разрушил робота. Доказательством были разбитая вдребезги стена, иссеченные осколками потолок, пол и коридор. Но на самом деле Дзинг остался цел.

Пройдя сквозь материю корабля, Дзинг продолжал функционировать вне пространственно-временных ограничений «Надежды Человечества». Это не поддавалось объяснению с точки зрения сохранения энергии. Более того, как раз важным являлось то, что значительная масса робота

соответствовала тому, что Браун говорил относительно поведения материи при скорости света. Теория сжатия Лоренца-Фитцджеральда применима во всех подобных случаях.

Пока Тэлли спал, у Роджера была возможность проверить это.

Он изменил соотношение времени 973 к одному, как в случае Хэвита. Стрейнжбери решил, что клетки человеческого тела (а вероятно, и всех живых существ) обладали присущим только им равновесием.

В тот, первый раз, когда он в волнении разбудил Тэлли и принялся рассказывать тому о своем великом открытии, Роджеру было трудно четко формулировать свои мысли, но сейчас волнение утихло, мысли успокоились.

Стрейнжбери повернулся лицом к другу и тихо сказал:

— Арманд, я вижу, что рассказал тебе как раз столько, сколько ты можешь воспринять за один раз.

Тэлли не ответил. Сильное волнение от увиденного и услышанного стало проходить. Зато он снова заметил что-то жесткое в манерах своего друга. Неожиданно он понял, что такое важное открытие сделал человек, который, несмотря на

множество хороших качеств, в душе оставался диктатором...

Стрейнжбери еще раз повторил сказанное дружеским тоном и положил руку на плечо Тэлли.

— Остальное я доскажу позже, — пообещал он.

Но этого он сделать уже не смог. Никогда.

Гроу. Борт звездолета

Яркий свет упал на закрытые глаза Гроу. Он зажмурился во сне, потом, проснувшись, вскочил.

Спальня была ярко освещена. Он прищурился... и увидел Хэвита, а с ним — мужчин в форме. Гроу не поверил своим глазам. Он узнал серо-голубую униформу, знакомую по старым фильмам.

Космический патруль!

Один из мужчин постарше, офицер, произнес густым баритоном:

— Мистер Гроу, вы арестованы!

Двое мужчин в униформе разом шагнули вперед и схватили его за руки. Сверкнул металл, и Гроу почувствовал на своей коже холод наручников.

— Мистер Гроу, — сурово произнес офицер патруля. — Вы покинете этот корабль и будете переведены на эсминец Патрульной службы, а

затем — на Землю, где предстанете перед судом.

Ноги у Гроу подкосились. Он все еще до конца не проснулся. Когда он посмотрел на сияющие металлические предметы на своих руках, то решил, что все это — ночной кошмар.

Офицер тем временем обратился к Марианне:

— Вы можете составить компанию своему мужу до Земли, — предложил он. — Если пожелаете, миссис Гроу.

— Нет, нет, нет... — необычайно высоким, неестественным голосом запротестовала она.— Я останусь здесь...

— Это ваша привилегия, мадам. Мистер Хэвит принял решение продолжать экспедицию. Вы — одна из немногих на борту, кто может выбрать: остаться здесь или вернуться на Землю.

Сильные руки подняли Гроу.

— Вперед!

Первый шаг он сделал с большим трудом.

— Эй! — закричал он, пытаясь вырваться. — Это мой корабль! Я его капитан!

Офицер сделал знак двум своим подчиненным. Те молча вытолкали Гроу из спальни в гостиную.

Там Гроу мельком осмотрел комнату и увидел трех женщин — Руфь, Ильзу и Анну, в нижнем

белье, столпившихся в дверном проеме второй спальной комнаты, и еще женщину в форме космического патруля и услышал, как она сказала:

— Дамы, одевайтесь, пожалуйста!

Гроу вытащили в коридор.

Он увидел двоих мужчин в форме у двери. Они отступили на шаг. Чуть позже вошли Гаркурт и один из его людей в сопровождении четырех космических патрульных. Все сообщники Гроу были в наручниках. Они появились, сбитые с толку, и в первый момент, казалось, не заметили арестованного капитана.

Патрульные вполголоса переговорили с Хэвитом, потом все вышли.

В течение следующего часа восемнадцать пособников Гроу были схвачены и доставлены в каюту капитана. Когда они расположились там угрюмой группой, Хэвит попросил офицеров патруля отойти в сторону и обратился к арестованным.

— Те фотографии с бликом — ключ к разгадке, — начал он. — Это был не дефект пленки, а фактическое начало моего понимания того, как покинуть корабль. Когда я рассмотрел увеличенное изображение на экране, которое сделал для меня главный астроном корабля Клайд Джозеф,

то понял, что наблюдаю в этом секторе космический корбаль. Эсминец патрульной службы, который сопровождал звездолет в Солнечной системе. — Хэвит сделал секундную паузу. — Да, так оно и было.

Он продолжал:

— Научные аспекты таких вещей, как пространство и время, весьма загадочны. Совсем недавно мы наблюдали многие удивительные феномены. И сейчас я склонен предположить, что существует некая связь между нами и Солнечной системой, хотя нас разделяют и время, и пространство. Это — загадка. Но я уверен: существа, которых вы видели в космосе, разрешали те «пространственно-временные» проблемы, которые стоят перед нами, и считаю, что «Надежда Человечества» должна продолжить свое путешествие и отыскать знания, столь необходимые для человеческой расы. И в этом нам помогут несколько ведущих ученых, добровольно прибывающих на борт судна. Как только все необходимые люди попадут на борт нашего корабля, патрульный эсминец отправится к Земле. Что касается вас...— Хэвит сделал многозначительную паузу, а потом продолжил:

— Насколько я знаю, никого из вас не обвинят

в незаконных действиях. История корабля воспринята как социологический, а не уголовный феномен. Но мы не желаем вашего присутствия на борту. — Хэвит повернулся к начальнику патруля и спокойно сказал: — Думаю, достаточно об этом.

Когда Гроу и его сторонников вывели из комнаты, Хэвит обратился к женщинам, к тому времени уже полностью одетым.

— Успокойтесь. Все будет хорошо. А сейчас прошу простить — у меня очень много дел.

Законность и порядок на корабле были восстановлены.

Хэвит оставил каюту капитана на весь период подготовки к дальнейшим исследованиям космоса... Дел у него действительно было много.

На восьмой день на патрульном корабле прибыли новые пассажиры.

Среди прибывших находился Питер Линден.

Спустя некоторое время у них с Хэвитом состоялся важный разговор.

— Существование таких необычных «пространственно-временных» условий, о которых мы не подозревали, заставило меня еще раз пересмотреть расчеты Джона Стрейнжбери, — сказал ученый. — Свои выводы я изложил пра-

вительству Запада. Я верю в расчеты великого астрофизика. Солнце может действительно расширяться, как сказано в его работе «Некоторые аспекты пульсации цефеид». И я разрабатываю математическую модель, которая окончательно подтвердит эту теорию.

Хэвит, потративший немало времени и средств на изучение этих проблем, ничего не ответил. Он, будучи самым ярым сторонником теории Джона Стрейнжбери, охотно предпочел бы, чтобы она оказалась ошибочной и Земле ничто не угрожало.

Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета

Стрейнжбери и Тэлли прибыли на «Надежду Человечества», воспользовавшись эффектом «эластичности пространства-времени». Естественно, их прибытие осталось незамеченным.

В шлюзовой камере Стрейнжбери изменил отношение времен и «снизил» течение личного времени до корабельного. Его задачей было войти быстро, что и было сделано. Но сейчас он сильно волновался. С большой поспешностью посадочный модуль был убран, двери шлюзовой камеры

открыты, и вскоре Роджер оказался в коридоре.

Он прошел прямо на капитанский мостик, связался с управляющим центром и кое-что подправил в рабочей программе. Затем вновь изменил течение времени и появился в каюте Тэлли, буквально материализовавшись перед глазами его жены. Некоторые время ушло на то, чтобы успокоить ее. Роджер попытался объяснить, чего он хочет от нее; но это оказалось очень трудно, так как женщина находилась в шоке. Стрейнжбери кое-как успокоил несчастную и узнал от нее о прибытии на корабль посторонних людей. Это его необычайно заинтересовало. Он хотел расспросить ее поподробнее, но решил подождать.

Наконец Лоу перестала всхлипывать, измученно улыбнулась и спросила:

— Что вы хотите от меня?

Стрейнжбери предложил ей взять одежду и вместе с ним пройти наверх и занять место в посадочном модуле.

Спустя некоторое время Роджер не без облегчения передал ее попечению мужа, а сам вернулся на корабль.

Ему очень хотелось взглянуть на прибывших с Земли.

И ему это удалось. Он увидел и офицеров патруля, и гражданских. Рождер проследил их путь от самого эсминца и обнаружил, что многие прибыли с большим багажом и размещались в каютах так, словно решили остаться надолго. Стрейнжбери с изумлением понял, что все они намерены войти в экипаж звездолета.

Но сам Роджер оставаться на корабле не собирался. Он хотел увидеть Землю.

Он знал, что существует пространственно-временной канал, который связывает звездолет и Солнечную систему, находящуюся во временном срезе «шесть лет после старта «Надежды Человечества». Стрейнжбери следовало попасть на эсминец, а когда эсминец окажется на земной орбите, проникнуть в челнок, курсирующий между орбитой и поверхностью планеты.

С помощью эффекта «эластичного пространства-времени» и способности ускорять индивидуальное время почти в тысячу раз, Роджер без особого труда осуществил свою мечту.

Роджер Стрейнжбери. Земля

Итак, он очутился на родной планете. Наконец-то он стоял на твердой земле. Впервые в жизни.

Поначалу у него кружилась голова от обилия впечатлений: от множества незнакомых людей, шума, запахов, машин, обилия информации. После размереной жизни на звездолете это напоминало эмоциональный тайфун.

Очень быстро Роджер понял: чтобы врасти в эту жизнь, ему очень многого не хватает. На Земле он был никто. У него не имелось удостоверения личности, страховки, счета. Он мог, воспользовавшись «эластичным временем», войти в любой магазин и взять, что требовалось. Но это было совсем не то.

Пришлось Роджеру разобраться со всем этим. Оказалось — не так уж сложно. Достаточно было проникнуть в Управление соцобеспечения, выяснить код допуска и, проникнув в базу, составить себе более-менее приемлемую биографию. Затем скачать из страхового фонда на свой счет кругленькую сумму — и можно жить припеваючи.

Постепенно он накапливал опыт жизни на Земле. И осваивал то, что она может дать: роскошь, удовольствия. Он остановился в шикарном отеле, ел восхитительные блюда, о существовании которых раньше и не догадывался. Он приглашал к себе женщин, разных женщин — и проводил с ними время к обоюдному удовольствию. Иными

словами, Роджер наслаждался жизнью.

Однажды в утренних газетах Стрейнжбери прочитал, что Гроу доставлен на Землю и осужден.

То есть поначалу его не собирались судить. Наоборот, вокруг него вились адвокаты, уговаривая подать иск на правительство Запада за все то, что случилось с экипажем звездолета. Но потом ситуация изменилась. Газеты запестрели статьями о «кровавом капитане», в средствах массовой информации Гроу стал фигурировать исключительно как «зверь из космоса». Скорее всего, именно правительство и организовало эту кампанию. Так или иначе, но из жертвы Гроу и его друзья превратились в палачей. Верховный суд, до которого в кратчайшие сроки дошло это дело, постановил, что уголовное право Земли должно распространяться без ограничений и на космические корабли. До тех пор, пока их экипажи не станут обладателями «независимых территорий» с правами колоний или субъектов федерации.

Закон имел обратную силу, поэтому судьба Гроу была решена.

Кстати, и Стрейнжбери тоже автоматически становился нарушителем закона, так как пытался поднять бунт против «законно избранного»

капитана Брауна.

Перед Роджером встал выбор: остаться на Земле, жить тихо, наслаждаясь жизнью и не привлекая к себе внимания, или вернуться на корабль, свергнуть Хэвита и продолжить путешествие...

Человек с его характером не мог надолго остаться в тени, так что выбор Стрейнжбери был фактически предрешен.

Но что реально изменило его судьбу, так это то, что несколько газет опубликовало доводы Питера Линдена в пользу теории Джона Стрейнжбери. Сделано это было Линденом весьма доказательно. Правда, Линден предполагал, что пройдет значительное время, прежде чем на Солнце появятся видимые изменения.

Но Линден не знал того, что знал Стрейнжбери. После того, как Роджер использовал модель Линдена для обработки собственных данных, он с ужасом узнал, что времени осталось — всего ничего. Лет двадцать, не больше, а то и меньше.

Иными словами, катастрофа должна была вот-вот разразиться.

Значит, надо вернуться на корабль.

В одиночку захватить власть на звездолете Стрейнжбери не смог бы. Однако готовить ко-

манду профессионалов, знакомых с кораблем и нюансами корабельной жизни, было поздно. Поэтому он решил использовать Гроу и его приспешников. Проникнуть в тюрьму, где пребывал в заключении «зверь из космоса», оказалось пустячным делом.

Увидев «материализовавшегося» в камере Стрейнжбери, Гроу удивился, но не более. Он был слишком практичен, чтобы верить в чудеса.

После часового разговора стороны заключили соглашение. Стрейнжбери помогает Гроу выбраться из тюрьмы и, вместе с подручными, добраться до звездолета. Там они захватывают власть. Стрейнжбери становится капитаном, Гроу — первым помощником.

Собственно, у Гроу не было выбора, если не считать альтернативы отсидеть сто сорок шесть лет в тюремной камере. Правда, как сказал адвокат, этот срок можно лет через пятьдесят скостить почти на четверть. Очень утешительно!

Еще больше Гроу тешила мысль о возможности поквитаться с Хэвитом, обещавшим, что суда не будет. Гроу был очень обижен на Хэвита, хотя сам, немногим раньше, собирался его прикончить.

Стрейнжбери дождался дня старта патрульного эсминца, осуществлявшего «связь» с «Надеждой

Человечества», а затем освободил Гроу и его приятелей и «доставил» их на борт челнока. Вся операция заняла три минуты земного времени. И еще полтора часа, которые потребовались челноку, чтобы доставить груз и «зайцев» на орбиту. Но на челноке они уже прибывали в нормальном времени и воспользовались «эластичным» только в момент перехода на эсминец.

Внизу полиция сбилась с ног в поисках беглецов. Были перекрыты все дороги, аэропорты и иные транспортные центры. Полицейские терялись в догадках, так как в тело каждого заключенного был вживлен «аварийный» чип, легко опознаваемый и обнаруживаемый. Поиски оказались тщетными, ведь искали сбежавших на Земле, а на Земле их уже давно не было.

По странному стечению обстоятельств именно в этот день комиссия Конгресса рассматривала протест Хэвита по поводу ареста Гроу. И надо признать, очень многие конгрессмены были настроены по отношению к протесту весьма одобрительно.

Но было уже поздно.

Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета

Вернувшись на «Надежду Человечества», Стрейнжбери спрятал Гроу и его людей в одном из ангаров с оборудованием, используемым только после посадки на чужую планету. Было решено, что группа останется здесь, пока не прекратится всякая связь между эсминцем и межзвездным кораблем.

Зная системы связи корабля, Стрейнжбери позаботился о том, чтобы отключить системы наблюдения и сканирования в ангаре. Затем он принес Гроу и его людям все необходимое: пищу, одеяла и прочее. И оружие. Стрейнжбери совсем не нравилась его новая компания. Это были грубые, агрессивные люди, променявшие годы пребывания в замкнутом пространстве звездолета на заключение в земной тюрьме и сейчас возвращенные обратно, в привычную среду обитания. Он понимал, что после победы с ними будут немалые проблемы. Но других помощников у Рождера не имелось.

Пока Стрейнжбери ожидал отлета эсминца, он разобрался в том, что случилось на корабле за

время его отсутствия.

А изменения были немалые. На борт прибыли ученые. Они изучали психологию астронавтов. Социологи исследовали историю корабля для того, чтобы не повторились нежелательные моменты прошлого. Со скрытого от посторонних глаз места на балконе, откуда просматривалась главная кают-компания, Стрейнжбери слушал лекцию Хэвита о различиях между научными системами изучения вселенной. Среди прочего Стрейнжбери услышал:

— Ученые — это порода людей, которая постоянно восхищает. С одной стороны, они консервативны. Но в решках своей компетенции коллектив ученых представляет собой группу людей правдивых, честных, порядочных, аккуратных и отзывчивых. На высочайшем уровне...

Хэвит противопоставил экстремальные трудности, через которые прошли корабельные специалисты в начале экспедиции, легкости, в которой сейчас работают он и добровольцы из числа недавно прибывших на корабль. Вывод: корабль вернулся из путешествия длительностью больше ста лет, сделав огромный шаг вперед в исследовании космоса и принеся с собой множество нерешенных проблем. Каждая из проблем

представляла собой научный интерес и порождала энтузиазм...

Стрейнжбери наблюдал результат этого энтузиазма. Основываясь на гуманных законах, был составлен корабельный кодекс. Присяжные, судьи, полиция — все это вошло в новую систему власти. Капитан... да, конечно, Хэвит. Но он стал управлять кораблем через созданную им систему законов. У него имелись и права, и обязанности...

Было учреждено всеобщее равное образование с администрацией, учителями, с личными правилами и привилегиями...

Стрейнжбери слушал Хэвита, объяснявшего, почему только на корабле может возникнуть столь полная и совершенная система. Только внешние силы и технологии, научный альтруизм могли двигать вперед такой ограниченный мир, как «Надежда Человечества», и в короткое время сотворить образец оптимальной социальной системы.

Хэвит заявлял, что человеческое существование, по сути, основано на альтруизме и он намерен использовать то лучшее, что есть в людях. Победы в войнах, мотивированных ненавистью и потребностью власти, грабежа и наказания, были только внешними проявления-

ми человеческого существования. Побежденные знали свой удел и жили в бедности из страха, они копили собственную ненависть и ждали случая отмстить, который обычно рано или поздно предоставлялся.

Первая мысль, мелькнувшая у Стрейнжбери:

«Хэвит слишком наивен, он не понимает, что обитатели корабля, едва получив свои права, уже начали роптать против своих обязанностей. И члены старого экипажа оскорблены вновь прибывшими, которые, например, считали, что с женщинами на борту обращаются несправедливо».

Чуть позже Стрейнжбери ради интереса заглянул в личные апартаменты Хэвита... И очень удивился, обнаружив, что мораль капитана, оказывается, значительно ближе к морали старого экипажа, чем к нормам землян.

Но Стрейнжбери и не придавал особого значения социальным перестройкам на звездолете. Он смотрел на все это, как на ненужную суматоху. Когда он возмет власть в свои руки, от новшеств Хэвита останется только воспоминание.

Наконец настал момент, когда эсминец покинул пространство «Надежды Человечества». Пришло время действовать.

Роджер Стрейнжбери. Борт звездолета

Стрейнжбери подумал, что перед начетом решительных действий следует увидеться с Тэлли. Но, поразмыслив, счел это желание слабостью.

«Вероятно, мне просто хочется с ним поговорить», — окончательно решил Стрейнжбери и отказался от этой мысли.

Перед тем как встретиться с группой Гроу, Стрейнжбери изменил ход своего времени с ускоренного на обычный. Сейчас вид «союзников» крайне раздражал Роджера. Он им не доверял. Раньше, когда Стрейнжбери обговаривал с Гроу планы мятежа, у него не возникало таких негативных эмоций по отношению к этим людям.

« Создается впечатление, что спланированный способ захвата власти весьма устарел, — подумал Стрейнжбери.— А может, это на меня так повлияли речи вновь прибывших...»

Он успокоил себя тем, что решил: «Хэвит — просто еще одна фигура в игре».

Время, пока группа мятежников ожидала отлета эсминца, проходило для них беззаботно. Но только не для Гроу. Гроу вынашивал собствен-

ные планы. Сейчас, при виде Стрейнжбери, Гроу многозначительно глянул на Гаркурта.

Стрейнжбери вздохнул.

«Да, ждать больше нельзя, — подумал он. — Корабль нужно захватить немедленно».

Его намерения заключались в том, что следует разоружить каждого из людей Хэвита на борту корабля.

В какой-то миг Роджер уловил угрожающее движение Гаркурта. Пальцы Стрейнжбери конвульсивно сомкнулись на механизме управления, запуская режим «эластичного времени».

Это было последнее, что он сделал.

Нажатие на контрольную кнопку мгновенно перенесло Роджера в другое временное пространство. Но на долю секунды позже, чем требовалось.

Луч бластера, который держал в руках Гаркурт, ударил Стрейнжбери в голову.

Мрак! Смерть!

Гроу. Борт звездолета

Стрейнжбери лежал, словно мертвый; так бы выглядел любой человек в подобной ситуации.

Гроу посмотрел на неестественно изогнутое

тело. Рука мертвеца находилась в кармане.

«Итак,— рассуждал Гроу, — у Стрейнжбери там механизм управления, с помощью которого он и управлял временем».

— Переверни его и выверни карманы, — скомандовал Гроу.

Мертвое тело оказалось легким, словно состояло из невесомого пуха.

Чуть позже Гаркурт с триумфом вручил Гроу механизм управления.

Гроу повертел его в руках, потрогал сенсоры... Никакого эффекта.

Его подручные тщательно обыскали убитого. Ничего.

Снова и снова Гроу манипулировал пультом.

Но в его руках он оставался бесполезным предметом. Стрейнжбери встроил в него систему-опознаватель, но Гроу понятия не имел о таких системах. Он видел нечто, способное чудесным образом замедлять время. Но сейчас от пульта было не больше толку, чем от сломанной игрушки.

Окончательно сбитый с толку, Гроу внимательно смотрел на тело своего врага, и в нем зрели горькие, безнадежные мысли. Теперь он понимал, что поторопился уничтожить Стрейнжбери. В очередной раз Гроу вынужден был признать,

что нуждается в ком-то, подобном Стрейнжбери или Миллеру.

Он понимал также, какие события ожидают его в ближайшее время...

— Ладно, перебьемся! — зловещим тоном сказал он своему дружку. — Мы захватим корабль так, как это было сделано в первый раз. Дождемся очередного периода сна и преподнесем им сюрприз. У нас есть еще часов шесть. Одыхайте!

Когда прошло шесть часов, Гроу, разбудив приятелей, провел с ними необычайно краткий инструктаж:

— Убивайте только патрульных. Весь прежний экипаж нам нужен. И Хэвит... Главное: найдите и прикончите Хэвита!

* * *

Захват корабля начался с того, что люди Гроу нестройной линией стали пересекать пустынные коридоры. Вскоре первое трио мятежников отделилось от группы и направилось к двигательному отсеку. Остальные разделились на два отряда и повернули: одна в сторону вспомогательной рубки управления, другая — к капитанскому мостику. Основную группу, поднимающуюся на верхние уровни, возглавил Гроу.

В каюте старшего помощника капитана (так утверждал Стрейнжбери) расположился штаб космического патруля. Остальные патрульные занимали ближайшие к этому месту каюты.

Две группы по три человека, предварительно проинструктированные, были посланы туда же с отмычками. Перед ними стояла только одна задача — безжалостно уничтожать любого патрульного.

Гроу с двумя оставшимися дружками осторожно зашел в каюту капитана, используя запасные ключи, которые заранее сделал Стрейнжбери. Гроу беззвучно открыл входную дверь и на цыпочках прошел внутрь... Чуть позже две заспанные, испуганные женщины посмотрели на него с кроватей в спальной комнате капитана: Руфь и Марианна.

Один из людей Гроу зашел во вторую спальную каюту. Он доложил, что комната занята Ильзой и Анной.

— Хэвита нет. Нигде. Наверное, Стрейнжбери предупредил его...

Предположение было идиотским, и Гроу почувствовал внезапную ярость. В голове его пронеслись неясные мысли. Что делать? Не обращая внимания на женщин, он ринулся в кабинет,

к системе прослушивания, и без промедления включил сканирующие устройства.

После нескольких минут поспешного поиска Хэвита он понял, что такой метод розыска займет слишком много времени. В заключение проверки он включил видеообзор нижних палуб корабля. Там было безлюдно. Вероятно, все возвратились назад, к своим семьям.

Гроу отыскал камеру, установленную в штабе патруля. Он увидел мрачную сцену: двое мертвых мужчин в пижамах и рыдающую женщину.

Гроу удовлетворенно хмыкнул.

Гроу «переходил» от одной каюты к другой, и с восторгом видел, что его люди одержали потрясающую победу. Он видел ужасающие подробности: кровь, трупы. Вот лежит мертвый патрульный, а рядом — один из людей Гроу. Тоже мертвый... Только в двух каютах еще шло сражение, и там перевес был на стороне людей Гроу. Беспечный противник был захвачен врасплох.

С ликованием потирая руки, Гроу вышел из кабинета. Через открытую дверь он увидел четырех женщин. Они стояли маленькой группой, с удивлением ожидая дальнейших событий.

Его жены.

— Итак, дамы, — сказал он, широко улыбнув-

шись, — я — капитан, вновь вернулся к вам.

Ответом ему послужило угрюмое безмолвие.

— Вот как! — с раздражением произнес он. — Я вижу, вы не рады моему появлению!

На глазах Руфи показались слезы, с губ слетели первые звуки рыданий. Это словно послужило сигналом. Все женщины принялись дружно плакать и причитать.

Новоявленный капитан злился все сильнее.

— Всем собраться в этой каюте! — приказал он, показывая на вторую спальню. — И оставаться там!

Двое его сообщников, услышав шум, вошли в каюту.

— Что случилось, капитан? — нервничая, спросил один из них.

— Мы побеждаем, — ответил Гроу.

Он поспешил назад к системе прослушивания и сканирования, чтобы убедиться в правоте своих слов.

Для начала он включил видеообзор двигательного отсека. Там также была одержана победа. В комнате находился захваченный мятежниками бывший старший помощник капитана Миллер.

Гроу включил обычный видеоэкран и, обращаясь к Миллеру спросил:

— Где Хэвит?

Миллер пребывал почти в шоковом состоянии, но ответ его прозвучал вполне разумно:

— В одной из верхних кают. В какой, не знаю. Поверьте мне!

Гроу помолчал, обдумывая ситуацию.

— Обыскать все! — грубо распорядился он и выключил связь.

С большим неудовольствием его подручные восприняли этот приказ. Они рассчитывали немедленно насладиться победой, а вместо этого придется осмотреть больше сотни кают в верхних этажах корабля.

Сложившееся положение расстроило планы Гроу. Как наугад найти ту каюту, в которой находится Хэвит?

— Черт побери!— выругался Гроу.— Почему бы ему не выступить против меня, как полагается мужчине?

Возбуждение Гроу постепенно проходило по мере того, как он выслушивал доклады своих людей. Победа была одержана во всех каютах по одну сторону коридора.

— Мы зашли в несколько кают, где находились люди из старой команды корабля, — сказал Гаркурт, — и сказали им, как вы и приказывали,

чтобы они оставались там и никуда не выходили и не мешали нам. Так что кое-кто уже знает, что происходит на корабле.

Почти такие же доклады поступили и от других руководителей групп по захвату корабля.

Гроу остался равнодушным.

— Мы знаем, что эти люди трусливы и будут тихо сидеть, пока все не закончится, — презрительно сказал он.

Раздался сигнал вызова. Гроу автоматически повернулся к видеоэкрану и настороженно замер.

— Кто мог включить общую корабельную связь? — спросил он.

По-прежнему недовольный, он включил свой видеоэкран.

Хэвит!

Два врага внимательно смотрели друг на друга. Гроу прищуренными глазами, Хэвит широко открытыми. Первым заговорил Хэвит:

— Я уже извещен о твоей попытке совершить переворот на корабле, Гроу. Не знаю, как ты попал на борт, но этот трюк будет стоить тебе жизни.

Из услышанного Гроу поразило одно слово — «извещен».

— Кто известил тебя? — прорычал он.

Хэвит зловеще продолжил:

— Два десятка моих людей уже подготовлены, и с минуты на минуту...

Гроу почувствовал озноб. Он даже пропустил следующие слова Хэвита.

— ... мы вооружены! — продолжил Хэвит.— И сейчас, через несколько минут, приступим к вашей ликвидации, так что лучше сдавайтесь, пока еще есть время.

Гроу пришел в себя.

— Вы со своей кучкой трусов ничего не добьетесь! — презрительно крикнул он и выключил связь.

Хэвит. Борт звездолета

Сражение за захват корабля возобновилось через час.

У Гроу имелось восемнадцать человек, вооруженных бластерами, револьверами и коротко-ствольными винтовками. Им противостояли, в основном, ученые и технический персонал корабля с оружием, изготовленным в спешке с использованием оборудования лабораторий.

Гроу считал своих противников трусами, потому что до этого они уже позволили арестовать

себя без какого-либо сопротивления. Хэвит знал, что в этом есть доля правды. Но появились и новые факторы. У старого состава команды корабля сейчас появилось мужество, так как они стали частью новой системы, которая родилась за последние несколько недель, и ее нужно было защитить.

Хэвит также полагался на то, что мужчины глубоко оскорблены политикой, которую проводил Гроу в отношении женщин. Они помнили, каково жить под контролем Гроу, и перспектива такого существования была для них весьма непривлекательной.

Что важно — решение сражаться без колебаний поддержали многие, и когда Хэвит предложил им пойти и отстоять свои идеалы с оружием в руках, его слова встретили с воодушевлением.

Физики, химики, инженеры молниеносно изготовили три основных типа оружия: бластеры, в которых световой луч формировался с помощью электрических зарядов; особый вид оружия, поражающего нервную систему и приводящий к судорогам мышц; накопители энергии — крохотные шарики, способные аккумулировать и выделять тепло.

Один такой шарик запустили в систему венти-

ляции в двигательном отсеке. Когда температура в помещении достигла 180 градусов по Фаренгейту, небольшая группа людей Гроу, находившихся там вместе со взятым в плен Миллером, сдалась.

Эту группу захватили тихо, без стрельбы.

От них же впервые стало известно об убийстве Стрейнжбери. Хэвит внимательно выслушал рассказ одного из мятежников о том, где они прятались, как попали на корабль, а также об устройстве, изменяющем ход времени.

Услышанное очень взволновало Хэвита. Ему показалось, что открытия Стрейнжбери помогут разрешить полнейшую «пространственно-временную» путаницу, в которую они попали.

Но вскоре он понял, что люди Гроу в этом деле ему не помощники. В их сознании не отложилось ничего полезного, разъясняющего события, свидетелями которых они стали.

Молодого ученого Роскоу внезапно осенила мысль: если Стрейнжбери вернулся на корабль, значит, должен возвратиться назад и Тэлли. Хэвит немедленно направил молодого человека с патрульным обыскать модули. Действительно, в одном из них оказался Тэлли.

Но и его познания о последних открытиях Стрейнжбери были отрывочны и почти беспо-

лезны.

Ни одно из устройств, использованных для борьбы с мятежниками, не являлось оригинальным изобретением кого-либо из экипажа «Надежды Человечества», однако как оружие применялось впервые. Для ученых борьба представлялась некой игрой. Они вели подсчет сделанным моделям оружия. Им был интересен сам процесс...

Сообщника Гроу, который успел перебраться на капитанский мостик, вынудили сдаться своеобразным методом. Громкоговоритель на одной из панелей управления стал издавать звук невероятной высоты и громкости. Вскоре звук усилился настолько, что не выдержали барабанные перепонки мятежника. Осталось только одно — сдаться. Пока одни специалисты занимались капитанским мостиком, остальные окончили изготовление «нового» вида оружия. Они включили необычную установку во вспомогательной рубке управления. Языки вырвавшегося из нее пламени буквально разнесли стены кают. Это был лазерный феномен — смесь различных световых волн, включая тепловые частоты, вызывающих резонанс в кристаллической решетке металла корабля. Языки сверкающего света, подобные

горящему огню, достигли длины десяти-двадцати футов. Они появились внезапно и совершенно неожиданно, оказавшись далеко не такими обжигающими, как огонь, но достаточно жаркими, чтобы вызвать психологический эффект. Казалось, они могли сжечь заживо. Минуты не прошло, как дружки Гроу стали поспешно сдаваться.

Человек, который доложил об этом выдающемся успехе Хэвиту, в конце гневно добавил:

— Что касается моего мнения, надо было сразиться с этой грязной бандой мятежников еще в прошлый раз, когда они захватили власть на корабле...

Хэвит внимательно посмотрел на говорившего, которого звали Лоуренс, почти такого же рослого и сильного, как Гаркурт.

Обдумывая ситуацию и вспоминая уроки прошлого, Хэвит отрицательно покачал головой:

— Я не согласен. Сотню лет вы, люди науки, не утруждали свою голову политикой. Успешное командование кораблем показало правильность такого подхода специалистов к социальным проблемам экипажа.

Заканчивался обычный на корабле период сна. Большие группы мужчин постепенно занима-

ли одну каюту за другой, приближаясь к каюте капитана.

В конце концов осталось только одно помещение, которое контролировали мятежники. Капитанские апартаменты. Там находился Гроу. Но там были и капитанские жены. Хэвит медлил, потому что не мог придумать такого решения, которое не подвергало бы женщин опасности.

Ученые под командованием Лоуренса прибыли к Хэвиту. Их предводитель убежденно произнес:

— Боюсь, нам придется принести женщин в жертву. В противном случае неизбежны атаки со стороны мятежников и дополнительные потери.

В свою очередь Хэвит предложил убедить Гроу сдаться в обмен на обещание сохранить жизнь ему и его приспешникам.

— Нет, нет! Он — убийца! — прозвучало несколько недовольных голосов.

Хэвит почувствовал, как в нем закипает гнев.

— Гроу убивал людей по политическим причинам, — сказал он.

— Это все равно убийство! — резко возразил Лоуренс.

— Нет, скорее, это война! — заявил Хэвит.

Сдерживая раздражение, он объяснил, что отчасти мятежники обвиняются справедливо.

Убийство есть убийство. Однако до сравнительно недавних времен социальный строй на корабле воспринимался большинством людей как незыблемый. И реальные изменения были, вероятно, делом отдаленного будущего. Кроме того, люди, оказавшись в неожиданно изменившихся условиях, полностью не осознали все происходящее.

— Мы, почти наверняка, можем определить суть общества, исходя из его законов, — сказал Хэвит. — И сейчас вы, находясь в стадии перехода от одной системы к другой, не должны приносить себя в жертву жестокости, которая составляла часть прежней власти. Если сейчас среди вас есть кто-либо, поддерживающий старую систему, то я рад услышать его мнение и предложения по нашим дальнейшим действиям.

Наступило долгое молчание... Потом вперед вышел старший помощник капитана Миллер.

— Я поддерживаю старые порядки,— сказал он.

Один из ученых издал какой-то странный звук, после чего произнес с плохо скрытой злостью:

— Мистер Миллер, вы что же, на стороне Гроу?

— Я ненавижу этих ублюдков, вылепленных из дерьма, с того момента, как встретился с ними, — с негодованием ответил ему Миллер.

— А что скажете по поводу вашего безоговорочного подчинения Брауну, когда вы пресмыкались перед ним? — сердито произнес кто-то.

— Браун был законным капитаном корабля! — удивленно возразил Миллер.

Хэвит призвал спорщиков к порядку. Потом, улыбнувшись, повернулся к собравшимся.

— Видите, что получается, — сказал он.

— Здесь что-то не так, — пробормотал невнятно молодой ученый Роскоу. — Я чувствую это. Итак, вы обещаете Гроу и его прихвостням жизнь? Что вы собираетесь делать с ними потом?

— Пусть привыкают к новым порядкам, — дружески ответил Хэвит.

— Вы думаете, Гроу согласится на это?

— А разве у него есть выбор? — усмехнулся Хэвит. — Неужели новую жизнь мы начнем с кровопролития?

— Это не мы начали... — проворчал кто-то.

— Тем более! — с напором произнес Хэвит. — И речь сейчас идет не только о Гроу и его головорезах, но и о женщинах, которые стали его заложниками. И о нашем будущем!

Хэвит обвел взглядом присутствующих. Никто не рискнул ему возразить.

Гроу нагло рассмеялся, когда по корабельной

связи его вызвал Хэвит.

— Послушай, ты! — с вызовом заявил Гроу. — Я хорошо понимаю разницу между мужчинами и слизняками. Так вот: у тебя — слизняки, а у меня — мужчины. Попробуй взять нас — и ты тоже это поймешь!

На дерзость мятежника Хэвит ответил спокойствием. Он лаконично изложил свое предложение. И сказал, что на его стороне — специалисты корабля. Рано или поздно они придумают что-то такое, что выкурит Гроу из норы.

Гроу задумался. Он знал, на что способны ученые. Он не забыл, как Стрейнжбери вытащил его из тюрьмы.

— Итак, Гроу, вы не доверяете моему предложению! — напирал Хэвит, чувствуя, что противник колеблется.

— Да или нет?

— Не доверяю!

— Напрасно. Если вы откажетесь, второй раз я уже не предложу. Мне и так было довольно трудно уговорить совет корабля пойти на такое послабление для вас, — настаивал Хэвит. — Если вы не примете мое предложение, это будет конец, Гроу. Ваш конец.

— Твоя кучка ученых — это еще не весь экипаж,

— проворчал Гроу.

— Экипаж тоже на моей стороне! — заверил Хэвит. — Ну, Гроу! Решайте! Можете посоветоваться со своими людьми!

Гроу на экране скорчил презрительную гримасу:

— Я сам принимаю решения!

Но в нем начал зарождаться страх.

В глубине души Гроу появилось предчувствие смерти. Но все равно он на что-то надеялся. На что? Он не знал. Однако сдаваться не хотел.

— Я даю вам время, Гроу! До начала атаки. До первых выстрелов! — С этими словами Хэвит выключил связь.

Несколько ученых молча слушали переговоры Хэвита с Гроу.

— Судя по вашему лицу, не скажешь, что вам, Хэвит, все равно, согласится он или нет, — произнес один из них.

— Гроу тоже не все равно, — ответил Хэвит. — Уверен, он пойдет на попятный.

И тут у него появилась идея.

Глаза Хэвита вспыхнули.

— Я знаю, как мы его достанем! — заявил он.

* * *

Хэвит в последний раз проверил работу капсулы. Все было нормально.

— Всем все ясно? — спросил он.

— Да, — ответил за всех Лоуренс, которого Хэвит назначил командиром штурмовой группы, вооруженной самодельными бластерами и нейроизлучателями. Последние были прекрасным оружием, но стены и переборки полностью экранировали излучение, а эффективность воздействия очень сильно зависела от расстояния.

Прямо перед штурмовой группой находился коридор, заканчивавшийся задраенной перегородкой. Коридор вел к капитанским апартаментам и вспомогательным помещениям за ними. Последний отсек звездолета, контролируемый мятежниками.

Хэвит сел в капсулу, пристегнулся и надвинул защитный колпак. Тонко взвыли двигатели, капсула рванулась вперед и нанесла сокрушительный удар по перегородке.

Перегородка из сверхпрочного пластика выдержала удар. Хэвита отшвырнуло назад. В перегородку ударили лучи бластеров. Пластик зашипел, пошел пузырями. Коридор наполнили клубы ядовитого желтого дыма.

Хэвит подал капсулу назад, ударил еще раз и

вышиб переборку. Капсула вылетела в коридор. С той и с другой стороны засверкали бластеры. Их лучи скользили по зеркальной поверхности капсулы, преломляясь и не причиняя вреда.

Прозрачный колпак потемнел: сработали светофильтры.

Перед капсулой появился человек с бластером, выстрелил в упор — и завизжал, выронив оружие и схватившись за лицо. Отраженный от корпуса капсулы луч полоснул его по глазам. Тупой удар — нос капсулы отбросил атакующего к стене.

Хэвит резко затормозил у двери, ведущей в капитанские апартаменты.

Клубы ядовитого дыма ползли по коридору. Лучи бластеров больше не полосовали его. Люди Гроу, охранявшие этот рубеж, были мертвы.

— Гроу! — усиленный динамиками капсулы голос Хэвита прогремел в коридоре.

— Черт побери, Хэвит, чего ты хочешь? — Гроу тоже воспользовался динамиком.

— Переговорить!

— Ты все сказал по интеркому!

— Это лучше сделать с глазу на глаз! Я один!

Наступила пауза.

Вероятно, Гроу воспользовался видеокамерами, чтобы убедиться в словах Хэвита.

А тот действительно не лгал. Штурмовая группа заняла позицию вне этого отсека.

Воздух немного очистился: кондиционеры воздушной системы работали на полную мощность.

— Хорошо, входи! — наконец раздался голос Гроу, и дверь открылась.

Хэвит осторожно въехал внутрь. Конечно, он рисковал, но очень надеялся, что капсула его защитит. Ее оболочка экранировала практически любое излучение и довольно неплохо сопротивлялась механическим воздействиям. Но, вместе с Хэвитом внутри, она весила всего около шестисот фунтов. То есть несколько сильных мужчин могли бы ее перевернуть, лишив подвижности, а затем без спешки выковырять из нее водителя.

Итак, он остановился в дверном проеме. Хэвит не собирался разговаривать с Гроу. У него была только одна цель — женщины.

Хэвиту повезло. Спустя мгновение дверь одной из спален приоткрылась. Сквозь щель в двери на него смотрели чьи-то глаза. Хэвит узнал Руфь.

Не раздумывая ни секунды, он подал на корпус капсулы статический потенциал и резко бросил машину вперед. На максимальной скорости — около десяти миль в час — капсула пересекла комнату. Он смутно видел мужчин, подскочив-

ших к аппарату. До Хэвита донеслись их вопли, когда их шибануло электрическим разрядом.

Дверь в спальню была слишком узкой: капсула не могла пройти сквозь нее, но наглухо закупорила отверстие. Мгновением раньше Хэвит отключил статический потенциал.

Мужчин в каюте не было. Только женщины.

Хэвит почувствовал большое облегчение, увидев, что все они здесь.

— Лоуренс! Начинайте! — рявкнул Хэвит в микрофон.

И атака началась.

Люди Гроу успели закрыть дверь в коридор, но ее вышибло направленным взрывом. Невидимые лучи нейроизлучателей проникли внутрь.

Люди Гроу роняли оружие, падали и корчились в агонии. Кошмар длился не больше нескольких минут. Потом наступила тишина.

И в этой тишине раздался спокойный голос Лоуренса:

— Все, Хэвит, мы закончили.

Хэвит подал капсулу назад, откинул колпак.

Женщины были перепуганы, но не пострадали. Корпус капсулы и стены, как и предполагал Хэвит, послужили достаточным экраном.

Хэвит выбрался наружу с бластером в руке.

Лоуренс уже находился здесь.

— Это можно спрятать, — сказал он, кивнув на бластер. — Нас больше никто не побеспокоит.

Десятка два мужчин скорчились на полу.

— Лоуренс, — нервно сказал Хэвит, — что с ними?

— Боюсь, мистер Хэвит, мы немного переборщили с дозой, — ответил Лоуренс с коротким смешком. — Боюсь, все они мертвы.

Хэвит пришел в ярость:

— Мы же договорились, Лоуренс!

Ученый криво усмехнулся.

— Черт возьми, вы убили их! Намеренно! Вы — еще один убийца!

— Не стоит так нервничать, мистер Хэвит. — Лоуренс остался спокоен. — Это был единственно правильный выход. Пройдет немного времени, в вы сами со мной согласитесь. В любом случае дело уже сделано и, уверяю вас, большинство — на моей стороне.

Хэвит сдержался и попытался успокоиться, но в интонации его слов все еще слышалась злость.

— Я предполагаю, это было сделано из хороших побуждений, — проворчал он.

— Вы же не думали, что мы позволим ему сбежать! — жестко ответил Лоуренс.

— Хорошо, хорошо, — согласился Хэвит.— Все это мы обсудим позже.

Он мельком увидел за собой, в дверном проеме, женщину, включил переговорное устройство.

— Дамы, — приказал он. — Оставайтесь в той же спальне и закройте двери, пожалуйста!

Дверь сразу же тихо прикрылась, но он успел услышать, как в спальне кто-то зарыдал.

— Да, — сказал Хэвит. — Дело сделано. А сейчас я бы хотел немного отдохнуть.

Капитан Хэвит. Борт звездолета

Хэвита разбудил звук зуммера. Он поспешно надел халат и открыл дверь. Там оказался Роскоу — молодой ученый, который терпеливо ожидал его в коридоре.

— Мы в главном зале совещаний, сэр,— сказал Роскоу,— и хотим, чтобы вы пришли туда.

— Кто это — мы?

— Экипаж, сэр, но... — Роскоу замялся.

— Что — но?

— Собрались только мужчины, сэр.

Хэвит внимательно и озабоченно посмотрел на Роскоу, но расспрашивать больше не стал:

— Я прибуду туда через десять минут.

Он побрился, торопливо раздумывая над словами Роскоу. Вероятнее всего, все самое неотложное для устранения последствий мятежа уже было сделано. Остальное потребует длительной работы.

... У Хэвита имелась отличная социальная программа. Его система была гибкой и самовосстанавливающейся. Она не нуждалась в отдельном моральном кодексе или отдельном лидере. Формально все люди были полностью свободны в действиях и желаниях, однако должны были стремиться сохранить новый строй.

Как только Хэвит появился в дверях зала заседаний, один из присутствующих вскочил с криком:

— Он здесь!

Для Хэвита такое приветствие было неожиданным. Он остановился.

Пока Хэвит в нерешительности стоял у входа, несколько сотен мужчин, находящихся в зале, встали и стоя начали радостно приветствовать его. Хэвит увидел Уильяма Лоуренса. Широко улыбаясь Хэвиту, Лоуренс стоял, ожидая капитана.

Хэвит двинулся к нему. Всем своим видом он изображал уверенность, но внутри зрело беспокойство.

Как только Хэвит достиг сцены, Лоуренс поднял руку, и наступила тишина.

После этого ученый торжественным тоном обратился к Хэвиту:

— Мистер Хэвит! Здесь собрались только ваши друзья. Путь, приведший вас на корабль, ваша система управления обществом, все, сделанное вами в последнее время, вызывают у нас уважение и восхищение. Мы видим, что за всеми вашими действиями стоит высочайшее уважение к личности. Наше собрание разделяет ваши убеждения и выражает свое доверие как законному руководителю нашей экспедиции. — Он сделал паузу, успокаивая аудиторию, вновь начавшую громко хлопать и одобрительно шуметь. — Тем не менее есть еще нерешенные проблемы, и до того, как мы окончательно утвердим вас в должности капитана, мы хотели бы услышать, какими вы видите личные отношения внутри экипажа. И в первую очередь собрание хотело бы услышать ответ на следующее: что вы собираетесь делать с женами капитанов?

Поворот разговора от общих фраз к конкретному вопросу был таким резким, что Хэвит замер. Это настолько вывело его из равновесия, что пауза затянулась надолго. Да, прямой вопрос

требовал прямого ответа. Если бы это зависело только от его желания, Хэвит оставил бы женщин себе. Они — жены капитана. Он — капитан. Естественно предположить, что они станут его женами. Собственно, они уже стали его женами, но...

Хэвит понял, что именно от ответа на этот вопрос зависит его будущее положение. И это было справедливо. Одна мораль для всех: и для капитана, и для экипажа.

— Господа, — сказал он. — Я не знаю, сколь долго мы будем находиться в космическом пространстве. Но полагаю, это зависит от того, насколько удачными окажутся наши эксперименты, как скоро мы добьемся успехов в исследованиях феномена «пространство-время». Вообще говоря, жизнь людей на борту должна соответствовать общечеловеческим понятиям. Естественно, у нас будут заключаться браки, рождаться дети, выполняться программа образования и происходить другие, не менее важные вещи.

Хэвит остановился, неожиданно смущенный.

— Что же касается лично меня, — произнес он, — то я испытываю огромное уважение к одной из четырех женщин, тех женщин, которых доктор Лоуренс назвал «капитанскими женами»... — Он

запнулся, но тут же продолжал твердым голосом:
— Надеюсь, это чувство взаимно, и именно с ней я собираюсь составить семью.

В зале наступила мертвая тишина. Что-то в сказанных им простых словах показалось слушателям глубоко душевным. Уильям Лоуренс смотрел себе под ноги, не в состоянии произнести ни слова. Только Роскоу нашел смелость продолжить разговор.

— Мистер Хэвит, — сказал он, — насколько я помню себя, капитан «Надежды Человечества» всегда имел несколько жен. Но вы, как я понимаю, собираетесь ограничиться только одной?

Хэвит внимательно оглядел присутствующих в зале. Каждый из них замер в ожидании дальнейших событий. Хэвит почувствовал, что часть их, наиболее глупых, пыталась убедить себя и окружающих в том, что у мужчины может быть больше одной жены. Возможно, часть из них мечтала о своей гегемонии на борту «Надежды Человечества».

— Роскоу! — вмешался Лоуренс. — Чем ты слушал? Капитан Хэвит ясно сказал: одна жена!

Он протянул Хэвиту руку:

— Вы — наш. Мы полностью доверяем вам!

Ответом ему были продолжительные овации.

Никто не услышал, как Лоуренс добавил вполголоса:

— Поздравляю, сэр! Вы прошли испытание.

Восемь лет спустя

Ученым «Надежды Человечества» потребовался не один год упорного труда для того, чтобы разобраться в открытом Роджером Стрейнжбери феномене «эластичного пространства-времени».

Теория была проверена на практике, ее основные принципы установлены и проанализированы. Фактически это означало, что «Надежда Человечества» получила доступ в иную вселенную, вневременную вселенную сверхсветовых скоростей.

Хотя на борту прошло свыше четырехсот недель, когда два корабля, огромный звездолет и небольшой патрульный эсминец, вышли на околоземную орбиту, с того момента, как на этом же эсминце ее покинул Роджер Стрейнжбери с сообщниками, прошло всего одиннадцать дней.

Еще месяц потребовался для того, чтобы организовать совместное совещание глав земных правительств, и в первую очередь правительств Запада, России и Азиатского блока.

На этом совещании к лидерам Земли с совместным сообщением обратились Питер Линден и Эвирайл Хэвит.

Ученые прежде всего дали научную информацию о результатах экспедиции. Потрясающую информацию, в которой содержался смертный приговор планете Земля...

— ... «Надежда Человечества» проникла в будущее Солнечной системы и кратковременно наблюдала некоторые характеристики нашего светила, определенно позволяющие отнести Солнце к цефеидам, — сообщил Линден.

В подтверждение ими были показаны видеозаписи тех будущих событий: внезапная вспышка, мощное тепловое излучение, достигшее поверхности Земли.

Ученые подробно объяснили, что ими демонстрируются некоторые из реальных событий будущего. Они проникли туда в результате полета корабля и исходя из условий изменения основных свойств материи при сверхсветовых скоростях. Движение со скоростями большими, чем скорость света, в течение многих световых лет — именно это стало условием, приведшим к наблюдаемым эффектам «пространство-время». Что-то подобное — пульсация в космическом

пространстве — кратковременно наблюдалось в Солнечной системе.

Путешествие быстрее скорости света позволило бы пройти сквозь Солнце где-то за четыре секунды и преодолеть девяносто три миллиона миль от Солнца к Земле за шесть с половиной минут.

— Солнце вспыхнет! — заявил Линден, огласив приговор.

И тут же последовало помилование.

— Но все планеты, кроме Меркурия, останутся на своих орбитах. И у нас есть возможность создать энергетический щит из смещенного пространства, который позволит почти в тысячу раз уменьшить излучение. Просто на этот период время на Земле существенно ускорится, и поскольку для Солнца течение времени останется прежним, интенсивность его излучения упадет пропорционально коэффициенту ускорения времени. Мы выживем!

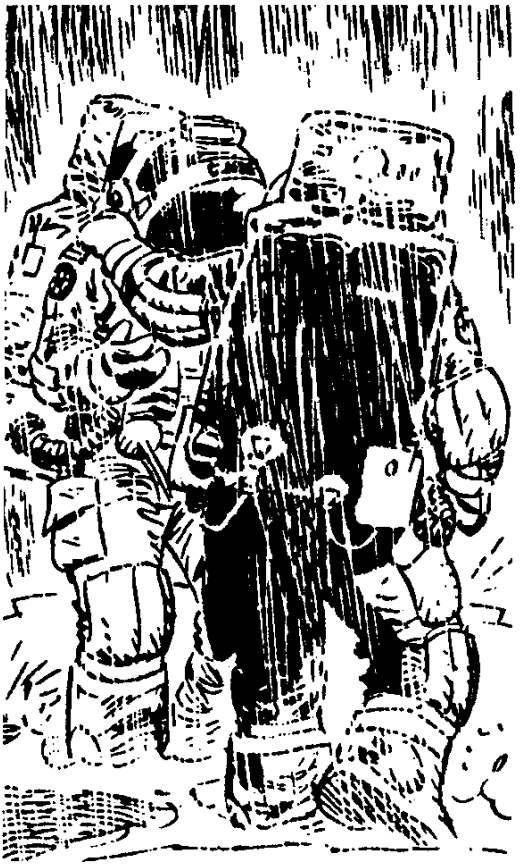
Когда сообщение Питера Линдена по видео- и радиопрограммам было закончено, Хэвит добавил:

— А у меня есть более приятные новости. За время нашего путешествия со скоростью, превышающей скорость света, «Надежда Человечества» посетила несколько звездных систем.

Нами обнаружены три планеты, пригодные для проживания людей. Многие из колонистов уже остались там.

И кстати, — добавил он, — моя жена Руфь и четверо наших детей остались на одной из тех планет. Теперь наш дом — там. И поэтому мне бы хотелось не откладывая обсудить некоторые аспекты взаимодействия доминиона Земля и его колоний...

Позднее эти слова были включены в учебники истории, поскольку именно они ознаменовали окончание истории человечества Земли и возвестили о начале истории человечества галактики.



Рейд к звездам

ПРОЛОГ

Неизвестный корабль уже обозначился яркой точкой на экране, когда это еще только доходило до сознания наблюдателя. Страж побелевшими пальцами впился в подлокотники кресла. Почему не отреагировала система оповещения станции? Зато системы корабля, судя по всему, работали исправно, поскольку светящаяся точка, описав широкую дугу, медленно двигалась обратно, к станции метеоритного наблюдения. Вне всякого сомнения — в поисках небольшого объекта, который вызвал помехи на его следящих экранах. Спустя несколько минут корабль оказался в пределах видимости — грозная тень в тусклом свете далекой желто-белой звезды. Чудовище из бездны космоса, посланец грозной легендарной цивилизации, линкор Земли. Пророчества предсказывали этот страшный день, и вот он настал.

Страж Джиссер знал, что ему следует предпринять. Твердой походкой он приблизился к стене и набрал комбинацию цифр на замке сейфа. Металлическая дверь бесшумно отодвинулась в сторону, явив его взгляду содержимое неглубокой ниши. Толстый том старинной инструкции, где

на одной из страниц неизвестный составитель четко изложил порядок действий, втайне надеясь, что эти сведения не понадобятся никому и никогда.

Итак, предупреждение, которого с тревогой ждали столько столетий, послано в Штаб. Теперь необходимо уничтожить следы своего присутствия здесь. Обошлось без взрыва, генераторы в течение нескольких секунд разложили здание метеостанции на составные элементы.

Глория Лор, Главный капитан «Звездного Роя», не принимала участия в экспедиции, высадившейся на астероид. Она наблюдала за происходящим, удобно устроившись рядом с пультом капитанского мостика. Сменявшиеся кадры демонстрировали ей типично-унылый пейзаж — серые камни на фоне черного неба; вдруг внимание Глории привлекло странное сооружение из блестящего пластика. Тонкие пальцы легко пробежались по клавишам пульта, настраивая изображение. Камера проникла внутрь небольшой постройки сферической формы. Увидев на экране распластавшуюся на полу фигуру человека в комнате, обстановка которой напоминала примитивную метеостанцию, Главный капитан не смогла сдержать радостный возглас. Удача!

Десять лет в космосе; дни, похожие друг на друга, как бусины ее четок... И вот, наконец, открытие! Наверняка, станция обеспечивала информацией межзвездные путешествия; а участники их — люди — могли происходить только с Земли. Причина их появления здесь очевидна: старая земная экспедиция. Кстати, ограниченная популяция, заселившая много планет, не может быть многочисленной...

Она вызвала силовой отсек.

— Ваша молниеносная операция по заключению астероида в охранный энергетический кокон, капитан Глон, достойна всяческих похвал и будет вознаграждена.

Человек на экране склонил голову, показав идеальный пробор.

— Спасибо. Кажется, нам удалось сохранить атомные составляющие всей станции. К сожалению, интерференция энергии ее реакторов не позволила получить достаточно четкое изображение.

— Нам хватит человека, а остальное — не очень важно.

Все еще продолжая улыбаться, Глория закончила сеанс связи и вновь принялась изучать интерьер станции, застывшей в энергетическом

коконе. Ее внимание привлекла карта на стене. Эти яркие пятна — одно из них закрывало более чем обширную зону. Похоже на обозначение бури... Опасно развивать полную скорость, пока не станет известной ее точная локализация.

Не меньший интерес вызвал и молодой человек, лежавший на полу. Он был удивительно хорош собой — смелой красотой дикаря. Но, прежде всего, оператор станции мог послужить источником информации, без которой на преодоление коротких расстояний внутри шарового скопления можно потратить целые десятилетия. Отсутствие точного прогноза метеоритной погоды чревато тем, что корабль не в состоянии будет не только разогнаться, но даже сохранить достигнутую скорость.

Переключившись на внешний обзор, она увидела, что все покидают астероид. Глория коснулась нескольких кнопок и, оказавшись в трансмиттере, секунду спустя вышла из приемной камеры в полумиле от капитанского мостика. Вахтенный офицер приблизился к ней и отдал честь.

— Я только что получил снимки, — мрачным тоном доложил он. — Карта повреждена энергетическим туманом. Не повезло. Думаю, следует начать с нее — точнее, со здания, включая все его

содержимое, оставив человека напоследок.

Бросив на женщину озабоченный взгляд, он скороговоркой продолжил:

— Его восстановление теоретически сложнее, но практически ничем не отличается от вашего перехода через трансмиттер из рубки сюда. В обоих случаях сначала происходит разложение на элементы, затем — воссоздание исходной структуры.

— Почему тогда не начать с человека?

— На то есть чисто технические причины. Неодушевленные предметы отличаются большей сложностью, тогда как органическая материя — не больше чем общедоступные углеводороды.

— Хорошо, — кивнула она, хотя и не была уверена, что карта важнее создавшего ее человека. — Но если можно получить и то, и другое... Продолжайте.

Глория внимательно следила за тем, как внутри просторной камеры возникает силуэт здания. Скользя на антигравитационных носителях, оно наконец утвердилось посреди огромной металлической палубы. Из кабины управления вышел оператор и проводил Главного капитана вместе с десятком подоспевших специалистов внутрь восстановленной метеостанции, по пути обращая

их внимание на несовершенства конструкции. Лекция продолжилась в зале станции.

— На карте отмечено всего двадцать семь солнц. Невероятно мало, даже если эти люди заселили только небольшой район пространства. Кроме того, взгляните, сколько здесь бурь, даже далеко за пределами... — Он замолчал, уставившись в темный угол, в двадцати футах за аппаратурой.

Глория проследила за его взглядом: там лежал человек. Скорчившееся тело сотрясала дрожь.

— Мне казалось, — холодно заметила она, — что человеком решили заняться потом.

— Видимо, ассистент плохо меня понял. Это...

— Неважно, — нетерпеливый жест Главного капитана прервал объяснения. — Отправьте его в Психологический Центр и скажите лейтенанту Неслор, что я вскоре там буду.

— Есть.

— Подождите. Пригласите сюда старшего метеоролога. Я хочу, чтобы он взглянул на эту карту и высказал свое мнение. — Она обнажила в улыбке ровные белые зубы. — После долгих десяти лет наконец что-то начало происходить. Если так пойдет и дальше, мы в два счета закончим эту игру в прятки.

Как ни странно, Страж понял, почему он жив,

еще до того, как пришел в себя. Он ощутил пробуждение сознания и начал гимнастику на напряжение и расслабление — как всегда перед подъемом. Во время привычно ритмичного цикла страшное подозрение словно обожгло выстрелом в спину. «Приходит в себя? Он?» Мозг едва не взорвался от пережитого шока — так вот что с ним произошло! Через мгновение Страж уже был спокоен; он погрузился в размышления — правда, это не мешало ему разглядывать молодую темноволосую женщину, сидевшую в кресле возле его постели.

Комбинезон синего цвета из плотного материала, по виду напоминавшего кожу какого-то экзотического животного, подчеркивал статную фигуру. Овальное лицо с утонченными чертами было отмечено печатью высокомерия, обычно не свойственного столь юным особам. Женщина изучающе смотрела на него серыми блестящими глазами. Под упорным взглядом в голове Стража воцарилась пустота. Наконец мысли вернулись. «Они запрограммировали меня для спокойного пробуждения. Что еще они сделали, о чем узнали?» Череп вот-вот треснет... «Что еще им стало известно?»

Он видел, что женщина улыбается — так,

словно его состояние забавляет ее. Это почему-то подействовало отрезвляюще. И Страж уже чувствовал себя вполне уверенно, когда она произнесла тихим голосом:

— Не бойтесь. То есть не бойтесь так сильно. Как вас зовут?

Страж открыл было рот, но тут же плотно сомкнул губы и отрицательно покачал головой. Ему неудержимо хотелось объяснить ей, что ответ даже на один вопрос сломал бы оковы деллианской психической инерции и привел бы к разглашению всей тайны. Но такая информация тоже грозила поражением. Он пересилил себя и вновь покачал головой.

Женщина сдвинула тонкие, точно нарисованные брови.

— Не хотите ответить на столь невинный вопрос? Ведь это ничем не грозит.

«Сначала имя, потом — с какой он планеты; где она находится относительно звезды Джиссер; какова метеообстановка на трассе... И так далее. Чем дольше я буду отказывать людям в необходимой им информации, тем больше времени получат Пятьдесят Солнц для организации отпора самой страшной машине, которая когда-либо появлялась в этом районе космоса.. Мысли Стра-

жа путались. Взгляд женщины, наблюдавшей за ним, обрел прозрачность и холод льда.

— Кто бы вы ни были, знайте, что находитесь на борту линкора «Звездный Рой»; Главный капитан Лор, к вашим услугам. Знайте также, что мы безоговорочно требуем сообщить орбиту, которая приведет наш корабль к вашей главной планете. — В дрожащем от напряжения голосе звучал металл. — Наверняка вам известно: Земля не признает независимых правительств. Космос неделим. Во Вселенной нет места для сепаратизма. Так гласит закон. Те, кто не соблюдает его, являются преступниками и несут наказание, меру которого определяет особый суд. Отнеситесь к этому как к предостережению. — Госпожа Лор отвернулась. — Лейтенант Неслор, — теперь она обращалась к противоположной стене, — вы можете продолжать?

— Да, капитан, — ответил спокойный, чуть хрипловатый женский голос. — Я приняла за основу проведенные Мьюир-Грейсоном исследования психики обитателей колоний, долго остававшихся вне главного пути развития Галактики. История не знает прецедента изоляции, какая имела место здесь, поэтому я считаю, что они уже миновали этап статичности и достигли

некоторого прогресса. Думаю, нам все же следует начать с простого. Несколько принудительных ответов откроют его сознание для дальнейшего давления; заодно мы сможем определить, как быстро растет его сопротивление давлению брейнскопа. Разрешите приступить?

Женщина в кресле кивнула. Из стены ударил луч света. Страж попытался уклониться и только тут впервые обнаружил, что некая сила приковывает его к постели — не веревки или цепи, но нечто невидимое, крепкое, словно сталь, и эластичное, как резина.

Прежде чем он успел что-либо сообразить, свет ударил ему в глаза и словно пронзил черепную коробку. Казалось, вместе с потоком света в мозг ворвался визгливый хор голосов, перебивающих друг друга, твердящих на все лады: «Такой простой вопрос. Конечно, я отвечу... конечно, конечно, конечно... Меня зовут Страж Джиссер. Я родом с планеты Кайдер. Третий, из семьи деллиан. Мы заселили семьдесят планет вокруг Пятидесяти Солнц, население тридцать миллиардов, четыреста крупных бурь, самые грозные на широте четыреста семьдесят три. Правительство расположено на Кассидоре Семь, чудесной планете...»

Ужаснувшись тому, что делает, Страж стянул обезумевшие мысли в узел, прерывая поток губительных слов. Больше никогда не даст застать себя врасплох, но... поздно, слишком поздно!

Однако Глория Лор вовсе не была в этом уверена. Стремительно поднявшись с кресла и напоследок окинув Стража беглым взглядом, она направилась в соседнюю комнату.

За просторным столом расположилась лейтенант Неслор, немолодая женщина с мягкими округлыми чертами лица, о таких говорят — «с располагающей внешностью». Не отрывая взгляда от экрана с многочисленными таблицами, она удивленно сказала:

— Госпожа Лор, к моменту остановки регистрации его сопротивление стало эквивалентным ай-кью («IQ», англ. — коэффициент интеллектуальности, условная мера умственного развития, получаемая на основе системы тестов. — Прим. перев.), равному восьмистам. Однако это совершенно невозможно, поскольку он начал говорить в точке давления, эквивалентной айкью, равному ста шестидесяти семи — что, кстати, соответствует его типу и, как вам известно, является средним значением. Здесь явно какой-то метод тренинга. Думаю, причина в его, как он сам

про себя сказал, деллианском происхождении. Интенсивность подскочила, когда он произносил эти слова. Полагаю, нельзя игнорировать данный факт.

Главный капитан кивнула.

— Докладывайте по мере развития ситуации.

По пути к трансмиттеру Глория заглянула в штурманскую рубку, чтобы проверить местонахождение корабля. Сравнивая показания приборов, она ощутила холодок тревожного предчувствия. «Мы топчемся на месте. Возможно ли, чтобы один человек задержал корабль, способный завоевать целую галактику?» Но эту мысль госпожа Лор предпочла не высказывать вслух дежурному офицеру.

Старший метеоролог корабля, капитан Кэннонс, поднялся с кресла навстречу Глории. Она, неслышно ступая, пересекала просторный зал трансмиттерного приемника, посреди которого возвышалась метеостанция Пятидесяти Солнц. «До чего он стар, — невольно пришло ей в голову. — В этих людях, наблюдающих великие космические бури, пульс жизни бьется медленнее. Должно быть, они ощущают эфемерность всего сущего и бесконечность времени. Бурям нужен век, а то и больше, чтобы достичь всей полноты

своей мощи. А люди — те, кто систематизирует эти бури, заносит их в каталоги, наверное, со временем обретают черты некоего духовного родства с предметом своих исследований».

Капитан поклонился ей и негромко произнес:

— Честь имею приветствовать Главного капитана Глорию Лор.

Она кивнула в ответ и, жестом пригласив к столу, развернула принесенную карту. Метеоролог, сдвинув брови, внимательно выслушал обстоятельный рассказ, потом произнес спокойным тоном:

— Широта, которую он указал для шторма, не имеет ни малейшего значения. Эти существа разработали для Большого Магелланова Облака систему координат, не привязанную к полюсам. Видимо, они приняли за центр одно из солнц, а затем, опираясь на него, создали свою пространственную географию. Она для нас совершенно неприменима.

— Почему?

Глория перехватила удивленный взгляд его задумчивых глаз.

— Скажите, каково ваше мнение об этой карте? — спросил он.

Главный капитан молчала, ей вовсе не хотелось

компрометировать себя перед специалистом. Потом недовольным тоном начала:

— Я полагаюсь на свои ощущения не меньше, чем на ваши знания. Пусть они создали собственную систему координат — мы должны сделать все, чтобы подобрать к ней ключ. С моей точки зрения, главная проблема сводится к выбору направления, в котором нам следует двинуться из окрестностей этой метеостанции, — продолжала она более уверенно. — Неверный выбор чреват досадной задержкой; но главное, из-за чего мы не можем точно проложить курс, — это, конечно же, бури.

Закончив, она вопросительно посмотрела на него. Старик печально покачал головой.

— Боюсь, все не так просто. Эти светлые точки, изображающие звезды, кажутся размером с горошину только благодаря преломлению света, но если взглянуть в микроскоп, видно, что диаметр их составляет всего несколько молекул. Если так выражается их пропорциональность относительно массы остальных звезд...

Госпожа Лор давно научилась управлять своими чувствами даже в самых трудных ситуациях. Вот и теперь она сумела сохранить спокойный, холодный, задумчивый вид. Наконец затянувше-

еся молчание было прервано.

— Вы полагаете, что каждая из этих звезд, их солнц, затеряна среди тысяч других?

— Хуже того. Я хочу сказать, что они заселили только одну систему из десяти тысяч. Нам все время нужно помнить, что Большое Магелланово Облако — это мир пятидесяти с лишним миллионов солнц... Мир, переполненный светом, — спокойно заключил капитан Кэннонс. — Если хотите, по моим рекомендациям штурман проложит петляющий курс, который позволит с максимальной скоростью десять световых дней в минуту осмотреть все ближайшие звезды. Мы можем попытать счастья.

— Не говорите глупостей. Мне совершенно случайно известно, какова связь между законом больших чисел и десятью тысячами. Нам пришлось бы посетить не меньше двух с половиной тысяч солнц, если повезет, и от тридцати пяти до пятидесяти тысяч, если нет. — Усмешка скривила тонкие губы. — Незачем терять пятьсот лет на поиски иглы в стоге сена. Я верю в психологию больше, чем в удачу. У нас есть человек, умеющий читать эту карту, и, в конце концов, он заговорит.

Она стремительной походкой направилась к

выходу, но какая-то мысль заставила ее обернуться на пороге.

— А что вы думаете о самом здании? Его конструкция вам что-нибудь напоминает?

Он кивнул.

— Тип, использовавшийся по всей галактике около пятнадцати тысяч лет назад.

— Имеются хоть какие-нибудь усовершенствования, изменения?

— Никаких, насколько я понимаю. Один наблюдатель делает все. Просто, примитивно.

Глория стояла в задумчивости, чуть вытянув шею, словно пыталась разглядеть нечто сквозь туман.

— Странно. За пятнадцать тысяч лет они могли бы хоть что-нибудь придумать.

Когда три часа спустя Главный капитан читала текущие рапорты, дважды прозвенел негромкий сигнал. Два сообщения... Первое было из Психологического Центра и содержало единственный вопрос: «Можно ли разрушать психику пленника»?

— Нет! — последовал короткий ответ.

Второе заставило ее бросить взгляд на экран орбитографа, испещренный символами: негодный старик по-прежнему предлагал изменить

курс. Усмехнувшись, Глория подошла ближе и долго изучала светящиеся кривые; потом отдала приказ включить главные двигатели. Что ж, гоняться за двумя зайцами — обычное дело.

В первый день она смотрела вниз на внешнюю планету бело-голубого солнца. Мир первозданных гор и долин, не тронутых дыханием жизни, плыл в темноте под кораблем — лишенная атмосферы масса камня, однообразная, как астероид. Только камень, бесконечный камень; никакого движения или хотя бы его следов.

Следующие три планеты; одна из них — теплый зеленеющий мир, где девственные леса волновались под порывами ветра, а равнины кишели зверьем. Однако не было видно никаких следов присутствия человека.

— На какую глубину проникает ваше излучение? — мрачно поинтересовалась Главный капитан у вахтенного.

— Сто футов.

— Существуют ли какие-нибудь металлы, имитирующие сто футов грунта?

— Несколько, капитан.

Разочарованная, она выключила коммуникатор. Из Психологического Центра в тот день сообщений не поступало.

На второй день ее нетерпеливому взгляду явилось гигантское красное солнце. Вокруг своего массивного родителя кружили по огромным орбитам девяносто четыре планеты. Две оказались обитаемы, но тоже изобиловали пустынями, а их животный мир был характерен для планет, не тронутых цивилизацией.

— Количество животных соответствует средней величине для миров, не заселенных разумными существами, — доложил старший офицер зоологической службы.

— А вам не приходило в голову, что это может объясняться продуманной политикой охраны животных и запрещением обрабатывать землю даже для собственного удовольствия? — съязвила Глория.

Ответа не последовало, впрочем, она его и не ждала.

Третье солнце находилось дальше. Главный капитан приказала увеличить скорость до двадцати световых дней в минуту. Началась вибрация металла; правда, это было вызвано небольшой бурей, которая краем задела «Звездный Рой».

— До меня дошли слухи о начавшихся разговорах, — госпожа Лор обращалась к тридцати капитанам, собравшимся на совет. Незаметно для

окружающих она нащупала в кармане комбинезона сердоликовые четки, с которыми никогда не расставалась. Быстро перебрав с десяток бусин, Глория продолжила: — Нам якобы следует вернуться на Землю и просить направить сюда новую экспедицию — чтобы она нашла этих затаившихся мошенников. Один из жалких голосов, о котором мне сообщили, напоминал, что мы совершили открытие по дороге домой и после десяти лет, проведенных в Облаке, имеем право на отдых. — Ее серые глаза сверкали, голос был холоден. — Смею вас заверить, что отнюдь не вдохновителям этих разглагольствований предстоит докладывать о неудаче Правительству. И потому заявляю упавшим духом и тоскующим по дому: если потребуется, мы останемся здесь еще на десять лет. Передайте офицерам и команде. У меня все.

Гнетущая тишина повисла в зале заседаний совета. Впрочем, иной реакции Главный капитан не ожидала — молчаливое несогласие и беспрекословное подчинение!

Вернувшись на мостик, она вновь не нашла сообщения из Психологического Центра. Досада и нетерпение еще не остыли, когда изящные пальцы сбивчиво набирали код, однако появившееся

на экране спокойное лицо лейтенанта Неслор вернуло Глории утраченное равновесие.

— Что происходит, лейтенант? — спросила она. — Вы же знаете, как я жду дальнейшей информации от пленника.

Психолог покачала головой.

— Докладывать пока нечего.

— Нечего? — Главный капитан не скрывала своего изумления.

— Я дважды просила разрешения разрушить его психику, — последовал ответ. — Надеюсь, вам понятно, что я не предлагала бы этого без достаточных оснований.

Разумеется, она знала, но общественное мнение, необходимость отчитываться за каждый акт насилия над личностью...

Прежде чем Глория успела сказать хоть слово, психолог заговорила вновь:

— Я неоднократно воздействовала на него во сне, акцентируя на бессмысленность сопротивления Земле, так как рано или поздно их планеты будут обнаружены, но это лишь убедило пленника, что прежние признания ничего не дали нам.

— Вы в самом деле считаете, что крайняя мера неизбежна, лейтенант?

— Сопротивление, эквивалентное ай-кью, рав-

ному восьмистам, когда мозг обладает ай-кью, равным ста шестидесяти семи, — такое впервые в моей практике.

— Я не могу этого понять, — Глория недовольно хмурилась, — хотя чувствую, что мы упустили что-то очень важное. Итак: мы натыкаемся на метеостанцию в системе пятидесяти миллионов солнц, и ее сотрудник, вопреки всем законам самосохранения, немедленно лишает себя жизни, чтобы не попасть в наши руки. Сама станция не что иное, как галактическая развалина, превратившаяся за пятнадцать тысяч лет в музейный экспонат; ведь и такой огромный промежуток времени, и разум, с которым мы столкнулись, — все указывает на то, что изменения должны быть. Имя этого человека — Страж — типично для древнего, бытовавшего еще до космической эры, земного обычая давать имена по профессии. Не исключено, что даже наблюдение за этим солнцем передается в его семье от отца к сыну. Есть в этом нечто... нечто... — Она осеклась на полуслове и нахмурилась. — Что? Что вы предлагаете?

Обдумывание заняло долгую минуту.

— Хорошо, поместите его в одну из спален на капитанском мостике. Но о том, чтобы загримировать под меня одну из наших амазонок... Я сама

сделаю все, что нужно. До завтра.

Главный капитан вызвала на экран изображение пленника. Страж лежал в постели — неподвижно, с закрытыми глазами, но лицо выдавало необычайное внутреннее напряжение.

Психолог, расположившаяся в кресле рядом с ней, тихо, но внятно объясняла:

— Он полон подозрений, и, вероятно, это состояние сохранится до тех пор, пока вы хотя бы немного не успокоите его. Главные его реакции все отчетливей концентрируются на одной цели: уничтожить корабль, и поэтому он должен действовать решительно, не опасаясь рисковать. Последние десять часов я самым деликатным образом формировала его будущее сопротивление нам. Сейчас вы увидите!

Страж сел на кровати, затем с усилием опустил на пол ноги и встал. Движения его были исполнены необыкновенной силы. Мгновение он медлил — гигант в серой пижаме — явно обдумывая свой первый шаг; потом, быстро взглянув на дверь, направился к столу, выдвинул первый ящик, после чего принялся выдвигать их по очереди, без малейшего усилия выламывая замки.

Обе женщины затаили дыхание.

— Боже мой! — прошептала наконец психолог.

— Не спрашивайте меня, как он это делает. Должно быть, сила является одной из составляющих его деллианского воспитания. Госпожа капитан... — В ее голосе звучала озабоченность.

Глория пристально смотрела на Неслор.

— Да?

— Стоит ли в данных обстоятельствах самой играть роль укротителя? Он так силен, что без труда разорвет на куски любого человека...

Взволнованный монолог был прерван властным жестом.

— Я не могу позволить, чтобы какой-нибудь дурень все испортил. Скажите, когда мне следует войти.

Стоя на пороге приборного отсека, Страж чувствовал внутренний холод и напряжение. Он окинул взглядом огромное полусферическое помещение. Неужели свобода?

«Разумеется, освобождение преследует какую-то цель, но... На Земле наверняка давно забыли о великом Джозефе Делле. Смерть, смерть им всем, пусть она будет для них такой, какая сопровождала их когда-то и может прийти с ними вновь!»

Обследуя пульт, Страж краем глаза заметил женщину, вышедшую из ближней стены. Присмотревшись, он со свирепой радостью узнал

ее: командир! Конечно, под прикрытием излучателей, но откуда им знать, что все это время он лихорадочно гадал, как заставить землян пустить в ход оружие. Сам факт его освобождения указывал на психологическую ловушку.

Прежде чем Страж успел что-либо сказать, она с улыбкой произнесла:

— Разумеется, я не должна бы позволять изучать эти приборы. Но мы решили дать вам возможность свободно перемещаться на корабле, встречаться с членами экипажа... Мы хотим убедить вас, что...

Его ненависть была столь сильна, что женщина ощутила ее. Она запнулась, с нескрываемым раздражением передернула плечами, вновь улыбнулась — уже гораздо холоднее — и продолжала настойчивым тоном:

— Нам нужно, чтобы вы поверили — мы не несем зла вашим соплеменникам. Вы должны понять, что теперь, когда ваше существование перестало быть тайной, найти ваши планеты — только вопрос времени. Земля не жестока и меньше всего стремится к власти. Ей нужен минимум честного сотрудничества, да и то лишь во имя всеобщего единства, неделимости космоса. Должно также существовать общее для

всех законодательство. Кроме того, абсолютно запрещены любые войны. А дальше — каждая планета или их союз могут иметь собственные формы правления, торговать с кем угодно и жить по-своему. Думаю, в этом нет ничего настолько страшного, чтобы объяснить ваше самоубийство после обнаружения станции.

«Сначала я разобью ей голову. Лучше всего схватить ее за ноги и ударить о металл переборки или палубы. Это, во-первых, послужит предостережением остальным офицерам корабля, а во-вторых, вызовет смертоносный залп ее охраны. Они слишком поздно поймут, что только огонь может меня задержать».

Он шагнул к ней и начал незаметно напрягать мышцы — действие, необходимое деллианскому телу для реализации его возможностей.

— Вы проговорились, что ваш народ заселил пятьдесят планет. Почему только пятьдесят? За двенадцать тысяч лет, если не больше, ваша популяция могла вырасти до двенадцати триллионов, — продолжала Главный капитан.

Страж сделал еще один шаг. Следовало что-то ответить, если в эти решающие секунды он не хочет навлечь на себя подозрений.

— Почти две трети наших браков бездетны,

— сказал он. — Так уж неудачно сложилось — мы разделены на два вида, и хотя межвидовые браки довольно обычны...

Страж был почти у цели; голос женщины гремел у него в ушах:

— Вы хотите сказать, что возникла мутация?

Вопрос остался без ответа. До женщины оставалось десять футов, и, подобно зверю, Страж метнулся через разделяющее их пространство. Огненный луч пронзил его тело, но не убил, а только вызвал сильное головокружение и свинцовую тяжесть. Он услышал ее крик:

— Лейтенант Неслор, остановитесь!

Пальцы Стража вцепились в руку женщины выше локтя. Второй залп отозвался невыносимой болью в груди, рот заполнила кровавая пена. Страж невольно ослабил хватку, и рука женщины выскользнула из его пальцев. Как же хотелось забрать ее с собой в разверзнувшуюся перед ним бездну! Откуда-то издалека донеслось:

— Лейтенант, вы сошли с ума? Прекратите огонь!

Огненный луч обжег его в третий раз. «Слишком поздно, слишком поздно, дурачье! Наши получили предупреждение и время, чтобы укрыться. Пятьдесят Солнц рассыпаны, рассеяны

среди миллионов звезд, среди...» Смерть оборвала его мысли.

Глория с трудом поднялась, покачиваясь от внезапно навалившейся на нее усталости. Словно сквозь туман она видела, как лейтенант Неслор вышла из трансмиттера, на мгновение склонилась над телом Стража, потом бросилась к ней.

— Вы целы? Так трудно стрелять через экран наблюдения, а...

— Сумасшедшая! — Главный капитан обрела голос. — Что вы наделали! Теперь тело невозможно восстановить снова — огонь разрушил жизненно важные органы. Все кончено. Нам придется вернуться домой без...

Она замолчала, заметив, что психолог изумленно смотрит на нее.

— Его агрессивные цели не вызывали сомнения, все происходило слишком быстро, и я не успевала управлять им. — Лейтенант Неслор сделала паузу, затем продолжила: — Его поведение вообще не укладывалось в рамки человеческой психики. Не знаю, почему-то я вспомнила о Джозефе Делле и о том, как пятнадцать тысяч лет назад на Земле расправились с его сверхлюдьми, или роботами, так их еще называли. Очевидно, некоторым удалось скрыться и основать циви-

лизацию в этом уголке космоса. Скорее всего, мы имели дело именно с таким деллианским роботом.

1

Тысячи лет с момента миграции браки деллиан с нон-деллианами были бесплодными. Наконец, благодаря достижениям генетиков рождение детей стало возможным. Появился мезоделлианин — человек, обладавший способностью мыслить как две талантливые личности, наделенный деллианской физической силой и нон-деллианскими творческими способностями. При хорошей координации двойной разум мезоделлианина может подчинить себе любое человеческое существо с унитарным сознанием.

(Отрывок из интервью Ральфа Ханс тона радиостанции «Тайное собрание»)

Мне, капитану космического флота Пятидесяти Солнц, нелегко одновременно следовать наследному праву — выступать в роли руководителя мезоделлиан. Двадцать лет назад мои соплеменники попытались захватить власть над Пятьюдесятью Солнцами. Попытка кончилась полным провалом. Деллианский патруль доставил в штаб флота маленького мальчика, найденного среди развалин Талетгеры — по-

следней цитадели мезоделлиан. Отчего бы не решиться на эксперимент: привить мезоделлианину лояльность по отношению к Пятидесяти Солнцам? Однако мои учителя даже не подозревали, что в руках у них — наследный правитель мезоделлиан.

(«Послание самому себе» Питера Мэлтби)

Неожиданно раздавшийся громкий мужской голос заглушил гомон толпы, ненавязчивое гудение аэрокаров. Работали громкоговорители системы общей тревоги:

— Внимание, граждане планет Пятидесяти Солнц! Говорит земной линкор «Звездный Рой». К вам обращается его Главный капитан госпожа Глория Лор.

Направлявшийся к стоянке аэрокаров Питер Мэлтби остановился, едва заслышав первые слова. Он заметил, что остальные пешеходы тоже замерли на месте.

Мэлтби впервые оказался на Ланте. Столица планеты — с ее двух-трехэтажными домами, окруженными невысокими деревьями, неспешная толпа на узких улицах — показалась ему провинциальной, особенно после густонаселенного Кассидора, где располагалась главная база Космического флота Пятидесяти Солнц. Корабль

Питера приземлился накануне, выполняя отданный всему военному флоту приказ — немедленно рассредоточиться по ближайшим населенным планетам. В офицерской столовой при обсуждении этого, явно отдававшего паникой, приказа речь шла о появлении земного звездолета.

Над притихшими улицами раздался чистый уверенный голос молодой женщины:

— Жители Пятидесяти Солнц, мы знаем, что вы слышите нас. На протяжении нескольких лет мой корабль «Звездный Рой» картографировал Большое Магелланово Облако. Случайно наткнувшись на одну из ваших станций метеоритного наблюдения, нами был захвачен дежурный. Он покончил с собой, но мы успели узнать от него, что где-то в этом скоплении среди сотни миллионов звезд находятся пятьдесят населенных планетных систем. Нам известно, что ваше общество состоит из деллианских роботов и людей, нон-деллиан. Хотя деллианские роботы — тоже существа из плоти и крови. В исторических хрониках рассказывается о бессмысленных репрессиях против деллиан, имевших место пятнадцать тысяч лет назад. Ваши предки покинули родную Галактику, чтобы искать убежище вдали от земной цивилизации. Пятнадцать тысяч

лет — это большой промежуток времени. Люди изменились. То, что испытали ваши предки, повториться не может. Я говорю это с целью успокоить вас. Вы должны вернуться в человеческое сообщество, присоединиться к галактическому содружеству, подчиниться всеобщим законам и открыть космические порты для торговых кораблей союза. Зная, что у вас есть особые причины скрываться от нас, я предоставляю вам звездную неделю, по истечении которой вы обязаны указать местоположение своих планет. Сейчас мы ничего не станем предпринимать, но если через звездную неделю контакт не будет установлен, то за каждый звездный день промедления вы понесете наказание. В одном вы можете быть уверены: мы найдем вас, какой бы невыполнимой ни казалась задача.

— Всего один корабль. — Пожилой тучный мужчина, стоявший рядом с Питером, вопросительно смотрел на него. — Чего нам бояться? Уничтожить его, прежде чем он вернется назад и сообщит о нас.

В разговор вмешалась женщина средних лет. К широкому вороту ее платья был приколот кроваво-красный цветок, который повторял своим цветом вытатуированное солнце у нее на лбу.

— Может, это только блеф? — В голосе ее звучало сомнение. — Неужели земляне действительно смогут нас найти?

— Вздор, — буркнул еще один мужчина, судя по осанке, имевший отношение к армии. — Старая проблема иглы в стоге сена, только еще более трудная.

Мэлтби молчал, хотя склонялся к тому же мнению.

Стихийно возникшее обсуждение прервал вновь раздавшийся голос Главного капитана:

— На тот случай, если ваши меры времени расходятся с нашими, объясняю, что звездный день состоит из двадцати часов по сто минут каждый. В минуте сто секунд, за каждую из которых свет проходит ровно сто тысяч миль. Наш день несколько длиннее, чем по старому стилю: тогда минута состояла из шестидесяти секунд, а свет за секунду преодолевал больше ста восьмидесяти шести тысяч трехсот миль. Итак, время пошло. Ровно через неделю вы снова услышите меня.

Недолгую паузу прервал голос диктора — того самого, что представил женщину:

— Граждане Пятидесяти Солнц, вы слушали запись сообщения, полученного около часа назад. Руководствуясь указаниями Совета Пятидесяти

Солнц, мы предали его гласности, чтобы всесторонне информировать население об опасности. А сейчас возвращайтесь к своим повседневным делам и будьте уверены: правительства сделают все возможное для вашей защиты. Дальнейшую информацию мы станем передавать по мере ее поступления.

Мэлтби жестом подозвал аэрокар. Не успел он опуститься на свободное сиденье, как место рядом с ним заняла какая-то молодая женщина в открытом платье. Питер невольно обратил внимание на ее изысканную прическу: густые синие и красные пряди были схвачены блестящей заколкой. В мозгу родился слабый отклик, словно владевшее женщиной возбуждение коснулось его разума. Зрачки Питера чуть расширились, но больше он ничем не выдал своего состояния.

— Вы слышали сообщение? — спросила она, не глядя в его сторону и делая вид, что больше всего ее занимают складки платья на коленях.

— Да.

— И что вы об этом думаете?

— Их командир производит впечатление весьма самоуверенной особы.

— Обратили внимание — Главный капитан разделила нас на деллианских роботов и нон-

деллиан?

Мэлтби не удивило, что его собеседница тоже это заметила. По той легкости, с какой она вошла в контакт с его разумом, Питер сразу определил — перед ним его соплеменница. Правда, между ними имелась небольшая разница: он обладал законным правом находиться на Ланте и остальных планетах Пятидесяти Солнц, тогда как она, мезоделлианка, таким легальным статусом не обладала. Ей грозили тюрьма или в худшем случае — смерть.

— Мы искали вас, — сказала женщина, осторожно косясь на Питера, — как только в нашей штаб-квартире узнали о корабле землян, то есть уже час. Что, по-вашему, нам следует предпринять?

— По-моему, — Мэлтби говорил медленно, взвешивая каждое слово, — не стоит противопоставлять себя деллианам и нон-деллианам. В конце концов, мы живем рядом.

— Уже пошли разговоры, — женщина отвела взгляд и теперь изучала пейзаж за окном, — о получении неких преимуществ, если мы сообщим землянам координаты одной из планет.

Действительно, сложилась динамичная и богатая возможностями ситуация. Но... «Я до-

гадывался, что по темпераменту не гожусь в интриганы, да и в вожди, пожалуй, тоже», — с горечью подумал Мэлтби. Тем не менее он нашел в себе силы привести мысли в порядок и продолжить дискуссию.

— Если земляне обнаружат нашу цивилизацию и признают ее правительство, ничего не изменится.

Женщина недобро усмехнулась.

— Мы можем поставить в качестве условия признание нашего равноправия. По существу, это все, чего мы хотим.

— Все? — Мэлтби знал, каковы амбиции мезоделлиан, поэтому вряд ли утверждение его собеседницы было искренним. — Насколько я помню, мы начинали войну с другими целями.

— Ну и что? — вызывающе бросила она. — У кого больше прав для доминирующего положения? Физиологически мы стоим выше и деллиан, и нон-деллиан. Возможно, мы — единственная сверхраса в Галактике. — Голос ее прерывался от волнения: — Теперь... возьмем другую, поистине грандиозную возможность... Эти люди с Земли никогда не встречали мезоделлиан. Если достаточное число наших окажется на борту корабля, то, используя преимущество внезапности, мы

сможем добыть новое оружие и победить. Понимаете?

Мэлтби понимал многое, в том числе и то, что легче всего принимать желаемое за действительное. Еще древний земной полководец Юлий Цезарь, рассуждая о легковерии и наивности своих врагов германцев, замечал, что таково свойство человеческой натуры — охотнее всего мы верим тому, во что хотим верить.

— Нас слишком мало, — ответил он. — Восстание против правительства Пятидесяти Солнц провалилось, несмотря на неожиданность и первоначальные успехи. Будь у нас время, мы, может, и добились бы успеха. Но наши притязания превосходят наши возможности.

— Ральф Ханстон считает — сейчас самый подходящий момент для действий.

— Ральф Ханстон? — непроизвольно повысил голос Мэлтби — и осекся.

Рядом с напористым Ханстоном он чувствовал себя бесцветным. На Питере лежала неблагодарная задача: удерживать от необдуманных поступков молодежь. Через своих союзников из числа друзей умершего отца, людей, как правило, умудренных опытом, он мог лишь проповедовать осторожность. Разумеется, это не прибавляло ему

популярности. Ральф Ханстон являлся вторым по значению лидером мезоделлиан. Его призыв «действовать немедленно» импонировал молодым людям, знавшим о катастрофе предыдущего поколения лишь по рассказам. Их лозунгом было: «Тогда ошиблись вожди; мы не ошибемся».

Сам Мэлтби не стремился к власти над народами Пятидесяти Солнц. Все чаще он задавался вопросом, как направить амбиции мезоделлиан на менее воинственный путь. И до сих пор не мог на него ответить.

— Когда обществу угрожает опасность подобного масштаба, необходимо сплотиться, — произнес он медленно, но твердо. — Нравится нам или нет, но мы принадлежим к цивилизации Пятидесяти Солнц. Может, и стоит выдать ее Земле, но подобный вопрос нельзя решить через час после того, как представился удобный случай. Передай Скрытым Городам, что я требую три дня на обсуждение. На четвертый день проведем плебисцит: да или нет. Это все.

Краем глаза Питер заметил, что женщина еле сдерживала гнев.

— Надеюсь, вы не собираетесь пойти против воли большинства? — добавил он мягко.

Совет мезоделлиан, председателем которого он

был, со всеми важными вопросами обращался непосредственно к обществу. Время подтвердило, что плебисциты пробуждают в людях консервативные инстинкты. Те, кто месяцами требовал немедленных действий, становились гораздо осмотрительнее, заполняя бланк бюллетеня. Немало грозных политических бурь утихало накануне голосования.

После продолжительной паузы женщина медленно произнесла:

— За четыре дня какое-нибудь другое сообщество может принять решение выдать местонахождение Пятидесяти Солнц, и мы лишимся преимущества. Ральф Ханстон считает, что в переломный момент правительство должно действовать без промедления. Потом будет достаточно времени, чтобы разобраться, правильное мы приняли решение или нет.

По крайней мере, на это у Мэлтби сразу нашелся достойный ответ:

— Сейчас решается судьба всей цивилизации. Может ли один человек или даже небольшая группа взять на себя ответственность за судьбу нескольких сотен тысяч своих сподвижников, с одной стороны, а с другой — за шестьдесят миллиардов граждан Пятидесяти Солнц? По-моему,

нет. Мне нужно выходить. Желаю удачи!

Питер покинул машину и, не оглядываясь, зашагал по направлению к стальной ограде, окружавшей одну из имевшихся на Ланте небольших баз Вооруженных Сил Пятидесяти Солнц.

Часовой у ворот, хмурясь, проверил его документы.

— Капитан, мне приказано препроводить вас на совещание членов здешнего правительства и представителей военного командования, — официальным тоном заявил он. — Согласны ли вы идти добровольно?

— Разумеется, — с самым беспечным видом ответил Мэлтби.

Минутой позже военный аэрокар уже уносил Мэлтби обратно, по направлению к городу. Однако ситуация отнюдь не была безвыходной: в любой момент, должным образом сконцентрировав усилия своего двойного сознания, Питер мог взять под телепатический контроль и своего охранника, и пилота. Однако пока он решил ничего не предпринимать. Совещание столь высокого ранга не представляло непосредственной угрозы для капитана Питера Мэлтби. Наоборот, оно даже могло послужить источником информации.

Фасад Дома Правительства представлял собой

рад высоких стальных дефлекторов. В запрограммированной последовательности спектра изогнутые листы меняли цвет. Бесшумно двигающаяся лестница доставила Питера к дверям Зала заседаний. Зал был отделан в серых и серебряных тонах: обивка стен из серых шкур моро, мебель из серебристого дерева, дневной свет проникал сквозь уходящий вверх куполообразный потолок из матового стекла.

Вокруг огромного круглого стола сидело множество людей. Очевидно, о его прибытии были предупреждены — стоило Мэлтби появиться на пороге, как разговоры немедленно стихли, и взгляду его предстала длинная череда обращенных к нему лиц. Двое из присутствующих были знакомы Питеру — оба в синих с золотом мундирах старших офицеров Космического флота. Они приветливо кивнули Мэлтби, и тот ответил каждому коротким кивком. Всех остальных Питер видел в первый раз, хотя и узнал среди присутствовавших нескольких здешних государственных деятелей и офицеров лантского гарнизона — их лица примелькались на экранах и страницах газет. Деллиан с первого же взгляда можно было отличить от нон-деллиан: все они, без исключения, выделялись высоким ростом,

красотой и могучим телосложением.

Навстречу Мэлтби поднялся невысокий, тучный нонделлианин, сидевший во главе стола лицом к двери — Питер узнал Эндрю Крейга, одного из министров лантского правительства. Некоторое время министр молчал, изучающе разглядывая молодого человека — светловолосого, с глубокими карими глазами. Питер вполне соответствовал бы эталону мужской красоты, если бы природа наделила его ростом повыше и плечами пошире. Наконец затянувшаяся пауза была прервана.

— Господа, — начал Эндрю Крейг резким пронзительным голосом, — давайте говорить с капитаном прямо. — И, обращаясь уже непосредственно к Мэлтби, продолжил: — Мы долго совещались относительно угрозы со стороны земного линкора. Вы, очевидно, слышали о предъявленном недавно ультиматуме.

— Так точно, — кивнул Питер.

— Хорошо. Ситуация представляется следующим образом. Более или менее очевидно — невзирая на заманчивость сделанных предложений, обнаруживать себя не следует. Некоторые участники нашего совещания полагают, что земляне рано или поздно нас обнаружат. Но это может

случиться и через тысячи лет. Наша позиция такова: надо объединиться и не вступать в контакт. В следующем десятилетии — увы, подготовка займет немало времени! — мы отправим экспедицию в Главную Галактику и выясним, что же там происходит. Только получив более полную и достоверную информацию, окончательно решим вопрос об установлении с Землей дипломатических отношений. Как видите, это достаточно разумное предложение.

Он замолчал, выжидательно глядя на Мэлтби. Во всем облике Крейга чувствовалось тщательно скрываемое беспокойство.

— Это действительно разумное предложение, — ровным голосом произнес Мэлтби. Кто-то из присутствовавших шумно вздохнул. — Однако можете ли вы быть уверены, что какое-либо сообщество или даже планета не откроет земному кораблю наше местонахождение? У всех свои интересы.

— Поэтому вы и приглашены на нашу встречу, — сказал толстяк.

Мэлтби вряд ли назвал бы это приглашением, но от комментариев воздержался.

— У нас уже есть решения всех правительств Пятидесяти Солнц, — продолжал министр. — Все

единодушно предпочли оставаться в тени. Тем не менее, каждому ясно, что любые наши усилия сохранить единство останутся тщетными... пока мы не уверимся в том, что мезоделлиане не воспользуются сложившейся ситуацией в собственных интересах.

Питер Мэлтби наконец понял, что имел в виду на редкость косноязычный оратор и чем вызвано его присутствие здесь. Итак, в отношениях между мезоделлианами и остальными народами Пятидесяти Солнц наступил кризис.

— Господа, — начал он, — насколько я понимаю, вы хотите предложить мне связаться с другими представителями моей расы. Однако любой подобный контакт поставит меня, капитана Вооруженных Сил Пятидесяти Солнц, в весьма двусмысленное положение.

С места поднялся вице-адмирал Дрихан, командир линкора «Атмион», на борту которого Мэлтби служил в качестве помощника главного астронавигатора.

— Капитан, вы вправе принять любое сделанное вам здесь предложение.

— Я прошу запротоколировать это, а также и всю дальнейшую дискуссию, — обратился Мэлтби к Крейгу.

Тот кивнул секретарям.

— Приступайте.

— Как вы правильно поняли, капитан, — Крейг пристально смотрел на капитана, — мы хотим, чтобы вы передали наши предложения... — он замялся, словно не решаясь произнести вслух само название поставленной вне закона расы, — Совету мезоделлиан. Мы полагаем, что у вас есть возможность сделать это.

— Несколько лет назад я докладывал своему командиру о том, что меня посетили эмиссары мезоделлиан и что связь с ними может быть легко установлена на любой из планет Пятидесяти Солнц, — подтвердил Мэлтби. — Было принято решение сознательно не обращать внимания на деятельность этих агентов, поскольку в противном случае они могли бы уйти в подполье, не уведомив меня о том, где их можно найти в дальнейшем.

— Откровенно говоря, — продолжал Крейг, — мы убеждены, что мезоделлиане используют нынешнее положение вещей для того, чтобы упрочить свои позиции. — Министр подразумевал политический шантаж, и то, что он прибег к подобному эвфемизму, достаточно красноречиво характеризовало ситуацию. — Я уполномочен

предложить мезоделлианам ограниченные гражданские права — везде, за исключением нескольких оговоренных планет, — и право проживания в городах, причем круг гражданских и политических прав этой группы населения будет пересматриваться в сторону расширения каждые десять лет, при условии, что поведение мезоделлиан в течение предшествующего периода окажется достаточно лояльным.

Он умолк, и Мэлтби заметил, что все собравшиеся смотрят на него с напряженным вниманием. Затянувшееся молчание нарушил один из деллианских политиков:

— Что вы думаете по этому поводу?

Питер вздохнул. Будь эти предложения сделаны до появления корабля землян, их можно было бы счесть великолепными. Старая история — по мере того, как способность власти контролировать ситуацию слабеет, она идет на уступки. Мэлтби заговорил — бесстрастно, взвешивая каждое слово, внимательно следя за тем, чтобы не только в словах, но и в тоне его голоса не проскользнула бы даже тень агрессивности. Сформулированные Крейгом предложения были логичны и честны. Зная о притязаниях отдельных групп мезоделлиан, он готов был признать, что слиш-

ком значительные уступки могли таить в себе угрозу — как для самих его соплеменников, так и для их мирно настроенных соседей. Памятуя о прошлом, нельзя было не считать законным требование ограничений и испытательного срока. Поэтому Мэлтби высказался в поддержку сделанных правительством предложений, которые могли послужить толчком к восстановлению нормальных отношений между всеми группами населения Пятидесяти Солнц. Однако свою точку зрения он выразил достаточно осторожно.

— Мы будем ждать и наблюдать за ситуацией, — закончил он свою непродолжительную речь.

Воцарилась непродолжительная тишина, которую нарушил нон-деллианин с грубыми чертами лица.

— Мы попусту тратим время на эту трусливую игру, — резко произнес он. — Хотя Пятьдесят Солнц долгое время жили в мире, у нас все еще есть на вооружении больше ста линкоров, не говоря о более легких кораблях. В конце концов, в наши пределы вторгся всего лишь один земной корабль. Я предлагаю послать флот — пусть уничтожит его! Таким же образом мы будем поступать с каждым из землян, кто найдет дорогу к нам. Может, они снова случайно наткнутся на

нас лишь спустя десять тысяч лет!

— Мы уже обсуждали это предложение, — заметил вице-адмирал Дрихан. — Оно неразумно по очень простой причине: земляне могут обладать неизвестным нам оружием и победить. Не следует предоставлять им такой возможности.

— Мне все равно, как вооружен единственный корабль, — последовало немедленное возражение. — Если флот исполнит свой долг, все наши проблемы будут решены наиболее простым и надежным способом.

— Это крайняя мера, — отрезал Крейг и вновь обратился к Мэлтби: — Вы можете довести до сведения мезоделлиан: если они отвергнут наши предложения, мы располагаем достаточно мощным флотом и отразим атаку незваных гостей. Другими словами — ступив на путь предательства, они не получат ничего. Вы свободны, капитан.

2

Командир корабля (Главный капитан) может быть отстранен от должности в следующих случаях.

1. Действия командира корабля (Главного капитана) представляют собой непосредственную угрозу здоровью и жизни экипажа.

2. Единолично принятое решение изменений целей и задач экспедиции не соответствует реальной обстановке.

3....

(Вступление к статье 492 корабельного Устава)

Глория Лор сидела перед пультом на капитанском мостике линкора «Звездный Рой», всматриваясь в космическую бездну и размышляя над сложившейся ситуацией. Перед ней располагался экран мультипланера, настроенный на максимальную прозрачность. Невооруженный глаз мог различить лишь несколько наиболее ярких светил да туманные сгустки света, указывающие на существование звездных скоплений. В левой части экрана угадывалось огромное, тускло све-

тящееся пятно — Главная Галактика, где Солнце — всего лишь одна из звезд, песчинка в космической пустыне...

Что касается Глории, то за многие годы изменчивые виды космического пейзажа стали привычным фоном ее жизни; она видела и не видела их одновременно. Задумчивое выражение ее надменного лица сменилось улыбкой. Так улыбается человек, принявший, наконец, нелегкое решение. Главный капитан нажала кнопку. На экране возникло изображение седоволосого мужчины, удобно расположившегося в кресле.

— Меня информировали, капитан Гредис, — безо всяких вступлений начала она, — что на корабле есть недовольные нашим решением остаться в Большом Магеллановом Облаке для поисков цивилизации Пятидесяти Солнц.

— Ваше превосходительство, я действительно слышал, что ваш последний приказ не встретил единодушного одобрения экипажа, — уклончиво ответил капитан.

Замена формулировки «наше решение» на «ваш приказ» не ускользнула от внимания Глории.

— Естественно, — продолжал Гредис, — я не мог поговорить с каждым из членов экипажа,

поскольку их тридцать тысяч.

— Да, это так.

— Мне кажется, ваше превосходительство, — офицер смотрел в сторону, мимо нее, — что следовало бы провести всеобщее голосование.

— Вздор! Все проголосуют за возвращение домой. Десять лет в космосе превратили экипаж в слизняков. Слишком мало разума в головах и твердости в душах. Капитан, — голос ее был мягок, но в нем присутствовало заметное напряжение, — по вашему тону и поведению я чувствую — эмоционально, подсознательно вы согласны с ними и тоже заражены детским инстинктом стадности. Вспомните древний закон космических полетов: «Кто-то должен вести вперед». Не зря отбор офицеров столь тщателен... поэтому они не должны поддаваться слепой ностальгии. Общеизвестно, что людям, сходящим с ума по своим планетам, возвращение домой, как правило, доставляет лишь краткое эмоциональное удовлетворение; затем они вновь готовы присоединиться к любой продолжительной экспедиции. Мы слишком далеки от родины, чтобы позволить себе такую роскошь — недостаток дисциплины.

— Я знаком с подобной аргументацией, — спокойно произнес офицер.

— Рада слышать это, — сухо ответила Главный капитан Лор и прервала связь.

Затем она вызвала астронавигаторскую. Ответил молодой офицер.

— Подготовьте мне расчеты серии орбит, по которым мы можем пересечь Большое Магелланово Облако в самые короткие сроки, — велела она ему. — Мимо каждой из звезд Облака мы должны при этом проходить на расстоянии не выше пятисот световых лет.

Лицо юноши вытянулось.

— Ваше превосходительство, — выдохнул он, — это... это самый поразительный приказ, какой я когда-либо получал. Звездное скопление достигает шести тысяч световых лет в диаметре. С какой скоростью вы предполагаете двигаться, учитывая, что мы не имеем ни малейшего представления о расположении штормов?

Реакция офицера привела Глорию в замешательство, перешедшее в раздражение, — раздражение против самой себя. На мгновение она потеряла обычную уверенность: до сих пор необъятность пространства, которое им предстояло пересечь, представлялась ей весьма отвлеченно.

Отогнав сомнения, она вновь взяла себя в руки.

— Полагаю, — сказала она, — что плотность районов в Облаке ограничивается приблизительно одним световым годом на каждые тридцать минут. — И резким тоном закончила: — Пусть ваш начальник известит меня, когда расчеты будут готовы.

— Слушаюсь.

Глория выключила селектор, опустилась в кресло и одним движением переключателя превратила расположенный перед ней экран в зеркало. Она вгляделась в собственное отражение. На нее смотрела смуглолицая красивая женщина лет тридцати пяти. Красавица улыбалась — едва заметной, иронической улыбкой, свидетельствовавшей об удовлетворенности обоими предпринятыми ею шагами. Ее слова разнесутся по кораблю, и люди поймут, чего добивается Главный капитан. Сначала ими овладеет отчаяние... но придется смириться. Тем не менее, борьба за судьбу экспедиции неизбежна, и Глория понимала, что должна быть готовой ко всему.

Она пообедала здесь же, на мостике. За время обеда трижды раздавался сигнал внутренней связи; в конце концов пришлось включить автоответчик. Теперь можно не обращать внимания на вызовы — включение автоответчика подразу-

мевало: «Я здесь, но прошу не беспокоить, если нет ничего срочного».

После обеда Глория прилегла, намереваясь немного вздремнуть. Однако вскоре встала, подошла к трансмиттеру, настроила — и вышла из него в Психологическом Центре, в полумиле от мостика.

Лейтенант Неслор, Главный психолог, улыбкой приветствовала Главного капитана.

— Я так и думала, что вы захотите видеть меня. Если можете, подождите минутку. Я передам пациента ассистенту, тогда мы поговорим.

Не прошло и пяти минут, как она вернулась, и Глория поинтересовалась:

— Много у вас пациентов?

— Мой персонал проводит с командой по восемьсот часов процедур еженедельно, — лейтенант Неслор пристально изучала взглядом собеседницу.

— Звучит устрашающе.

— За последние годы число пациентов выросло, — кивнула психолог.

Глория пожала плечами.

— В чем причина? Тоска по дому?

— Пожалуй, это можно назвать и так, хотя мы предпочитаем профессиональные термины. И не

судите их слишком строго. У людей, выполняющих однообразную работу, нелегкая жизнь. Хотя корабль и велик, но с каждым годом у экипажа все меньше возможностей для удовлетворения личных интересов.

Госпожа Лор уже собралась возразить, что ее работа тоже не отличается разнообразием, но вовремя спохватилась: такая реплика прозвучала бы фальшиво, даже снисходительно. И все же она упрямо встряхнула головой.

— Не понимаю! На борту есть все. Равное число мужчин и женщин, работы полно, продовольствия в избытке, а уж развлечений каждому хватит не на одну жизнь. Множество веселых холостяков и девиц. Хотите — женитесь, хотите — разводитесь! Разумеется, о детях не может быть и речи... У каждого отдельная каюта, и все знают, что на их счета поступают деньги, которые по окончании экспедиции позволят удалиться на покой. — Она нахмурилась. — И, наконец, открытие цивилизации Пятидесяти Солнц не может не оказать стимулирующего воздействия на экипаж.

— Глория, дорогая, — улыбнулась лейтенант Неслор, — вы не правы. Это стимулирует нас с вами, потому что мы — специалисты. Вы не

представляете, до какой степени меня интересуют мысли, особенности поведения жителей этих планет. Я изучала историю так называемых деллианских роботов, и для меня здесь действительно открывается целый мир. Для меня — но не для кока, готовящего обед!

— Боюсь, коку придется смириться. А теперь — к делу. Перед нами стоит двойная проблема: как сохранить контроль над кораблем и как обнаружить Пятьдесят Солнц. По-моему, в такой последовательности...

Разговор их закончился лишь с наступлением периода сна. Госпожа Лор вернулась в свои апартаменты рядом с капитанским мостиком, убежденная, что обе проблемы, как она и предполагала, прежде всего, психологического характера.

Неделя передышки прошла без происшествий. Едва последний ее час миновал, Главный капитан созвала Совет капитанов — совещание командиров служб и подразделений гигантского корабля. Прекрасно разбираясь в людях, Глория могла заранее предсказать реакцию офицеров, но именно потому она была беспощадна в своих словах.

— Я считаю, что мы должны оставаться здесь

до тех пор, пока не отыщем цивилизацию Пятидесяти Солнц — даже если на это уйдет еще десять лет.

Тридцать капитанов — среди них четверо женщин — беспокойно переглянулись. Глория Лор продолжала:

— Признайте как факт — стратегия длительного, методичного обследования Облака для нас неприемлема. У кого есть предложения?

— Лично я против самой идеи продолжения поиска, — заявил капитан Уэйлес, начальник летного персонала.

Глаза Главного капитана опасно сузились. По выражению лиц остальных она понимала, что Уэйлес выражает мнение большинства, но заговорила так же бесстрастно, как и он:

— Капитан, существуют правила отстранения командира корабля от власти. Почему бы не воспользоваться одним из них?

Уэйлес побледнел.

— Отлично, ваше превосходительство, — сказал он. — Я апеллирую к четыреста девяносто второй статье корабельного Устава.

Несмотря на то что вызов был брошен ею сознательно, готовность, с какой его приняли, потрясла Глорию. Эта статья реально ограничи-

вала ее власть. Разумеется, вряд ли кто-нибудь мог сказать о себе, что он хорошо знаком со всеми бесчисленными статьями множества уставов, регламентирующих едва ли не каждый шаг любого члена экипажа. Но Главный капитан знала, что сидящие здесь офицеры прекрасно ориентируются во всем, что касается непосредственно их. Когда доходит до личных прав, всякий становится юристом — не исключая и ее самой.

Сжав четки в кулаке, так что кожа ладони чувствовала каждую шероховатость бусин, она слушала, как капитан Уэйлес, чеканя слова, зачитывает текст:

«Ограничение... В обстоятельствах, оправдывающих совет капитанов... большинство... две трети... Первоначальная цель экспедиции...»

Все это, вместе взятое, было обращено против нее. «Звездный Рой» был послан в картографическую экспедицию. Задание выполнено. Главный капитан настаивала на изменении цели полета — и эти действия подпадали под юрисдикцию статьи. Дождавшись, когда Уэйлес отложил книгу, она ограничилась кратким вопросом:

— Будем голосовать?

Двадцать один голос был подан против нее и только пять — за; четверо офицеров воздержа-

лись.

— Глория, иного результата нельзя было ждать, — снисходительно-небрежным тоном произнесла капитан Дороти Стардевант, руководитель канцелярии и мисс Вселенная двадцатилетней давности. — Мы соскучились по дому. Пусть кто-нибудь другой разыскивает эту цивилизацию...

Главный капитан нетерпеливым жестом прервала ее. Но когда она заговорила, голос звучал размеренно и ровно.

— Четыреста девяносто вторая статья корабельного Устава предоставляет мне свободу действий на срок, составляющий от пяти до десяти процентов общей продолжительности экспедиции, но в любом случае не превышающий шести месяцев. На этом основании я принимаю решение на полгода продлить пребывание «Звездного Роя» в Большом Магеллановом Облаке. А теперь обсудим пути и способы поиска планет Пятидесяти Солнц. Вот мои соображения...

3

Потребовалось больше пяти часов работы, чтобы привязать переданную с земного корабля звездную карту к системе координат, принятой в мире Пятидесяти Солнц. Только тогда удалось установить, что «Атмион» отделяют от земного корабля тысяча четыреста световых лет.

(Запись в вахтенном журнале «Атмиона»)

— Капитан, я часто слышу о так называемом двойственном разуме мезоделлиан, но никто не мог объяснить мне, в чем заключаются его особенности. Вас не затруднит просветить меня?

— Это не представляет собой ничего существенного, — пришлось мне солгать в третий раз. — Думаю, преувеличенные опасения на этот счет связаны с небывалым ожесточением последних схваток той войны. Вам наверняка известно, как выглядит нормальный мозг — неисчислимое множество нервных клеток, каждая из которых связана со множеством других. На этом уровне мозг мезоделлианина ничем не отличается от вашего. Если опуститься уровнем ниже, окажется, что в каждой клетке мезоделлианского мозга

заключены длинные цепочки парных протеиновых молекул. Ваши не соединены в пары, а у него — соединены.

— Но что это дает?

— Деллианскую устойчивость мышления и нон-деллианские творческие способности одновременно.

— И все?

— Все, что мне известно, сэр, — и на этот раз я не был искренней.

— А что вы можете сказать о гипнотических способностях, якобы присущих мезоделлианам? Никто не может толком объяснить, как и в чем они проявляются...

Я с трудом удержался от улыбки.

— Насколько я понимаю, речь идет об аппаратах для внушения, но это совсем другое дело. Неведомое часто порождает страх.

(«Послание самому себе» Питера Мэлтби)

Когда прозвучал сигнал тревоги: «Все по местам!» — Мэлтби отсыпался после вахты в своей каюте на борту «Атмиона», линейного корабля Пятидесяти Солнц. Тревога не была боевой — в противном случае по всем отсекам корабля раздавался бы вой сирен. Он быстро надел форму и направился в астронавигаторскую рубку.

К моменту его появления там уже собралось несколько офицеров штурманской службы. Они приветствовали Мэлтби короткими уставными кивками. Он занял место за пультом, когда корабль пришел в движение. Одновременно ожил динамик громкой связи, и легко узнаваемый голос командира, вице-адмирала Дрихана произнес:

— Сообщение только для офицеров. Как вам известно, девять дней тому назад земной линкор «Звездный Рой» предъявил ультиматум, срок которого истек пять часов назад. До настоящего времени все планетарные правительства Пятидесяти Солнц извещали население о том, что более никаких сообщений с земного корабля не поступало. На самом деле три часа назад был получен второй ультиматум, содержащий явную угрозу. Как нам представляется, его обнародование может чрезмерно встревожить население. Исходя из этих соображений, правительства приняли обоснованное решение не предавать второе послание гласности. Но мы считаем своим долгом ознакомить вас с его текстом.

После короткой паузы зазвучал глубокий, твердый, хорошо поставленный голос:

— Ее превосходительство, Глория Сесилия

Лор, Главный капитан линкора «Звездный Рой», сейчас выступит со вторым обращением к населению Пятидесяти Солнц.

После непродолжительной паузы из динамика послышался голос — но не Главного капитана Лор, а вице-адмирала Дрихана.

— Прошу вас обратить внимание на то обстоятельство, что боевым кораблем командует женщина. Это свидетельствует о демократичности их общества; по крайней мере, о равноправии полов. Но каким образом она заняла свою должность? Благодаря происхождению или в соответствии с заслугами?

Затем заговорила Глория Сесилия Лор:

— До сих пор правительства Пятидесяти Солнц не связывались с нами; прискорбно, что ваши лидеры не хотят вступать в контакт с представителями земной цивилизации. Мы со всей ответственностью заявляем, что вас ввели в заблуждение. Распространение власти Земли на Большое Магеллановo Облако принесет пользу всем людям, всем сообществам всех планет. Земля может предложить вам многое. Мы гарантируем, что права каждого человека будут охраняться законом; гарантируем сообществам основные свободы и экономическое процветание. Однако

Земля не потерпит существования независимого суверенного государства со своими вооруженными силами где-либо во Вселенной. Если нам на единственном корабле не удастся обнаружить вас, через несколько лет десять тысяч кораблей исследуют все Большое Магелланово Облако. Однако мы собираемся предпринять ряд шагов, которые могут привести нас к удаче. Стартовав немедленно, гигантский линкор «Звездный Рой» станет крейсировать по определенным маршрутам внутри Большого Магелланова Облака. По мере продвижения, мы будем сбрасывать заряды с антиматерией на наугад выбранные планеты в различных районах космоса. Поступая таким образом, мы рискуем подорвать ваше доверие к нам. Поэтому хочу напомнить, что столь суровые меры вызваны лишь неразумной позицией ваших правительств. Еще не поздно, и в любой момент правительство любой из планет может связаться с нами, используя частоту наших передач, и сообщить местонахождение Пятидесяти Солнц. Планета, которая заговорит первой, отныне и навечно станет столицей Пятидесяти Солнц. Первый человек или сообщество, решившиеся сообщить нам координаты своей или иной планеты, получат в награду миллиард

платиновых долларов, имеющих хождение во всей Главной Галактике, или — по желанию — эквивалентную сумму в местной валюте. Не бойтесь, мой корабль в состоянии защитить вас от всех вооруженных сил Пятидесяти Солнц, как бы велики они ни были. А сейчас, чтобы доказать серьезность наших намерений, я приказываю моему главному астронавигатору передать по радио параметры нашего курса сквозь Облако.

Выступление неожиданно оборвалось. Вновь раздался голос Дрихана.

— Я уже передал эти параметры астронавигационной службе, поскольку мы намереваемся следовать за «Звездным Роем». Теперь я бы хотел привлечь ваше внимание к еще одному аспекту обращения госпожи Лор. Ее манеры, тон и слова наводят на мысль, что она командует очень большим кораблем. Мы вовсе не спешим с выводами, — поспешно добавил адмирал, — давайте подробнее остановимся на некоторых из ее высказываний. Было заявлено, что бомбы с антиматерией сбросят с борта «Звездного Роя» на значительную часть планет Облака. Предположим, она подразумевала одну бомбу на каждые сто планет. Значит, у них имеется несколько миллионов бомб. Наши заводы в состоянии вы-

пускать по одной такой бомбе каждые четыре дня. Причем завод располагается на площади минимум в квадратную милю. Кроме того, она утверждала, что один ее корабль может противостоять всем вооруженным силам Пятидесяти Солнц. В данный момент у нас на вооружении более чем сотня линкоров, четыреста крейсеров и несколько тысяч малых кораблей. Теперь давайте рассмотрим первоначальную цель посылки «Звездного Роя» в Большое Магелланово Облако. Это была, по их собственному признанию, картографическая экспедиция. С этой целью мы используем небольшие корабли, причем устаревших моделей. Маловероятно, чтобы Земля направила один из своих самых крупных и наиболее мощных звездолетов для выполнения столь заурядной задачи. — Адмирал помолчал. — Прошу офицеров высказать свои соображения. Астронавигационной и метеорологической службам я передал сведения, полученные со «Звездного Роя».

Астронавигаторы «Атмиона» знали расположение всех штормов в Большом Магеллановом Облаке, и поэтому без труда рассчитали орбиту, допускавшую движение со скоростью около половины светового года в минуту. Как только

расчеты были закончены, Мэлтби вернулся в свою каюту и улегся спать.

Разбудил его колокол громкого боя. Мэлтби поспешил включить экран внутренней связи, соединявшей его каюту с капитанским мостиком. Изображение появилось сразу же, свидетельствуя о том, что офицерам рекомендуется следить за развитием событий. На экране, настроенном на максимальное увеличение, в пространстве перемещалась светлая точка, но системы наведения и слежения постоянно удерживали ее в центре экрана. Из динамика послышался голос:

— По данным вычислительного центра «Звездный Рой» находится на расстоянии около трети светового года.

Неточность формулировки заставила Мэлтби нахмуриться. Она означала, что корабли сблизились на такую дистанцию, при которой каждый из них находился в пределах надрезонансных полей друг друга — своего рода затухающее эхо с практически неограниченным распространением. В этих условиях точную дистанцию до земного корабля определить было невозможно: однако она не могла превышать треть светового года. «Звездный Рой» мог находиться даже в нескольких милях от «Атмиона», хотя такая

ситуация и представлялась маловероятной — для обнаружения близких целей служили специальные радары.

— Мы уменьшили скорость до десяти световых дней в минуту, — между тем продолжал вахтенный офицер. — Поскольку мы следуем курсом, указанным в радиопослании земного корабля, и не теряем противника из виду, можно предположить, что наши скорости равны.

Это утверждение также не являлось вполне точным. Скорости кораблей, движущихся быстрее света, можно сблизить, но невозможно уравнять. Разница станет заметна сразу после разделения надрезонансных полей обоих кораблей.

Пока Питер размышлял об этом, светлая точка на экране замерцала и погасла. Мэлтби ждал. Наконец вахтенный растерянно произнес:

— Отбой тревоги. Контакт с противником временно утерян.

Прошло около часа, но световое пятно больше не появлялось. Время от времени Мэлтби поглядывал на экран, вспоминая слова адмирала Дрихана о возможных размерах «Звездного Роя». Он понимал, что командующий беспристрастно проанализировал ситуацию, чреватую множеством опасностей. Вряд ли судно было так велико,

как заявила госпожа Лор. Похоже, командир земного корабля блефовала. Однако проверить справедливость ее утверждения можно будет лишь по количеству сброшенных «Звездным Роем» бомб.

Лишь шесть дней спустя «Атмион» снова вошел в надрезонансное поле земного корабля. На этот раз контакт удерживали до последней возможности; после чего, выверив курс вражеского корабля, обследовали планеты ближайших солнц. Только на одной из них были обнаружены следы уничтожения. По всей вероятности, неудачно нацеленная бомба ударила по одной из внешних планет системы, на которой какая-либо жизнь отсутствовала. Теперь она превратилась в клокочущий огненный ад. Но это зрелище не испугало экипаж «Атмиона». Вероятность того, что одна из сотен бомб обрушится на населенную планету, была настолько близка к нулю, что считаться с ней не имело смысла.

На шестой день поисков экран внутренней связи в каюте Мэлтби ожил; на нем появилось лицо вице-адмирала Дрихана.

— Капитан Мэлтби, прошу вас явиться ко мне.

— Есть, сэр.

Питер сразу же отправился. Дежурный адъ-

ютант приветливо кивнул ему и проводил в кабинет Дрихана. Командующий, сидя в кресле, изучал документ, внешне похожий на радиограмму. При виде Мэлтби он положил бумагу на стол текстом вниз и указал капитану кресло напротив себя.

— Какое положение занимаете вы среди мезоделлиан?

Вот и прозвучал, наконец, главный вопрос.

Ни о каком страхе не могло быть и речи. Питер Мэлтби, изобразив на лице полнейшее замешательство, внимательно смотрел на сидевшего за столом адмирала.

— Не могу с уверенностью определить их отношение ко мне. По-видимому, считают почти изменником. Всякий раз, когда их эмиссары обращаются ко мне, — о чем всегда мною информировано начальство, — я пытаюсь передать через этих агентов лишь один совет их руководству: придерживаться политики примирения и объединения.

— Что думают мезоделлиане о нынешней ситуации? — помолчав, поинтересовался Дрихан.

— Не знаю. Мои контакты с ними слишком нерегулярны.

— Пусть так, но не могли бы вы поделиться со

мной собственными соображениями?

— Насколько я понимаю, — начал Мэлтби, — меньшинство рассчитывает на то, что земной корабль рано или поздно обнаружит Пятьдесят Солнц; значит, необходимо воспользоваться преимуществами сложившейся ситуации. Большинство же, уставшее от необходимости постоянно скрываться, решительно стоит за взаимодействие со всеми народами Пятидесяти Солнц.

— Каково процентное соотношение между этими группами?

— Около четырех к одному, — без колебаний солгал Мэлтби.

Дрихан, помедлив, задал следующий вопрос:

— Существует ли вероятность, что меньшинство начнет действовать в одностороннем порядке?

— Они хотели бы, но не смогут, — быстро ответил Мэлтби. — В этом я абсолютно уверен.

— Почему?

— Среди них нет квалифицированных метеорологов.

Это тоже было ложью. Истинная причина заключалась в стремлении Ральф Ханстона получить власть над мезоделлианами законным

путем. Пока Ральф Ханстон верит в такую возможность, он не станет игнорировать закон — по крайней мере, так считали информаторы Мэлтби. Именно на их сообщения он и опирался, сплетая в своих словах правду и ложь.

Возникла долгая пауза. Очевидно, Дрихан тщательно обдумывал каждое услышанное им слово. Наконец молчание было прервано.

— Правительства Пятидесяти Солнц встревожены некоторыми положениями последнего ультиматума — вы слышали его текст. Создается впечатление, что он непосредственно адресован мезоделлианам. Они именно такая оппозиция, на которую могут опереться земляне.

Сказать на это Мэлтби было нечего — разве что слегка перефразировать свою предыдущую ложь.

— Соотношение четыре к одному — в пользу тех, кто стремится к единству с народами Пятидесяти Солнц.

На протяжении очередной паузы Мэлтби напряженно размышлял об истинной причине этого допроса. Не могут же те, кто стоит за адмиралом, основывать свои надежды единственно на уверениях капитана Питера Мэлтби!

Похоже, Дрихан принял какое-то решение.

Он взял со стола радиограмму и протянул ее Мэлтби.

— Адресовано вам, — сказал адмирал и ворчливо добавил: — Если это шифр, то мы не смогли с ним справиться.

С первого же взгляда Мэлтби стало ясно, что это действительно шифр. Сообщение гласило: «Капитану Питеру Мэлтби, борт линейного корабля «Атмион». Правительственный совет мезоделлиан благодарит за посредничество в переговорах с правительствами Пятидесяти Солнц. Заверяем, что соглашение будет неукоснительно соблюдаться, поскольку сообщество мезоделлиан крайне заинтересовано в получении обещанных привилегий». Подписи не было — это означало призыв о помощи. Мэлтби сделал вид, что не придает этому посланию никакого значения, в то время как его мозг лихорадочно искал решение задачи.

— Здесь нет подписи, — недоуменно сказал он. — Ее опустили намеренно?

— Я знаю не больше вашего. — Вице-адмирал Дрихан выглядел разочарованным.

На мгновение Мэлтби стало жаль командира. Никто из деллиан или нон-деллиан не смог бы разгадать шифра этого послания. Прочесть его

можно было, лишь обладая такими, как у него, двумя совершенными разумами. Обучение этому начиналось в раннем детстве, и Мэлтби успел в полной мере освоить необходимые приемы, прежде чем был захвачен в плен двадцать лет назад.

Суть полученного сообщения сводилась к тому, что экстремистски настроенное меньшинство мезоделлиан объявило о своем намерении вступить в контакт со «Звездным Роем». Уже в течение недели они вели активную кампанию под лозунгом о том, что выгоды от измены получит лишь тот, кто выступит в их поддержку.

Ситуация требовала его личного вмешательства. Как туда добраться? Но... Почему бы не использовать этот корабль? Внезапно он понял, как осуществить столь дерзкую операцию. Мэлтби принялся напрягать мышцы по деллианской методике и почувствовал, как растет электризующее возбуждение, затем возникло ощущение присутствия рядом другого разума. Теперь следовало подождать, пока чувство это не станет частью его существа. Спустя мгновение Питер встал, расправив плечи. Вице-адмирал Дрихан тоже поднялся, в точности повторяя движения Мэлтби, словно их мышцами управлял общий

мозг. Да так оно и было! Адмирал подошел к пульту управления.

— Соедините меня с астронавигаторами.

Разум Мэлтби продолжал управлять его голосом и действиями. И адмирал Дрихан отдал приказ: «Атмиону» лечь на курс, который вел к тайной столице мезоделлиан.

4

Около пятнадцати тысяч лет назад Джозеф М. Делл создал один из первых вариантов трансмиттера материи. Его машина требовала искусственного синтеза некоторых видов живых тканей, особенно эндокринных желез, которые не были в достаточной степени изучены. Поскольку человек мог войти в трансмиттер в одном месте и появиться в другом, удаленном на тысячу или более миль, изменения на молекулярном уровне, происходившие в организмах людей, пользовавшихся телепортацией, были замечены далеко не сразу. Нельзя сказать, что они теряли нечто конкретное, хотя впоследствии «роботов Делла» или «деллиан» — так их окрестили люди — отличали заметно меньшие способности к творческой работе. Но в некотором отношении они даже приобретали кое-что. Например, деллиане были почти не подвержены нервным стрессам. Благодаря специальной методике напряжения мышц их физическая сила далеко превзошла все пределы, о которых когда-либо мечтал человек.

Людям эти странные существа внушали все большую тревогу. Постепенно ситуация нака-

лялась, людская ненависть росла, что не сразу было понято властями. Был период, когда на улицах безумствовали толпы, расправляясь с деллианами. Немногочисленные сторонники деллиан среди людей убедили правительство в том, что эмиграция будет лучшим выходом из создавшейся ситуации. До сих пор местонахождение деллиан неизвестно.

«Очерки по истории войн на Земле», т. 348

Главный капитан Лор прочла извещение о своем отстранении от должности и несколько минут сидела, яростно сжав кулаки. Затем, когда самообладание вернулось к ней, она вызвала каюту капитана Уэйлеса.

— Я только что прочитала документ за двадцатью четырьмя подписями.

— Полагаю, он соответствует Уставу, — последовал сухой ответ.

— О, в этом я вполне уверена, — парировала она и, уже полностью овладев собой, продолжала: — Капитан, откуда эта отчаянная решимость немедленно вернуться домой? Жизнь — это нечто большее, чем Устав. Мы находимся на пороге великого открытия. Неужели вы этого не ощущаете?

— Госпожа Главный капитан, — холодно сказал

Уэйлес, — не могу скрыть своего восхищения вами. Вы обладаете прекрасными административными способностями... но в то же время склонны навязывать окружающим свои идеи и даже не пытаетесь скрыть удивления, если другие не разделяют вашей точки зрения. Вы оказываетесь правы так часто, что уже не допускаете возможности собственных ошибок. Вот почему на нашем огромном корабле тридцать капитанов готовы оказать вам помощь, и, в крайнем случае, — корректировать ваши действия. Поверьте, мы все любим вас. Но мы также осознаем свой долг по отношению ко всему экипажу.

— Но вы не правы! У нас достаточно сил, чтобы заставить эту цивилизацию открыться перед нами. Капитан, — поколебавшись, добавила она, — не могли бы вы единственный раз встать на мою сторону?

Это была слишком личная просьба, Глория сразу же пожалела о ней. Очевидно, ее слова разрядили владевшее Уэйлесом напряжение — он рассмеялся, затем попытался взять себя в руки, но тщетно, смех буквально душил его.

— Извините, — выдавил он с трудом, — пожалуйста, простите.

— Что вас так рассмешило? — строго спросила

она.

— Слова «единственный раз», — наконец, отсмеявшись, пояснил он. — Госпожа Лор, неужели вы не помните ни одной из своих предыдущих просьб?

— Возможно... пару раз... — Глория действительно пыталась вспомнить.

— Я не хочу заострять на этом внимание, — продолжал капитан Уэйлес, — но было восемь случаев, когда вы просили Совет поддержать ваши начинания, и, по крайней мере, не меньше ста раз вы принимали решения, пользуясь предоставленными вам правами. Сейчас право на нашей стороне. И вы, без сомнения, огорчены этим.

— Я не огорчена. Я... — Она безнадежно махнула рукой. — Вижу, говорить с вами бесполезно. По тем или иным причинам вы считаете, что шесть месяцев — это вся вечность.

— Дело не во времени. Дело в цели. Вы надеетесь отыскать полсотни солнц, рассеянных среди сотен миллионов. Наши шансы не превышают одного к двум миллионам. И раз вы не хотите видеть этого, мы просто вынуждены отстранить вас от управления кораблем, невзирая на наше личное к вам отношение.

Главный капитан колебалась. С точки зрения теории вероятностей капитан Уэйлес был совершенно прав. Очевидно, ей следовало более полно раскрыть перед ним свои намерения.

— Капитан, — медленно проговорила она. — Это не математическая проблема. Если бы мы рассчитывали только на вероятность, ваша позиция была бы безупречной. Но мы рассчитываем на психологию.

— Те из нас, кто подписал решение о вашем отстранении, сделали это не с легким сердцем. — Ее собеседник невозмутимо пожал плечами. — Мы обсуждали и психологический аспект проблемы.

— И на каком же основании пренебрегли им? По невежеству?

Это были злые слова, и Глория видела, что они задели собеседника.

— Госпожа Главный капитан, — ответил он официальным тоном, — вынужден с беспокойством отметить, что вы слишком полагаетесь на теоретические соображения лейтенанта Неслор. Ваши совещания с ней носят исключительно частный характер. Мы не знаем, о чем вы говорили, и можем судить об их содержании лишь по вашим последующим поступкам.

Подобная точка зрения не приходила ей в голо-

ву. Она поспешила оправдаться:

— Я не думала, что это может быть так воспринято. Я просто консультировалась у главного психолога корабля.

— Если мнение лейтенанта Неслор столь ценно, — словно не обращая внимания на слова Глории, продолжал Уэйлес, — вам следовало бы присвоить ей звание капитана и ввести в капитанский Совет, чтобы она могла излагать свою точку зрения всем нам. — Он пожал плечами; потом, словно читая ее мысли, быстро добавил, прежде чем она успела открыть рот: — Только, пожалуйста, не говорите, что немедленно сделаете это. В соответствии с Уставом процедура повышения в звании занимает месяц, при условии, что никто из членов капитанского Совета не возражает против кандидатуры; и еще два месяца новый капитан участвует в заседаниях Совета без права голоса, изучая процедуру.

— Вы не согласны на трехмесячную отсрочку? — мрачно спросила Глория.

— Нет.

— Вы не хотите рассмотреть возможность ускоренной процедуры?

— Только в случае крайней необходимости. Но не ради удовлетворения вашей навязчивой

идеи — поисков этой потерянной цивилизации, которую рано или поздно найдет специально организованная экспедиция.

— Следовательно, вы настаиваете на моем отстранении?

— Да.

— Прекрасно. Я прикажу провести общее голосование через две недели, считая с сегодняшнего дня. Если большинство будет против меня и... если до тех пор ничего не случится, мы отправимся домой.

Сеанс связи закончился. Теперь она вынуждена сражаться на двух фронтах одновременно. Во-первых, с капитаном Уэйлесом и большинством в четыре пятых, которые могут поддержать его при голосовании. А во-вторых — необходимо заставить народы Пятидесяти Солнц выйти из укрытия. И пока ее действия на обоих фронтах успеха не имели. Глория Лор вызвала службу связи.

Ответил капитан Горслей — как всегда, он выглядел безупречно элегантно, несмотря на круглосуточную вахту.

— Есть ли контакт со следящим за нами кораблем Пятидесяти Солнц? — поинтересовалась она.

— Нет. Я докладывал вам, когда мы потеряли

контакт, и он до сих пор не восстановлен. Вероятно, они отыщут нас завтра, когда мы снова передадим по радио наши координаты, — таково было предположение Горслея.

— Сообщите мне.

— Так точно.

Затем она связалась с арсеналом. Дежурный ответил немедленно, но Глории пришлось подождать, пока найдут возглавляющего эту службу капитана Бордстона.

— Сколько бомб сброшено?

— Семь.

Темные глаза капитана в упор смотрели на нее из-под нависших бровей. Бордстон не отличался многословием.

— И все наугад?

— Теория вероятностей страхует нас от попаданий в те планеты, где возможна жизнь.

Глория кивнула. Ситуация была серьезной, и она чувствовала необходимость еще раз подчеркнуть это.

— Этот аргумент убеждает мой разум, но сердце... — Она остановилась, а потом решительно продолжила: — Помните, капитан, — малейшая ошибка, и на нас с вами ляжет страшная вина, искупить которую мы не сможем даже собствен-

ной жизнью.

Лицо офицера помрачнело.

— Я хорошо знаком с законом, ваше превосходительство. И по должности обязан считаться с подобным риском, — сказал он и, поколебавшись, добавил: — Мне кажется, вы затеяли опасную игру. Опасную для нас, я имею в виду. Нельзя подвергать людей такому давлению.

— За это отвечаю я.

Глория поднялась с кресла и начала мерить шагами каюту. Две недели! Казалось невозможным, чтобы за этот срок произошло что-нибудь, в корне меняющее ситуацию. Через две недели, если события станут разворачиваться в соответствии с ее замыслом, деллиане и нон-деллиане только начнут ощущать подлинное психологическое давление.

Размышляя об этом, она вдруг вспомнила об еще одном деле. Быстро подойдя к трансмиттеру, Главный капитан настроила его — и очутилась в центральной корабельной библиотеке, расположенной в трети мили от ее каюты, в личном кабинете главного библиотекаря.

— Джейн, есть ли у вас материалы о деллианских волнениях? — едва поздоровавшись, начала Глория.

Главный библиотекарь, миниатюрная женщина с невыразительными чертами лица, вздрогнула, привстала с кресла и тут же опустилась обратно.

— Вы испугали меня до смерти! Неужели трудно заранее предупредить о визите?

— Извините. Я слишком увлеклась мыслью... Так есть или нет?

— Разумеется, есть. Если подождете минут десять, я подберу все необходимое. Вы уже ужинали?

— Ужинала? Нет... кажется, нет.

— Мне нравится, как вы это говорите. Ладно, идемте, поужинаем вместе. А все дискуссии по поводу деллиан и нон-деллиан подождут.

— Это невозможно, Джейн. Мне нельзя терять ни минуты...

Главный библиотекарь обошла вокруг стола и крепко взяла Глорию под локоть.

— Нельзя? Совершенно справедливо. Учтите, вы не получите никаких материалов, пока не поужинаете. И можете сколько угодно ссылаться на любые законы и уставы, меня это не волнует. Идемте.

Секунду Глория сопротивлялась. Потом словно увидела себя со стороны — такая мрачная и реши-

тельная, будто в ее руках — судьба Вселенной.

— Спасибо, Джейн, — невольно улыбнулась она. — Я просто мечтаю о легком ужине с бокалом вина.

Они поужинали под легкую тихую музыку, затем вернулись к разговору о цивилизации Пятидесяти Солнц. Слушая неторопливый рассказ Джейн, Глория внимательно просматривала исторический очерк. Все оказалось на удивление просто.

Когда обзор был закончен, Глория Лор некоторое время сидела в задумчивости.

— Вы немногим помогли мне. — Затянувшееся молчание наконец было прервано. — Все это я уже знала — за исключением некоторых деталей.

Она почувствовала на себе изучающий взгляд проницательных голубых глаз собеседницы.

— И что же дальше, Глория? Когда вы так говорите, то обычно пытаетесь создать какую-то собственную теорию.

Действительно, точнее не скажешь. Главный капитан понимала опасность ситуации, в которой оказываются люди, пытающиеся подогнать факты к своим теориям — они попросту не заслуживали звания ученых. Ей самой нередко случалось едко высмеивать офицеров, склонных

придавать излишнее значение собственному мнению.

— Я просто хочу располагать всей информацией, — медленно сказала она. — Самоочевидно, что мутации, подобные деллианской, изолированно развиваясь где-то в течение полутораста веков, могут претерпеть любые изменения. И я убеждена, что нам нельзя упустить ни единой мелочи.

Главный библиотекарь кивнула. Похоже, объяснение вполне удовлетворило ее. Глория встала, небрежно пожелала спокойной ночи и вернулась в свою каюту. После недолгого размышления Главный капитан связалась с биологической службой.

— Недавно я направила вам информацию о деллианском и нон-деллианском населении Пятидесяти Солнц, — напомнила она и, мгновение помедлив, задала главный для себя вопрос: — Как вы полагаете, могут ли от их смешанных браков рождаться дети?

— История утверждает, что нет. — Биолог принадлежал к числу обстоятельных ученых-тугодумов, что, без сомнения, проявилось в ответе.

— А что скажете вы?

— Я бы мог добиться этого.

— Так, — Главный капитан не пыталась скрыть

своего торжества, несмотря на некую двусмысленность фразы, но сейчас не время иронизировать. — Именно это я и ожидала услышать.

Приятное возбуждение не покинуло ее и часом позже, уже в постели. Глория выключила свет и напряженно вглядывалась в экран мультипланера, настроенного на максимальное увеличение.

Какое великолепное зрелище!

Она видела близкий блеск неисчислимых звезд внутри Облака, а за его границами — беспредельность спиральной ветви Главной Галактики. И все, что мог охватить взгляд, было лишь крупицей Мироздания.

Глория вывела увеличение мультипланера на ноль, вернув Вселенную в рамки привычного чувственного восприятия.

Внимательно рассматривая потолок каюты широко раскрыми глазами, она думала: «Предположим, дети перекрестных браков деллиан с нон-деллианами действительно существуют. Что это может дать? « Ответ был где-то рядом; казалось, ключ, открывавший заветную дверь, лежит в ящике стола — протяни руку и достань...

Наконец Глория забылась беспокойным сном.

Утром за привычно легким завтраком госпожа Лор сообразила, что в ее распоряжении остается

лишь тринадцать дней. Осознание этого было подобно удару. Поднимаясь из-за стола, Глория с тоской думала, что живет в мире мечтаний. Если она не отважится на решительные действия, предприятие, в которое она бросила свой гигантский корабль, потерпит крах. Глория решительно направилась на капитанский мостик и первым делом вызвала службу связи.

— Капитан, — сказала она ответившему ей офицеру, — есть ли надрезонансный контакт с преследующим нас кораблем Пятидесяти Солнц?

— Нет, госпожа.

Ответ разочаровал ее. Теперь, когда решение созрело, любая задержка вызывала раздражение. Наконец, смирившись с реальностью, Главный капитан произнесла:

— Как только войдете в контакт, немедленно свяжитесь с арсеналом. — Она невольно вздохнула.

— Так точно.

Теперь Глория вызвала арсенал. Высокомерное лицо Бордстона посуровело, едва она объяснила свои намерения.

— Но это может выдать секрет нашего самого грозного оружия, — запротестовал он. — Предположим...

— Нечего предполагать! — в бешенстве прервала его Глория. — Терять нам тоже нечего. Нам до сих пор не удалось выманить флот Пятидесяти Солнц. Я приказываю захватить хотя бы этот единственный корабль. Вероятно, все его астронавигаторы получат приказ покончить с собой, но с этим мы справимся.

Офицер задумался, хмурясь; потом кивнул.

— Опасность заключается в том, что кто-нибудь, находящийся вне поля, может обнаружить и исследовать его. Но если вы готовы пойти на такой риск...

Глория вернулась к повседневным делам, но какая-то часть ее сознания ни на миг не забывала об отданном приказе. Наконец, не выдержав неизвестности, она снова вызвала службу связи. Ничего нового. Корабль Пятидесяти Солнц так и не был обнаружен.

Прошел день, за ним следующий. Никакого контакта.

На четвертый день с Главным капитаном «Звездного Роя» уже невозможно было разговаривать.

5

Ральф Ханстон действительно пытался меня убедить. Однако пользовался он избитыми аргументами, основанными на идее превосходства мезоделлиан. Похоже, он искренне и свято верил в эту догму; к концу его речи я пришел к убеждению, что главной ошибкой этого энергичного и, по-своему, неглупого человека было полное отсутствие знаний о внешнем мире. Он слишком долго прожил в замкнутом мирке тайных мезоделлианских городов, слишком много лет размышлял и говорил, не считаясь с подлинной реальностью. При всем внешнем блеске мышление Ханстона оставалось глубоко провинциальным.

(«Послание самому себе» Питера Мэлтби)

— Планета Нелур под нами! — произнес вице-адмирал Дрихан.

Задремавший было Мэлтби мгновенно проснулся, вскочил на ноги и направился в рубку. Под его руководством корабль быстро снизился с десятитысячемильной высоты сначала до тысячи, а затем и до ста миль.

Питер внимательно изучал местность, панора-

ма которой проплывала перед ним на экране; это была горная цепь Гвадоран, знаменитая своей неприступностью. Только отчаянные смельчаки осмеливались штурмовать крутые склоны, и никто точно не знал, сколько из них нашло здесь свою смерть. «Атмион» держал курс на крупнейший из туннелей, который вел к тайной столице мезоделлиан. Мэлтби еще раз убедился, что младшие офицеры не могут следить за происходящим — на экраны в их каюты транслировалась совсем другая видеоинформация. Четырнадцать старших командиров находились под его мысленным контролем. Теперь он мог смело направить корабль в открывшееся перед ним отверстие туннеля.

Мэлтби предупредил своих сторонников из числа мезоделлиан о своем предстоящем прибытии. Но все-таки возможность ошибки существовала, и здесь, под землей, корабль мог подвергнуться нападению.

Питер сидел, напряженно выпрямившись в штурманском кресле. Окружающая корабль тьма скрывала в себе опасность. Внезапно внизу, в отдалении, блеснул свет. Убедившись, что он не гаснет, Мэлтби отдал команду.

Вспыхнули прожектора, залив пещеру светом

от пола до потолка. Корабль двигался вперед по низкому туннелю, заполненному синими и красными кабелями. Прошло около часа, но конца путешествию не было видно. Подземный ход изгибался и поворачивал — вверх, вниз, в стороны. Временами Мэлтби казалось, что они возвращаются обратно. Он мог бы следить за движением корабля по курсографу, но еще до того, как «Атмион» приблизился к Нелуру, его попросили не включать прибор. Лишь маленькая золотая точка на плане, выведенном на графикер, весело гудела и вела его дальше. Мэлтби внезапно подумал, что если откажет графикер, то ему отсюда уже не выбраться. Где именно под толщей земли скрыта столица, должно остаться в тайне. Остальные города мезоделлиан располагались на других планетах и были укрыты также среди неприступных горных массивов или под толщей воды, в оазисах безводных пустынь...

Шел уже двенадцатый час блуждания по бесконечному, казалось, туннелю. Дважды Мэлтби передавал управление вице-адмиралу, чтобы позволить себе короткий отдых. Сейчас корабль вел он, пока командующий безмятежно спал на койке в углу.

Тридцать часов! Измотанный морально и фи-

зически, Мэлтби разбудил Дрихана и лег. Но не успел он смежить веки, как офицер-наблюдатель доложил:

— Впереди свет! Вижу здания, капитан!

Мэлтби одним прыжком оказался возле пульта управления и уже несколько минут спустя вел корабль над городом с восьмидесятитысячным населением. Его предупреждали, что никогда еще корабль таких размеров не проникал в пещеру; сейчас «Атмион» мог стать предметом напряженного внимания населения. Мэлтби включил радио, и до его слуха донесся голос:

— ... и Питер Мэлтби, наш вождь, временно завладевший линейным кораблем «Атмион», прибыл, чтобы лично образумить тех, кто...

Мэлтби выключил приемник. На экране плыла панорама города — прямые улицы, невысокие дома с прозрачными крышами, сквозь которые внутрь помещений проникал свет искусственного солнца, установленного под сводами пещеры. Мэлтби разыскивал штаб-квартиру Ханстона и наконец остановил «Атмион» прямо над домом из серого пластика, который по своему виду напоминал минерал с причудливым рисунком. Питер сфокусировал энергетический экран на середине улицы, перекрывая ее. Затем быстро

опустил другие экраны, полностью блокировав весь район. Люди свободно проходили в экранированную зону, но не могли покинуть ее. Невидимый снаружи, экран представлялся тому, кто находился внутри зоны, стеной из пурпурных языков пламени. Прикоснувшись к нему с внутренней стороны, можно было получить мощный электрический удар.

Поскольку Ральф Ханстон жил в своей штаб-квартире, вряд ли ему удалось ускользнуть. Мэлтби не обманывал себя — сейчас пришла пора решительных поступков. Уже сам способ его появления в столице, первые его действия — все это давало противникам Мэлтби мощные аргументы против него. «Один мезоделлианин сумел захватить целый линкор. Это ли не доказательство нашего превосходства?» Подобные мысли могли полностью овладеть людьми, чьи амбиции не были удовлетворены вот уже четверть века.

На экране Мэлтби увидел аэрокар. Связавшись с пилотом, он выяснил, что это прибыли поддерживающие его мезоделлиане, и проследил, чтобы один из контролируемых им офицеров встретил гостей у шлюза. Минуту спустя Мэлтби уже обменивался с ними рукопожатиями.

Питер пригласил их в просторную гостиную

«Атмиона». Заняв место во главе стола, он приготовился к обсуждению стратегии и тактики дальнейших действий. Первое же высказывание поразило его своей безапелляционностью.

— Ханстона следует казнить! — светловолосая молодая женщина подкрепила свою фразу энергичным жестом.

— Успокойся, Джессика! Вполне достаточно изолировать Ральфа Ханстона от его сторонников.

Мэлтби с тревогой прислушивался к бурно протекавшей дискуссии, сознавая, что непосредственные участники событий являются лучшими судьями. С другой стороны, на них не могло не сказаться напряжение от слишком близкого соседства с опасностью. И потому именно он, наблюдатель со стороны, может занимать более беспристрастную и, следовательно, обоснованную позицию.

Впрочем, это было лишь предположение, и Мэлтби не считал его слишком весомым. Однако невольно почувствовал себя в роли арбитра, когда обсуждение прекратилось, и мезоделлиане принялись расспрашивать его.

— Можем ли мы быть уверены в том, что решение правительств Пятидесяти Солнц не вступать в контакт с земным кораблем окажется достаточ-

но твердым?

— Не обнаруживалось ли в том, что вы видели или слышали, признаков их слабости?

— Почему второй ультиматум не был предан гласности?

— Только ли «Атмион» следит за «Звездным Роем»?

— Каков тайный смысл этого преследования?

— Какую позицию мы должны занять, если вдруг Пятьдесят Солнц капитулируют и огласят свое местонахождение?

Вскоре Мэлтби почувствовал себя буквально погребенным под этой грудой вопросов, которые к тому же во многом повторялись.

— Постойте, — сказал он, подняв руку, — похоже, вы озабочены лишь тем, чтобы найти наилучший способ соблюсти наши выгоды в том случае, если другие правительства изменят свою позицию. Но дело совсем не в этом. Мы должны быть едины со всеми народами Пятидесяти Солнц, какие бы решения ни были приняты. Мы — лишь члены сообщества. Не следует добиваться для себя особых преимуществ, кроме как в пределах рамок тех предложений, которые были нам сделаны. — Заметив, как изменились лица собравшихся, закончил уже не таким суровым

тоном: — Я прекрасно понимаю, что все вы находитесь под тяжким прессом. Поверьте, я высоко ценю ваши мнения — и частные, и общее. Однако в критической ситуации мы не можем искать выгод за счет других.

Его собеседники переглянулись. Некоторые — главным образом те, что помоложе, — выглядели опечаленными, как если бы им предложили проглотить горькую пилюлю. И все же в конечном счете все согласились поддержать Мэлтби.

Но как поступить с Ханстоном?

— Я намерен переговорить с ним, — спокойно произнес Мэлтби.

Коллингс, старейший и самый близкий друг отца Мэлтби, несколько секунд изучающе всматривался в лицо молодого человека, затем отправился к пульту. Вернулся он с заметно побледневшим лицом.

— Он отказался прибыть сюда. Говорит, если хочешь видеть его — приходи. Это оскорбление, Питер!

— Передайте, — твердо сказал Мэлтби, — я приду.

Он улыбнулся, глядя на их внезапно посуровевшие лица.

— Этот человек сам идет к нам в руки. Объявите

по радио, что я отправляюсь к Ральфу Ханстону ради мира и единства в дни кризиса. Не пережимайте, но пусть в вашем сообщении прозвучит намек на то, что ко мне может быть применено насилие. — И закончил по-деловому, жестко: — Скорее всего, ничего не случится, пока мой корабль контролирует положение. Но если я не вернусь через полтора часа, попытайтесь связаться со мной. Затем шаг за шагом усиливайте давление — от угроз и вплоть до открытия огня.

Невзирая на всю свою уверенность, Мэлтби ощущал странную пустоту и одиночество в тот момент, когда автокар совершал посадку на крыше здания штаб-квартиры Ханстона. Весь путь по длинному коридору до кабинета его не покидало странное чувство — казалось, за ним следит не одна пара внимательных глаз.

Ральф Ханстон заметно отличался от известных Питеру изображений второго лидера мезоделлиан. Никакого царственного вида, напыщенности — заурядная внешность мужчины на пороге сорока лет, коренастая фигура со слишком длинными руками; правда, этот недостаток не сразу бросался в глаза. Едва завидев Мэлтби, он поднялся из-за стола, сделал несколько шагов навстречу.

— Я хотел залучить вас к себе без сопровож-

дения тех мокрых куриц, что задают здесь тон, — шутливо-дружелюбные интонации явно не вязались со злобно-насмешливым выражением лица. — Но оскорбление величества в мои намерения не входило. Я хочу поговорить с вами. И надеюсь убедить.

Пространный монолог он закончил вопросом:

— Неужели вы верите, что Пятьдесят Солнц смогут продолжать укрываться от земной цивилизации?

— Нет, — честно признался Мэлтби, — полагаю, рано или поздно нас найдут.

— И все же поддерживаете их намерения укрываться?

— Я выступаю за единство действий в нынешней ситуации. К попыткам контакта надо подходить чрезвычайно осторожно. Вполне возможно, что мы сумеем отсрочить его лет на сто, если не больше.

Ральф Ханстон молчал, нахмурившись.

— Вижу, — сказал он наконец, — мы с вами придерживаемся противоположных взглядов.

— Возможно, наши долговременные планы совпадают, — медленно проговорил Мэлтби, наблюдая за собеседником. — Возможно, это лишь различие в методах достижения одной и

той же цели.

Лицо Ханстона посветлело, глаза чуть расширились.

— Если бы я мог поверить вам! — страстно воскликнул он и резко оборвал себя; глаза мгновенно сузились:

— А каково ваше мнение о будущей роли мезоделлиан в развитии цивилизации?

— Используя удобные случаи и применяя законные методы, — спокойно начал Мэлтби, — со временем они неизбежно будут играть ведущую роль в обществе. Контролировать сознание окружающих — не совсем честно; и без этого мезоделлианам уготовано доминирующее положение сначала в мире Пятидесяти Солнц, а затем и в Главной Галактике. Если же мы попытаемся добиться власти с помощью силы, то наверняка будем уничтожены.

Глаза Ханстона сверкали.

— И сколько на это потребуется времени? — спросил он.

— Этот процесс может начаться еще при нашей с вами жизни. И будет длиться не меньше тысячи лет — в зависимости от частоты смешанных браков между деллианами и людьми; ведь сейчас, как вам известно, таким смешанным парам

запрещено заводить детей...

Ральф Ханстон кивнул.

— Меня неверно информировали о вашей позиции. Вы — один из нас.

— Нет! — твердо заявил Мэлтби. — Не путайте стратегию с тактикой. Для нас это равнозначно разнице между жизнью и смертью. Любой намек на то, что мы в конце концов займем доминирующее положение в обществе, встревожит людей, которые сейчас, благодаря усилиям своих правительств, настроены по отношению к нам более или менее дружелюбно. Если мы окажемся солидарны с ними — это послужит хорошим началом нашего восхождения. Но если попытаемся извлечь из нынешнего кризиса пользу только для себя — тогда многочисленная раса сверхлюдей, к которым мы с вами принадлежим, обречена на гибель.

— Я пойду с вами, — Ральф Ханстон решительно протянул ему руку. — Будем ждать дальнейшего развития событий.

Эта победа оказалась неожиданной для Мэлтби, в душе уже согласившегося с возможностью применения силы. Несмотря на уверенность в искренности Ханстона, Питер отнюдь не собирался верить ему на слово. Кто мог поручиться, что

точка зрения его оппонента не изменится, едва исчезнет нависшая над городом громада «Атмиона»? Он прямо заявил об этом и закончил:

— В данных обстоятельствах я прошу удалиться на шесть месяцев в любое — на ваш собственный выбор — место, где были бы исключены встречи с вашими сторонниками. Рассматривайте это как форму домашнего ареста. Можете взять с собою жену. К вам будут относиться с должным уважением, а в случае установления контакта с земным кораблем немедленно освободят. Вы будете скорее заложником, чем пленником. Я даю вам двадцать четыре часа на размышление.

Мэлтби беспрепятственно вернулся на борт корабля.

Ральф Ханстон капитулировал к концу двадцатичетырехчасового срока. Он поставил единственное условие: подробности его домашнего ареста необходимо предать гласности.

Таким образом Пятьдесят Солнц избегли немедленного обнаружения, поскольку одному кораблю без посторонней помощи не под силу отыскать так хорошо укрытую цивилизацию. Мэлтби был убежден в этом. Но оставалась проблема неминуемого их обнаружения, когда через несколько лет из Главной Галактики сюда при-

будут другие корабли. Теперь, когда основная опасность осталась позади, эта проблема начала всерьез тревожить Мэлтби.

Выведя линейный корабль Пятидесяти Солнц «Атмион» на изначальный курс, Мэлтби принялся размышлять над тем, что можно сделать для безопасности обитателей Большого Магелланова Облака. И вдруг ему в голову пришло настолько простое решение, что Питер невольно поднялся с кресла. Как он раньше не додумался до этого?

Он все размышлял над тем, каким образом удобнее сдать «Атмион» противнику, когда по кораблю разнесся звон колоколов громкого боя.

— Госпожа Лор, контакт с местным кораблем установлен.

— Взять его!

6

Когда с едой было покончено, я наконец решился открыть своим товарищам тайну этого странного гостеприимства, прекрасно отдавая отчет в степени риска, на который шел. Офицеры были умными людьми, и если хоть один из них свяжет случившееся здесь со страхом населения Пятидесяти Солнц перед мезоделлианами, — его рапорт может ужаснуть командование больше, чем земной корабль.

(«Послание самому себе» Питера Мэлтби)

Мэлтби так толком и не понял, что произошло. Когда лучевые захваты уже подцепили «Атмион», времени разбираться, как именно вражеский корабль пленил их линкор, уже не было.

Питера словно засасывал гигантский смерч; во всем теле чувствовались странные напряжения и искривления, как будто сама материя, из которой состоял его организм, подвергалась неведомому воздействию. Но все разом кончилось, как только силовые захваты повлекли линкор Пятидесяти Солнц к далекому сгустку тьмы, скрывавшей земной корабль.

Мэлтби внимательно наблюдал за приборами, которые могли дать хотя бы некоторое представление о чужом корабле. По прошествии нескольких минут он начал понимать, что увидеть вражеский линкор невозможно. В этой безбрежной ночи даже ближайшие звезды казались только неясными светлыми точками. Определение характеристик любых объектов вне корабля требовало немалого времени. Объекты же настолько малые, как космический корабль, вообще были подобны пылинке, затерянной в невообразимой тьме.

Как только «Атмион» оказался в нескольких световых минутах от своего победителя, мышцы капитана скрутила острая пульсирующая боль. «Парализующий луч», — только и успел подумать он. Питер рухнул на пол рубки, и тьма сомкнулась над ним.

Мэлтби очнулся — напряженный, предельно внимательный. Он должен овладеть ситуацией, какова бы она ни была. Наверняка земляне располагают методами управления его сознанием, и им известны способы заставить его говорить. Мощь «двойного» сознания будет, вероятно, преодолена, если противник догадается о его скрытых способностях.

Расслабив мышцы век, он чуть-чуть приоткрыл глаза. Это еле заметное движение послужило своеобразным сигналом.

— Отлично, сбавь ход в шлюзе, — произнес на странном, но понятном языке стоявший поблизости человек.

Мэлтби открыл глаза, но не раньше, чем удостоверился, что все еще находится в рубке «Атмиона» и что, по-видимому, процесс принятия линкора Пятидесяти Солнц на борт земного корабля подходит к концу. Мэлтби лежал там же, где упал, значит, офицеров и команду «Атмиона» пока не допросили.

Волна возбуждения окатила Мэлтби. Пойдет ли все и дальше так же легко и просто? Возможно ли, чтобы вся задача свелась сначала к осторожному зондированию разума окружающих с помощью его мезоделлианского сознания, а потом — к полному подчинению своей воле всех, с кем Мэлтби вступит в контакт? Возможно ли взять на себя управление земным кораблем?

Возможно. И будет именно так.

В окружении других членов экипажа «Атмиона» Мэлтби вели длинным коридором, уходящим далеко вперед. Вооруженные земляне — мужчины и женщины — шли впереди и сзади вереницы

пленных. Так это выглядело внешне. На самом деле подлинными пленниками были офицеры, командовавшие конвоем. Капитан третьего ранга — коренастый мужчина лет сорока — спокойно приказал главной колонне пленных следовать дальше по коридору. Мэлтби же вместе с другими офицерами — астронавигационной и метеорологической служб — другим коридором ввели в обширное помещение с несколькими рядами кресел.

— Здесь вам будет хорошо, — деловито сказал офицер. — Сейчас подберем вам подходящие мундиры, и вы сможете свободно разгуливать по кораблю когда и сколько угодно — при условии, что не станете слишком много болтать с нашими людьми. Кстати, у нас на борту целый набор диалектов, но ни один не похож на ваш.

Мэлтби, как никогда, чувствовал себя внутренне собранным и спокойным. Его задачей — как он ее понимал — сейчас было знакомство с кораблем и распорядком на его борту. Вне всякого сомнения, корабль огромен, а людей здесь куда больше, чем может держать под контролем единственный мезоделлианин. Наверняка, имеются ловушки для неосторожных и нежеланных гостей. Но рискнуть стоило. Как только у него

сложитс я общее представление о корабле и порядках на нем, он быстро разберется и со всеми подстерегающими его неприятностями.

Когда конвоиры удалились, Мэлтби принял участие в набеге на кухню, предпринятом несколькими его коллегами-астронавигаторами. Как он и предполагал, земные продукты не слишком отличались от привычных: тысячелетия назад деллиане и нон-деллиане, спасаясь бегством из Главной Галактики, захватили с собой и домашних животных, и семена культурных растений.

Вернулся контролируемый офицер-землянин со стопкой мундиров в руках — искренне убежденный, что главная его задача — установить дружеские отношения с наиболее ценными специалистами захваченного корабля. Более того, у него сложилось впечатление, что неблагоразумно делиться этими соображениями как со своими подопечными, так и с сослуживцами. Он был готов снабдить Мэлтби и его товарищей информацией, которая позволила бы им более или менее свободно ориентироваться на борту «Звездного Роя».

— Каковы размеры вашего корабля?

— Я не понимаю, о чем вы спрашиваете. — Офи-

цер недоуменно смотрел на Питера.

— Сколько человек находится на его борту?

— Что вас интересует?

Дальше спрашивать было бессмысленно. Этот человек не поддавался его мысленному контролю всякий раз, как только дело доходило до сведений о корабле. Он хотел, но не мог поделиться своими знаниями. Некий внутренний запрет, возможно также гипнотический по своей природе, — препятствовал ему. В конце концов стало очевидно, что вопросы придется задавать офицерам более высокого ранга, располагавшим свободой воли. Младшие офицеры этой свободы не имели, и метод, примененный для защиты их сознания, был таков, что на изучение и преодоление его Мэлтби не хватило бы времени.

Он догадывался, что корабельное начальство уже заметило отсутствие между пленными астронавигаторов и метеорологов «Атмиона». Наверняка кто-то уже озабоченно размышляет над этим обстоятельством. Если бы только Мэлтби удалось поговорить с этой женщиной. Главным капитаном земного корабля... Но тогда следовало предпринять какой-то обращающий на себя внимание шаг. Может, бежать?

Как ни поджимало время, Мэлтби потратил

еще два часа, чтобы взять под контроль сознание офицеров, охранявших пленников с «Атмиона», причем управлять их поступками следовало таким образом, чтобы по сигналу они скоординировали свои действия и организовали побег. В мозг каждого из них Питер внедрил мнимый приказ старших командиров, подлежащий автоматическому исполнению. Вся эта хитроумная конструкция из множества внушенных идей и приказов опиралась на Главный тезис, оправдывавший ее существование: «Атмион» необходимо отпустить, чтобы продемонстрировать дружелюбие по отношению к правительству Пятидесяти Солнц.

Напоследок Мэлтби заставил начальника конвоя преисполниться уверенностью в том, что пленного капитана-астронавигатора желает видеть сама госпожа Лор. Чем кончится вся эта затея, Мэлтби представлял себе весьма смутно.

Придя на капитанский мостик, лейтенант Неслор опустилась в кресло и со вздохом проговорила:

— Что-то здесь не так!

Оторвавшись от пульта управления, Главный капитан повернулась к старшей подруге и некоторое время внимательно изучала ее. Наконец

Глория раздраженно пожала плечами и сердито сказала:

— Наверняка кто-нибудь из наших пленников знает координаты своих планет.

— Мы не нашли на борту их корабля ни единого астронавигатора, — покачала головой психолог. — Остальных пленников это поразило не меньше нас.

— Не понимаю, — Глория нахмурилась.

— Пятеро астронавигаторов, — пояснила лейтенант Неслор. — Всех видели за несколько минут до взятия в плен «Атмиона». Теперь их нигде нет.

Главный капитан среагировала мгновенно:

— Обыскать корабль! Объявить общую тревогу! — Она уже рванулась к пульту управления, но замерла, вопрошающе глядя на психолога. — По-моему, вы этого не одобряете...

— Однажды мы уже имели дело с деллианином.

Глория едва заметно вздрогнула. Воспоминание о Страже, захваченном на метеостанции, до сих пор окончательно не изгладилось.

— Что вы предлагаете?

— Ждать! Они наверняка что-то задумали. Я хочу понять, куда они направятся и что входит в их

намерения, а не то, каким способом им удалось ускользнуть.

— Понимаю. — Взгляд Глории стал рассеянным, она смотрела куда-то вдаль.

— Конечно, вы будете надежно защищены, — продолжала лейтенант Неслор. — Это я беру на себя.

— Не представляю себе, каким образом люди, впервые оказавшиеся на борту нашего корабля, могут отыскать мои апартаменты, — Главный капитан пожала плечами. — Если я когда-нибудь забуду схему — понятия не имею, как мне удастся вернуться сюда. — Она помолчала. — Это все, что вы можете предложить? Только ждать и наблюдать за развитием событий?

— Да.

— Мне этого недостаточно, дорогая моя. Полагаю, мой приказ о мерах предосторожности получен и выполняется. — Глория резко повернулась к пульту управления; мгновение спустя на экране появилось лицо мужчины, словно высеченное из камня. — Капитан Майкрос, — обратилась она к нему, — чем занимается полиция?

— Поисками и охраной, — прозвучал лаконичный ответ.

— И насколько успешно?

— Случайности исключены.

— Хорошо. — Главный капитан Лор удовлетворенно откинулась в кресле. — Продолжайте. — Она закончила сеанс связи и зевнула. — Пожалуй, пора спать. Увидимся утром, дорогая.

Лейтенант Неслор встала.

— Уверена, что ваш сон никто не потревожит.

Она вышла. Главный капитан потратила полчаса на то, чтобы надиктовать приказы различным службам корабля, точно указывая время передачи каждого из них. Затем она разделась и легла в постель. И почти сразу же уснула.

Глория проснулась со странным ощущением возбуждения и беспокойства, Помещение капитанского мостика тонуло во тьме. В нише спальни Главного капитана имелся терминал. Те, чей код не был введен в его банк данных, не могли видеть нишу: их взгляду представала сплошная стена. Но если встроенный сканер распознавал определенные сегменты ДНК, то человек мог работать с терминалом. Сейчас его пульт слабо светился — итак, в комнате находится кто-то еще. Когда ее глаза привыкли к темноте, госпожа Лор смогла различить в нескольких футах от постели четкий силуэт.

Незваный гость явно ждал, когда его обнару-

жат. Он, видимо, понял, что она уже проснулась, поскольку произнес:

— Не зажигайте свет. И будьте осторожны.

Голос у него был мягкий, едва ли не ласковый, и это свидетельствовало лишь о том, что незнакомец чрезвычайно опасен. Его приказ удержал Глорию в постели. Сознание того, что она может погибнуть прежде, чем кто-либо придет ей на помощь, ужаснуло Глорию. Оставалось надеяться лишь на бдительную охрану лейтенанта Неслор.

— С вами ничего не случится, если вы будете точно следовать моим указаниям, — вновь заговорил таинственный посетитель.

— Кто вы? — В тоне ее голоса прозвучало лишь любопытство.

Мэлтби не ответил. Он нашарил в темноте стул и опустился на него. Этот корабль слишком напичкан автоматикой. Приходилось допускать, что и сейчас за ним могут наблюдать из какого-нибудь места, недоступного его мысленному контролю.

— Повторяю, с вами не случится ничего плохого, если вы не станете делать резких движений. Меня привела сюда надежда получить ответы на несколько вопросов. Для вашего душевного спокойствия поясню, что являюсь одним из аст-

ронавигаторов «Атмиона», линкора Пятидесяти Солнц. Не стану вдаваться в детали, каким образом нам удалось покинуть клетку. Сюда меня привело желание поговорить с вами, порожденное вашей же пропагандой. Вы совершенно правы, полагая, что среди народа Пятидесяти Солнц существуют различные мнения относительно контакта с землянами. Некоторые считают, что мы можем положиться на ваши гарантии. Другие боятся. Естественно, осторожные составляют большинство, и их мнение оказалось решающим. Безопаснее всего — ждать и надеяться.

Он смолк. Мысленно проанализировав каждое свое слово, Мэлтби решил, что кое-какие положения можно было сформулировать иначе, более убедительно... но по существу все сказанное им — правильно. Если люди этого корабля вообще способны хоть чему-нибудь поверить — так это тому, что соплеменники Мэлтби до сих пор не сделали выбор.

— Я представляю группу, занимающую в этих обстоятельствах уникальное положение, — продолжал Мэлтби в той же доверительной и неторопливой манере. — Только астронавигаторы и метеорологи с различных кораблей и планет способны указать координаты обитаемых

миров. Возможно, среди жителей Пятидесяти Солнц и найдутся десятки тысяч потенциальных предателей, готовых пожертвовать собственным народом ради сиюминутной личной выгоды, но в рядах испытанного и дисциплинированного персонала гражданской администрации и вооруженных сил таких не сыскать. Уверен, вы понимаете, что это значит, — Мэлтби вновь сделал паузу, чтобы дать женщине время осмыслить его слова.

По мере того как он говорил, напряжение мало-помалу покидало Глорию. Слова незнакомца звучали разумно, а цель хоть и казалась странной, но отнюдь не невероятной. Беспокоила Глорию лишь одна мелкая, но весьма существенная деталь: как он нашел дорогу в ее апартаменты? Человек, знакомый с особенностями внутреннего устройства «Звездного Роя» не так близко, как его Главный капитан, мог бы принять присутствие гостя, как свершившийся факт. Но она знала теорию вероятностей и вытекающие из нее следствия. Ситуация выглядела примерно так же, как если бы ее ночной посетитель появился в чужом городе с тридцатитысячным населением и — не обладая никакой предварительной информацией! — прямиком направился бы к дому человека,

с которым хотел повидаться. И все же его слова убедили Глорию в собственной безопасности, а уверенность в том, что лейтенант Неслор в курсе происходящего, крепла с каждой минутой. Вдобавок ей представлялась возможность узнать что-то новое.

— Вы пытаетесь склонить нас к трудному решению, и неудивительно, что мы хотим его отсрочить, — снова заговорил Мэлтби. — Нам было бы гораздо легче, если бы «Звездный Рой» вернулся в Главную Галактику и позже сюда прислали другой корабль. Тогда у нас появится время для подготовки к неизбежному, и никто не окажется в незавидном положении человека, стоящего перед выбором — предавать свой народ или нет.

Глория кивнула — ничего не скажешь, вполне разумные аргументы.

— Что конкретно вы хотите узнать? — спросила она.

— Как долго вы находитесь в Большом Магеллановом Облаке?

— Десять лет.

— И сколько еще собираетесь оставаться здесь? — продолжал Мэлтби.

— Эта информация не подлежит разглашению,

— размеренным тоном произнесла Главный капитан.

Как ни странно, ее утверждение было правдивым — во всяком случае, по отношению к ней самой. Голосование капитанского Совета планировалось через два дня.

— Настоятельно рекомендую вам ответить на мой вопрос.

— А что случится, если я не отвечу?

При этих словах ее рука, незаметно передвигавшаяся по постели к маленькой приборной доске, смонтированной на краю койки, достигла цели. Глория торжествующе надавила на одну из кнопок.

— Я позволил вам сделать это, — прозвучал из темноты голос Мэлтби. — Надеюсь, теперь вам станет легче.

Невозмутимый тон его голоса смутил госпожу Лор; Главный капитан холодно пояснила, что активизировала систему светочувствительных датчиков, и с этой секунды за каждым его движением следят бесчисленные электронные глаза. Любая его попытка воспользоваться лучевым оружием встретит силовое противодействие. Упоминать о том, что ее это тоже лишало возможности применить оружие, Глория сочла

неблагоразумным.

— Я не собираюсь прибегать к оружию, — сказал Мэлтби. — Я всего лишь хочу предложить вам ответить на несколько вопросов.

— Пожалуйста, — голос Глории звучал спокойно, однако в ней уже росло раздражение против лейтенанта Неслор. Ведь ясно же, что пришла пора действовать!

— Насколько велик ваш корабль? — спросил Мэлтби.

— Длина его достигает полутора тысяч футов, а экипаж — трех тысяч человек.

— Ничего себе! — Питера поразило, насколько далеки от истины ее слова.

Главный капитан не обратила внимания на его реакцию. На самом деле размеры корабля были вдесятеро больше, чем она сочла нужным сообщить. Однако отнюдь не величина являлась главным секретом. Глория была совершенно уверена, что этот любознательный незнакомец не имеет ни малейшего представления о том, какой чудовищной оборонительной и наступательной мощью обладает линкор. Природу тех сил, которые им были подвластны, понимали лишь несколько старших офицеров. Сейчас все они находились под неусыпным дистанционным

контролем.

— Меня также интересует, каким образом вы захватили наш корабль, — произнес Мэлтби. — Вы можете объяснить это?

Итак, он добрался, наконец, до главного.

— Лейтенант Неслор! — позвала госпожа Лор.

— Да, госпожа, — немедленно прозвучало из темноты.

— Вам не кажется, что комедия чересчур затянулась?

— В самом деле. Убить его?

— Нет. Теперь ему придется ответить на несколько вопросов.

Мэлтби успел взять ее сознание под контроль, уже спеша к трансмиттеру.

— Не стрелять! — громко скомандовала Глория. — Пусть он уходит.

Главный капитан ни на миг не усомнилась в правильности своего приказа, точнее — внутреннего импульса, заставившего этот приказ отдать. Впоследствии она нашла вполне логичное объяснение этому решению. Незнакомец не угрожал ее жизни и к тому же являлся одним из столь необходимых им астронавигаторов, поэтому уничтожать его лишь затем, чтобы предотвратить бегство пленника в другой конец корабля, было

попросту нерационально.

Мэлтби преспокойно покинул капитанский мостик и сумел подать мысленную команду освободить «Атмион». По мере того, как корабль Пятидесяти Солнц исчезал вдали, офицеры земного линкора — в полном соответствии с последним приказом мезоделлианина — начали забывать о своей роли в этом побеге.

Вот, собственно, и все, чего достиг Мэлтби; впрочем, рассуждал он, проникновение на вражеский корабль и успешное бегство оттуда уже сами по себе были достаточно рискованным предприятием. Сведения, которые удалось получить, не слишком его удовлетворяли; Питер лишь убедился, что имеет дело с гигантским кораблем. Конечно, при столкновении с флотом Пятидесяти Солнц «Звездному Рою» следовало бы проявить определенную осторожность, однако Мэлтби не сомневался, что земной линкор обладает оружием, способным в считанные минуты уничтожить несколько кораблей, подобных «Атмиону».

Больше всего Мэлтби беспокоило, как отнесутся ко всему происшедшему офицеры «Атмиона» — да и вообще обитатели Пятидесяти Солнц. Ситуация казалась слишком запутанной, поэтому вряд ли один-единственный человек смог преду-

гадать ее развитие. А что и как произойдет на борту «Звездного Роя» казалось и вовсе непредсказуемым.

События начали развиваться не сразу. Мэлтби знал, что вице-адмирал Дрихан направил рапорт правительству Пятидесяти Солнц. Однако в первые два дня ничего не произошло.

На третий день из очередной радиопередачи «Звездного Роя» стало известно, что земной корабль по неизвестным причинам резко изменил курс.

На четвертый день экран в каюте Мэлтби засветился, и на нем возникло лицо вице-адмирала Дрихана.

— Вниманию всего экипажа, — торжественно проговорил командующий. — Из штаба флота получено следующее сообщение. — И он размеренным голосом принялся зачитывать циркуляр: — «Настоящим объявляется состояние войны между народами Пятидесяти Солнц и земным кораблем «Звездный Рой». Флоту надлежит блокировать противника и вступить с ним в сражение. На выведенных из строя кораблях, подвергающихся опасности захвата противником, должны быть уничтожены звездные карты; в этой ситуации патриотический долг обязывает

каждого офицера астронавигационной и метеорологической служб живыми врагу не сдаваться. Именем суверенного правительства Пятидесяти Солнц захватчик должен быть уничтожен».

Взволнованный, побледневший, Мэлтби слушал, как Дрихан продолжал — уже в обычной разговорной манере:

— Я располагаю неофициальными сведениями, согласно которым правительство пришло к выводу, что освобождение «Атмиона» вызвано опасениями землян возбудить гнев нашего народа. По этим и другим соображениям наши лидеры решили, что «Звездный Рой» возможно уничтожить решительной атакой. Если мы будем действовать в полном соответствии с полученным приказом, то даже захват противником отдельных кораблей не обеспечит ему преимущества. Прошу принять к сведению, что мною уже назначены экзекуторы, которые будут приставлены ко всем офицерам астронавигационной и метеорологической служб — на тот случай, если сами они в критический момент не смогут воспользоваться оружием.

7

Я ощущал всю тщетность этой жестокой затеи. Обнаружение Пятидесяти Солнц неизбежно; раньше или позже, но оно произойдет — чтобы ни предпринималось сейчас. И все же... Я должен сделать это — как представитель мезоделлиан. Мы обязаны быть едины с остальными народами — и если нужно, то в смерти тоже.

(«Послание самому себе» Питера Мэлтби)

При голосовании на Совете Глория потерпела сокрушительное поражение — лишь трое из тридцати капитанов поддержали ее. Помрачнев, она приказала направить огромный корабль по новому курсу — к дому. К вечеру того же дня ее вызвали из службы связи:

— Должны ли мы по-прежнему извещать вас о курсе?

По крайней мере, хоть это оставалось в ее власти.

— Разумеется, — отрывисто ответила Глория.

На следующий день ее разбудил сигнал тревоги.

— Прямо по курсу тысячи кораблей, — доложил

начальник оперативного отдела.

— Сбавить ход для боевого маневрирования! — скомандовала Главный капитан. — Объявляю боевую тревогу!

Когда это было сделано и скорость «Звездного Роя» упала до тысячи миль в секунду, Глория созвала капитанский Совет.

— Надеюсь, теперь вы уполномочите меня вести боевые действия против непокорного правительства, только что продемонстрировавшего свою враждебность по отношению к земной цивилизации? — с нескрываемым торжеством произнесла она.

— Глория, — капитан медицинской службы Джудит Берис не пыталась скрыть свое плохое настроение, — прошу вас, не растравляйте рану. Это один из немногих случаев, когда вы были правы.

Решение принять бой не вызвало ничьих возражений. После голосования встал вопрос: следует ли уничтожать корабли Пятидесяти Солнц или же захватывать их в плен?

— Брать в плен, — приказала Главный капитан.

— Все?

— Все.

Когда флот Пятидесяти Солнц и земной корабль сблизились до четырехсот миль, «Звездный Рой» развернул силовое поле, заключившее в себя огромную часть космического пространства. Линкор окружила собственная миниатюрная вселенная с высокой степенью искривления пространства. Корабли противника, следовавшие прямым курсом, возвращались на исходные позиции. Попытки вырваться из ловушки оказались тщетными. Торпеды, выпущенные по «Звездному Рою», меняли курс и взрывались, нанося урон лишь собственным кораблям. Связь с любой из планет Пятидесяти Солнц отсутствовала.

Четыре часа спустя корпус «Звездного Роя» озарился серией ярких вспышек. Неумолимая сила один за другим увлекала боевые корабли Пятидесяти Солнц по направлению к гигантскому линкору. И тогда всем офицерам астронавигационной и метеорологической служб флота Пятидесяти Солнц был отдан приказ покончить с собой.

На борту «Атмиона» Питер Мэлтби стоял в окружении группы офицеров, они прощались с вице-адмиралом Дриханом. Обменявшись с командующим рукопожатием, каждый из них приставлял бластер к виску.

«Я могу взять их всех под мысленный контроль, — размышлял Мэлтби, — и тем самым спасти собственную жизнь». Миг неуверенности остался позади, и Питер нажал активатор своего оружия.

Когда первые захваченные корабли оказались на борту «Звездного Роя», весть о самоубийствах достигла молодой женщины, праздновавшей победу на капитанском мостике самого мощного из кораблей, когда-либо посещавших Большое Магелланово Облако.

— Оживить! Ни один не должен умереть.

— Некоторые в очень плохом состоянии, — доложили ей. — Они пользовались бластерами.

— Дураки, они вполне заслужили смерть. — Но тут же оборвала себя: — Сделайте все возможное.

Вечером Главный капитан принимала рапорты. Перед ней сидели некоторые из воскрешенных астронавигаторов, и при помощи лейтенанта Неслор Глория допрашивала их.

Прежде чем она отправилась спать, потерянная цивилизация была найдена.

8

Сквозь мили и годы дрейфовали газы — бесформенная и бесцельная материя, изверженная десятками тысяч солнц.

Газы расползались по великой тьме, скорость дрейфа достигала двадцати миль в секунду. Наконец они достигли места, где путь их пересекся со следом, некогда оставленным в космосе тысячами пролетавших здесь метеоритов.

Это столкновение разом оживило безбрежные газовые миры. Материя встретилась с антиматерией — и в тот же миг свободные электроны и позитроны исчезли в бушующем пламени взрыва, оставив после себя лишь жесткое излучение.

Лишенные позитронных оболочек ядра атомов антиматерии несли несбалансированные отрицательные заряды и отталкивали электроны, в то же время стремясь притянуть к себе атомные ядра обычной материи. В свою очередь, лишенные электронных оболочек ядра атомов обычной материи притягивали атомные ядра антиматерии. Результат взаимоуничтожения зарядов был ужасен. Обе противостоящие массы двигались перпендикулярно друг другу, но посте-

пенно все больше соединяясь в едином кипящем водовороте.

Новое направление их движения постепенно определялось; и тогда фронтом шириной до девяти световых лет и со скоростью, лишь немногим уступающей свету, шторм двинулся в предназначенном ему судьбой направлении.

На полвека он поглощал встречные звезды, чтобы затем оставить позади, и только ливень космических лучей свидетельствовал, что эти миры оказывались в центре невидимого и неосязаемого атомного опустошения.

На четыреста девятнадцатый звездный год с момента своего зарождения шторм во мгновение ока пересек орбиту Новой — и разбушевался вовсю.

(«Рождение шторма».
Серия «Популярная наука», №72)

На метеокарте в штаб-квартире флота на планете Кайдер-3 шторм обозначался оранжевым, неправильной формы пятном на пересечении 473 параллели и 228 меридиана с центром в 190 парсеках. Это означало, что из более чем четырехсот штормов, свирепствовавших в занятой Пятьюдесятью Солнцами части Большого Магелланова Облака, он является наибольшим. Донесение о

вспышке Новой еще не было отражено на карте. Когда это произойдет, цвет шторма изменится на тревожнобагровый.

Стоявший возле огромного окна Мэлтби оторвался от созерцания карты и перевел взгляд на экран, где корабль землян казался лишь крохотной занозой в небесной глубине.

Питер был исполнен спокойной решимости. То, что в час опасности лидеры Пятидесяти Солнц призвали именно его, казалось ему не просто забавным — в этом ощущалась какая-то злая ирония. Он отвернулся от окна и посмотрел на стоявшего рядом тучного сорокалетнего мужчину Рона Ошби — председателя правительства Кайдера-3. Сконцентрировавшись, Мэлтби привлек к себе его внимание, — Ошби понятия не имел, что повернулся по принуждению.

— Вы поняли инструкции, капитан? — спросил он.

— Так точно, — кивнул Мэлтби.

На самом деле он не просто понял — он уже осознал их позицию, их цель как неотъемлемую часть своей позиции. Решение принято; осталось его выполнить — позади мучительные сомнения, мысли, тревожащие сердце и мозг. И хотя теперь запоздалое сопротивление Пятидесяти

Солнц выглядело явно безнадежным, не пристало ему, офицеру, подвергать сомнению действия властей.

Жирный подбородок советника задрожал, лицо исказила гримаса.

— Капитан Мэлтби, вы не имеете права на неудачу. Они потребовали метеоролога, чтобы провести их сюда, на Кассидор-7, где находится центральное правительство. Корабль землян должен попасть в большой шторм на широте 473. Мы поручаем это именно вам и сожалеем, что в прошлом не всегда по достоинству ценили вашу службу. Но, согласитесь — после мезоделлианских войн вполне естественно было проявлять осторожность...

— Забудьте, — прервал Мэлтби сбивчивые оправдания. — Насколько я понимаю, мезоделлиане запутались во всем этом не меньше, чем деллиане и нон-деллиане. Заверяю вас: я сделаю все от меня зависящее, чтобы уничтожить их корабль.

— Будьте осторожны! — настоятельно порекомендовал ему Ошби. — Во мгновение ока они могут уничтожить нас, нашу планету, наше солнце. Мы никогда не предполагали, что земляне настолько ушли вперед и создали такие

могучие средства разрушения. Никто не просит вас рисковать жизнью. Их линкор несокрушим. Мы не можем точно сказать, как он выдержит сильный шторм. Скорее всего, выдержит. Однако люди на борту потеряют сознание. Вы мезоделлианин, и потому придете в себя первым. Наш объединенный флот, который, как вам известно, освобожден, по вашему сигналу захватит «Звездный Рой». Все ясно?

Все было ясно с первых же слов, но у этих нонделлиан имелась привычка пережевывать все так, словно мысли теряли в их головах ясность. Когда двери зала заседаний закрылись за Мэлтби, один из советников спросил у соседа:

— Ему сказали, что шторм прошел Новую?

Эти слова достигли слуха толстяка-председателя; он покачал головой; глаза блеснули, но голос прозвучал спокойно:

— Нет. Все-таки он мезоделлианин. И мы не можем доверять ему до конца — невзирая на все его подвиги.

9

Пятьдесят солнц, вокруг которых располагались обитаемые планеты, названы в алфавитном порядке: Ассора, Атмион, Бресп, Бурако, Кассидор, Корраб... Их координаты: (1) Ассора — широта 931, долгота 27, центр в 201 парсеке; (2) Атмион...

(Из рапорта Главному капитану госпоже Глории Сесилии Лор)

Понемногу стекалась необходимая информация: население Кайдера-3 составляло два миллиарда сто миллионов, среди которых сорок процентов — так называемые «роботы Делла», деллиане, и шестьдесят — обычные люди или нон-деллиане.

Незадолго до полудня Глория с удивлением обнаружила, что из метеорологической службы не поступает никакой информации о штормах. Она набрала нужную комбинацию цифр и сразу обрушилась на ответившего офицера:

— В чем дело, лейтенант Кэннонс? Ваши люди копируют различные кайдерианские карты — неужели впустую?

— Вспомните, госпожа, когда мы захватили то-

го робота на метеостанции, ему хватило времени предупредить своих. Разумеется, они предоставят нам метеоролога, но каждое его слово придется проверять.

— Понимаю, — Глорию вполне удовлетворил ответ. — Однако бояться нечего. Открыто выступить они не посмеют. Не сомневаюсь, что против нас готовятся какие-то козни, но изменить положение дел уже никому не под силу. Кого бы они нам ни прислали, ему придется говорить правду. Дайте мне знать, как только он явится.

Настало время обеда, который Глория проглотила прямо за пультом, вглядываясь в сверкающую на экране астровизора панораму и мысленно складывая разрозненные факты в единую картину.

— Несомненно, капитан Тэджес, все они врут без зазрения совести, — взбешенно заявила она прибывшему офицеру. — Что ж, пусть будет так. Для проверки всех существенных подробностей мы можем прибегнуть к психологическим тестам. А пока важнее всего успокоить каждого, кого вы считаете необходимым допросить. Мы должны убедить их, что люди Земли признают их равными — без всяких предрассудков, пусть даже по природе своей они являются робо... — Глория

закусила губу. — Паршивое слово, худший из всех видов пропаганды. Нам нельзя допускать его даже в мыслях.

— Боюсь, над мыслями мы не властны, — пожал плечами офицер.

Госпожа Лор, сузив глаза, посмотрела на капитана Тэджеса и сердито отослала прочь. Минутой позже она уже обращалась к экипажу по сети общего оповещения:

— Слово «робот» изымается из употребления... никто из членов экипажа... под угрозой штрафа...

Затем она заблокировала резервную линию связи, а по основной вызвала психологическую службу. На экране появилось лицо лейтенанта Неслор.

— Я только что выслушала ваш приказ. Однако боюсь, мы имеем дело с глубинными инстинктами человеческой натуры — страхом или ненавистью ко всему неизвестному и чуждому. Ваше превосходительство, наши предки считали себя лучше других лишь в силу обладания чуть более светлой пигментацией кожных покровов. Сохранились свидетельства и о том, что даже цвет глаз влиял на принятие человеком исторических решений. Мы вошли в очень глубокие воды, и если сумеем благополучно добраться до

берега — это станет венцом наших достижений.

Минутой позже Глория вновь затребовала метеорологическую службу.

— Лейтенант Кэннонс, когда явится офицер-метеоролог флота Пятидесяти Солнц, примените, пожалуйста, следующую тактику...

Мэлтби жестом отпустил водителя. Аэрокар взмыл в воздух, оставив капитана хмуро созерцать пламенеющий энергетический барьер, который перегораживал улицу недалеко впереди. Потом он задрал голову и посмотрел на земной корабль. «Звездный Рой» висел невообразимо высоко — длинная черная торпеда, почти растворившаяся в небесной мгле. Но даже на такой высоте он выглядел неким чудовищем — порождение мира столь далекого, что он воспринимался едва ли не мифическим. Но корабль над головой отнюдь не был мифом...

Наверняка земляне постараются вывернуть его чуть ли не наизнанку своими тестами, прежде чем примут хоть одну из рассчитанных им орбит. Не то чтобы он сомневался в своей способности выйти победителем из подобной ситуации; но не следовало и забывать об ужасающем временном разрыве, отделявшем науку Пятидесяти Солнц от достижений земного знания, уже успевшего

неприятно поразить соотечественников Мэлтби.

Питер почти приблизился к розоватому прозрачному пламени, разделявшему улицу. За ним виднелись люди в блестящих мундирах. Непрерывным потоком они вливались в здания и выходили из них. Тремя кварталами дальше сиял второй занавес розового огня. По сторонам улицы никакой видимой охраны не было. Люди, которых мог разглядеть Мэлтби, вели себя непринужденно и казались весьма уверенными в себе. Как и там, на борту «Звездного Роя», здесь были не только мужчины. Когда Мэлтби направился вперед, из ближайшего здания вышли две очаровательные женщины. Один из стоявших подле барьера охранников окликнул их — обернувшись, они улыбнулись, а затем плавной походкой двинулись вниз по улице.

Внезапно Мэлтби охватило возбуждение. Этих людей из огромного и чудесного мира, находившегося невообразимо далеко за горизонтом размеренной жизни Пятидесяти Солнц, окружала какая-то особая атмосфера.

Он вновь посмотрел на фантастически громадный корабль. «Единственный линкор — но столь гигантский, столь могущественный, что флот, созданный усилиями тридцати миллиардов людей,

оказался против него беспомощным. Они...»

Один из часовых в странном сверкающем облачении поднес к губам наручную рацию, произнес несколько слов, — и мгновение спустя другой землянин, прервав беседу с каким-то солдатом, приблизился к барьеру и сквозь пламя посмотрел на Мэлтби.

— Вам что-то нужно? Или просто хотите посмотреть? — Голос был дружеский; да и сам человек вел себя вполне естественно и всем своим видом внушал доверие.

Питер спокойно представился.

— О да, — землянин кивнул, — мы вас ждем. Сейчас я провожу вас в метеорубку корабля. Минуточку...

Огненный барьер исчез, и Мэлтби провели в одно из зданий. Они двинулись по длинному коридору, в котором, очевидно, находился трансмиттер, поскольку посреди просторного помещения были установлены голографические экраны, на которых мерцали плавные кривые. Провожатого нигде не было видно. Высокий, изящный пожилой человек в ярко-синем комбинезоне, протянув руку, шел ему навстречу.

— Меня зовут Кэннонс, я старший судовой метеоролог. Если вы присядете, мы сможем рас-

считать орбиту, и тогда корабль отправится в путь не позже чем через час. Главный капитан всерьез озабочена тем, чтобы стартовать поскорее.

Мэлтби небрежно кивнул. Спокойный, собранный, он неподвижно стоял, пытаясь обнаружить то энергетическое давление, которым неизбежно сопровождается любая попытка тайно взять сознание под наблюдение или контроль. Но ничего похожего не было. Мэлтби непроницаемо улыбнулся. Неужели все и дальше пойдет так легко и просто? Не может быть!

10

Мне пришлось приказать одному из своих «я» отступить на задний план. В поединок со всеми вопросами, какие ему предложат, вступило деллианское сознание, которое до сих пор я удерживал в стороне от собственных мыслей. Иногда это второе сознание приводит меня в восхищение: не обладая творческими способностями, оно отличается компьютерной памятью и сопротивляемостью внешнему давлению, которая — как быстро установила эта женщина-психолог — соответствует ай-кью, превышающему девятьсот; если быть абсолютно точным, то девятистам семнадцати.

(«Послание самому себе» Питера Мэлтби)

Опустившись в предложенное Кэннонсом кресло, Мэлтби почувствовал, как растет внутри него возбуждение. Пожалуй, это можно было бы назвать «упоением боя», и Питер был счастлив тем, что на сей раз сможет насладиться этим чувством. На протяжении своей долгой службы на флоте Пятидесяти Солнц ему приходилось сталкиваться с враждебностью и подозрительно-

стью из-за своего происхождения. И всякий раз им овладевала полная беспомощность. Сейчас ощущалось куда больше и враждебности, пусть даже тщательно скрытой, и испепеляющей подозрительности... Но на этот раз он мог бороться, мог спокойно смотреть в глаза этому дружелюбному пожилому землянину — и...

Дружелюбному?

— Порой мне становится смешно, — тем временем говорил Кэннонс, — когда я думаю о вненаучных аспектах предстоящей нам работы. Например, с каким опозданием поступает информация о штормах?

Мэлтби не мог скрыть улыбки. Итак, лейтенант Кэннонс хочет знать все? Что ж, надо отдать ему должное — он умеет взять быка за рога. Впрочем, иногда лучший способ задать вопрос — это попросту спросить.

— Три-четыре месяца, — ответил Мэлтби. — Ничего особенного. Любому метеорологу требуется не меньше времени, чтобы определить реальные границы шторма, проходящего через его регион, и лишь потом он передает нам данные, на основании которых корректируются карты. К счастью, — тут Мэлтби наглухо закрыл свое деллианское сознание, прежде чем спокойно произнести ве-

ликую основополагающую неправду, — между Кайдером и Кассидором сильных штормов нет. Однако, — продолжал он, скользя по собственной лжи, как угорь по мокрым камням, — несколько солнц препятствуют прямолинейному движению. Так что если вы покажете мне несколько орбит, уже рассчитанных для отрезка в две с половиной тысячи световых лет, я выберу из них подходящие.

Тотчас же Мэлтби понял, что в этом главном вопросе провести землянина окажется совсем не так просто.

— Нет штормов? — Старик поджал губы. На физиономии землянина отразилось неподдельное замешательство; казалось, сеть покрывавших его лицо морщин стала глубже; не подлежало сомнению, что лейтенант Кэннонс не ожидал столь откровенного заявления.

— Хм-м-м, нет штормов. Это упрощает дело, не так ли? — Он выдержал паузу. — Космос так необъятен! Даже такая, сравнительно небольшая галактика, правда, называющаяся «Большое Магелланово Облако», столь огромна, что это недоступно нашему разуму. Десять лет мы бороздили Облако на своем «Звездном Рое» и теперь можем долго рассуждать о том, что оно охваты-

вает двести шестьдесят миллиардов кубических световых лет и включает в себя сто миллионов солнц. Мы обнаружили магнитные полюса Облака, наметили нулевую линию, исходящую из центра масс через самую крупную и яркую звезду скопления — S Дорады; и теперь, полагаю, среди нас найдется немало глупцов, думающих, будто все это скопление уже упрятано в наши черепа.

Мэлтби молчал, поскольку был именно таким дураком. Слова Кэннонса прозвучали предостережением. Они определенно указывали на то, что любую рассчитанную для них Мэлтби орбиту земляне в состоянии проверить относительно всех расположенных в этом направлении звезд. За этими словами стояло и большее — Земля явно находилась накануне распространения своей, и без того невообразимой по масштабам власти на Большое Магелланово Облако. В конце концов придут другие корабли — и вскоре каждая, даже самая незначительная планета признает власть Земли. А Земная империя не потерпит независимости отдельных народов.

Следовательно, уничтожив их корабль, Мэлтби предоставит Пятидесяти Солнцам драгоценное время для решения, что же делать дальше. Ведь деллианам, нонделлианам и мезоделлианам

дорог каждый лишний день, каждый час.

Мэлтби строил план уничтожения земного корабля не на том, чтобы рассчитанная им орбита привела «Звездный Рой» прямо в недра какой-нибудь звезды — магнитологические исследования позволили землянам определить местоположение всех звезд на трассе. Но о штормах они знать не могли. Ни за десять, ни даже за сто лет одному кораблю не под силу обнаружить все возможные штормы в ареале, охватывающем две с половиной тысячи световых лет. Если только земные психологи не докопаются до специфических свойств его двойного разума, Мэлтби выполнит то, чего ждет от него правительство Пятидесяти Солнц. В том, что это возможно, Мэлтби не сомневался.

Тем временем лейтенант Кэннонс задавал параметры орбитографу; световые линии на табло извивались и мерцали, пока наконец не замерли, подобно шарам в лотерейном барабане. Из них Мэлтби выбрал шесть — они вели глубоко в область великого шторма. Десять минут спустя он ощутил легкую вибрацию: корабль пришел в движение. Нахмурившись, Мэлтби поднялся на ноги. Странно, что они приступили к действиям без какой бы то ни было проверки...

— Сюда, — сказал старик.

«Сейчас они примутся за меня...» — мгновенно сообразил Мэлтби.

Мысль его прервалась.

Он очутился в космосе. Далеко-далеко внизу виднелась удаляющаяся планета Кайдер-3. С одной стороны поблескивал громадный темный корпус линкора; со всех остальных — и сверху, и снизу — были лишь звезды и беспредельный мрак космоса. Несмотря на всю свою волю, Мэлтби ощутил потрясение неописуемой силы. Его сознание свело судорогой; он пошатнулся и, вероятно, упал бы, подобно внезапно ослепшему человеку, если бы, попытавшись удержаться на ногах, не обнаружил, что стоит достаточно твердо.

Инстинктивно разум его переключился на второе — деллианское — сознание. Его точность и силу Мэлтби поставил между своим вторым «я» и тем, что могли бы противопоставить ему земляне. Откуда-то сквозь пронизанную сверканием звезд тьму донесся ясный и звучный женский голос:

— Итак, лейтенант Неслор, какие же плоды психологического познания взросли на дереве удивления?

Ответила женщина постарше:

— За три секунды, госпожа Главный капитан, его сопротивляемость подскочила до уровня, соответствующего ай-кью, равному девятистам, что является средним значением для деллиан. А ведь помнится, вы специально просили, чтобы их представитель не был деллианином.

— Вы глубоко заблуждаетесь, — поспешно произнес Мэлтби в окружавшую его ночь. — Я не деллианин. Это просто естественная реакция на удивление. Уверяю вас, если требуется, я снижу свою сопротивляемость до нуля.

Щелчок — и иллюзорный космос со всеми его звездами прекратил существование. Мэлтби убедился в том, о чем уже давно начал подозревать, — все это время он не покидал метеорубки. Лейтенант Кэннонс иронично улыбался. На приподнятом помосте, полускрытая длинной приборной доской, откинувшись в удобном кресле, сидела красивая женщина.

— Вы находитесь в присутствии Главного капитана, госпожи Глории Сесилии Лор, — голос старика был полон достоинства. — Держите себя подобающим образом.

Мэлтби молча поклонился. Сдвинув тонкие, словно нарисованные брови, Главный капитан смотрела на него, нервно закручивая на палец

каштановую прядь. Не очень высокий, но гармонично сложенный, с умным, одухотворенным лицом, — она сразу отметила все эти черты, свойственные лучшим представителям человеческой расы... и роботам. Эти люди гораздо опаснее, чем она предполагала.

— Вы прекрасно понимаете, мы обязаны допросить вас, — раздраженно произнесла Глория. — Но мы предпочли бы, чтоб вы не чувствовали себя обиженным. Вы утверждаете, что Кассидор-7, главная планета Пятидесяти Солнц, находится в двух с половиной тысячах световых лет отсюда. Обычно мы тратим много времени, нащупывая дорогу через столь необъятные, насыщенные незнакомыми звездами пространства. Вы предложили нам выборку оптимальных орбит. Однако мы должны быть уверены, что эти орбиты отобраны честно, без вероломства и коварных намерений. Исходя из этих соображений, мы просим вас открыть свой разум и отвечать на предложенные вопросы под непрерывным психологическим контролем.

— Мне приказано сотрудничать с вами во всем. — Мэлтби пристально смотрел на красавицу.

Недавно он гадал, что же почувствует, когда наступит решающий час. Но ничего необычного

не ощутил. Тело слегка одеревенело, зато разум...

— Как вас зовут?

Вот и началось: фамилия, звание и множество других деталей, с самых разных сторон характеризующих его личность. Мэлтби отвечал спокойно, уверенно, без утайки. Когда он закончил, клятвенно подтвердив достоверность своих сведений о штормах, воцарилась мертвая тишина. Затем из ближней стены вышла женщина средних лет и жестом указала Мэлтби на стул. Когда он уселся, она наклонила ему голову и приступила к обследованию, — осторожно, почти любовно лаская голову Питера пальцами.

Однако когда она подняла глаза, слова ее прозвучали резко:

— Вы не деллианин или нон-деллианин. И молекулярная структура вашего тела и мозга просто удивительны — все молекулы соединены в пары. С чем-то подобным я столкнулась однажды в электронной схеме, когда мы пытались уравновесить нестабильную структуру. Аналогия не точна, но... м-м-м... Мне надо припомнить, чем кончился тот эксперимент. — Она помолчала. — Как вы это объясните? И что вы собой представляете?

Мэлтби вздохнул. Он давно решил солгать лишь в одном — в главном. Для его двойного

сознания это не имело ни малейшего значения, однако ложь порождала легкие колебания артериального давления, нервные спазмы и нарушения в работе мышц. Рисковать он не имел права — за исключением тех случаев, когда это было совершенно необходимо.

— Я мезоделлианин. В смешанных семьях делллиан и нон-деллиан, долгое время бездетных, в конце концов несколько сот лет назад стали появляться дети...

— Подождите, — попросила психолог и исчезла; когда она вновь появилась из стены, то выглядела задумчивой. — По-моему, он говорит правду, — наконец произнесла она.

— Что это значит? — Глория всем своим видом показывала, что пребывает в не самом лучшем расположении духа, об этом свидетельствовали и ее четки, бусины которых стремительно скользили между тонких пальцев. — С тех пор как мы столкнулись с первым гражданином Пятидесяти Солнц, служба психологии стала меньше доверять собственным выводам. А я-то считала психологию единственной идеальной наукой! Одно из двух — либо он говорит правду, либо нет.

Немолодая женщина выглядела подавленной.

Она твердо и пристально в упор разглядывала Мэлтби, а потом, придя в явное замешательство под его невозмутимым взглядом, повернулась к своему командиру:

— Эти двойные молекулярные структуры в его мозгу... Но я не вижу причин, препятствующих следовать его указаниям.

«Вот оно — то, что я искала!» — подумала Глория.

Она и сама толком не понимала, что имела в виду. И потому с легкой улыбкой произнесла вслух:

— Приглашаю капитана Мэлтби пообедать. Уверена, он будет сотрудничать с нами и во всех дальнейших обследованиях, которые вы, лейтенант Неслор, тем временем подготовите. А пока пусть кто-нибудь проводит капитана в отведенную ему каюту. — Она обернулась и проговорила в коммуникатор: — Главным двигателям увеличить скорость до половины светового года в минуту, следуя орбите...

Мэлтби слушал, прикидывая в уме. Половина светового года в минуту. Для того чтобы развить такую скорость, потребуется некоторое время... К восьми часам «Звездный Рой» уже войдет в зону шторма.

В восемь часов Мэлтби будет обедать с Главным

капитаном.

После ухода Мэлтби госпожа Лор невесело поинтересовалась у подруги:

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Трудно поверить, что они осмелятся сыграть с нами какую-нибудь шутку на этом этапе, — в голосе психолога звучала растерянность.

— У них здесь на редкость запутанная система, — задумчиво проговорила Главный капитан. — Все мало-мальски стоящие карты находятся на планетах, а люди, способные их читать, — на кораблях. Астронавигаторы строят свои расчеты на основании шифровок, отправленных людьми, не способными интерпретировать полученные ими наблюдательные данные. Узнать, говорит ли капитан Мэлтби правду, мы можем только при помощи психологических тестов. Как и прежде, я делаю ставку лишь на ваше профессиональное мастерство. Несомненно, они что-то замышляют... но непозволительно страху парализовать нас. Следует исходить из предположения, что мы сумеем выбраться из любых ловушек — даже при помощи одних только компьютеров, если ничего другого не останется. А пока пустите в ход все возможные средства. Не спускайте с этого человека глаз. Нам необходимо выяснить, каким

образом «Атмиону» удалось уйти.

— Я сделаю все, что в моих силах, — мрачно отозвалась лейтенант Неслор.

11

Целые потоки изверженной антиматерии вторглись вглубь облака межзвездных газов, и без того уже бушевавших в яростном безумии, — это был новый великий шторм. Взорвавшись, гигантское солнце подстегнуло бешеную пляску разреженного газа, добавив к ней нечто не менее смертоносное — скорость. Недели и месяцы мчался он сквозь безбрежную ночь, лишь немного отставая от предостерегающего света Новой.

(«Рождение шторма».

Серия «Популярная наука», №72)

Посуда на столе уже была убрана. «Через полчаса, — думал Мэлтби, — полчаса!» Он с содроганием попытался представить себе, что именно произойдет, когда линкор внезапно столкнется со штормом. Вслух же произнес:

— Чем я занимался весь день? Сидел в библиотеке. Меня интересовала новейшая история земной межзвездной экспансии. Любопытно было проследить судьбу сообществ, подобных мезоделлианам. Я уже упоминал, что после войны, проигранной, главным образом, из-за нашей

малочисленности, мезоделлиане скрылись. Я был одним из попавших в плен детей, которые...

Его слова были прерваны неожиданным криком:

— Госпожа Лор, я нашла решение!

Мгновение спустя Мэлтби узнал возбужденный голос женщины-психолога.

Он почти забыл, что она, должно быть, наблюдала за ним. Следующие ее слова заставили Питера похолодеть.

— Два разума! Я поняла это совсем недавно и сразу же соорудила двойное наблюдательное устройство. Спросите! Спросите его о штормах. А тем временем затормозите корабль. Немедленно!

Пристальный взгляд темных глаз Мэлтби поймал ответный взгляд Главного капитана. Не скрываясь, он сконцентрировал на ней усилия обоих своих разумов, заставив сказать:

— Глупости, лейтенант. Один человек не может обладать двумя разумами. Объясните толком.

Питер надеялся протянуть время. Оставалось десять минут. Он должен сопротивляться любым попыткам овладеть ситуацией. Если бы только его гипноз действовал и через коммуникатор...

Но он не действовал.

Световые лучи вырвались из стены и оплели тело Мэлтби, удерживая его в кресле. Когда он оказался связанным по рукам и ногам, перед лицом Питера появился силовой экран, препятствовавший мысленному воздействию на Главного капитана, а над головой — конус, напоминающий дурацкий колпак.

— Слишком поздно, — насмешливо проговорил он. — Потребуется не меньше часа, чтобы сбавить ход корабля до безопасных пределов: а на такой скорости вы не успеете вовремя повернуть, чтобы избежать шторма — величайшего в этой части Вселенной.

Это не совсем соответствовало истине. Еще оставалось достаточно и времени, и пространства для маневра, чтобы уйти с опасного курса и избежать столкновения со штормом, двигаясь в направлении его движения. Нельзя было поворачивать только в сторону «хвоста» шторма или его огромных «крыльев».

— Главные двигатели! Сбавить ход! Тревога! — услышал он пронзительный крик Глории.

Корабль затрясло, и Мэлтби ощутил разрывающее мышцы давление отрицательного ускорения. Он напрягся, противодействуя этой силе, и взглянул на Главного капитана. На ее

губах застыла улыбка.

— Лейтенант Неслор, — сквозь зубы выдавила она. — Примените психологические или любые иные средства, но заставьте его говорить. Надо что-то делать.

— Ключ ко всему — его второй разум. — В ушах Питера гремел голос психолога. — Он не деллианский по природе и потому обладает всего лишь нормальной сопротивляемостью. Я подвергну его наиболее концентрированному воздействию, какое когда-либо сосредоточивалось на человеческом мозге, опираясь на логику и секс. В качестве предмета его страсти я использую вас, госпожа Главный капитан.

— Поспеши! — приказала молодая женщина, и в голосе ее прозвучал металл.

Мэлтби пребывал во мгле — физической и психической. В глубине души он сознавал, что реально существует и что неодолимые силы пытаются формировать его мысли. Питер отчаянно сопротивлялся, однако давление внешней мысли все росло. И все же — как глупо с его стороны сопротивляться, когда эта восхитительная землянка любит его, любит, любит... Великолепна цивилизация Земли и Главной Галактики. Триста квадрильонов людей. Даже самый первый

контакт с ними преобразит Пятьдесят Солнц. Потрясающая женщина, я должен ее спасти. В ней для меня — средоточие мира, все мыслимые и немыслимые желания!

Словно откуда-то издалека Мэлтби услышал собственный голос, объяснявший, что надо предпринять, на какой именно курс положить корабль, сколько времени у них в распоряжении. Он попытался остановиться, но слова лились сплошным потоком... Все это означало второе поражение Пятидесяти Солнц.

Мгла начала редеть. Ужасное давление на его напряженный мозг постепенно спадало. Дрожащий, он выпрямился на стуле, ощущая свободу от энергетических пут и силового колпака. Он услышал, как Главный капитан говорила в коммуникатор:

— Произведя поворот в точке 0100, мы минуем шторм в семи световых неделях. Я допускаю, что это слишком крутая дуга, но мы выбираем наименьшее из возможных отклонений от курса. — Она обернулась и посмотрела на Мэлтби. — Приготовьтесь. При скорости в половину светового года в минуту поворот даже на сотую долю градуса вызывает у людей расстройство сознания.

— Но не у меня, — отозвался Питер.

На протяжении следующих четырех минут Глория, как заметил Мэлтби, трижды теряла сознание, но всякий раз через несколько секунд приходила в себя.

— Нам, людям, — вымученно произнесла она, — выпал жалкий жребий. Но, по крайней мере, мы умеем это переносить.

Ужасные минуты все тянулись и тянулись. «Как земляне надеются выжить, попав под прямой удар шторма?»

Внезапно все кончилось; мужской голос спокойно произнес:

— Корабль на расчетном курсе, госпожа Главный капитан, и теперь мы находимся вне опа...

Его прервал чей-то возглас:

— Капитан, свет Новой вспыхнул точно по курсу шторма!

12

Имя нашей благородной госпожи пополнило длинный список жертв космических катастроф, список тех, кто погиб при исполнении служебных обязанностей. Адмиралтейские огни впредь до особого распоряжения будут гореть голубым светом.

(Из заявления Совета капитанов «Звездного Роя»)

В эти последние минуты перед надвигающейся катастрофой линкор «Звездный Рой» сиял, подобно огромному и великолепному драгоценному камню. Предостерегающее сверкание Новой наполнило все сто двадцать его палуб непрекращающимся ревом колоколов громкого боя. Повсюду — от носа до кормы — вспыхивали огни; ряд за рядом их полыхающие полосы пересекали четырехтысячефутовый корпус корабля. Безмолвный, словно призрак, невообразимо огромный, великолепный в своей мощи корабль скользил сквозь тьму вдоль той особой реки пространства и времени, которая и была его расчетным курсом. Даже когда он влетел в зону шторма, никаких

видимых изменений не произошло. Космическое пространство впереди выглядело чистым, как и подобает вакууму. Причина грозившей «Звездному Рою» катастрофы таилась в чудовищной стремительности собственного движения корабля. При скорости в половину светового года в минуту столкновение с массой газа было подобно удару о бесконечно твердую стену. Гигантский линкор содрогнулся каждой плитой обшивки, когда его циклопическая сила встретилась с энергией торможения. В несколько секунд был исчерпан ресурс всех систем, которые по замыслу конструкторов и проектировщиков обеспечивали существование корабля, как единого целого.

«Звездный Рой» стал разваливаться.

Однако все происходило в соответствии с оригинальным замыслом его создателей. Исчерпав пределы допустимых напряжений, корабль разлетелся на девять тысяч изолированных отсеков. Металлические иглы четырехсотфутовой длины и сорока футов в диаметре каждая извилистой стайкой серебристых рыб нырнули в облако газов, предоставляя их напору скатываться со своих гладких боков. Люди лежали в противоперегрузочных камерах, балансируя на самой грани потери сознания. Сотни отсеков кувыркались в

пространстве, избегая столкновений друг с другом посредством автоматических экранов. Затем в камеры, обеспечивавшие безопасность тридцати тысяч человек, хлынул газ. Влажный и липкий, он оседал толстым слоем на одежде, просачивался сквозь нее, достигая кожи, и дальше, сквозь кожу, проникал во все уголки человеческого организма. Люди погрузились в спокойный сон, вместе с которым пришло и чудесное облегчение. Кровь обрела способность сопротивляться давлению; мышцы, за минуту перед тем мучительно напряженные, расслабились; мозг пропитался живительным препаратом, растворившим боль и превратившим ее в сладостную грезу.

Наконец крошечные кораблики каждый своим курсом вырвались из плена шторма. Сразу же они начали собираться вместе, разыскивая друг друга, словно ими владела непреодолимая потребность слиться воедино. Автоматически все они заняли свои прежние позиции; линкор «Звездный Рой» вновь стал обретать форму; однако в нем зияли бреши — несколько отсеков было безвозвратно потеряно.

На третий день исполняющий обязанности Главного капитана Рутгерс вызвал уцелевших капитанов на носовой мостик, где временно

расположился его штаб. В ходе совещания было выработано следующее заявление, доведенное до сведения экипажа:

«Сегодня в восемь часов утра получено сообщение от Главного капитана, госпожи Глории Сесилии Лор. Она совершила вынужденную посадку на планете желто-белого солнца. При посадке отсек разрушился и уже не может быть восстановлен. Поскольку связь с нею осуществляется только при помощи ненаправленного пространственного сигнала, определить столь распространенный тип солнца среди миллионов других звезд совершенно невозможно...»

13

Планета, обращающаяся вокруг звезды спектрального класса G — S Дорады, имеет порядковый номер 9786 / 54. Диаметр — 4800 миль, масса — 0,43 ст. массы. Продолжительность суток — 29 часов 12 минут 32,4 секунды.

(Краткий планетарный справочник)

Когда Мэлтби подошел, она стояла к нему спиной. После недолгого колебания, Питер силой своего внушения удержал Глорию возле отсека, некогда служившего капитанским мостиком «Звездного Роя».

Длинная металлическая сигара лежала, наполовину зарывшись в болотистый грунт долины; нижний ее конец был погружен в мерцающие, глубокие, темножелтые воды медлительной реки, над которыми свисали голубовато-зеленые деревья. Стебли коричнево-оливковых растений росли над поверхностью воды так плотно друг к другу, что образовали своеобразные плавающие сады, где кое-где проглядывали красные цветы.

Питер остановился в нескольких футах от высокой, стройной женщины и, по-прежнему

не выдавая своего присутствия, вновь осмотрелся по сторонам, внимательно изучая мир, который теперь стал их домом. Слепой дождь, мелкой водяной пылью посыпавший Мэлтби на всем протяжении его рекогносцировки, сейчас удалился за край долины на западе. Маленькое желтое солнце выглянуло из-за занавеса темных, охристых облаков и теперь заливало ослепительным сиянием джунгли, чуждо отблескивавшие коричневым и зеленым.

Питер вздохнул и вновь сосредоточил внимание на Глории, заставив не ощущать его присутствия до тех пор, пока, обойдя вокруг, он не очутился прямо перед ней. За время своей прогулки он много думал о том, что их ждет. В основном, конечно, проблема мужчины и женщины, обреченных провести остаток своей жизни вдвоем на далекой планете, была чрезвычайно проста. Особенно если вспомнить тот факт, что один из них был подготовлен любить другого. Мэлтби мрачно улыбнулся. Он отдавал себе отчет в искусственном происхождении этой любви, что отнюдь не противоречило глубине чувства.

Питер сделал шаг вперед и обнял ее. Глория грациозно скользнула в его объятия; и, поскольку он все еще контролировал ее сознание, поцелуй,

который она ему вернула, оказался страстным и естественным. Мэлтби собирался освободить ее сознание посредине поцелуя.

Но не освободил.

Наконец он выпустил Глорию из своих объятий, и это было лишь физическое освобождение. Разум женщины все еще оставался полностью подвластным ему.

Возле одного из люков стоял снаружи металлический стул. Мэлтби опустился на него и пристально посмотрел на Главного капитана. Он ощутил дрожь. Пламя желания, взметнувшееся в нем, свидетельствовало о том, насколько успешной оказалась обработка его психики. Забавно, что объективность, с которой он пытался осмыслить собственное отношение к сложившейся ситуации, оказалась совершенно бессильна.

Глория мягкими скользящими шагами подошла к нему и опустилась у его ног. Мэлтби стремительно привлек ее к себе, ощутив податливость и теплоту узких плеч. На этот раз поцелуй оказался более продолжительным. Пальцы Питера лихорадочно искали застежку комбинезона, затем резким движением он высвободил из-под блестящей ткани упругую нежную грудь... Мэлтби любил эту женщину с таким неистовством, что

нескольких ее прикосновений хватило, чтобы его намерения тотчас же разошлись с действиями.

Сердце его понемногу успокаивалось, пока он рассматривал неподвижно лежавшую перед ним Глорию, лишь легкий румянец на ее щеках выдавал только что пережитую страстую сцену. Она была по-своему красивой и статной, хотя женщины деллианской расы выглядели эффектнее; губы не слишком полные, выдавали некоторую жестокость характера, меж тонких бровей обозначилась неглубокая складка. В дочери Земли придется созидать чувства. Это надо обдумать. А пока... Со вздохом Мэлтби освободил Глорию от чар гипноза, из предосторожности заставив сначала отвернуться от него. С любопытством он наблюдал за тем, как она легко поднялась, постояла мгновение — а затем не оборачиваясь направилась вверх по склону к небольшой роще. Насквозь пропитанная влагой топкая почва пружинила под ее ногами. Поднявшись на холм, она остановилась и посмотрела в сторону, откуда четверть часа раньше пришел Мэлтби. Она явно высматривала его. Наконец Глория обернулась, заслоняя глаза от лучей заходящего желтого солнца; затем спустилась с холмика и тогда увидела Мэлтби. Она остановилась, прищурясь, затем

неспешно приблизилась.

— Вы подобрались очень тихо, — проговорила она с излишней резкостью в голосе. — Наверное, описали круг и зашли с запада.

— Нет, — неторопливо отозвался он. — Я задержался на востоке.

Глория плотно сжала губы, которые припухли и, должно быть, болели, потому что женщина невольно вздрогнула.

— Что вы обнаружили? — спросила она наконец. — Нашли что-нибудь...

Она смолкла, внезапно осознав, что с губами не все в порядке. Глория легко коснулась их пальцами, и в яростном взгляде отразилась осенившая ее догадка. Прежде чем она успела произнести хоть слово, Мэлтби сказал:

— Да, вы совершенно правы.

— Попробуйте снова — и я со спокойной совестью застрелю вас. — Она разглядывала его, с трудом сдерживая гнев.

— И в одиночестве проведете здесь остаток жизни? — Мэлтби покачал головой. — Вы сойдете с ума.

Он тотчас же понял, что для подобной логики гнев ее слишком велик, и поспешно добавил:

— К тому же вам пришлось бы стрелять мне в

спину. Не сомневаюсь, вы можете это сделать по долгу службы. Но не по личным мотивам.

К удивлению Мэлтби, на глазах у нее выступили слезы. Разумеется, слезы гнева. Быстро шагнув вперед, Глория дала ему пощечину.

— Ты, робот! — всхлипнула она.

Мэлтби насмешливо улыбнулся.

— Если память мне не изменяет, передо мной — та самая особа, которая в своем послании, адресованном всем планетам Пятидесяти Солнц, клятвенно заверяла, что за пятнадцать тысяч лет земляне забыли о предубеждении против роботов. Возможно ли, — закончил он, — что при ближайшем рассмотрении проблема оказалась куда более сложной?

Ответа не последовало. Госпожа Лор скрылась внутри корабля. Когда несколько минут спустя она появилась вновь, лицо ее выражало безмятежность, следы слез, как заметил Мэлтби, исчезли.

— Что вам удалось обнаружить? — мирным голосом поинтересовалась Глория. — Я оттягивала связь с кораблем до вашего возвращения.

— Я полагал, они просили вас выйти на связь в десять часов, — заметил Мэлтби.

— Они ответят, когда я вызову. — В голосе Глав-

ного капитана прозвучали высокомерные нотки.
— Итак, удалось вам обнаружить следы разумной жизни?

— Долина представляет собой сплошное болото. Джунгли — очень старые. Ни одного следа пилы или топора. Кстати, все выглядит, я бы сказал — празднично — из-за огромного количества зеленого мха, свисающего отовсюду гирляндами. Кое-где среди этого мха виднеются пурпурные «пальцы». Удалось заметить несколько зверей — небольших по размерам, а также двурукое и четвероногое существо, издали наблюдавшее за мной. Оно было вооружено копьем, но находилось слишком далеко, чтобы я мог воспользоваться гипнозом. Специалистам вашего корабля я передал бы следующее: мы находимся на планете, обращающейся вокруг звезды спектрального класса G; это солнце крупнее типичного желто-белого и имеет более высокую температуру поверхности; будучи очень удаленным, оно тем не менее дает достаточно тепла для поддержания в северном полушарии планеты субтропического климата. В полдень солнце стояло чуть к северу, а сейчас вновь повернуло на юг. Наклон оси планеты я бы определил примерно градусов в сорок, а значит, можно ожидать холодной зимы, хотя

это и не подтверждается возрастом и характером растительности.

— Все это не кажется слишком полезным. — Глория пожала плечами. — Впрочем, я всего лишь администратор.

— А я всего лишь метеоролог.

— Верно. Пойдемте — возможно, мой астрофизик сумеет извлечь из этого что-нибудь.

«Ваш астрофизик», — подумал Мэлтби, но вслух ничего не сказал. Он последовал за Глорией внутрь корабельного отсека и закрыл за собой крышку люка.

С кривой улыбкой Питер разглядывал интерьер капитанского мостика. Впечатляющее сверкание пульта управления, занимавшего целую стену, теперь казалось насмешкой. Некогда он царил над Большим Магеллановым Облаком; теперь обыкновенный бластер представлялся куда более могущественным орудием. Мэлтби ощутил на себе взгляд капитана Лор.

— Не понимаю, — сказала она. — Они не отвечают.

— Возможно, — Питер не смог сдержать легкой иронии, отчетливо прозвучавшей в его голосе, — возможно, у них имелись веские причины ждать вашего вызова как раз в десять часов.

Уголок рта Глории чуть заметно вздрогнул, выдавая сдерживаемое раздражение, но вслух женщина не произнесла ни слова. Мэлтби холодно продолжал:

— В конечном счете это не так уж важно. Они всего лишь осуществляют стандартную процедуру нашего поиска. Лично у меня не хватает воображения представить себе чудо, которое позволило бы нас отыскать.

Женщина словно не слышала его слов.

— Почему мы ни разу не слышали радиопередач Пятидесяти Солнц? — хмурясь, спросила она. — За все десять лет пребывания в Облаке мы не поймали даже шепота.

— Все радиопередачи ведутся на крайне сложной плавающей волне, длина которой меняется чаще двадцати раз в секунду. — Мэлтби пожал плечами. — Ваши приемники зарегистрировали бы только регулярное пощелкивание и...

Его прервал голос, раздавшийся из динамика; на экране появилось лицо исполняющего обязанности Главного капитана Рутгерса.

— Это вы, капитан! — нетерпеливо воскликнула Глория. — Что вас задержало?

— Мы осуществляем высадку на Кассидор-8, — прозвучал ответ. — Вы же знаете, Устав требует,

чтобы Главный капитан...

— Да, конечно. Но теперь вы свободны?

— Нет. Я только хотел убедиться, что с вами все в порядке, и теперь переключу вас на капитана Плэнстона.

— Как происходит высадка?

— Отлично. Контакт с правительством установлен. Похоже, они смирились. А теперь я должен идти. До свидания, госпожа.

Лицо его мелькнуло и исчезло; экран опустел.

Итак, все кончилось. Отчаянная затея лидеров Пятидесяти Солнц, его собственная попытка уничтожить гигантский линкор наглядно показали всю тщетность борьбы с непобедимым противником. Мэлтби охватило чувство окончательного поражения. А с ним — и осознание того, что больше никакой борьбы в его жизни не будет.

На утонченном лице Глории Сесилии сменялись выражения радости и досады; она явно не ощущала своей оторванности от главных событий, происходивших где-то далеко в космосе.

Экран астровизора вновь засветился, но появившегося на нем пожилого человека с тяжелым подбородком Мэлтби никогда прежде не видел. Тягучий голос произнес:

— Позвольте заверить вашу милость, что мы

надеемся отыскать способ спасти вас. А надежды нельзя терять до тех пор, пока, как говорится, последний гвоздь не забит в крышку гроба. — Он утробно захихикал.

— Капитан Мэлтби доведет до вашего сведения всю информацию, которой мы располагаем, — сказала Глория. — После чего вы, несомненно, сможете изложить ему свои рекомендации, капитан Плэнстон. К сожалению, мы оба не астрофизики.

— Невозможно быть специалистом во всех областях, — пропыхтел капитан Плэнстон. — Э-э... капитан Мэлтби, что же вы узнали?

Мэлтби кратко изложил свои соображения, после чего выслушал достаточно большое количество инструкций.

— Выясните продолжительность времен года, расспросите о них поподробнее местных жителей. Интересно также, чем можно объяснить желтый солнечный свет и насыщенный коричневый цвет окружающей природы. Сделайте снимки, используя ортохромную пленку и три светофильтра — красный, синий и желтый. И спектрограммы — я хочу проверить, не окажется ли ваше солнце голубой звездой, ультрафиолетовое излучение которой задерживается плотной

атмосферой, а тепло и свет достигают поверхности сдвинутыми в желтую область. Я не питаю особой надежды — Большое Облако переполнено голубыми звездами, пятьсот тысяч из которых ярче Сириуса. До свидания!

14

Историей зафиксированы случаи с девятьюстами миллионами человек, заброшенных судьбой йа неведомые планеты. Большинство из этих миров в конце концов были найдены; и не меньше чем на десяти тысячах из них возникли целые общества, образованные потомками жертв космических катастроф. По закону каждый — и мужчина, и женщина, независимо от положения, занимаемого ими ранее в обществе, — в первую очередь должен был содействовать умножению населения. Потерпевший крушение обязан был отринуть все личное, забыть о собственных чувствах и думать о себе исключительно как об орудии космической экспансии человеческой расы. Для нарушителей этого кодекса предусматривались и наказания; разумеется, их некому было приводить в исполнение, если поселение оставалось ненайденным; но к обнаруженным робинзонам они применялись со всей строгостью.

(«Космическая экспансия человеческой расы». Серия «Популярная наука», №104)

Туземец был осторожен. Неуловимыми для

глаз движениями он упорно продолжал отступать вглубь джунглей; четыре ноги давали ему очевидное преимущество в скорости, которое он прекрасно сознавал, поскольку то и дело останавливался, дразня и заманивая. Глория наблюдала за ним — сначала забавляясь, но потом ее охватило раздражение.

— Может, мы разделимся, — предложила она, — и я погоню его на вас?

Мэлтби, нахмурившись, неохотно кивнул.

— Он заманивает нас в ловушку. — Голос его прозвучал напряженно и строго. — Включите нашлемные датчики и держите оружие наготове. Без нужды не стреляйте, но и не мешкайте в критической ситуации. Копье может нанести ужасающую рану, а медицинского оборудования у нас нет.

Его приказной тон немедленно вызвал гнев Глории. Неужели Мэлтби не понимает, что она не хуже его разбирается в ситуации? Госпожа Лор вздохнула. Если они задержатся на этой планете, без серьезной психологической перестройки не обойтись — причем, это коснется не только ее.

— Пора! — прозвучал рядом с ней голос Мэлтби. — Обратите внимание, лощина раздваивается. Я побывал здесь вчера и знаю, что ярдах в двухстах

отсюда она соединяется вновь. Абориген побежал по левому ответвлению, я направлюсь по правому. Оставайтесь здесь; пусть он вернется посмотреть, что произошло, и тогда гоните его на меня.

Питер тенью скользнул по узкой тропинке, вившейся под плотным пологом листвы. Глория оглянулась. Зеленая вода и коричневая вода соединились в нечто — не воду и не землю. Это была какая-то куча, что-то сморщенное, похожее на неубранную кровать с грязным бельем, над которой тучами летало множество жужжащих насекомых.

Глория ждала. Ее охватило чувство затерянности в этом коричнево-желтом мире. «Так вот что подразумевал вчера Мэлтби, утверждая, что она не отважится застрелить его и остаться в одиночестве. Заброшенная на безымянную планету одинокая женщина каждое утро просыпается в рассыпающемся корабле, безжизненные металлические останки которого лежат на теплой желтой болотистой земле Что ж, проблему деллиан, мезоделлиан и нон-деллиан можно решить здесь с тем же успехом, что и в любом другом месте».

Из задумчивости ее вывел какой-то звук. В

сотне ярдов от себя Глория увидела странную голову, осторожно выглядывавшую из кустарника на противоположном краю прогалины. Кентавр изучающе рассматривал Глорию блестящими, черными, округлившимися от удивления глазами. Голова его поворачивалась из стороны в сторону, явно в поисках Мэлтби. Глория взмахнула бластером и пошла вперед. Существо мгновенно исчезло. Благодаря чувствительным микрофонам госпожа Лор могла слышать, как оно убегает все дальше и дальше.

Внезапно кентавр замедлил бег, и больше до нее не донеслось ни звука.

«Поймал, — подумала Глория. Это произвело на нее впечатление. — Мезоделлиане, с их двойным разумом... Жаль, если предрассудки не позволят им вписаться в галактическую цивилизацию Земной Империи».

Несколько минут спустя она увидела товарища по несчастью — с помощью универсального блок-коммуникатора тот пытался объясниться с туземцем. Мэлтби заметил ее и недоуменно покачал головой.

— Он утверждает, что всегда было так же тепло, как сейчас, и что живет он уже тринадцать тысяч лун. Луна — это сорок солнц, то есть сорок

дней. А что касается пурпурных спор, то туземцы называют их «Руки той, что освещает небо». Куда бы ни проникли эти «руки», они все разрывают на части. Он предлагает нам пройти немного дальше вдоль долины, но... Думаю, нам следует сделать осторожный дружеский жест и... — Он смолк на полуслове.

Прежде чем Глория смогла хотя бы осмыслить угрозу, ее швырнуло в сторону и вниз с такой скоростью, что удар о землю причинил невероятную боль. Уже лежа, оглушенная, она краем глаза успела заметить копье, мелькнувшее там, где она только что стояла. Глория повернулась, перекатилась — воля ее была вновь свободна — и выбросила руку с бластером в том направлении, откуда прилетело копье. По крутому склону галопом мчался второй кентавр. Палец ее лег на спуск...

— Нет! — Голос Мэлтби был тих. — Они выслали разведчика — посмотреть, что происходит. Свое дело он сделал. Все кончилось.

Глория опустила бластер, отметив с досадой, как сильно трясутся ее руки, да и по всему телу пробегала крупная дрожь. Глория уже открыла было рот, чтобы поблагодарить своего спасителя, но тут же вновь плотно сжала губы. Невероятно!

— никогда прежде Главный капитан «Звездного Роя» не подвергалась опасности, исходившей от конкретного живого существа. Однажды ее линкор нырнул в хромосферу звезды; не изгладился еще из памяти недавний шторм. Но этим безликим опасностям можно было противопоставить безотказную технику и хорошо обученный экипаж. На сей раз все было иначе.

В продолжение всего обратного пути к корабельному отсеку Глория размышляла над сущностью этого различия.

— Спектр типичный, — говорил Мэлтби в микрофон астровизора. — Линий поглощения нет совсем; зато две желтые полосы интенсивны до рези в глазах. Как вы и предполагали, мы, по-видимому, имеем дело с голубым солнцем, фиолетовое излучение которого задерживается атмосферой. Как бы то ни было, — закончил он, — уникальность этого эффекта обязана своим происхождением лишь плотности здешней атмосферы. Еще вопросы?

— Не-ет! — Астрофизик казался погруженным в размышления. — И вообще мне больше нечего вам посоветовать. Надо еще осмыслить ваши данные. Не могли бы вы пригласить к астровизору госпожу Лор? С вашего позволения, мне бы

хотелось поговорить с ней наедине.

— Разумеется.

Уступив место Глории, Питер вышел наружу, прислонился к хранившей солнечное тепло обшивке отсека и стал наблюдать за восходящей луной. Тьма — это он подметил еще прошлой ночью — словно была пропитана какой-то неуловимой, вездесущей фиолетовой дымкой.

Ну, это теперь понятно! При том расстоянии от центрального светила, на которое указывал его угловой размер, вместо восьмидесятиградусной жары здесь бы царил ста восьмидесятиградусный мороз (по Фаренгейту; по шкале Цельсия это +26,6» и 117,7° соответственно), если, конечно, видимый цвет солнца соответствовал действительному. Голубое солнце, одно из полумиллиона...

Все это интересно, однако... Мэлтби невесело усмехнулся. Фраза капитана Плэнстона «Мне больше нечего вам посоветовать» звучала признанием безвыходности положения, в котором... Он невольно поежился. Мгновение спустя Питер попытался нарисовать в своем воображении картину — себя самого, так же, как сейчас, сидящего здесь через год, любуясь восходящей луной. И через десять лет... И через двадцать... И тут он ощутил присутствие Глории — она стояла в про-

еме люка, пристально глядя на него. Поток белого света, лившийся изнутри корабля, придавал ее лицу странное выражение; оно казалось странно-умиротворенным.

— Больше вызовов с корабля не будет.

Мэлтби равнодушно кивнул. Прекращение связи было безжалостно и жестоко, однако в данной ситуации полностью соответствовало Уставу. Не следует питать ложных надежд и строить волшебных иллюзий, порожденных наличием связи, — с полной ясностью надо осознать, что они навеки отрезаны. Отныне и навсегда.

Прошло уже полчаса, как Мэлтби сидел здесь. Наконец он поднялся, почувствовав, что голоден — он совсем забыл об ужине. Питер разозлился на себя. Черт возьми, нынешней ночью не следует оказывать давление ва Глорию. Раньше или позже ей все равно придется понять, что обязанности кока отныне лежат на ней. Только не нынешней ночью.

Мэлтби поспешно вернулся на кораблик и направился в компактный камбуз, каким был оснащен каждый отсек «Звездного Роя». Однако в коридоре остановился. Из неплотно закрытых дверей кухни струился свет. Внутри кто-то насвистывал — весело, хотя и немелодично, и оттуда

распространялся аромат, который может источать только настоящее рагу.

Они чуть было не столкнулись на пороге.

— Я как раз шла позвать вас, — сказала Глория.

Ужин прошел в молчании и быстро закончился. Сунув посуду в автомат, они уселись на просторный диван. Наконец, Мэлтби заметил, что Глория изучающе смотрит на него насмешливым взглядом.

— Есть ли шанс, — спросила она вдруг, — что земная женщина и мезоделлианин смогут иметь детей?

— Честно говоря, сомневаюсь, — признался Мэлтби.

Он пустился в пространное описание процесса, формирующего протоплазму мезоделлианского зародыша. В течение всей его речи Глория продолжала рассматривать его тем же странным взглядом. Когда же она, наконец, заговорила, голос ее звучал необычно.

— Со мной сегодня приключилась странная история — после того, как этот туземец метнул копье. Я поняла, — Глория с трудом подбирала слова, — я поняла, что проблема роботов решена — по крайней мере, лично для меня. Естественно, — спокойно закончила она, — в любом случае

я не стала бы противиться. Но мне приятно сознавать, что вы нравитесь мне, — она смущенно улыбнулась, — причем... беспредельно.

15

Практически вся излучаемая радиация звезд этого типа лежит вне видимой части спектра. А вторичная радиация — некое свечение в атмосфере звезды — порождает видимый эффект желтизны, когда незначительная часть губительного ультрафиолета переходит в излучение с длиной волны большей, чем у атома гелия.

Нечто вроде люминесцентной лампы — по космическим масштабам довольно мощной. Общее количество солнечной радиации, разумеется, огромно; однако, проходя сквозь многомильную толщу поглощающих ее озона, водяных паров, двуокиси углерода и других газов, оно достигает поверхности, претерпев сильные изменения.

(Запись в вахтенном журнале «Звездного Роя": дежурный астрофизик Ник Дейсли)

Голубое солнце, которое кажется желтым... На следующее утро Мэлтби, расположившись в удобном кресле рядом с люком, ломал над этим голову. Впрочем, иногда его мысли возвращались к событиям минувшей ночи. Как хороша была Глория, когда после продолжительных ласк,

невнятного бормотания бессвязных слов она, изогнувшись в его объятиях, тихо застонала...

Кстати, где непрошеные гости? В этот день Питер поджидал визита туземцев и потому решил остаться поблизости от корабля. Щурясь от напряжения, он переводил взгляд с края прогалины на границы долины, опушку джунглей, но...

Существует закон, вспомнил он, определяющий сдвиг цветовых компонентов светового луча в другие части спектра, например, в желтую. Он довольно сложен, но, учитывая то обстоятельство, что все оборудование капитанского мостика сводилось к аппаратуре управления системами корабля и не включало в себя собственно измерительных и наблюдательных приборов, Мэлтби мог полагаться только на математику — если он надеялся определить, к какому классу относится здешнее солнце и насколько оно удалено от планеты. Вероятно, большая часть солнечной радиации достигала планеты в виде ультрафиолетового излучения. Однако проверить данное предположение невозможно — так что оставим это на будущее.

Он решительно поднялся и вошел в отсек. Глории нигде не было видно, дверь ее спальни была закрыта. Мэлтби вернулся в свое кресло и

погрузился в расчеты. Через час ответ был готов: триллион триста миллиардов миль. Почти одна пятая светового года. Он отрывисто рассмеялся. Вот оно что! Хорошо бы иметь более полные данные или...

Или?..

Вспышка озарения выжгла пелену, застилавшую мысленный взор Мэлтби. Издав торжествующий крик, он вскочил на ноги. Питер метнулся к входному люку, когда длинная черная тень скользнула над ним. Тень мгновенно закрыла собой всю долину, Питер невольно остановился и посмотрел вверх.

Линкор «Звездный Рой» завис невысоко над желтокоричневыми джунглями планеты; из его чрева уже выскользнул, сверкнув желтоватым серебром в солнечных лучах, спасательный катер и сразу же пошел на посадку. У Мэлтби оставались считанные минуты, чтобы поговорить с Глорией прежде, чем катер окажется здесь.

— Подумать только, я как раз докопался до истины.

Глория, появившись в проеме люка, не смотрела на него. Взгляд ее был устремлен вдаль.

— В конце концов, — продолжал Питер, — я не могу представить себе ничего лучше, чем поса-

дить меня в камеру гипногенератора и...

— Не будьте смешным, — прервала она, по-прежнему не глядя на Мэлтби. — Не воображайте, что меня смутят наши взаимоотношения здесь. Позже я приму вас в своей каюте.

Ванна, чистая одежда — и спустя полчаса Мэлтби через трансмиттер шагнул в помещение астрофизической службы. Первое представление об открывшейся ему потрясающей истине, в общих чертах достаточно правильное, нуждалось в уточнении некоторых фактов.

— А-а, Питер! — Главный астрофизик поднялся ему навстречу и пожал руку. — Это солнце, которое вы выискали... Уже из первых ваших описаний желтизны и черноты у нас зародились подозрения. Но мы, естественно, не стали преждевременно обнадеживать вас. Да это и запрещено, вы же знаете... Наклон оси, судя по всему — очень долгое лето, в продолжение которого у гигантских деревьев здешних джунглей не образуется годичных колец... Все это наводило на определенные размышления. А спектр, в котором полностью отсутствуют линии поглощения, — уже почти решающий аргумент. Ничего удивительного, что туземец рассказывал вам о постоянной жаре — лето здесь длится уже четыре тысячелетия.

Обычная радиация звезд этой отвратительной разновидности — из века в век излучаемая норма — приблизительно соответствует Новой в катастрофическом максимуме ее неистовства. Только у Новой этот период длится всего несколько часов, в течение которых в пространство изливается мощь, приблизительно соответствующая суммарному излучению ста миллионов обычных солнц. Новая-О, как мы назвали ярчайшую из звезд, — единственная в своем роде в Большом Магеллановом Облаке, огромная и великолепная S Дорады. Разговаривая с Главным капитаном Лор, я пошутил, что из сотни миллионов звезд она выискала...

— Постойте, — перебил его Мэлтби, — вы хотите сказать, что сообщили об этом госпоже Лор прошлой ночью?

— Так у вас там была ночь? — заинтересовался капитан Плэнстон. — Ну... что ж... Да, попутно, пока не забыл — примите поздравления, хотя в моем возрасте все эти женитьбы, замужества уже не кажутся мне столь важными.

Итак, она все знала...

— Поздравления? — переспросил Мэлтби.

— Самое время ей выйти замуж, — проворчал капитан. — Она деловая женщина, вы же знаете.

Вдобавок это воодушевит остальных роботов... прошу прощения! Уверяю вас, то, кем вы являетесь, не имеет для меня ни малейшего значения... Как бы то ни было, Главный капитан сама объявила об этом несколько минут назад. Заходите еще — рад буду повидаться... — и он отвернулся, помахав на прощанье пухлой рукой.

Мэлтби направился к ближайшему трансмиттеру. Вероятно, Глория уже ждет его. Не стоит ее разочаровывать.

16

В настоящий момент армии мезоделлиан, оснащенные самым обширным арсеналом сверхоружия, проводят операцию по высадке десантов, и вскоре власть окажется в наших руках.

(Из радиообращения Ральфа Хансона)

Тускло светящийся шар имел около трех футов в диаметре. Он висел в воздухе почти посредине каюты; нижний его полюс находился на уровне подбородка Мэлтби. Питер поднялся с постели и медленно обогнул «светильник». Стоило ему оказаться с противоположной стороны шара, как тот исчез. Мэлтби поспешно вернулся на прежнее место — шар появился вновь. Как он и предполагал, это оказалось изображением, реально в помещении каюты не существовавшим. Поэтому шар и не был виден с тыла. Питер был уверен в отсутствии у землян подобных систем связи и поэтому предположил самое худшее.

Мэлтби чуть было не нажал кнопку устройства, соединяющего каюту с капитанской рубкой огромного космолета. Не хотелось бы, чтобы Глория заподозрила его в предательстве. В этом

случае даже положение мужа не спасет двойного разума Мэлтби от вмешательства корабельного психолога.

Однако, помимо супружеских, у него имелись и другие обязанности. Мэлтби сел на кровать и, сердито глядя на шар, произнес:

— Предположим, я догадываюсь, кто вы. Что вам угодно?

— Вы догадываетесь, кто связался с вами, невзирая на необычность посредника? — раздался властный, уверенный голос.

Голос был знаком Мэлтби. Глаза его сузились, он с трудом сглотнул, но почти мгновенно взял себя в руки. Здесь могли оказаться непрошеные слушатели, которые многое извлекут из самого факта, что он сразу же узнал голос того, кто с ним разговаривает. Именно для них прозвучал его ответ:

— Логика самоочевидная: я — мезоделлианин, находящийся на борту земного линкора «Звездный Рой», крейсирующего внутри Большого Магелланова Облака в регионе Пятидесяти Солнц. Кто, кроме моих скрывающихся соплеменников, может искать связи со мной?

— И, зная об этом, — многозначительно произнес голос, — вы не предприняли ни единой

попытки выдать нас?

Мэлтби молчал. Такая формулировка была ему не по вкусу. Скорее всего, эти слова, подобно его собственным, адресовались возможным слушателям. Но то, что его собеседник таким образом обращал внимание землян на желание Мэлтби сохранить разговор в тайне, выглядело не дружественным жестом.

Отчетливее, чем прежде, он осознал, сколь тонкую и опасную игру он ведет — как здесь, на корабле, так и за его пределами. Он разглядывал светящуюся штуковину, прикидывая, как заставить раскрыться прячущегося за ней человека. И попросту спросил:

— Кто вы?

— Ральф Ханстон.

— О! — вырвалось у Мэлтби. Его удивление не было полностью притворным, хотя он не знал, что Ханстона освободили вслед за тем, как «Звездный Рой» нашел Пятьдесят Солнц. Существовала разница между догадкой ч ее словесным подтверждением. Прямая причастность к опознанию личности собеседника еще глубже затягивала его в эту историю.

— Что вам угодно? — мягко повторил он свой прежний вопрос.

— Вашей политической поддержки.

— Моей... чего? — опешил Мэлтби.

— В соответствии с нашей убежденностью в том, что мезоделлиане, невзирая на свою малочисленность, должны принимать равноправное участие в управлении Пятьюдесятью Солнцами, — не сомневаюсь, вы разделяете эту точку зрения, — сегодня мною отдан приказ захватить власть на всех планетах сообщества. — В голосе Ханстона звучали нотки не столько гордости, сколько гордыни. — Вы слушаете меня, капитан?

Оглушенный новостью, Мэлтби медленно приходил в себя. Он поднялся на ноги, но сразу же снова сел. Хотя мир разом изменился, здесь все осталось по-прежнему — каюта, светящийся шар и он сам.

Гнев взметнулся в душе Мэлтби, как пламя.

— Вы отдали этот приказ?! — яростно рявкнул он и осекся.

Мозг его молниеносно переключился на режим восприятия анализа больших объемов информации. Наконец, придя к выводу, что в его положении невозможно возражать по существу, Питер произнес:

— Вы рассчитываете на одобрение свершившегося факта. Насколько мне известны принципы

глобальной политики Земной Империи, эти надежды напрасны.

— Напротив, — последовал быстрый ответ. — Необходимо убедить лишь Главного капитана, госпожу Лор. Она уполномочена поступать по собственному усмотрению. И она ваша жена.

Мэлтби все еще колебался, хотя и чувствовал себя заметно спокойнее. Странно, что Ральф Ханстон, начав действовать по собственному почину, теперь ищет его поддержки. Впрочем, ничего особенно странного в этом не было. Неожиданно Питер понял, что ждал чего-то подобного — ждал с того момента, когда месяц назад распространилась новость об открытии земным линкором цивилизации Пятидесяти Солнц. Ждал — и именно поэтому хранил молчание. Через пять-десять лет, а возможно — уже через год печать земного одобрения навсегда закрепит устройство общества Пятидесяти Солнц — таким, каково оно есть. А существующее законодательство полностью исключало мезоделлиан из управления государством. Сейчас представлялся шанс сделать это теоретически возможным. Потом...

Было очевидно, что сам Мэлтби слишком замешкался с принятием решения. Обуревавшая остальных его соплеменников жажда активных

действий в конце концов претворилась в действия. Придется каким-то способом покинуть корабль, чтобы выяснить, что же происходит на планетах. Однако нынешний его девиз — «осторожность».

— Я не прочь изложить ваши аргументы жене. Однако... Что касается способа связи, то он действительно является для меня новинкой. Тем не менее, вы не имеете понятия даже о вооружении одного-единственного земного линкора. Несмотря на имеющиеся у меня возможности, оно остается тайной и для меня. К тому же ни один корабль не способен нести столько вооружения, сколько Земля сумеет в короткий срок сосредоточить в любом уголке Вселенной.

На капитанском мостике Глория Лор наконец отвернулась от экрана, показывавшего каюту Мэлтби.

— Каково ваше мнение, лейтенант Неслор? — Ее красивое лицо казалось озабоченным.

— По-моему, именно это мы обсуждали в тот раз, когда вы поинтересовались у меня психологическим эффектом вашего брака на Питера Мэлтби, — спокойно ответила психолог.

Главный капитан удивленно воззрилась на свою подчиненную.

— Вы сошли с ума? Его реакция естественна — вплоть до мелочей. Он подробно рассказывал мне о ситуации, сложившейся в мире Пятидесяти Солнц; и каждое его слово соответствует...

Мягко прозвенел интерком, и на экране возникло лицо молодого мужчины с чуть раскосыми глазами и маловыразительным подбородком.

— Дрейдон, — представился он, — начальник службы связи. Относительно запроса об ультраволновом излучении, сфокусированном сейчас в спальне вашего мужа, докладываю, что подобное устройство в Главной Галактике было изобретено около ста девяноста лет назад. Было принято решение оборудовать им все заложенные и уже построенные корабли рангом выше крейсера, однако массовое производство началось, когда мы уже находились в пути. Следовательно, в этой области мезоделлиане достигли уровня изобретений, созданных человеческим гением, хотя трудно понять, как им это удалось. Весьма вероятно, что лишь очень и очень немногие из их числа представляют себе возможности нашей техники, мгновенно регистрирующей любое постороннее энергетическое проявление. Что еще вас интересует, госпожа Главный капитан?

— Как оно действует?

— Энергия, чистейшая энергия. Конусовидный пучок ультраволн направляется на обширный сектор космического пространства, где предположительно находится искомый корабль. Все генераторы ведущего передачу корабля работают только на излучение. Насколько я помню, во время экспериментов удавалось устанавливать контакт на расстоянии больше трех с половиной тысяч световых лет.

— Понятно, — нетерпеливо перебила Глория. — Но каков принцип действия? Как, например, они отыскали «Звездный Рой» среди сотни других кораблей?

— Как вам известно, — последовал ответ, — наш корабль на определенной волне постоянно посылает в космос ненаправленные опознавательные сигналы. Ультралучи настроены на эту длину волны и, встретившись с ней, мгновенно фокусируются на центре источника опознавательных сигналов, удерживая его в фокусе независимо от изменения направления и скорости движения. После того как волна-носитель сфокусирована, передать с ее помощью голос или изображение, естественно, проще простого.

— Понимаю, — Главный капитан казалась погруженной в размышления, — благодарю вас.

Она переключила интерком, вернув на экран изображение каюты Мэлтби.

— Очень хорошо, — говорил в это время ее муж. — Я ознакомлю с вашими высказываниями жену.

Вместо ответа светящийся шар исчез. Пропущенная часть разговора не интересовала госпожу Лор: вся беседа была записана, и воспроизвести любую ее часть не составило бы труда. Глория повернулась к лейтенанту Неслор.

— Как вы можете аргументировать свое утверждение, высказанное прежде, чем нас прервали?

— Произошло нечто судьбоносное для Пятидесяти Солнц в целом, — холодно ответила психолог. — Это слишком важно, чтобы мы могли позволить себе какое-либо вмешательство. Следовательно, необходимо удалить вашего мужа с корабля, а вам надлежит добровольно подвергнуться изъятию из памяти любви к нему — до разрешения ситуации. Вы понимаете, не правда ли?

— Нет! — упрямо покачала головой Глория. — Не понимаю. Почему вы так считаете?

— По нескольким причинам. Во-первых, потому, что вы вышли за него замуж. А заурядного человека вы бы никогда не выбрали себе в му-

жья.

— Естественно, — с гордостью произнесла Главный капитан. — Вы сами установили, что ай-кью каждого его разумов больше моего.

— С каких это пор вы придаете ай-кью такое значение? Капитана Мэлтби окружает некая... тайна. Выходя за него замуж, вы могли не осознавать этого, но подсознательно чувствовали.

— Но он всего лишь капитан флота Пятидесяти Солнц. И к тому же, сирота, воспитанный государством.

Но эти слова не поколебали уверенности лейтенанта Неслор.

— Ему известно, кто он на самом деле. Жаль только, что ваше замужество оказалось столь поспешным и воспрепятствовало детальному исследованию его двойного разума. Мне чрезвычайно любопытна его история.

— Он рассказывал мне обо всем...

— Подумайте, что вы говорите, — резко оборвала ее психолог. — Мы имеем дело с человеком, чей нижний предел ай-кью выше ста семидесяти. В каждом вашем слове сквозит необъективность женщины по отношению к любимому человеку. Я не ставлю под сомнение ваше право доверять ему — насколько я понимаю, он человек та-

лантливый и честный. Но решение проблемы Пятидесяти Солнц должно быть принято вне зависимости от ваших чувств. Согласны?

Последовала томительная пауза; затем госпожа Лор чуть заметно кивнула.

— Высадить его на Атмионе, — произнесла она тусклым голосом. — Мы должны вернуться на Кассидор.

17

Наследственная власть, многими поколениями мезоделлиан почитавшаяся единственно возможной формой правления великим множеством столь талантливых людей, неожиданно породила довольно сложную ситуацию. После долгих дебатов остальные мезоделлианские лидеры решили подтвердить права Питера Мэлтби. Они даже начали верить, что воспитание, полученное их лидером в среде народа Пятидесяти Солнц, пойдет на благо всему сообществу мезоделлиан. Кое-кто из политиков старшего поколения считал это единственной надеждой своей расы.

(«История становления расы», т 2, гл.36)

Питер, скрестив руки на груди, наблюдал, как «Звездный Рой» постепенно растворяется в бездонной небесной голубизне. Затем из отеля, где он остановился, сделал первый телефонный звонок. Часом позже прибыла молодая женщина; едва завидев Питера, она шагнула вперед, преклонила колено и коснулась губами его руки.

— Можете подняться, — произнес Мэлтби.

Женщина выпрямилась и отступила, настороженно разглядывая его слегка насмешливым и чуть-чуть вызывающим взглядом. Она была удивительно хороша собой: пышные с красноватым отливом волосы, точеный нос, волнующе-изогнутые алые губы. Показательно, что, несмотря на авантюру Ханстона, женщина признавала обретенный Мэлтби по праву рождения высокий статус.

— Мое положение усугубляется тем, что вся моя одежда наверняка нашпигована шпионскими устройствами землян, — Питер невесело улыбнулся. — Пусть кто-нибудь погуляет здесь в моем костюме, пока я отправлюсь в тайный город.

— Это можно организовать. — Женщина утвердительно кивнула. — Корабль за вами придет завтра к полуночи. Вас устраивает?

— Буду ждать.

Она задержалась на пороге.

— Что-нибудь еще?

— Да, — Мэлтби пристально смотрел в широко распахнутые золотисто-карие глаза. — Кто поддерживает Ральфа Ханстона?

— Молодые мужчины, — не задумываясь, ответила она.

— А как насчет молодых женщин?

— Я ведь здесь, не правда ли? — улыбнулась она.

— Да, но только половиной сердца.

— Вторая половина, — произнесла она теперь уже без улыбки, — сопровождает парня, сражающегося в одной из армий Ханстона.

— Так почему же не все ваше сердце находится там?

— Потому что не считаю возможным при первом же кризисе отвергать систему правления. Мы сами решили, что на определенный период нам необходима наследственная власть. Далеко не все мы, женщины, одобряем необдуманные, рискованные действия авантюристов вроде Ханстона, хотя и понимаем, что наступил переломный момент.

— Многим придется заплатить за эту авантюру жизнью, — печально сказал Мэлтби. — Надеюсь, среди них не окажется вашего молодого человека.

— Благодарю вас, — подарив на прощание очаровательную улыбку, она удалилась.

Кроме Нелура, девять тайных городов, населенных мезоделлианами, находились на девяти безымянных планетах. Подобно планетам, города не имели названий. Различались они по

неуловимым нюансам в произношении самого слова «город». Город! Все они были подземными; три из них скрывались под толщей вод огромных бурных морей, два других — в недрах горных хребтов; о местонахождении остальных четырех было вообще мало кому известно.

Присланный за Мэлтби корабль опоздал всего на десять минут. Экипаж его в основном состоял из женщин — не старше тридцати; нашлись, однако, и несколько пожилых мужчин, в том числе — трое советников его покойного отца — Пит Джонсон, Олаф Сондерс и Эшли Коллинз. Последний обратился к нему.

— Не уверен, сэр, что вам следует отправляться в город, — сказал он. — Народ настроен определенно враждебно — даже женщины. Они боятся за своих сыновей, мужей и возлюбленных, однако верны их выбору. Все действия Ральф Ханстона и его шайки окружены тайной. Мы представления не имеем, что происходит. В тайном городе неоткуда получать информацию.

— Иного я и не ожидал, — Питер пожал плечами. — Я хочу обратиться к народу.

На самом деле Мэлтби спланировал для себя еще и посещение Храма Божественного Ока, чьи двери были открыты для всех желающих в любое

время суток.

Вдоль стен шли небольшие кабинки, предназначенные для уединенных медитаций и молитв. Питер вошел в кабинку Материнской Планеты, опустился на низкую деревянную скамейку. Голограмма перед ним изображала стилизованный черный космос, усыпанный звездами, на фоне которого висел голубой мир. Он медленно вращался в свете желтой звезды, показывая зеленые и коричневые материки, белые ледяные пики на каждом из полюсов. Ее дети-изгнанники мезоделлиане относились к ней, как к святыне, и поклонялись ей.

Двадцать тысяч человек, собравшихся в гигантской аудитории, внимали его словам в тишине, которая, казалось, стала еще глубже, когда Мэлтби принялся описывать вооружение «Звездного Роя». Когда он объяснил принципы политики Земной Империи по отношению к затерянным колониям вроде Пятидесяти Солнц, неодобрение слушателей стало еще очевиднее, но Мэлтби все же закончил с мрачной решимостью:

— Если мезоделлиане не придут к какому-то взаимному соглашению с Землей или не найдут способа нейтрализовать ее мощь, — все предварительные победы окажутся тщетны-

ми, бессмысленными и неизбежно обернутся всеобщим бедствием. У Пятидесяти Солнц нет возможностей успешно справиться с одним-единственным земным линкором, что ж говорить о других кораблях, которые Земля направит сюда в случае необходимости. Следовательно...

В этот момент микрофон отключили. Все динамики в огромном зале заревели в унисон:

— Он шпионит для землянки-жены! Он никогда не был одним из нас!

Мэлтби мрачно улыбнулся. Итак, дружки Ханстона сочли, что его трезвая аргументация может оказаться результативной, — и вот их ответ. Он терпеливо ждал, когда шум стихнет, но шли минуты, а гвалт в зале все не ослабевал, скорее, он даже усилился. Разозленные женщины срывали со стен динамики, до которых смогли дотянуться, что, впрочем, не решало проблемы, поскольку в большинстве своем репродукторы были вмонтированы в потолок. Беспорядок в зале возрастал.

«Ральф Ханстон и его люди должны понимать, — напряженно размышлял Мэлтби, — что таким образом только раздражают своих сторонников. Зачем же идти на такой риск?» Лишь один ответ представлялся разумным — они хотят выиграть время. Очевидно, они прячут в рукаве нечто

очень значительное, и это разом перевесит всякое противодействие и раздражение.

Кто-то тронул его за плечо. Обернувшись, Мэлтби увидел Коллинза. Старик выглядел озабоченным.

— Мне это не нравится, — слова его с трудом пробивались сквозь царящее в зале звуковое безумие. — Раз уж они зашли так далеко, то могут и организовать покушение. Возможно, вам стоит немедленно вернуться на Атмион, Кассидор или куда угодно еще.

Питер задумался.

— На Атмион, — произнес он наконец. — Я не хочу, чтобы люди со «Звездного Роя» узнали о моем отсутствии. У меня больше нет перед землянами никаких обязательств, но контакт с ними может еще пригодиться.

Он криво усмехнулся собственной недомолвке: правда, Глория стараниями своей подруги избавилась от любви к нему, но он-то по-прежнему оставался влюбленным, как бы ни старался избавиться от этого чувства.

— Вы знаете, как меня найти, в случае если произойдет что-нибудь неожиданное, — продолжил Мэлтби.

Это было даже не смешно. Наверняка, Ральф

Ханстон сделает все возможное, лишь бы никакая информация не просочилась в тайный город на безымянной планете. Другое дело, что сам он рассчитывал получать информацию отсюда.

Внезапно им овладело ощущение собственной отверженности. Окинув зал взглядом — возможно, в последней надежде найти поддержку, — Мэлтби покинул трибуну. Шум постепенно замирал за его спиной.

Шли дни; Мэлтби пребывал в недоумении по поводу отсутствия каких бы то ни было известий о «Звездном Рое». Целый месяц он бесцельно переезжал из города в город, и единственными доходившими до него новостями были сообщения об успехах мезоделлиан, причем сильно приукрашенные. Естественно — победители повсеместно захватывали радиостанции и сразу же принимались посылать в эфир ликующие сообщения о том, как обитатели Пятидесяти Солнц бурно приветствуют своих новых властителей, провозглашая их вождями в борьбе против корабля Земной Империи, против людей, чьи предки пятнадцать тысячелетий назад уничтожили всех роботов, которых смогли обнаружить, а уцелевших вынудили искать спасения в этой далекой галактике.

Тема эта повторялась снова и снова. Ни один «робот» — использовалось именно это слово — не может доверять людям после того, что случилось в прошлом. Мезоделлиане спасут мир «роботов» от вероломных людей и их линкора. Триумфальный тон при всяком упоминании о линкоре выбивал Питера из колеи, заставляя его хмуриться и зябко поводить плечами. Что случилось со «Звездным Роем»? Где корабль находится сейчас?

Сегодня наступил тридцать первый день его метаний по Атмиону. Сидя на террасе ресторана в ожидании заказанного обеда, он почему-то вспомнил слова Глории:

«Мы немедленно приступим к действиям. Равноправие мезоделлиан будет признано, их гражданские права и свободы будут соблюдаться, как и полагается в демократическом обществе, однако господство их недопустимо — Земля никогда не признает власти меньшинства. Это окончательное решение».

Мэлтби признавал разумность такой позиции — если люди действительно изжили предрассудки против так называемых роботов. Это было огромное «если»; и то, как поспешали убрать его с корабля, лишь доказывало, что проблема еще

ни в коей мере не решена.

Звучавшая над столами музыка медленно истаяла на высокой ноте. Наступившую тишину прервал легко узнаваемый голос Ральфа Ханстона:

— Граждане Пятидесяти Солнц! Слушайте важное сообщение! Земной линкор больше не представляет опасности. Он захвачен благодаря искусной военной хитрости мезоделлиан и находится на Кассидоре, где наши технические эксперты раскрывают его многочисленные секреты. Граждане Пятидесяти Солнц, дни ожидания и неопределенности остались позади. В дальнейшем во всех делах вам станут помогать ваши сородичи и защитники — мезоделлиане. Я заверяю, что отныне ни один военный корабль больше не рискнет вторгнуться в пределы Большого Магелланова Облака, которое я торжественно провозглашаю нашим жизненным пространством, священным и неприкосновенным на вечные времена. Но все это в будущем. А сегодня мы, граждане Пятидесяти Солнц, успешно избежали величайшей из опасностей, когда-либо встречавшихся в нашей истории. Я объявляю трехдневные торжества. И пусть они будут полны музыки и веселья...

Мэлтби брел вдоль бульвара, не обращая внимания на деревья, цветы и красивые дома; постепенно в его воображении стала складываться картина — непобедимый линкор, захваченный вместе со всеми, кто находился на борту... Если они, конечно, остались в живых. Как могло это произойти? Во мраке Вселенной — как? Благодаря гипнотической мощи своего двойного разума мезоделлиане могли бы осуществить подобный захват — если бы их допустили на борт корабля в количестве, достаточном для того, чтобы взять под мысленный контроль всех высших офицеров.

Но кто мог оказаться настолько безумным, чтобы позволить захватчикам проникнуть на корабль? Еще месяц назад «Звездный Рой» располагал как минимум двойной защитой от столь бедственного финала своего долгого межзвездного рейса. Во-первых, там была лейтенант Неслор, искусный психолог, способный без тени колебаний вторгнуться вглубь мозга любого попавшего на корабль постороннего. Вторым гарантом безопасности являлся капитан Питер Мэлтби, чей двойной разум мгновенно распознал бы присутствие на борту другого мезоделлианина.

Однако Питер Мэлтби не находился на борту

корабля, а брел по спокойной прекрасной улице, снедаемый удивлением и унынием. Он был здесь потому... Мэлтби вздрогнул — его внезапно озарило. Так вот зачем понадобился этот светящийся шар; вот почему Ральф Ханстон так старался внушить доверие!

Слова этого человека не имели ничего общего с его подлинными намерениями. Все было задумано лишь для того, чтобы удалить с борта «Звездного Роя» единственного, кто способен мгновенно ощутить присутствие мезоделлиан. Трудно сказать, что предпринял бы Мэлтби, обнаружив их. Из любви к чужеземной женщине обречь на смерть своих сородичей — это было бы совершенно немыслимо. Но он не допустил бы и какого-либо насилия в отношении нее. Окажись Мэлтби перед подобным выбором в самый момент атаки — и все логические способности его мозга подверглись бы тяжкому испытанию. Но теперь это не имело значения. События развивались своим чередом, отнюдь не советуясь с Мэлтби, и он больше не мог влиять на их ход.

Свержение законного правительства Пятидесяти Солнц, захват могущественного линкора — что мог противопоставить всему этому человек, которому сама судьба доказала ошибочность

его поступков и с которым теперь в любой момент могли расправиться, как и опасались его сподвижники. И к тому же в этот час торжества Ральфа Ханстона нечего было и думать о связи с тайным городом.

И все-таки кое-что он еще мог предпринять. Если «Звездный Рой» действительно захвачен, то вместе с ним оказалась в плену и госпожа Глория Сесилия. Жена Питера Мэлтби. Это была та реальность, из которой и вырастала первая, сугубо личная цель его жизни.

18

Я был так погружен в собственные заботы, что реакция обитателей Пятидесяти Солнц на катастрофические политические изменения была мне мало известна. Гражданское население пребывало в такой же неуверенности, которая прозвучала в словах стоявшего передо мной офицера-деллианина. Казалось несомненным, что мезоделлиане приурочили захват власти к самому подходящему с точки зрения психологии моменту. Значит, подумал я, их победа не была окончательной?

(«Послание самому себе» Питера Мэлтби)

Перед ним была база флота. Не доходя сотни футов до главного пропускного пункта, Мэлтби остановился посреди тротуара и небрежно закурил. Вообще-то курение являлось нон-деллианской привычкой, ни в коей мере не свойственной Питеру, но человек, которому надо попасть с четвертой планеты Атмиона на Кассидор-8, не прибегая к услугам регулярных пассажирских линий, вынужден пользоваться набором маленьких хитростей.

Прикуривая, Мэлтби успел внимательным взглядом окинуть ворота и начальника караула, а потом легкой походкой человека с чистой совестью двинулся вперед. Пока офицер-деллианин изучал его абсолютно подлинные документы, Питер преспокойно стоял, попыхивая сигаретой. Это небрежное спокойствие было маской — на самом деле мозг его напряженно работал.

Угораздило же его нарваться на деллианина! В большинстве своем они совершенно не поддавались гипнотическому воздействию — за исключением редчайших случаев, когда их заставали врасплох.

— Пройдите в боковую дверь, капитан, — прервал молчание офицер. — Я хочу побеседовать с вами.

Нон-деллианское сознание Мэлтби сжалось и ушло вглубь, но второй разум был уже наготове, словно стремительно обнаженная шпага. Неужели его опознали? Питер колебался, уже почти готовый обрушить удар. «Погоди! — предостерег он себя. — Я все равно успею, если дежурный попытается поднять тревогу». Мэлтби следовало проверить правильность своей догадки о том, что Ральфу Ханстону не хватило времени захлопнуть перед ним все ворота. Он окинул собеседника

быстрым проницательным взглядом. Но красивое лицо офицера хранило характерное безмятежное выражение. Если он узнал Мэлтби, применять трехмерный гипноз было уже поздно.

Понизив голос, деллианин без предисловий начал:

— Мы получили приказ задержать вас, капитан. — Он смолк и с любопытством посмотрел на Мэлтби, который, попытавшись осторожно прозондировать мозг собеседника, встретил непреодолимый барьер и, признав поражение, в замешательстве отступил. Но, судя по всему, пока ему ничто не угрожало.

— Да? — осторожно произнес Питер, внимательно разглядывая деллианина.

— Если я дам вам войти, — продолжал тот, — а потом что-нибудь случится, скажем, исчезнет корабль, — мне придется отвечать. Если же я не пущу вас и вы попросту уйдете, то никому и в голову не придет, что вы были здесь. — Он пожал плечами и улыбнулся. — Просто, не так ли?

— Спасибо, — поблагодарил Мэлтби. — Но как понимать ваше поведение?

— Мы в нерешительности.

— Из-за чего?

— Из-за мезоделлиан. Они захватили власть

— прекрасно. Но флот Пятидесяти Солнц не отрекается и не присягает в пять минут. Кроме того, мы не уверены в неискренности предложений землян.

— Зачем вы говорите мне это? В конце концов, биологически я мезоделлианин.

— В кают-компаниях вам основательно перемыли кости, капитан, — улыбнулся офицер. — Мы не забыли, что на протяжении пятнадцати лет вы были одним из нас. Хотя вы могли и не заметить этого, но вас подвергали многим проверкам.

— Я заметил, — Питер невольно вздохнул. — И у меня сложилось впечатление, что результаты были не в мою пользу.

— Вы ошибаетесь.

— Мне надо попасть на Кассидор, чтобы выяснить судьбу жены, — просто сказал Мэлтби. — Как мне осуществить это?

— Так Главный капитан «Звездного Роя» действительно ваша жена! Это не пропаганда?

— Действительно жена, — кивнул Мэлтби.

— И, выходя замуж, она знала, что вы робот?

— Я неделями сидел в библиотеке линкора, изучая земную версию той расправы пятнадцать тысячелетий назад. Их трактовка событий сводится к тому, что это было кратковременное

возрождение в массовом сознании древних расовых предрассудков и, конечно, в чисто стихийной неприязни. Деллиане с их прекрасным и величественным внешним обликом, со своей удивительной физической и психической мощью, казалось, настолько превосходили обычных людей, что страх быстро перешел в паническую ненависть.

— Что вы думаете об этом мезоделлианском перевороте и подготовке к войне? — после паузы спросил деллианин.

— Я еще не решил.

— Как и большинство из нас.

— Что меня действительно тревожит, — медленно проговорил Мэлтби, — так это перспектива появления других земных кораблей, которыми едва ли удастся овладеть хитростью.

— Да, — кивнул деллианин, — такое и нам приходило в голову.

Вновь наступило молчание, и прошло довольно много времени, прежде чем Питер высказал просьбу:

— Существует ли хоть какой-нибудь путь, которым я могу попасть на Кассидор?

Прикрыв глаза, деллианин замер в нерешительности. Наконец он вздохнул.

— Есть корабль, стартующий через два часа. Думаю, капитан Терда Лэйрд не станет возражать против вашего присутствия на борту. Следуйте за мной.

Мэлтби прошел сквозь ворота и оказался в тени расположенных за ними огромных ангаров. Он ощущал странную внутреннюю расслабленность. Опыт космических путешествий подсказывал ее значение: это исчезло мучительное чувство одиночества во враждебной Вселенной.

19

Страсть стала движущей силой моей жизни. Просто не верится, что пылкая любовь к Глории была мне навязана Главным психологом. Зато любовь Глории родилась сама собой — одна из причин, по которым наши отношения так мне дороги.

(«Послание самому себе» Питера Мэлтби)

Вид простиравшегося за иллюминатором мрака успокаивал напряженные нервы Мэлтби. Он сидел, устремив взгляд в чернильную тьму, искрившуюся точками звезд. Нахлынули ностальгические воспоминания о тех часах, которые он вот так же провел, вглядываясь в космические бездны. Тогда окружающее казалось ему враждебным; он едва ли не физически ощущал непреодолимую подозрительность, отделявшую его от деллиан и нон-деллиан.

На самом же деле это он, Мэлтби, по всей видимости, держал себя настолько отчужденно, что никто не отваживался приблизиться к нему. Теперь подозрительность развеялась — почти бесследно. Так или иначе, но проблема Пятидеся-

ти Солнц вновь стала его проблемой. «Освобождение Глории — ясно, что решение должно быть необычным!» — Эта мысль неотступно владела им. За несколько часов до посадки Питер обратился к капитану Лэйрду с просьбой о встрече.

Командир оказался худощавым, седым, преисполненным чувства собственного достоинства нон-деллианином. Он безоговорочно согласился с каждым словом, с каждой деталью предложенного Мэлтби плана.

— Несколько недель назад, вскоре после мезоделлианского переворота, эти события стали предметом всестороннего обсуждения, — сказал он. — Оценивая численность боевых кораблей, которыми располагает Земная Империя, мы получили до бессмысленности огромное количество. Нас отнюдь не удивило бы, — серьезным тоном продолжал офицер, — если бы Земля смогла выставить по боевому кораблю против каждого мужчины, женщины, ребенка, обитающего под Пятьюдесятью Солнцами; и это без заметного ущерба для обороны Главной Галактики. Мы на флоте с тревогой ждали, когда же Ральф Ханстон как-либо затронет эту тему — в публичном выступлении или секретном меморандуме. Однако он хранил молчание, что встревожило нас еще

больше, так как логика подсказывала — первые проникновения в новые звездные системы, подобные Большому Магелланову Облаку, могут предприниматься лишь по приказу центрального правительства.

— Это была галактическая экспедиция, — вставил Мэлтби, — предпринятая по указанию Галактического совета.

— С ума сойти, — пробормотал капитан. — Нет, наши новые лидеры все-таки свихнулись! — Он выпрямился и тряхнул головой, как бы отметая всякие колебания и сомнения. — Капитан Мэлтби, — продолжил он официальным тоном, — полагаю, что могу гарантировать всемерную поддержку флота в деле освобождения вашей жены. Если... если она еще жива.

Часом позже, падая во тьму, — все глубже, глубже и глубже, — Питер силился согреть душу этим обещанием, как бы отгораживаясь от жесткого смысла последних слов.

Планета внизу росла и становилась все ярче. Ее полумесяц спокойно висел в пространстве; затемненная часть диска искрилась серебристыми блестками огней десятков тысяч городов и поселков. Именно туда он и направлялся — к этой мерцающей темной стороне. Мэлтби при-

землился посреди рощи и уже закапывал под тщательно помеченным деревом свой скафандр, когда на него внезапно обрушилась полная тьма. Удар о землю был так силен, что Питер потерял сознание, успев, однако, понять, что впадает в беспамятство.

Очнувшись, он изумленно огляделся по сторонам. Было по-прежнему темно. Две из трех лун Кассидора стояли высоко над горизонтом; в момент приземления Мэлтби их еще не было видно. Бледный лунный свет заливал прогалинку.

Это была та же роща. Питер пошевелил руками — они повиновались и не были связаны. Он сел, потом поднялся на ноги. Вокруг никого не было, никаких звуков — если не считать легкого шепота ветра в ветвях. Он постоял, настороженно вглядываясь, потом постепенно расслабился. Ему приходилось слышать о подобных обмороках — они случались у нон-деллиан в результате долгого свободного падения сквозь космическое пространство. Деллиане не были им подвержены; до сих пор Мэлтби полагал, что этот иммунитет распространяется и на его соплеменников.

Теперь не оставалось сомнений, что он ошибся. Пожав плечами, Питер выкинул происшествие из головы.

Ему понадобилось десять минут, чтобы добраться до ближайшей стоянки аэрокаров. А еще десять минут спустя он уже оказался в Летном Центре.

Мэлтби постоял возле одного из сорока входов и, к собственному удовлетворению, убедился в отсутствии мезоделлиан среди людей, во множестве поднимавшихся по эскалаторам. Это была в лучшем случае небольшая удача. Небольшая, поскольку Мэлтби и так знал, что Ральф Ханстон не располагал резервами, необходимыми для организации патрульной службы. Лидер мезоделлиан мог сколь угодно распространяться о своих армиях. Однако они не были так уж могущественны и тем более многочисленны.

Государственный переворот, приведший Ханстона к власти над Пятьюдесятью Солнцами, можно было считать куда более дерзким и рискованным предприятием, чем могло показаться на первый взгляд. Решаясь на свою авантюру, он располагал не больше чем сотней тысяч человек. Таким образом, опасность могла ждать Питера Мэлтби лишь по прибытии в Делл — великолепную столицу Пятидесяти Солнц.

Он уже купил билет и размашистым шагом направился к ведущему наверх эскалатору, когда

женская рука тронула его за рукав. Не оборачиваясь, Мэлтби в долю секунды исследовал мозг незнакомки и облегченно вздохнул.

Его изумленному взгляду предстала лейтенант Неслор, Главный психолог «Звездного Роя».

Мэлтби отставил чашку и пристально, без улыбки посмотрел через стол на свою собеседницу.

— Признаться, — сказал он, — меня не интересует, что за план освобождения корабля вы вынашиваете. В моем положении невозможно с чистой совестью принять чью-либо сторону.

Питер замолчал, с любопытством разглядывая психолога; в голове у него, однако, не было ни единой сколько-нибудь дельной мысли. Эмоциональный мир этой немолодой уже женщины временами приводил его в замешательство. Мимоходом ему вспомнилось, как в прошлом он даже всерьез подумывал, не использует ли она оборудование своей лаборатории для того, чтобы сделать себя неподвластной проявлению любых человеческих чувств. Но сейчас его интересовала только информация, а вовсе не проявление характера лейтенанта Неслор.

— По моему мнению, — холодно произнес Мэлтби, — именно вы несете ответственность за захват «Звездного Роя». Во-первых, потому что

по вашему настоянию с корабля удалили меня — а я гарантировал его безопасность; во-вторых, потому что как раз в ваши обязанности входило обследование разума всякого, кому дозволено подняться на борт. Я не могу взять в толк, каким образом вы умудрились так промахнуться.

Женщина не отвечала. Худощавая, отмеченная красотой зрелости, она сидела, мелкими глотками прихлебывая кофе. Наконец, встретившись с его взглядом, произнесла:

— Незачем объяснять. Поражение говорит само за себя. — Лейтенант Неслор запнулась, лицо ее вспыхнуло. — Думаете, госпожа Лор бросится в ваши объятия, благодаря за спасение? Не забывайте, она избавлена от любви к вам, и только корабль имеет для нее значение.

— Тем не менее я рискну, — пожал плечами Мэлтби, — И если когда-нибудь мы окажемся под юрисдикцией Земли, я воспользуюсь своими законными правами.

Глаза собеседницы сузились.

— О-о, — протянула она, — так вы знаете об этом? Вы провели в библиотеке немало времени, не правда ли?

— О земных законах я, пожалуй, знаю больше, чем кто-либо на «Звездном Рое», — спокойно

заметил Мэлтби.

— И вы не хотите даже выслушать мой замысел, заранее отказываетесь от помощи тысячи уцелевших членов экипажа?

— Я уже говорил, что не имею желания участвовать в грандиозных затеях.

Женщина поднялась.

— Но вы ведь собираетесь спасти Глорию?

— Да.

Лейтенант Неслор повернулась и молча покинула его. Мэлтби смотрел ей вслед до тех пор, пока ее изящная фигура не скрылась в дальних дверях.

20

Нам известно, что на верфи этот корабль называли «Громоносцем». Девятьсот миллиардов отдельных частей были запущены в производство семьдесят пять лет назад в предвидении того, что сборка первого корабля будет завершена через семьдесят лет, после чего начнется серийное производство. И вот один из них захвачен нами!

(Из радиообращения Ральфа Ханстона)

Главный капитан, Глория Сесилия Лор, расположившись в одном из кресел приемного зала, напряженно слушала психолога. И только когда лейтенант Неслор закончила доклад, внимание Глории заметно ослабло. Однако когда Главный капитан заговорила, голос ее звучал резко.

— Так он действительно ничего не подозревает? Не понял, что «Звездный Рой» никогда не был захвачен? Не догадался, что это вы оглушили его там, в роще?

— О, подозрений у него предостаточно, — улыбнулась психолог. — Но как он мог догадаться об истине во всей ее полноте? Памятуя о нашем молчании, как мог он заподозрить, что триум-

фальное заявление Ханстона — лишь часть той смертельной игры, которую мы ведем в попытке уничтожить друг друга? Уже сам по себе факт, что Ральф Ханстон завладел земным линкором, делает истину практически непостижимой.

Глория с улыбкой кивнула. Мгновение она сидела, задумчиво сощурив глаза; меж неплотно сжатых губ виднелась полоска ослепительно-белых зубов. Это лицо выражало совсем иные чувства, когда Глория впервые услышала о захвате мезоделлианами земного корабля.

Каковы намерения Ханстона? Как он предполагает обойти тот факт, что имперский флот численно превосходит население Пятидесяти Солнц — считая и мужчин, и женщин, и детей?

— Несомненно, мезоделлиане послали корабль в Главную Галактику, как только услышали о нашем появлении, — медленно проговорила Глория. — И, конечно, если они в достаточном количестве попали на борт одного из наших кораблей — их уже ничто не могло остановить. Меня радует, — продолжала она гораздо оживленнее, — что капитан Мэлтби не заинтересовался, каким образам вы и еще тысячи членов экипажа скрылись, когда Ральф Ханстон совершил так называемый захват «Звездного Роя». Не удивляюсь,

что он не захотел иметь ничего общего с вашим безрассудным планом освобождения корабля. Главное же здесь то, что внушенная ему любовь ко мне заставит капитана проникнуть на борт захваченного Ханстоном линкора. Как только датчик, который мы спрятали на нем, покажет, что Мэлтби находится на корабле — мы приступим к действиям. — Она рассмеялась.

— Его могут убить, — заметила лейтенант Неслор.

Смех затих, оставив после себя легкую улыбку на лице Глории.

— Не забывайте, — продолжила психолог, — что ваша нынешняя неприязнь к капитану Мэлтби — лишь следствие осознания глубины чувства, которое вы испытывали к нему раньше.

— Возможно, — Главный капитан пристально смотрела на свою подругу, — вы и переусердствовали в своем рвении. Однако независимо от причин, я не желаю испытывать никаких других чувств, кроме тех, которые владеют мною сейчас. Учтите: при любых обстоятельствах я восстановлю свой прежний гражданский статус; мой развод с капитаном Мэлтби — дело окончательно решенное. Вам понятно?

— Да, госпожа Главный капитан.

Повсюду стояли корабли, корабли, корабли... — больше, чем Мэлтби когда-либо приходилось видеть на космодромах Кассидора. Несомненно, Флот Пятидесяти Солнц был демобилизован. Шеренги кораблей тянулись на север, на юг, на восток — насколько хватало глаз. Они лежали на опорах длинными, геометрически правильными рядами. Здесь и там, ломая мерный мертвый ритм ровных линий, возвышались ангары и ремонтные мастерские.

Однако большинство сооружений были подземными или, вернее, размещались под выложенной тонкими металлическими плитами равниной, напоминавшей море, подернутое легкой рябью.

Земной линкор лежал приблизительно в четырех милях от западных ворот. Расстояние, казалось, не уменьшало его. Колоссальный корабль угрожающе вздымался над горизонтом, господствуя над небом и над планетой; в отбрасываемой им тени тонули меньшие суда и районы простиравшегося позади него города. Ни на Кассидоре, ни где бы то ни было под Пятьюдесятью Солнцами не существовало ничего, способного хоть приближенно сравниться с этим кораблем по размерам, по сложности, по мощи. Даже сейчас Мэлтби все еще не верилось — неужели столь

несравненное оружие, машина, способная уничтожать целые планеты, захвачен хитростью, целым и невредимым попал в руки мезоделлиан? Что ж, ведь даже способ, примененный им самим при освобождении «Атмиона», доказывал, что это вполне осуществимо. Мэлтби с трудом отвлекся от бесполезных размышлений и решительно двинулся вперед.

Дежуривший у ворот офицер — симпатичный на вид нонделлианин — проводил его на территорию космодрома.

— В дверях этого здания установлен трансмиттер, сфокусированный на корабельный трюм. — Он жестом указал на сооружение, находившееся в сотне ярдов впереди и немного в стороне. — Так вы попадете на линкор. А теперь суньте в карман этот сигнализатор тревоги.

— Зачем?

— Вы ведь направляетесь на капитанский мостик, не правда ли?

Мэлтби кивнул; у него зародилась некая догадка, однако, не доверяя себе, он выжидательно молчал. Офицер продолжал:

— Постарайтесь как-нибудь добраться до контрольного пульта и отключить источники энергии, прервать связь, снять автоматические

экраны и так далее. И нажмите кнопку.

Догадка Мэлтби превратилась в уверенность. Внезапно Питер почувствовал, что идет по краю пропасти.

— Но к чему все это? — безучастно поинтересовался он.

— Решено попытаться захватить корабль, — последовал спокойный, почти холодный ответ молодого офицера. — Мы располагаем несколькими резервными трансмиттерами и готовы в течение часа перебросить на борт сто тысяч человек, уже сконцентрированных в нескольких районах. Независимо от исхода предприятия, в неразберихе боя ваши шансы скрыться вместе с женой возрастут. — Он помолчал и твердо закончил: — Инструкции ясны?

Инструкции? Вот оно как... Мэлтби по-прежнему числился в списках флота Пятидесяти Солнц, и они считали само собой разумеющимся, что он беспрекословно подчинится любым приказам.

Лояльность наследного лидера мезоделлиан, присягнувшего на верность Пятидесяти Солнцам и женатого на представительнице Земной Империи, являла собой проблему прежде всего этическую. В голову Питера пришла нелепая мысль: теперь не хватает только атаки уцелевших зем-

лян со «Звездного Роя» под предводительством лейтенанта Неслор! Самая подходящая ситуация для человека, чья голова и так идет кругом, причем с каждой минутой все быстрее. Нужно время, чтобы подумать и принять какое-то решение. К счастью, время у него есть. Он возьмет этот сигнализатор тревоги, а включать его или нет — подскажут обстоятельства. Сунув прибор в карман, Питер спокойно произнес:

— Да, инструкции понятны.

Две минуты спустя он уже находился на борту линкора.

21

.. Да, уничтожить Землю! Если перестанет существовать единственная планета, обитатели которой знали о рейде «Звездного Роя» в Большое Магелланово Облако, в нашем распоряжении окажется достаточно времени для развития своей цивилизации; в конце концов, после нескольких сот лет интенсивного роста популяции мезоделлиан нас окажется достаточно, чтобы взять в свои руки власть над Главной Галактикой.

(Из радиообращения Ральфа Ханстона)

Мэлтби очутился в пустой кладовой. Все идет слишком хорошо, чтобы быть правдой... Он быстро оглядел помещение. За все время пребывания на борту «Звездного Роя» ему не приходилось бывать здесь. Впрочем, у него никогда не имелось оснований, да и времени, бродить по закоулкам огромного корабля.

Питер быстро пересек переходную камеру трансмиттера и потянулся к клавише, нажатие на которую перенесло бы его из корабельного трюма на капитанский мостик. Но в последний момент, когда палец уже лег на клавишу, зако-

лебался.

Конечно, разумнее всего было действовать смело. Вся история войн учит, что сознательная смелость в соединении с бдительностью перевешивали на весах победы. Однако он ничего сознательно не планировал. Мэлтби бросил в бой свое второе, деллианское сознание и замер, мысленно анализируя собственные поступки — с того момента, как Ральф Ханстон спроецировал в его спальню энергетический шар — вплоть до внезапно объявленного решения флота Пятидесяти Солнц атаковать захваченный мезоделлианами земной линкор.

Пока Мэлтби предавался размышлениям, его вдруг осенило: неразрешимость проблемы в целом вытекала из ее многофакторной сложности. Деллианская часть мозга со свойственной ей отточенной логикой обычно без труда выстраивала факты в естественной для них последовательности. Но сейчас она оказалась слишком медлительной для анализа. Но не было времени раздумывать об этом. Мэлтби решил проникнуть в каюту Главного капитана, и осуществить это можно было одним-единственным способом. Резким движением он вдавил клавишу — и ступил в ярко освещенное помещение. В нескольких

шагах, пристально глядя на выход трансмиттера, стоял высокий человек с бластером в руке. Мэлтби узнал его, только когда прозвучали первые слова.

— Добро пожаловать, капитан Мэлтби, — звонким голосом произнес Ральф Ханстон. — Я ждал вас.

На этот раз сознательная смелость потерпела поражение. Мэлтби собрался выхватить из кобуры собственное оружие, однако намерением все и ограничилось. И прежде всего потому, что Мэлтби успел бросить взгляд на пульт управления, точнее — на сектор, ведавший автоматикой защиты внутренних помещений корабля. Там светился единственный отсек. Мэлтби осторожно шевельнул рукой — огонек замерцал, реагируя на его движение. Нечего было и думать воспользоваться бластером. Мерцающая на пульте лампочка лучше всяких слов указывала на крайнюю неблагоразумность появления здесь с оружием в руках.

Вздохнув, Мэлтби сосредоточил внимание на предводителе мезоделлиан. Прошло несколько месяцев со времени их встречи. Тогда Ральф Ханстон выглядел слабым — несмотря на всю свою напыщенную самоуверенность. Теперь все

иначе. Решительный и гордый — вождь до мозга костей.

— Вкратце ситуация такова, — начал он без предисловий. — Это не «Звездный Рой». Мое заявление было политическим маневром. Мы захватили этот линкор на одной из верфей Главной Галактики. Сейчас осуществляется захват второго линкора, и вскоре он окажется здесь. Затем мы предпримем неожиданную атаку на «Звездный Рой».

Из спасителя Мэлтби мгновенно превратился в простофилю. Еще миг назад он был преисполнен решимости встретить любую опасность, теперь же — мало чем отличался от осла, погнавшегося за морковкой.

— Н-н-о...

Прежде чем дар речи возвратился к Мэлтби, Ральф Ханстон снова заговорил:

— Кое-кто известил нас о вашем появлении. Вполне возможно, это была ваша жена. Скорее всего, за всеми ее поступками скрываются враждебные намерения. Мы, в свою очередь, готовы к любым неожиданностям. Здесь, на борту находятся десять тысяч мезоделлиан. Если ваше появление призвано послужить сигналом к атаке — она должна быть прекрасно организованной,

чтобы застать нас врасплох.

Слишком много новой информации! Однако мгновение спустя он вздрогнул, вспомнив о бойцах флота Пятидесяти Солнц, ожидающих сигнала ворваться на корабль. Питер собрался заговорить, но вновь сомкнул губы, когда деллианская память спроецировала на нонделлианское сознание подробности встречи с лейтенантом Неслор. Логические способности деллианского разума достигали недоступных человеку высот — он мгновенно установил связь между встречей с психологом и беспамятством, в которое впал вскоре после высадки на Кассидор. В долю секунды второй мозг изучил тысячи вероятностей и, получив, наконец, в свое распоряжение нужный ключ, сразу же сформулировал ответ.

Его должны были оглушить — чтобы переодеть. И в любую минуту, в любую секунду нечто, скрытое в его одежде, может сработать. Мэлтби бросило в жар, когда он представил себе последнюю схватку титанов — десять тысяч мезоделлиан против превосходящих сил экипажа «Звездного Роя» и сотни тысяч бойцов флота Пятидесяти Солнц.

Если только эти последние дожидаются его сигнала, Мэлтби спасет их уже тем, что не нажмет

кнопки врученного ему устройства. Он четко понимал, что сейчас нужно произносить какие-то слова, но сначала...

Сначала он должен убедиться, что костюм энергетически активен.

Мэлтби завел руку за спину и осторожно нажал — она вошла на четыре... шесть дюймов внутрь тела, при этом ощущая лишь пустоту. Он убрал руку. Костюм был прекрасно активирован.

— Мы планируем, — продолжал тем временем Ханстон, — уничтожить «Звездный Рой», а затем — и саму Землю.

— Что-о? — вырвалось у Мэлтби.

Он уставился на собеседника, внезапно ощутив, что со слухом у него творится неладное — в ушах громким эхом отдавался собственный голос, повторявший: «Уничтожить Землю!»

Ральф Ханстон холодно кивнул.

— Но Земля — центр Главной Галактики, — запротестовал Мэлтби. — Это резиденция правительства, это символ власти, это мозг всех планет трех миллиардов солнц. Это... — Он смолк. Его охватил страх — тем больший, что речь шла не о нем. — Вы с ума сошли! Вы не сможете осуществить ничего подобного! Это дезорганизует всю галактику!

— Именно, — Ральф Ханстон удовлетворенно кивнул. — У нас появится время. Даже если где-нибудь еще и знали о рейде «Звездного Роя», никто не свяжет его с катастрофой, и другая экспедиция не будет послана. — Он помолчал и продолжил: — Как видите, я с вами вполне откровенен. Вы, несомненно, заметили, что осуществление всего плана зависит от того, удастся или нет уничтожить «Звездный Рой». И в этом, — спокойно закончил Ральф Ханстон, — мы рассчитываем на помощь наследного лидера мезоделлиан.

В огромном зале воцарилась тишина. Неподвижно замерли экраны и индикаторы пульта; лишь единственный огонек рдел в глубоко утопленном тубусе, напоминая проблеск далекого маяка. Мэлтби стоял неподвижно, прислушиваясь к постепенно завладевающей сознанием мысли. Она была не нова и имела лишь косвенное отношение к только что высказанному требованию Ральфа Ханстона. Питер старался отогнать ее, но мысль все разрасталась, заполняя его разум. Рано или поздно ему придется занять чью-то сторону в этой борьбе трех могущественных групп. Он не позволит уничтожить Землю!

С огромным трудом Мэлтби, наконец, удалось отделаться от этих мыслей. Он посмотрел на

Ханстона и вздрогнул от удивления, встретив полный тревоги пристальный взгляд напряженно сузившихся глаз. Мэлтби уже собирался высказать язвительное замечание в адрес узурпатора, взывающего о помощи к человеку, чье место он занял. Но Ральф Ханстон опередил его:

— Откуда исходит опасность, Мэлтби? Как они собираются воспользоваться вашим появлением здесь? Вы должны знать!

Мэлтби едва не забыл об этом. Новая мысль зародилась в глубине его мозга. Собственно, много месяцев назад он уже сформулировал для себя решение проблемы Пятидесяти Солнц — решение, учитывавшее многие ее аспекты. Тогда Мэлтби не воспринял своей идеи всерьез — она показалась ему смехотворно-нелепой, ибо исходила из предпосылки, что один человек в состоянии убедить три враждующие группировки, даже навязать им на время свою волю. Сейчас пришло озарение — Мэлтби понял, как добиться этого. Но... В любой момент может сработать то, что они на него напялили.

— Это помещение! — выкрикнул он. — Если вам дорога жизнь — бегите отсюда! Немедленно!

Ральф Ханстон уставился на него, сверкая глазами. Он не казался испуганным.

— Здесь опасно из-за вашего присутствия? — поинтересовался он.

— Да. — Мэлтби слегка развел руки и вытянул шею, чтобы смертоносный луч не мог поразить его.

Но Ральф Ханстон не стрелял.

— Что-то здесь не так, — нахмурившись, сказал он. — Разумеется, я не могу позволить, чтобы командирская рубка линкора осталась в ваших руках. Следовательно, ваши слова равносильны предложению убить вас. Несущий в себе опасность должен умереть. Это очевидно — даже слишком. — И резко добавил: — В тот миг, когда я выстрелю, действие следящего за вами устройства будет нейтрализовано, и вы также сможете воспользоваться оружием. Вы этого добиваетесь?

Так оно и было.

— Беги отсюда, идиот! Беги! — вот и все, что смог выговорить Мэлтби.

Ральф Ханстон не двинулся, лишь лицо его слегка побледнело.

— Единственная опасность, какую мы в состоянии представить себе, заключается в том, что они как-то ухитрились доставить сюда выход одного из трансмиттеров «Звездного Роя». — Он

пристально посмотрел на Мэлтби. — Мы пока еще не в силах понять, как именно работают эти трансмиттеры, но одно знаем точно: трансмиттеры разных кораблей никак между собой не связаны. Они по-разному настроены и направлены, и эта изначальная настройка не поддается изменениям. Но вам должна была представиться возможность узнать секрет их действия. Откройте его мне!

«Откройте мне!» Теперь Питеру стало окончательно ясно: придется напасть на Ральфа Ханстона, невзирая на корабельную защиту. Поскольку рассчитывать приходилось лишь на собственные мышцы, следовало хоть частично отвлечь внимание противника. А для этого надо начать разговор.

Но какая ирония! Сумев при помощи своих технических экспертов правильно оценить природу грозящей им опасности, Ральф Ханстон теперь, ничего не подозревая, стоял перед человеком, костюм которого являл собой выходную камеру трансмиттера.

— В основном, нынешние трансмиттеры мало отличаются от тех, при помощи которых некогда появились на свет первые деллианские роботы, — сказал Мэлтби, — разве что в них используют-

ся некоторые оригинальные детали. Создатели роботов взяли за основу электронный образ человека и сотворили из органической материи его точное — в их представлении — подобие. Разумеется, где-то крылась ошибка, потому что деллиане никогда не являлись точными копиями людей, отличаясь от них даже физически. Из этих-то различий и выросла ненависть, пятнадцать тысяч лет назад приведшая к уничтожению «роботов». Впрочем, это все история. Ныне трансмиттеры материи сначала превращают тело в поток электронного излучения, а затем воссоздают его, используя процесс восстановления тканей. Сейчас осуществить этот процесс не сложнее, чем зажечь свет, щелкнув выключателем, и...

В этот момент Мэлтби бросился на Ханстона. Страх, порожденный сознанием того, что он находится под прицелом, исчез, потому что мезоделлианский лидер, подобно миллиардам людей до него, заколебался в критический момент — и проиграл! Выстрел прозвучал в тот момент, когда Мэлтби уже выкручивал сжимавшую его руку, — огонь бессильно разбрызгался по неуязвимому палубному настилу. Затем оружие выпало из рук Ханстона.

— Подлец! — прохрипел он. — Вы знали, что я

не смогу выстрелить в наследного лидера мезоделлиан. Предатель!..

Мэлтби ничего этого не знал. И не мог тратить времени на разглагольствования. Голос Ральфа Ханстона пресекся, потому что Мэлтби ухватил его голову и, сжимая ее, как в тисках, притягивал к своей груди — внутрь. Ральф Ханстон был настолько сбит с толку этим обстоятельством, что в решающий момент даже прекратил сопротивление. В этот миг Мэлтби и протиснул его сквозь трансмиттер — со стороны могло показаться, что прямо внутрь собственного тела.

Еще не успели исчезнуть из поля зрения извивающиеся ноги, а Мэлтби уже нетерпеливо рвал застежки костюма, затем сбросил его и сложил, следя, чтобы поверхности трансмиттера прилегали друг к другу. Подбежав к пульту управления, Питер отрегулировал антисвет так, чтобы тот работал на него, и произвел еще несколько корректировок. Минутой позже корабль принадлежал ему.

Оставалось только сообщить всем трем группировкам о его решении.

И еще... Глория.

22

Я был слегка разочарован реакцией на то, что сам искренне считал сенсационным открытием. Сообщение о том, что нон-деллиане не являются ни гуманоидами, ни роботами — даже в самом широком смысле слова, — а представляют собой прямых потомков людей, которые некогда помогли бегству первых деллиан, не произвело видимого впечатления: внимание всех было сосредоточено на других проблемах. Однако я не без оснований надеюсь, что со временем эта новость вызовет более благоприятную реакцию. Нон-деллиане ощутят большее родство с остальными человеческими существами. Деллиане поймут, что те, кто так долго позволял считать себя роботами, прекрасно осознавая, кем являются на самом деле, достойны уважения.

(«Послание самому себе» Питера Мэлтби)

Десять дней спустя на борту «Звездного Роя» заседал капитанский Совет. Очевидно, появлению Мэлтби предшествовала какая-то сцена, потому что к его приходу лицо Глории украшала натянутая улыбка, а взгляд был устремлен прямо

перед собой. Глядя на нее, Мэлтби догадался, что в последнюю минуту она попыталась предотвратить слушание — но безуспешно.

Заняв указанное ему одним из офицеров место, он стал ждать вызова, чувствуя некоторое напряжение. Мэлтби понимал, что лишь подлинно весомые аргументы могут обеспечить ему выигрыш, однако ставка в этой игре была столь высока, что заведомо стоила всех усилий — вложенных уже в эту борьбу, и тех, которые еще предстояло сделать. Он украдкой посмотрел на эту «ставку» — и поспешно отвел взгляд, встретившись с ее глазами, сверкнувшими отблеском льда. Глория поднялась и подошла к нему.

— Капитан Мэлтби, — сказала она низким голосом, — я прошу вас не давать хода этому иску.

— Ваше превосходительство, — Мэлтби пожал плечами, — для меня вы одинаково привлекательны — и в гневе, и в постели.

— До чего же вульгарно!

— Жаль, если мои слова показались вам вульгарными, — произнес Мэлтби. — Однако припомните — вы не всегда воспринимали их так.

Щеки госпожи Лор залились румянцем.

— Я не желаю вспоминать то, что сейчас мне неприятно, — чопорно проговорила она. — Если

вы настоящий мужчина, то не дадите хода этому иску.

— Надеюсь, вы по-прежнему считаете меня таковым в общепринятом смысле этого слова. Но я не понимаю, какое это имеет отношение к нашей любви.

— Настоящий мужчина не может принуждать к любви женщину, не испытывающую ответных чувств.

— Я хочу лишь возвращения естественной любви, от которой вы были искусственно избавлены.

Глория сжала кулаки, словно собираясь ударить.

— Проклятый космический крючкотвор. Хотела бы я... Хотела бы я никогда не пускать вас в нашу библиотеку!

Питер улыбнулся.

— Глория, дорогая, — доверительно сказал он, — слышал, вы сами достаточно хороший знаток космического права. Готов держать пари...

— Я не участвую в азартных играх, — холодно перебила она.

После всего случившегося ее слова звучали столь оскорбительно, что на мгновение Мэлтби даже утратил дар речи, потрясенный их явной

нелепостью. Затем вновь улыбнулся — еще шире.

— Дорогая, вы прекрасно знаете, как можно выиграть дело. Уверен, в глубине души вы желаете мне успеха и потому подсознательно не хотите припомнить некоего исключительно важного аргумента, способного принести победу вам.

— Никаких аргументов не существует, — возразила она. — Мы оба знаем закон. Так что вы умышленно мучаете меня этим разговором.

Внезапно на глазах у нее выступили слезы.

— Пожалуйста, Питер, оставьте это дело. Не невольте меня.

Мэлтби заколебался, пораженный страстностью ее мольбы. Однако он не собирался отказываться от своих намерений. Если эта женщина, избавленная от последствий искусственного воздействия на психику, не захочет его, то будет свободна.

— Глория, — произнес он серьезно и искренне, — чего вы боитесь? Себя? Не забывайте — последнее слово остается за вами. Право же, вы сознаете, что выберете меня, и мысль эта кажется вас сейчас отвратительной. Однако, освободив свою психику от следов искусственного вмешательства, вы, возможно, захотите сохранить

наш брак.

— Никогда. Неужели вам не ясно, что у меня останутся воспоминания об этом времени, о том, что меня вынудили... Неужели вы не понимаете?

И вдруг Мэлтби понял, что до сих пор смотрел на это дело с чисто мужской точки зрения. Женщинам все представляется иначе. Им необходимо выбирать спутника жизни без малейшей тени принуждения. Это открытие поколебало его непреклонную целеустремленность, однако он по-прежнему не мог заставить себя произнести слова, которые освободили бы Глорию.

Питер мысленно перебрал события последних десяти дней, воистину великие. Миллиарды людей пришли к соглашению! Первыми примирились с новой реальностью деллиане и нон-деллиане. Когда распространилась весть о том, что «Звездный Рой» не был захвачен мезоделлианами, а Земля с незначительными оговорками подтверждает свои прежние гарантии, правительство Пятидесяти Солнц публично заявило о своем согласии.

Решение проблемы мезоделлиан представлялось несколько более трудным. Поскольку их порывистый лидер, Ральф Ханстон, находился под арестом, подавляющее большинство их

как будто смирилось с поражением и приняло предложение Мэлтби. В своем обращении к обитателям тайных городов он говорил без обиняков. Развязав войну, они теперь должны быть удовлетворены тем, что получили равноправие и пропорциональное представительство в правительстве Пятидесяти Солнц. Деллиане могут заключать браки с нон-деллианами, и на протяжении нескольких поколений численность мезоделлианан неизбежно возрастет. Если в ходе естественного развития общества мезоделлиане законным путем займут главенствующее положение в мире Пятидесяти Солнц, Земля готова будет согласиться с этим. Законы, регулирующие подобные процессы, весьма либеральны и прозорливы. И только любая агрессия запрещается безоговорочно.

Вспомнив обо всем этом, Мэлтби горько улыбнулся. Были решены все проблемы — кроме его собственной. Он все еще пребывал в нерешительности, когда заседание наконец началось.

Три часа спустя, после непродолжительной дискуссии, развернувшейся между судьями, капитан Рутгерс зачитал решение:

— Закон относительно снятия искусственно наложенного психологического воздействия, не

распространяется на капитана Мэлтби, поскольку в момент применения к нему вышеуказанного воздействия последний не являлся гражданином Земли. Однако он распространяется на госпожу Лор, гражданку по праву рождения. Поскольку капитан Мэлтби, — продолжал он, — назначен постоянным представителем Пятидесяти Солнц на Земле, а также поскольку для госпожи Глории Лор эта экспедиция на боевом корабле является последней, никакие обстоятельства не препятствуют их браку. Исходя из вышеизложенного, — заключил он, — суд постановляет, что госпожа Глория Сесилия Лор должна быть подвергнута процедуре принудительного возвращения ей чувства любви к мужу.

Мэлтби бросил на Глорию быстрый взгляд, заметил слезы у нее на глазах и поднялся.

— Ваша честь, разрешите обратиться с просьбой.

Капитан Рутгерс предложил ему выйти вперед. Несколько мгновений Мэлтби молчал; наконец, с трудом проглотив застрявший в горле комок, заговорил:

— Я хочу избавить свою жену от необходимости подвергнуться этой процедуре, но при одном условии.

— При каком условии? — быстро спросила одна из женщин-капитанов.

— При условии, что в указанном месте она согласится провести сорок восемь часов, в течение которых я попытаюсь вновь завоевать ее любовь. Если к исходу этого срока ее нынешние чувства останутся неизменными, я буду просить отложить исполнение приговора на неопределенный срок.

— По-моему, это достаточно честно, Глория, — донеслось из зала.

— Это верх нелепости, — залившись румянцем, отозвалась Главный капитан «Звездного Роя».

Тем временем Мэлтби подошел к Глории и, наклонившись, тихонько проговорил:

— Это ваш второй шанс, Глория. Ведь первым, как я и предсказывал, вы не воспользовались.

— Не было никакого первого. Такой приговор был неизбежен, и вы это прекрасно знаете. — Она избегала его взгляда; по крайней мере, так казалось Мэлтби.

— Это основной закон супружеских отношений. Он старше космических путешествий, стар, как сама история человечества.

Глория уже больше не старалась смотреть мимо него. Она устремила на Мэлтби взгляд, в

котором медленно разгоралось понимание.

— Конечно же, — проговорила она. — Как я могла об этом забыть?

Госпожа Лор привстала, как бы собираясь продолжить спор, — и медленно опустилась обратно.

— Почему вы считаете, что у нас не может быть детей? — спросила она.

— От брака человека и мезоделлианина еще ни один ребенок не родился без искусственной помощи.

— Но, используя метод, о котором вы рассказывали...

— Никого нельзя принудить к этому, — ответил Мэлтби и терпеливо продолжал: — Глория, вам придется признать, что все время, пока суд не огласил приговор, этот довод оставался в вашем распоряжении. Это самая старая, а в иные времена — и единственная причина расторжения брака. Против нее нечего возразить. И все же, сидя здесь и добиваясь расторжения нашего брака, вы не подумали о ней. Лучшего подтверждения тому, что в глубине души вы нуждаетесь во мне, хотите остаться моей женой, нет. Все, чего я добиваюсь — это возможности остаться с вами наедине; и теперь я имею на это право.

— Эти сорок восемь часов, которые вы хотите провести вместе, — медленно начала она. — Где... — Глория осеклась; глаза ее расширились, она с трудом перевела дыхание. — Но это же просто смешно! Я отказываюсь участвовать в столь наивно-романтической затее. К тому же, S Дорады слишком далеко в стороне от нашего курса.

Мэлтби краем глаза увидел, что в зал вошла лейтенант Неслор; их взгляды встретились. Женщина почти незаметно кивнула. Мэлтби вновь посмотрел на Глорию. Он не испытывал ни малейших угрызений совести из-за того, что уговорил Главного психолога произвести коррекцию чувств Глории в момент оглашения приговора. Эта гордая красавица нуждалась в естественной любви — нуждалась больше, чем кто бы то ни было другой. Лейтенант Неслор понимала это не хуже его и потому немедленно и безоговорочно согласилась помочь. Зная, что Глория уже избавлена от неприязни к нему, — хотя для достижения полного эффекта и требовалось еще некоторое время, — Мэлтби сказал:

— Планета звезды S Дорады, на которую нас забросил шторм, находится всего в восемнадцати часах пути отсюда. Мы можем взять спасательный катер, а позже догнать «Звездный Рой», не

заставляя его отклоняться от курса.

— Уж не ждете ли вы, что там я сразу же брошусь в ваши объятия? — язвительно поинтересовалась Глория.

— Да. Будет именно так, — непререкаемо произнес Мэлтби.

Певец звездных трасс

— Ван Вогт... что я могу о нем сказать?.. Он — классик.

Харлан Эллисон

1

Большая часть научной фантастики так или иначе посвящена космическим путешествиям и относится к жанру «космической оперы» — словосочетанию, хорошо известному всем любителям фантастики. Альфред Ван Вогт, книгу которого вы сейчас держите в руках, наряду с Эдмондом Гамильтоном, Доком Смитом, Гордоном Диксоном, Айзеком Азимовым и Мюреем Лейнстером признан, одним из столпов этого жанра. Но что же такое «космическая опера»?

В 30 годы, во время Великой депрессии в США, вкусы диктовали радиопередачи. В то время радиостанции транслировали длинные сериалы — постановки в духе современных телесериалов мелодраматического содержания, которые получили названия «мыльных опер», так как финансировавшие их компании производили различные товары для дома, в том числе и ванные принадлежности, и требовали, чтобы реклама их товаров звучала в эфире. Чуть позже в среде литературных критиков родился термин «конная опера» — термин практически неизвестный нам, так как он относится к малопопулярному в

нашей стране жанру вестернов. А чуть позже, в 1941 году, из-под пера Вильсона Такера (популярный американский писатель-фантаст) появился термин «космическая опера» — как термин, обозначающий «серии грубоватых, тяжелых, вонючих, изнуряющих рассказов о космических кораблях». Ныне же этим термином называют повествования о космических путешествиях. Говоря же о «грубоватых...» и прочее сериях рассказов, Такер в первую очередь имел в виду третьесортные произведения, печатавшиеся в дешевых журналах, типа бесконечных Лендсменов Дока Смита. Позже термин «космическая опера» получил самое широкое распространение. И даже классическое «Основание» Азимова было названо «космической оперой».

Однако жанр «космической оперы» — естественно, в лучшем значении этого слова — сформировали различные по смысловой наполненности и объему произведения признанных мастеров фантастики. В первую очередь это рассказы Эдмонда Гамильтона (позже объединенные в роман «Разрушенные солнца», 1965, и роман «Извне вселенной», 1964), а также многочисленные повести о Капитане Будущее; роман Альфреда Ван Вогта «Путешествие космического

Бигля» (в русском варианте выходил под названиями «Путешествие Космической Гончей» и «Галактическая одиссея»; в основу романа легли первоначально самостоятельные рассказы, напечатанные в различных журналах с 1939-го по 1950-й и объединенные единым сюжетом только в 1950-м); роман «Миссия к звездам» (рассказы, 1943–1945; роман, 1952) и роман «Хозяева времени» (рассказы, 1942; роман, 1950). Хотя последний из романов равно можно отнести как к «космической», так и к «временной опере».

«Путешествие космического Бигля» Ван Вогта рассказывает о бесконечном странствии космического корабля, который летит в звездную даль, не имея определенной цели, — этакий прообраз Интерпрайзиза из «Звездного Пути». Первая часть романа — знаменитый «Черный разрушитель» — была первой повестью, опубликованной Ван Вогтом, произведением, с которым он вошел в литературу и которое очень высоко оценил Джон Кэмпбелл. Вторая и последующие составные части романа в равной степени посвящены загадкам космоса и нексиализма — фантастической системы психологического тренинга, предшественницы дианетики и сайентологии знаменитого Рона Хаббарда. «Проблемы, перед

лицом которых стоит нексиализм, являются всеобщими проблемами. Человек искусственно разделил познание жизни различными отраслями науки. И хотя он иногда произносит слова, которые как будто подтверждают его понимание единства природы, но продолжает вести себя по отношению к ней как варвар. Однако в первую очередь необходимо помнить, что нексиализм — набор технических приемов, который помогает преодолеть несоответствие между поведением человека и объективной реальностью». Во многом этот роман по стилистике напоминает знаменитые записки Чарльза Дарвина о кругосветном путешествии на бриге «Бигль», отсюда, собственно, и взялось название романа. И хотя астронавты посетили более тридцати планет, нексиализм помог им разгадать большую часть тайн, связанных с различными удивительными существами, обитающими в космосе, но их полет «в никуда» продолжается...

Однако начнем с самого начала...

2

Классик «космической оперы» Альфред Элтон Ван Вогт родился в 1912 году в Канаде, а в Соединенные Штаты переехал в 1944-м, после того как Джон Кэмпбелл назвал его классиком жанра, одним из авторов Золотого века фантастики. В то время Ван Вогт буквально затопил своими произведениями журнал «Поразительная научная фантастика» — «первой ласточкой» была уже упомянутая повесть «Черный разрушитель», вышедшая в 1939-м: на голой планете обитает разумный хищник, с которым вынуждены сражаться земные астронавты...

В 1944 году Ван Вогт женился на уже известной в то время писательнице Мэни Хилл. Совместно они написали несколько повестей и рассказов. Вообще же с 1939 по 1947 год только в журнале «Удивительная научная фантастика» было опубликовано более двадцати пяти повестей и рассказов Ван Вогта. Расширенные версии многих из этих произведений позже вошли в состав авторских сборников Ван Вогта, а некоторые стали фрагментами составных романов. Именно они снискали Ван Вогту славу мастера авантюрной,

захватывающей «космической оперы», поставив его в один ряд с Айзеком Азимовым, Робертом Хайнлайном и Теодором Старджоном. Именно этих четверых авторов выделил Джон Кэмпбелл, как тех писателей, благодаря которым научная фантастика, ранее публиковавшаяся только в тонких, мягких журналах, перешла на новый уровень. Поясним, что именно тогда в США и Англии стали выходить первые книги научной фантастики[1]. Рассказы Ван Вогта обладали яркой эмоциональной окраской и, кроме того, несли в себе присущие жанру сюжетные ходы и элементы повествования. В начальном периоде творчества Ван Вогта больше всего интересовали инопланетные твари (как разумные, так и нет), временные парадоксы и сверхъестественные возможности человека. Сам Ван Вогт из ранних своих рассказов выделяет следующие: «Прыжок зверя» (1940), «Оружейный магазин» (1942; первоначальная версия на основе которой в даль-

[1] Примечания: 1

Дело в том, что в США существует очень большой разрыв - по стоимости и престижности - между книгами в твердых и мягких обложках. При разнице в цене в пять, а то и шесть раз, книги в мягкой обложке, точно так же как и журналы, предназначены для разового прочтения, после чего их выбрасывают, книги же в твердом переплете предназначены для иной, более обеспеченной части населения, которая может позволить себе ставить книги на полку. Соответственно, издания в твердом переплете считаются более престижными.

нейшем был написан первый роман дилогии), «Шторм» (1943), «Рука богов» (1946), «Ко-о-о-о-от» (1947), «Чудовище» (1948). Последний из рассказов неоднократно издавался на русском языке. Избыточная сложность фабулы, которой в те годы прославился Ван Вогт, порой становилась причиной обвинений в нелогичности и абсурдности. На самом же деле все книги Вогта четко выверены и обладают своеобразной логикой сновидений. Один из величайших критиков научной фантастики Кингсли Эмис, характеризуя творчество Ван Вогта, ввел даже специальный термин «жесткие научно-фантастические сны».

Первым романом, опубликованным Ван Вогтом, стал «Слэн» (журнальная версия —1940; первое книжное издание — 1946; дополненное и расширенное издание — 1951). Главный герой романа — Джимми Кросс — мутант, член тайной организации мутантов, которая организует помощь человечеству. Существуя в мире обычных людей, он вынужден скрывать свои способности, в том числе и телепатические, и физиологическое отличие от людей (у Джимми два сердца). Именно эти особенности позволили Джимми пережить суд Линча, который устраивают над его семьей обыватели-ксенофобы и который приводит к

смерти матери Джимми. Позже главный герой вступает в борьбу с таинственным диктатором Земли, который хочет овладеть новым видом энергии. И сюжет делает новый поворот: выясняется, что девушка Джимми — дочь диктатора, а сам он оказывается мутантом-слэном. Вот краткая история мутантов, изложенная диктатором:

«... слэны — продукт естественного развития, а не последствия воздействия машин. Мы — очередная мутация и эволюция разума, следующая ступень развития человеческого существа... В течение всей истории человечества нарастала биологическая напряженность. А затем за одну четверть тысячелетия были зарегистрированы миллиарды случаев ненормального деторождения. Человеческая природа взбунтовалась... А после этого Землю захлестнула волна гражданской войны с нелюдями. Все попытки восстановить истину были залиты кровью. По Земле прокатились волны массовой истерии... И даже теперь тысячу лет спустя, люди ненавидят мутантов. В первые годы на слэнов охотились как на диких зверей. Сейчас даже невозможно себе представить, какую жестокость проявляли люди в обращении с теми, которых они считали ответственными за наступившие бедствия. По

существу, слэны не имели никакой возможности по-настоящему организоваться. Наши далекие предки использовали все: подземные убежища, хирургическое удаление лишних органов, пересадку сердец и прочее... Но все оказалось зря... И так продолжалось до тех пор, пока слэны не смогли организоваться...»

Однако большую известность получила дилогия Ван Вогта об оружейных магазинах. Первый роман этой дилогии «Оружейные магазины Эшера»[2] был составлен из отдельных новелл, опубликованных в журнале «Удивительная научная фантастика» в 1941–1942 годах; целиком, в переработанном виде, он был издан в журнале «Остросюжетные фантастические истории» в 1949 году и только в 1951 вышел в виде книги. Второй — «Оружейники» — был опубликован в журнале «Удивительная фантастика» в 1943 году, в 1946 вышла книга, а в 1952 году появилось расширенное и дополненное издание того же романа под названием «Один против вечности». Эта дилогия лишь подтвердила репутацию Ван Вогта как автора «жестких научно-фантастических снов».

---

[2] Примечания: 2

Не надо путать этот роман с одноименной повестью, которая вошла в различные сборники и антологии Ван Вогта.

Делая небольшое отступление, хочется сказать, что подобная литература, несмотря на сжатость повествования, относится к книгам «глазного нерва», то есть к произведениям, делающим в первую очередь упор на видеоряд. Соответственно, все эти произведения нуждаются в высокохудожественном переводе, чтобы российский читатель мог адекватно воспринять настроение автора, проникнуться духом гротескного сна. Увы, большая часть переводов Ван Вогта страдает полной безграмотностью, из-за чего порой завуалированная мысль автора либо исчезает вовсе, либо начинает напоминать невразумительный бред...

Но вернемся к «Магазинам Эшера». Оба романа дилогии посвящены истории оружейных магазинов, которые могут перемещаться во времени и пространстве и торгуют оружием, которое можно использовать лишь в оборонительных целях. Эти магазины своего рода организация, противостоящая официальной власти Земли, оппозиция, которая могла реально противодействовать власти. Создатель этой организации — бессмертный мутант Роберт Хедрок. Однако со временем элита Оружейников стала проводить собственную политику, и герою ничего не остается, как начать

борьбу с собственным детищем.

«Три тысячи лет существования Оружейных Магазинов доказывают, что у них нет намерения сбросить Имперское правительство... Оружейные магазины были основаны несколько тысяч лет назад человеком, который решил, что непрерывная борьба за власть — это безумие; что гражданские и другие войны должны быть прекращены навсегда. В то время только закончилась война, которая унесла жизни более чем миллиарда людей, и у основателя Оружейных Магазинов нашлись несколько тысяч последователей, которые согласились идти с ним до самой смерти. Его идея была — ни больше ни меньше — в том, что какое бы правительство не находилось у власти, оно не должно было быть сброшено. Система Оружейных Магазинов должна была установить такое положение вещей, при котором никакое правительство не могло установить полный контроль над своими гражданами».

Второй известной серией Ван Вогта стала трилогия о мире Нуль-А. Первый роман «Мир А» в сокращенном варианте увидел свет в 1945 году на страницах журнала «Удивительная научная фантастика», однако остался почти незамеченным, впрочем, как и многие другие литературные про-

изведения, вышедшие в тот год. Тогда Ван Вогт связал провал своей повести с политическими событиями в мире. В 1948 году издательство «АСЕ» выпустило чуть расширенную версию романа, которая тоже получила слабые оценки критиков, и только переработанная версия 1970 года, «Мир Нуль-А» была оценена по достоинству. Второй роман серии изначально увидел свет в том же журнале «Удивительная научная фантастика» в 1948–1949 годах под общим подзаголовком «Пешки Нуль-А», а в 1956 году вышел единой книгой под названием «Игроки Нуль-А». Третий же роман — «Нуль-А Три», написанный «по настоянию многих поклонников» Ван Вогт выпустил в 1984 году. Причем книга первоначально была напечатана на французском языке, так как главным заказчиком было одно из французских издательств. Ван Вогт даже написал специальное предисловие к французскому изданию, где очень благодарил своего друга и редактора Джакуиса Садони, который помогал ему в работе над французским вариантом романа.

Трилогия «Нуль-А» посвящена описанию мира неаристотелевой логики. Мир, основанный на принципах философского течения «общей семантики». Это течение зародилось в 1938 году

в Чикаго и в основу его была положена книга Альфреда Коржибского «Наука и здравомыслие» (1933). Генеральная семантика учит, что лишь ненормальное психическое состояние и отсутствие здравомыслия — причины восприятия людьми аристотелевой картины мироздания, основанной на двойном толковании некоторых аспектов бытия. Истоки этого Коржибский ищет в языковых структурах индо-европейских языков. Это же самое учение положено в основу сайентологии Рона Хаббарда. Ван Вогт же попытался создать мир, обитатели которого жили и поступали сообразно законам неаристотелевой логики.

Согласно Ван Вогту в 2560 году семантическая философия Нуль-А стала определять саму суть человеческого существования. Ежегодно во время игр Машины, сотни тысяч молодых людей и девушек конкурируют в течение месяца, стремясь стать «достойными Венеры». Малое число выигравших получает все лучшие вакансии на бирже труда Земли. И только кучка истинных победителей отправляется на сверкающую Венеру, где они становятся гражданами цивилизации Нуль-А. Гилберт Гроссейн — главный герой трилогии — испытывает сильное потрясение накануне Игр. Его выгоняют из отеля, потому что при про-

хождении теста на детекторе лжи оказывается, что он вовсе не Гилберт Гроссейн. Оказавшись на улице, главный герой спасает от бандитов молоденькую девушку, а потом выясняется, что она не кто иная, как дочь Президента Земли... И так далее, повествование закручивается в спираль невероятных событий. Невозможно перечислить все перипетии сюжетов трех романов, но, если в первой книге Гроссейн определяет свою собственную судьбу, то во второй — от него зависит судьба Солнечной системы, а в третьей ему предстоит разбираться с гостем из иной галактики. «Крутящиеся колесики, внутри которых другие крутящиеся колесики, внутри которых в свою очередь — третьи, — так охарактеризовал книги этой серии один из знаменитых российских критиков фантастики Велиамин Липмонович Кан. — Всякий раз, как читатель посчитает себя полностью разобравшимся в ситуации, Ван Вогт преподносит ему новый сюрприз, все оказывается намного сложнее, чем видится на первый взгляд».

Третьей серией Ван Вогта стала дилогия «Империя атома» (журнальный вариант — 1946–1947, книга — 1954) и «Волшебник из Лина» (журнальный вариант — 1950, книга — 1962). Очень высоко

оцененная Джеймсом Блишем, эта дилогия тем не менее является более утонченным вариантом «Слэна», где Ван Вогт выразил те из своих идей, которые по тем или иным причинам не нашли отражения в «Слэне». Кроме того, дилогия об Империи Атома (Линне) — во многом история будущего, где словно по мановению волшебной палочки возникают и исчезают империи, происходят переселения народов, восходят на престол и теряют власть правящие династии. После атомного холокоста Земля ввергнута в странный вариант варварства: люди могут строить космические корабли, но при этом, чтобы послать сообщения из одного города в другой, используют дымовые сигналы. И если в первой книге дилогии герой борется за выживание, то во второй главному правителю Земли приходится бороться не только с инопланетными захватчиками, но и против тайной организации, готовой в борьбе за «свободу» уничтожить правителя и залить кровью планету.

«... В Линне космические корабли существовали в культуре стрелы и лука. С другой стороны — передовая система перемещения и телепатия были общепринятой реальностью в простой землевладельческой цивилизации. Но чудеса

науки были частью обычной, банальной жизни. Какой-либо прием, если его запоминали и передавали из поколения в поколение — в этом не было ничего удивительного. Удивительным был сам способ. Однако такой образ жизни воспитывал предубеждения против всего нового. Из-за этого граждане Линна деградировали...»

3

Супруга Ван Вогта, писательница Мэни Хилл, всегда оставалась лишь едва заметной тенью своего мужа. В отличии от Эдмонда Гамильтона и Ли Брекетт, Генри Каттнера и Кэтрин Мур, Ван Вогт и Мэни Хилл не стали звездной парой. Первоначально оказав очень большое влияние на своего мужа (к тому моменту, как Мэни Хилл вышла замуж, она уже была довольно известной писательницей), творчество супруги Альфреда постепенно отошло на задний план. Всего ими были выпущено три совместно написанные книги: два сборника рассказов: «Из неизвестности» (1948, «Морская тварь и другие рассказы», 1970), «Планеты на продажу» (1954, в 1967 этот сборник вышел без разбиения на отдельные рассказы, со сквозной нумерацией глав) и роман «Крылатый человек» (1956). В первоначальной версии это была небольшая повесть, но со временем Ван Вогт доработал ее, убрав логические несоответствия, и в 1970 году роман вышел в полном варианте. Сюжет «Крылатого человека» довольно замысловатый.

Неожиданно над американской подводной

лодкой, совершающей боевой поход в 1943 году, появляется крылатый человек. С помощью машины времени он переносит подводную лодку в далекое будущее, в те времена, когда поверхность Земли превратилась в единый океан и на планете осталось только две цивилизации: цивилизация крылатых людей и цивилизация людей-рыб. Они ведут войну, и крылатые люди стали проигрывать, их летающий город едва ли не спущен с небес на Землю. В ответ крылатые люди вытащили из разных эпох различные суда с командами, которым предложили вступить в борьбу с рыбо-людьми. Однако в результате расследования, предпринятого капитаном субмарины, выясняется, что настоящие враги всех обитателей Земли — инопланетяне, которые хотят завоевать планету. В финале объединенные силы Земли уничтожают гнусных амфибий...

В целом же соавторство Мэни Хилл и Ван Вогта не сложилось, так как его супруга большей частью тяготела к «темной фэнтези» и была автором журналов, наподобие «Сверхъестественных историй». Например, супруги долго спорили относительно концовки рассказа «Не только мертвые». Это история о китобоях, которые во время Второй мировой войны столкнулись с

инопланетянами, чей корабль первоначально был принят на гигантского кита. После ряда недоразумений китобои попытались уничтожить чужаков, но им это не удалось. Вместо этого инопланетяне, в свою очередь, втянули китобоев в охоту на гигантское космическое чудовище, волею судеб попавшее на Землю. Но вот в результате совместной борьбы чудовище повержено. Союзники должны расстаться, однако в начале рассказа Ван Вогт упомянул о галактическом законе, гласящем, что ни один из недоразвитых туземных народов не должен знать о Галактическом Союзе. Как же быть?.. Супруга предложила Ван Вогту избавиться от своих героев. Они помогли межзвездному патрульному кораблю, теперь они не нужны. Можно их уничтожить. Но Ван Вогт не согласился. В финале инопланетяне из гуманных соображений усыпили китобоев и перенесли их на другую планету, снабдив всем необходимым...

После неудач совместного творчества каждый из супругов стал творить в одиночестве. Заметим, что ныне творчество Хилл оказалось полностью забыто, хотя она пыталась работать в соавторстве и с другими авторами. Тем не менее это никак не сказалось на их личных отношениях.

4

Все романы Ван Вогта можно разделить на два типа: склеенные (то есть собранные из различных частично переделанных рассказов) и цельные (то есть написанные по единому первоначальному замыслу). Первым из цельных романов стала «Книга Пта» (в 1943 году он в сокращенном варианте был напечатан в журнале «Неизвестное», в 1947 году вышла полная версия под названием «200000000 г. н.э.», а чуть позже, в том же году роман получил название «Пта»). «Книга Пта» — эпическая история далекого будущего, она повествует о возрождении (появлении в новой инкарнации) Бога и о том, как Бог вернул себе власть. Написанную в стиле «жесткого научно-фантастического сна», «Книгу Пта» можно рассматривать как предвестницу «Новой волны фантастики шестидесятых». Во многом этот роман послужил прообразом «Восставшей из Пепла» (1975) Танит Ли, которая позаимствовала не только интонации Вогта, но и некоторые сюжетные ходы. Но если героиня Ли мечущаяся, неуверенная в себе женщина, пытающаяся найти себя в варварском мире будущего, то герой

Вогта, как и свойственно героям фантастики того времени, самоуверен, он — супермен (или мутант, или бог), лишившийся памяти властелин, который победоносно шествует по Земле, верша праведный суд.

«Он был Пта.

Не он сам придумал это имя. Оно существовало в нем, было частью его, как тело и руки, как ноги и земля, по которой они ходили. Нет, последнее неверно. Земля не была часть его. Несомненно, имелась некая связь, однако весьма неясная и запутанная. Он был Пта, и он шел по земле, направляясь в Пта, возвращаясь в столицу Пта, в столицу его империи, после долгого отсутствия».

Гораздо интереснее оказалась следующая повесть Ван Вогта, написанная в том же ключе, — «Хозяева времени» (повесть вышла в журнале «Удивительная научная фантастика» в 1945 году; потом расширенным отдельным изданием «Хронобродяга» — в 1959-м; и уже в полном варианте как «Последняя крепость Земли» — в 1972-м). Будущее, где Землю сотрясают страшные войны, путешественники во времени, интриги, любовь и предательства — чего только нет в этой повести.

«Дом, который стоял» (1950, в полном варианте «Крик любви», 1960) — удивительное повест-

вование, получившее очень высокую оценку критиков, став одним из классических романов фантастики. Главный герой — обыкновенный обыватель, неожиданно замечает странный дом. Зайдя в него, он оказывается на космическом корабле (этот прием после Ван Вогта использовали многие писатели-фантасты), и выясняется, что мир находится на грани ядерной войны, которая должна уничтожить всех и вся. Герой так же обнаружил странных людей, живущих сотни лет и хранящих знания тысячелетий. Но эти люди не собирались спасать человечество. Они хотели сбежать от ядерного взрыва на другую планету, а потом, когда на Земле никого не останется, вернуться и захватить опустевшую планету...

Другие романы Ван Вогта, ставшие классикой Золотого века фантастики, условно говоря, составные, то есть они составлены из самостоятельных повестей и рассказов: «Измененные люди» (1952, позже этот роман вышел под названием «Миссия к звездам»), «Война против Рулл» (1959), «Зверь» (1963, «Лунный зверь»), «Поиски будущего» (1970). Все составные части этих произведений выходили в различных журналах научной фантастики в 1943–1946 годах. Но и после выхода романов часть из рассказов, которые Ван Вогт использовал

словно элементы мозаики, продолжали самостоятельное существование. Например, рассказ «Великая машина», опубликованный в 1943 году в журнале «Удивительная научная фантастика», стал первой частью романа «Лунный зверь» и тем не менее вышел в сборнике «Прочь и еще дальше» в 1964-м, а потом неоднократно издавался в различных сборниках Ван Вогта.

Кроме того, к этому периоду творчества относятся романы «Создатели вселенной» (1953), «Ментальная клетка» (1957). Первый роман — история простого парня Мортона Каргилла, который сел пьяным за руль, разбил машину, угробил свою попутчицу итем самым вовлек себя в круговорот самых фантастических событий. Погибшая женщина вскоре возвращается, и сообщает, что является посланницей Межвременной службы, которая своего рода психологический регулятор общества, а Мортон приговорен к смерти. Спасаясь от преследования, герой бежит в будущее, где вовсю идет война между несколькими расами... Второй роман — «Ментальная клетка» — повествует о том, как одному ученому удалось создать машину, которая может перемещать человеческий разум из одного тела в другое. В результате тело главного героя похищено, а сам

он оказался в теле немощного старика...

5

Роман «Силк» (журнальная публикация в американском журнале «Если» — 1964, книжная публикация — 1969) открыл новый этап в творчестве Ван Вогта. Много позже в предисловии к одному из своих сборников Ван Вогт писал: «Научная фантастика — литература, которую пишешь из месяца в месяц, а потом является кто-то и кричит: «Смотрите-ка, все изменилось! Вчерашний фантастический рассказ стал реальностью». Вначале мне это даже нравилось. Написать о том, что будет завтра. Но вот наступило завтра, а наши астронавты так и не добрались до Марса и Венеры... Пожалуй, именно тогда, когда я готовил к публикации «Силк», я понял: нужно пробовать по-настоящему заглянуть в будущее, а не переносить в грядущее проблемы настоящего».

«Силк» и стал первым таким взглядом Ван Вогта. Это история разумного космического корабля, который попадает в различные передряги во время выполнения разнообразных миссий. Впрочем, эта книга оказалась более традиционной для фантастики как жанра и лишенной фантастических грез.

Однако именно в этой книге родился Ван Вогт — философ, мыслитель, конструктор-социолог. Во многом виной тому дружба с Сэмом Локом — любителем фантастики, который долгое время прожил в Китае и заразил Ван Вогта идеями антикоммунизма. Первым из антикоммунистических романов Ван Вогта стала книга «Яростный человек» — шпионский боевик, появившийся в 1962 году; позже в 1972 году, после очередной встречи с только что вернувшимся из Китая Сэмом Локом, Ван Вогт написал роман «Тиранополис». Диктатор Лилдин держит Землю под стальной пятой. Правительство лишь контролирует научные изыскания, происходит постоянное наблюдение над населением. И в условиях этой тирании зарождается движение сопротивления, использующее принципиально новую систему связи, которой не требуется никакое обременительное оборудование. Гениальный ученый (тут Ван Вогт остается верен себе) создает передатчик и приемник прямо внутри головы любого человека, воздействуя на него определенным психотерапевтическим образом...

Тему антиутопий и тираний Ван Вогт продолжил в романах «Анархический колосс» (1977), «Ренессанс» (1979), «Компьютерный мир» (1983).

В первом из упомянутых произведений Ван Вогт рисует анархический мир, управляемый инопланетным компьютером, во втором — мир, где женщины стали доминирующим полом, а в третьем читателю предлагается история и вовсе созвучная оруэлловскому «1984». Роман, изданный в 1984 году, повествует об ужасном мире 1984 года, — гласит реклама, и что удивительно, в этот раз она совершенно права.

Заметим, что и в этот период Ван Вогт создает несколько романов привычным «клееным» способом. «Поиски будущего» (1970), «Более чем сверхчеловек» (1971), «Тьма над Диамондой» (1972), «Вечная битва» (1971), «Блеск будущего» (1973) — все эти книги более цельные, чем ранние произведения Ван Вогта, в них выверен единый сюжет, они не распадаются, как, например, «Лунный зверь», на отдельные, порой едва связанные между собой истории. Однако последние составные произведения мастера фантастики более слабые, чем первые его романы, поскольку Ван Вогт в душе все равно так и остался автором пятидесятых, нарисовавшим звездный мир так, как видели его в те годы. В чем-то, быть может, произведения Ван Вогта устарели, но прежде чем читать его, на мгновение представьте себе, что не

было «великого космического разочарования», охватившего всех, после того как первый человек ступил на Луну, что не были свернуты многочисленные космические программы — одна за другой. Представьте, что человечество сделало последующие шаги, и, освоив другие планеты, человек с легкостью шагает по галактике, переступая с мира на мир и оставив Землю на заднем дворе своей космической империи, и тогда вместе с героями Ван Вогта вы сможете пережить самые удивительные приключения, не раз спасая человечество, да и всю галактику...

Счастливого путешествия!

Александр Лидин

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА
(перевод Т. Алексеенко) 5
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ВОЙНА
(перевод Л. Смирнова) 89
СТРАННИК (перевод Л. Соловьевой)
Часть первая. Космический странник 221
Часть вторая. Законы бесконечности 350
РЕЙД К ЗВЕЗДАМ
(перевод Е. Монаховой) 435
А. Лидин. Певец звездных трасс . 571

Литературно-художественное издание

Ван Вогт Альфред
Рейд к звездам
Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина
Младший редактор А С. Рычкова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.05.01. Формат 84Х108 1/32. Печать высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 31,08. Тираж 10 000 экз. Заказ 1238.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005–93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953. П. 12850.7.00 от 14.07.2000 г

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район, п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84.
Наши электронные адреса WWW.AST. RU E-mail: astpub@aha.ru

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 007–98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие «Полиграфический комбинат имени Я. Коласа». 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Альфред Ван Вогт — один из ведущих авторов эпохи «золотого века» фантастики, писатель, удостоенный звания Великого Мастера Американской ассоциацией писателей-фантастов — и, пожалуй, самый своеобразный и оригинальный из фантастов знаменитого американского «довоенного поколения».

Произведения Ван Вогта, в каком бы жанре они ни были написаны — от «космической оперы» до антиутопии и «черной» утопии, – так или иначе объединяет одно: за увлекательностью «крепко сбитого», до предела «взвинченного» приключенческого сюжета здесь скрывается МЫСЛЬ. Мысль — иногда шокирующая, парадоксальная, иногда — иррациональная, почти нелепая, но всегда — ОТТОЧЕННАЯ. «Культ сверхчеловека» здесь превращается в своеобразный «антикульт», научный прогресс обращается против самого себя, «сумерки богов» носят черты не столько «нового витка эволюции», сколько извечного «конфликта поколений» — но МЫСЛЬ звучит, звенит, как натянутая струна, — и по-прежнему будоражит читательское воображение...

ISBN 5-17-004178-0

Альфред ВАН ВОГТ

РЕЙД К ЗВЕЗДАМ